

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И В МИРЕ

МАТЕРИАЛЫ III СЪЕЗДА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ

Москва, 10–12 сентября 2018 г.

Издательство Московского университета
2020

УДК 32
ББК 66.0
П50

Редакционный совет:

С. Г. Еремеев, А. П. Клемешев, Д. В. Маковская, О. В. Морозов, Ю. С. Пивоваров,
В. Н. Плигин, М. И. Рыхтик, В. А. Садовничий, А. В. Торкунов,
С. М. Шахрай, А. Ю. Шутов, В. И. Якунин

Редакционная коллегия:

В. А. Ачкасов, В. А. Гуторов, В. Ю. Зорин, В. И. Коваленко, И. И. Кузнецов,
А. В. Курочкин, З. Н. Осадченко, Л. Э. Слуцкий, А. И. Соловьев,
П. А. Цыганков, Е. Б. Шестопал, А. А. Ширинянц

Политическое образование в современной России и в мире : Материалы
П50 III Съезда Российского общества политологов (Москва, 10–12 сентября 2018 г.) /
Российское общество политологов ; сост. В. А. Соболев ; под общ. ред. А. Ю. Шу-
това, С. Г. Еремеева, В. И. Якунина, И. И. Кузнецова. — Москва : Издательство Мо-
сковского университета, 2020. — 418, [1] с. — Электронное издание.

ISBN 978-5-19-011567-3

В настоящий сборник вошли доклады и выступления участников секций и круглых столов, а также приветствия от официальных лиц и иные материалы III Съезда Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов».

Для политологов, историков, правоведов, философов, а также всех, кто интересуется политической наукой и современной российской политикой.

УДК 32
ББК 66.0

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
О III СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ	12
Приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина	14

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

<i>Кириенко С.В.</i> Стенограмма выступления	15
<i>Гуторов В.А.</i> Образовательная политика в историческом и философском измерении: некоторые аспекты теоретической интерпретации	23
<i>Соловьев А.И.</i> Политическая социализация и политическое образование: источники и векторы формирования гражданской активности	30
<i>Щербинина Н.Г.</i> Политическое образование между прошлым и будущим	36
<i>Baskerville St.</i> Civic education, Russia and the emerging global polarity	39

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Вилков А.А.</i> Преподавание политологии на негуманитарных факультетах вуза: проблемы и перспективы	46
<i>Дан-Чин-Ю Е.Ю.</i> О подготовке специалистов гуманитарных профилей в технических вузах	49
<i>Дринова Е.М.</i> Практический характер политической науки в современной России: образовательные и профориентационные стратегии	51
<i>Дроботушенко Е.В.</i> Специфика преподавания политологических дисциплин в периферийном вузе: проблемы и перспективы	52
<i>Жихаревич М.Е.</i> Политическое образование в российской постсоветской школе: образ гражданина	55
<i>Зуляр Ю.А.</i> Многопрофильная и многоканальная система политологического образования, инкорпорированная в региональный политический процесс (на примере истфака ИГУ)	57
<i>Ильин А.Ю.</i> Локальные практики общественного участия в политическом образовании	59
<i>Кирсанова Е.Г.</i> О взаимосвязи политологического и экономического знания на примере учебной дисциплины «Инновационная политика»	64
<i>Куценко С.В.</i> Направление «Публичная политика» в техническом университете: проблемы и перспективы	66
<i>Летуновский П.В.</i> К вопросу об изучении политологии в военном вузе	68
<i>Несолена А.К.</i> Политология как учебная дисциплина в техническом вузе	71
<i>Пинюгина Е.В.</i> Потенциал отечественного китаеведения для политической науки в России в условиях таких вызовов как сопряжение проекта «Один пояс, один путь» с ЕАЭС и разотождествление с Западом	72
<i>Попова Ю.В.</i> Политическая наука в российском вузе: между задачей изучать и целью преподавать и сохраниться	74
<i>Сеидов Ш.Г.</i> Применение методологии педагогического менеджмента в системе профессионального образования	77

<i>Столетов О.В.</i> Политологическое образование в России в контексте стандартизации политических профессий и формирования национальной рамки квалификаций	84
<i>Усалко О.В.</i> Проблемы и перспективы фундаментализации политического знания в образовании	87
<i>Чепель С.Л.</i> Преподавание учебной дисциплины «Сравнительная политология» студентам-политологам в вузах экономического профиля: особенности методологического подхода	88
<i>Черняховская Ю.С.</i> Профили «Политическая культура» и «Сравнительная политическая культура» как инновационный сегмент развития политологического образования в современной России	91
<i>Юрченко И.В.</i> Опыт реализации магистерской программы «Политическая конфликтология и проблемы обеспечения региональной безопасности» в Кубанском государственном университете	93

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РОССИЙСКАЯ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА

<i>Боровинская Д.Н.</i> Современные подходы к формированию политико-правовой культуры молодежи: региональный аспект	97
<i>Гаврилов С.Д.</i> Образовательные политологические проекты как фактор развития гражданской идентичности молодежи Юга России: опыт институционального взаимодействия	99
<i>Дергунова Н.В.</i> Проблемы сохранения гражданской и этнической идентичности российской молодежи в эмиграции	101
<i>Казанцев Д.А.</i> Политические трансформации и университетское политическое образование молодежи в конце XX и начале XXI века	104
<i>Керимов А.А.</i> Роль политического образования в формировании гражданской идентичности как фактора устойчивого развития общества.	107
<i>Кочетков А.П.</i> О повышении качества подготовки научно-педагогических кадров современной России	110
<i>Мизулин М.Ю.</i> Политическое образование: требование времени и условия реализации	112
<i>Саркисян О.Л.</i> Политологическое образование в контексте развития гражданской идентичности в Республике Армения	114
<i>Сорокин С.Э.</i> Университеты в политическом пространстве российских регионов в контексте реализации «третьей миссии»	117
<i>Шашкова Я.Ю.</i> Роль политического образования в формировании молодежного политического лидерства	121
<i>Щенина О.Г.</i> «Сетевой политический человек»: образовательная составляющая формирования	122

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Dr. Beatriz Bissio</i> An historical overview of the teaching of Political Science in Brazil	125
<i>Goeckel Robert F.</i> Fostering Civic and Social Engagement at the Liberal Arts College: The Experience of SUNY Geneseo.	132
<i>Емельянов А.И.</i> Политическое образование в государствах Латинской Америки	138
<i>Степанов В.П.</i> Меняющийся образ России в идеологических клише в системе современного образования в Республике Молдова.	140
<i>Тарасов И.Н.</i> Политическое образование в университетах Польши	142

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Бирюков С. В.</i> Системно-синерго-деятельностный метод в изучении современных международных отношений.	146
<i>Вакулова Т.В.</i> Цивилизационный подход в изучении и преподавании истории международных отношений.	148
<i>Михайлов И.В.</i> Российская оценка международной ситуации в посткрымский период .	151
<i>Мостяев Ю.Н.</i> Теории информационных войн в преподавании современных международных отношений.	153
<i>Черкасова Т.П.</i> Особенности преподавания мировой политики и международных отношений на разных уровнях политологического образования: компетентностный подход.	155

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ГРАЖДАН: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

<i>Абрамова М.Г.</i> Технократическая модель как демобилизационная альтернатива общественного развития и задачи политологического образования.	159
<i>Асеев С.Ю.</i> Анализ государственной деятельности по повышению электоральной активности молодежи, как одна из приоритетных задач политического просвещения	162
<i>Савенков Р.В.</i> Политическое просвещение граждан: в поисках эффективной технологии	164
<i>Ункуров Э.Ю.</i> Реализация государственной политики в сфере политического просвещения в Республике Калмыкия	166
<i>Шаповалов В.Л.</i> Формирование российского политического языка: проблемы изучения и преподавания.	168
<i>Щеглова Д.В.</i> Государственная политика в области политического просвещения: пропаганда или политический маркетинг?	171

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Алексашина М.Г.</i> Историческая сущность раннего английского радикализма в контексте преподавания истории социально-политических учений	174
<i>Артамонова Ю.Д.</i> Политическая коммуникация в цифровом обществе: новые теоретические модели в науке и образовании	176
<i>Барсенков А.С.</i> Интеграция России в мировое сообщество: эволюция концептов и их роль в современном политологическом образовании	178
<i>Белозёров В.К.</i> Возможна ли политология войны? Перспективы формирования раздела политической науки и новой учебной дисциплины	180
<i>Бобылев В.В.</i> Персоналистика в политических исследованиях и образовании	182
<i>Болдин В.А.</i> Изучение языка в контексте политического образования: история и современность	184
<i>Василенко И.А.</i> Формирование концепта «супер-интеллектуальное общество 5.0.» в политической науке XXI века: современные дискуссии и проблемы преподавания ..	187
<i>Гончаров И.А.</i> Трансформация современной либеральной идеологии как внешнеполитической стратегии: опыт формирования дидактических единиц.	189
<i>Жилкин А.Д.</i> Освещение основных этапов разработки Конституции России в курсе политической истории: конкуренция идеологических направлений и историческая истина.	191

<i>Завершинский К.Ф.</i> Дискурс патриотизма в социальном конструировании политической памяти современной России	194
<i>Заляев Р.И.</i> Вклад российских ученых в становление и развитие теории политического представительства: особенности исследования и преподавания	197
<i>Знаменский Д.Ю.</i> О системно-динамическом подходе к исследованию и преподаванию публичной политики.	199
<i>Кадочников А.Н., Ледовская Е.В.</i> Формирование экологической культуры и сознания граждан как важнейшая составляющая политического образования	201
<i>Карабущенко П.Л.</i> Концепция элитарного образования в диалогах «политик» и «государство» Платона	203
<i>Каринов Б.Н.</i> Консервативная традиция в истории политики и мысли: проблемы интерпретации и преподавания	210
<i>Кашина Е.А.</i> Энергетика и территориальное развитие в политической науке: проблемы изучения и преподавания	213
<i>Лагузова М.А.</i> Современный российский консерватизм в контексте политического образования: проблема консолидации	215
<i>Маковская Д.В.</i> Концептуальные аспекты южного вектора внешней политики России в преподавании истории отечественной политической мысли конца XIX начала XXI века	217
<i>Михайленок О.М.</i> Спектр политических идей современной России: консервативный либерализм и его презентация в политологических курсах	219
<i>Нечаев Д.Н.</i> Ключевые проблемы эффективности МСУ и муниципальных реформ в РФ в преподавании дисциплин государственного и муниципального управления в высшей школе	222
<i>Рогожина Е.М.</i> Политическое мифотворчество как особое направление в современной политической науке и образовании: теория и практика	224
<i>Селиванова Е.С.</i> Теория отраслевых политик в российской политической науке и образовании: проблематика государственной инвестиционной политики РФ	226
<i>Соболев В.А.</i> Вклад Ф.М. Бурлацкого в развитие политической науки и образования в России	229
<i>Сунь Цзыци.</i> Политический менталитет как предмет научного исследования и практического формирования: основные подходы в современной науке.	231
<i>Темирболат Б.Б.</i> Теория и практика демократии в условиях современных вызовов	234
<i>Федоркин Н.С.</i> Политическая социология и политический менеджмент в контексте пересечения предметных областей исследования и преподавания	239
<i>Хордецки Бартош</i> Место этимологических суггестий в пространстве исследований политического текста: проблемы интерпретации и преподавания	242
<i>Чанышев А.А.</i> О применении понятия «преступление против человечества» к политическому опыту национал-социализма: из опыта преподавания историко-политологических дисциплин	244

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Аль-Дайни М.А.</i> Психология международных отношений в системе профессиональной подготовки политолога-международника	249
<i>Ведерникова М.</i> Сотрудничество РФ и ЕС в политической науке как фактор восприятия России в европейских странах	251

<i>Ветренко И.А.</i> Перспективы развития гражданского общества в Омской области в контексте межсекторного партнерства в политической науке и прикладных исследованиях.	253
<i>Внукова Л.Б.</i> Значение национальной идентичности для студентов вузов Донецкой народной республики (на материалах пилотного исследования)	256
<i>Евгеньева Т.В.</i> Проблема политико-психологического исследования и преподавания проблемы национально-государственной идентичности.	259
<i>Жуков Д.С.</i> Политическая повестка дня в социальных медиа и самоорганизованная критичность: подходы к исследованию и преподаванию	260
<i>Зверев А.Л.</i> Исследование личностных компонентов молодого поколения обществоведческого экспертного сообщества в отечественной политической психологии	263
<i>Иванова М.Г.</i> Опыт исследования архетипов политической культуры в западной и отечественной школах	265
<i>Клиппенштейн Е.В.</i> Методология исследований электоральных настроений в Камчатском крае в образовательном процессе	267
<i>Овчарова О.Г.</i> Социальное неравенство на фоне консервативного поворота в современной России: опыт изучения и преподавания	270
<i>Пасс П.С.</i> Темпоральный фактор политического восприятия власти в исследованиях и образовании.	272
<i>Поцелуев С.П.</i> Когнитивно-идеологические матрицы национальной мобилизации: актуальность для политической науки и образования.	274
<i>Радина Н.К.</i> Политическая психология — образованию политтехнологов: правила взаимодействия участников дискуссий о политике на цифровых площадках.	277
<i>Селезнева А.В.</i> Теория и методология эмпирических исследований политических ценностей в российской и зарубежной науке	279
<i>Тимофеева Л.Н.</i> Политическая коммуникативистика: институционализация и развитие .	282
<i>Усманова З.Р.</i> Обучение студентов-политологов методологии исследования общественного мнения на примере продвижения непопулярных политических решений . .	285
<i>Шмелева О.Ю.</i> Репрезентация образа современного российского государства в проективных рисунках школьников и проблемы политического образования в РФ	289
<i>Шуликов А.О.</i> Опыт формирования профессиональных компетенций в области политической социологии при подготовке студентов по направлению «Государственное и муниципальное управление» (на примере ФГБОУ ВО КамчатГТУ)	293

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Азнагулова Г.М.</i> Политико-правовое образование в свете грядущего миропорядка	296
<i>Вершинина И.М.</i> Анализ экономических проблем и политологическое образование	297
<i>Головин Ю.А.</i> Вопросы национальной безопасности в программе обучения политологов	300
<i>Горбачев М.В.</i> Цивилизационное политическое проектирование в политической науке и образовании.	303
<i>Иванов О.Б.</i> Управление политическими интересами социального конфликта в политической науке и образовании.	304
<i>Комлева Н.А.</i> Система образования как структурный элемент системы обеспечения национальной безопасности	307
<i>Марков Е.А.</i> Информационные войны как объект политических исследований	310

<i>Мартынов М.Ю.</i> Политологическое образование в системе институтов гражданского общества как фактор обеспечения национальной безопасности	312
<i>Окунь М.В.</i> Направления совершенствования регионалистики в российском политологическом образовании как конструирующей составляющей национальной безопасности России (с использованием материалов курса “Varieties of Hegemony. Regional Orders and the Mechanics of Power in the World Regions” летней школы Университета им. Гумбольдта в Германии 2018 г.)	315
<i>Пашковский П.И.</i> Проблемы в реализации внешнеполитических функций Федерального Собрания Российской Федерации: вопросы изучения и преподавания	318
<i>Попова А.В.</i> Философия образования в цифровом обществе: новые угрозы национальной безопасности России.	320
<i>Самойленко П.Ю.</i> Проблемы исследования в политической науке современной российской политики «Разворота на Восток» в рамках развития и интеграции Дальневосточного региона: вызовы, тренды, возможности	323
<i>Сидорова Г.М.</i> Военно-политические конфликты как важный объект в политической науке и образовании	325
<i>Сиражудинова С.В.</i> Проблема изучения гражданского общества в политических исследованиях и образовании в России	327
<i>Труханов В.А.</i> Теоретико-методологические трактовки понятия национальной безопасности в политической науке, практике и образовании.	329
<i>Цыбаков Д.Л.</i> Милитаризация современной политики в теории национальной безопасности: проблемы научного осмысления и преподавания	332
<i>Юденков Ю.Н.</i> Вопросы изучения и преподавания аспектов финансовой безопасности в государственной политике	334
<i>Юрченко В.М.</i> Проблемы безопасности России в политологических исследованиях и образовательном процессе	337

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
ПОТРЕБНОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ»**

<i>Артамонова Ю.Д.</i> К вопросу о когнитивных механизмах исторической памяти	340
<i>Беспалова Т.В.</i> Российский цивилизационный опыт мемориализации культурно-исторического наследия	343
<i>Бубнов А.Ю.</i> Публичная историческая память и борьба интерпретаций коллективного прошлого в политическом сегменте Рунета.	345
<i>Габеркорн А.И.</i> Концепт патриотизма в политике исторической реальности.	347
<i>Казаринова Д.Б.</i> Дискурсы памяти, «похищение истории» и миграционные вызовы современным обществам	349
<i>Петровичева Е.М.</i> Роль Истории Отечества в формировании гражданской позиции молодежи	351
<i>Подшибякина Т.А.</i> Официальный нарратив исторической политики как инструмент конструирования исторической памяти.	353
<i>Черняховский С.Ф.</i> О концепции государственной политики исторической Памяти	356

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «МЕСТО И РОЛЬ ЭТНОПОЛИТИКИ
В СИСТЕМЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»**

<i>Жаде З.А.</i> Религиозная идентичность как объект политологического анализа	360
--	-----

<i>Рамазанова Ф.М.</i> Бельгийская модель интеграционной политики мигрантов в политическом образовании	363
<i>Толкунов Н.С.</i> Особенности изучения и преподавания этнополитики в контексте формирования общегражданского самосознания	365

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЭЛИТОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ»

<i>Капто А.С.</i> Элиты в контексте политической этики	368
<i>Каряпкина Ю.Д.</i> Элитологический подход в анализе российской политической действительности.	376
<i>Кононов Р.В.</i> Роль изучения внешнеполитического фактора в политической науке и исследованиях, связанных с изучением демократического транзита авторитарных политических режимов	378
<i>Михеев В.А.</i> Команда как элитная страта в политике и управлении в современной России в контексте политологического образования.	381
<i>Сельцер Д.Г.</i> Трансформация локальной элиты постсоветской России (1991–2018): подходы к созданию объяснительной модели	382

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

<i>Барсуков А.М.</i> Роль образования и публичной дипломатии в развитии евразийской интеграции	386
<i>Большаков А.Г.</i> Фактор учебной миграции как элемент образовательной политики на евразийском пространстве (региональный аспект)	388
<i>Волох В.А., Суворова В.А.</i> Образовательная иммиграция в современной России и мире: проблемы и возможные пути решения	391
<i>Калиш Я.В.</i> Мягкая сила: образование как драйвер евразийской интеграции.	394
<i>Христолюбова Н.Е.</i> Образование, как элемент общей институциональной среды евразийского пространства	397
<i>Худоренко Е.А.</i> Проблемы формирования образовательной политики на евразийском пространстве	399
<i>Черевык К.А.</i> Политика Армении в сфере образования инвалидов	402

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ»

<i>Бойко И.В.</i> Разрушение системы международного разделения труда и новая геополитическая роль России	405
<i>Иванов В.Г.</i> Суверенные кредитные рейтинги как глобальный инструмент внешнеэкономического и политического влияния и в условиях глобальной экономической нестабильности	407
<i>Шургалин И.А.</i> Демократизация в глобальном контексте: о применимости теории космополитической демократии	410
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.	410

ПРЕДИСЛОВИЕ

Формирование темы и повестки дня очередного съезда Российского общества политологов (далее - РОП) всегда представляет собой процесс и результат коллективного творчества. Причем в ходе такой работы и на уровне Президиума и Совета РОП, и в региональных отделениях всегда звучат предложения учитывать не только особенности состояния политической науки, развитие методологии исследований, но и обращать внимание на актуальный политический контекст, связанный с публичной политической повесткой общества в нашей стране и в других странах, динамику мировой политики. Как правило, эти предложения всегда находили поддержку среди коллег и позволяли планировать работу научной части съезда РОП, моделировать дизайн секций и круглых столов. Особенностью темы, которая стала основной для III съезда РОП, можно считать ее высокую актуальность и востребованность как для российского социума в целом, так и для политологического сообщества в частности.

Действительно, проблематика политического образования давно поднимается отечественными и зарубежными специалистами в связи с самыми различными аспектами социально-гуманитарного знания: от вопросов воспитания и социализации в современном обществе до возможностей политической науки влиять на подготовку и принятие решений, роли экспертных структур в процессе управления. Но, тем не менее, предметное и глубокое обсуждение состояния и перспектив политологического образования не всегда становилось основным приоритетом больших научных форумов. Кроме того, стоит отметить активное проявление взаимного интереса к данной проблематике как со стороны экспертного сообщества, так и со стороны государства, властных институтов. Такое совпадение намерений исторически не всегда появлялось в российском обществе. Были примеры и директивного идеологического управления в сфере общественных отношений, и выдвигания на первый план в процессе политического просвещения тех или иных отдельных социальных групп, стремившихся выступить в роли носителей особых ценностей, идей, агентов изменений.

Особенностью сегодняшней ситуации можно считать возрастание разнообразия в социуме, появление все новых идентичностей и сложных процессов их взаимодействия, где государство не всегда успевает реагировать на вызовы новых конфликтов, вынуждено постоянно искать новые подходы к обеспечению социальной интеграции. Граждане страны сегодня могут получить все возрастающие объемы информации о политической сфере, развитии тех или иных процессов в государстве. Не всегда такая информация позволяет адекватно ориентироваться в политическом процессе и принимать решения, но, тем не менее, поскольку нет жесткого контроля информационной среды, появляются новые формы политической коммуникации, формируются сетевые структуры политического взаимодействия. В то же время, «старые» институты представительной демократии (парламент, политические партии, выборы) в настоящих условиях выглядят уже не так убедительно, доверие к ним в обществе относительно невелико, а желание активно сотрудничать проявляется лишь периодически и не всегда в рамках предлагаемых партиями программ и решений. Более того, значительный масштаб социальной энергии сегодня в России представлен в экологическом движении, волонтерстве (добровольчестве), организациях и просто инициативах неравнодуш-

ных горожан в защите памятников истории и архитектуры и многих других. Большая часть таких движений находятся вне партийно-политических структур, а это значит, что они не представлены или недостаточно представлены в сфере законотворчества и принятия решений.

Стремление государства активно участвовать в политическом образовании и просвещении сегодня может быть связано с нарастанием враждебности в отношении нашей страны, политикой различных незаконных рестрикций, санкций. Но пока действия в этой сфере направлены в основном на выстраивание контроля за политическим дискурсом и электоральной активностью. По-видимому, требуется нечто большее: систематическая работа по политическому просвещению, развитию разнообразных форм гражданского участия, партнерства государства и общественных организаций, формирование отношений и духа солидарности в обществе. Для этого необходимо сделать еще очень много. Участники съезда поделились своим видением этих и многих других вопросов и предложили интересные решения, которые могут существенно укрепить российское общество.

О III СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ

III Съезд Российского общества политологов состоялся 10–12 сентября в г. Москва. Тема Съезда — «Политическое образование в России и в мире» — обусловлена необходимостью анализа актуальных проблем современной политической науки, связанных с возможностями развития ее образовательных и просветительских функций в условиях новых вызовов и угроз российскому обществу.

В работе мероприятий Съезда приняли участие ведущие ученые-политологи России и зарубежных стран, представители органов государственной власти, общественных организаций и бизнес-структур. Общее количество участников достигло 657 человек, было заявлено более 400 докладов и выступлений. Работа Съезда проходила в рамках 8 секций и 8 круглых столов.

СЕКЦИИ:

1. Политическая наука в системе высшего образования России: проблемы и перспективы.

Со-модераторы: Коваленко Валерий Иванович, Курочкин Александр Вячеславович

2. Политическое образование как вектор развития гражданской идентичности: российская и мировая практика.

Со-модераторы: Зорин Владимир Юрьевич, Кочетков Александр Павлович

3. Зарубежный опыт политического образования.

Со-модераторы: Демчук Артур Леонович, Комплеев Антон Вячеславович

4. Современные подходы в изучении и преподавании мировой политики и международных отношений.

Со-модераторы: Цыганков Павел Афанасьевич, Лебедева Марина Михайловна

5. Государственная политика в сфере политического просвещения граждан: возможности и ограничения в условиях российского политического плюрализма.

Со-модераторы: Якунин Владимир Иванович, Соловьев Александр Иванович

6. История идей и политическая теория: проблемы, достижения, перспективы.

Со-модераторы: Ширинянц Александр Андреевич, Гуторов Владимир Александрович

7. Политическая психология и политическая социология: опыт исследований и преподавания.

Со-модераторы: Шестопап Елена Борисовна, Тимофеева Лидия Николаевна

8. Национальная безопасность и политологическое образование: вызовы для современной России.

Со-модераторы: Суворов Владимир Леонидович, Усманов Рафик Хамматович

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

1. Политика исторической памяти в современной России: образовательный потенциал, мировоззренческие потребности и стратегические цели.

Со-модераторы: Шутов Андрей Юрьевич, Комплеев Антон Вячеславович

2. Международный круглый стол «О концепции Кодекса о выборах и референдумах в Российской Федерации».

Со-модераторы: Шутов Андрей Юрьевич, Демчук Артур Леонович, Авакьян Сурен Адибекевич

3. Система государственного управления в условиях цифровизации: новые подходы и соучастие граждан.

Со-модераторы: Еремеев Станислав Германович, Майоров Арсений Валерьевич

4. Место и роль этнополитики в системе политологического образования.

Со-модераторы: Зорин Владимир Юрьевич, Ачкасов Валерий Алексеевич

5. Элитология в системе современного политологического знания.

Со-модераторы: Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, Капто Александр Семенович, Понеделков Александр Васильевич

6. Образовательная политика на евразийском пространстве.

Со-модераторы: Кротов Михаил Иосифович, Худоренко Елена Александровна

7. Политическая глобалистика: основные направления исследований в условиях глобальной неопределенности.

Со-модераторы: Костин Анатолий Иванович

8. Политическое просвещение и профессиональная самореализация молодых политологов: в поисках путей социальной мобильности

Модератор: Селезнева Антонина Владимировна

На пленарном заседании было произнесено **официальное приветствие** от Президента Российской Федерации В.В. Путина.

С докладами **на Пленарном заседании выступили** Первый Заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.В. Кириенко; Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Э.А. Памфилова; Со-председатель Российского общества политологов, декан факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова А.Ю. Шутов; заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова А.И. Соловьев; декан школы управления Пекинского университета Юй Кэпин; заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета В.А. Гуторов; профессор Института политологии Геттингенского университета Петер Шульце; профессор кафедры политологии философского факультета Томского государственного университета Н.Г. Щербинина; профессор Колледжа имени Патрика Генри Стивен Баскервилль (США) и Президент Российской ассоциации политической науки О.В. Гаман-Голутвина.

Результатом плодотворной работы Съезда стало **принятие соответствующей резолюции**, содержащей основные выводы и рекомендации.

ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНА

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10.09.2018 г.

№ Пр-1650

Москва, Кремль

Участникам, организаторам и гостям III съезда Российского общества политологов

Уважаемые друзья!

Приветствую вас на III съезде Российского общества политологов.

Ваш форум объединяет большое число участников из многих регионов страны и зарубежных государств, укрепляет свой авторитет как востребованная площадка для открытого, конструктивного диалога учёных, преподавателей высших учебных заведений, политических аналитиков, историков.

В центре повестки нынешнего съезда – вопросы, связанные с развитием современной политической науки, совершенствованием её образовательных и просветительских функций. Отмечу, что сегодня политологи, представители других гуманитарных специальностей активно участвуют в экспертизе ключевых государственных решений, парламентской, законопроектной деятельности. Их позиция важна при оценке сложных проблем внутренней и международной повестки. И конечно, значим ваш взгляд на тенденции развития гражданского общества, институтов демократии.

Убеждён, что насыщенная программа и представительный состав участников позволят вам на самом высоком уровне обсудить эти и другие, не менее серьёзные отраслевые проблемы, обменяться практическим опытом.

Желаю вам успешной работы и плодотворных дискуссий.

В.Путин

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ КИРИЕНКО С.В.

Уважаемые коллеги!

В первую очередь, позвольте мне выполнить почетное поручение нашего Президента В.В. Путина и зачитать приветствие участникам, организаторам и гостям Третьего съезда Российского общества политологов.

Уважаемые друзья, приветствую вас на Третьем съезде Российского общества политологов! Ваш форум объединяет большое число участников из многих регионов страны и зарубежных государств, укрепляет свой авторитет как востребованная площадка для открытого конструктивного диалога ученых, преподавателей высших учебных заведений, политических аналитиков и историков. В центре повестки нынешнего Съезда — вопросы, связанные с развитием современной политической науки, совершенствованием ее образовательных и просветительских функций. Отмечу, что сегодня политологи и представители других гуманитарных специальностей активно участвуют в экспертизе ключевых государственных решений, в парламентской и законопроектной деятельности. Их позиция важна при оценке сложных проблем внутренней и международной повестки. Конечно же, важен ваш взгляд на тенденции развития гражданского общества и институтов демократии. Убежден, что насыщенная программа и представительный состав участников позволят вам на самом высоком уровне обсудить эти и другие, не менее серьезные, отраслевые проблемы и обменяться практическим опытом. Желаю вам успешной работы и плодотворных дискуссий. Президент России В.В. Путин.

Я, коллеги, очень рад иметь возможность присутствовать на таком представительном съезде, тем более здесь, в стенах легендарного Московского государственного университета. Должен сказать, что моя сопричастность Московскому университету началась несколько раньше — первый раз я попал в его стены, когда мне было два года, поскольку отец защищал здесь кандидатскую диссертацию, и мы жили в общежитии. С детства связь с университетом осталась, как и огромное уважение к МГУ. Если вы позволите, организаторы просили меня несколько выйти за регламент только приветственных слов, и просили выступить, раз уж съезд проходит сразу после завершения основной части избирательной кампании. Этот год у нас вообще богат на политические события, и, если Элла Александровна меня простит за злоупотребление вниманием, если это интересно для гостей съезда, я готов выполнить просьбу организаторов.

Начать хотелось бы с того, что этот год для российской политической науки богат и на юбилеи: 30 лет введению политологии в перечень академических и учебных дисциплин, созданию первых кафедр и факультетов в ведущих вузах, 20 лет первому в постсоветской истории конгрессу Российской ассоциации политической науки, 10 лет факультету политологии МГУ. Как я понимаю, 20 лет еще и факультету политологии МГИМО, но в первоизданном виде он до настоящего момента не дожил, трансформировавшись. Это все важные события, и хотя понятно, что для истории Московского университета, как уже обсуждали, десять, двадцать лет — это миг, но для развития отечественной политологии это серьезный и важный этап. Сегодня российская по-

литология — это сложившееся профессиональное сообщество, неотъемлемая часть мировой науки, это ведущие научные школы и важнейший вклад, как подчеркнул наш Президент, в реальные процессы, происходящие в управлении страной. Я скажу несколько слов о политической повестке, — своеобразные вести с полей практической политики и политических технологий, если позволите.

Главное событие этого года — это прошедшие президентские выборы, и они дали несколько очень важных результатов, осмысление которых продолжается и сегодня. В первую очередь, это, конечно, высочайший уровень консенсуса и поддержки действующего президента страны — впервые в истории за действующего президента страны проголосовало больше половины граждан, имеющих избирательное право. То есть все разговоры о легитимности, все упражнения с перемножением явки на число голосов с последующим выводом о том, что в итоге «это меньше 50%», на котором строится обсуждение достаточной или недостаточной легитимности, — эти выборы завершили такие дискуссии, поскольку представили феномен, когда за действующего президента проголосовало более половины избирателей.

При этом, во-вторых, стоит отметить невероятную явку — 68% активно участвующих граждан на фоне разговоров о том, что интерес к политике пропадает, что политика перестает быть реальной, что она не отвечает запросам граждан. Такой уровень явки на президентские выборы — тоже феномен, и мы понимали, конечно, что сразу столкнемся с обвинениями в административном ресурсе, в технологиях подвоза избирателей, — но их пресекли многочасовые очереди на избирательных участках за пределами Российской Федерации. Всем понятно, что ни в Лондоне, ни в Тель-Авиве, ни в Париже, ни в Нью-Йорке или Таиланде никто на избирательные участки не подвозил автобусами, никакого административного ресурса там не было и близко, — а картина многочасовых очередей, которые растягивались на несколько кварталов, и людей, которые до четырех часов стояли, чтобы проголосовать, стала той новой реальностью, которую показали эти президентские выборы. Высокая явка в крупных городах — из той же серии; нам говорили, что это невозможно, классические выборы в том же Нью-Йорке показывают цифры в 22–25%, и на таком фоне явка в Москве и Санкт-Петербурге в районе 60% — это показательные эффекты последних выборов.

Очень высокий уровень участия молодежи — и с точки зрения активности, и с точки зрения поддержки действующего президента. Понятно, что нам сложно вычленить голосование молодежи, поскольку голосование анонимно, — но выводы мы делаем на основе экзит-полов, которые проходили на соответствующих участках, да и, кроме того, в стране есть некоторое количество очевидно «молодежных» участков, которые находятся в студенческих городках, в общежитиях. Удивительный, приятный и необычный результат — принято считать, что действующую власть больше поддерживают люди старшего поколения, — но на упомянутых «молодежных» участках процент голосов, поданных за действующего президента, был выше, чем на участках, где преимущественно голосовали пенсионеры и люди старшего поколения.

Стоит отметить активную работу и кандидатов, и партий в интернете — и, конечно, большой, колоссальный объем работы по совершенствованию избирательного законодательства, которую провели сотрудники Центральной избирательной комиссии и лично Элла Александровна Панфилова; пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить их. Произошла либерализация законодательства, были сняты все ограничения по доступу наблюдателей, убрали искусственные помехи, не позволявшие наблюдателю, например, в течение дня голосования переходить между участками, что немаловажно для малых партий. Конечно, внимания заслуживает и тотальное видеонаблюдение и

видеозапись, которые позволили очень быстро снять все споры по поводу нарушений или их отсутствия. Еще одна важнейшая вещь, сделанная ЦИК, — это чистка т.н. «мертвых душ» в списках, этого ресурса для потенциальных злоупотреблений. Прделанная здесь колоссальная работа — это не только вопрос абсолютной чистоты и законности одних выборов, это важнейший задел на будущее, ведь «мертвые души» никоим образом не могут вернуться назад.

Конечно, отметим эффект «мобильного избирателя» — у нас же, знаете, было такое крепостное избирательное право, когда гражданин не мог проголосовать нигде, кроме того места, где он прописан, и участка, к которому прикреплен, а ведь жизнь становится мобильнее, и люди нередко живут не там, где они прописаны. Когда ЦИК запускала этот механизм, рассчитывали, что им воспользуется 500 тысяч человек, ну может, 700 или 800, но никак не больше миллиона, — в реальности же им воспользовалось более пяти с половиной миллионов человек, и люди от нас этого уже буквально требуют. Были смешные прецеденты — например, в Рязани подвыпивший москвич требовал, чтобы ему дали проголосовать за С.С. Собянина, устроил скандал, и тот аргумент, что это региональные выборы, следовательно, открепиться на Рязань от Москвы пока никак не получится, не очень убеждали — он все равно настаивал и требовал возможности проголосовать. Это оценка людей, она говорит о том, что новации и изменения — это вполне работающие инструменты.

Важнейший эффект, самый главный результат прошедших президентских выборов — высочайший уровень доверия граждан России к законности и легитимности выборов. На старте, перед началом избирательной кампании, доля людей, отвечавших на вопрос «считаете ли вы, что выборы в России проходят честно» положительно, была ниже 50%; более того, обычная история с избирательной кампанией заключается в том, что процент этот еще и падает, потому что много взаимных претензий, поливания грязью и так далее. У нас же уровень доверия приблизился к 80% — стартовали с 44–45%, закончили с 77–78%; это, повторюсь, важнейший результат с точки зрения развития нашего гражданского общества и политической активности граждан.

Выборы, прошедшие в это воскресенье, были, с одной стороны, всего лишь региональными, — но с точки зрения массовости и объема работ, доставшегося той же ЦИК, это колоссальная нагрузка. Выборы проходили в 70 регионах страны, было проведено 4757 избирательных кампаний, распределена 31 тысяча мандатов на всех уровнях власти. Было понятно, что после феноменальной явки президентских выборов будет электоральная усталость — в Москве, например, в сентябре прошлого года были муниципальные выборы, в марте — президентские, сейчас — выборы мэра... Понятно, что мы ждали усталости. А ее не случилось. Москва, например, показала явку в 31%; напомним, что в 2012 году, на выборах с огромным числом самых разных кандидатов, с арестами некоторых участников и выпуском их перед голосованием, словом, с максимальным привлечением внимания, явка была 32% — почти тот же уровень достигнут и сейчас. В среднем по стране явка составила почти 40%, что для региональных выборов очень солидно: для региональных кампаний, особенно выборов в законодательные собрания, стандартно отставание по явке на 18–20% от выборов в Государственную Думу, это классика, можно сказать. В 2016 году на выборах Думы явка была 47% — соответственно, и уровень в 28–29% явившихся избирателей был бы допустимым результатом, реально же на участки пришло 39%, а на некоторых участках и в некоторых регионах — выше даже 50%. Это говорит о высокой активности.

При этом прошедшие выборы показали высокий уровень конкуренции. У нас 26 губернаторов замещало посты, четверо из них избирались законодательными со-

браниями, а 22 на открытых выборах, — и было заявлено 102 кандидата. На выборах шестилетней давности в этих же регионах было 107 кандидатов, словом, почти то же количество, — а значит, все разговоры о том, что есть какие-то непреодолимые препятствия для конкуренции на региональных выборах, попросту не обоснованы. Кстати, наличие вторых туров на губернаторских выборах — лишнее тому подтверждение. Конкуренция есть, порой она бывает весьма жесткой.

Высокий уровень партийной конкуренции показывает и количество непарламентских партий. Довольно часто приходится слышать, что у них нет шансов попасть в органы власти, — это не так. По итогам прошедших в этом году выборов непарламентская партия «Коммунисты России» вошла в законодательные органы в пяти регионах, «Патриоты России» — в Кемеровской области, «Родина» — в Ненецком автономном округе, «КПСС» — во Владимирской области, «Российская партия пенсионеров за справедливость» — в Смоленской области, «Партия пенсионеров России» — в Забайкальском крае. Там, где даже малые партии реально развернули работу, они прошли и получили поддержку избирателей. Высокий уровень конкуренции доказывают и споры, даже судебные иски от одних партий к другим, — это говорит и о росте правового сознания, пусть все эти дела и замучили ЦИК. Кстати, показательно, что инициатором таких исков никогда не была «Единая Россия», — как правило, оппозиционные партии боролись друг с другом: в Забайкальском крае «Родину» снимали по иску ЛДПР, в Ярославской области — «Парнас» по иску ЛДПР и «Патриотов России», «Яблоко» по иску «Коммунистов России», партия «Великое отечество» в Ненецком автономном округе — по иску «Коммунистов России», «Коммунистов России» снимали в Калмыкии по иску КПРФ, «Партию социальных реформ» в Якутии по иску «Справедливой России».

Все это говорит о высокой конкуренции, как и большое количество наблюдателей. У нас были электоральные эксперты из Германии, Франции, Бельгии, Испании, Италии, — президентские выборы вообще поставили рекорд по числу иностранных наблюдателей, нигде и ни у кого в мире таких показателей не было. Самое главное — растущее число российских наблюдателей, тут стоит поблагодарить Общественную палату — она, как и региональные Общественные палаты, смогли в результате изменений в законодательстве направлять наблюдателей, их было почти сто тысяч, на региональных выборах — 30 тысяч, и это резко повышает доверие, исключает любые разговоры о возможных нарушениях на выборах.

Интересно, что особенностью кампаний стало, увы, и большое количество, извиняюсь за сленг, «фейков» на выборах. Абсолютное большинство сообщений о нарушениях было фейками или ложью, но даже при этом количество жалоб по стране было в три раза меньше, по Москве — в десять раз меньше. Интернет начинает активно использоваться как пространство для сознательных провокаций: во Владимире было опубликовано видео о вбросе на участке 51 в деревне Лизуново, но те, кто это делал, в одном ошиблись — они выложили это видео в 7:20, а голосование началось только в 08:00. В Хабаровском крае распространялось видео вброса на участке 627 в селе Синда — проблема была в том, что в период президентских выборов тот же ролик распространялся «МБХ-медиа» как нарушение в Иркутске. В Москве выдавалось за нарушение видео с участка 2342, но когда туда прибыли наблюдатели, оказалось, что это совершенно другой участок. Какой — неизвестно, правда. Журнал «Tjournal» опубликовал видео о нарушении на участке 807 якобы в Москве — выяснилось, что это действительно имевшее место нарушение, но только в 2016 году и в Нижнем Новгороде. За «карусель» или «двойное голосование» на участке 1982 выдавали голосование братьев-близнецов. В Ульяновской области «МБХ-медиа» со ссылкой на КПРФ сообщали о фальсификациях на выборах

губернатора — только вот в Ульяновске 9 сентября не проходили губернаторские выборы. Про курьез в Рязанской области с требованием проголосовать за мэра Москвы я уже рассказывал. Были и реальные случаи, но на них мы реагируем жестко — в Бурятии возбуждено уголовное дело по попытке фальсификации зампреда участковой комиссии, в Ульяновске председатель УИК №2701 написал заявление о попытке его подкупа кандидатом в депутаты от КПРФ. Проверка проводится.

Главное, что я хотел бы сказать о прошедших сейчас выборах, — то, что удалось сохранить достижение прошедшей президентской кампании: высокий уровень открытости, честности, прозрачности и легитимности голосования. Все участники признают, что они были еще легитимнее, еще честнее, чем предыдущие кампании, что было видно даже по числу жалоб. Выборы проходили в крайне сложных условиях для «Единой России», для партии власти, — в стране только-только прошло обсуждение изменений в пенсионной системе, понятно отношение к этому большинства людей. Мы посмотрели мировой опыт, действительно, ни в одной стране мира ни разу после повышения пенсионного возраста партия власти побеждала бы на следующих выборах. Это почти невозможно. В реальности же «Единая Россия», надо отдать должное, честно приняла на себя всю открытую дискуссию, не пряталась от нее, обсуждала в региональных парламентах, на десятках тысяч встреч с избирателями, объясняла причины, приводила аргументы, — тому же было посвящено беспрецедентное обращение нашего президента. Все это накладывалось на прогнозы результатов по выборам — рейтинг «Единой России» падал максимум на 22% со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Выборы, вместе с тем, закончились, во-первых, безусловной победой тех кандидатов в губернаторы, которые были назначены временно исполняющими обязанности, начиная с октября 2017 и весны 2018 г. Это принципиально важная поддержка Президента, поддержка его кадровой политики, — мы хорошо понимаем, что здесь был вызов, ведь Президент, принимая решение о назначении врио, руководствовался, в первую очередь, профессионализмом и опытом этих людей, а не местом их прописки, не принципом принадлежности к региональной элите. Целый ряд больших и сложных регионов принял людей, никогда в этих субъектах федерации не работавших, — тут и Новосибирск, и Кемерово, и Магадан, и Псков. В абсолютном большинстве регионов Президент принимал решение о направлении людей профессиональных, квалифицированных, но люди эти были «варягами», шли разговоры, что их не поддержат. Выборы показали, что для людей важен профессионализм, важен настрой и лидерские качества назначенных руководителей; сказывается и доверие Президенту и к его кадровым решениям, — очевидна и поддержка политики Президента по назначению достаточно молодых людей. Целый ряд назначенных и подтвердивших свои полномочия на выборах губернаторов молоды — тридцать, тридцать с небольшим лет. Из 22 губернаторов, которые выбирались, четверо получили поддержку выше 80% — и это после поддержанных регионами дискуссий по пенсионной системе, налоговых изменений, связанных с колебаниями мировой экономики и негативно воспринимаемых людьми, а иначе-то они восприниматься и не могут. В этом смысле колебания рейтингов показывают, что политическая система живая, она реагирует, она работает — если бы после принятия таких решений не было падения рейтингов, можно было бы говорить, что политическая система не работает. Возвращаясь к губернаторам: четверо получили поддержку более 80%, пятеро — выше 70%, шестеро — более 60% поддержки. Это показательная, крайне показательная история.

С точки зрения результатов «Единой России» — это тоже, конечно, абсолютно убедительная победа. По всем пяти округам, где «Единая Россия» выставляла своих

кандидатов на довыборах в Государственную Думу, она победила — а средний процент мандатов, которые «Единая Россия» получила на выборах в региональные законодательные собрания, по партийным спискам составил 49,9, то есть все 50%, а по одномандатным округам — 70%. Итого в среднем — 60% голосов; в тринадцати из шестнадцати законодательных собраний это чистая победа, когда одним только списком обеспечен контроль представительного органа, еще в одном собрании такой контроль обеспечен одномандатниками, и только в двух случаях «Единой России» потребовалось создать альянс с другими партиями для получения контроля. По выборам в городские советы такая же картина: по партийному списку 44%, всего 59,5% — также обеспечен контроль по всем городским советам, числом двенадцать. Честная, открытая победа «Единой России», когда они обсуждали любые, самые сложные вопросы. Такие вот показатели доверия — и при абсолютном приоритете законности; думаю, у тех, кто внимательно следил за выборами, следил за различием процентов и вторыми турами, никаких сомнений в этом нет.

Это первые итоги. Мы, безусловно, будем признательны вам за ваш анализ и оценку, с позиций уже политической науки. Я позволю себе только одно суждение, понимая, что люди, занимающиеся фундаментальной политологией, часто со скепсисом и пренебрежением относятся к так называемым политтехнологам, считая их не учеными, а ремесленниками — политтехнологи отвечают тем же, считая науку чем-то абстрактным, — мне кажется, что было бы правильным сближение позиций. Было бы очень важно, чтобы ученые, занимающиеся исследованием и преподаванием общественных наук, активнее бы принимали участие в политических кампаниях, а людей, связанных с ними, привлекали бы к собственным исследованиям. Не опираясь на практику, в политической науке есть риск стать чем-то абстрактным — а не поддержанные фундаментальной наукой политтехнологи, в общем, не будут иметь шансов на развитие и будут деградировать.

Вызовы, которые сегодня встают перед политической наукой, довольно многочисленны, их ставит сама жизнь. О некоторых из них я хотел бы сказать.

Жизнь стремительно меняется — происходит изменение технологий, то, о чем говорят как о технологической революции. Казалось бы, конкуренция должна повышать роль естественных наук и технологий, но та конкуренция, которая идет здесь и сейчас, — это конкуренция знаний и идей, а значит, главным конкурентным преимуществом страны является человеческий капитал. Люди. А если это так, то гуманитарные и социальные науки не могут занимать второстепенное положение, потому что без сознания, без мировоззрения, без устремлений, эффективных стратегий и тактик управления, без знаний, которые несут, в том числе, и собравшиеся здесь люди, успех России в будущем просто невозможен. Нельзя ограничиваться и стенами только профильных факультетов — я знаю, что кафедры общественных наук, политических исследований кое-где начинают даже сокращать, и мне кажется это ошибочной стратегией, я бы, может, пользуясь присутствием Виктора Антоновича, руководящего Российским союзом ректоров, попросил бы провести с коллегами соответствующий разговор. Нам крайне важно, чтобы соответствующими знаниями обладали и математики, и химики, и физики, и технологи — сферой глобальной конкуренции становится, в первую очередь, стратегическое проектирование, а это предмет ваших исследований, вашей деятельности. Тут нужны «большие данные», Виктор Антонович правильно это заметил, — но не меньше нужны и большие проекты, нужны проекты, меняющие будущее, формирующие новый его образ.

С точки зрения исследовательской части также есть серьезнейшие исследования как перед социальными науками, так и перед политологией как фундаментальной дисциплиной, требующие осмысления, глубокой проработки. Некоторые я обозначу, это вещи, в которых мы все заинтересованы. Это влияние технологической революции на решения в сфере политики, в т.ч. в сфере принятия решений о технологических новациях, затрагивающих основы общества. Это то, что называется диджитализацией, т.е. переносом всех процессов в пространство Интернета, — появляется даже термин «виртуальная политика» или «виртуализация политики», требующий серьезного отношения и исследования. Более того, пространство Интернета позволяет делать все более адресные, все более таргетированные обращения уже даже не к малым социальным группам, а к индивиду как таковому, — формировать индивидуальное послание каждому человеку с учетом его интересов, предпочтений, запросов и лайков в глобальной сети. Это вызов и кардинальное изменение всех политических и технологических процессов — но это и огромные, уникальные возможности для обмана и манипуляции. Получая такое индивидуальное сообщение, человек относится к нему с кардинально другим доверием — это, например, было масштабно применено, когда распространялась жуткая ложь о числе погибших при пожаре в «Зимней вишне», когда были массовые рассылки через мессенджеры, чтобы иначе воспринималась информация, дополненная фальсифицированной аудиозаписью, имитирующей звонок из горящего здания и задыхающийся голос. Огромное число людей поверило этому, только потом сложным образом мы выяснили, как это готовилось, как использовалось с территории других государств, — ведь Интернет открывает и такие возможности. Он открыт и с этой точки зрения. В мире есть разные возможности совершенствования законодательства, но полностью ограничиться и огородиться невозможно — это вызов, с которым надо работать.

Еще один вызов, еще одно следствие перехода в интернет-пространство — это то, что называется молодежная политика или, как бы это удивительно ни звучало, даже детская политика. Хотелось бы от этого отмахнуться и сказать, что это ерунда, — но ведь по факту все это уже происходит, какие-то вещи зашиваются уже на уровне образов героев детских компьютерных игр. Большая часть таких игр, приходящих к нам в страну, почему-то показывает военнослужащих российской армии не очень приятными людьми — конечно же, это не случайность, и совсем не мелочь. Было бы иллюзией считать, что это просто так само сложилось. Это реальная работа, тут бессмысленно возмущаться, призывать к порядочности и совести — это пространство политической борьбы, к нему нужно и соответствующим образом относиться.

К этому же относится и то, что связано с политикой исторической памяти, даже «войнами памяти», символической политикой, связанной с вопросами репутации, образа целой страны. Мы видим, как скандалы, конфликты, формирующиеся в мире, вроде бы не наносят прямого ущерба, но имеют фундаментальную цель нанесения ущерба образу и репутации — имеющую в долгосрочной перспективе свои серьезные последствия, позитивные ли, негативные ли, но быстро превращающимися из нематериальных в материальные, из виртуальных в реальные. Здесь есть и еще один момент, еще один вызов, в том числе для науки, — это угроза манипуляции в интернет-пространстве, в том числе политической манипуляции, основанной на таргетированной информации, доверительности. Взять хотя бы вмешательство в выборы — коллеги, это реальность, и мы на своих выборах это видим; часто, как в известной пословице, тот, кто громче всех кричит о нарушениях, за ними и стоит. Бессмысленно призывать тут к отсутствию

двойных стандартов — это пространство борьбы, это использовалось, используется и будет использоваться после нас, информация будет поступать, здесь вопрос и вызов к системе образования и воспитания, вопрос достаточной зрелости и внутренних ценностных ориентиров, которые позволяли бы человеку, и прежде всего молодому человеку, самостоятельно реагировать на поступающую информацию и делать обоснованные, правильные выводы.

Это ставит еще одну тему, которая есть в вашей повестке, — это политическая социализация, роль образования, преподавателей общественных наук, авторов учебников в политической социализации молодежи и гражданском образовании. Мы нередко рискуем потерять молодое поколение уже на стадии школьного образования, и хотя я знаю, что появился целый ряд хороших учебников, но здесь мало учебников. Важно усиливать кооперацию систему образования, высшего и среднего образования, развивать совместные проекты, примеры которых уже есть, в том числе в части повышения квалификации преподавателей средней школы. Коллеги, мы живем в эпоху высокого спроса на развитие и пожизненное образование, в т.ч. гражданское образование — это совместная задача сообщества преподавателей общественных наук и возрождающегося общества «Знание».

Я знаю и хорошо понимаю, что многие здесь присутствующие, слушая то, о чем я говорю, думают про себя, что все это, конечно, здорово, но без соответствующей государственной поддержки, в т.ч. материальной, такие исследования не сделаешь — и всерьез работу не организуешь. Безусловно, я с этим согласен. Пришла пора подправить здесь ситуацию, мы находимся на этапе обсуждения различных инициатив, я буду признателен и за ваши идеи, рекомендации предложения, — для реализации имеющихся задач мы говорим о необходимости сформировать, помимо Российского фонда фундаментальных исследований, дополнительный грантовый фонд по общественно-политическим наукам, который поддержал бы значимые исследовательские направления и образовательные проекты именно в этой сфере. Мы могли бы стимулировать исследовательскую деятельность студентов, молодых специалистов, авторитетных профессионалов по перспективным направлениям, в т.ч. подчеркнутым сегодня, предложенных мной или вами, и это можно было бы сделать распределением грантов в общероссийском или региональном масштабе. Должны быть два уровня грантов, также фонд мог бы содействовать развитию политологического образования, в т.ч. за счет конкурсов на гранты для авторов лучших учебников, лучших кафедр, лучших молодых преподавателей или лучших студенческих работ. Фонд должен быть призван развивать различные современные образовательные форматы, например, стимулировать проработку университетского политологического образования в среднее гражданское образование, развивать совместные региональные проекты в духе «Будущие обществоведы и политологи — обществу», к которым можно привлекать и студентов. Хорошо, если будет предусмотрена возможность для молодых ученых и преподавателей наставничества со стороны ведущих и авторитетных политологов, можно создать и поддержать проекты, способствующие развитию профессиональной мобильности через стажировки и обмен опытом, как это сделано в конкурсе «Лидеры России», проводимом для управленцев по решению Президента. Аспиранты из регионов могли бы получать консультации ведущих специалистов, можно было бы также поддержать площадки профессиональных дискуссий, профессиональные журналы, способствовать распространению информационных материалов и дайджестов по новым публикациям и тенденциям мировой политологии. Думаю, мы в состоянии сформировать такой фонд в этом году, наполнить его необходимыми средствами, собрать к концу года за-

явки через открытый конкурсный механизм с экспертизой самого профессионального сообщества и запустить грантовое финансирование с 2019 года. Прошу вас в кулуарах съезда доработать такое предложение и через организаторов направить нам ваши идеи и рекомендации.

Большое спасибо, уважаемые коллеги, еще раз хочу пожелать съезду плодотворной работы.

Гуторов В.А.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ
И ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В речи, произнесенной в 1954 г. в Американской ассоциации политической науки, Ханна Арендт вполне справедливо отмечала, что «большая часть аутентичной современной философии содержится в интерпретациях великих текстов прошлого» [13, р. 431]. В определенном смысле можно утверждать, что и сегодня области философии образования, несмотря на огромное количество гипотез и теорий, классическая образовательная традиция, зародившаяся в Древней Греции, составляет «интеллектуальное ядро», являющееся основой большинства современных интерпретаций.

Обсуждение самой проблемы взаимосвязи политики и образования на теоретическом уровне уходит историческими корнями в древнегреческую полисную традицию. Впервые оно обнаруживает себя в уникальной по своим масштабам и культурно-политическим последствиям деятельности политического союза, созданного Пифагором в Кротоне в конце VI в. до н.э. [2, с. 100–125]. Но приоритет в разработке парадигмальной основы европейской философии образования принадлежит, конечно, Платону и Аристотелю. Именно Аристотель впервые сформулировал классический принцип «чистой политики», отождествляя ее с идеей ротации. Реализация принципа — «чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся» — должна обеспечить в конечном итоге создание условий, когда рядовые граждане, получившие общее образование, будут принимать участие в принятии решений «не в меньшей мере», чем эксперты (Arist. Pol. III 11, 3 1287a 16–20).

О том, что аристотелевский «принцип ротации» вплоть до наших дней принимается в качестве основы европейской традиции демократической политики и образования, свидетельствует следующее рассуждение Мортимера Адлера, одного из ведущих западных теоретиков образования: «Ни одной другой форме правления нельзя отдавать предпочтения перед демократией из-за [ее] недостатков, поскольку все другие формы правления подвержены тем же самым слабостям, в то время как лекарства для них могут быть найдены в политической демократии. Лекарством от некомпетентности правителей при политической демократии является образование людей с целью выполнения ими своих обязанностей в качестве граждан и в качестве должностных лиц... Постепенное предоставление всем равного доступа к школьному образованию и достаточное количество времени для досуга и обучения в зрелые годы будет также способствовать тому, что каждое воспитанное человеческое существо (все за исключением неизлечимо слабоумных и больных) станет образованным до такой степени,

когда он или она смогут быть настолько же хорошими гражданами, чтобы также разумно использовать его или ее право голоса, как и всякий прочий...» [5, р. 120–121; 6].

Для Аристотеля не существовала проблема «образования взрослых» в современном ее понимании. В VII книге «Политики» он отмечает, что проблема различия управляющих и управляемых внутри гражданского коллектива решается самой природой: более старшие по возрасту граждане естественно предназначены для управления, более младшие по природе должны быть управляемыми. В определенном смысле, правители и управляемые одновременно и тождественны, и различны. Соответственно, «образование также должно быть в определенном смысле тождественным и в определенном смысле различным, поскольку они говорят, что тот, кто должен управлять, сначала должен быть под началом кого-то» (Pol. VII, 1332b 41 — 1333a 3). Как утверждает Карнес Лорд в работе «Образование и культура в политической мысли Аристотеля», философ очевидно полагал, что обучение искусству управлять и быть управляемым разделяется на две отчетливые фазы, но вряд ли он считал, что существует специальное обучение тому как управлять, которое жестко отделено от усвоения искусства находиться в подчинении. «Аристотель говорит просто об “образовании” и ему нечего в дальнейшем сказать относительно специального обучения такого рода. Обучение тому как управлять и быть управляемым должно восприниматься как часть или как побочный эффект образования в целом, то есть образования, относящегося к “моральному благу” или добродетели... С определенной точки зрения, возможно отождествлять действия, вытекающие из моральной и политической добродетели, с главным содержанием приятного досуга класса благородных людей (*kaloï kagathoi*), того класса, который, по Аристотелю предназначен для формирования гражданского коллектива при наилучшем государственном устройстве» [14, р. 37–38, 180; см. также: р. 51 sq., 137].

Аристотелевская концепция образования опирается на разработанную в «Никомаховой этике» концепцию воспитания, которая основана на изощренной аргументации, раскрывающей ее моральные, философские и чисто психологические основания [11]. Так, очень пронизательно и тонко комментируя образовательные идеи в платоновских диалогах «Менон» и «Государство», постоянно влиявшие на концепцию образования в «Никомаховой этике», Майлс Бёрниет, в частности, отмечает: «... Сократ был прав: любой приемлемый и очевидный взгляд на процесс морального развития в решающей степени зависит от концепции добродетели. Данная зависимость делает возможным интерпретировать философскую оценку морального развития как свидетельство того, что именно философ подразумевает под добродетелью. В определенном плане, это в действительности особенно показательное свидетельство, поскольку, решая проблему морального образования, философ должен сталкиваться со сложной реальностью заурядных несовершенных человеческих существ» [11, р. 205]. Аристотель постоянно напоминает нам, что «добродетель оказывает воздействие на практику. Скорее даже, практика имеет когнитивные свойства и в этом качестве она является орудием, с помощью которого мы учимся тому, что является благородным и справедливым» [11, р. 209–210]. В связи с этим возникают два важнейших вопроса: (1.) «Как мы дорастаем до того, чтобы полностью стать взрослыми рациональными животными, что составляет цель, к которой нас направляет наша человеческая природа?; (2) «Как именно разум воздействует на нас, чтобы наилучшим образом сформировать образцы мотивировок и реакций, символизирующих о заложенном в нас детском начале (EN 3.12 1119a 33 сл.), о том продукте рождения и воспитания, который будет жить до тех пор, пока не достигнет зрелости с помощью образования нашего разума?» [11, р. 224]. Бёрниет вполне справедливо подчеркивает, что «некоторым образом вся *Никомахова этика* является

ответом Аристотеля на эти вопросы» [11, р. 224]. Но, разумеется, конечный вывод Стагирита заключается в том, что «полностью сформировавшийся человек, обладающий добродетелью и практическим разумом, никогда не может быть акратическим (безвольным)» [11, р. 226].

Комментируя образовательный аспект, заложенный в аристотелевском концепте «детскости», или, если угодно, инфантильности, Ришар Боден, автор фундаментального исследования «Политические измерения аристотелевской *Этики*» также отмечает, что он «заключается в том, что знание, приобретенное людьми, над которыми господствуют страсти, остается невежеством на практическом уровне... Человек, живущий только в соответствии со своими страстями, вряд ли отличается от животного... Поэтому, стремясь дать своим слушателям знание, философ настаивает на том, что они уже должны жить таким образом, чтобы их инстинктивные склонности подчинялись рациональному принципу. Это требование отражает специфическое учение, касающееся образования. Как мы знаем, Аристотель требует от образования, чтобы оно излечивало слабости природы, чтобы оно занималось, прежде всего, инстинктивными склонностями человеческих существ: в отношении детей, чей разум невелик или его просто не существует, задача состоит в том, чтобы привести их поведение в соответствие с рациональной нормой, выраженной в законе. Следовательно, первым качеством, достигаемым посредством образования — первым качеством образованного человека — будет способность, ставшая привычкой, действовать в соответствии с законом (= λόγος), а не руководствуясь капризами собственных страстей» [10, р. 120–121; ср.: 20, р. 56; 21, р. 47–50, 55–74]. Выведенная Аристотелем формула, определяющая цель образования и его этический смысл, сегодня вполне может рассматриваться в качестве универсальной, поскольку она применима к любой разновидности образовательной деятельности и политики — будь то школьное, университетское, гражданское, политическое образование, образование взрослых и др. В этом плане она является *первичной* по отношению ко всем многообразным типологиям и классификациям, которыми переполнены современные справочники, энциклопедии и учебники. Речь идет как о научных классификациях образования, так и о различных теоретических и философских его моделях, включая и так называемые «альтернативные модели», авторы которых постоянно демонстрируют стремление «вернуться к корням» и восстановить изначальное античное понимание целей образовательной далее деятельности.

Основанная на античной классической традиции европейская модель образования всегда отличалась внутренним единством, несмотря на амбивалентность образовательных проектов и практик, которая также всегда присутствовала в его многотысячелетней истории вплоть до эпохи модерна. «Образовательная теория и практика, — отмечали в 1991 г. Стэнли Аронович и Анри Жиру в книге «Постмодернистские образование. Политика, культура и социальная критика», — всегда были строго привязаны к языку и проектам модерна, ... которые акцентировали способность индивидов мыслить критически, проявлять социальную ответственность и преобразовывать мир в соответствии с мечтаниями Просвещения о разуме и свободе. Центральное место в этих представлениях об образовании и модерне отводилось твердой вере в способность индивидов позиционировать себя в качестве субъектов, руководствующихся собственными мотивами в пространстве публичной жизни... Моральные, политические и социальные технологии, которые структурируют и двигают вперед императивы публичной школы, выводились из характерного для модерна представления об *индивидуальном* учащемся и преподавателе как гаранте деликатного равновесия между частной и публичной жизнью, как предохранительном устройстве, способном гарантировать, что экономика

и демократическое государство будут функционировать, обоюдно детерминируя друг друга. Внутри дискурса модерна знание определяет свои границы почти исключительно на основе европейской модели культуры и цивилизации... Важно отметить, что модерн в обеих своих формах — прогрессивной и реакционной — формировал основные категории, которые давали жизнь различным версиям образовательной теории и практики» [7, p. 57–58].

Постоянный акцент, который ученые делают на амбивалентности теории и практики образования, даже с чисто теоретической точки зрения является чрезвычайно важным как для определения самого понятия «образование», так и для многообразных классификаций, характеризующих особенности его исторических, социологических и философских интерпретаций. Как, например, мы можем оценивать следующую хорошо известную и постоянно воспроизводимую в научной литературе и политической публицистике сентенцию: «Битва при Садовой была выиграна прусским школьным учителем»? [3; 4, с. 5–19]. В определенном плане, эта, ставшая расхожей, фраза вполне правомерна и прусский учитель действительно мог способствовать победе Пруссии над Австрией в 1866 г. Но это обстоятельство еще больше усложняет вопрос о позитивных и негативных сторонах взаимодействия политики и образования и постоянно приводит к новым и новым вопросам. Например, несет ли ответственность германская имперская система образования — школы и университеты — за развязывание первой и второй мировых войн? Или же она оказалась просто неспособной противостоять духу и накалу немецкого национализма и милитаризма? Данные вопросы отнюдь не являются праздными, если вспомнить «Речь о социализме», которую Макс Вебер прочел офицерам австрийского генерального штаба в Вене в 1918 г. В ней он прямо и, на наш взгляд, вполне справедливо утверждал, что наибольшую ответственность за вступление США в первую мировую войну несут именно американские университеты и сформированный ими новый бюрократический слой чиновников [1, с. 46]. Но в равной степени справедливым будет и следующее утверждение: университеты, независимо от их статуса и нередко конъюнктурной образовательной ориентации, открыты всем существующим в обществе тенденциям развития и оказывают на них в большей степени косвенное и скрытое влияние, чем являются лабораториями революции. Как очень точно заметил Ярослав Пеликан, «в период революционного социального изменения, каковым является настоящее время, когда революции ниспровергаются революциями, положение университета неизбежно оказывается диалектичным: будучи одновременно и институтом, и идеей, он выступает в одно и то же время и как рассадник революции, и как объект атаки со стороны революции» [17, p. 157].

Одна из главных характеристик моральной системы раннего и позднего капиталистического общества заключается в том, что «каждый индивид рассматривается как личность, стремящаяся к достижению своего собственного счастья путем удовлетворения его или ее желаний. Каждый индивид воспринимается как имеющий или способный достичь одного и того же понимания ключевых терминов Морали: “правильного поступка”, “долга”, “полезности”, “справедливости”. Каждый индивид способен действовать как автономное лицо и от него требуют так поступать... Понимаемая таким образом мораль является высшей по отношению ко всем другим видам морали, самой последней и наивысшей стадией в моральной истории человечества» [15, p. 115]. Естественно, сразу возникает вопрос — каким образом в современном обществе должна обеспечиваться способность не только воспринимать «ключевые термины» морали и морального поведения, но и действовать в соответствии с ними? Например, многие, даже вполне либерально настроенные, политические теоретики уверены в том, что

решение данной проблемы возможно только путем исключительно авторитарного проведения в жизнь образовательной школьной программы, лежащей в основе любого цивилизованного общества. В отличие от различных корпораций, деятельность которых может создавать такую угрозу (религиозные секты, радикальные партии и группы и т.д.), сегодня государственная политика, например, в вопросе о начальном образовании, естественно, не определяется критерием автономного выбора. Это признают многие теоретики либерализма, начиная с Д.С. Милля, сформулировавшего в 1834 г. свое «образовательное кредо» предельно просто и четко: «Школы для всех без различия сект и без навязывания какой-либо секте символа веры и обрядов другой» [16, р. 63]. Мнение Милля полностью разделял Роберт Даль: «Мы не предоставляем детям право решать, должны они посещать школу или нет» [12, р. 16]. Не менее категорично выражался и Исая Берлин: «Мы принуждаем детей быть образованными» [9, р. 31].

Противоположную и гораздо более радикальную позицию в свое время занимал М.Н. Ротбард, вице-президент Института Людвиг фон Мизеса и один из главных теоретиков Австрийской экономической школы. Сформулировав жесткую дилемму — «свободное общество с контролем родителей над воспитанием и образованием детей или государственный контроль» — он фактически обвинил государство и политические элиты в США в «тоталитарном перерождении». Крайне негативно характеризуя историческую эволюцию американской образовательной системы — от полностью частных и частично филантропических школ в XVIII в, до постепенной их замены системой публичного образования (public schools) в XIX в, Ротбард утверждал: «В конечном итоге государство навязало народу публичное образование или принуждая детей посещать публичные школы, или путем установления принудительных стандартов для частных школ. Пожелания родителей встречались с неодобрением. Таким образом государство вело войну с родителями за контроль над их детьми» [19, р. 11]. Во имя равенства и демократии все дети объявлялись равными (даже самые глупые), в классах навязывалось полное единообразие и образование было опущено на более низкий уровень. «Права детей, — отмечал Ротбард, — систематически попираются государством в гораздо большей степени, чем права их родителей. Законы о принудительном посещении школы, ставшие в США эндемическим заболеванием с начала этого века, вынуждают детей или посещать публичные школы, или идти в частные школы, официально санкционированные государством. Предположительно “гуманитарные” законы о детском труде крайне жестко препятствуют детям начинать трудиться и тем самым ставят в привилегированное положение их взрослых конкурентов. Сталкиваясь с принудительным запретом, не позволяющим работать и зарабатывать на жизнь и загоняемые в школы, которые им часто не нравятся или для которых они не подходят, дети становятся “прогульщиками”, т.е. совершают правонарушение, позволяющее государству загонять их в карательные учреждения, существующие под именем “исправительных” школ, где дети фактически находятся в тюремном заключении за совершение или не совершение действий, которые никогда не считались бы “преступлениями”, если бы их совершали взрослые... Кроме того, оказывая влияние на университеты как косвенно посредством всевозможных финансовых субсидий, так и напрямую через государственные университеты, государство контролирует образование, начиная с нижнего уровня через универсальные институты публичной школы, через выдачу сертификатов частным школам, а также через законы о принудительном посещении школьных учреждений» [18, р. 107, 170].

Цели подобной образовательной политики правящей элиты для американского экономиста были вполне очевидны: «Таким образом “современное образование” от-

бросило формальное обучение в качестве функции школы во имя форматирования личности как целого по единому шаблону и с целью навязать равенство в обучении, опустив его до наименьшего уровня обучаемости, а также для того, чтобы узурпировать общевоспитательную роль, перекрывая, по возможности, домашнее и все виды других влияний. Поскольку никто, даже коммунистическая Россия, не примет прямо идею государственного «обобществления» детей, очевидно, что государственный контроль должен быть установлен более скрыто и подспудно. Всем, кто отстаивает достоинство человеческой жизни, во имя прогресса и развития индивида в свободном обществе, выбор между родительским и государственным контролем над детьми ясен» [19, р. 12]. Все дальнейшие попытки М.Н. Ротбарта подвести философскую базу под свою концепцию «либертарианского патернализма», основанную на идее исключительного родительского контроля над детьми, представляется весьма противоречивой, поскольку его аргументация никак не позволяет судить о том — должны ли родители подобно стражам платоновского «Государства» играть роль мудрых наставников, своевременно и прозорливо определяющих уровень умственных задатков или же их контроль должен быть ограничен простым наблюдением за формированием детского характера и навыков без каких-либо попыток исправить «веления природы» и повлиять на дальнейшую судьбу своих отпрысков.

Общий характер современной дискуссии по проблемам образования и образовательной политики свидетельствует о том, что либертарианская позиция М.Н. Ротбарда оказалась тем крайним пределом, до которого были готовы опуститься лишь немногие. Напротив, большинство специалистов в области теории образования придерживаются совсем иных принципов. Как отмечает, например, Сейла Бенхбиб, развивая основные принципы образовательной программы Д.С. Милля, для либерального государства «вполне возможно быть даже более терпимым в определении различных типов школ и всецело воздерживаться от принудительного навязывания учебных планов. Вместо этого, используя стандартизированные тесты и итоговые экзамены, публичная власть может добиться существования определенного количества общих элементов в школьных учебных планах, а также того, чтобы предметы, имеющие принципиальное значение, были предусмотрены на демонстративном уровне правомочности»; члены сообществ любого уровня «не имеют права лишать своих детей знаний и цивилизационных достижений, накопленных человечеством. Они обладают правом передавать своим детям основные принципы своего собственного образа жизни *наряду* с другими формами знания, которые они разделяют вместе со всем человечеством. Конечно, будут возникать противоречия, несоответствия и напряженность между этими учениями. Но способность научиться справляться с такими противоречиями и напряженностью является признаком человеческого интеллекта. Обскурантизм несовместим с моральной и политической автономией» [8, р. 124–125].

Следует также отметить, что для западных политиков и ученых левого направления задача повышения человеческого потенциала в рамках тех практически неограниченных возможностей, которые предоставляет новый виток научно-технического прогресса, может быть решена только в процессе переосмысления традиции универсального образования, реформирования школы и ее превращения ее в «голос будущего». По мнению Роберто Мангабейры Унгера цель новой образовательной программы — «спасти ребенка от его семьи, его класса, его культуры и его исторического периода», радикально изменить политическую практику, которая прежде делала подрастающее поколение «пассивным орудием либо местной общины, либо правительственной бюрократии» [25, р. 21–22, 60–61, 71; ср. 23, р. 267; 22; 26, р. 175–179].

Современная эпоха, как это не парадоксально, в ряде существенных аспектов постоянно воспроизводит на идеологическом уровне коллизии и дилеммы античной образовательной политики, чрезвычайно пластично сформулированные в политической философии Академии и Ликейя. Их преодоление на новом витке исторической спирали во многом будет зависеть от практического ответа на вопрос — способны ли политические институты, а также система школьного и университетского образования современных государств стимулировать политическое сознание граждан, поддерживая свой «воспитательный потенциал» на уровне, хотя бы отдаленно напоминающем самосознание граждан греческих полисов.

Библиография

1. Вебер М. Социализм. Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918). Пер. и вступ. статья В.А. Гуторова // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991. № 2. С. 42–80.
2. Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 288 с.
3. Державин В. Война, которую выиграл прусский учитель. <http://livepark.pro/blog/derzhavin/6235.html>
4. Завершинский К.К. Политическая культура versus политическая память: морфология дискурса // Политическая Экспертиза. ПОЛИТЭК. Т. 1. № 2. С. 5–19.
5. Adler M.J. Haves without Have-Nots: Essays for the 21st Century on Democracy and Socialism. N. Y.: Macmillan, 1991. 337 p.
6. Adler M. J. Aristotle for Everybody. Difficult Thought Made Easy. N.Y.: A Touchstone Book, 1997. 190 p.
7. Aronowitz S., Giroux H.A. Postmodern Education. Politics, Culture and Social Criticism. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1991. 205 p.
8. Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2002. 216 p.
9. Berlin I. Two Concepts of Liberty // Liberalism and Its Critics. Edited by Michael J. Sandel. N.Y.: New York University Press, 1992. P. 15–36.
10. Bodeus R. The Political Dimensions of Aristotle's *Ethics*. Albany: State University of New York Press, 1993. 250 p.
11. Burnyeat M. Learning to be Good // Aristotle's *Ethics*. Critical Essays / Ed. by Nancy Sherman. Lahnam; Boulder; N.Y.; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 1999. P. 205–230.
12. Dahl R.A. After the Revolution? Authority in a Good Society. Revised edition. New Haven and London, 1990. 145 p.
13. Keedus L. The Crisis of German Historicism: The Early Political Thought of Hannah Arendt and Leo Strauss. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 222 p.
14. Lord C. Education and Culture in the Political Thought of Aristotle. Ithaca; London: Cornell University Press, 1982. 227 p.
15. Macintyre A. Ethics in the Conflict of Modernity. An Essay on Desire, Practical Reasoning and Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 322 p.
16. Mill J.S. Essays on Equality and Education. London: Routledge and Kegan Paul; University of Toronto Press, 1984. 491 p.
17. Pelikan J. The Idea of the University. A Reexamination. New Haven; London: Yale University Press, 1992. 238 p.
18. Rothbard M.N. The Ethics of Liberty. N.Y.; London: New York University Press, 1998. 308 p.
19. Rothbard M.N. Education: Free and Compulsory. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 1999. 58 p.
20. Sherman N. The Fabric of Character. Aristotle's Theory of Virtue. Oxford: Clarendon Press, 1989. 213 p.
21. Sherman N. Making Necessity of Virtue. Aristotle and Kant on Virtue. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 387 p.

22. *Unger R.M., West C.* The Future of American Progressivism. An Initiative for Political and Economic Reform. Boston: Beacon Press, 1998. 93 p.
23. *Unger R.M.* Democracy Realized. The Progressive Alternative. London; N. Y.: Verso, 1998. 309 p.
24. *Unger R.M.* False Necessity. Anti-Necessitarian Social Theory in the Service of Radical Democracy. London; N.Y.: Verso, 2001. 661 p.
25. *Unger R.M.* What Should the Left Propose? London; N. Y.: Verso, 2005. 179 p.
26. *Unger R.M.* The Self Awakened. Pragmatism Unbound. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2007. 277 p.

Соловьев А.И.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОЧНИКИ И ВЕКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Настоятельное требование времени в постоянном обновлении человеческих знаний и компетенций напрямую касается и политических качеств гражданина. Неуклонное усложнение коммуникаций государства и общества, появление новых возможностей для продвижения гражданских интересов и одновременно противоборство различным методам манипулирования общественным мнением, раскалывающим социум и способствующим распространению экстремистских ценностей, требует от людей умений и знаний, в равной степени способствующих и их саморазвитию, и использованию политических инструментов в целях достижения общественного блага.

Особые требования к политическому облику личности, набору его свойств и характеристик предъявляют реалии складывающегося информационного общества. По сути, технические особенности передачи массовой информации оказывают самое существенное влияние на характер организации публичной власти, определяя позиции политических акторов в зависимости от наличия у них инструментов контроля за массовыми инфопотоками. Причем, такое положение касается не только групповых или сетевых акторов, но и рядовых граждан.

Неслучайно сегодня у человека появляются широкие возможности для получения информации в интернет-пространстве, участия в обсуждении политических проектов, поддержания обратных связей с институтами власти, влияния на целый ряд государственных решений. По мнению видных российских ученых, одно только использование электронных блокчейн-платформ, порождающих «умные сети», позволяет «быть услышанным» ... разным социальным группам, а в сочетании «с отсутствием прямого контроля со стороны политических институтов» одновременно способствует и развитию демократических принципов (особенно в форме т.н. «жидкой демократии»), укреплению принципов социальной справедливости, расширению соучастия граждан в принятии решений [1]. По сути, такие инструменты «виртуальной коммуникации» в равной мере способствуют как развитию сотрудничества власти и общества, так и становлению нового типа гражданства.

Однако нынешнее время требует от граждан не только усвоения информации о новых способах получения и использования политически значимых сведений, но и наличия совершенно определенных навыков применения актуальных инструментов политического взаимодействия и влияния на власть. Соответственно человеку необхо-

димы и те представления, которые позволяют адекватно — вопреки распространению ложных сведений — интерпретировать актуальную и ретроспективную информацию, релевантно воспринимать официальные и оппонирующие политические символы, видеть связь пропагандируемых ценностей с национальными и групповыми интересами. Такое требование далеко не случайно, учитывая, к примеру, широкое распространение в идейно-политической среде нашего общества фактов злонамеренного искажения отечественной и мировой истории, превратное толкование смысла политических стратегий и целей правительства, распространение дезинформации, насаждение разрушающих единство общества ценностей, а также иных аналогичных угроз и опасностей.

Иначе говоря, современный этап развития государства и общества, новая социально-политическая среда организации власти предъявляют весьма содержательные требования, как к навыкам политического участия, так и к когнитивным структурам гражданского сознания. То есть, к тем параметрам политического мышления и активности гражданина, которые лежат в основании его политической идентичности. Другими словами, от итогов политической социализации россиянина время ждет совершенно определенных результатов. В то же время сложное переплетение текущей политики и традиций российской власти, последствий демонстрационного эффекта и антропологических свойств человека, замыслов людей и практик их бытования существенно корректируют эти гипотетические ожидания.

Еще в 60-х годах прошлого века было признано, что решающим фактором политической социализации является характер среды, определяющий позиционирование человека и его реальный функционал в сфере взаимоотношений государства и общества, власти и индивида. С этой точки зрения можно утверждать, что и сегодня суммарные эффекты политической социализации, в конечном счете, определяются соотношением конкурентных потоков (инициируемых различного рода партиями, масс медиа, корпоративными и даже инациональными акторами), а также паттернов, поддерживаемых и организуемых правящим политическим режимом (т.н. генерализированным потоком). То есть, теми факторами, которые, прежде всего, аттестуют обретение гражданами политических свойств и характеристики, знаний и компетенций. Однако, как показывает практика, безусловным лидером в формировании потоков социализации, а равно и реальным проектировщиком основных стратегических решений является государство.

Одновременно знаменем времени становится и повышение требовательности граждан к государству, их стремление практически влиять на принципиальные решения, принимаемые властью. В этом смысле сегодня люди очень внимательно относятся к отношению властей к общественной повестке, к значимым для граждан проблемам, к заинтересованности чиновничества в соучастии с обществом в решении накопившихся вопросов.

Такое положение, свидетельствует, что решающая роль государства (в лице правящего режима) в приращении общественно-политических качеств российских граждан обусловлено целым рядом требований к его повседневной деятельности со стороны населения.

Очевидно, таким образом, что большинство проблем в области политической социализации неразрывно связано с текущей политикой властей, за которой одновременно проступают и структурные трансформации самого государства и его правящих кругов. Так, в современной России за конфликтами — говоря языком транзитологов — «ранних победителей» (представителей определенного сегмента правящем классе) и их оппонентов, стимулирующих нестабильность многих институтов власти, в немалой степени

стоит качественные изменения и базовых механизмов представительной демократии, и внутренней архитектуры государства как политического института. Причем, будучи структурой с еще слабыми публичными институтами и низко эффективной системой нормативно-правового (в том числе конституционного) регулирования, отечественное государство в большей степени испытывает издержки такой политической динамики. Что, по понятным причинам неизбежно отражается и на формах политической социализации населения.

В частности, большинство теоретиков согласны с тем, что традиционная структура организации публичной власти в стране постепенно и неуклонно переплавляется в формы медиа ориентированной демократии (медиакратии). Эта властная конструкция не только зависит от технических способов передачи массовой информации, но и от позиции тех сил, которые способны конструировать и управлять массовыми инфопотоками, направлять символическую политику государства в целях поддержания базовых политических проектов властей. И хотя этот дизайн государственной власти окончательно еще не закреплён в правовых конструкциях, тем не менее, именно он обладает, по сути, решающей политической силой. Под давлением этих процессов институты традиционной off line политики (отражающей деятельность представительных структур, партий, групп организованных интересов и др.) уходят на политическую периферию, уступая место политической активности национальных телеканалов и проправительственных киберструктур. Благодаря этому, в политическом пространстве складываются новые конфигурации массовых коммуникаций, публичных отношений власти и населения, механизмы разработки государственной политики.

С одной стороны, типичным проявлением формирующегося политического дизайна становится развитие новых социальных медиа, электронных платформ, блогосферы, структур электронного и открытого правительства, которые не только существенно обновляют формы гражданской активности, но и реально расширяют возможности людей с точки зрения их вовлечения в механизмы формирования государственной политики (особенно на региональном уровне). В этом контексте уверенно набирают силу и различные формы социально-политической самоорганизации граждан (волонтерское движение, экологические организации, структуры защиты архитектурного наследия или прав обманутых дольщиков и др.). В этом аспекте весьма показательным примером, отражающим аналогичные возможности политического участия рядовых граждан, является организация политических движений и в европейском политическом пространстве (например, молодежное движение Volte, объединяющее представителей разных идеологических течений и направленное на обновление политической повестки Евросоюза, ее сближение с требованиями простого населения).

С другой стороны, в российском обществе осознание людьми снижения действенности представительных и партийных механизмов, а равно усиление политико-административного контроля за массовыми формами гражданской активности негативно сказывается на состоянии общественного мнения и политического сознания граждан. Другими словами, понимание людьми отсутствия политической конкуренции (являющейся наиболее действенным средством продвижения интересов различных слоев населения в сфере власти) или, другими словами, невозможность заявить свою позицию в публичном пространстве, качественно снижает импульсы как политического, так и гражданского участия. Одновременно такое положение укрепляет политические стереотипы пассивной, мало социализированной части общества, оказывая при этом дезориентирующее воздействие на активные слои населения и их гражданские инициативы.

Конечно, концентрация государством механизмов политического контроля за массовым дискурсом и политической активностью населения в известной мере свидетельствует о характере переживаемого периода и частично оправдано полувраждебной политикой ряда западных государств. Другими словами, власти обязаны усиливать информационный контроль за теми силами, которые стремятся нанести ущерб национальному государству. В то же время вытеснение из политического дискурса политических сил, оппонировавших правительству и предлагающих отличающиеся от официальной точки зрения иные пути и способы решения общественных задач, имеет весьма негативные последствия для общественного мнения и массового сознания. Тем более в тех условиях, когда в стране неудовлетворительно решаются многие социальные проблемы, падают доходы населения, нарастает коррупция и имущественное неравенство, не реформируется система государственного управления. Это не только качественно сужает альтернативный характер рассмотрения общественных проблем (нарушая общепризнанные подходы управления сложными социальными объектами), но и отрицательно сказывается на состоянии сознания граждан, не способных донести до властей свои нужды и интересы.

Весьма показательно и то, что ужесточение административно-правовых механизмов регулирования общественно-политической активности населения дополняется нарастающим увеличением налогов и штрафов для населения, ростом цен в сфере ЖКХ, транспорта и зонах предоставления государством других социальных услуг, что ведет к снижению уровня жизни людей. Характерным, сопутствующим такому подходу процессом является резкое сужение спектра вопросов, выносимого в массовый дискурс, игнорирование властями многих проблем из общественной повестки. Такая тактика правительства убеждает население, что власти не могут смотреть на общественные проблемы глазами рядовых граждан. Правда, в своем Послании Федеральному собранию 2019 г. Президент РФ В.В. Путин попытался акцентировать ряд важных вопросов внутренней политической повестки. Однако даже действия первого лица вряд ли способны изменить сам подход правящего класса, при котором властные и провластные игроки «инвестируют свои ресурсы» с тем, «чтобы ограничить сферу политического процесса публичным рассмотрением только тех вопросов, которые для них относительно безобидны» [2]. Так что возможности простого населения «выдвинуть на первый план ... вопросы, которые могут ... нанести ущерб привилегированным группам» [3], скорее всего, так и сохраняют свой сугубо гипотетический характер. И это неудивительно, ибо сегодня невозможно назвать какие-либо структурные и институциональные изменения, которые помешали бы правительству закрывать свою повестку для любых решений, влекущих политические изменения.

Так что сложившиеся стереотипы формирования правительственной политики — в сочетании с демонстрируемой властями незаинтересованностью в учете разнообразия гражданских позиций и общественного мнения — неуклонно ведут к увеличению рисков социальной напряженности и снижению легитимации публичных институтов (в том числе и правящих кругов как таковых).

В этом контексте наиболее негативным фактором политической социализации следует считать те практики информационно-символической политики государства, которые дискредитируют не только политическую оппозицию, но любые протестные настроения и воззрения людей, расходящихся с официальной позицией правительства. По сути, официальная пропаганда, игнорируя факт усложнения общества и предлагая дихотомические подходы к оценке общественно-политических и социально-экономических вопросов, стремится вытеснить из политического дискурса любые оттенки

разногласий с официальными точками зрения. Более того, позиции несогласных нередко отождествляются с происками внешних врагов государства. Таким образом, резко отрицательное отношение к противникам государства на внешней арене зеркальным образом переносится и в сферу внутривнутриполитических и общегражданских отношений, побуждая резко недоброжелательное отношение к любым оппонировавшим властям позициям и взглядам.

Основным игроком на этой информационной площадке становятся сервильные представители «эпистемологических [академических, специализированных — авт.] сообществ», использующих мощь национальных масс медиа для позиционирования Запада как источника всех внутренних трудностей и одновременной дискредитации несогласных, представляемых в качестве его внутренних адептов. Разогреваемый ими поиск «внутренних врагов», «пятой колонны», «национал-предателей» превращает публичный дискурс в политическое ристалище, разрушающее хрупкое единство отечественной демократии.

В конечном счете, поощряя агрессивное отношение к другим народам и странам и старательно обходя информацию о деятельности кланов (сетевых коалиций правящего класса, поставивших под контроль немало публичных институтов и контролирующих фактическое перемещение общественных благ и ресурсов) [4], такие «специалисты» пытаются сформировать в обществе т.н. «племенное гражданство». То есть, стремятся привить людям такие воззрения и установки, которые ориентированы лишь на комплиментарное отношение к действующей власти и при этом лишены базовых оснований самостоятельной политической рефлексии. Другими словами, такой «официальный патриотизм» пытается воспитывать людей, которые обязаны любить власть больше собственной Родины.

Осложняет ситуацию и тот факт, что в публичном дискурсе можно постоянно наблюдать поощрительное отношение к имперским традициям, вождизму и другим чертам правления, демонстрирующим отношение к людям как к ресурсу общественного развития. Весьма односторонне осуществляется и «политика памяти». В частности, государством не проводится никакой целенаправленной работы по развенчанию сталинизма как политического режима, уничтожившего за годы своего правления миллионы сограждан.¹ Нередко официальные пропагандисты впадают и в другую крайность, оказывающую деформирующее влияние на общественное сознание — вольную или невольную эксплуатацию «русской жажды совершенства». В этом контексте массовое сознание постоянно сталкивается с приукрашиванием действительности, положительной коррекцией статистических показателей хозяйственного развития, героизацией отдельных положительных примеров, на которых выстраиваются общеполитические инвективы.

Коротко говоря, отмеченные черты информационно-символической политики показывают, что в современном российском государстве сосуществуют различные социализирующие потоки и институты, оказывающие на политическое сознание и гражданские установки населения прямо противоположное влияние. Другими словами, наряду с активностью структур, укрепляющих общегражданскую идентичность

¹ Как справедливо отмечает акад. Ю.С. Пивоваров, в постсоветском обществе не было никаких специальных программ и акций по десоветизации, декоммунизации и десталинизации общества. В отличие от Германии, где сразу после войны проводилась специальная программа по развенчанию ценностей нацизма: молодежь в обязательном порядке возили в бывшие концлагеря, показывали зверства палачей, следы небывалых по бесчеловечности пыток и казней. Однако время показало насколько это непростая задача — вытравить из человеческого сознания дух расового превосходства (так, даже по прошествии 10 лет реализации этой программы почти половина немцев положительно оценивала фигуру Гитлера [5, с. 50]).

населения, поощряющую внутреннюю солидарность власти и общества на основе национальных интересов и ценностей, параллельно действуют и политические силы, снижающие — а подчас и устраняющие — свойства и характеристики государства как общегражданского антрепренера. Прикрывая интересы различных кланов, эти силы раскалывают общество по признаку «наших/не наших», подавляют общественную активность граждан, сеют раздор и прививают людям агрессивные намерения, соседствующие с ксенофобией и шовинизмом. В этом случае в массовом сознании насаждаются модели и паттерны мифомышления, конформизм, подданничество, нивелируется индивидуальность, прокламируется неотвратимость благополучного будущего. Причем, нередко пропагандируемые символы прогресса просто отрываются от действительности. И люди это хорошо видят.

Отметим параллельно, что поскольку любые формы мифомышления так или иначе используются в качестве «завесы», прикрывающей подлинные государственные решения [6, с. 157], то многие видные интеллектуалы — в частности П. Бурдые — задаются и более общим вопросом, а что же «скрывается за государством», какие акторы являются лидерами и бенефициариями проводимой властями политики? [7, с. 122].

Нет нужды доказывать, что конструктивная роль государства в деле политической социализации общества предполагает укрепление роли граждан в организации власти, формировании и осуществлении государственной политики. И хотя государственная политика не делается общественностью, ясно, что люди должны соучаствовать в этом процессе. Потому власти — наряду с публичными уверениями граждан в развитии демократии — обязаны создавать каналы и механизмы реального включения людей в согласование групповых позиций, расширять зону коллективных обсуждений и совместных решений, усиливать возможности для гражданского контроля.

Особые требования должны предъявляться и к содержанию публичного дискурса. Ведь перманентное поддержание внутренних расколов означает, что властям явно не хватает понимания того принципиального факта, что государство есть совместное проживание разных людей, и что единство может быть обеспечено не на основе этнических или религиозных подходов, а неукоснительного исполнения законов, соблюдения гражданских прав и свобод. И что самая страшная беда для общества — это разрушение его внутренней солидарности, автономизация его отдельных слоев. В силу этого гражданам крайне необходимо услышать от властей признание подлинных причин колоссального социального размежевания в обществе, появления сословных принципов и механизмов жизнедеятельности, применения двойных стандартов в правоприменении и отправлении правосудия.

В стремительно развивающемся обществе назрели перемены и в системе государственного управления. Как считают многие специалисты, «сложившаяся в стране система управления находится в критическом состоянии», что делает ее «непригодной для достижения каких-либо рациональных инновационных действий» [7, с. 90]. Иначе говоря, сегодня необходимы структурные преобразования, которые расширили бы и участие граждан, и возможности инновационного целеполагания. В частности, необходимо законодательное закрепление прав оппозиции как в целом, так и в представительных органах (в том числе и в Государственной Думе, где члены малочисленных фракций практически не имеют возможности быть услышанными).

Исключительно важно обратить внимание и на развитие форм гражданского образования, особенно расширения специальных знаний у работающих граждан. Представляется, что было бы весьма полезным воспринять опыт зарубежных стран (или же вспомнить советский опыт университетов марксизма-ленинизма), где на постоянной

основе существуют школы гражданского образования «для взрослых», обучающих слушателей основам правового и политического устройства государства. Возможно предусмотреть и более широкие формы политико-гражданского просвещения у представителей правящих кругов (многие из которых просто не обладают нормами государственного сознания).

Без решения этих проблем, граждане вряд ли обретут требуемые временем черты политически социализированной личности, а что еще важнее — станут ключевыми игроками в реальном политическом процессе [8, с. 122].

Библиография

1. *Сморгунов Л.В.* Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. 2019. № 5. С. 89.
2. *Bonafont L.Ch.* Interest groups and agenda setting In Handbooks of research on Public Policy / Ed. by N. Zahariadis. Rutgers University, New Jersey, Series Editor: Frank Fischer, USA. 2016. P. 202.
3. *Bachrach P. and Baratz M.* Two faces of power In American Political Science Review. 1962. Vol. 56 (4). P. 950.
4. *Geenens R., Tinnevelt R.* Does Truth Matters? Democracy and Public Space. Berlin: Springer. 2009.
5. *Пивоваров Ю.С.* Зарисовки из русского ада // Труды по руссиеведению, вып.6, М., 2015–2016, ИНИОН, с. 50.
6. *Парето В.* Трансформация демократии // Западно-европейская социология XIX — начала XX в. М.: МУБиУ, 1996. С. 157.
7. *Бурдые П.* О государстве. М.: РАНХиГС, 2017.
8. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв.ред. А.В.Тихонов. ФНИСЦ РАН, 2017.

Щербинина Н.Г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Уважаемые коллеги! 70 лет назад Карл Ясперс [4], обращаясь к проблеме будущего, написал, что оно зависит от двух видов деятельности — политической и педагогической. Первая связана с осмыслением и попыткой воздействовать на сложившийся ход вещей в обществе в целом. Вторая штурмует стоящую на пути к грядущему твердыню, которой является сложившийся тип человека. Следовательно, применительно к политическому образованию задача подготовки общества и личности к будущему является вдвойне тяжелой и ответственной, нежели у собственно политической или чисто педагогической деятельности.

В чем же отличие политического образования от других дисциплин и, соответственно, сфер образования?

Во-первых, в том, что мы имеем дело с политикой — явлением актуальным и динамичным. Сферой, которая в меньшей степени похожа на дидактический срез, преподносимый в учебниках по политологии и тем более по обществознанию. Неслучайно целый ряд политических явлений ускользает в силу ограниченности устоявшихся методов не только от педагогов, но и от исследователей.

Во-вторых, как отмечал Нассим Николас Талеб [2], мы больше верим нарративу, нежели качественной и современной аналитике, считаем, что будущее можно вывести

из историй о прошлом. Мы учим тому, чего сами не видим — схемам, этой «подмене местности картой», по Талебу. Спору нет, заучить правильные и отклоняющиеся формы из Аристотеля, экстраполированные в современность, гораздо проще, чем анализировать актуальную политику, и это даже полезно с точки зрения дидактики, но муштруя ум школьников, мы прививаем им неприятие политики, как объекта изучения и среды их обитания.

В-третьих, когда в политике мы не можем справиться с грозящим будущим, то прибегаем к его конструированию, руководствуясь управленческими шаблонами или кейсами прошлого. За это в известной степени также несет ответственность и политическое образование, подающее политику исключительно в виде элементарных схем и простых ответов.

Решения данных вопросов нет — политическая педагогика всегда будет стоять перед дилеммой: транслировать ли заведомо устоявшиеся знания и схемы в духе учебников или комментировать то, что происходит на улицах и в социальных сетях? Мы видим, что сегодня политическое образование в школах и университетах испытывает не просто конкуренцию, но и давление со стороны молодежных образовательных проектов и СМИ с их сенсациями, фактоидами, образным освещением событий. Если проблемам медиа в эпоху постправды сегодня уделяется большое внимание, то образование молодежи через проекты пока не получило достаточное отражение в исследованиях. Нет спору, они нужны и для образования тоже. Опасность в завышенных требованиях к молодежи, по Ясперсу, «... Молодежь обретает ценность сама по себе. От нее прямо ждут того, что в мире уже потеряно... Как будто к молодежи предъявляется требование самим создать то, чем уже не владеют их учителя» [4, с. 354]. Это не просто дезертирство как реакция на сложную действительность, но и отказ понимать место политического образования в связке «прошлое — настоящее — будущее».

Рассмотрим эту проблему под углом культурно-семиотического подхода к политике. Здесь акцент делается на артикуляции значимых и незначимых фактов в сфере получаемого знания, когда знаковость производится в политико-коммуникационном процессе. В этом процессе обучаемая сторона предстает как некая «коллективная личность», вступающая в коммуникацию с обучающей стороной. Данное понимание коммуникации является преобразованным от подхода к истории Бориса Успенского [3, р. 11]. Итак, некоторым событиям приписывается значение, и они становятся «фактами» в содержании образовательного контента, а интерпретация зависит от переменчивых семиотически понимаемых языков. Значения же и сам язык очень часто зависят от эпохи и политико-культурного контекста. Язык, согласно данной коммуникационной модели, порождает образовательные «тексты», ведь именно в политическом языке отбираются значимые факты. Так осуществляется семиозис политического образовательного «содержания».

В результате значимые политические события закрепляются в памяти в виде некоторой сюжетной линейной последовательности. Отбор производится с позиции настоящего, которое и организует политический текст прошлого. Причинно-следственный порядок данным событиям задает именно их современная интерпретация, т.е. «учит» нас отнюдь не политическая история. За одним прочтением политического прошлого следует другое его прочтение и переосмысление. И вот, в отличие от заданной дидактической схемы, на базисе данного субъективного опыта и выстраивается знание о политическом будущем. Согласно Успенскому, прошлое и настоящее в историческом знании постоянно меняются, и особенно это свойственно, по нашему мнению, для политического знания. Прошлое, тем самым, всегда видится в перспективе актуального

настоящего. Другими словами, в каждый момент политически трактуемого настоящего мы уверены, что прошлое «было» именно в данной коллективному сознанию релевантной смысловой конфигурации его понимания. Таким образом, сфера политического образования частично отвечает за реконструкцию политического и исторического прошлого вообще. Преподаватель фактически создает текст-репрезентацию. Аналогичные цельные знаковые тексты объективированы в учебниках по политологии, и частные объективации включены в учебники по обществознанию. И здесь мы имеем дело, с так называемым, историческим сознанием, выстраивающим поступательный ряд: прошлое — настоящее — будущее.

Таким образом, содержание политического образовательного знания, представляемое в виде совокупности текстов, вступивших в коммуникацию и даже диалог друг с другом, дает нам значимый вариант трактовки соотношения настоящего и прошлого. И это соотношение задает смысл будущего. Отсюда, на наш взгляд, вытекает особая судьбоносность политического образования как политической коммуникации сегодня. И потому образовательные политики, игнорирующие семиотичность политического образования (имеется в виду предпочтение формы в ущерб содержанию/знанию), сводят образовательное коммуникативное отношение к бессмысленной симуляции акта. Потому политическое образование служит зачастую не семиозису политических знаков современности, но их дальнейшей десемиотизации.

Структурно политическое образование представляется таким образом:

1) в основе его лежит *Политическая социализация* как передача опыта поколения молодежи. Это селектированный опыт прошлого. Мы не можем передать больше, чем имеем. Мы передаем *Знание-Что* и *Знание-Как*. Это категоризированные представления об институтах и процессах, формирующие легитимную картину политического мира.

2) картина политического мира подкрепляется на втором уровне — *воспитательном*, с его моральным императивом «Что такое хорошо» и «Как оно должно правильно работать». Оба уровня, презентующие прошлое и настоящее, нацеливают политические знания в будущее.

3) но на пути в будущее что-то происходит. Борис Гройс призывает различать *будущее* и *новое*. Новое заключено в зазоре между настоящим и будущим, поэтому меняет последнее, делает его другим. Новое становится проектом будущего в результате ценностного выбора [1]. И вот за новое в политическом образовании отвечает уровень *приращения политического Знания*. Новое в нашем случае может возникнуть из *политического участия* или *защиты политической позиции* в спорах, а может быть порождено источниками *теоретического знания*. В любом случае, активная позиция политической педагогики, и в целом педагогики, является непреходящей общественно-политической задачей, носящей непременно поисковый характер в отношении новых явлений и новых знаний. Как заметил фантаст Уильям Гибсон, «будущее уже наступило. Просто оно неравномерно распределено».

Библиография

1. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.
2. Талейб Нассим Николас. Черный лебедь. М.: КоЛибри, 2009. 528 с.
3. Успенский Б.А. Вместо введения. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 9–76.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Stephen Baskerville¹

CIVIC EDUCATION, RUSSIA AND THE EMERGING GLOBAL POLARITY

Thank you, Dr. Yakunin, and thank you for the invitation to speak here today at the Third Congress of the Russian Society of Political Scientists. It is always a pleasure to be back in Russia and Eastern Europe. It is especially appropriate for me to be here speaking on the theme of “political education”, because when I first came here in the early 1990s it was to teach something called “civic education”. In those days, I am not sure that we in the west ourselves knew what this term meant, and perhaps we still do not know entirely. But in those days we were not so bothered by such niceties; there was so much excitement in the air. Helping to reconstruct the educational institutions of the region from decades of Communism seemed straightforward, and “civic education” sounded sensible [2]. The standard categories of western political science and other social sciences furnished the models: the classics of (mostly western) political thought, the comparative (mostly western) political systems, just to take examples from my own experience.

One matter that played thankfully little part in it all was ideology. Both right and left could come together in the effort to reconstruct civil society, a major component of which was recreating the universities (where I myself was active), and genuinely little in the way of ideological agendas seemed to interfere. Indeed, so intoxicating was the atmosphere after the fall of Communism that some of us were eager to subscribe to suggestions that we had all had reached the “end of history” — defined largely in terms similar to an earlier attempt to suggest an “end of ideology”².

Inevitably, it could not last. New ideological divisions soon began imposing themselves on our world order, and now perhaps even a new global polarity, with significant implications for education. Making sense of these new ideological divisions has proved challenging, to say nothing of offering guidance to our students and, above all, incorporating them into the curriculum in ways that are either free from, or acceptable to, various ideological positions.

The old polarity of Communism versus liberal democratic capitalism was replaced, most immediately, by demands based mostly on ethnicity and nationality. Though this did not involve an obvious new polarization on a global scale (despite the awkward and perhaps oxymoronic term, “multipolar”), it did present new challenges for educators — especially those in such a readily politicized endeavor as “civic” education.

More recent ideological realignments may now be presenting even greater challenges. (I will return to this point.)

In retrospect, we may have been naïve. Concepts like «civic education” and “political education” can involve potentially ideological dimensions, or at least they are vulnerable to ideological contention and manipulation. To begin with, they do offer a fundamental depar-

¹ Stephen Baskerville is Professor of Government at Patrick Henry College. His books include *Not Peace But a Sword: The Political Theology of the English Revolution* (Routledge, 1993; repr. Wipf & Stock, 2018), and *The New Politics of Sex: The Sexual Revolution, Civil Liberties, and the Growth of Governmental Power* (Angelico, 2017). This article is adapted from a talk given at the Third Congress of the Russian Society of Political Scientists on the theme, “Political Education in Contemporary Russia and in the World,” Moscow, 10–12 September 2018. He taught for the Civic Education Project in East-Central Europe, 1992–1997.

² The first term is now familiar from the essay by Francis Fukuyama. *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press, 1992. The second invokes an older argument by Daniel Bell. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. N.Y.: Free Press, 1960.

ture from the conception and purpose of education as developed by the classical liberal arts. As Janet Vaillant observes in the Russian context, “Unlike most subjects taught in schools where there is a body of content to be mastered, as in maths or history, civic education is delineated primarily in terms of its purpose: to create good citizens” [14, p. 222].

This goal can open the door to politicization, according to how one conceives of good citizenship. As Vaillant points out concerning Russia during the 1990s, the content of civic education was often “ill-defined”. Civic education was and is conceived “as that which creates skills, attitudes, and behaviours suitable for a democratic society”. This leaves the specific content up for grabs and subject to competition among those with different conceptions about what is suitable for a democratic society. Is a good citizen a householder who heads a two-parent family which he dutifully takes to church or one who accepts and insists on innovative and open-ended understandings of gender equality? These definitions are not necessarily compatible. As Vaillant paraphrases the philosophy, “Civic education should teach citizens to understand and accept the values of civil society” [14, p. 224]. But what precisely are those values? From the 1990s to today, this question has become acute.

While Marxism-Leninism was being decisively rejected on all sides, the underlying assumption that the alternative to a discarded ideology was to adopt another ideology — rather than no ideology — appears to have been difficult to dislodge. “Though most people were too self-conscious to say so openly”, Vaillant observes, “many Russians yearned to find a system of thinking that would be as all-encompassing and consistent as was the now-discredited Marxism-Leninism». By taking society’s utilitarian needs as its starting point (whether for workers or citizens manifesting certain qualities), this conception may have preserved some features of the Soviet system, where, “Every aspect of schooling was designed to shape the child into the good Soviet citizen” [14, p. 222, 224]. Of course, sincere and well-intentioned reformers during the 1990s and even before certainly did attempt to “de-ideologize” [6] the curriculum. Yet it is also apparent from the accounts of Vaillant and others that they were often unable to rid their own minds completely of the preoccupations of ideology. When Gennadii Yagodin, chairman of the State Committee on Public Education of the USSR ordered that a new course, “Mankind and Society”, be introduced that would support perestroika, the aim was to teach “universal human values”, support the “humanization of education”, and help create democratic qualities in citizens. All this “was a response to the challenge of perestroika which did not diverge significantly from Soviet tradition; that is, an all-encompassing solution would be provided from above”. Thus, in reforms that were largely effected from the top down, the content perhaps inevitably came from the state: “General guidelines for the course were duly set in Moscow by the Ministry of Education” [14, p. 223–224].

But it was not only Russians. We may depict all this as residual ideology lingering from the Soviet system. But much ideological thinking about education was western in origin, pre-dated the Soviet system, and had been absorbed by it early on. Extending and perhaps exacerbating this, those of us from the west brought our own ideological fixations and imposed them in the very process of trying to eliminate the old ones. For me at least, one irony observed by Vaillant hits little too close to home: “US grantees, who organized seminars on human rights were having problems because Russian participants seemed more interested in studying new teaching methods than in learning about human rights” [14, p. 228].

(As an aside, those of us who have explored the complexities and paradoxes of “transitional justice” in the former Communist bloc and elsewhere are aware that purging the one regime may, in the very process, pass on some of its features to the successor regime, and the successor regime often adopts the very practices that it condemned in the old regime in the very process of purging them [10, Conclusion]).

In other words, while we all seemed united in our determination to eliminate ideology from the educational content, we often continued to accept the assumptions of ideology in our educational approach: that the purpose of education is to produce citizens who function in politically desirable ways; that the state is the appropriate vehicle for implementing, if not actually formulating, educational philosophy; perhaps even that some ideology is appropriate in the content of education, even if we prefer to avoid having to state explicitly what it is.

The traditional disciplines, it is worth noting, if they were not founded on a different principle, have struggled to uphold one: that the principal purpose of education consists not in utilitarian considerations, whether scientific or economic or “civic”, but in transmitting knowledge and culture from one generation to the next. As Ben Eklof observes of Russia, seemingly with some surprise, “The culture of the school is notoriously resistant to change and many scholars insist that schools are more likely to reproduce than they are to transform society”. At one time, this would have been considered unremarkable, because traditionally that was precisely the primary purpose of education: to transmit, rather than to transform. As Vaillant notes, also in the Russian context, “In stable, conservative societies, schools transmit these qualities, often unconsciously, in ways that support the existing social and political order”. This is because traditionally the principal purpose of education was seen as the transmission of knowledge and culture rather than promoting the immediate well-being or functioning of society, let alone engineering its reform. (“Families and groups may benefit differentially from these arrangements, but no one questions their basic assumptions” [6, p. 229]).

This “liberal education” has been challenged from various quarters over the years, the common feature of many challenges being utilitarianism: including those arguing for the utility of natural science, the economic needs of society, and more recently education for citizenship.

Yet these latest challenges are now themselves, in turn, being questioned at a fundamental level in the west. The question of how far education should consist of training in citizenship has come up against connected controversies scrutinizing the state’s monopoly over education, including most recently issues like private schooling and homeschooling. Perry Glanzer questions what he calls “a reductive view of human persons” in which “humans are mainly defined according to their political function as citizens” and “our political identity provides...the orientation for educational discussions”. Glanzer (who is not writing in the Russian context) suggests that even liberal democracy “is not meant to be an all-encompassing, exclusive life philosophy or functional religion (as opposed to, say, Communism in the former Soviet Union)” [9, p. 343–344]. (I will return to the concept of “functional religion”.) Pointing out that the UN Declaration on Human Rights stipulates, “Education shall be directed to the full development of the human personality”, Glanzer adds, “This elevation of political identity and ends becomes particularly dangerous when other nonpolitical ends and aspects of our humanity are ignored, downplayed, or worse, delegitimized”. Concerning education, Glanzer warns that what he calls a “political conception of humanity” has led to “the political takeover of education, particularly higher education” [9, p. 343–345].

Here too, the preoccupation with citizenship as the end of education is not so different from earlier preoccupations with scientific, technological, or economic utility. Glanzer points out that civic and political educators today “are often quite sensitive to [the drawbacks of] reducing the purpose of education to getting a job or helping the economy”. This essentially Soviet approach, ironically reproduced in different form in western capitalism, is criticized by proponents of not only civic education but of a more aggressive trend that Glanzer calls

“Democratic Education” (using upper-case letters) and which he characterizes as “ideological”. Yet these same educators “fail to realize...that this same reduction in the purpose of education can be made in the name of political citizenship”¹ [9, p. 345, 349].

Practically, these arguments have been used to justify curtailing rights to private education — ironically for this part of the world. Significantly, Glanzer points out that such arguments “imitate justifications for limiting educational freedom offered by totalitarian governments such as those found in Communist countries”. This is now doubly ironic for Russia, not simply because of the Communist experience, but also because it comes at precisely the time when such alternative education is becoming popular in Russia and throughout Eastern and Central Europe. In February 2017, the Ministry of Justice officially registered APCO, the association of family education [11, p. 76]. Likewise, in May 2018, the Global Home Education Conference (the world’s largest gathering of homeschoolers) was hosted in Moscow and St Petersburg.

Theoretically, the problems Glanzer fears should not arise in a democracy. Where citizens make the decisions, pluralism and minority views should be respected. Many reasons might be cited for why the reality differs from the theory, but one that is relevant here involves another trend in education that also comes from utilitarian pressure. That is the retreat from the classical liberal arts toward increasingly applied fields — that is, education as training for specific job slots. This topic is too large to explore fully here. But if it is applied to the concept of “education for citizenship”, then we might ask ourselves if we are getting into the business of training professional citizens. For while we will always disagree on what specific “values” make for a good citizen, I hope we will never forget a very basic and essential principle of democratic citizenship: that a citizen is foremost an amateur. A citizen is not a paid professional but one who exercises citizenship from a sense of civic duty. One disturbing trend I see in the democracies today is the shift in civic governance away from private citizens toward paid professionals, so that what should be democratic decisions are becoming the preserve of those with a professional stake in not only the outcome but sometimes even the perpetuation of the problem.

Who do I mean by paid professional citizens? Anyone who makes a living at politics, which obviously can include many people: politicians of course, but also civil servants, lawyers and other judicial officials, journalists — and scholars (especially political scientists), for we too are part of the political class. So too are those scholars whom Glanzer criticizes for endeavoring to make all education (not only “political” education) a state monopoly, and other scholars like Glanzer himself.

At my small college, political science is by far the most popular major (often with pre-law purposes), along with connected (and applied) fields like journalism and strategic intelligence. While of course I welcome this interest in politics, I also wonder if we have become seminaries for training, not the broad citizenry to exercise their civic responsibilities, but an elite corps who will monopolize decision-making, wield power over others, and be paid for doing so. I am reluctant to add yet another comparison with the Soviet system, but does this not represent the degeneration of not only socialism but potentially democracy itself?

¹ “During the past decade or so”, complained Charles N. Quigley, executive director of the Center for Civic Education, apparently during the 1990s, “educational policy and practice appear to have focused more and more upon developing the worker at the expense of developing the citizen”. Quoted in Tatiana Samsonova. Political Socialization and Civic Education for the 21st Century: Russia and the USA, in *Citizens and Leaders in a Comparative Perspective*, ed. by Elena Shestopal. Moscow: Moscow University Press, 2013. P. 24.

Oscar Wilde's trenchant complaint about socialism — that “it takes too many evenings” — might equally apply to democracy itself: Our desire for a private life allows the decisions to be monopolized by the professionals.

My College is a Christian institution, and we use the language of “sacrifice” and “sacrificial”, but it is not necessary to frame the principle in religious terms. In this case, citizenship is a sacrifice because it demands duties that take one away from private pursuits that most people prefer, such as self, family, friends, livelihood, and pastimes. There is no need to be high-minded about it. It is simple self-interest for citizens to solve public problems that arise with as little fuss as possible, so they can return to private life. Those of us in the professional citizenship business, who are likely to actually enjoy politics (perhaps a little too much), and sometimes even to hold private life in contempt, can easily develop a stake in perpetuating indefinitely the public problems in which our identity is grounded and our livelihood depends.

Vaillant observes a trend, again in the current Russian context, that may be relevant here: “Academic courses on law, economics, and political science are increasingly taught in classes 10 and 11 at elite, specialized schools, most often for students preparing to enter institutes in those fields” [14, p. 239]. In other words, the top school levels are being marshalled to train state functionaries. In itself, there may be nothing wrong with this. Oxford and Cambridge and the French grandes écoles trained the cadres for the British and French empires. Even the founding of the first universities was driven in part by the practical need for an educated secular priesthood. So perhaps my nostalgia for a pure liberal arts is also naïve. The fact that a similar demands drove Soviet education does not in itself negate its legitimacy. But none of these examples of government by functionaries really claimed to be democratic. If we wish to be subjects of an empire or a new secular priesthood, we seem to be on the right path.

Professionalization is not necessarily ideological, but a complementary trend is fiercely so and raises similar dangers. This is the unexamined willingness to conflate citizenship with “activism”. Like political professionalism (to which it often aspires and leads), political activism is not temporary but permanent, and even more than professionalism it is openly ideological and contemptuous of competing claims to our time and allegiance, chief among them private life. One scholar who includes encouraging “grassroots activism” among the goals of civic education (also in the Russian context) demonstrates where the logic can lead. Noting that “some educators...are introducing elected school councils” (soviets?), she adds:

The irony is that they are reintroducing student institutions that look remarkably similar in form to the Soviet ones thrown out in the 1990s. [Then, without further apparent irony:] Evidently, there are many positive ideas in Soviet pedagogy and practice that can be rethought and recast with great benefit [13, p. 33, 35].

As mentioned, Glanzer also fears democracy itself becoming a “functional religion” or what others going back to Tocqueville have called a civil or political religion. To preclude this he suggests accommodating one particular human dimension in education alongside the political: the religious — historically a founding ingredient in traditional liberal arts education. I will not reproduce that case here, but I do want to suggest some implications for global politics.

These trends in education come against a backdrop of what appears to be the emergence of a new global alignment and even a new polarity. This polarity is complex and involves several dimensions: national sovereignty versus transnational institutions; ethnic identity versus abstract ideas; popular sovereignty versus judicial authority. But one critical dimension around which this polarity is increasingly ordering itself involves religious versus secular

values. And further, though I cannot even begin to explore it here, the single most salient element in this dimension revolves around the politicization of what had been the most intimate realm of private life: the family and sexuality.

Like the Cold War polarity, this one is both ideological and geographical. It too increasingly seems to pit the west against the east, with the dividing line falling somewhere in East-Central Europe. Further — and also eerily reminiscent of the Cold War — the global south is caught in the middle. It too seems similarly polarized, but with special concerns of its own.

Perhaps not accidentally, in education, these are both topics that in the past have elicited controversy. It may no exaggeration to say that, when education has been most fiercely politicized, the subject matter has involved either religion or sexuality or both. Religious instruction has long raised issues of church and state, and matters like “sexuality education” have further fueled the flames. Yet both these are now relatively minor components in a larger series of battles currently raging because of the politicization and “ideologization” of religion and the rights claimed by women, homosexuals, and other sexual minorities [6, p. 10].

In the past, these fields were considered of secondary political importance and not admitted to the top rank of “high politics”, especially in international relations. No longer is this true. Religion now claims the front pages daily, especially in the Middle East but also in the Hindu region and in Buddhist east and southeast Asia. Indeed, Russia and the west (and relations between them) are also affected. And here too, sexual politics have also become global in their claims for attention.

On the surface, religion is not polarizing in global terms. Somewhat like ethnicity in this respect, it is represented by a multiplicity of actors and grievances, and the political theater is largely regional (though less so than ethnicity). Also like ethnicity, religion has its left-wing and right-wing features, and others that defy ideological categorization altogether. Islamism largely succeeds “movements of national liberation” and inherits grievances of the left against “imperialism”, “colonialism”, and “capitalism”. But it also includes sexual puritanism more often associated with the right. The same is largely true of both Hindutva and politicized Buddhism, both of which can both reinforce and cut across ethnic loyalties. And finally, at the risk of wading into treacherous waters, another indication that religion is indeed part of a new ideological alignment are recent controversies involving the Russian Orthodox Church and its role in Russian politics¹.

What all this means for education is more than I can describe here. Most obvious is that, however these issues play out in the wider theater of global politics, they are certain to further agitate the universities and other cultural milieus. There is no need to describe this in the west, though perhaps one illustration of the implications for east-west politics is the closing of the Central European University, first in Prague during the 1990s, later in Warsaw, and now apparently in Budapest. In some ways, the changes since the 1990s are personified in the figure of George Soros. Widely praised during the 1990s for his work (mostly in university rebuilding) in East-Central Europe, he has become much more contentious today. As one who spent part of the 1990s on his payroll — and despite his feuds with such figures as Czech prime minister Vaclav Klaus — it is striking to me how one who started largely as an anti-Communist educational philanthropist could end up not only as a mover and shaker of governments but also a purveyor of global ideology [1].

Thus the tail of education may be wagging the dog of global politics. Given this possibility, I will just conclude with my conviction that the greatest failing in all education

¹ E.g., [6]; for a more nuanced treatment, see [5]; for a different view, [7].

today (including “civic”) — at all levels, from primary to university — and the one measure that could save us all a lot of trouble, might be broadly summarized as giving a much more elevated role to the field of comparative religion (including comparative political religion). No academic discipline has greater potential to combine the traditional with the current in ways that benefit everyone: to revive the religious roots (pagan and Islamic as well as Christian) of the liberal arts; to understand the religious origins of global ideology and its role in the origins of modern history [3]; and to address a subject of current global political urgency — and to do all this in a way that obviates controversies involving the allegiances of scholars and others, since the detached, disinterested, critical — in short, academic — study of religion need offend no one who is not overly thinned-skinned and need violate no principles separating church and state.

Finally, to close on an even more provocative note, politicized religion today is almost always connected to — indeed, inseparable from — an even more contentious issue and one that seems to be creating another new ideological alignment that is also global in scope: the politicization of the family and sexuality. This too is much more than I can discuss here, except to suggest that perhaps it is time for this too to be researched, scrutinized, and taught, not as an ideological vision, but with a healthy measure of academic detachment.

References

1. *Baskerville St.* Academic Freedom and the Central European University // *Academic Questions*, forthcoming, summer 2019.
2. *Baskerville St.* Civic Education, Political Science, and Education Reform in Central Europe // *PS: Political Science and Politics*, vol. 30, no. 1 (March 1997).
3. *Baskerville St.* Not Peace But a Sword: The Political Theology of the English Revolution, expanded edition. Eugene: Wipf & Stock, 2018.
4. *Bell D.* The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y.: Free Press, 1960.
5. *Coyer P.* (Un)Holy Alliance: Vladimir Putin, the Russian Orthodox Church and Russian Exceptionalism // *Forbes*, May 2015.
6. *Eklof B.* Introduction — Russian Education: The Past in the Present in *Education Reform*, 9.
7. *Freeze G.* The Russian Orthodox Church: Putin Ally or Independent Force? // *Religion and Politics*, Danforth Center for Religion and Politics, Washington University, <http://religionandpolitics.org/2017/10/10/the-russian-orthodox-church-putin-ally-or-independent-force/>, 10 October 2017.
8. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992.
9. *Glanzer P.* Saving Democratic Education from Itself: Why We Need Homeschooling // *Peabody Journal of Education*. 2013. 88.
10. *Laughland J.* A History of Political Trials. Oxford: Peter Lang, 2008.
11. *Polivanova K.N., Lyubitskaya K.A.* Family Education in Russia and Abroad // *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2017. Vol. 6, N 2.
12. Religion in the Russian Sphere of Influence, Berkley Center at Georgetown University. <https://berkleycenter.georgetown.edu/forum/religion-in-the-russian-sphere-of-influence>, 15 February 2018.
13. *Samsonova T.* Political Socialization and Civic Education for the 21st Century: Russia and the USA // *Citizens and Leaders in a Comparative Perspective*, ed. by Elena Shestopal. Moscow: Moscow University Press, 2013.
14. *Vaillant J.* Civic Education in a Changing Russia in *Education Reform in Post-Soviet Russia: Legacies and Prospects* / Ed. by Ben Eklof, Larry Holmes, and Vera Kaplan. London: Frank Cass, 2005.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Вилков А.А.

ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ НА НЕГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ ВУЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проблема преподавания политологии на негуманитарных факультетах является одной из значимых в рамках решения задачи формирования активистской политической культуры подрастающего поколения в современной России. Формально власть предрежащие осознают актуальность и важность данного направления политической социализации. Так в Законе «Об образовании в Российской Федерации» одним из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования является «...гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования».

О значении данного принципа свидетельствует, например, тот факт, что 20–22 декабря 2013 состоялся Всероссийский семинар — совещание с заведующими кафедрами общественных наук российских вузов, проведенный администрацией Президента Российской Федерации, в котором довелось участвовать и автору. В этом обучающем семинаре в качестве докладчиков выступили известные политики, общественные деятели и ученые: В. Володин, О. Морозов, М. Леонтьев, С. Глазьев, Д. Киселев, А. Мигранян, В. Чуров, В. Крашенинникова и другие. Одним из самых критичных в адрес политологов и историков было выступление О.Ю. Васильевой, которая на тот момент была заместителем руководителя Управления по общественным проектам Администрации Президента РФ на тему «Ценностные аспекты политики В.В.Путина». Основной вектор ее критики был направлен на недостаточный уровень воспитания патриотизма у выпускников вузов. На многочисленные реплики из зала заведующих кафедр различных российских вузов о том, что политология практически не преподается, О.Ю. Васильева пообещала разобраться. Последующее ее назначение в 2016 г. министром образования и науки вселило некоторые надежды на изменение ситуации в лучшую сторону особенно с учетом, что в это время происходило повсеместное внедрение новых ФГОС 3+.

Для того, чтобы разобраться в ситуации с преподаванием политологии на негуманитарных факультетах, рассмотрим ее на примере Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. В начале 1990-х гг. политология была включена в учебные планы всех факультетов СГУ и представляла собой полноценные семестровые

учебные курсы по схеме: 36 часов лекций + 36 часов семинаров. В результате можно было осуществлять полноценную воспитательную работу и формировать у выпускников университета не только основы знаний о политической системе и особенностях функционирования ее основных институтов, но и активную жизненную позицию.

Однако с 2000-го года по приказу Министерства образования и науки политология в вузах преподается фактически как факультативная дисциплина. Это означает в лучшем случае — 72 часа (2 зач. ед.), из них 36 часов аудиторных (чаще всего лекционных для больших потоков, либо 9 лекций, 9 семинарских занятий). Наиболее распространенный вариант — 36 часов (1 зач. ед.) (аудиторных от 10 до 18 часов в различных комбинациях). Однако чаще всего — политология не преподается.

Особенно резко сократилось преподавание политологии в СГУ в связи с процедурой подготовки к государственной аккредитации. Анализ причин показал, что важную роль сыграло отсутствие у деканов негуманитарных факультетов мотивации сохранения политологии в учебном плане в контексте компетентного подхода в соответствии с ФГОС.

Так ФГОС 01.03.02 «Прикладная математика и информатика» (уровень бакалавриата) нацеливает на то, что выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать следующими общекультурными компетенциями:

- способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1);
- способностью анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-2);
- способностью использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности (ОК-3);
- способностью использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности (ОК-4);
- способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5);
- способностью работать в команде, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-6);
- способностью к самоорганизации и самообразованию (ОК-7);
- способностью использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-8);
- способностью использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций (ОК-9).

Фактически, ни одна из этих общекультурных компетенций во ФГОС не нацеливает на преподавание политологии на мехмате и факультете компьютерных наук и информационных технологий. Точно так же обстоят дела и со многими другими ФГОС. Полностью идентичны вышеуказанным общекультурные компетенции во ФГОС 01.03.03 «Механика и математическое моделирование» (уровень бакалавриата); 06.03.01 «Биология» (уровень бакалавриата); 05.03.06 «Экология и природопользование» (уровень бакалавриата); 05.03.02 «География» (уровень бакалавриата); 18.03.01 «Химическая технология» (уровень бакалавриата); 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника» (уровень бакалавриата); 03.03.02 «Физика» (уровень бакалавриата); 03.03.03 «Радиофизика» (уровень бакалавриата).

Во ФГОС (уровень специалитета) ситуация не лучше. Например, во ФГОС 21.05.02 «Прикладная геология» (уровень специалитета) имеют место следующие компетенции:

- Способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу (ОК-1);
- Готовность действовать в нестандартных ситуациях (ОК-2);
- Готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала (ОК-3).

Остальные ОК (всего 10) повторяют вышеназванные ОК для бакалавриата. Такая же ситуация с ФГОС 06.05.01 «Биоинженерия и биоинформатика» (уровень специалитета).

Таким образом, ФГОС не ориентируют на изучение политической системы современной России и особенностей ее функционирования. Поэтому включение политологии в учебные планы и ее преподавание становятся заложниками межличностных отношений заведующего кафедрой и преподавателей с деканами других факультетов. В условиях «дорожной карты» по оптимизации нагрузки и штатного расписания это приводит к минимизации возможностей преподавания политологии на негуманитарных факультетах. Общение с коллегами из других регионов России показывает, что такая ситуация имеет место во многих российских вузах.

В результате, функциональный потенциал преподавания политологии для всех специальностей остается нереализованным. Студенты лишаются возможности получить знания о политике и политической системе, о ключевых политических институтах и механизмах и принципах их функционирования. Нереализованной остается функция формирования активистской политической культуры, воспитания граждан, патриотически настроенных, осознанно и активно участвующих в политической жизни страны, способных к самостоятельному анализу, рациональному и критическому осмыслению и решению накопившихся политических и социально-экономических проблем.

Для устранения данной проблемы представляется целесообразным от имени 3 съезда РОП подготовить для Министерства науки и высшего образования предложения по оптимизации ФГОС в части общекультурных компетенций. Например, включить во ФГОСы следующую общекультурную компетенцию: «Способность активно и осознанно участвовать в общественно-политической жизни страны на основе патриотического мировоззрения и демократических ценностей».

Имеет смысл подумать о различных формах стимулирования разработки «местечковых» учебников по политологии в регионах России (гранты, конкурсы).

Для того, чтобы усилить интерес студентов к политологии целесообразно радикально изменить программу учебной дисциплины для всех факультетов с точки зрения ее прикладной функциональности. Для этого минимизировать теорию (особенно для не гуманитарных специальностей) и заменить ее конкретными темами о политической системе современной России, ее основных институтах и механизмах, а также об особенностях политического устройства конкретного региона, в котором находится вуз. Возможно также включение характеристик отраслевых структур, связанных со сферой деятельности и трудоустройством конкретным выпускником. Это позволит гармонично соединить реализацию познавательной, воспитательной и регулятивной функций политологии на любом факультете вуза.

Дан-Чин-Ю Е.Ю.**О ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОФИЛЕЙ
В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ**

В современном мире продолжается стремительное развитие науки и техники. Возрастает роль естественнонаучного и технического образования. В нашей стране создана основа для развития высших учебных заведений технического профиля. Среди таких учебных заведений важное место занимает Российский университет транспорта. В своем нынешнем виде он образован на базе МИИТа, Московского института инженеров транспорта, который ведет свою историю с 1896 года. МИИТ ведет подготовку специалистов высшего и среднего профессионального образования для железнодорожного транспорта и других отраслей народного хозяйства по 64 специальностям и направлениям подготовки высшего профессионального образования, по 32 специальностям подготовки среднего профессионального образования, а также готовит рабочих и служащих по 134 профессиям. Имеет в своем составе 4 академии, 9 институтов, 4 факультета, 1 колледж (с учетом колледжей, входящих в состав институтов — 3 колледжа), гимназию, 24 филиала в 22 регионах России.

За эти годы вуз подготовил сотни тысяч высококлассных специалистов для железнодорожного и других видов транспорта. Выпускники возглавляют крупнейшие транспортные кампании России.

Вместе с тем, для управления современными транспортными объединениями одних административных и технических технологий недостаточно, требуется комплексное использование политико-административных мер. Необходимо готовить специалистов гуманитарного профиля для конкретных сфер деятельности.

В Российском университете транспорта успешно работает Гуманитарный институт, директор института доктор политических, и кандидат технических наук Горбунов А.А., выпускник МИИТа, хорошо понимающий потребности транспортных кампаний в специалистах гуманитарного профиля.

В настоящее время Гуманитарный институт осуществляет очную, вечернюю и заочную подготовку бакалавров по специальностям: «Психология», «Социология», «Государственное и муниципальное управление», «Туризм», «Гостиничное дело», «Связи с общественностью», «Менеджмент», «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью».

Ведущей для подготовки кадров для транспортной отрасли является кафедра «Политология, история и социальные технологии». В составе кафедры 10 докторов наук, 17 кандидатов наук. Благодаря высокопрофессиональному кадровому составу кафедра находится в числе лидирующих в Университете: по итогам рейтинговой оценки деятельности в 2005, 2009, 2010, 2011, 2013 годах была признана «Лучшей комплексной кафедрой университета». В 2015 г. по итогам конкурса «Гордость университета», в номинации «Самая активная кафедра по работе с молодежью» кафедра признана победителем.

Кафедра стала выпускающей в 2000 г., когда начала осуществлять подготовку по специальности «Реклама» и с 2002 г. — «Связи с общественностью», продолжая осуществлять функции общеобразовательной. С 2011 г. кафедра осуществляет подготовку бакалавров по направлению 42.03.01. «Реклама и связи с общественностью»

«Реклама и связи с общественностью в отрасли» — уникальная образовательная программа, позволяющая получить актуальные, фундаментальные и системные знания,

отвечающие всем современным требованиям, которые подтверждаются присвоением квалификации бакалавра по рекламе и связям с общественностью, которая подготавливает будущих бакалавров по рекламе и связям с общественностью для работы в транспортной отрасли России, т.е. на предприятиях связанных с различными видами транспорта: ОАО «РЖД»; ОАО «Первая грузовая компания»; ОАО «ФПК» в пресс-службах; отделах по работе со средствами массовой информации; в департаментах массовых коммуникаций; рекламных отделах.

К проведению учебных занятий в Гуманитарном институте широко привлекаются высококвалифицированные преподаватели-совместители, в число которых входят руководители и ведущие специалисты государственных и частных компаний, как российских, так и зарубежных.

Важную роль для подготовки профессиональных кадров для транспортной отрасли играет кафедра «Сервис и туризм». Кафедра «Сервис и туризм» создана приказом ректора университета от 6 июня 2001 года № 253/а в рамках существовавшего ранее Отделения сервиса и туризма МИИТ.

Отделение сервиса и туризма было создано в соответствии с решением Ученого совета университета от 22 марта 2000 года, протокол №6 для удовлетворения потребности в квалифицированных кадрах сферы сервиса и туризма. Презентация Отделения состоялась 30 августа 2000 года в VIP зале Казанского вокзала.

С 2002 года кафедра «Сервис и туризм» входит в состав Гуманитарного института Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ) и ведет подготовку по специальности 101103 «Социально-культурный сервис и туризм».

С 2011 года кафедра осуществляет подготовку бакалавров по направлениям подготовки туризм (Технология и организация туроператорской и турагентской деятельности; Технология и организация транспортных услуг) и гостиничное дело (Гостиничная деятельность). С 2014 года — по направлению менеджмент (Менеджмент гостинично-ресторанных предприятий; Менеджмент туризма). С 2015 года подготовку магистров по программе Корпоративные стратегии индустрии туризма и гостеприимства (направление менеджмент).

Во время обучения большое внимание уделяется глубокому изучению общепрофессиональных и специальных дисциплин по направлению деятельности, обязательным для студентов является углубленное изучение двух иностранных языков, из них: английский язык как обязательный, второй иностранный язык — по выбору студента.

Для чтения отдельных лекций и организации дипломного проектирования руководством кафедры «Сервис и туризм» активно привлекаются ведущие специалисты туристско-гостиничной отрасли Москвы, преподаватели из других профильных ВУЗов.

Проводимые лекции, семинарские занятия, круглые столы, конференции имеют мультимедийное сопровождение. В процессе обучения активно используются современные образовательные технологии: мастер-классы, выездные занятия.

Будучи одним из ведущих факультетов МГУПС (МИИТ), Гуманитарный институт имеет широкие партнерские связи с лучшими высшими учебными заведениями России, СНГ, ШОС, а также дальнего зарубежья.

Таким образом, целесообразно создавать в ведущих технических ВУЗах структуры гуманитарного профиля, для подготовки специалистов, обладающими компетенциями, соответствующими конкретной сфере практической деятельности.

Дринова Е.М.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ

В начале XXI в. сложилось несколько подходов к проблеме развития науки. Представители консервативного направления полагают, что современная наука переживает кризис, обусловленный идеологизацией научного и образовательного пространств. Ведущую роль играют идеологии неомарксизма, радикального феминизма, постмодернизма, теологии освобождения [5]. Н. Ореске считает, что кризис в науке следует рассматривать как попытку дискредитировать научные результаты, угрожающие корпоративным интересам [6, p. 469].

Иной точки зрения придерживаются представители второго подхода по мнению которых, для науки характерно бескризисное развитие [4; 2]. К.Х. Джеймисон рассматривает современную науку как появление новых возможностей, или даже как революцию в ходе которой учеными принимаются радикальные меры для борьбы с научными ошибками. Наука представляет собой одну из форм генерации знаний, соответственно говорить о кризисе науки становится неуместным [4, p. 2631].

Трендом политической науки выступает ее практический характер. Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, для современной науки актуальны «два проблемных блока. Первый — это взаимоотношения политической науки и практической политики. Второй блок — это внутренние вопросы развития дисциплины [7, с. 9]. Краеугольным камнем практической политической науки в образовательном общероссийском пространстве становится формирование знаний в сфере национальной безопасности.

Солидаризируясь с Б. Бузан, понимаем категорию национальная безопасность как социально сконструированную [1]. Национальная безопасность как многомерное понятие включает в себя военный, политический, экологический, экономический, социальный компоненты. В политической науке первые два анализируются как традиционные составляющие безопасности, в то время как последние рассматриваются как экзистенциальные, обусловленные бытийной сущностью человека. Военная и политическая безопасность направлены на защиту стабильности государств, его системы управления, идеологии. Экономическая безопасность понимается прежде всего как доступ к ресурсам, финансам и рынкам, которые необходимы для функционирования государства, поддержания приемлемого уровня существования человека. Экологическая безопасность направлена на поддержание планетарной и локальной биосферы, от нее зависит будущее развитие человечества, его выживание. Экзистенциальные аспекты социальной безопасности преобладают в устойчивом состоянии цивилизационного развития, культуры, религиозной и национальной идентичности. [1, P. 8–76].

Практическая политология в области изучения национальной безопасности должна базироваться на стремлении понять цивилизационные основы государства, политические идеалы, религиозные убеждения, нравственные императивы, национальную культуру, традиции, обычаи, язык, религию. Только в таком аспекте появляется возможность идентифицировать то, что необходимо государству и человеку защищать [3, p. 201–216].

В современной России глобальные изменения происходят на уровне образовательных институтов. Практический характер политической науки в общероссийском

образовательном пространстве обусловлен рядом факторов, таких как турбулентность внешнеполитического процесса, становление новой системы международных отношений, миграционный кризис, международный терроризм, угрозы глобальных рисков, неустойчивость экономических, социальных, национальных, религиозных процессов; происходит формирование новой модели взаимоотношений государства и гражданского общества. Обозначенные выше процессы актуализируют проблему национальной безопасности РФ, возрастает потребность в специалистах политологах, обладающих фундаментальными знаниями в сфере национальной безопасности. Основными задачами практической политологии в сфере национальной безопасности выступают: формирование знаний и навыков, необходимы для обеспечения личной, политической, религиозной, социальной, национальной безопасности.

Библиография

1. *Buzan. B., Waever. O. J. de Wilde.* Security: A New Framework for Analysis (1998), 239 p.
2. *Fanelli D.* Opinion: Is science really facing a reproducibility crisis, and do we need it to? // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2018. Vol. 115 (11). 2628–2631 pp.
3. *Grygiel J.* Educating for National Security // Orbis. 2013. Vol. 57(2), 201–216 pp.
4. *Jamieson K.H.* Crisis or self-correction: Rethinking media narratives about the well-being of science // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2018. Vol. 115. N 11. P. 2620–2627.
5. *Michaels D.* Doubt is their product: How industry's assault on science threatens your health. N.Y.: Oxford University Press, 2008. 469 p.
6. *Oreskes N.* Beware: Transparency rule is a trojan horse // Nature. 2018. Vol. 557. P. 7706.
7. *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН/РАПН // Полис. Политические исследования, 2016. N 1. С. 8–28.

Дроботушенко Е.В.

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ПЕРИФЕРИЙНОМ ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дисциплины политологического цикла, можно разделить на две части. Первая — это курсы, читаемые на непрофильных направлениях подготовки, такие, как «Политология» и различного рода факультативные дисциплины. Вторая — это дисциплины, преподаваемые непосредственно в рамках обучения по направлению «Политология», по уровням, как бакалавриата, так и магистратуры.

В первом случае ситуация просто катастрофична. Дисциплина «Политология» практически «ушла» с непрофильных направлений подготовки или специальностей. На 2018 г. в Забайкальском государственном университете существует около 150 программ, около 60 из которых — это программы магистратуры. Политология преподается только по нескольким направлениям, хотя еще недавно, по стандартам второго поколения, она являлась обязательной для изучения по всем специальностям.

Специфика преподавания дисциплин по направлению «Политология» определяется, как объективными, так и субъективными факторами.

Объективные факторы — это то, что не зависит от региона, высшего учебного заведения, то, что определяется федеральными властями для всей страны. К ним мы отнесем: Федеральные государственные образовательные стандарты, процедуру государственной аккредитации, выделяемые бюджетные места по укрупненным группам специальностей, не ясность для широкой общественности профессии «политолог» и др.

Большой вопрос вызывают существующие федеральные образовательные стандарты. Причем вопрос вызывали стандарты поколения «3», сейчас вызывают стандарты поколения «3+». Так, очевидной проблемой является установленный процентный порог обязательного наличия работодателей по направлению «Политология» для магистерской программы «Прикладная политология» в 20 %. Это, пожалуй, самый большой порог процент в магистерских программах. Такого процента работодателей нет нигде. Работодателями для направления являются представители органов государственной власти и местного самоуправления, региональных отделений политических партий, консалтинговых компаний. Требуемый, согласно стандарту, процент остепененных преподавателей, т.е. докторов и кандидатов наук должен составлять — 60, с профильным образованием, так же — 60. Понятно, что основная масса работодателей — это не остепененные граждане и далеко не всегда с профильным политологическим образованием. Возникает проблема соотношения названных показателей. Либо один, либо второй будет западать, что не позволяет пройти аккредитацию. Данные показатели не исправляемы в ходе аккредитационных проверок. Они либо соответствуют требованиям, либо нет, и тогда направление автоматически не аккредитуется и тянет за собой всю укрупненную группу специальностей.

Стандарт поколения «3++», вводимый в действие с 2019 г. устанавливает порог работодателей в 5 %. Возникает закономерный вопрос: «Для чего в предыдущем стандарте устанавливался подобный порог?». Для нас очевидно, что разработчики стандартов руководствуются не реалиями времени и рациональным подходом, не пониманием реальной ситуации, а тем, «что пришло в голову» и «как уж получилось». Так же совершенно очевидно, что профессиональное сообщество, особенно те, кто находится на стыке образования и науки серьезного участия в разработке новых федеральных государственных образовательных стандартов участие не принимает.

Еще один аспект, касающийся ФГОС заключается в том, что, на наш взгляд (с этим, очевидно, согласаться не все) значительный перекосяк, особенно на первом курсе, в сторону общих предметов и предметов теоретической направленности. Сегодня, у молодого поколения превалирует потребность в практиконаправленных дисциплинах. Складывается ситуация, когда в процессе обучения на первом курсе и сразу после его окончания часть студентов отчисляется по собственному желанию с формулировкой «не туда поступил».

Проблемой для периферийного вуза стала и отмена в стандартах «3++» обучения по заочной форме, что привело к потере части студентов.

Значительной проблемой для периферийных территорий является неясность профессии «политолог» для широкой общественности. Затянувшийся процесс (а изначально, на наш взгляд, поздно начатый) разработки и принятия профессионального стандарта привел к ситуации, когда потенциальный студент не понимает, куда он поступает. Имеющееся понимание направлений «Юриспруденция», «Государственное и муниципальное управление», «Социология» приводит к тому, что абитуриент уходит именно туда.

Еще один объективный фактор — это закрытие диссертационных советов и ликвидация бюджетных мест в аспирантуру. При Забайкальском государственном уни-

верситете относительно длительное время такой совет действовал, существовал совет по политологии и в соседней Республике Бурятия. Оба совета закрыты. Более того, в Сибири нет ни одного действующего совета на осень 2018 г. Как можно говорить о серьезном развитии политологической науки без аспирантуры и защиты диссертаций?

Субъективные факторы — это особенности развития региона, высшего учебного заведения. Значительная часть удаленных от центра, периферийных регионов Российской Федерации является если не депрессивными, то и не самыми богатыми. Забайкальский край, во-первых, депрессивен, во-вторых, по сравнению с иными, так же депрессивными регионами, социально-экономическая ситуация в крае выглядит не слишком хорошо. Отсюда отток населения из региона. Сокращение количества бюджетных мест вкупе со значительной стоимостью внебюджетного обучения для достаточно бедного региона приводит к ситуации, когда студентов, обучающихся по направлению «Политология» из года в год становится все меньше и меньше.

Перспективы развития политологического образования в России видятся, на сегодняшний день, относительно слабыми. Точнее, судя по всему, свое дальнейшее развитие оно еще может получить в крупных городах, с большим населением и относительно благополучной социально-экономической ситуацией, в крупных высших учебных заведениях, где выделяется достаточно бюджетных мест и стоимость обучения приемлема. В то же время, совершенно очевидно, что, если ситуация не изменится, политология как учебное направление уйдет из основной массы субъектов Российской Федерации в ближайшее время. С прекращением преподавания по направлению «Политология», происходит закрытие кафедры и, соответственно, из регионов постепенно уйдет и политологическая наука.

В ситуации, когда картина абсолютно очевидна, понимание, как представляется, в профессиональном сообществе имеется, говорить о возможных путях выхода из ситуации, вероятно, не имеет смысла. Перечислить их не сложно. Это: 1. Целенаправленная работа того же профессионального сообщества, Российского общества политологов, Российской ассоциации политической, УМО по, пускай незначительному, но увеличению бюджетных мест по укрупненной группе специальностей. 2. Участие в разработке Федеральных образовательных стандартов четвертого поколения с необходимостью сделать их более рациональными и понятными для потенциальных обучающихся. Введение дисциплины «Политология» в обязательные дисциплины для непрофильных направлений. 3. Окончательное решение вопроса с профессиональным стандартом «Политолог», с активизацией популяризации профессии. 4. Решение вопроса об открытии (как бы сложно это не было) диссертационных советов по политологии в периферийных вузах.

Представляется, что даже с решением поставленных задач, перспективы развития политологического образования в отдаленных регионах, слабые.

Жихаревич М.Е.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ: ОБРАЗ ГРАЖДАНИНА

В постсоветский период в российской школе политическое образование являлось составной частью ставшего популярным в 90-е годы направления образовательной деятельности, именуемого гражданским образованием — civic education (англ.) и die politische Bildung (нем.). В значительной степени это было попыткой заимствования зарубежного опыта в контексте декларируемой «демократизации» общества. Без малого двадцать лет назад в Псковском Институте повышения квалификации работников образования был создан Центр гражданского образования (ЦГО), которым на протяжении всего этого времени руководит автор этих строк. Одной из важных задач ЦГО стало, на мой взгляд, создание методологической базы повышения квалификации учителей в области гражданского образования. Помимо всего прочего, это было связано с тем, что данное направление существовало и развивалось, главным образом, в рамках педагогики, что нередко приводило к чрезмерному увлечению методическими аспектами в ущерб содержательным, недостаточному вниманию к содержанию, неадаптированному к российским реалиям заимствованию зарубежного опыта.

Теорию и практику гражданского образования необходимо постоянно апробировать в контексте академической науки — философии образования и политологии. Одним из важных методологических положений я считаю подход, с точки зрения которого гражданское образование есть: а) вхождение человека в мир общественных отношений, политики и права; б) освоение ценностей, смыслов и механизмов функционирования гражданского общества, политической и правовой систем; в) обретение собственного образа гражданина; г) становление духовно-нравственных качеств личности, составляющих содержание гражданственности. Перечисленные параметры могут быть определены как факторы, составляющие содержание гражданской идентичности. Именно утрата советской гражданской идентичности стала одной из главных причин актуализации проблем гражданского образования. Отметим также, что все перечисленные параметры имеют политическое содержание. В этой связи политическое образование обретает системообразующую функцию в гражданском образовании.

Система ценностей, формируемых в процессе гражданского образования в нашей стране, складывается из ценностей русской национальной культуры, культур других народов многонациональной России, ценностей зарубежных культур, а также ценностей исторически сложившихся в ходе культурного диалога и взаимной адаптации. Данная точка зрения представляется плодотворной, поскольку отвергает унификацию ценностей, предполагающую наделение общечеловеческим статусом только ценностей западной цивилизации. Такие традиционные для русской культуры ценности, как патриотизм, служение Отечеству, справедливость, способность признать приоритет общего над личным и вытекающая из него идея служения, милосердие, способность к сопереживанию, терпимость к другим культурам и народам, приоритет духовно-нравственного начала над материально-прагматическим могут быть сопоставлены с ценностями, зародившимися в недрах западной цивилизации, к которым относятся гуманизм и антропоцентризм, индивидуальная свобода, права человека, свобода совести, уважение к собственности, материальное благополучие. В этом смысле уместно говорить о методологическом принципе взаимной адаптации ценностей, который, на мой взгляд, применим и к политической сфере. Ценностный подход оказывает

определяющее влияние на целеполагание, постановку задач, выбор средств и методов формирования гражданской идентичности и ее политической составляющей в образовательном процессе.

В исторических условиях современной России смысл гражданской идентичности выходит за рамки сферы образования. Главным является то, что ответ на внутренние и внешние вызовы, стоящие перед Россией, предполагает осознанное участие граждан в решении исторических задач, осознание национальных интересов страны. В демократическом обществе определение национальных интересов предполагает широкое общественное обсуждение, поскольку их понимание оказывает существенное влияние как на настоящее, так и на будущее страны и ее граждан. К тому же, есть проблема разрыва между официальными формулировками национальных интересов и повседневным опытом конкретного индивида. С точки зрения граждан конкретной страны, этот разрыв имеет большое значение, и в моменты кризиса может переживаться как утрата контроля над собственной жизнью, «вброшенной» в стремительный поток исторических событий. Применительно к проблематике национальных интересов, гражданское образование и его политическая составляющая призваны помочь гражданам страны лучше ориентироваться в своей исторической и политической ситуации.

В деятельности ЦГО заметную роль играет и такой ее аспект, как актуализация ценностей гражданского образования в соответствии с важнейшими задачами, стоящими перед российским обществом и государством. Речь идет о конкретизации системы базовых национальных ценностей, в том числе, ценностный подход к формированию неприятия коррупции и ксенофобии. Противодействие указанным явлениям мы рассматриваем в контексте содержания гражданской идентичности, а, следовательно, образовательного процесса в целом и повышения квалификации педагогов как его существенной части.

Образовательный процесс всегда протекает в определенном историческом и общественно-политическом контексте. Одной из существенных особенностей этого контекста в наше время является информационная война, направленная на подрыв гражданской идентичности населения для достижения определенных политических целей. В ходе ее используются различные приемы и информационные технологии, среди которых особую роль играют фальсификации истории.

ЦГО обращается к данной проблеме в ходе разработки содержания, организации и проведения курсов повышения квалификации, проблемных семинаров и научно-практических конференций соответствующей тематики. При реализации программ повышения квалификации обращается внимание на ряд существенных аспектов, связанных с противодействием фальсификациям истории.

Прежде всего, речь идет о постановке фальсификаций истории в контекст информационной войны, раскрытие их предназначения как метода ведения последней. В части познавательной фальсификаторами предпринимается попытка сформировать ложные представления об образе страны, ее политическом устройстве, культуре и традициях, о роли тех или иных исторических личностей, о характере взаимоотношений с другими странами. В части ценностной — разрушающее воздействие на существующую систему ценностей, имеющую истоки в истории страны; внушение негативного отношения к принадлежности к данной гражданской общности. В части эмоциональной — внушение чувства стыда за историю своей страны и принадлежность к ней. По замыслу ведущих информационную войну все вышеперечисленное должно побуждать к определенному деструктивному политическому поведению. Важно отметить и то, что исторические события могут быть актуализированы сообразно тем или иным потребностям политики.

Все вышеизложенное, на мой взгляд, дает основания для вывода о системообразующем характере политического образования в становлении собственного образа гражданина.

2Процесс гражданского (в том числе и политического) образования является непрерывным и продолжается в системе высшего профессионального образования. Гражданское образование является обязательной составляющей подготовки специалиста. Это обусловлено тем, что в период обучения в вузе становление собственного образа гражданина, гражданской позиции продолжается. Перед высшим учебным заведением стоит задача подготовить не только высококвалифицированного специалиста, но и ответственного гражданина, имеющего собственное мнение, умеющего принимать взвешенные решения, отвечающего за свой выбор. Следует обратить внимание и на проблему преемственности школьного и вузовского политического образования в контексте формирования гражданской идентичности.

В заключение, представляется важным обратить внимание на необходимость включения теории гражданского образования в контекст политической науки, что требует вывода его содержания за рамки педагогической прагматики.

Зуляр Ю.А.

**МНОГОПРОФИЛЬНАЯ И МНОГОКАНАЛЬНАЯ СИСТЕМА
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ИНКОРПОРИРОВАННАЯ
В РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
(НА ПРИМЕРЕ ИСТФАКА ИГУ)**

Начало становления социально-политического образования в Иркутском университете, и в целом в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке началось в октябре 1918 г. — т. е. 100 лет назад. В составе открытого университета функционировал историко-филологический факультет (истфил) на котором было открыто историческое отделение, затем Восточное отделение (международные отношения). В процессе трансформации этого факультета в гуманитарный, затем в факультет общественных наук, затем в хозправфак и педфак появились философское подотделение, кафедра исторического материализма и в 1924 г. — кафедра ленинизма — затем марксизма-ленинизма.

В 1930 г. университет был расформирован — в 1931 г. восстановлен, но гуманитарные факультеты вновь открылись лишь в 1940 г. Однако преподавательские кадры не исчезли — они перешли в созданные в 1930 г. педагогический, финансовый, горный, медицинский факультет, краеведческий музей, советские органы и СУЗы, СМИ, а так же остались на кафедре марксизма-ленинизма созданной в 1931 г. и укрупненной в 1938 г.

Говорить о начале восстановления элементов социально-политического образования в университете можно с 1956 г. когда на базе кафедры марксизма-ленинизма были созданы каф. истории КПСС и кафедра философии. Затем появилась кафедра научного коммунизма и кафедра истории КПСС исторического факультета. В середине 1980 г. на истфаке было введена специальность история КПСС, просуществовавшая до 1992 г.

В начале 1990-х гг. началось преподавание политологии на всех факультетах университета и открыта специальность социология. В нулевые годы на истфаке были открыты специальности «международные отношения» и «политология». В 2010-е гг. — зарубежное регионоведение, религиоведение и философия. Кроме этого на факультете

производится подготовка бакалавров по направлениям музеология и культурология (управление в социокультурной сфере). В настоящее время на факультете функционируют такие направления магистратуры, как история, религиоведение, международные отношения, и с этого года — политология.

Создание такого разнопланового социо-политического и гуманитарного учебного комплекса создало уникальные условия для профессиональной, научной и коммуникационной подготовки специалистов в области политических наук. Его ключевым элементом является механизм постоянного и одновременного взаимодействия студентов и преподавателей разных социально-гуманитарных и политических направлений в локальном факультетском пространстве. Он позволяет осуществлять постоянную эффективную психолого-знаниевую коммуникацию внутри студенческого коллектива в учебном процессе, во время общественной деятельности и досуга.

Фундаментом и условием успешного функционирования многопрофильной и многоканальной системы политического образования этого комплекса является преподавательский корпус. Он многосоставной: в нем работают штатные преподаватели факультета, в том числе имеющие опыт работы в государственных и самоуправленческих органах власти, в общественных организациях и СМИ. На факультете преподают преподаватели университетских институтов: юридического, социальных наук, ИФИ-АМа (филология, журналистика, иняз), экономики и математики. Кафедра политологии является базовой кафедра академического института географии, представители которого также преподают на факультете, а выпускники ежегодно поступают туда на обучение в аспирантуру. 10 % нагрузки на бакалавриате и 20 % в магистратуре выполняют практики, занятые в сфере международных отношений, областных органах власти, общественных организациях и СМИ.

Большое внимание в учебном процессе уделяется организации НИРС. На факультете работают 10 исследовательских площадок, где студенты всех курсов работают с ведущими учеными подразделения, выполняя реальную работу, порученную их руководителям, соответствующими структурами и организациями. Ежегодно проводится студенческая многопрофильная научная конференция со всероссийским участием, материалы которой издаются отдельным сборником. Студенты в обязательном порядке присутствуют на всех научных профильных конференциях, проводимых на факультете (их несколько). На факультет издается три научных журнала из списка ВАК, в том числе «Политология», которые используются в качестве дополнительной литературы. Студенты привлекаются к выполнению грантов. Значительный процент студентов являются именными стипендиатами за научную деятельность: оксфордская, прохоровская, губернаторская и др. Студенты факультета после завершения образования едут поступать и поступают на бюджетные места в магистратуру и аспирантуру вузов Москвы и Санкт-Петербурга.

В целях изучения реалий функционирования учреждений, на работу в которых они ориентированы, студенты проходят практику в структурах МИДа, областного правительства, заксобрания, мэрии областного центра, международных бизнесструктур, общественной палаты, СМИ и др. Они обязательные участники всех значимых политических акций, кампаний и праздников. Студенческие лидеры отвечают за важные участки работы при проведении международных молодежных мероприятий, проводимых во множестве на Байкале. Ежегодно студенты проходят кратко и долгосрочные стажировки, в Китае, Японии, Монголии, Польше.

Студенты являются активными участниками всех избирательных кампаний, вплоть до систематического участия в них в качестве кандидатов в депутаты. Взаимодействи-

ют с ведущими политическими партиями и культурно-национальными автономиями. Привлекаются к работе центральными и районными избиркомами.

Большое значение для подготовки специалистов имеет их участие в работе общественных организаций. На факультете действует мощная профсоюзная организация, ее представители составляют значимую группу в профкоме вуза. Студенты полностью отвечают за ряд важных направлений жизни факультета: спорт, общежитие, студенческие научные кружки и клубы, досуг и др. Организуют проведение студенческой научной конференции «Клио», праздник «День знаний» для принятых на 1 курс, праздник- посвящение «Геродот», торжественное вручение дипломов и работу с абитуриентами и первокурсниками, оказывая им шефскую помощь. Ряд студенческих политических и интеллектуальных объединений, перерос рамки факультета и трансформировался в городские и областные организации. Студенты факультета неизменные члены молодежной думы города. На базе факультета работают городские и областные структуры и организации, участвуют студенты других вузов и школьники.

Таким образом, на историческом факультете Иркутского госуниверситета создана и успешно функционирует многопрофильная и многоканальная система политологического образования, инкорпорированная в региональный политический процесс.

Ильин А.Ю.

ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Включение в политическое образование студентов локальных практик общественного участия требует пояснение.

И в первую очередь обращение к локальным практикам важно с точки зрения самого процесса политического образования и просвещения в регионах на примере Республики Карелия, граничащей со странами Евросоюза.

В республике, с высоким процентом недоверия к политике и политикам, о чем неумолимо свидетельствуют цифры всех электоральных циклов, включая и последние выборы в ЗС РК и выборы Президента РФ.

В республике, в которой с февраля 1991 года читается курс политология, а с 1996 года идет подготовка студентов по направлению политология. А с 2000 года и по международным отношениям.

В ситуации, когда отсутствует процесс направления или самостоятельной миграции выпускников столичных вузов в регионы. И данная тенденция пока не имеет перспектив измениться. А скорее наоборот, отток уже не только выпускников школ, но и выпускников вузов из региона не прекратиться в ближайшее десятилетие.

В последние годы в России активным образом проходила и продолжает идти модернизации и оптимизации образования. Современные образовательные стандарты переориентированы на компетентностный подход. Из них изъяты набор обязательных профессиональных дисциплин, что фактически предоставляет образовательным учреждениям свободу формировать траекторию обучения и подготовку будущих специалистов по своему усмотрению.

При подготовке специалистов по политической науке в зависимости от статуса вуза, его географического положения и ряда других обстоятельств выпускники с записью «Политолог» в дипломе, в рамках академического бакалавриата фактически могут обладать различным набором знаний. При этом в приложении к диплому будут прописаны профессиональные учебные дисциплины, не совпадающие по названиям. Если данные различия не влияют на компетенции специалиста, а лишь позволяют точнее и глубже проникать в суть решаемых актуальных задач, то сами они не столь важны.

Тем не менее, возникает вопрос, с какими проблемами сталкиваются учебные заведения в ходе подготовки как будущих специалистов по направлению «Политическая наука», так и студентов обучающихся на других направлениях? И здесь, как показывает практика, срабатывает принцип «Лучшее — враг хорошего».

В результате, не политологических специальностей, из стандартов, фактически исчезло упоминание самого термина политика, и производные от него, в компетенциях будущих выпускников. Как следствие, борьбы «за место под солнцем» или негативного отношения и пренебрежения к политической науке как отдельной сферы и учебной дисциплины политология была изъята почти из всех учебных программ студентов не политологических специальностей. И это накануне 30-летия ее легализации в СССР.

Политическое образование свелось к просветительским акциям в рамках общеуниверситетских или студенческих проектов, ограничиваясь идеями пропаганды гражданской ответственности и патриотического воспитания.

Характер подготовки студентов-политологов в Карелии в этот период также подвергся изменениям. Что это за изменения?

Перед тем как ответить на этот вопрос требуется небольшое, но важное отступление. Один из признаков, критериев качества подготовки студентов является востребованность выпускников. Отметим, что на протяжении всего времени подготовки таких специалистов в Карелии, начиная с 1996 года и первого выпуска в 2001, отсутствовал профессиональный стандарт политолога. Тем не менее, трудоустройство выпускников имело широкий профессиональный спектр.

Традиционными сферами стали продолжение обучения в аспирантуре, а позже с введением новых стандартов, и в магистратуре, как в России, так и в зарубежных странах (в первую очередь — Финляндия, Германия, США). Значительно число выпускников пошло на службу в органы государственной и муниципальной власти, в том числе и правоохранительные структуры. Выпускники работают в некоммерческих организациях, осуществляющих международное сотрудничество; российских и иностранных (в первую очередь, финских) бизнес-структурах, занимающихся международными проектами (в т.ч. в сфере туризма); в сфере преподавания в Высших учебных заведениях Карелии, Санкт-Петербурга, Финляндии и так далее.

Сведения о востребованности выпускников на текущий момент позволяют говорить, что более половины всех выпускников заняты в системе образования и деятельности общественно-политических и государственных органах власти. Более тридцати процентов в сфере управления, а также специалистами по рекламе, маркетингу и связям с общественностью в государственных и частных коммерческих организациях.

Стоит понимать, что сегодня в связи с отсутствием обязательного централизованного распределения кафедры, ведущие подготовку специалистов, ориентируется на самостоятельный поиск потенциальных работодателей как в структурах политических партий, общественных организаций, органах государственной власти и местного самоуправления, так и в коммерческих организациях.

В целом, можно резюмировать, что подготовка по направлению «Политическая наука» позволила вырастить специалистов с широким спектром применения. Сама специальность стала универсальной для ее вполне утилитарного использования в общественной и экономической жизни страны.

Однако вернемся к проблематике. Переход на систему бакалавр/магистр, сопряженное с внедрением фактора «подушевого» финансирования, увеличения числа студентов на одного преподавателя и фактора снижения требований к качеству подготовки абитуриентов, (система ЕГЭ не повысила качество подготовки, поступающих в вузы школьников), ограничила университетам возможность отсева как абитуриентов, так и студентов, которые не способны овладеть академической программой. Это сказалось и на возможностях преподавателей сохранить и повышать качество самого обучения.

Данные объективные обстоятельства общероссийского уровня дополнились трансформациями в самих вузах. В частности, Петрозаводский государственный университет и во многих вузах страны, принял жесткие меры по укрупнению и видоизменению собственных образовательных структур. Ликвидированы факультеты. Им на смену пришли укрупненные институты. Изменилась система администрирования внутри этих структур.

Сокращения бюджетных студентов и, фактически отсутствия приема студентов на договорной основ, вместо полноценных пяти при специалитете и четырех курсов при бакалавриате, остались две группы политологов, которые набираются через год, чередуя набор студентов на подготовку по направлению международные отношения.

В качестве промежуточного итога всех этих трансформаций можно смело говорить об увеличении трудностей в процессе подготовки специалистов. Оно обусловлено как внешними факторами (на пример, качеством абитуриентов), так и внутренними (на пример, усложнением системы управления и администрирования). Наряду с этим вполне очевидными прикладными проблемами возникают и более концептуальные вопросы. В каком направлении пойдет освоение и развитие политической науки? Какие идеи, направления, концепции и теории уйдут не из-за их незначительности или неактуальности, а из-за потребности в решении сиюминутных задач и прагматизма исследователей, преподавателей «носителей знаний, умений и навыков»? Насколько это повлияет на развитие политической теории, формирование и развитие политических идей, решение фундаментальных и прикладных задач в сфере политики? Что в результате будет с самим процессом ее преподавания?

На сегодняшний день общетеоретическая подготовка остается существенной частью немногочисленных студентов-политологов в Карелии. Преподавание фундаментальных дисциплин, таких как истории политических учений, теория политики и других, для обучения политолога является обязательным. Тем не менее, прикладные вопросы политики применительно к региональным задачам также приобретают свою важность, а с момента получения университетом статуса опорного ВУЗа и вовсе становятся приоритетными.

Как результат, в последние годы центральными темами исследований в рамках учебных дисциплин и написания квалификационных работ стали проблемы взаимодействия власти и общественных структур, сами общественные инициативы, анализ актуальных практик и специфики публично-властной коммуникации в социально-политической сфере в Карелия.

Изучаются модели открытого государственного управления, сетевого взаимодействия политических и гражданских институтов, конвенциональных форм участия в

решении политических задач, социально-политическое развитие России и специфика их проявлений на региональном уровне.

Упор при этом делается на эмпирические исследования по выявлению факторов, обеспечивающих устойчивость политической системы, воспроизводство ценностей политической и правовой культуры, политику идентичности в контексте развития национального политического сообщества.

Другое, востребованное направление исследований связано с изучением трансформации партийной и избирательной систем, анализом технологий, используемых во время избирательных кампаний. Оно отразилось как во введении специализированных учебных курсов, так и проведении мониторингов, круглых столов, конференций по анализу трансформации партийной системы, избирательных кампаний, а также исследовании политических элит в процессах трансформации современных политических практик в регионе. Данные феномены рассматривались в качестве институциональной среды развития практик публично-властного диалога и анализировались с выявлением, как общероссийских трендов, так и региональной специфики.

Студентами совместно с преподавателями создаются творческие коллективы, дискуссионные площадки (Политклуб, Точка Кипения, Молодежный инновационный парк и т.п.). Проводятся исследования популярности политических и общественных деятелей, политических партий, общественного мнения о деятельности государственных ведомств (МВД, местного самоуправления), в рамках учебных заданий мониторинг СМИ, Интернет, опросы экспертного сообщества (Карелпартстат 2016, Петрополисс 2016, Политический термометр 2015, Карелия в федеральной повестке дня 2014) и другие.

Мониторинг исследований последних лет, проведенных учеными ПетрГУ в сфере политической и общественной жизни, показывает обширный охват проблем и форм их решения. Главным образом они фокусируются на региональном и локальном уровнях (Петрозаводского городского округа, Костомукшского, Сортавальского и других районов). Все они составляют существенную часть тем, осваиваемых студентами в рамках учебных курсов.

Повторюсь, помимо изучения институциональной среды и обеспечения устойчивости политической системы, вопросами исследований являются трансформация административно-политической элиты республики, избирательной и партийной систем, локальные практики взаимодействия властных структур республики и общественных организаций (на примере социально ориентированных НКО, органов местного самоуправления, общественных слушаний, и др.) в контексте моделей открытого государственного управления, делиберативной и мониторинговой демократии. Часть этих исследований является запросом собственно государственных структур республики. Среди них наиболее актуальными темами стали вопросы этнокультурных, межнациональных и межрелигиозных отношений как оснований гражданского единства; защиты прав и обеспечению безопасности граждан; проблемы взаимодействия региональных, муниципальных органов власти, бизнес групп и многие другие. Естественно не остаются без внимания вопросы включенности Карелия в социально-экономические и политические процессы Северного и Приарктического региона, в том числе в рамках приграничного сотрудничества со странами Северной Европы.

Методологической основой исследований при их многообразии остаются вопросы и теории, рассматриваемые в рамках неореализма и неолиберализма, за крайне редким исключением неомарксизма, в сфере международных отношений, притом зачастую не всегда оправданно и не критично.

При исследовании локальных практик, в том числе кроссдисциплинарных проблем взаимодействия власти и общественных институтов, преимущественно используются теория нового институционализма и конструктивизма. В связи с ориентацией на региональные и локальные вопросы и сам образовательный процесс в большей степени ориентирован на изучение теорий и методологических подходов, обеспечивающих решение исследовательских задач. Это приводит если не к сокращению, то к маргинализации изучения вопросов истории, философии политической мысли, как отвлеченного абстрактного знания. А изучение вопросов русской политической мысли или политической мысли как таковой становится экзотикой. Исключением является, сохранившаяся практика написания курсовых работ на первом и втором курсах. Здесь выбор тем ограничен предметом «История политических учений». Данная практика позволяет хотя бы в малой мере сохранить традиции изучения самих политических идей. На старших же курсах число таких работ практически иссякло за последние два-три года. Здесь стоит напомнить, что в течении минувших десяти-пятнадцати лет по темам русской политической мысли сотрудниками кафедры было защищено три кандидатских диссертации.

Таким образом, можно заключить, что в последнее время проявляется тенденция утилитарного отношения к изучению политической науки. И преподаватели, и студенты стараются сделать сам предмет практически ориентированным.

С точки зрения получения краткосрочного результата для оценки тех или иных событий общественной жизни, а также создания возможностей дальнейшего трудоустройства это вполне оправданно. Однако переключение образовательного, научного и исследовательского процесса исключительно в данное русло наносит серьезный удар по теоретическому базису. Специальность сталкивается с явным недостатком теоретического развития. Отсутствуют новые теории, взгляды и мысли.

В долгосрочной перспективе это приведет к тому, что будет невозможно даже прикладное использование политической науки, поскольку у нее просто не будет ни идейного, ни методологического потенциала для изучения серьезно изменившегося общества. Наука станет закостенелой и неспособной искать, давать и объяснять ответы.

Подводя итог, стоит отметить, что при всех изменениях в научной и образовательной среде, политическая наука подтверждает свое значение и необходимость. На сегодняшний и завтрашний день она остается единственным инструментом изучения общества. Задача современных ученых, преподавателей и студентов двигать ее вперед. Не останавливаться лишь на практическом применении соответствующих знаний и навыков. Нужно расширять горизонт видения будущего, а соответственно и искать новые идеи для его понимания и объяснения.

Библиография

1. *Ильин А.Ю.* о работе органов МВД по РК по защите прав и обеспечению безопасности граждан // Актуальные проблемы права и управления. сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 20 мая 2017 г.) / СИ ВГУЮ (РПА Минюста России). С. 81–87.
2. *Ильин А.Ю.* Избирательная система как залог целостности и единства современного государства. Справочник по Избирательному законодательству РФ и РК. 1988–2013 гг. // Вестник Центральной избирательной комиссии Республики Карелия. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. № 3. С. 6–20. Режим доступа: <http://vibor.karelia.ru/assets/Aktualnaya-informaciya/vestnik3.pdf>.
3. *Ильин А.Ю., Цумарова Е.Ю.* Общественное участие в г Петрозаводск / Сборник статей Межд. н.-п. конференции Актуальные проблемы инновационного развития 30 ноября 2017 г. //

Материалы международной научно-практической конференции. М.: ИНЦ «Импульс», 2017. С. 339–344.

4. *Иноземцева В.А.* Университет и местное сообщество: практики республики Карелия [Электронный ресурс] / В.А. Иноземцева // Современные научные исследования: актуальные теории и концепции. Сборник материалов XIV международной научно-практической конференции. М.: Олимп, 2016. 380 с. С. 336–339. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27231736>
5. *Черненкова Е.И.* Публично-властное взаимодействие в управлении социально-политическими процессами (федеральная повестка дня и опыт республики Карелия) [Электронный ресурс] / Е.И. Черненкова, М.И. Безбородов, А.Ю. Ильин [и др.]. Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. 104 с. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29122496>.
6. *Цумарова Е.Ю.* Государственная политика в сфере поддержки моногородов в России [Текст] / Е.Ю. Цумарова // Публичная политика. Санкт-Петербург, 2018. № 1.
7. *Frankenberger R., Chernenkova E.* Local Politics in a Comparative Perspective. The Cases of Petrozavodsk and Tübingen / R.Frankenberger, E. Chernenkova. Baden-Baden: Nomos, 2017. 272 p

Кирсанова Е.Г.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА»

Современное научное знание обладает рядом методологических особенностей, которые с течением времени становятся причинами внесения определенных изменений в исследуемые объекты тех или иных научных направлений. В первую очередь автор хочет остановиться на рассмотрении политической науки сквозь призму ее взаимодействия с экономической наукой. В качестве примера будет рассмотрен кейс учебного курса «Инновационная политика».

Согласно Университетскому стандарту, который реализуется на сегодняшний день в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, в магистратуре по направлению «Политология» была введена дисциплина «Инновационная политика». Данный курс носит междисциплинарный характер, что определяется сложностью изучаемого объекта, а также многообразием используемых подходов.

Говоря о междисциплинарности, необходимо отметить, что на сегодняшний день это одна из актуальных тенденций развития всего научного знания. В какой-то степени подобную особенность можно объяснить как попытку преодоления фрагментарности научного знания, как «заполнение свободного пространства, объективно существующего между научными дисциплинами» [3, с. 284]. На пересечении различных научных направлений возникает новое знание, которое постепенно формирует самостоятельную отрасль знания. Подобную тенденцию можно наблюдать на примере как технических, естественнонаучных, так и гуманитарных дисциплин.

Что касается курса «Инновационная политика», то он ориентирован на интеграцию политологического, экономического и социального знаний, однако адаптирован под цели и задачи политической науки. Особый интерес эта дисциплина представляет тем, что включает в себя различные аспекты как политического процесса, так и ряда других сфер.

Данный курс можно разделить на несколько разделов, каждый из которых состоит из подразделов:

1. Теоретико-методологические основы курса.
2. Формы и механизмы стимулирования инновационной деятельности.
3. Принципы особенности региональных инновационных систем.
4. Национальная инновационная система России.
5. Зарубежные модели национальных инновационных систем.

В рамках курса «Инновационная политика» задействована как политологическая методология исследования политических процессов и государственной политики, так и экономические теории, которые помогают наиболее полно дать представление о методологическом инструменте изучения такой отраслевой политики как инновационная.

Также хотелось бы сделать акцент на втором и третьем разделах курса в связи с тем, что в данных разделах государственная инновационная политика ориентируется как на общие принципы государственного управления и особенности политического процесса в отдельности взятой страны, так и на конкретные экономические знания.

К примеру, для реализации форм и механизмов стимулирования инновационной деятельности, с одной стороны, необходимо понимание общего расклада политических сил, моделей взаимодействия политических и экономических элит, различного рода ресурсов государства, концептуальных установок общегосударственного курса в данной сфере, соотношения формальных и неформальных аспектов при принятии того или иного решения, кого государство в первую очередь хочет поддержать (кто является субъектом и объектом стимулирования инновационной деятельности в данный конкретный исторический период), а кого во вторую очередь и почему. Нельзя обойти стороной и такой немаловажный аспект как социокультурные особенности того или иного политического процесса, которые зачастую существенно влияют на процесс принятия решений.

Однако с другой стороны, для выработки более взвешенной и эффективной государственной политики в части создания форм и механизмов стимулирования инновационной деятельности необходимы знания экономических методов. К примеру, без знания особенностей функционирования венчурного финансирования, истории его развития, моделей реализации сложно наладить взаимодействие предпринимательского и научного сообщества в условиях капиталистических отношений. Кроме того, без знания видов налоговых преференций невозможно проанализировать использование налоговых механизмов в процессе построения более эффективной национальной инновационной системы. Аналогичную ситуацию можно наблюдать применительно к государственно-частному партнерству, которое олицетворяет одну из моделей взаимодействия государства и бизнеса и является распространенным механизмом в западной практике уже не одно столетие, а в нашей стране имело место в царской России и сейчас возобновляется в современной России (после принятия в 2005 г. федерального закона «О концессионных соглашениях»).

Также можно привести пример из третьего раздела курса, который связан с построением региональной инновационной системы. Здесь речь идет о различных видах инновационной инфраструктуры (технополисы, инновационные центры, наукограды, бизнес-инкубаторы и т.д.). В этой связи необходимо обладать интегральным знанием как политических основ управления, социокультурных особенностей воплощения политики на региональном уровне, так и экономических механизмов построения инновационной инфраструктуры.

Всё вышесказанное свидетельствует о междисциплинарности курса и необходимости расширения предметного поля политической науки. В данном случае речь идет о курсе, преподаваемом в магистратуре. Магистратура подразумевает, что учащийся уже обладает всеми необходимыми компетенциями, овладение которыми требуется на уровне бакалавриата, поэтому в дальнейшем обучении по этому направлению уже происходит уточнение, углубление и расширение полученных знаний. Курс «Инновационная политика» отвечает подобным требованиям, однако для овладения ее знаниями и умениями необходимо использовать интегральный подход, подразумевающий сочетание как политологических, так и определенных экономических знаний. Тенденция расширения предметного поля политической науки, по мнению автора, характерна для многих дисциплин магистратуры.

Библиография

1. Атамбаев К.А. Государственное предпринимательство: инновационная политика и механизмы государственно-частного партнерства // Государственно-частное партнерство. 2017. Т. 4. № 2. С. 75–92.
2. Инновационная политика: Россия и Мир: 2002–2010 / Под общ. ред. Н.И. Ивановой и В.В. Иванова. М.: Наука, 2011. 451 с.
3. Навстречу Всероссийской научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании» // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 18. № 2. С. 284–285.
4. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

Кущенко С.В.

НАПРАВЛЕНИЕ «ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА» В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальность преподавания политической науки в России в современных условиях очевидна, во-первых, потому, что Россия, как и весь мир в целом, переживает переходный период от однополярного к многополярному мировому устройству, порождающему разнонаправленные политические процессы, что актуализирует необходимость их анализа и прогнозирования; во-вторых, Россия все более явно обретает свою политическую субъектность, что требует как анализа этого процесса, так и подготовки квалифицированных кадров участников этого процесса. В преподавании политической науки в России остается нерешенным ряд проблем, требующих как коллективного обсуждения, так и давно ожидаемого решения. Одной из таких проблем можно считать точку зрения некоторых специалистов, согласно которой Россия как бы «отстает» от Запада (Западная Европа и США) в преподавании политической науки. С такой точкой зрения трудно согласиться потому, что базовый понятийный аппарат политической науки в России и на Западе различный. Очевидно, что сравнивать разные по смыслу понятия некорректно. По опыту преподавания политологии в России, в частности, в Новосибирском государственном техническом университете, можно с уверенностью сказать, что многие студенты, если не большинство, до сих пор не понимают смысла базовых понятий западной политологии, таких как: демократия, плюрализм, толерантность, свобода, тоталитаризм и других. Отметим попутно, что и на Западе смысл этих понятий предельно размыт. Однако во многих учебниках по политологии в России эти понятия

считаются базовыми. Можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что в России политология, политическая наука еще не приобрела статус самостоятельной научной отрасли. Также можно согласиться с теми, кто считает, что необходим поиск собственных, российских базовых политических понятий. Чрезвычайно важен анализ многовековой политической истории России, в частности, тех тенденций в развитии государственной власти, которые обозначил первый русский митрополит Илларион в своем «Слове о законе и благодати», адресованном Ярославу Мудрому. Важен и методологически сложен вопрос о дихотомии «монархия-республика» в политической истории России. Диалектически противоречивые традиции — монархическая и республиканская — с древнейших времен по настоящее время во многом определяют содержание политических процессов в России, однако изучение этого уникального политического феномена пока явно недостаточно. По моему мнению, именно в содержании этого диалектического противоречия (монархия-республика) можно искать ответ на вопрос: «Что такое публичная политика в России?» Поиск ответа на этот вопрос продолжается. Очевидным на данный момент можно считать следующее: поскольку общественная жизнь многогранна, постольку и содержание публичной сферы и публичной политики многогранно, многообразно.

Исходя из этого, я предложил конкретизировать содержание направления бакалавриата «Публичная политика», открываемого под моим руководством в Новосибирском государственном техническом университете, следующим образом: «экспертно-аналитическая деятельность в сфере государственной научно-технической политики». Анализ научно-технической политики государства в современной России, во-первых, чрезвычайно актуален в связи с поставленной задачей совершить научно-технологический прорыв; во-вторых, соответствует профилю технического университета, готовящего высококвалифицированных инженеров в таких отраслях, как машиностроение, самолетостроение, энергетика, ядерная физика и т.д. Такой подход к содержанию публичной политики неизбежно будет междисциплинарным, гуманитарно-техническим, с включением в учебный план таких дисциплин, как история науки и техники, отраслевые обобщающие курсы по энергетике, материаловедению и т.д.

В таком подходе можно увидеть элементы новизны в преподавании публичной политики. Они заключаются в том, в частности, что публичная политика рассматривается как органически междисциплинарное, гуманитарно-техническое направление подготовки бакалавров. Такой подход еще недостаточно изучен, требует формирования относительно новых компетенций у бакалавров. Мой вариант компетенций для научно-технического профиля в публичной политике следующий.

Знания: знание тактических и стратегических задач научно-технической политики России и зарубежных государств.

Умения: 1) экспертиза опубликованных информационных материалов о наиболее важных достижениях современного научно-технического прогресса; 2) сравнительный анализ российской и зарубежной научно-технической политики государств.

Навыки: выявление региональных проблем научно-технической политики органов государственного управления и формулирование вариантов их решения.

В случае успешного решения поставленной передо мной задачи — открытия направления 41.03.06 «Публичная политика» — я намерен сделать акцент на подготовке кадров для Арктических регионов Западной Сибири, что в современных условиях чрезвычайно актуально.

В заключение еще раз отмечу необходимость преодоления смысловой эклектики в преподавании политологии в России. Для решения этой задачи требуется определить

смысловую основу всех политических процессов, происходящих в стране. Такой смысловой основой, как известно, выступает Конституция любой страны. Для конкретизации положений конституции страны, как правило, разрабатывается и законодательно утверждается концепция национальной безопасности. В России такая концепция разработана (уже в 4-х редакциях), однако ее реализация встречает ряд трудностей, которые пока преодолены не полностью. Именно это обстоятельство — неполная реализация концепции национальной безопасности России — во многом порождает, по моему мнению, смысловую эклектику в анализе политических процессов, создает функционально-смысловую неопределенность в понимании предмета как публичной политики, так и политологии в учебных заведениях России [1, с. 120–124; 2, с. 11–18].

Библиография

1. Куценко С.В. Некоторые проблемы подготовки специалистов-политологов в РФ (философско-методологический анализ) // *Философия образования*, 2011. № 3 (36).
2. *Сибирь: история и современность: правовые, экономические и исторические аспекты развития: кол. монография* / Под ред. С.В.Куценко, Г.П.Литвинцевой. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 440 с.

Летуновский П.В.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТОЛОГИИ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

Подготовка военных специалистов требует сформировать у них, как у людей проходящих государственную службу устойчивое представление о внутренней и внешней политике государства и роли и месте армии в политическом процессе.

Изменения имеющие место в общественном сознании, касающиеся роли Вооруженных сил в обществе, произошедшие в период с конца восьмидесятых годов позволяют утверждать о ошибочности вывода о том, что армия вне политики и является лишь инструментом воплощения в жизнь политических решений. Абсурдность этого утверждения была видна еще изначально, в самом деле, если по Клузевицу «Война есть продолжение политики иными насильственными средствами», то по определению армия как инструмент ее проведения не может быть вне политики (скальпель не может быть вне хирургии). Попытки либералов всеми силами убрать армейский фактор в борьбе за политическую власть в конце 80-х и в 90-х годах с одной стороны объяснялись тем, что армия, имевшая четкую и работоспособную политическую структуру мешала им в установлении над ней политического влияния (напомню, что армия Советского Союза подверглась распаду уже после распада единого правового поля страны и завершения процесса «суверенизации» бывших республик), а с другой стороны новой российской армии необходимо было давать новое политическое мировоззрение (т. к. никто не идет в новую государственность со старой армией).

Одним из вариантов решения этой проблемы, в рамках реформы бывшей системы советского образования, было введение в программы обучения по программам высшего образования, в составе единого государственного образовательного стандарта,

дисциплины «Политология». Она должны была заменить собой такие политические дисциплины из блока общественных наук, существовавшие ранее, как «Научный коммунизм», «Международное коммунистическое и рабочее движение», частично «Марксистско-ленинскую философию» и др. Изначально, после введения ГОСТ, содержание дисциплины, в значительной мере повторяло содержание типовых учебных программ из учебных заведений Западной Европы, что уже тогда мало отражало российские политические реалии. В целях коррекции учебных программ по «политологии» был введен институт «квалификационных требований», в которых содержались конкретные указания, на то какими дефинициями политической науки должен владеть выпускник вуза по политической тематике.

Если в образовательном процессе гражданских Вузов, противоречия между содержанием государственного образовательного стандарта (который постоянно корректируется) и квалификационными требованиями к специальности были не так заметны, то специфика военной службы (которая требовала подготовки специалистов под решение конкретных, все нарастающих по сложности задач), требовала внесения изменений в их подготовку не путем умозрительных поправок в гости, а с учетом реальной практики участия в боевых действиях и борьбы с международным терроризмом. Всё это, в конце концов, привело к тому, что количество квалификационных требований к подготовке военного специалиста, стало превышать количество требований по государственному образовательному стандарту (который в весьма расплывчатой форме предъявлял требования по знаниям, умениям и навыкам в области политической науки (или компетенциям, хотя непонятно как можно обладать компетенциями без знаний, умений и навыков)).

Если сказать проще, то из политической науки, в связи со сменой политической власти в стране, сначала было выхолощено ее содержание (в основном связанное с обладанием политической властью в стране, которая, как известно, заключается не в том или ином результате выборов, а в реальном владении определенным объемом средств производства), а затем количество часов на ее изучение начало уменьшаться.

Такая тенденция в военных учебных заведениях (превышение количества квалификационных требований над объемом государственного образовательного стандарта) и не только в общественных науках, привела к стойкому убеждению, что военное образование специфично и требуется разработка нового закона «О военном образовании», работа над которым идет уже не первый год.

Повышение престижа армейской службы (от 5 до 20 человек на место в военных учебных заведениях) легко компенсирует тот факт, что диплом военного вуза не будет конкурентным в Европейском образовательном пространстве (танкист или артиллерист может конкурировать своим дипломом с европейскими специалистами только на поле боя).

Изменение форм и методов ведения войны (гибридные войны), практика ненасильственного смещения неудобных политических режимов (технологии цветных революций) вступают в противоречие с устоявшимся штампом о том, что армия вне политики. Армия сейчас находится на острие политики и если она не подготовлена в политическом плане, то легко может достаться вместе со всем суперсовременным вооружением тем, кто путем различных политическим манипуляций может захватить власть в стране (народ и армия достаются тому, кто захватывает политическую власть). Этот очевидный факт (попытки государственных переворотов в Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968 г., распад Варшавского договора, целый букет применения форм и методов

стратегии непрямых действий на постсоветском пространстве (цветных революций в Прибалтике, Грузии, Молдавии, Украине, Белоруссии, в Москве на Болотной площади), требует пересмотреть место и роль армии как в политике государства в целом (армия должна стать гарантом невозможности сменить власть неконституционным путем) так и к подготовке военных кадров по политическим наукам.

Таким образом, до принятия закона «О военном образовании» на наш взгляд требуется:

1. Увеличить количество часов на изучение политической науки для будущих офицеров (совершенно безболезненно в данный момент за счет перераспределения объема часов в гуманитарном блоке, например за счет сокращения часов на изучение иностранных языков);

2. Перераспределить часы между темами в пользу усвоения не абстрактных политологических тем и категорий (например, истории политических учений), а в пользу методики анализа военно-политической обстановки, усвоению места и роли России в мире, анализу угроз и вызовов военной и национальной безопасности России, анализу форм и методов ведения гибридной и информационной войны. К тому же система армейского образования многоуровневая и в системе высшего военного образования (академический уровень), необходимо давать политические знания имеющие отношение к руководству большими массами людей и техники (в том числе и в обстановке ведения боевых действий).

Следует помнить, что в отличие от гражданского специалиста, офицер является учителем в школе, через которую проходит большая часть физически и умственно здоровой мужской части населения (генофонд нации), т.е. в армии. Именно он проводит занятия в системе профессионально-должностной и общественно-государственной подготовки. От его подготовки и оценочных суждений зависит мировоззрение как самих солдат и сержантов (разделяют ли действующие военнослужащие политику государства или нет, а соответственно смогут ли они противостоять гибридным и информационным войнам), так и мировоззрение уволившихся в запас военнослужащих (многие из которых не будут нигде больше проходить обучение) и членов их семей.

3. Следует воссоздать институт военных преподавателей общественных (гуманитарных и социально-экономических) наук, т.к. специфика выполнения обязанностей резко отличается от гражданских специалистов, а значит, говорить с будущими офицерами необходимо на одном языке ссылаясь не на абстрактные примеры, а на свой служебный опыт. К тому же определенная часть гражданских преподавателей (не имеющих опыта защиты страны с оружием в руках) разделяет либеральную парадигму и для формирования политического мировоззрения будущих офицеров допущена быть не может.

Воссоздание института военных преподавателей с восстановлением соответствующих кафедр в составе военных учебных заведений (за счет штата самих учебных заведений) не повлечет больших финансовых затрат со стороны министерства обороны, но выигрыш в политическом мировоззрении будущих, действующих и бывших военнослужащих (и членов их семей) будет колоссальный.

Несоленая А.К.

ПОЛИТОЛОГИЯ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

«Политология» как учебная дисциплина является необходимым элементом политической социализации личности и подготовки специалистов в рамках высшей школы, в том числе технической направленности.

В Российском университете транспорта (МИИТ) внутренним локальным актом установлен минимум социально-политических и гуманитарных наук, обязательный для изучения студентами всех специальностей. Список включает в себя дисциплины, установленные ФГОС, а также такие дисциплины как политология, социология, психология и др.

Сегодня можно смело утверждать, что дисциплина «Политология» повсеместно выводится из учебных планов подготовки студентов. Об этом свидетельствует сокращение учебной нагрузки преподавателей соответствующих кафедр, которое продолжается вот уже не первый год, в частности в Российском университете транспорта (МИИТ).

Даже если дисциплина «Политология» и сохраняется в учебном плане, то количество часов, отводимых на изучение курса недостаточно, для полноценного и всестороннего рассмотрения основных тем и разделов.

Учитывая, что в соответствии со ст. 1 Конституции России: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Возникает вопрос, каким образом мы будем обучать и воспитывать новое поколение демократическим традициям и ценностям, если у этого поколения не будет соответствующих научных представлений о государстве, политической власти, политической культуре и т.д.? Ведь именно «Политология», как учебная дисциплина, способна дать развернутые ответы на многие вопросы, которые беспокоят современную молодежь.

Опять же в ч. 2 ст. 3 Конституции РФ утверждается: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». И снова вопрос, как народ, граждане будут осуществлять власть непосредственно, либо через органы государственной власти или местного самоуправления, не понимая, не зная, что такое власть, как она устроена, какие цели и задачи должны решать различные уровни власти и пр.? И вновь «Политология» — это одна из тех дисциплин, которая способна дать разносторонние, научные знания об основных элементах политической системы общества и раскрыть сущность современных политических процессов.

Общеизвестно, что основные функции «Политологии» включают в себя, например, функцию политической социализации, которая связана с формированием политической культуры, политического мировоззрения и политической позиции, способствует сохранению преемственности политических идей и ценностей, передаче политического опыта. Само содержание политической науки ориентирует на развитие рационально-критического мышления, которое становится принципиально важным особенно в условиях, когда современные средства массовой коммуникации транслируют множество социально-политических идей, мнений и оценок. В данном случае, «Политология» — это один из инструментов, способных помочь человеку, разобраться в текущей внутри- и внешнеполитической ситуации.

Выполняя мотивационно-регулятивную функцию, знания, полученные в ходе изучения «Политологии», становятся непосредственной основой политического поведения людей, делая его качественно и содержательно более осмысленным, менее спонтанным и непредсказуемым. Ведь степень научной мотивации политических действий и политического поведения людей является важнейшим показателем уровня развития политической культуры в обществе.

В заключении необходимо отметить, что автор не претендует на подчеркивание исключительной роли «Политологии» в формировании современного гражданина, но... Функции, которые мы упомянули выше, раскрывают роль «Политологии» в жизни современного общества. Политология способствует рационализации политической деятельности и формированию гражданина, который обладает необходимыми знаниями для рационально-критического анализа политической жизни.

Пинюгина Е.В.

**ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ
ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ТАКИХ
ВЫЗОВОВ КАК СОПРЯЖЕНИЕ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС, ОДИН
ПУТЬ» С ЕАЭС И РАЗОТЖОЖДЕСТВО С ЗАПАДОМ¹**

Усиление роли незападных стран в мировой политике и их «удельного веса» во внешней политике России в условиях углубляющегося кризиса ее отношений с Западом вызывает необходимость осмысления паттернов незападной политической традиции и политической науки. Эффективная политика России в процессе сопряжения приоритетной для страны концепции евразийской интеграции с парадигмой китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути, а также стратегия России как актора формирующейся Большой Евразии не осуществимы без такого осмысления на уровне политической науки. При этом требуется критический анализ идеологизированных подходов (например, ориентализма), не присущего российскому научному мышлению, но в некоторой степени усвоенных отечественной политологией в процессе рецепции концептов западной научной мысли в области общественных наук. Однако критика ориентализма не представляет содержательной альтернативы, тем более, нельзя игнорировать влияние на этот процесс дискурса исторического противостояния цивилизаций мира Ислама и Запада, отягощенного религиозно-политическими интерпретациями. Тогда как китайская культура оказалась вне этого цивилизационного противостояния, при этом обладает традицией политической философии и государственности, развивавшейся в лоне национальной культуры несколько тысячелетий без взаимодействия с античной мыслью, давшей истоки политической науки евроатлантической цивилизации и влияющей на парадигму ее развития.

Отечественные политологи недооценивают в этом контексте потенциал страноведческих институтов РАН, которые производят актуальный, качественный «незападный»

¹ Статья подготовлена в рамках гранта № 16-27-21001 РГНФ «Формирование общего экономического пространства в Евразии: Исследование вопросов сопряжения строительства Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза» (Международный конкурс РГНФ — Китайская академия общественных наук (КАОН) 2016 г.)

научный продукт, необходимый не только для сравнительной политологии, но и для расширения теоретико-методологического арсенала российской политической науки, многие представители которой не всегда оправданно ориентируются на англоязычные публикации. На возникающие вследствие этого когнитивные искажения указал в беседе с автором доклада, проведенной в рамках изучения направлений политических исследований Института Дальнего Востока РАН (ИДВ), глава одного из научных центров ИДВ доктор политических наук А.В.Виноградов: например, англоязычные политологи, используя в отношении КПК и других партий КНР при переводе западный термин «политическая партия», исходят из допустимости не только для названия, но и концептуально, без дополнительных пояснений, приравнять западный политический термин и используемое китайцами понятие, связанное с иероглифом «дан». Но политическая культура КНР сознательно строится на синтезе марксизма и собственных цивилизационных оснований; и именно слово «дан» этимологически фиксирует связь названия с родом и общиной, а не одним из политических движений, конкурирующих на рынке идей за электоральный успех. Западная наука скорее исходит из того, что из языка взято старое слово, приспособленное для новых политических реалий, не учитывая, насколько оно сохраняет для масс дух и смысл национального дополитического понятия.

Политология востоковедов таким образом имеет методологические отличия от подхода, естественного для страноведческих институтов, занимающихся государствами Запада (где заимствованный цивилизационный шаблон политической науки вполне уместен), и акцептированного политологами нестрановедческих институтов в общей логике перехода России на стандарты либерально-демократических обществ, включая лексикон и инструментарий общественных наук, единый для западной цивилизации, и не всегда безоговорочно уместный применительно к восточным обществам.

Именно китаеведы обращают внимание политологов на модель «одна страна — две системы», объединяющую в политическое целое материковый Китай и бывшие западные колонии, Гонконг и Макао. Или популяризацию китайской концепции просвещенного авторитаризма в развивающихся странах. Китаеведы обсуждают знаковые тенденции внутри политической системы КНР: опробование практик делиберативной демократии; поиск компенсации отказа от доктрины прав человека другими инструментами — обсуждение значения человека в стратегии китайских реформ, появление в документах упоминаний о социальной справедливости, усиление регулирующих функций государства (как отмечает д.э.н. Э.Пивоварова, «для создания более совершенной системы социального обеспечения, достижения более полной занятости и «отлаживания отношений распределения доходов» в китайском обществе») [1, с. 1].

Китаеведы предлагают дискуссионные темы и для современной политической философии: так, руководитель Центра политических исследований и прогнозов (ЦПИП) ИДВ д.п.н. А.В. Виноградов формулирует главный вопрос политических отношений в Китае как выбор не между демократией и авторитаризмом, а выбор между порядком и анархией: лишь при соблюдении политической стабильности и порядка может стоять вопрос о повышении эффективности политической системы [1]. Сотрудник ИДВ Ю.Ю.Перепелкин через призму этого подхода разъясняет не распознаваемый аналитическими средствами западной науки подход к реформам в КНР — так, после своего прихода к власти на 18-м съезде КПК, новое руководство Китая выдвинуло «широкомасштабную программу преобразований во всех сферах жизни страны, которые затрагивают важнейшие интересы как населения, так и правящего класса, в связи с чем лидеру Китая были предоставлены исключительные властные полномочия» [1].

В межстрановом ракурсе ведутся сравнительные исследования политических преобразований в КНР и в Российской Федерации. Большим вкладом в научное осмысление модернизации, ее эффективности и национальной специфики становится разработка темы социокультурной трансформации модернизирующихся цивилизаций на примере России и Китая.

На основе работы китаеведов политологическое научное сообщество России сможет анализировать и использовать опыт формирования китайской национальной альтернативы в общественных науках. Российская политология, как и российская культура, имеет потенциал осмысления и синтеза западных и восточных подходов и традиций, что усилит не только научный потенциал, но и эффективность в решении насущных внутри- и внешнеполитических задач.

Библиография

1. Научная конференция Центра политических исследований и прогнозов «3-й пленум ЦК КПК: новое руководство и стратегия реформ». 20.03.2014. Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru/events/4/854-nauchnaya-konferenciya-czentra->

Попова Ю.В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ: МЕЖДУ ЗАДАЧЕЙ ИЗУЧАТЬ И ЦЕЛЮ ПРЕПОДАВАТЬ И СОХРАНИТЬСЯ

Политическая наука в России с момента своего зарождения на рубеже XIX–XX вв. и возрождения в конце XX в. развивалась прежде всего в системе университетского образования. Наука и обучение были связаны с самого начала. Примечательно, что и в настоящее время в системе Академии наук РФ нет института политологии, зато при университетах и академиях открываются и существуют разнообразные лаборатории, исследовательские центры и т.п. Политическое знание и учебная /исследовательская деятельность тесно переплетены, что содержит многообещающий потенциал для науки и образования, но, вместе с тем, можно выделить ряд проблемных для политической науки, развивающейся в рамках вузовского образования, моментов:

1. Как и в XIX в., в настоящее время отношения учебных заведений с государством нельзя назвать простыми. Как и раньше, государство считает и активно это демонстрирует своими решениями, что образование, в том числе и высшее, должно находиться под государственным патронажем и контролем. (Прежде всего об этом свидетельствует наличие ФГОСов и официальных институтов проверки качества образовательной деятельности). Особенно уязвимо в этом смысле образование гуманитарное, общественные науки, на которые государство возлагает задачу политического и гражданского воспитания граждан (довольно вспомнить недавние слова министра О. Васильевой о работе школьных учителей истории). Но эта установка вступает в противоречие с идеалом научного знания как знания объективного, не оперирующего ценностями. Это актуализировалось неокантианцами на рубеже XIX–XX вв. и К. Поппером в XX в. Да и сейчас сама политическая наука, особенно за рубежом, тяготеет к использованию точ-

ных методов, заимствуемых из естественных наук. Наука не может развиваться в рамках заданной идеологии или ожидаемого результата. Идеология (явная, официальная, или неофициальная, но понятная) ограничивает научный поиск, искажает результат. Наличие в российских вузах проректоров по безопасности, чуткое отношение власти к тому, что говорится или пишется о ней или ее представителях так же ограничивают интеллектуальную свободу исследователя, укрепляет самоцензуру преподавательского коллектива. Особенно это касается обсуждения и осмысления текущей политики. Но, следует заметить, что действующие пока ФГОСы допускают, по крайней мере на бумаге, свободу в изложении материала преподавателем и в формулировании выводов. Но стандарты следующего, четвертого поколения, грозят заранее заданным результатом образовательного процесса по изучаемым курсам и наличием уже сформированных систем проверки знаний по дисциплинам политологического, в частности, направления. Но как можно заранее предопределить полученный результат в изучении текущей политики, как возможно здесь приобщение студентов к исследовательскому процессу?

2. Политическая наука, как и любая другая наука, не может развиваться в информационной изоляции или в условиях ограничения доступа к коммуникациям, научным и политическим. Но сегодня не любой исследователь-преподаватель может получить доступ прежде всего к СМИ: в них тоже представлена неофициальная цензура и самоцензура, что так же ограничивает исследовательские возможности. Коммуникации предполагают и возможности научного общения: посещение научных конференций, поездки на стажировки, ознакомление с последними результатами научных исследований в ведущих политологических журналах, в немалой степени зарубежных. В условиях ограниченного финансирования образовательных учреждений большинство региональных вузов, бюджетных образовательных учреждений просто финансово не могут позволить себе выписывать научные издания отечественные и зарубежные в достаточном количестве, отправлять своих преподавателей на конференции и стажировки. В такой ситуации вузовская наука обрекается на изолированное существование, а преподаваемые дисциплины — на отрыв от современного знания.

3. Наука требует достаточного времени для исследований. Наука в системе вузовского образования предполагает совмещение преподавания и исследования, использование результатов исследований в преподавательской деятельности. Сегодня этот баланс нарушен и даже не в пользу преподавания в ущерб науке, а в пользу выполнения требований бюрократической отчетности в ущерб и преподавательской, и научной деятельности. Компетентностный подход, являющийся неотъемлемой частью действующих ФГОСов, принятая государственными проверяющими структурами система оценивания качества образования требуют составления и регулярного обновления большого объема бумажной документации, не влияющей прямо на результат образовательного процесса, но отнимающей у преподавателя много времени для ее составления и обновления (например, регулярное переписывание РПД (рабочих программ дисциплин): изменение формы, но не содержания, «расписывание» компетенций по схеме знания-умения-владения/навыки). Создается впечатление, что государство настолько не доверяет преподавателю, что стремится контролировать буквально каждое его действие и каждое слово. Как в такой ситуации возможно не только качественное преподавание, но и научный поиск, требующий свободы (выбора, решений, формы проведения занятий, последовательности тем). Государство не запрещает менять содержание, форму занятий со студентами и т.п., но оно обставляет это такими требованиями заполнения разнообразных протоколов и бумаг, что желание менять иссякает. Отнятое

на все это время могло быть потрачено на исследовательскую работу или обновление преподаваемого материала курсов. Формулировка компетенций в ФГОСе зачастую настолько общая, расплывчатая, что затрудняет понимание конечного результата обучения и научной работы, которая могла бы обогатить преподаваемый материал. Так же до сих пор отсутствует профессиональный стандарт политолога; получается, профессиональное сообщество не знает, какого специалиста оно хочет получить в итоге.

4. Наука в системе вузовского образования оказывается обедненной временем, остающемся у преподавателя на научную работу: вычисление ставок, увязанное с числом обучающихся, требования ФГОС к объему дисциплин (соотношение объема аудиторной и внеаудиторной работы), определение объема учебной нагрузки преподавателя, зависящее от количества имеющихся на кафедре ставок и, в итоге, от численности обучающихся, неизбежно распределяет рабочее время преподавателя в пользу преподавательской работы, а не на научной. И зачастую поощрение научной работы не сопоставимо с реальными тратами на нее (например, публикаций в ведущих научных журналах требуют солидных исследовательских затрат, и не только времени). Можно указать и на невозможность в процессе преподавательской деятельности иметь доступ к лицензионным специализированным программным продуктам, к Интернет-ресурсам, в результате обучить исследовательской деятельности с использованием современных технологий оказывается фактически невозможно.

5. Эта проблема относится не только к вузовским, но к общественным наукам в целом, таким как политическая наука, например. Власти не нужны серьезные, настоящие научные изыскания: от науки она ждет подтверждения своих проектов, намеченных планов, но не их объективное осмысление, не взвешенную оценку результатов. Так называемые «мозговые тресты» власти не нужны; существовавшие подобия использовались для обслуживания текущей политики, ее оправдания в наукообразной форме. Это ориентирует науку развиваться через преодоление, но не всегда это дает результат: для развития и поиска важен запрос.

6. Находясь в полусамодостаточном состоянии, всегда перед опасностью нарушить невидимую черту допустимого, российская политическая наука приспособливается, ориентируясь на теоретические, политико-философские изыскания, ценностные рассуждения, в то время как основной тренд развития политической науки современности — использование арсенала точных наук, вычисление, измерение, выведение на основе этого закономерностей, формулирование прогнозов. Оформляется разрыв между теоретической и прикладной политологией: между политико-философским, ценностными поисками, с одной стороны, и прикладной PR, консалтиговой деятельностью. Теория и практика не усиливают друг друга.

В качестве рекомендаций можно, конечно, указать на необходимость пересмотра объема финансирования учебных заведений, пересмотра требований к определению объема преподавательских ставок и формулирование четких критериев их наполнения (разграничить и определить объем преподавательской и научно-методической работы). Но в стране, где весомую долю составляют непубличные властные отношения, полноценной науке закрепиться сложно. И важно, что реальная публичная практика мало востребует политическую науку, а не публицистику.

Сеидов Ш.Г.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современная ситуация на рынке труда вызвала необходимость в модернизации управления системой учреждений среднего профессионального образования, с целями расширения возможностей в удовлетворении интересов личности и общества. Обществу и производству требуются специалисты с высоким уровнем профессиональной подготовки, конкурентоспособные на рынке труда и в системе рыночной экономики. Все это указывает на необходимость поиска новых подходов к управлению в сфере среднего профессионального образования (СПО), как в отношении собственно образовательного процесса, так и в отношении управления образовательным учреждением (СПО в качестве социально-педагогической) подсистемы. При этом особенно важно учесть, что в условиях новых рыночных отношений изменяются функции субъектов образовательного процесса. Обществу необходим педагог в качестве организатора учебного процесса; а также как личность, способная решить многие проблемы, возникающие в процессе жизнедеятельности образовательного учреждения.

Под управлением в сфере среднего специального образования понимается организация деятельности различных позиций (субъектов) по созданию, контролю и утилизации процессов образовательного производства. [1, с. 8–10]. Позиция или характеристика руководителя как субъекта управляющей деятельности в современной научной и педагогической литературе обычно связывается с социально-профессиональными статусами либо педагога, руководящего образовательным процессом в конкретных формах учебных занятий, либо руководителя всего образовательного учреждения, решающего расширенный круг задач. Например, М.А. Гончаров дает следующие определения: «Менеджер учебно-познавательного процесса — преподаватель, выступающий в качестве субъекта системы управления учебно-познавательной деятельностью учащихся», а также: «Менеджер учебно-воспитательного процесса — руководитель учебного заведения (директор, его заместитель), выступающий в качестве субъекта управления учебно-воспитательной деятельностью педагогических работников» [2, с. 115]. Эти два статуса основаны на двух основных направлениях управляющей деятельности: выполнение управленческих функций в учебном (образовательном) процессе и руководство образовательным учреждением как социально-педагогической системой.

В работе «Управление педагогическими системами» Г.А. Окушева предлагает следующее определение: «Управление системой образования представляет собой специальную деятельность, в рамках которой ее субъекты посредством решения управленческих задач обеспечивают организацию совместной деятельности управляющей и управляемых подсистем (органов управления и образовательных учреждений) по достижению результативных целей системы и образовательных учреждений. Центральным объектом управления образованием является формирование и развитие всех систем жизнеобеспечения образовательного процесса во всех типах образовательных учреждений» [3, с. 31]

В педагогической практике процесс управления носит системный характер и осуществляется на различных уровнях. А.Э. Попович выделяет три уровня управленческого процесса в педагогической практике, которые представляют собой иерархическую цепь [4, с. 15].

- на первом, высшем уровне осуществляется управление всей образовательной системой в целом;
- второй уровень представляет собой управление в отдельных образовательных учреждениях (управление педагогическим коллективом и другими работниками учреждения);
- третий уровень представляет собой процесс управления педагогом обучающимся (воспитываемым) коллективом (например: педагог и класс) [5].

Объектами управляющего воздействия в образовательном учреждении СПО являются, очевидно, те, что представлены на втором и третьем уровнях.

В процессе управления на третьем уровне субъектом управления выступает преподаватель как менеджер учебно-воспитательного процесса. В.П. Симонов в управленческой деятельности преподавателя выделяет четыре функции: целевую или проектировочную, коммуникационную, содержательно-организационную, аналитико-результативную [6, с. 93–94]. По мнению В.П. Симонова, педагогический менеджмент рассматривается как процесс, деятельностная и динамическая система, которая находится в постоянном развитии: она не только управляется, но и самоуправляется, самосовершенствуется и саморазвивается под воздействием и при участии менеджера-преподавателя. Такая особенность управленческих функций выявляется в связи с потребностью и запросом социума на основании требований, которые социум предъявляет в данном случае к педагогу [6, с. 93]. Выделяются две основные составляющие организации управления процессом профессионального самоопределения в общеобразовательной школе: профессиональную направленность и профессиональное самосознание [6, с. 94].

Сопоставление педагогической и управленческой деятельности позволяет выявить ряд схожих функций, которые отмечает А.М. Хафизова. Это: мотивационная, конструктивная, организационная, информационная, контроля и принятия решений. Анализ действий, необходимых для реализации менеджмента с позиции изменения роли педагога стал фактором целесообразности интеграции управленческой и педагогической деятельности. Формирование нового направления в педагогической деятельности стало основой педагогического менеджмента. [6, с. 93].

В.П. Симонов в деятельности преподавателя как менеджера учебно-воспитательного процесса выделяет четыре функции: целевую или проектировочную, коммуникационную, содержательно — организационную, и аналитико-результативную. По его мнению, педагогический менеджмент рассматривается как процесс, деятельностная, динамическая система, которая находится в постоянном развитии, она не только управляется, но и самоуправляется, самосовершенствуется и саморазвивается под воздействиями и при участии менеджера-преподавателя [6, с. 93].

Применение методологии педагогического менеджмента в качестве управления социально-педагогическими системами требует знания и использования комплексного подхода. Комплексный подход при изучении системы среднего профессионального образования предполагает:

- систематический анализ результатов управленческой и педагогической деятельности;
- выявление закономерных связей (по вертикали и горизонтали);
- определение специфических условий и проблем образовательной среды;
- разработку динамической структуры и технологии управления, в данном случае — на уровне образовательного учреждения СПО;
- обоснование содержания управления на этом же уровне.

Обратимся к существующим теоретическим разработкам в этой области.

В работе «Основы менеджмента в образовании» М.А. Гончаров вводит новое понятие в области образовательного менеджмента: «Менеджмент педагогический — комплекс принципов, методов, организационных форм и технологических приемов управления учебно-воспитательным и учебно-познавательным процессом, направленных на повышение его эффективности» [2, с. 18].

Это — наиболее общее, теоретико-методологическое определение, раскрывающее содержание педагогического менеджмента. Существуют другие определения, сформулированные отечественными специалистами и связанные с практическим осуществлением управленческих функций.

А.В. Гвоздева и В.И. Жилин [7] рассматривают понятие «педагогический менеджмент» и его функции как средства управления учебной информацией; раскрывается специфика педагогического менеджмента, заключенная в особенностях предмета, продукта, орудия и результатов труда педагога-менеджера образовательного процесса; раскрывается содержание и объем понятия «учебная информация». А.В. Гвоздева и В.И. Жилин определяют педагогический менеджмент как специфический вид управленческой деятельности педагога в группе, направленный на организацию учебного процесса, управление учебной информацией, организацию учебно-воспитательной работы, а также обеспечение коммуникации с целью формирования учебно-познавательной деятельности учащихся, обеспечивающей достижение развития личности учащегося, готовой к жизни в новых социальных условиях [7, с. 3].

В этом определении не только указываются цели, но и в общем виде дана характеристика некоторых компетенций, которые должны приобрести выпускники образовательных учреждений в системах профессионального образования.

В педагогической науке и практике все более усиливается стремление осмыслить целостный педагогический процесс с позиций науки управления, придать ему строгий научно обоснованный характер. Управление этим процессом представляет собой целенаправленное, сознательное взаимодействие его участников на основе познания его объективных закономерностей с целью достижения оптимального результата. Взаимодействие субъектов образовательного процесса складывается как цепь последовательных, взаимосвязанных действий или функций: педагогического анализа, целеполагания и планирования, организации, контроля и регулирования [7, с. 2].

Исследователь Л.В. Горюнова с учетом всех аспектов понимания менеджмента дает следующее определение понятию «педагогический менеджмент»: «Педагогический менеджмент — это управленческая деятельность учителя, осуществляемая в классе и направленная на достижение целей развития личности ребенка, готового к жизни в новых социально-педагогических условиях» [8].

В.П. Симонов под педагогическим менеджментом понимает комплекс принципов, методов, организационных форм и технологических приемов управления педагогическими системами, направленный на повышение их функционирования и развития [9].

Таким образом, сущность педагогического менеджмента заключается в оперативной корректировке способов и методов обучения, обеспечивающих учащемуся успех в познании и освоении учебной информации. Эффективность управленческой деятельности измеряется, прежде всего, тем насколько рационально удастся выполнение вышеперечисленных функций педагогического менеджмента [7, с. 6].

Перейдем к рассмотрению сущности и функций педагогического менеджмента с учетом специфики их применения в образовательных учреждениях и в образовательном процессе в системе СПО.

В.В. Коряпина уточняет содержание понятия «педагогический менеджмент» применительно к учреждениям среднего профессионального образования, под которым надо понимать динамическую систему соуправления процессом профессиональной подготовки, направленную на овладение студентами знаниями, умениями и навыками при взаимодействии с педагогом-менеджером, обеспечивающую выполнение социального заказа общества в подготовке специалистов со средним профессиональным образованием; обоснована возможность использования в образовательном процессе принципов, методов, функций управления. Оптимизация образовательного процесса в учреждениях среднего профессионального образования достигается путем реализации структурно-функциональной модели педагогического менеджмента, в которой учитываются внешние факторы; педагог и студенты являются субъектами управления; деятельность педагога основана на принципах, методах и функциях управления [10, с. 9].

В.В. Коряпина отмечает, что понятие «педагогический менеджмент» имеет ряд значений, характеризующих разные аспекты управленческой деятельности [10, с. 4]:

- теория управления в образовательном учреждении (В.И. Загвязинский, А.Е. Капто, М.М. Поташник и др.);
- система управления образовательным учреждением, связанная с необходимостью поиска путей его развития и принятия стратегических и оперативных решений (Б.С. Гершунский, С.В. Лазарев, Е.В. Яковлев и др.);
- управление образовательной деятельностью (А.М. Моисеев, В.П. Симонов и др.);
- комплекс принципов, методов, организационных форм и технологических приемов управления педагогическими системами, направленный на повышение эффективности их функционирования и развития (Н.Н. Булынский, Н.В. Кузьмина, Е.Ю. Никитина и др.).

Таким образом, педагогический менеджмент выступает как средство оптимизации образовательного процесса в учреждениях среднего профессионального образования [10, с. 12].

Обратимся к рассмотрению функций педагогического менеджмента, описанных в научно-педагогической литературе, чтобы определить специфику их выполнения в системе среднего профессионального образования.

Информационно-аналитическая функция позволяет на основе изучения деятельности каждого учебного подразделения проанализировать результаты учебной деятельности, фактическое состояние дел и обосновать целесообразность и эффективность используемых приемов, методов менеджмента учебной информации. Мотивационно-целевая функция побуждает обучаемых к осмыслению цели и путей ее достижения. Планово-прогностическая функция направлена на разработку и реализацию конкретной программы, государственных образовательных стандартов, оптимальной конструкции модулей управления учебной информацией, обеспечивающих осмысление обучаемыми содержания учебного материала, его значимости в познании закономерностей развития общества. Организационно-исполнительская функция организует деятельность педагога и обучаемого в группе, распределяет полномочия и закрепляет за ними функции их совместной деятельности. Контрольно-диагностическая функция стимулирует деятельность педагога как менеджера учебной информации. Регулятивно-коррекционная функция управления, если она конкретно связана с учебной и воспитательной деятельностью на занятии, более по плечу педагогу, так как именно он больше других членов педагогического коллектива наблюдает, оценивает результаты образовательного процесса [7, с. 6].

Мы согласны с В.В. Коряпиной в том, что образовательный процесс в учреждениях среднего профессионального образования будет оптимальным, если он протекает в рамках структурно-функциональной модели педагогического менеджмента, эффективное функционирование которой обеспечивается следующими педагогическими условиями:

- деятельность педагога осуществляется на основе принципов, методов, функций управления; учебно-познавательная деятельность студентов учитывает их потребности, интересы и мотивы, моделирует современные социально-экономические, производственные ситуации и отношения;
- содержание учебных дисциплин направлено на формирование у студентов профессиональной компетентности и ответственности за принятие управленческих решений [10, с. 13].

Цель педагогического менеджмента в образовательном процессе учреждений среднего профессионального образования — формирование и развитие личности специалиста с необходимым общекультурными и профессиональными компетенциями, сформированными на основе профессиональных знаний, умений и навыков. Вспомогательными целями или задачами для достижения этой главной цели являются повышение эффективности содержательной и практической направленности среднего профессионального образования, наполнение образовательного процесса инновационным, творческим, личностно-ориентированным подходами. Следует отметить также необходимость применения системно-деятельностного подхода в качестве методологической основы не только при разработке новых государственных образовательных стандартов СПО по существующим и будущим специальностям, но и при их внедрении в учебную деятельность образовательного учреждения.

Другими важными направлениями применения методологии педагогического менеджмента должны быть укрепление взаимосвязей профессиональной подготовки с реальными процессами, протекающими в экономической жизни общества и на каждом предприятии, а разработка и использование таких педагогических технологий, которые соответствуют социальным заказам общества, адресованным к системе СПО. Важным критерием сформированности профессиональных компетенций выпускников многих специальностей уже сейчас является их готовность к предпринимательской и организационно-управленческой деятельности в современных рыночных отношениях, и личностная выпускников направленность на то, чтобы быть не просто исполнителями, а творческими, социально ответственными и самостоятельными специалистами.

Существуют принципы управления педагогическими системами, применение которых в системе СПО становится необходимым для достижения эффективного результата. К ним, по нашему мнению, можно отнести следующие:

- принцип соответствий (выполняемая работа должна соответствовать возможностям исполнителей);
- принцип новых задач (видение перспектив развития образовательного учреждения);
- принцип обратной связи (оценка процесса и его результатов);
- принцип нормы управляемости (оптимизация количества педагогических работников, подчиненных непосредственно руководителю).

Эти принципы имеют наибольшее значение при управлении персоналом образовательного учреждения.

Особо следует выделить значение информационных технологий в педагогическом менеджменте.

О.В. Казанская определяет принципы эффективного применения информационных технологий в менеджменте вуза:

- возможность интеграции в единую информационную образовательную среду региона и в целом России;
- информационная и техническая поддержка внутривузовской системы управления качеством образования на базе стандарта ISO 9001:2008;
- модульность и открытость системы для образовательных подразделений вуза;
- обеспечение системности и координации в целях соответствия определенным общевузовским требованиям, экономии финансовых и материальных ресурсов;
- соответствие мировым тенденциям развития информационных технологий [11, с. 9].

А.Г. Кириллов предлагает расширить указанные принципы условиями применения информационных технологий. Эффективность управления вузом на основе информационных технологий станет выше, если будут применяться:

- системный подход к информатизации вуза;
- концептуальная модель управления вузом на основе информационных технологий, предполагающая единую информационную среду;
- инновационные принципы и механизмы, основанные на информационных технологиях в управлении образовательным учреждением [11].

Все они имеют важное значение и в педагогическом менеджменте, осуществляемом в среднем профессиональном образовательном учреждении, в также в образовательном процессе в системе СПО.

Прецедент в юридической деятельности многих учреждений, где используются информационные технологии в менеджменте, могут создавать: юридическая квалификация результатов творческой деятельности, а также обработка информации о персональных данных. Следует согласиться с Ш.Г. Сеидовым в том, что эффективным способом решения таких возникающих проблем может стать формирование настоящей социальной ответственности в процессе оказания любых государственных услуг гражданам и организациям [12, с. 71–72].

Можно отметить новые и будущие проблемы в управлении СПО.

Решение актуальных проблем управления включают стратегию развития системы среднего профессионального образования, проектирование образовательного пространства СПО в условиях введения следующих ФГОС, с учетом специфики их реализации в условиях регионов — субъектов РФ.

Нужна организационно-методическая поддержка реализации региональных программ модернизации профессионального образования.

В этом процессе важную роль могут сыграть предварительные исследования образовательного процесса и состояния управления образовательными учреждениями СПО. При этом необходимы исследования и описательно-объяснительного, и формирующего типа. К основным задачам описательно-объяснительного типа исследований, рассматривающего развитие управленческого процесса как естественного процесса со своими закономерностями и тенденциями относятся:

- анализ существующей управленческой практики;
- выявление факторов эффективности управленческих функций;
- разработка теоретических моделей исследуемых процессов;

- выработка рекомендаций по регулированию процесса управления образовательным учреждением.

Выявление закономерностей и тенденций развития управленческого процесса создаст теоретическую базу для разработки программ развития управления в образовательных учреждениях СПО.

В исследованиях формирующего типа разрабатываются модели новой управленческой деятельности, которые внедряются в управление образовательным учреждением с последующим анализом и оценкой последствий введенных инноваций.

Таковыми педагогическими инновациями могут быть педагогические идеи, процессы, средства; методы, формы, технологии, новые содержательные программы.

Библиография

1. Тымчинов А.Ю. Педагогика образовательных процессов подготовки управленцев в системе среднего профессионального образования // Среднее профессиональное образование. 2013. № 1.
2. Гончаров М.А. Основы менеджмента в образовании. 3-е изд. М., 2010.
3. Окушева Г.А., Карпова Т.А. Стратегии участия общественности в решении социально-экономических проблем. // Электронный ресурс. Режим доступа URL: <http://www.tgpo.tomsk.ru/analytics/51.html>,
4. Попович А.Э. Роль педагогического менеджмента в становлении профессионального самоопределения старшеклассников // Среднее профессиональное образование. 2011. № 5.
5. Дахин А.Н. Актуальные проблемы оптимального управления образовательным процессом // Педагог. 1999. № 7.
6. Хафизова А.М. Педагогический менеджмент как особый вид управленческой деятельности // Фундаментальные исследования. 2005. № 3 // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=5897 (дата обращения 19.07.2014).
7. Гвоздева А.В., Жилин В.И. Понятие и функции педагогического менеджмента как средства управления учебной информацией. 2010 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/017-23.pdf>.
8. Горюнова ?? Овладение знаниями и умениями педагогического менеджмента как фактор повышения качества профессиональной подготовки учителя: Дисс.: ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 1999.
9. Симонов В.П. Педагогический менеджмент: ноу-хау в управлении педагогическими системами. М.: Пед. общество России, 1999.
10. Коряпина В.В. Педагогический менеджмент как средство оптимизации образовательного процесса в учреждениях СПО. Дисс. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2004. 189 с. (Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/pedagogicheskii-menedzhment-kak-sredstvo-optimizatsii-obrazovatel'nogo-protsessa-v-uchrezhdenii>ixzz37vhkXXdA).
11. Кириллов А.Г. Особенности применения информационных технологий в управлении гуманитарным вузом // Среднее профессиональное образование. 2013. № 3.
12. Сеидов Ш.Г. Проблемы правового регулирования накопления и применения информационных ресурсов в условиях информатизации общества // Informatization of society: socio-economic, socio-cultural and international perspectives: materials of the IV international scientific conference, on January 15–16, 2014. Prague: Vědecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2014.

Столетов О.В.**ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
СТАНДАРТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ И
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ РАМКИ КВАЛИФИКАЦИЙ**

Политологическое образование в современной России, наряду с другими направлениями подготовки в системе высшего образования, развивается в контексте двух взаимосвязанных и частично пересекающихся трендов стандартизации — образовательной и профессиональной. Стандартизация высшего образования характеризуется повышением гибкости федеральных государственных образовательных стандартов и возрастанием ответственности вузов за результаты своей образовательной деятельности. Профессиональная стандартизация проявляется в разработке проектов и утверждении профессиональных стандартов, частично затрагивающих ряд областей трудовой деятельности в сфере политики.

Политика стандартизации в России реализуется в условиях административно-управленческой полицентричности и динамической изменчивости. Стандартизацией в сфере высшего образования занимаются Министерство науки и высшего образования (до июня 2018 года — Министерство образования и науки) [3], Федеральные учебно-методические объединения, ведущие межвузовские ассоциации (например, Ассоциация классических университетов России), общественные организации и университеты (МГУ, МГИМО, НИУ ВШЭ) [8]. Профессиональная стандартизация осуществляется Министерством труда и социальной защиты РФ, Национальным советом при Президенте РФ по профессиональным квалификациям (НСПК), его подведомственными структурами, а также профессиональными объединениями.

В настоящее время в России разработаны проекты таких профессиональных стандартов в сфере политики, как: «Политолог» (разработчик — Российское общество политологов), «Специалист по связям с общественностью» (разработчик — Российская ассоциация по связям с общественностью), «Специалист по продвижению и представлению интересов юридических лиц, социальных групп или индивидов в государственных и муниципальных органах (лоббист)» (разработчик — Национальный союз лоббистов), «Специалист по взаимодействию с государственными и муниципальными органами и некоммерческими организациями и представлению в них интересов организации» (разработчик — GR-Лига), «Консультант по управлению» (разработчик — Национальный Институт сертифицированных консультантов по управлению), «Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований» (разработчик — Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89») [5]. Тем не менее, анализ содержания Реестра профессиональных стандартов Минтруда России, проведенный в августе 2018 года, показал, что ни один из названных выше профессиональных стандартов не был утвержден НСПК [4]. В числе институциональных причин подобного положения дел можно назвать отсутствие профильных советов по профессиональным квалификациям в системе НСПК.

Перспективы стандартизации политических профессий, на наш взгляд, связаны с решением ряда ключевых задач развития политологического образования в системе современного высшего образования России. Во-первых, необходимо реализовать содержательную преемственность между различными уровнями профессиональной подготовки (выпускник бакалавриата, выпускник магистратуры, выпускник аспирантуры, выпускник аспирантуры, защитивший диссертацию и получивший ученую степень

кандидата наук), преодолеть существующие «компетентностные разрывы» в среде обучающихся. Во-вторых, необходимо обеспечить системное и транспарентное соотнесение полученных обучающимися в ходе образовательного процесса компетенций со сферой профессиональной деятельности и выработать оптимальные механизмы, учитывающие специализацию обучающихся, для доформирования востребованных рынком труда компетенций. В-третьих, должен быть найден разумный баланс в дилемме «вариативность-единообразие» образовательных программ, определяющий границы мобильности образовательного ядра профессиональной деятельности в сфере политики и его конкретного дисциплинарного и учебно-методического наполнения. Сегодня вопрос о решении данной дилеммы в российской практике находится в пространстве межвузовских дискуссий. В-четвертых, должен быть найден компромисс между необходимостью сохранить устойчивость ядра политологического образования и востребованностью на рынке политических профессий междисциплинарных знаний и умений [1]. В данном случае принципиально важно выработать оптимальные стратегии интегрирования экономических, правовых, информационно-технологических и иных профессиональных знаний в систему политологического образования.

Решению задач повышения эффективности стандартизации политических профессий должны помочь: разработка примерных основных образовательных программ (ПООП), основных образовательных программ (ООП) по направлениям подготовки в сфере политики и в смежных областях деятельности; формирование полноценной рамки квалификаций социально-гуманитарных видов деятельности и системы актуальных и опережающих компетенций в социо-гуманитарной сфере, формирующей целостное и стратегическое видение развития подготовки кадров для данной профессиональной ниши; разработка и внедрение в образовательный процесс алгоритмов сопряжения образовательных стандартов и ООП с профессиональными стандартами, как утвержденными, так и существующими в стадии проектов («протостандартов»), а также формируемыми перспективными элементами национальной рамки квалификаций.

Позитивные перспективы от внедрения в образовательный процесс принципов, сформулированных в стандартизирующих документах, в значительной степени будут зависеть от того, насколько эффективно участники процесса стандартизации решат следующие задачи. Во-первых, необходимо выработать прозрачную и в то же время относительно гибкую систему взаимного учета позиций участников процесса стандартизации. Во-вторых, на государственном уровне необходимо усилить организационную, кадровую, методическую и финансовую поддержку работы участников процесса стандартизации. В-третьих, с учетом особой значимости профессиональной подготовки в сфере политики для современной России государственные и негосударственные участники процесса стандартизации должны уделить особое внимание практической составляющей развития данной области профессиональной деятельности.

Эффективность стандартизации политологического образования, на наш взгляд, особенно тесно связана с развитием дополнительного профессионального образования на базе ведущих вузов страны. Во-первых, интенсивная работа преподавателей университетов со слушателями, принадлежащими к категории работающих специалистов, позволяет как самим преподавателями, так и административно-управленческим структурам вузов более эффективно адаптировать свои образовательные модели к текущим и перспективным потребностям рынка труда. Во-вторых, дополнительное профессиональное образование призвано играть важную роль в обеспечении преемственности между отдельными уровнями образования и связанными с ними квалификационными уровнями [2]. Это представляется важным для успешного «вхождения» в профессиональ-

ную сферу политики людей, которые на более низких уровнях образования (бакалавриат, либо магистратура) обучались на неполитологических направлениях подготовки. В-третьих, на уровне дополнительного профессионального образования может быть наиболее эффективно реализован принцип междисциплинарной подготовки.

Перед политологическим образованием современной России стоит сложная двуединая задача. Во-первых, должна быть обеспечена преемственность формируемых компетенций, призванная сохранить интеллектуальный фундамент и лучшие традиции отечественного политологического образования. Во-вторых, необходимо осуществить эффективное агрегирование в систему профессиональной подготовки новых компетенций различных уровней и типов, потребность в которых может возникнуть по социально-политическим, государственно-управленческим, технологическим, международным и иным причинам. Например, в утвержденном 29 июня 2018 года указе Президента России содержится поручение Правительству обеспечить включение в федеральные государственные образовательные стандарты всех уровней образования «положений, предусматривающих формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности — содействовать пресечению такого поведения» [6]. Потребность в новых, либо «гибридных» компетенциях появляется также в силу объективного усложнения самой государственной политики — формирования в ней новых направлений. В этих условиях все более важное место в деятельности участников отношений в сфере образования, а также участников образовательных отношений занимают функции оперативного мониторинга, классификации и последующей имплементации вновь возникающих требований к современному образованию [7].

Библиография

1. Аналитический доклад «Формирование модели политического образования в условиях трансформации рынка политических профессий». М., 2017. 164 с.
2. Национальная рамка квалификаций в Российской Федерации (Проект). М., 2012. URL: misis.ru/Portals/0/UMO/Proekt%20NRK.docx (дата обращения: 23.08.2018).
3. Постановление Правительства РФ от 15 июня 2018 г. №682 «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/NAJArvyVq9JtI9WNnnF0Hj4KMLZqR9q3.pdf> (дата обращения: 23.08.2018).
4. Реестр профессиональных стандартов (перечень видов профессиональной деятельности), 16.08.2018.
5. *Столетов О.В., Чихарев И.А.* К вопросу о профессионализации деятельности в сфере политики: Российская практика // Политическая наука. М.: ИНИОН РАН. 2016. № Специальный выпуск. С. 59–71.
6. Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201806300002.pdf> (дата обращения: 23.08.2018).
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304167&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9938859014412691#06001475078851766> (дата обращения: 23.08.2018).
8. *Чихарев И.А., Столетов О.В.* Политические профессии и образовательные стандарты: российский опыт // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. №1. С. 66–77.

Усалко О.В.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНДАМЕНТАЛИЗАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Знание — сила. Древнегреческие философы считали знание властью над собой. Но для современного человека знание — это власть над миром. Знание — это способность контролировать и управлять внешней средой. Если вам необходимо что-либо создать, это скорее будет успешным, а не фатальным начинанием, но только тогда когда вы будете полагаться на некоторые знания о лучших способах его создания, а не на некоторые необоснованные убеждения, о том, как это сделать.

Требование к знаниям включает три исключения:

1. Незнание — если вам не хватает информации, вы не можете требовать знать.

2. Ошибку — если вы ошибаетесь по этому поводу, вы не можете утверждать, что знаете.

3. Мнение — если у вас нет особых оснований, вы не можете требовать знать.

На основании приведенных выше трех исключений мы можем заключить, что для того, чтобы знания были истинными, наши умозаключения должны включать в себя соответствующую информацию, основывающуюся на фундаментальных знаниях. Эти выводы были признаны со времен Платона. С тех пор эпистемологическое изучение политики взорвало поиск необходимых и достаточных условий в ряде более конкретных проблем:

- **Аналитическая проблема** — связана с трудностями изучения состава политической системы и с анализом состава политически активных субъектов, которые находились в центре внимания исследователей [1].

- **Скептическая проблема** — достоверность исторических политических фактов [2].

- **Методологическая проблема** — не существует инвариантных базисных истин и единых критериев истинности для всех субъектов и объектов познания [3].

- **Проблема демаркации** — трудность отделения политической теории от квазинаучного знания [4].

Чтобы начать решать эти проблемы, лучше основываться на «традиционной» теории познания. Традиционная или «стандартная» теория познания устанавливает три вещи, которые повсеместно должны быть исключены из знания — **невежество, ошибка и мнение**.

Первое условие знания в рамках стандартной теории состоит в том, что утверждение должно быть истинным — **убеждение**. Т.е. должен быть доступ к информации, на основе которой есть достаточные основания полагать, что можно дать на вопрос истинный ответ.

Второе условие знания в рамках стандартной теории состоит в том, что субъект должен **полагать**, что утверждение истинно — **состояние истины**. Т.е. согласованность ее с ожиданиями.

Третий критерий знания в рамках стандартной теории включает в себя — **обоснование**. Роль обоснования заключается в том, чтобы отделить истинные знания от невежества. Т.е. если что-то обосновано, это означает, что существуют достаточные основания для убеждения в его истинности. Третий критерий истинности наиболее важен.

Модель обоснования включает четыре взаимодополняющих принципа:

1. Основаниями являются доказательства: предложения, которые учитываются в пользу истинности предполагаемого предложения. Чтобы быть истинным знанием, для убеждения должно существовать твердое эпистемическое обоснование. Доказательства должны реально существовать.

2. Приоритетный принцип. Независимо от причин, по которым вы можете потребовать знание истины, ваша претензия недействительна, если на самом деле нет благосклонного отношения третьих лиц к ней.

3. Эпистемическое право — личное обоснование, которое должно быть заработано эпистемически ответственным поведением. Человек эпистемически ответственен, если он достаточно осведомлен об истинном обосновании [5].

4. Принцип владения. Субъект должен обладать достаточными доказательствами (и надлежащим образом использовать их), чтобы убедиться, что это утверждение справедливо.

Система политических знаний представляет собой повседневные стереотипы поведения и их модификаций, экономический и политико-правовой утилитаризм и прагматизм. Эти разновидности отражены в системах международного, конституционного и обычного права, принципов государственного управления. Однако разница в пространственных, временных и институциональных условиях, системах права и функционировании аппарата власти не преодолена ни в одном государстве в современном мире. Поэтому набор систем нормативной оценки представляет собой набор разновидностей повседневного, административного, правового и политического нормативизма. Проблема заключается в разработке и распространении фундаментальных знаний о политической реальности через систему высшего образования.

Библиография

1. Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993.
2. Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002.
3. Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
4. Рассел Д.Б. Дьявол: восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб.: Евразия, 2001.
5. Zagzebski, L.T. Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief. Oxford: Oxford University Press, 2012. 279 p.

Чепель С.Л.

ПРЕПОДАВАНИЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ» СТУДЕНТАМ-ПОЛИТОЛОГАМ В ВУЗАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ: ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Изучение учебной дисциплины «Сравнительная политология» направлено на усвоение студентами различных типов политических систем и моделей их развития, как теоретических понятий, позволяющих раскрывать общее и особенное в политическом устройстве и трансформации реально существующих обществ. Предложенный Г. Алмондом в 1960-х гг. структурно-культурный подход к построению типологии политических

систем стал важным шагом в развитии методологии сравнительных политических исследований, т.к. раскрыл взаимозависимость институционального и ориентационного измерений политики. С этой методологической позиции тип политической системы выступал в качестве теоретической категории, фиксирующей устойчивую положительную корреляцию между массовыми ценностными ориентациями и институциональными формами политической организации. На основе структурно-культурного подхода Г. Алмонд сформулировал типологию, включавшую англо-американский, континентально-европейский, частично индустриальный и тоталитарный типы политических систем, которая отражала особенности политических процессов в странах мира середины 20в. Экономические изменения в конце 20 в., такие как торговая, финансовая и производственная глобализация, вступление ряда стран Запада в постиндустриальную фазу развития, рыночные реформы в странах «новой демократии» способствовали усилению внимания исследователей к проблеме воздействия экономического фактора на сферу политики. На основе политико-экономического подхода Г. Алмондом и Дж. Пауэллом в конце 1990-х гг., была предложена новая типология, разделившая страны мира на индустриально развитые демократические и авторитарные политические системы, а также индустриализирующиеся политические системы, выбирающие в зависимости от национальных культурных особенностей и степени сложности проблем модернизации, авторитарную либо демократическую форму политической организации. В качестве методологической посылки было использовано, сложившееся в политической науке представлении о том, что экономическое развитие, обеспечивающее рост благосостояния общества и повышение образовательного уровня граждан, способствует возникновению интереса к политике и расширению политического участия. Реакцией же правящих элит на рост политической активности может стать либо поддержка политического плюрализма и электоральной конкуренции, что является признаком демократических и демократизирующихся режимов, либо усиление государственного контроля и идеологической мобилизации, что является характеристикой различных видов авторитарного правления.

Более глубокий анализ влияния экономического фактора на процесс формирования культурного спроса на различные виды политической организации общества был принят Р. Инглхартом в рамках его концепции «тихой революции», как культурного сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. По его мнению, достижение индустриальной стадии развития, укрепляющее материальную безопасность общества, способствует секуляризации культуры и расширению политического участия граждан. При этом массовая политическая активность обусловлена преобладающей культурой выживания. Переход же к постиндустриальной экономике, обеспечивающей материальную, интеллектуальную и социальную независимость личности, ведет к распространению культуры самовыражения, проявляющейся в стремлении граждан к прямому политическому действию с целью недопущения ограничения прав и свобод общества со стороны правящих элит. Эти принципиально различные культурные последствия стадий экономического роста позволяют объяснить, почему достижение фазы индустриального общества не означает создания условий достаточных для укоренения либеральной демократии, и почему на этом этапе сохраняется возможность для функционирования авторитарных и тоталитарных диктатур. Важным инструментом сравнительного анализа политических систем является также предложенная в работах Р. Инглхарта культурная карта мира. Во-первых, система координат карты, построенная по оси «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности» и по оси «ценности выживания» — «ценности самовыражения», позволяет определять особенности

политической культуры населения любой страны, исходя из уровня ее экономического развития. Во-вторых, разделение карты на «культурные зоны», отражающие известную классификацию цивилизаций С. Хантингтона, дает возможность выявить особенности социокультурного контекста функционирования политических систем с привлечением таких дополнительных факторов, как религия, наследие коммунистического режима, колониальное прошлое, а также объяснить траектории политической трансформации поставторитарных и посткоммунистических обществ с учетом их цивилизационной принадлежности.

Опираясь на отмеченные выше подходы, сложившиеся в политической компаративистике, представляется целесообразным при подготовке студентов-политологов в вузах экономического профиля использовать типологию, включающую постиндустриальный, индустриальный и индустриализирующийся типы политических систем. Тем самым, прежде всего, можно успешно разрешить методологическую проблему сравнимости т.к. страны, относимые к определенному типу политической системы, выделяются на основе схожести их социокультурных черт, как результата достижения ими одной и той же стадии экономического развития. В дальнейшем, осуществляя таксономическое развертывание каждого типа политической системы, необходимо обратиться к выявлению разнообразия их подтипов, как проявления действия конфессиональных, этнических, региональных и национальных факторов. Так, к постиндустриальному типу политической системы следует отнести страны, где демократические режимы обрели стабильность за счет преобладания в массовой культуре ценностей самовыражения, ориентирующих граждан на защиту демократии как главной гарантии их индивидуальной свободы. Исходя из особенностей формирования демократической политической культуры, организации политических партий, функционирования механизма «трехстороннего партнерства» данный тип политической системы следует разделить на два подтипа. В одном политические элиты придерживаются в основном либерального социально-экономического курса, в другом — социал-демократического. Тип индустриальной политической системы представлен странами, где демократические режимы недостаточно консолидированы в силу ограниченного влияния на массовое сознание ценностей самовыражения и преобладания в нем ценностей выживания, что проявляется в заметно выраженном утилитарном отношении граждан к демократии. Имеющиеся различия в культуре этих стран по оси «традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности», а также влияние таких факторов, как авторитарное прошлое и наследие коммунистического режима определяют широту диапазона действующих здесь политических режимов от относительно стабильных либеральных демократий до неустойчивых электоральных демократий. Учитывая особенности процесса модернизации и осуществления демократического перехода, в рамках индустриального типа политической системы возможно выделение таких подтипов как политические системы стран: Южной Европы, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, Восточной Азии. Тип индустриализирующейся политической системы охватывает страны, для которых характерны полуавторитарные и псевдodemократические режимы, что объясняется доминированием в массовой культуре ценностей выживания в совокупности с традиционными ценностями, которые блокируют сколько-нибудь стабильный общественный спрос на ответственное представительное правление. Принимая во внимание незавершенность процесса модернизации и влияние на формирование политической культуры религии, этнического фактора и колониального прошлого индустриализирующийся тип политической системы можно

разделить на такие подтипы как политические системы стран: Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Центральной Африки.

Предложенный методологический подход к вопросу типологии политических систем позволяет студентам-политологам в вузах экономического профиля глубоко усвоить механизм воздействия экономической среды на массовые ценностные ориентации, которые в свою очередь формируют общественный спрос на ту или иную модель организации и функционирования политической сферы. В практическом плане экономико-культурный подход в анализе политических процессов открывает дополнительные возможности в деле эффективного политического проектирования, потребность в котором особенно ощущается в странах «новой демократии».

Черняховская Ю.С.

ПРОФИЛИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» И «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» КАК ИННОВАЦИОННЫЙ СЕГМЕНТ РАЗВИТИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Основные задачи и постулаты Проекта.

Основная непосредственная задача проекта — создание и отработка эффективной образовательной модели в сфере гуманитарного образования.

Основные постулаты модели:

- преподаватель является не ретранслятором ранее накопленной информации, а производителем новой на накопления имеющейся и ее обработки методами классической гуманитарной и общественной науки; Лекция является не воспроизведением, прежней информации, а научным докладом о состоянии рассматриваемой проблемы на сегодняшний день;
- студент является не субъектом механического запоминания, но и не субъектом постмодернистского вольного имитирования творческого процесса — он должен хорошо знать необходимый объем сведений, владеть методами научного анализа и осмысления, уметь создавать новую научную информацию на основе имеющейся.

Содержательные задачи проекта: подготовка специалистов области творческих гуманитарных и общественных дисциплин основанная на следующих постулатах и способных в своей профессиональной деятельности содействовать утверждению следующих постулатах:

1. Единство исторической истины. История является наукой, обладающей апробированными методами научного исследования, а не пространством вольного интерпретирования с позиции постулата множественности истин.

2. Принцип позитивной истории. Россия существует более тысячи лет и является одной из ведущих стран мира, определяющим ход мировой истории. Это означает, что общий баланс отечественной истории — позитивен. История должна изучаться и преподаваться с точки зрения побед и достижений — оплаченных подчас трагедиями и потерями.

3. Культура — в первую очередь не сфера развлечения или вольного самовыражения богемы, культура — это система производства латентных образцов социального

поведения. Пространство историко-государственной и социально-политической самоидентификации, система запретов, отличающих цивилизованного человека от дикаря.

В силу этого история, историческая память и культура — это всегда пространство информационной и смысловой конкуренции национально-государственных, социально-экономических и социально-политических систем. Пространство борьбы за сохранение историко-идентификационного, политико-экономического и культурного суверенитета.

Задача преподавания и изучения истории, общественных дисциплин и культуры — накопление и распространение академического знания, противодействие информационной агрессии. защита историко-политической самоидентификации. противодействие искажениям истории и использованию культуры в ущерб интересам развития и суверенитета России.

Преподавание и научный поиск осуществляется с позиций и ориентирован на подготовку специалистов, руководствующихся следующими основными конституционными принципами Российской Федерации:

- Россия — демократическое государство с республиканской формой правления — Ст. 1. п. 1 Конституции РФ, то есть государство, в котором должна реализовываться воля большинства. Иное или пропаганда иного — антиконституционно.
- Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону Ст. 1. п. 3 Конституции РФ. Иное или пропаганда иного — антиконституционно.
- Россия — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. — Ст. 1. п. 3 Конституции РФ. Иное или пропаганда иного — антиконституционно.
- Россия — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. — Ст. 1. п. 14 Конституции РФ. и равны перед законом. То есть, церкви не вмешиваются в деятельность государства, но подчиняются устанавливаемым ими законам. Иное или пропаганда иного — антиконституционно.

Понимание классической истории: 1. классические подходы к научному исследованию и неприятие постмодернистских подходов; — 2. позитивная критическая история: восхождение через преодоление сложностей; — 3. единство и значимость дореволюционной и постреволюционной истории.

2. Концептуальное видение «Высшей школы политической культуры».

Основные задачи, миссия школы:

- поддержание, сохранение и развитие традиций классического исторического исследования, предполагающего, что история является наукой, а не неким непознаваемым пространством, открытым для эпатажных спекуляций и предполагающем множественность истин;
- рассмотрение истории России/СССР с позиции Позитивной Истории. Это не означает отказ от изучения и признания ее сложностей, противоречий и трагедий. Но это означает признание простого и на самом деле очевидного факта: страна существует более тысячи лет, большую часть своей истории — играет ключевую роль в развитии мировой цивилизации — и при всех трагедиях недавнего прошлого — сохраняет суверенитет, свою культуру и свою самоидентификацию и мощный научный и промышленный потенциал. Это позволяет утверждать, что она обладает в целом

позитивным балансом сравнении успехов и неудач. Принцип позитивной истории предполагает, что история страны может и должна быть рассмотрена в целом как история успехов, преодоления препятствий и разрешения противоречий;

- политическое значение развития классической исторической науки и принципа позитивной истории — изучение и пропаганда объективного знания о прошлом страны, укрепление оснований для гордости за страну и ее историю, воспитание национальной уверенности в силах и возможности страны, здорового гражданского патриотизма, сохранение интеллектуального суверенитета страны, ее ценностных стержней и историко-культурной самоидентификации.

Школа должна носить характер эксклюзивного экспериментального учебно-научного вуза федерального значения и стать центром подготовки интеллектуальной элиты страны ориентированной на приоритет принципа национального суверенитета России, обладающих универсальной эрудицией в области и российской и мировой истории, культуры и политической теории, и способных именно с позиции знакомства с мировым наследием — изучать и понимать роль России/СССР в мировой цивилизации.

Юрченко И.В.

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В КУБАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В течение ряда лет в Кубанском Государственном университете ведется как подготовка политологов и конфликтологов — бакалавров, так и специализация магистрантов-политологов в области политической конфликтологии. Это особенно важно, учитывая специфику Южного макрорегиона и Северного Кавказа. Созданный в ФИЦ ЮНЦ РАН сектор методологии конфликтологического анализа является преемником предыдущих организационных структур, начиная с лаборатории политической социологии Южного научного центра Российской Академии наук, которая, наряду с базовой кафедрой ЮНЦ РАН — кафедрой политологии и политического управления КубГУ, осуществляла свою научно-исследовательскую деятельность с 2005–2006 учебного года. Соответственно, концепция магистерской программы формировалась в процессе той работы, которую проводила лаборатория по научному исследованию политико-управленческой деятельности на региональном уровне. Это и гранты, и темы фундаментальных исследований Президиума РАН, и защищенные диссертации по проблемам национальной и региональной безопасности, во многом базирующиеся на междисциплинарных связях с политической конфликтологией, и кафедральная научная тема: «Разработка теории и механизмов обеспечения национальной и региональной безопасности». В свое время Е.М. Примаков говорил о необходимости создания центров ситуационного анализа в конкретных регионах страны. Так как Россия — сверхсложное социально-политическое образование, сопоставимое с цивилизационным, и поэтому исследовать разнообразные политические процессы, их социальные, экономические и культурные контексты в субъектах Российской Федерации следует не абстрактно, а

конкретно, на основе подходов социологии повседневности. Состояние конфликтности современного общества, подвергающегося кардинальным переменам в процессе распада старого и формирования нового мирового порядка, становится приоритетным объектом исследований в отечественной и зарубежной политической науке. Уже в прошлом веке ученые отмечали, что конфликтологическая парадигма стала одной «из господствующих парадигм социологического теоретизирования» и важнейшим способом обеспечения интеграции и устойчивого развития общества, благодаря позитивно-функциональному объяснению сущности самого феномена конфликта [3; 2] и разработанным на этой основе принципам эффективного урегулирования конфликтов и управления ими. Появились новые субдисциплины, например, политический конфликтный менеджмент, а также самостоятельная отрасль политической науки — политическая конфликтология с ее междисциплинарным характером. Институционализация политической конфликтологии в нашей стране связана с созданием в 1992 г. Центра конфликтологии. Отделения общественных наук, который с 1998 года стал возглавлять член-корреспондент РАН А.В. Дмитриев. Начиная с 2000 г., когда была организована Международная ассоциация конфликтологов (МАК), с соответствующей секцией политических конфликтов, заметно активизируется деятельность региональных отделений в Санкт-Петербурге, Астрахани, Воронеже, Йошкар-Оле, Нижнем-Новгороде, Ставрополе, Ярославле и других городах, в каждом из которых сложилась своя школа преподавания и исследования политических конфликтов [1, с. 29.]. Учитывая большой опыт инновационных проектов по политическим наукам и конфликтологии, на нашей кафедре была создана студенческая научно-исследовательская лаборатория политического анализа и конфликтологической экспертизы проблем национальной и региональной безопасности. Большое влияние также оказывали научная школа по исследованию миротворчества и урегулированию международных политических конфликтов профессора А.И. Никитина и научная школа этнополитической и региональной конфликтологии академика Г.Г. Матишова председателя, затем — научного руководителя ЮНЦ РАН и профессора А.В. Авксентьева, главного научного сотрудника, руководителя лаборатории конфликтологии ФИЦ ЮНЦ РАН, где также активно функционирует сектор методологии конфликтологического анализа. Таким образом, магистерская программа «Политическая конфликтология и проблемы обеспечения региональной безопасности» концептуально формировалась на богатой теоретической, практической и организационной базе междисциплинарного изучения региональных политических процессов и политических конфликтов в контексте анализа микро- и макро- политики. Важно то, что магистранты непосредственно участвуют в исследовательском процессе по темам грантов и Государственных заданий в рамках Программы фундаментальных научных исследований Президиума РАН. В частности, по таким темам, как «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов», «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России», «Информационная безопасность в полиэтничном социуме (на материалах ЮФО)», «Технология конфликтологического прогнозирования этнополитической ситуации на Юге России», «Внутриполитические и внешнеполитические вызовы и угрозы национальной безопасности в регионе». «Механизмы укрепления государственности на Юге: историко-политические трансформации» и других. Изучение специфики политического поведения этнокультурных общностей, диагностика существующего уровня политической и социальной безопасности, выявление, прогнозирование и систематизация возможных угроз для целостной,

динамично развивающейся поликультурной общности направлены на формирование общепрофессиональных и профессиональных компетенций магистрантов. Политический анализ разнообразия культур и субкультур, конфессиональной, этнической, идеологической неоднородности изучаемой социальной общности приводит к противоречивым, неоднозначным оценкам политических процессов, происходящих событий, возникающих социальных феноменов, что вызывает так называемый конфликт интерпретаций в политическом и научном дискурсе. В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом разработана основная образовательная программа, направленная на то, чтобы изучить сложную структуру политики, включающую макро и микроуровни, с точки зрения теоретико-методологического анализа, прикладного и прагматического аспектов с использованием общенаучных и специфических политологических, психологических и социологических методов, новейших тенденций и направлений современной политологии. В современных условиях неопределенной, разнонаправленной динамики мирового политического процесса, структурного усложнения конфликтов, микро и макро факторов, влияющих на них, в изучении политической сферы, как всей мировой системы, так и ее отдельных регионов, используется методология политического прогнозирования и социального моделирования, где приоритет отдается политическому анализу на основе разработки. «веера альтернативных сценариев». Политические риски как вероятность неблагоприятных последствий политических решений, принимаемых в условиях неопределенности, дефицита ресурсов, что может привести к ущербу для участников политических действий и вероятности нежелательных событий в исследуемых субъектах Федерации на Юге России, формирование националистических настроений в отношении различных групп населения, конфликтные взаимодействия с иноэтническими группами в ЮФО, использование отдельными СМИ «языка вражды». как языковых конструкций, вызывающих отрицательное отношение к представителям иных этнических и религиозных общностей и провоцирующие рост напряженности социально-политических отношений. Эти и многие другие проблемы изучаются магистрантами на базах практик в структурах ЮНЦ РАН, региональных и местных органах власти и управления, в общественных палатах и средствах массовой информации. Не замыкаясь во внутренних территориальных рамках, обучающиеся рассматривают проблемы региональной безопасности и политических конфликтов в приграничных государствах, в первую очередь в Черноморско-Каспийском макрорегионе и Евросоюзе. Особое внимание уделяется изучению феномена деградирующей и распадающейся государственности в современных условиях как локальной угрозы и глобальной проблемы макрополитики, микрополитики и международных отношений. Проблемы регионов с ограниченной государственностью, кризисной реальности, природы качественных изменений в развитии любой системы и любой организационной структуры, приводящие к нарушению равновесия системы на локальном, региональном и глобальном уровне, изучаются на базе методологии полипарадигмального подхода к политологическому исследованию. По результатам проводимых исследований магистранты готовят свои статьи и презентации для участия в ежегодной научной конференции студентов и аспирантов базовых кафедр ЮНЦ РАН, а также участвуют в Столыпинских чтениях, и таким образом перед защитой выпускной квалификационной работы имеют публикации и возможность апробации своих диссертационных исследований на научных конференциях и в других мероприятиях, в том числе, организуемых молодежным отделением Российского общества политологов.

Библиография

1. Глухова А.В., Тимофеева Л.Н. Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политическая наука, 2016. № 2. С. 29.
 2. Козер Л. Функции социального конфликта. Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
 3. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985;
-
-

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РОССИЙСКАЯ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА

Боровинская Д.Н.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПОЛИТИКО- ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Политические процессы, происходящие в стране тесно взаимосвязаны с такой реальной политической силой как молодежь, которая во многом и определяет политические, экономические и социальные устремления общества в будущем и выступает как фактор развития и носитель культуры современного общества.

Более того участие молодежи в общественно-политической жизни общества представляет интерес, как с точки зрения ее собственного развития, так и ее роли в воспроизводстве политической структуры всего общества. Реализуя свои общественно-политические интересы, цели и идеалы, молодое поколение вливается в общественно-политическую структуру общества, определяет характер общественно-политического развития общества на многие годы вперед.

Повышенное внимание к участию молодежи в общественных делах, формирование авторитетного организованного молодежного сообщества, привлечение молодежи к участию в политической жизни страны, государственной деятельности и управлении, использование интеллектуального и организационного потенциала молодежи имеет особую актуальность. Появление молодежных политических организаций связано как с увеличением возраста социализации молодых людей, так и с расширением политического участия, втягиванием в политическую жизнь всё новых слоев общества. Молодежные политические организации — своего рода мост между миром большой («взрослой») политики и молодежью. Один из наиболее заметных результатов этого — появление возможности для молодежи не только реально влиять на политику, но и делать ее.

Например, к числу основных направлений молодежной политики в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре относятся гражданско-патриотическое воспитание, развитие молодежного парламентаризма, профилактика экстремизма, поддержка деятельности общественных организаций и др.

Молодежь, как специфическая и наиболее активная социальная группа, является отражением и индикатором социально — политической и экономической ситуации и динамики общества, в то же время она является реальной силой, инновационные идеи которой являются катализатором радикальных изменений в обществе.

В свою очередь развитие системы образования в целом и политического в частности, сопровождается всё более и более ожесточенной критикой как в России, так и за рубежом. Многочисленные дискуссии, стало ли образование лучше или хуже, ведутся повсеместно. Акценты расставляются на способы достижения академических целей с позиции теоретического и практикоориентированного обучения. Приводятся доводы в пользу длительной работы над содержанием дисциплины.

В отечественной педагогической практике особое внимание уделяется методам и подходам «совершенствования» модели бакалавра, а именно его общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые сегодня задаются Федеральными государственными образовательными стандартами.

Главная цель образовательных учреждений сегодня — это подготовка высококвалифицированного и конкурентоспособного на рынке профессионала. При разработке и реализации программы бакалавриата организация ориентируется на конкретный вид (виды) профессиональной деятельности, к которому (которым) готовится бакалавр, исходя из потребностей рынка.

В связи с этим, анализируя опыт реализации образовательных программ, ориентированных на развитие политико-правовой культуры молодежи на региональном уровне, отметим, что наиболее актуальными становятся системно-деятельностный, практико-ориентированный и компетентностный подходы.

Компетентностный подход, по мнению ряда специалистов, ориентирован на реализацию поисковой и творческой деятельности, что должно способствовать формированию необходимых выпускнику умений в области профессиональной деятельности. А наличие практического результата в рамках разрабатываемых курсов, в том числе, в рамках политического образования должно давать возможность проверить уровень сформированности компетенций.

Формирование умений с позиции системно-деятельностного подхода предполагает соблюдение ряда принципов и условий. Во-первых, конкретные умения выпускников высшей школы формируются только в действии. Во-вторых, — это обязательное наличие нормы результата, с которой сравниваются фактические результаты. И, в-третьих, осуществление рефлексии недостатков своего способа действия посредством его сопоставления с культурным способом выполнения этого действия.

К числу основных требований к занятиям в системно-деятельностном подходе следует отнести наличие определенных компонентов: операциональная и проверяемая цель, проблемная ситуация, определенный образ результата, собственно сама деятельность, мотивирование и рефлексия. Каждый такой элемент предполагает формирование конкретных умений, в том числе и в области общекультурных компетенций, ориентированных на развитие политической и правовой культуры.

Тогда как практико-ориентированное обучение включает создание разнообразных форм профессиональной занятости бакалавров, а также форм контроля с целью выполнения ими реальных задач практической деятельности. Так формирование профессиональных навыков бакалавров осуществляется через решение различного рода конкретных практических задач. Эти задачи, как правило, нацелены на развитие познавательных процессов. В ходе решения задач анализу подвергаются не только условия формирования и развития профессиональной сферы, но и способы ее эффективной организации.

Гаврилов С.Д.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ: ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Формирование, развитие и модернизация векторов политической культуры в последнее десятилетие является одним из ведущих дискуссионных вопросов, стоящих на повестке дня в экспертном и политологическом сообществе. Более того, процесс складывания отношений, «гражданин-государство» остается актуальным для российского социума, особенно в процессе институционального взаимодействия акторов публичной политики. Наибольшее значение в указанном процессе отводится молодежным образовательным проектам, которые с одной стороны представляют платформу для получения компетенций, необходимых для реализации молодежью общественно-значимых задач, в том числе в сфере реализации государственной молодежной политики, с другой — являются частью коммуникационного пространства реализации интересов институтов публичной политики, в рамках которого генерируются наиболее актуальные вопросы политической повестки дня в региональном пространстве Юга России.

Приобщение к политической культуре, представляет собой один из наиболее существенных элементов социализации личности, в том числе, содействует гражданскому самосознанию и как следствие, развитию институтов гражданского общества. Так, с позиции Е.Э. Кудрявцевой «в современной России протекает процесс бессистемной трансформации, результатом которого является появление фрагментарной политической культуры, развитие различных политических конфликтов на различных уровнях (государственном, этническом и национальном, групповом и т.д.), появление разнообразных политических субкультур, политическое отчуждение определенной социальной группы» [2, с. 100]. Более того, молодежь как особая часть социума является не только носителем социально-политического опыта, но и выступает в качестве носителя как собственных политико-идеологических установок, так и адаптированных идей «старшего поколения». Вместе с тем, стоит учитывать, что, процесс построения гражданской идентичности молодежи в контексте формирования политической культуры неоднозначен, так «с одной стороны, молодые люди отвергают предлагаемые обществом социально одобряемые роли и функции поведения, с другой — они все-таки приходят к тому, что их деятельность должна быть оценена и интегрирована социумом» [4, с. 52]. Таким образом, очевидно, что молодежь выступает одновременно агрегатором, носителем и транслятором социально-политического опыта в процессе формирования собственной политической культуры.

Приобретение молодежью опыта социального взаимодействия в современной России наиболее распространено посредством образовательных проектов, в рамках которых представляется целесообразным выделить группу политологических проектов, направленных на формирование базовых навыков, знаний и умений профессиональной занятости молодежи в сфере властных отношений. Иными словами, в рамках молодежных образовательных проектов устанавливаются навыки коммуникации в публичном

¹ Материалы выполнены при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Стратегии, инновационные технологии институционализации и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе» № 17-13-34039

пространстве, которое в свою очередь в региональном политическом процессе «выступает не только как поле для конкуренции, но и в качестве особого институционального пространства для взаимодействия по поводу оформления политического курса в регионе, его соответствия общефедеральным тенденциям и специфическим особенностям в локальном контексте» [3, с. 77]. На пространстве Юга России подобные проекты реализуются на 5 уровнях: международный; федеральный; региональный (окружной) локальный (уровень субъекта федерации) и местный (уровень отдельных локальных сообществ). Среди подобных проектов следует выделить наиболее масштабные, такие как «Селиас», «Модель Организации Объединенных Наций», различные школы молодого политолога, а также проекты, напрямую связанные с деятельностью тех или иных государственных и/или партийных организаций (молодежные парламенты, молодежные советы и др.). Однако, следует учитывать тот факт, что каждый конкретный проект имеет собственные цели, задачи, порой пересекаясь между собой или демонстрируют диаметрально противоположные аспекты. Так, следствием этого можно выделить поверхностный интерес молодежи к политике, отсутствие фундаментальных представлений о реализации политического процесса — «наиболее четких точек зрения молодежь придерживается только в вопросах, связанных непосредственно с их жизнью и актуальными для них вопросами политической сферы» [1, с. 180]. Вместе с тем, существующая фрагментарность знаний о политике у молодежи обусловлена в том числе и отсутствием конкретно политологических аспектов в образовательном компоненте.

Стоит отметить, что в России существуют профессиональные корпорации политологов, которые сочетают в себе экспертное, научное, академическое и профессиональное сообщество. Так, с 2013 года одной из крупнейших политологических корпораций является Российское общество политологов (РОП) и его молодежное подразделение (МолРОП). На базе отдельных региональных отделений РОП и МолРОП уже сформированы стратегические ориентиры с целью включения молодежи в региональный политический процесс. Вместе с тем, условия регионализации и сопровождающие его тенденции взаимозависимости регионов обуславливают необходимость коллаборации молодежных образовательных проектов в единое окружное молодежное пространство с присущими ему закономерностями и спецификой. Для полноты реализации развития гражданской идентичности молодежи на пространстве Юга России предлагается консолидация локального опыта с последующим формированием окружного образовательного форума, который бы сочетал в себе фундаментальные политологические знания (научный компонент) и практикоориентированные навыки (прикладной компонент) с учетом особенностей регионального развития Юга России как отдельного макрорегиона. Однако, это достижимо только при непосредственном, интегративном участии всех субъектов публичного политического пространства.

Библиография

1. Колобродов В.А., Мельникова Т.С. Политическая культура молодежи в современной России: состояние и перспективы // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2018. № 10. С. 174–180.
2. Кудрявцева Е.Э. Политическая культура студенческой молодежи в современном российском обществе // Вестник ПАГС. 2014. №6 (45). С. 94–102.
3. Панкратов С.А., Гаврилов С.Д. Интеграция институтов публичной политики в Волгоградской области: практики реализации межсекторного взаимодействия // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, Вып. 1. С. 76–81. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-76-81.

4. Шамовская Т.В., Горбунова Г.П. Гражданская идентичность в структуре социальной идентичности современной молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 49–53.

Дергунова Н.В.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЭМИГРАЦИИ

В своем исследовании, мы опирались как на работы российских, так и зарубежных социологов. При наличии нескольких теоретических подходов, мы ориентировались больше всего на конструктивизм и опирались на подход, выработанный российскими социологами, прежде всего В.Ядовым и Л.Дробижевой, и опыт его применения в исследованиях отечественных этносоциологов. Объектом нашего исследования выступила русскоязычная молодежь, выпускники вузов, эмигрировавшие из России для продолжения учебы или поиска хорошей работы. Эмпирическую базу данного исследования составили онлайн-опросы и фокус-группы российских мигрантов в 2015–2017 годах.

Цель исследования: выявить и описать векторы изменений сформированной в России гражданской и этнокультурной идентичности русскоязычной (русской) молодежи; формы, способы сохранения и воспроизводства русской идентичности молодежью — недавних выпускников российских вузов, выехавших за рубеж, но не порвавших связей с родиной. Выпускники российских вузов, с одной стороны являются продуктом российской системы образования, в том числе и формирования этнокультурной и гражданской идентичности, а с другой стороны, уже являются одновременно субъектом и объектом изменения сформированной к подростковому возрасту этнокультурной и гражданско-государственной идентичности.

Из России за рубеж выезжает образованная молодежь, обладающая потребностью и возможностями (знание иностранного языка, знакомство с заграницей до миграции, индивидуалистические ценности) свободной межкультурной коммуникации. Однако у большинства мигрантов возникает реальная проблема утраты собственной этнической и культурной идентичности. Миграция за пределы РФ ставит перед молодыми людьми две проблемы этнокультурного характера: адаптация в инокультурной среде и сохранение своей этнокультурной идентичности и гражданственности или адаптация с ассимиляцией и трансформацией этнокультурной идентичности мигранта.

Анализ ответов и фокус-групп и онлайн-опроса показал, что в течение первых лет жизни за границей происходит переоценка своей этнокультурной идентичности. Распределением информации в идентификационной матрице руководит доминирующие в данный момент общечеловеческая и профессиональная идентичности, как основа для успешной адаптации. Через определенный период времени у мигранта начинается переосмысление и/или трансформация этнической и гражданской идентичности. Аналогичные исследования в России также фиксируют тенденцию смены или возникновения сложной формы этнической самоидентификации, особенно в национальных субъектах РФ [1, с. 84].

Для молодежи церковь и религия не выступают агентами сохранения русской культуры и языка, патриотизма. 40% респондентов не исповедуют никакой религии,

37% — считают себя православными. Остальные конфессии представлены были в выборке единицами. Уровень религиозности можно охарактеризовать как очень низкий: только 13% респондентов назвали себя верующими, и еще 6 % ответили, что стараются соблюдать обряды своей религии. Религиозность, по мнению респондентов, это личный выбор человека, православное вероисповедание не означает принадлежность респондента к определенной этнической группе. При этом подчеркивается, что церковь — это своего рода коммерческая организация, присутствует в ряде ответов негативное отношение к институту церкви.

Одной из характеристик этнокультурной идентичности является сформированный образ родины. На вопрос: «Как Вы воспринимаете образ России — своей Родины за рубежом?», были получены следующие ответы. 29% респондентов открыто гордятся своей родиной, еще 6 % относятся нейтрально к России. 30% эмигрантов из России проявляют в своем поведении признаки конформизма — демонстрация отношения к родине зависит от мнения окружающих их людей (18%) или скрывают свою принадлежность к России (12%). Только 4 % респондентов высказали сожаление, что их родиной является Россия. Однако вариант ответа «другое» (32%) продемонстрировал большую палитру эмоций и чувств в отношении своей родины.

В ходе исследования предполагалось выяснить потребность мигрантов к общению с соотечественниками и общения именно на русском языке за рубежом. Объективно деятельность государственных и различных общественных структур предоставляет мигрантам из России такую возможность (Русские центры науки и культуры имеются более чем в 80-ти странах).

Российская молодежь за рубежом адаптирована к поликультурной среде и довольно легко вступает в контакты с представителями разных этнокультурных групп. 44 % респондентов ответили, что в основном контактируют с иностранцами. Следующую группу общения составляют русскоязычные — так ответили 25 % респондентов. Однако каждый пятый респондент (22%) ответил, что общается, с кем придется, что хороших друзей и знакомых у них за границей нет. К проявлениям этноцентризма или закрытости российские мигранты относятся отрицательно. Только 16% респондентов считает, что русские должны держаться друг друга постоянно. 32% ответили, что русские должны поддерживаться друга время от времени, еще 3% — уточнили, что такая поддержка необходима в экстренных ситуациях. Около трети респондентов проявили более индивидуалистическую позицию: 19% ответили, что поддерживать надо только друзей-соотечественников и 17% ответили, что каждый должен рассчитывать на себя и отвечать сам за себя. 13 % — затруднились ответить.

Несмотря на то, что около 70% респондентов ощущают себя русскими, 48% ответили, что не вернуться в Россию (скорее нет — 33% и однозначно нет — 15%). 24 % респондентов постарались уйти от ответа, выбрав вариант «другое». Только 28% положительно относятся к возвращению на историческую родину (точно вернусь — 9%, скорее да — 19%). Две трети респондентов не планируют возвращаться на свою родину или не определились в данном вопросе. У участников опроса скорее выражено потенциальное желание вернуться, а не социальные действия по возвращению домой. В основном мысли о возвращении возникали у респондентов в связи с тоской по дому (39%), или по семейным обстоятельствам (31%).

У большинства мигрантов из России (около 70%) не изменилась этнокультурная идентичность на протяжении значительного количества лет проживания за рубежом (до 10 лет). Примерно каждый четвертый российский мигрант демонстрирует устойчивую русскую культурную идентификацию и гражданскую активность в ее сохранении за

границей. Около половины респондентов демонстрируют устойчивую этническую и культурную идентификацию, но без активного взаимодействия с соотечественниками и игнорируют активные коллективные формы общения, предпочитая индивидуальные формы сохранения своей этнокультурной идентичности.

Только у трети мигрантов наблюдается динамика изменения своей этнокультурной идентичности в сторону билингвизма и космополитизма или европейской культуры в целом.

Половина выпускников российских вузов, эмигрировавших за границу, продемонстрировали в целом нормальную (позитивную этническую) идентичность. Положительный образ своего народа в сочетании с толерантными установками на общение с другими народами. Однако для части мигрантов (примерно от 25% до трети) характерна этническая индифферентность, предполагающая равнодушное отношение к проблемам этничности, этнических ценностей, интересов и этнических отношений (затруднились ответить). На поведение людей, обладающих данным типом идентичности, никак не влияют ни их собственная этническая принадлежность, ни этничность других.

Для части респондентов (10–15%) более характерна амбивалентная, невыраженная, а иногда сдвоенная или даже строенная идентичность. Этот тип этнической идентичности особенно распространен в этнически смешанной среде. Молодежь сегодняшнего дня более спокойно относится к проявлению этнокультурной идентичности. Как нам представляется, основной мотив — свобода выбора своей идентичности в настоящее время, свободный въезд и выезд из России, что не ставит задачи особо заботиться о сохранении своей этнокультурной идентичности.

Нами были выделены несколько основных механизмов сохранения и передачи этнокультурной идентичности в ситуации, когда человек находится в эмиграции в инокультурном окружении.

- Общение на русском языке и самостоятельная передача детям навыков общения на русском языке в рамках русской культуры;
- Сохранение некоторых традиций русско-советской культуры (праздники, литература, фильмы, музыка), ее религиозно-культурных и бытовых символов;
- Создание или, по крайней мере, участие в деятельности русских (российских) культурных центров, мероприятиях диаспоры и других общественных организациях соотечественников.

Русская этнокультурная идентичность у молодежи, прожившей не более 10 лет за границей в целом сохранена и стала доминирующей по отношению к гражданско-государственной. Однако у современной молодежи нет потребности систематической деятельности по сохранению своей этнокультурной идентичности и ее воспроизводству в детях, в последующих поколениях. Несмотря на то, что современная эмигрантская молодежь не проявляет выраженной активности по сохранению русской идентичности, она остается той социальной группой, которая является частью «Русского мира» и требует внимания по стороны российского государства.

Библиография

Бойко И., Харитоновна В. Общероссийская, территориальная и этническая идентичности в Чувашии // Вестник Российской нации. 2015. № 2. С. 82–93.

Казанцев Д.А.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕ XX И НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

После появления в начале 60-х годов теории информационного общества философы все чаще заявляют о новом «конце истории». Его связывают то с «третьей волной», то с изменением роли знания в обществе, то с внедрением новейших технологий в жизнь человека. Стремительное развитие во второй половине двадцатого века стран Восточной Азии, модернизация Тайваня и Южной Кореи подтвердили гипотезу о сильном действии знания на политические трансформации. Особую роль в этом процессе заняла высшая школа. Согласно социологии образования П. Бурдьё, университет является «доксой». Иными словами, система образования отделяет «хорошие» произведения литературы от «нехороших», «демократию» от «не демократии», она чертит границы между теми или иными явлениями. Поэтому университет переносит систему оппозиций доминирующей социальной группы в молодые умы. Это значит, что высшая школа воспроизводит путем незаметной идеологической работы существующий политический порядок в обществе. Социологические данные П. Бурдьё остаются актуальными. Всё это позволяет утверждать о некоторой каузальной связи между социальным статусом молодого человека и его дальнейшими образовательными перспективами. Появляется противоречие: если высшая школа пытается скрытно «научить» студентов господствующему политическому режиму и порядку, то откуда берутся революции, реформы и всевозможные социальные и политические трансформации, а также инновации? Какова же роль образования в политических изменениях?

Вероятно, некоторый ответ можно найти в теории поколений. По мнению В. Пастухова, политические события продиктованы сменой поколений, при этом шаг между ними составляет 15 лет. Условия, в которых находятся молодые люди, формируют их представления о мире, ценности и установки в целом. По прошествии 15 лет, придя к власти, они пытаются реализовать свои ценностные представления через политику. Согласно гипотезе А. Аузана, университеты являются своеобразными инкубаторами ценностей. Они создают неформальные «правила игры», которые затем трансформируются в формальные. Инновационная функция образования реализуется посредством социальной инженерии, то есть обучению поколений или отдельного человека принципиально новому пониманию мира в период от 18 до 25 лет. Высшая школа, помимо влияния на процесс принятия политических решений, способна формировать определенные установки в сознании человека по отношению к окружающему миру и другим людям. Более того, в 1960-ые годы социологи Г. Алмонд и С. Верба измерили политические установки в пяти странах: Германии, США, Великобритании, Италии и Мексике. На протяжении всего исследования социологи сообщали о всевозможных различиях между образовательными группами. Данные ученых «показывают, что образовательные достижения оказывают, пожалуй, самое важное демографическое воздействие на политические установки» [1, с. 416]. Именно высокий уровень образования оказывает самое существенное воздействие на политические установки, он способен послужить

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ).

заменой ценностей, приобретенных в раннем возрасте или позднем. Любопытно, но авторы исследования отмечают, что, хотя участие на работе, семье и может подкрепить то, чему учат в университетах, оно не в состоянии заменить этот опыт.

Наличие ценностных межпоколенческих сдвигов подтверждено результатами международных социологических проектов, изучающих политическую культуру обществ. Нидерландский социальный психолог Г. Хофстеде является пионером в этой научной области. Другому ученому — Р. Инглхарту принадлежат многочисленные статьи, монографии, научные труды о феномене современной модернизации. Согласно точке зрения Р. Инглхарта между знанием, развитием экономики и ценностями человека существует прямая связь. К настоящему времени данные «World Values Survey» (далее «WVS») уверенно демонстрируют увеличивающийся с каждым годом разрыв в ценностях между поколениями в постиндустриальных странах [3, с. 160]. Р. Инглхарт утверждает, что с самого начала 80 годов более молодые поколения придавали большее значение «ценностям самовыражения» и не отказались от них в пользу «ценностей выживания» за три десятка лет, что прошли с 1981 по 2015 годы. На протяжении всего этого периода поколения придерживались избранной траектории. Более того, все возрастные когорты с течением времени стали демонстрировать движение в сторону постматериалистических ценностей.

Итак, процессы экономического развития и рост уровня критического образования дают толчок политическим трансформациям, например, демократизации. Поэтому достижение странами среднего уровня доходов и образования, перемещение их в экономическую зону транзита ведет к изменениям в социальных структурах, культуре, ценностях, каковые благоприятствовали зарождению демократии.

Для более общей картины проанализируем инструментарий шестой волны WVS (2010–2014) Р. Инглхарта с точки зрения влияния высшего образования на те или иные ценности человека (см. табл. 1).

Таблица 1
Воздействие высшего образования на разные ценности по Р. Инглхарту

Политические ценности молодежи в возрасте до 30 лет (высказывание — вариант ответа)	Высшее образование имеется	Высшее образование отсутствует
	Всего по выборке из 12 стран в %	Всего по выборке из 12 стран в %
Демократия. Люди могут выбирать своих лидеров на свободных выборах — очень важно	51%	18%
Демократия. Гражданские права защищают свободу людей от государственного вмешательства — очень важно	38%	15%
Демократия. Люди подчиняются правителям — неважно	20%	7%
Главное в жизни: политика — очень важно	25%	14%
Главное в жизни: религия — очень важно	30%	50%
Цели страны — высокое экономическое благосостояние гражданина	60%	46%
Готовность бороться за свою страну — да	55%	67%
Уважение к власти — хорошая вещь	47%	56%

Политические ценности молодежи в возрасте до 30 лет (высказывание — вариант ответа)	Высшее образование имеется	Высшее образование отсутствует
	Всего по выборке из 12 стран в %	Всего по выборке из 12 стран в %
Интерес к политике — очень интересна	18%	10%
Ответственность правительства — больше ответственности	16%	22%
Политическая система. Демократия — одобряю	42%	40%
Политическая система. Сильный лидер лучше демократии — одобряю	10%	41%
Политическая система. Принимать решения должны эксперты, а не «политиканы» — одобряю	11%	19%
Политическая система. Власть армии (военный режим) — одобряю	2%	16%
Важность демократии — очень важно	50%	30%
Самая серьезна мировая проблема — нищета	47%	53%

Построено по: World Values Survey Wave 6: 2010–2014 [Электронный ресурс] // World Values Survey. 2016. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 25.07.2018).

Таким образом, в настоящее время высшая школа действительно оказывает влияние на ценностные установки молодого человека. Однако, как и говорили Г. Алмонд и С. Верба, существуют такие ценности, которые не испытывают на себе влияние образования и те, что испытывают, но незначительно. Конечно, ценностные ориентации людей с высшим образованием меняются от государства к государству, но в то же время они более близки друг к другу, чем те же ориентации людей без высшего образования. Например, во всем мире более образованные люди более терпимы к разным этносам. Кроме этого, чем выше уровень образования у человека, тем выше становится шанс того, что он примет участие в противоэлитных акциях. Также, с большей долей вероятности, он согласится с утверждением, что «свобода — это важно», «гражданские права — это хорошо», «подчиняться правителям не всегда правильно» или оценит религию как неважный в его жизни рудимент. Но так или иначе, культурные отличия данного общества накладывают свои отпечатки на приведенные высказывания. Может случиться так, что к некоторым этносам образованный человек проявляет высокий уровень терпимости, тогда как к другим испытывает чрезвычайно негативные чувства. Помимо всего прочего, возможно выявить отличия в моделях и формах участия в акциях против власти от режима к режиму. Естественно свою лепту вносит идеология, пропаганда, особенности функционирования власти и многое другое.

Библиография

1. Алмонд Г., Сидней В. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Инглехарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Керимов А.А.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Формирование гражданской идентичности является одной из приоритетных задач системы образования Российской Федерации. Очевидно, что «позитивная гражданская идентичность является ключевым фактором, определяющим вектор развития страны, поскольку она задает совокупность характеристик, от которых зависит устремленность нации к успеху» [3, с. 3].

Тематика гражданской идентичности как категория научного анализа в современной научной литературе представлена достаточно широко. Например, известный российский ученый и психолог А.Г. Асмолов гражданскую идентичность рассматривает как «осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе» [1, с. 5]. И другие определения в целом с небольшими вариациями гражданскую идентичность рассматривают через призму комплекса «представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и к государству, позволяющим индивиду соотносить себя с ними» [3, с. 3].

Ученые выделяют различные направления и механизмы формирования гражданской идентичности, которые находят применение на практике. В этом отношении хотелось бы отметить роль и значение политического образования, которое также располагает значительным потенциалом для формирования российской гражданской идентичности. Исходя из того, что гражданская идентичность включает знание истории и культуры страны, родного края, человечества; понимание основных проблем современного общества, в том числе в исторической ретроспективе; ценностные ориентации и убеждения личности, формируемые путем осмысления социального, политического, культурного опыта людей в прошлом и настоящем; уважение к историческому прошлому, духовному наследию своего и других народов, можно определить и задачи политического образования, к числу которых относятся формирование представлений о географическом положении страны и знаний об исторических событиях развития общества и государства, достижениях и культурных традициях; государственно-политической организации государства, знание государственной символики, знание государственных праздников, знание положений Конституции РФ, основных прав и обязанностей гражданина, ориентация в правовом пространстве государственно-общественных отношений; знание о своей этнической принадлежности, освоение национальных ценностей, традиций, культуры, знание о народах и этнических группах России и т.д.

Как видим, задачи, стоящие перед политическим образованием, весьма объемны. Однако очевидно, что от их решения в немалой степени зависит проблема формирования гражданской идентичности. В современной России роль и значение гражданской идентичности стремительно возрастает. К сожалению, 90-е гг. прошлого столетия нельзя считать продуктивными в вопросе формирования позитивной гражданской идентичности. Российское общество, которое испытывало колоссальные социально-экономические трудности, столкнулось с вызовами и политического и социокультурного плана, а именно кризисом гражданской идентичности после распада Советского Со-

юза; возникновением рисков распада страны на отдельные территории по этническим, конфессиональным и/или региональным параметрам; неопределенностью ценностных ориентаций подрастающих поколений. Очевидно, эти негативные моменты оставили массу непростых задач перед обществом и государством. Наследием 90-х гг. стали морально-нравственная дезинтеграция общества; низкий уровень доверия и социальной солидарности; нарушение преемственности поколений, социальных механизмов трансляции национальных духовных традиций и культурного опыта; недостаток гражданского, патриотического самосознания и конструктивного общественного поведения; рост национализма, ксенофобии, усиление центробежных социальных тенденций; снижение ценности производительного труда, науки, творчества и образования; усиление миграционных процессов; недостаточный уровень воспроизводства населения; снижение физического, социального и психического здоровья населения и т.д.

Сегодня же после преодоления тяжелых последствий социально-экономического кризиса и политической турбулентности в обществе и государстве снова возникает запрос на формирование устойчивой идейно-психологической среды, столь необходимой для воспитания, становления и развития современного гражданина. И в этом смысле политическое образование способно оказывать влияние на процессы формирования гражданской идентичности. Данные процессы уже сталкиваются и потенциально могут столкнуться с рядом опасностей. Прежде всего необходимо отметить, что формирование гражданской идентичности не должно осуществляться однонаправленно в жестких рамках распространения единой идеологии. Данный процесс должен преследовать цели повышения уровня знаний и компетенции граждан в сфере правовых и политических отношений, развития и распространения гражданской активности и ответственности. Не менее опасной представляется тенденция к замыканию на этнической, географической и конфессиональной идентичности. Опыт мировой истории изобилует примерами, показывающими пагубность подобного подхода, чреватого тяжелыми последствиями для любого общества. В целом же отметим, что трудности и проблемы формирования гражданской идентичности в современной России обусловлены низким уровнем доверия граждан к основным политическим и государственным институтам, отсутствием отлаженных механизмов социализирующего воздействия и внятной политики формирования гражданственности.

Политическое образование не обеспечивает решения всех проблем формирования гражданской идентичности, тем не менее, оно «закладывает ее фундаментальные основы, приобщая индивида к основным нормам и правилам функционирования политической системы, обогащая его комплексом представлений об управлении и законах общественно-политической жизни, определяя его субъектную позицию по отношению к государству, обществу, согражданам» [2, с. 12].

Приобщение к политическим знаниям не предполагает механического «впитывания» определенного набора знаний и навыков. Этот процесс сложный и длительный. Здесь требуется творческий подход, умение выстраивать отношения с обучающимся на основе понимания и осознания им принципов общественной солидарности и взаимности, без которых общественный прогресс немислим. Обучающийся должен осознавать себя личностью, быть активным и ответственным членом общества, который понимают специфику современного развития. Обучающийся должен понимать ценности гражданского общества, политической культуры, свою сопричастность к судьбам своего государства и народа. И благодаря политическому образованию обучающийся может стать носителем этих ценностей, креативной и критически мыслящей, мотивирован-

ной к познанию и творчеству личностью. Прививаемые политическим образованием ценности и качества послужат развитию личностных, гражданских, социальных, общекультурных начал, которые необходимы для устойчивого развития любого общества.

В условиях сложной социально-экономической ситуации и усиления авторитарных тенденций в обществе задачи политического образования несколько усложняются, но с повестки дня не снимаются. Нужно понимание четкой грани, чтобы образование не навредило, не деформировало структуру политического сознания. В рамках этой парадигмы пытается выстроить свою деятельность Школа молодого политика «Я-политик», организованная на базе кафедры политических наук Уральского федерального университета совместно со Свердловским региональным отделением РОП.

Участниками-слушателями школы являются учащиеся 9–11 классов общеобразовательных школ. Целью школы является патриотическое воспитание подрастающего поколения; развитие творческих способностей учащихся; оказание учащимся помощи в получении первичных знаний по политическим наукам и формировании исследовательских навыков по изучению проблем политической науки; оказание помощи в приобщении к правилам политической жизни; пропаганда научных знаний; привлечение школьников для получения политологического образования в университете. В ходе мероприятий школьники прослушивают познавательные лекции на различные темы, например, «Кто управляет миром?», «Лидерство и эмоциональный интеллект», «Я впервые иду на выборы», «Моя Родина — многонациональная Россия» и др. Занятия проходят в форме интенсивного тренинга и сопровождаются интересными презентациями. Интересными представляются слушателям школы также политико-философские пьесы (например, «Дарт-Калигула», «O tempora! O mores!»), поставленные студентами-политологами третьего и четвертого курсов отделения политологии УрФУ.

Опыт работы этой школы показывает, что школьники заинтересованы в организации и проведении подобных мероприятий. Здесь они получают первичные знания о политике и политических отношениях, у них формируются мировоззренческие основы, необходимые для дальнейшего роста.

Распространение политического образования не должно ограничиваться только рамками образовательных учреждений, оно должно стать всеохватывающим. Формирование гражданской идентичности предполагает, в том числе преодоление социополитической отчужденности граждан, которое возможно через «развитие основных институтов и механизмов политической социализации — гражданское образование, развитие общественных организаций и объединений, поощрение мероприятий, направленных на развитие гражданской и политической культуры, формирование достойного образа «гражданина России» через повышение статуса государства в мире и в глазах своих граждан» [2, с. 12]. Необходимо отметить, что реализация поставленной задачи возможна, если будут объединены усилия властей, системы образования, институтов гражданского общества. Совместная работа властей различных уровней, образовательной системы и институтов гражданского общества может привести, в конечном счете, к консолидации общества, формированию российской гражданской идентичности, созданию атмосферы взаимопонимания и доверия друг к другу, конкурентоспособной личности, без которых устойчивое развитие российского общества не представляется возможным.

Библиография

1. Асмолов А.Г. Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики // Лидеры образования. 2007. № 6. С. 4–10.

2. Конода И.В. Становление гражданской идентичности россиян в процессе политической социализации: автореф. дисс. канд. полит. наук. М., 2007. 29 с.
3. Семенко И.С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития. 2009. 11 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf

Кочетков А.П.

О ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сегодня уничтожающей критике подвергается практика работы диссертационных советов, двухступенчатый порядок (кандидат — доктор наук) присуждения ученых степеней. При этом многие считают панацеей решения всех проблем подготовки научных кадров введение системы PhD, давно утвердившейся во многих странах мира. Рассмотрим более подробно, что это такое.

Немного истории. Практика присуждения ученых степеней ведет историю со времен первых западноевропейских университетов. В XII в. степень «доктор права» была присуждена в Болонском университете, «доктор медицины» — в Салернском институте (Италия). В XIII в. Парижский университет ввел степень «доктор богословия». Первоначально наименования «доктор» (лат. *doctus* — «ученый») и «магистр» (лат. *magister* — «учитель») были близки друг другу и взаимозаменяемы.

Иерархическая система степеней «магистр» — «доктор» сложилась в XV-XVII вв. При корпоративной организации университетов степень «магистр» давала право на замещение должности преподавателя лишь в стенах определенного университета, тогда как присвоение степени «доктор» было предпосылкой самостоятельного ведения учебной и исследовательской работы.

Сегодня в странах англосаксонского мира действует система одной докторской степени — PhD. Расшифровывается она как «доктор философии» (*doctor of philosophy*), но это не значит, что ее обладатель — обязательно философ. Дело в том, что в средневековой Европе университет, как правило, имел четыре факультета: теологии, права, философии и медицины. Соответственно, по традиции докторские степени присваиваются по этим четырем направлениям до сих пор, а наука в современном смысле имеет своей парадигмой философию. Иначе говоря, возможен «доктор философии по физике» или «доктор философии по математике». Эта степень присуждается после трех лет обучения в аспирантуре. Ранее ее всегда приравнивали к нашему «кандидату наук».

Во Франции и странах, использующих французскую систему высшего образования, наименование «доктор» охватывает несколько степеней. Низшая среди них — «доктор третьего цикла» (*docteur de troisieme cycle*); таким циклом считаются 5-й и 6-й годы обучения в университете). Высшие по отношению к ней — степени «доктор университета» (*docteur de l'Universite*). С 1897 их присуждают по итогам защиты диссертации двух видов:

- а) с более низкими требованиями — предназначается гл. образом для иностранцев;
- б) «государственный доктор» (*docteur de l'Etat*). Для ее получения требуется представление двух печатных диссертаций — главной (*these principale*) на тему, избранную

диссертантом, и дополнительной (*these complemen-taire*) на тему, определенную факультетом.

В 1935 в Германии кроме степени «доктор наук» (наш кандидат наук) была введена степень «*Doctor habilitatus*», «хабилитированный доктор» (наш «доктор наук»), представлявшая право на замещение должности профессора университета. В университетах ФРГ в докторский диплом вносится оценка, полученная на докторском экзамене, а также оценка защиты. В ФРГ, Австрии, Италии степень «доктор» является единственной. Во многих странах специалисту в знак признания научных заслуг может быть присуждена почетная степень «доктор наук» (*honoris causa*; сокращенно: *h.c.*).

В зарубежных университетах, организованных по образцу британских, степени «доктор» предшествует степень «магистр». В Японии степень «магистр» (*shusi*) присваивается по всем наукам. В Болгарии, Румынии, Чехии и Словакии степень «магистр» в 50-е гг. была приравнена к советской ученой степени «кандидат наук» и предшествовала степени «доктор». Во Франции, Польше, Швеции, Дании, Норвегии и большинстве стран Латинской Америки степень «магистр» присуждается по окончании университета и не требует представления специальной диссертации. В Финляндии, Греции, Испании, Португалии, Мексике и Эквадоре степени «магистр» соответствует степень «лицензиат», присуждение которой предполагает сдачу экзамена и представление печатного труда. В странах Латинской Америки, скандинавских странах, в Швейцарии система ученых степеней дифференцирована более широко: степень «лицензиат» присуждается по окончании высшего учебного заведения. В Бельгии, Нидерландах, Швеции, Дании и Норвегии ступенью к степени «лицензиат» считается степень «кандидат наук», присуждение которой свидетельствует о прохождении определенной части университетского курса.

Даже краткий обзор показывает многообразие подходов и традиций к присуждению ученых степеней в разных странах мира. В России действует «немецкая» система двух докторских степеней: кандидат наук и доктор наук. В соответствии с германо-российским межправительственным соглашением Россия и Германия признают степени друг друга. Ученую степень кандидата наук на уровне своего «доктора» признает и Франция.

Что же будет, если мы откажемся от традиционной двухступенчатой системы присвоения ученых степеней и перейдем на PhD? Вот к каким последствиям это может привести.

1. Введение PhD в России по англосаксонскому образцу приравнивает российского кандидата наук не к западному доктору, а к магистру — выпускнику вуза, окончившему магистратуру, который рассматривается в РФ как окончивший вторую ступень высшего образования, а не как получивший ученую степень. Если это осуществить, то произойдет инфляция ученых степеней и их значимость еще более снизится. Казахстан несколько лет назад провел реформу своей образовательной системы. Вместо двухступенчатой схемы «кандидат — доктор» ввели западный PhD. В результате все бросились получать PhD в западных вузах (кому нужен PhD, присужденный казахстанским вузом?), что губительно сказалось на казахстанской системе подготовки научных кадров.

Если российская система образования пойдет по тому же пути, то ее ждет аналогичная судьба. Как может российская политология стать действительно профессиональной и самостоятельной, если российским политологам придется не только публиковать свои работы в первоочередном порядке в иностранных изданиях, но и писать диссертации, защищать их на английском языке? Останется только узаконить введение английского языка (а еще лучше латыни) официальным языком российской науки! В этих условиях

российская наука быстро утратит конкурентоспособность и станет придатком западной научной системы.

2. PhD на Западе — это давняя историческая традиция. Есть ли российская традиция присуждения ученых степеней?

На протяжении досоветского этапа в России сложилась традиция двухступенчатой схемы присуждения ученых степеней: магистра и доктора. В советское время степень магистра была заменена на степень кандидата наук. *Поэтому, исходя из наших давних традиций, сегодня необходимо на новом витке исторического развития вернуться к традиционной российской схеме присуждения ученых степеней: магистр-доктор (это будет соответствовать и современным зарубежным аналогам).*

Прежде всего, надо провести реформу системы присуждения кандидатских степеней (не важно будет это магистр или кандидат наук), а не уничтожать ее, как это предлагается сегодня. Одновременно реформируется и магистратура, роль которой сегодня двусмысленная (магистр — это просто человек, получивший высшее образование, в несколько в большем объеме, чем бакалавр). Раз уж Германия и Франция признают наших кандидатов на уровне своих докторов (то есть все тех же PhD), целесообразно опираться на это признание и работать над качеством научных текстов, а не разрушать систему в целом. Изменить можно процедуру защиты кандидатских или магистерских диссертаций. Например, предоставить право получения магистерской степени лучшим выпускникам вузов при предоставлении соответствующего научного текста и ответа на вопросы по нему перед специальной комиссией вуза. Что касается степени доктора, то следует оставить право присваивать ее только крупным вузам, в которых действуют общепризнанные научные школы и центры, таким как, например, МГУ, СПбГУ, МГИМО, Высшая школа экономики, Новосибирский госуниверситет.

Чтобы поднять научный уровень диссертационных работ, не надо изобретать велосипед. *Необходимо повысить требования к соискателям независимо от их должностного или социального положения на протяжении всего цикла подготовки диссертаций (от утверждения темы до введения обязательного дополнительного рецензирования при поступлении их в ВАК) и проявлять принципиальность.* Важно помнить, что какую бы систему подготовки научных кадров мы не избрали, она станет эффективной только при условии, если люди, отвечающие за это дело, будут добросовестно исполнять свои обязанности. В противном случае любая система, в том числе и PhD не избежит коррупции и все вернется на круги своя.

Мизулин М.Ю.

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ**

1. Сегодня, с высоты (достижений) и образовательного падения (ошибок и просчетов) 2018 года, можно сказать, что при формировании и становлении политологического образования в России, никто не предполагал, что институализация и расширение политологического знания, обучения и образования не будут синхронизированы с профессиональным стандартом, а именно: образовательный стандарт политологии не будет привязан к профессиональному стандарту руководителей и специалистов,

утверждаемых и принятых Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации¹.

2. Иными словами, никто не мыслил тогда ту реальность которая сложилась сейчас — учебная и научная дисциплина «Политология» существует, а профессиональной сферы с набором соответствующих специалистов в Российской Федерации юридически и документально-признанно, не существует или попросту ее нет. На практике имеет место профессиональный обман и самообман, в лучшем случае копирующий зарубежный опыт, а в худшем — воспроизводящий государством не признанные (не легальные) процессы, состояния и технологии. Считаю, что в этой ситуации всем руководителям (ректорам, директорам, деканам, заведующим кафедрами), администрирующим политическое образование, необходимо собственное самоутешение или тщеславие перезагрузить на тренд «воплощение».

3. При такой постановке вопроса неизбежно появляется запрос на становление не политологического, а политического образования как образования индикативно прикрепаемого не к международным индексам цитирования, международным грантам, симпозиумам и конференциям, а к суверенной политике российского государства. Не случайно, первым заказчиком такого проекта становится Министерство обороны Российской Федерации, в начале февраля 2018 года объявившего о воссоздании на всей территории страны Главного военно-политического управления² и добившегося закрепления этого решения Указом Президента РФ³.

4. Для избегания ошибок предыдущего образовательного цикла, связанного с становлением и развитием политологического образования, при воплощении в реальность эффективного политического образования, необходимо соблюдать как минимум четыре базовых условия.

5. Первое — используя консультативные и законодательные процедуры в обязательном порядке внести в реестр профессиональных стандартов Министерства труда и социальной защиты РФ такую общественную отрасль как политика. Желательно при этом политическую область структурировать по соответствующим специальностям.

6. Второе — авторскому коллективу разработать программы дополнительного профессионального политического образования, привязанные к профессиональному стандарту Министерства труда и социальной защиты. Программы должны быть разработаны для экспертов, модераторов и преподавателей-практиков, способных за достаточно короткий срок пройти действительную переподготовку или повышение квалификации. Программы обязательно должны быть привязаны к индексу государственного суверенитета России.

7. Третье — основным и сквозным предметом современного политического образования должен стать курс «Политическое мышление: технологии и практики». Основным потому, что именно данный курс позволит произвести различие политического и не политического мышления, а именно: юридического, военного, экономического, предпринимательского, финансового, социального, педагогического и культурно-исторического типов мышления. Сквозным потому, что все сопутствующие дисциплины и практики, в полном объеме позволяющие объективировать политический плацдарм (политическое поле=политический объект) должны быть увязаны с состояниями политического мышления. Только так в конечном счете можно сформировать политиче-

¹ <http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/archive.php>

² https://ria.ru/defense_safety/20180205/1513967955.html 5 февраля 2018 г.

³ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43416>

ское мышление, встроенное в суверенную государственную политику и формирующую эффективное политическое действие.

В целом, программа такого курса восполнит существующий пробел в общей системе компетенций, на которые сориентировано современное образование и современные образовательные учреждения.

8. Предполагается, что программа политического образования будет построена на принципе редукции (сведения многомерно сложного политического поля к одной существенной и принципиально незаменимой единице) всего политического поля как процесса и состояния политического мышления. В долгосрочной перспективе реализация программы потребует постоянной методологической верификации применительно к базовым принципам и схемам мыследеятельности, разрабатываемыми мыслителями как минимум в последние два столетия.

9. В этом будет состоять ее коренное отличие и конкурентное преимущество как по сравнению с гипертрофированным дроблением предметного политического поля политологическими центрами, институтами и факультетами (вузовское политологическое и дополнительное образование), так и по сравнению многочисленными спекулятивными курсами и тренингами, организуемыми политическими технологами.

10. И наконец, в-четвертых. Разработка и тестирование программы современного политического образования должны быть проведены на базе одного научно-методического центра, без искусственных тендеров и аукционов псевдоинтеллектуальной конкуренции. Тестирование программы обеспечит селекцию носителей политического и квазиполитического мышления — будущих участников проекта. Только после соблюдения этой процедуры можно переходить к ее масштабированию с обязательной процедурой мониторинга за ходом ее реализации применительно к реальным политическим процессам.

Саркисян О.Л.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Национальная идентичность не есть нечто окостенелое, а находится в постоянном развитии. Развитие идентичности происходит либо спонтанно, либо носит программно-стратегический характер, что является результатом особой *политики идентичности*. Одним из важнейших инструментов этой политики является *образование*. Основным же актором политики идентичности, в целом, и образовательной политики, в частности, является государство. Хотя иногда, особенно в условиях отсутствия национального государства, таким актором может стать и иной институт (например, в истории армянского народа таковой была церковь).

Хотя сегодня в армянской научной литературе практически не используют термин *политика идентичности*, но все же мы утверждаем, что основы современной армянской идентичности были сформированы в IV–VI вв. в результате реализации *особой политики идентичности*: принятие христианства как государственной религии, суверенизация Армянской церкви, изобретение национальных письмен, создание собственной письменной культуры и национальной системы образования и т.д. Эта модель, где основным

ресурсом конструирования идентичности является культурный ресурс, можно условно назвать *культурно-конфессиональной моделью национальной идентичности*. Эта модель особо актуальна, когда нация теряет собственную государственность. Не случайно, что эта модель более или менее эффективно функционировала в долгие века отсутствия армянской государственности.

Вплоть до недавнего времени политика идентичности Республики Армения сводилась к мероприятиям, направленным на сохранение армянской идентичности, и в первую очередь, в диаспоре. Можно сказать, что она ориентировалась на армянство как на этно-культурно-конфессиональное образование, но не на армянскую государственность. Гражданско-государственный аспект армянской идентичности при таком подходе остается в тени.

В этом контексте, не случайно, что широкое распространение, особенно среди армян диаспоры, получил концепт армянства как *глобальной нации*. По этому концепту, армянин может жить где угодно, добиваться успехов, а потом помогать развитию своей страны. Это идеализированная модель, так как на определенном этапе с необходимостью возникает противоречие между этно-культурной идентичностью армян и гражданско-государственной идентичностью тех державных образований, в которые они включены. Армянство на протяжении веков стремилось быть именно «глобальной» нацией. На наш взгляд, политика идентичности Республики Армения должна предполагать *переход от модели глобальной нации к модели государственной нации*.

После 4-х дневной апрельской войны 2016 г. прежнее руководство Республики выдвинуло стратегию дальнейшего развития армянства и армянской государственности — концепт *нация-армия*, которая предполагала также достаточно *масштабную и одновременно кардинальную трансформацию* армянской идентичности. Но было очевидно, что эта модель, однобоко выделяя из всех возможных институтов именно роль армии, практически не акцентируя значение гражданского воспитания и политико-правовой социализации, как первоочередных инструментов формирования гражданско-государственной идентичности, таила в себе угрозу милитаризации общественной жизни.

Таким образом, концепты и модели сохранения и развития армянской идентичности не уделяли должного внимания рациональной политической и гражданской социализации, что не могло не отразиться на понимании значимости обществоведческого, в целом, и политологического, в частности, образования.

В формировании и развитии общественного сознания громадную роль играет система образования, и в первую очередь, социально-гуманитарное образование. В процессе политической и гражданской социализации первоочередным является политологическое образование. В СССР элементы политологического образования в рамках школьной программы были, в первую очередь, представлены в рамках курса обществоведения — в разделе «научный коммунизм». Уже в конце 80-х гг. XX столетия, начавшиеся в Армении процессы, связанные с требованием присоединить Нагорный Карабах к Армении, стали дополняться требованиями демократических преобразований. В этих условиях еще при существовании СССР, изложенное с точки зрения абсолютизированной марксистско-ленинской идеологии обществоведение, попросту перестали преподавать в школах Армении. Казалось, что в независимой и взявшей курс на демократические преобразования Республике Армения будет разработана новая концепция обществоведческого образования. Это было бы логично, ибо «обществоведческое просвещение» (и в первую очередь, политологическое и правовое) должно было сопровождать и «обслуживать» процессы трансформации общества. Но этого не

произошло — предмет «обществознание» исчез из школьной программы до начала 2000-х гг. Чем это было обусловлено? На наш взгляд, можно выделить следующие причины:

Во-первых, сам процесс демократизации, бурно начавшийся в начале 90-х, через пару лет был, по существу, свернут. Это в свою очередь можно аргументировать состоянием войны с Азербайджаном и блокадой со стороны Турции и Азербайджана, что требовало концентрации власти в одном месте, создавая почву для формирования авторитарных форм властвования. В подобных условиях необходимость «политологического просвещения» ушла на второй план.

Во-вторых, развал СССР способствовал расцвету национализма. В отличие от некоторых других постсоветских республик, в Армении национализм не проявился в агрессивной форме. Но в условиях даже «мягкого» армянского национализма развитие обществознания было не перспективным. Не случайно, что в школьных программах была, по существу, абсолютизирована роль «Истории армянского народа». Именно этот предмет является стержневым в школьной программе социально-гуманитарного образования.

В-третьих, армянство, по существу, продолжало рассматриваться как культурно-конфессиональное образование (не случайно, в школах был введен предмет «История Армянской Апостольской церкви»). Осмелюсь утверждать, что наличен определенный «конфликт» между понятиями «армянин» и «гражданин Республики Армения». Идентификация с первым статусом намного важнее для индивида, чем со вторым.

Только в начале 2000-х гг. в школьных программах появился предмет «обществознание», который преподается с 8-го класса по 12-й. Элементы политологического знания введены в учебники 8-го, 9-го и 11-го классов. Отметим сразу, что «обществознание» в школах Армении до сих пор так и не приобрело «авторитетного» статуса, его преподавание изначально предопределено к провалу, что обусловлено рядом факторов: отсутствие профессионалов-преподавателей, некачественные учебники, отсутствие статуса приемного экзамена в вузы, небольшое количество часов и т.д. Необходимо отметить также, что, по существу, нет единой концепции дисциплины «обществознание», что является причиной фрагментарности курса, отсутствия логической последовательности, наличия противоречий и т.д. Сказанное относится и к блоку политологического знания, рассыпанного по учебникам разных классов. Таким образом, на уровне школьного образования состояние политологического образования не является удовлетворительным, что является серьезной проблемой в процессе гражданской и политической социализации.

Что касается политологического образования в высшей школе, положение здесь немногим лучше. В условиях технократизации процесса высшего образования, вузы, по существу, остаются вне процесса гражданской социализации. В большинстве вузов Армении нет кафедры политологии. Политологические дисциплины практически отсутствуют в учебных планах естественнонаучных, технических и технологических специализаций.

На уровне бакалавриата политологическая специализация существует в двух вузах Армении: Ереванский государственный университет и Российско-Армянский (Славянский) университет. Магистерские политологические программы кроме двух этих вузов наличны также в Академии управления и Американском университете в Армении. В целом, спрос на политологическое вузовское образование не так высок, по сравнению, например, с экономикой, юриспруденцией, международными отношениями. Это обусловлено состоянием на рынке труда, где очевиден явный крен в сторону IT-специалистов, технического и технологического образования. В то же время, на

данное состояние дел оказывают влияние факторы из самой политической сферы: недостаточно высокий уровень политической культуры, отсутствие большого спроса на специалистов со стороны институтов политической системы (как государственных, так и партийных), что, в свою очередь, есть результат ее недостаточной демократизации.

В условиях, по существу, отсутствия государственной стратегии политологического образования, как важнейшего элемента политической и гражданской социализации, в Армении общество само стало спонтанно самоорганизовываться, что выразилось в форме разных протестных движений последних лет. Логическим результатом этих процессов стала «бархатная революция» весной этого года. В контексте процессов, которые сегодня разворачиваются в Армении, в условиях легитимизации публичной политики, вопрос политологического образования в контексте гражданской социализации еще более актуализируется, так как демократические преобразования возможны и эффективны лишь в обществе политически грамотном и с высоким уровнем гражданского сознания.

Сорокин С.Э.

**УНИВЕРСИТЕТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ
«ТРЕТЬЕЙ МИССИИ»**

Вызовы современного общества ставят новые задачи перед традиционными социальными институтами, которые переживают процесс трансформации, поиска новых форм деятельности и способов взаимодействия для достижения целей своего развития.

К ним можно отнести и университеты, ставшие предметом серьезных научных дискуссий о новых подходах к определению миссии их существования.

Они призваны стать лидерами изменений, драйверами развития экономических и социальных процессов, но при этом сами должны меняться, не отходя, при этом от фундаментальных основ своего существования.

На протяжении своей длительной истории университет неоднократно переживал процесс серьезных преобразований, пересматривал свою общественную миссию и задачи.

Дискуссии о месте и роли университетов в современных социально-экономических условиях, так или иначе приводят к пониманию того, что помимо двух «классических» миссий университета — образовательной и научной, есть еще и «третья», связанная с ролью университетов в развитии общества.

Определение «третьей миссии» и ее характеристики также являются предметом научных диспутов.

Известные исследователи в этой сфере Марко Мархл и Атилла Паусист, в своей работе «Методология третьей миссии университетов» определяет ее как «совокупность специфических услуг, основанных на действиях и возможностях, служащих для блага общества» [2].

Взгляды на то, что именно представляет из себя «третья миссия» различны. В этой связи ряд ученых, такие как, например, Генри Ицковиц, говорят о концепции «предпринимательского университета», нацеленном на коммерциализацию нового знания

через трансфер технологий и создание инновационных компаний [1, с. 45]. Многие исследователи фокусируют внимание на социальном аспекте «третьей миссии» университета, вопросах социальной вовлеченности в развитие региона.

В 2017 году был составлен Московский международный рейтинг «Три миссии университета», в которой под «третьей миссией» подразумевается «взаимосвязь университета и местных сообществ, приобретающая все большее значение как фактор гармоничного развития регионов».

Учредителями рейтинга выступили Российский союз ректоров и Российская академия наук, оператором рейтинга Ассоциация составителей рейтингов (АСР), членами которой являются ведущие рейтинговые и исследовательские центры («Эксперт РА», ВЦИОМ, «Репутация» и другие).

Если обобщить и систематизировать различные подходы к определению роли университетов в развитии регионов, можно выделить ряд ключевых направлений. При этом под регионом мы будем понимать, прежде всего, административно-территориальную единицу — субъект Российской Федерации в лице как органов власти, так и гражданского общества.

Итак,

1. Университет является крупным работодателем, который предоставляет рабочие места для жителей региона, платит налоги, решает социальные проблемы жителей (например, предоставляет места в детском саду или служебное жилье);

2. Университет готовит кадры для экономики региона. При этом, если регион сумеет сформулировать государственный заказ на подготовку специалистов, университет может скорректировать структуру, содержание и технологию реализации образовательных программ с учетом требований работодателей, прогноза рынка труда и тенденций социально-культурного и экономического развития. Это будет являться, в том числе и механизмом закрепления кадров в регионе, поскольку такие специалисты смогут быстрее найти необходимую работу;

3. Научный и кадровый потенциал университетов позволяет им стать центром стратегического планирования развития регионов, экспертной площадкой для выработки ключевых направлений деятельности по отраслям экономики и социальной сферы, конкретных управленческих решений;

4. Университет как центр инновационно-технологического развития региона обладает потенциалом коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности ученых, которые могут быть полезны экономике региона, предприятиям и организациям. Также это может проявляться в трансфере технологий, создании научных парков, инкубаторов, развитии системы патентования изобретений;

5. Являясь частью городской среды, университет становится участником процесса ее трансформации, возводя новые здания и сооружения, облагораживая территорию кампуса, а также близлежащего района, округа или же города в целом;

6. Университет может стать центром общественной и культурной жизни региона, проводя на своей площадке крупные события, мероприятия, становясь точкой притяжения и удовлетворения образовательных, культурных запросов местных сообществ, взаимодействуя с некоммерческими общественными организациями, развивая волонтерское движение;

7. Университет оказывает социальные услуги жителям региона, в том числе в рамках концепции «образование через всю жизнь», реализуя образовательные программы, курсы повышения квалификации, организуя правовые, финансовые, иные консультации для людей всех возрастов — от дошкольников до пенсионеров;

8. Университет выступает важным инструментом социализации молодежи и, как следствие, формирует мировоззрение, ценностные ориентации и нормы поведения жителей региона. Выпускники университета, оказавшись на значимых управленческих позициях в органах региональной власти, отраслях экономики, бизнесе, социальной сферы в своей деятельности во многом опираются на те модели деловых и человеческих отношений, которые были заложены в период их обучения в университете. Фактически, университеты формируют облик будущей региональной элиты.

Безусловно университеты оказываются вовлечены в такую обширную сферу общественных отношений в регионах, как политика.

В этой связи они могут выступать в различных качествах.

1. Прежде всего, в регионах студенты и сотрудники университета составляют значительную часть избирателей. Например, в г. Архангельске студенты и сотрудники Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова составляют около 7% избирателей, а вместе с членами семей — 15–20%.

Поэтому внимание к университетской среде со стороны политических сил достаточно большое. При этом мы понимаем, что закон об образовании запрещает политическую агитацию в стенах образовательных организаций, но неформальные каналы политической работы, в основном, конечно, со студентами, существуют.

А так как студенты, как мы знаем из истории, в определенный момент способны стать движущей силой политических действий, они являются значимым фактором региональной политической жизни.

Безусловно, все заинтересованы в том, чтобы эти действия носили созидательный, а не разрушительный характер.

2. Отсюда вытекает следующая форма взаимодействия университета и региона — университет способен выступать источником формирования политической повестки дня региона. Университет может стать экспертной площадкой, центром политического анализа и оценки планируемых и принятых политических решений, на которой могут собираться представители различных политических сил. Здесь имеется в виду поиск общественно-значимых региональных проблем, оценка общественных настроений, проведение прикладных исследований.

Мы знаем, что в настоящее время все большее значение придается общественному обсуждению тех или иных планируемых решений власти.

Часто это происходит в форме общественных слушаний, на которые приходят все желающие. Но площадка университета в данном случае может дать менее эмоциональный, но более профессиональный анализ последствий политических решений и механизмом их принятия.

3. Университет является источником кадров для политических процессов и институтов региона, кузницей будущей политической элиты. Это будущие депутаты, активисты политических партий, государственные служащие, публичные фигуры, специалисты по политическому пиару и так далее. В этой связи немаловажно то, что эти кадры будут из себя представлять, насколько они будут подготовлены и на каких принципах, в том числе, морально-этических, они будут строить свою политическую карьеру.

Здесь ответственность, с одной стороны, на университете, который должен учитывать этот компонент в образовательном и воспитательном процессе, а с другой — на действующей политической элите.

Широко известными являются так называемые «Беннингтонские исследования», проведенных в США Теодором Ньюкомбом в конце 30-х годов прошлого столетия [3,

р. 56–88]. В период с 1935 по 1939 г. в Беннингтонский колледж поступали молодые женщины, принадлежавшие преимущественно к семьям, относящимся к верхнему сегменту среднего класса. Все они разделяли в целом консервативные республиканские политические взгляды и избирательные предпочтения своих родителей. Через пару лет, после того как студентки попадали под влияние университетской среды Беннингтона, их взгляды и предпочтения смещались далеко влево по сравнению со взглядами, которых придерживались члены их семей и большинство других американцев, принадлежавших к одному с ними социальному слою. При этом оставались таковыми на протяжении длительного времени и после окончания университета.

Результаты выборочного опроса, проведенного в студенческом городке накануне президентских выборов 1936 г., говорили о том, что поддержка действующего президента-демократа Ф. Рузвельта росла от первого до последующих курсов — от 30 до 55%

Таким образом, в университете действительно происходит становление политических взглядов молодых людей, причем в ходе учебы они способны кардинально поменяться.

4. Университет в определенной ситуации сам может выступать в качестве политического субъекта, имеющего свои интересы и активно их лоббирующего. Интересы могут быть связаны как с продвижением проектов университета, например, по строительству кампуса или, за или против объединения учебных заведений.

Для их достижения могут привлекаться как значительные массы студентов и преподавателей, так и выпускники университетов, занимающих позиции в органах власти, работающих в средствах массовой информации, состоящими во влиятельных общественных организациях.

При этом могут выдвигаться политические требования к власти, что позволяет отнести его к категории групп интересов.

Однако, как правило, непосредственная политическая деятельность университетов носит ограниченный по времени характер и привязаны к конкретной ситуации и после ее разрешения она прекращается.

Подводя итог, необходимо отметить, что российские университеты приходят к понимаю своей важной роли в социально-экономическом и политическом развитии регионов, своей «третьей миссии».

Этот процесс должен быть не просто управляемым, но строиться на основе научных подходов, сформулированных и апробированных учеными — политологами, социологами, экономистами, философами.

В этом случае университеты смогут стать источником созидательных процессов и движителями динамичного развития российских регионов.

Библиография

1. *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
2. *Маркл М., Паусист А.* Методология оценки третьей миссии университетов // Непрерывное образование: XXI век. Вып. 1, 2013, DOI: 10.15393/j5.art.2013.1949 (дата обращения 06.02.2018)
3. *Newcomb T.M.* Attitude development as a function of reference groups: The Bennington study / Eds. E. Maccoby, T.M. Newcomb & E.L. Hartley. Reading in Social Psychology. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1958. P. 56–88.

Шашкова Я.Ю.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА¹

Одной из тенденций современной российской политики стала растущая политизация молодежи. Здесь, казалось бы, можно проводить аналогии с Советским Союзом, в котором молодежь тоже рано включалась в политическую жизнь. Однако у советского и современного этапов есть несколько принципиальных отличий. Во время первого политическая социализация и политизация молодежи велись целенаправленно, начиная с младшей школы, и имели четко выверенный идеологический характер. Кроме того, они осуществлялись в условиях индустриального общества, когда основным каналом политической коммуникации выступали СМИ, а сама коммуникация принимала форму пропаганды.

На современную политическую социализацию молодежи существенный отпечаток накладывает специфика информационного общества, в котором информация приобрела форму поля, постоянно существующей, внешней по отношению к человеку среды, состоящей из множества разных по смыслу и идеологической направленности контентов. В связи с этим появление у части молодежи интереса к политике и политической информации принимает форму целенаправленных усилий по ее отбору и освоению, а разноплановость этой информации формирует потребность разобраться в происходящих политических процессах, приобрести навыки, необходимые для успешной политической карьеры. И политологическое образование дает молодым людям такую возможность, параллельно выполняя, особенно на региональном уровне, общественно значимую функцию подготовки кадров для органов власти и политических партий, воспитания молодежных политических лидеров.

Современное политическое лидерство в молодежной среде имеет две формы, обусловленные состоянием информационного общества — онлайн и офлайн. Первый вариант носит модернистский характер и в основном представлен блогерами, создателями и модераторами сообществ в социальных сетях. Это больше идеологическое влияние, назвать которое лидерством не всегда возможно. Политическое лидерство предполагает наличие конститuentов, имеющих устойчивые связи с лидером. Применительно же к интернет-сообществам даже о последователях можно говорить очень условно. Речь идет о сообществе по интересам, которому нравится получение определенной информации или идеи блогера. В то же время, такая модель политического участия позволяет, при определенных условиях, быстро приобрести личный символический капитал, который впоследствии, как описывал П. Бурдье, может конвертироваться в делегированный капитал и административные статусы, чем и привлекает часть молодых политических активистов.

Однако даже в молодежном сегменте современной российской политики преобладает пока второй вариант — офлайн лидерство традиционного типа, приобретение которого требует большего времени, знаний, умений и навыков. И именно здесь актуальность политологического образования очень высока. При этом наблюдается дифференциация образовательных стратегий молодых людей, зависящая от их политического статуса на момент начала обучения.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

В одном случае молодые люди, получающие образование политологов и ориентированные на практическую деятельность, в ходе знакомства с политическими организациями, прохождения учебной и производственных практик, начинают рассматривать эти организации в качестве средства своей самореализации или политической карьеры. В силу возраста они попадают в молодежные организации, например, при политических партиях, быстро занимая в них лидирующие позиции. Такой путь чаще характерен для студентов бакалавриата. Применительно к образовательному процессу такие студенты начинают больше ориентироваться на практические знания и навыки. Им кажется, что именно наличие технологической подготовки, практикоориентированных дисциплин обеспечит им успешную карьеру. Теоретические же предметы оцениваются как лишние.

Но есть и другой кейс, который присутствует в бакалавриате, но чаще встречается среди магистрантов, когда политологическое образование приходят получать руководители и активисты молодежных общественно-политических организаций. Они уже участвуют в политическом процессе, но именно это участие заставляет их осознать потребность в общеполитологических, теоретических знаниях и навыках, позволяющих понимать происходящее, не просто воспроизводить технологические приемы, а адаптировать политические технологии к разнообразным политическим акторам и ситуациям.

В любом случае появление молодых политических лидеров в студенческой среде оказывает влияние на образовательный процесс. Данные студенты более мотивированы, имеют опыт политической работы, зачастую больше, чем другие студенты, знают о текущей политике. Для них представляют интерес не только традиционные формы политологического образования, но и различные мастер-классы, тренинги, имитационные модели, встречи с политиками и политологами-практиками и т.д.

В целом можно констатировать, что российское политологическое образование играет сегодня большую роль в подготовке молодежных политических лидеров и активистов, что обусловлено общим трендом профессионализации политической деятельности. Однако перспективы этих процессов, степень распространения среди политически активной молодежи конвенциональных форм политической деятельности зависят от открытости политических лифтов, возможностей для молодежи входить во «взрослую» политику, что пока имеет большие проблемы практической реализации.

Щенина О.Г.

«СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК»: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФОРМИРОВАНИЯ

В условиях становления сетевого общества изменяется роль образования — оно становится одним из важнейших социальных институтов современного мира. Информационное (постиндустриальное, сетевое, постинформационное) общество, представляющее собой прежде всего общество знаний, предъявляет новые требования к современному человеку. Исследователи отмечают, что «камертон актуальной повестки: сложный человек в сложном мире» [4, с. 84]: «Государство нуждается в сложном человеке, который в сложном мире может решать сложные задачи» [5].

В этой связи приобретают актуальность исследования в области политической антропологии и политической социологии о формировании в новом обществе иного человека креативного типа — «сетевое человека» и его разновидности «сетевое политическое человека» [1]. Ведь одним из маркеров современного мира являются сети в разных их проявлениях и «сетевизация — повседневная вовлеченность в сетевые социальные взаимодействия и постепенное приобретение социальными институтами сетевого характера» [7, с. 80]. Не случайно происходит увеличение числа исследований в сфере изучения интересов, ценностей, потребностей и поведения человека, а также возможностей манипулирования его сознанием при помощи информационного контента и СМИ. Таким образом, в информационном обществе изменяются институты, коммуникации и сам человек.

Теоретическое осмысление проблемы формирования нового актора политической жизни «сетевое политическое человека» связано с работами ученых, изучающих общество нового типа, например, М. Кастельса (сетевое общество), Ю. Хабермаса (теория коммуникативного действия), системная теория Н. Лумана (о коммуникации).

«Сетевой политический человек», как одно из ключевых понятий будущего, может рассматриваться в парадигме единства социального и технологического подходов к оценке перспектив развития социума. Для него характерно владение определенным набором компетенций, коммуникативных и коммуникационных навыков, позволяющих осуществлять эффективные взаимодействия в сетях. В сетевом обществе расширяются возможности влияния «сетевое политическое человека» на социально — политические процессы посредством коммуникаций [3].

Именно поэтому «необходима существенная коррекция исследовательской оптики, ее разворот к человеку, все более активно проявляющему заинтересованность в управлении условиями и перспективами собственного существования» [2, с. 127].

Сети предлагают иные формы интеракций политических акторов, например, слактивизм — участие в интернет-акциях, репосты, лайки, online флешмобы и т.д. Происходит и трансформация формата политического участия в online среде: это обращения в органы власти (электронное правительство); блогосфера; обсуждение информации с использованием Интернет — ресурсов: сайты, блоги, аккаунты, форумы; троллинг; рассылки. Причем в большинстве этих форм реально реализуется принцип свободы мнений пользователей. Несомненно, что политическая информация, распространяющаяся в сетевой среде, оказывает зачастую серьезное влияние на политическое поведение человека.

В online пространстве пользователь сетей сам определяет формат коммуникаций, при этом осуществляя самостоятельное управление коммуникациями, по сути, он создает новую информационную среду, а также приобретает и формирует свою сетевую идентичность. В рамках сетевой виртуальной реальности обретение пользователем идентичности в сетях существенно отличается от ее других видов и форм.

В коммуникативных практиках формируется особая информационная среда, для которой характерны наряду с обширными коммуникационными потоками дискретность и нелинейность. Ее изменяющийся контент влечет за собой необходимость модификации и расширения компетенций современного человека.

Конфигурация компетенций нового сетевого человека будет заметно отличаться от компетенций «человека политического» индустриального общества. Это связано с необходимостью работы в глобальных информационных потоках и коммуникациями в условиях возрастающей перегруженности информацией социального и коммуникативного пространств. Проблема больших данных Big Data в образовании предполагает

формирование умения работать с большими потоками информации и умения извлекать нужную информацию, тем самым изменяются требования к образовательным компетенциям.

Новые образовательные практики связаны не только с изменениями в информационно — коммуникационных технологиях, но и с новым контентом, представляющим собой новый сложный уровень подачи материала, предполагающий появление новых форм и методов / методик обучения работы с потоками информации.

Следовательно, расширяющийся спектр образовательных компетенций способствует развитию личности. На уровне среднего полного образования формируются личностные, предметные и метапредметные компетенции школьников. Личностные траектории развития связаны с информатизацией образования и требуют обновления и расширения профессиональных компетенций на протяжении всей жизни. В этом контексте политическое образование приобретает особую значимость.

Цифровые технологии не только прочно вошли в нашу жизнь, но и изменили, по сути, среду обитания современного человека. По своему содержанию и форме — это «революционные технологии», кардинально изменяющие подходы к современному образованию.

Изменяется процесс социализации с учетом виртуальной реальности — происходит изменение условий формирования личности, политической культуры граждан. Поэтому специалисты отмечают «переход от традиционной модели социализации, в своем роде общей, универсальной по воздействию на представителей одного поколения, к модели киберсоциализации» [6, с. 394–395].

Политическая социализация включает в себя не только образование, но и воспитание, что способствует формированию политической культуры и культуры политического участия. Поэтому чрезвычайно важно в современных условиях реализация образовательной политики, направленной на использование всего человеческого потенциала как основного ресурса развития страны.

Библиография

1. Демидов А.И. Сетевой political MAN/ /VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. 22–24 ноября 2012 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 150–151.
2. Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический»: личность перед вызовами XXI века // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 126–142.
3. Михайленок О.М., Щенина О.Г. Антропологическое измерение политики: новый «сетевой человек» // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). № 2. 14 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Issues/View/32> (дата обращения 15.08.2018)
4. Неклесса А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // ПОЛИС. Политические исследования. 2018. № 1. С. 80–95.
5. РАПН и ФоРГО провели четвертую конференцию преподавателей общественных наук, г. Москва, 27–28 марта 2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=69&d=5642> (дата обращения 15.08.2018)
6. Самаркина И.В. Политическая картина мира // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 392–399.
7. Семенов И.С., Морозова Е.В. Идентичности в меняющемся мире: ориентиры, смыслы, траектории динамики // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 77–87.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Dr. Beatriz Bissio

AN HISTORICAL OVERVIEW OF THE TEACHING OF POLITICAL SCIENCE IN BRAZIL

This Congress analyses an important and challenging issue of these historically important times: Political education, in Russia and the world.

I will make some reflexions on the Brazilian case. I will give an historical overview of the teaching of Political Science in Brazil and a description of the actual situation in the graduation and post-graduation courses. Finally, I will present one example of political education outside the University context, in the most important popular movement in Brazil, the Rural Landless Movement.

A brief historical overview

To analyse the present situation of the teaching of Political Science in Brazil it is important to see the University itself in the Brazilian historical context as an institution of higher education.

During the colonial times, Portugal resisted for a long time the authorisation of the founding of Universities in its most important colony. In addition, the Brazilian elite saw no justification for the establishment of this kind of institution in its territory since this elite could send their children to Europe to complete their studies at the highest level.

Clearly neither the Portuguese monarchy nor the Brazilian linked to it thought of the University as a knowledge production centre for the masses. Quite the contrary. The Portuguese crown suppressed any initiative sought to create conditions for the cultural and political independence of Brazil (as it has done in the other colonies).

But in January 1808, Portugal was about to be invaded by Napoleon's French troops. Military incapable of facing the French troops, the Royal Portuguese Family accompanied by a legion of nobles, servants and domestic helps, transferred itself to its most important colony, Brazil, with considerable British support. All told, some 15,000 people arrived in Rio de Janeiro, between 1808 and 1821, bringing with them, among other things, a library of more than 60,000 books, that became the National library when Brazil achieved its independence, and whose historical archives make it one of the world's most important libraries.

This decision meant that suddenly, Brazil came to be the political centre of the Portuguese Empire. This new situation demanded important transformations, as for example, in the education field. In a few months, by Decree, the Bahian Medical Course of Surgery was created and a Medical School was founded in Rio de Janeiro's Military Hospital. Some months later other measures led to the installation of two medical-surgery centres in the States of Rio de Janeiro and Bahia, that were the origins of the Faculties of Medicine of the Federal

University of Rio de Janeiro (UFRJ) and the Federal University of Bahia (UFBA). In 1810, the Royal Military Academy was founded, later becoming the nucleus of the present Faculty of Engineering of the UFRJ.

In 1889, through a military Coup d'Etat, a Republican Presidential form of government was established. This ended the Imperial time of rule, initiating a period characterized by the introduction of reforms, including the founding of institutions of higher education. In 1909 the University of Manaus was inaugurated; in 1911, one in São Paulo, in 1912, one in Paraná. All were “free universities”, meaning that they didn't belong to the State. In September 7, 1920 — less than a hundred years ago — coinciding with the celebration of the Independence Day, the first State University was founded officially in Brazil, the Federal University of Rio de Janeiro, with administrative and academic autonomy, with the integration of three traditional Colleges: the ones of Medicine, Engineering and Law.

One can say that this period generated the conditions for the first systematic reflection and thoughts about themes of political nature. Nevertheless, it is not sufficient to consider this the founding of Political Science research. At the beginning of the 20th century there were important pioneering “isolated thinkers”, however only with the modernisation of the university system in the beginning of the 1960, has Political Science established itself in Brazil as a specific discipline.

The role of the military regime

There is a paradoxical fact in the history of the post-graduation programs in Brazil. In 1964, the military regime imposed an authoritarian rule (1964–1985), repressing academics and students who were questioning the government legitimacy, censoring the press, prohibiting political parties and exiling a whole generation of politicians, intellectuals and trade-union leaders who were defending the democratic system (assassinating some of them). But, the military regime was, at the same time, the one responsible for the continuity and improvement of a project of national modernisation that required, among other initiatives, the widening or the implantation of post-graduation programs, particularly in the scientific and technological areas.

In other words, beside the negative and repressive impacts the military regime restructured the environment of Brazilian scientific research.

The national post-graduation system, implanted by the 1968 university reform — the roots of which will be explained later — enormously widened the number of university lecturers, researchers, scholarships, libraries, laboratories and all the other necessary apparatus for scientific development in a widely diversified range. Contrary to the encouragement in the technological areas, philosophy and sociology, in particular, were not stimulated, and even suppressed in Pre-University establishments (High School). The social sciences and the political science particularly were also benefited by the stimulation of the post-graduation programs, but, as we see, only at the highest educational level.

1968: The University reform

The student revolts that shook Europe, France in particular, in 1968, were also felt in Brazil, at that time, as we have mentioned, under military dictatorship. At the beginning of 1968, the students mobilizations — characterized by intense debates inside the universities and by street protests — demanded the end of dictatorship and solutions for the acute educational problems, specially for those excluded from the University entrance, in other words, the widening of access to the universities. The regime repressed the demonstrations and in a short time the student movement was completely disarticulated. But the demonstrations

led the military to decide to create, by decree, a Work Group given the responsibility to find ways of resolving the “university crisis”. This Group’s final report acknowledged that the crisis had sensibilised different sectors of the society, obliging the government to carry out “efficient actions that would immediately tackle the problem of University reform, making it a national priority” [11].

Among the official measures adopted in relation to the universities was the foreign technical assistance plan, with agreements between the Brazilian Ministry of Education and the United States Agency for International Development — USAID, a US government organ created by John Kennedy in the 60s in support of the US foreign policy and responsible for distributing most of the civil foreign aid.

Conceived as an hegemonic instrument of US interest, the intervention of USAID in Latin America was, in the 60s, focused on two main areas: technical and financial assistance. This cooperation agreement with the United States gave origin to the reorganization of Brazilian universities in line with the US institutional standard: creation of Departmental system, the so-called Basic Cycle, system of credits and enrollment by subject, creation of the teaching career and of the post-graduation programs.

Political Science as an autonomous scientific field

In this context, beginning in the 60s, Political Science was becoming institutionalized in Brazil as an autonomous scientific and academic field, a process very much linked to the creation of the graduation courses in Political Science and, in particular, to the Brazilian University Post-graduation system, which gave impulse to Political Science post-graduation.

In 1989, the Brasilia University (UnB) created the first Brazilian Political Science graduation course with a specific proposal, different from what had happened before, when the formation of political scientists was exclusively achieved within the graduation in Social Science. Since then, 16 similar new courses have been launched.

The degree of institutionalization and academic autonomy that was being reached by Political Science in Brazil can be illustrated by the autonomy that the discipline had acquired in relation to the other disciplines (anthropology, sociology, philosophy, history) through the creation of specific graduation courses, departments and post-graduation programs (masters and doctorates) as well as the organization of exclusive scientific events. Autonomy reflected itself in the appearance and consolidation of specialized publications with political themes and by the expansion and consolidation of the Brazilian Political Science Association (ABCP) as a legitimate and representative entity of the Brazilian political scientists.

In the development of theoretical formulation with its own methodology Brazilian Political Science has also achieved autonomy. This move to autonomy was promoted, toward the end of the 60s, during the military regime, by a group of Minas Gerais and Rio de Janeiro intellectuals, influenced and supported by the Ford Foundation.

Almost all the members of this group had graduated in the United States and on determining the University Political Science curricular content to be implanted in Brazil they combined the US academic knowledge with the contribution from the already mentioned pioneering intellectuals that had written essays on historical and political interpretation of Brazil pre the Second World War. In the methodological field the Political Science discipline was based on conceptions originated in the US.

The assimilation of quantitative methods and practical research techniques, considered the most adequate for the understanding of the political system dynamic, was the tool used to give credibility to research to a greater or lesser degree. The impact of the implementation of this methodology can be measured by the importance that the *survey* has acquired

in Brazil, in the political field. As is known, *survey* is a method that prioritizes the use of a questionnaire presented to a group assumed to be representative of a wider population target.

As is now clear, the beginnings of Political Science in Brazil of an academic nature was under strong foreign influence, particularly North-American, which nourished and formed the majority of the generation that opened the way in this field. To be able to understand the consequences of this “birth certificate” one must remember that during the Cold War, the Political Science acquired a relevance that it had never had before, “serving as an ideological apparatus of the United States of America” [4, p. 98]. In this context it was the mission of Political Science to preach a political doctrine, the liberal democracy, not only in words, but also in acts. In the United States it was expected that Political Science would have a dual function, educate citizens to serve American liberal democracy and to collaborate in the building of liberal democratic institutions.

Initially, in Brazil, the aim to conquer “hearts and minds” in favor of the existing situation was present: the rigorous control exercised by the military regime inside the Universities themselves and in other levels of teaching, through intervention monitoring, intended to eradicate any possibility of debate or defense of ideas or to study authors — Marxists, revolutionary or “subversive”, as considered by the censorship. From this angle even the ideas defended by the most progressive wing of the Catholic Church, principally the Liberation Theology (Leonardo Boff, etc) became suspect. (At that moment the Catholic Church had a majority of followers in Brazil, but has lost ground these days to the Pentecostal Churches.) Let’s remember, regarding censorship and repression at the education level, that many of those professors labeled as Marxists had been expelled from the University and, some, exiled.

But let’s return to the influence of the Ford Foundation.

The Ford Foundation was founded in the 30s, in New York, with the principal aim, according to its founders, of financing democracy promotion programs. It played an important role in Latin America in the second half of the 20th century and to a lesser degree, continues to have until today. Different to the strategy adopted for Africa, Asia and the Middle East, which gave priority support to governmental organs, the Ford Foundation in Latin America — particularly between 1960 and 2000 -, gave priority to investments in academic institutions.

Within the scope of this policy, considerable financial resources were invested in economic and administrative research. But, soon, this policy of support was widened to include social sciences, which eventually acquired priority, seeing that they were regarded as key instruments in guiding the procedures that came to be called “political modernization”. It was in this way that Political Science took on a strategic position, given its potential to influence the elaboration of public policies. The research areas chosen to be financed by the Ford Foundation were those that could help to lay the institutional base of a democratic liberal regime. The Ford Foundation wasn’t only given support to research, but also to the creation of new institutions. Examples are the donation given to the Department of Political Science of the Minas Gerais Federal University (UFMG), in 1965, and the stimulation of trips overseas (scholarships) for students and academics to study and improve their knowledge in American universities.

It is important to know the dimension of support given by the Ford Foundation to the implantation and development of social science and, in particular, political science. Ford Foundation data showed that it had invested about 14 millions dollars in projects in Brazil between the end of the sixties and 1988 [8, p. 72].

The Ford Foundation interest in directing political research toward a liberal democratic model found echo in many Brazilian academics who, living in the context of an authoritarian military regime, tried their best to understand the root causes of the emergence of

authoritarianism and, at the same time, to formulate a political strategy that would help to enable the return to a democratic regime. In the general political scenario, this process was accompanying the slow and gradual steps of a political “opening up” promoted by segments of the military. It was this, that in the 1980s had triggered off the mass movements demanding a general amnesty for political prisoners, the return of the exiles, direct elections and the establishment of a National Constituent Assembly.

It is important to return to the 1968 University reform to mention that in spite of having had innovative effects and having given impetus to the post-graduation programs, it had, on the other hand, favored the strengthening of the role of private education. This meant that profit-driven private education companies gained huge importance in the Brazilian educational field and have maintained this position till now. This new standard was a long way from the conception of higher education based on the articulation of teaching and research that privileges the autonomy of the professors and the compromise with public interest.

The situation in the 21 century

The study of the evolution of the Brazilian Political Science courses show clearly that they gained a new impulse after the re-democratization, in 1985.

It is interesting to read again an article of the Brazilian newspaper **Gazeta do Povo** (People’s Paper), August 2005, since it helps to better understand the part the Brazilian Political Science has played since the end of the last century:

Since 1990, Political Science in Brazil had started, little by little, to occupy the place that philosophy had in the 60s, sociology in the 70s, and economy in the 80s: a reference when someone wants to understand the national political scenario. In relation to this, Adriano Nervo Codato, a political scientist and professor at the Federal University of Paraná, said that “the political scientists had assumed a competent discourse on the main national problems, asking the leading questions and getting the necessary answers to them” [6, p. 5].

One sees another steps forward at the beginning of the 21 century when the Workers Party (PT) in Brazil won the elections and the metal-worker Luis Inácio “Lula” da Silva became the president. In 2003, with the change of government, there began a reorientation of educational policy, aiming to strengthen the public educational field, above all the Federal Universities. Various steps were taken aiming to reverse the critical situation in which these universities found themselves. Their budget was increased, new units were implanted and new professors and staff were admitted, through public examination.

These measures impacted in the academic production and, also, of course, in the Political Science courses. The number of new graduation programs created in the area give us an idea of this impact. In 2004, in all Brazil there were 6 courses for a Political Science Doctorate and 12 courses for a Political Science Masters. In 2016, there were 21 Doctorate courses and 35 in Political Science Masters degrees.

In 2004, the Workers Party presented a University reform Program, fully debated by the academic community and the civil society. Among other changes, the reform aimed to recover the role of the State as an actor in the conducting of the higher education system and to enlarge the importance of the Federal institutions of higher education, by increasing the access of students and improving their infra-structure. Regrettably, the project was never approved by the Congress, where the government did not have the majority support from the congressmen. Unhappily the lobby of the private education institution owners spoke more loudly.

The efforts of President Lula’s two mandates to recover the public universities wasn’t sufficient to reverse the previous scenario, the predominance of vacancies in the private

universities. At the present time, the public federal and states universities have 70 per cent of the education staff in full time and 64 per cent of whole number of Brazilian doctors. But the huge majority of the students graduate in private establishments, around 70 per cent of the total. The public universities — that are totally free in Brazil — can't manage, with their financial resources much less than necessary, to open a larger number of vacancies.

2016 Census Data of Higher Education published in August 2017, showed that little more than 8 million university students exist in Brazil, graduating in 35 thousand different courses. Since 2016, when president Dilma Rousseff was removed through a process of impeachment whose legitimacy is contested both inside and outside Brazil, the public universities — public education in general — have been suffering new budget cuts. That's the case of my own university, which is the oldest and largest Federal University in Brazil (we have 129 post-graduation courses and more than 60 thousand students). Our Rector has warned that the continuation of our activities is under threat of severe reduction in the number of courses offered in second half of 2019. With an upcoming general election next October, there is massive uncertainty about what the future holds for the national educational and research programs. The situation has worsened as a consequence of a dangerous wave of attacks on academic freedom that has led to the dismissal of a significant number of professors from various public and private universities.

The Political Science today

The most recent document released by the Coordination Agency for the Perfecting of Higher Education (CAPES), which is an organ of the Ministry of Education, informed that the area in which they unite “Political Science and International Relations”, has nowadays a much improving multidisciplinary configuration, with 16 programs of Political Science, 16 of International Relations, 5 of Defense and Strategic Studies and 9 of Public Policy. The document further shows that there is a diversity in the institutional nature of the post-graduation programs recognized in the country, because courses exist offered by military institutions — Army, Air Force and Navy — as well as by public organs, like Master course offered by the Center for Formation, Training and Perfection — CEFOR, of the Federal Chamber of Deputies [2, p. 2].

The academic curriculum of the Political Science Courses besides disciplines strictly linked to Political Science such as Political Theory, Public Policies, Foreign Policy, Brazilian Political Thought and International Politics, also include in the graduation courses the materials of Sociology, Anthropology, Law, Philosophy, History, Statistics and Economy, many offered as optional disciplines — the student can or cannot participate in, according to his/her preferences.

In the area of Political Theory, there are obligatory disciplines, which include the study of authors works considered “classics” in the formation of Western thought — starting with Ancient Greece, the Renaissance — always Machiavelli — the modern State theorists, Marx and Weber, arriving at those of contemporary Political Science, mainly Anglo-Saxons and French authors. And there is a growing demand from students and from many teaching staff, to include in the curriculum a larger number of Latin-American authors and also non-Western authors.

The total graduation program is around 2 thousand hours and is normally completed in four years. At the last mini-reform agenda, two years ago, the obligation to participate in extra-curricular academic activities was introduced, considering that such varied activities would put the university in direct contact with society, attending to specific demands. This

obligation is also for the professors. Hours dedicated to this are counted in the professionals hour input assessments and are obligatory for career promotion.

Political Science teaching outside the academy realm

A brief reflection on the teaching of Political Science — or better to say, on politics — outside the academic scenario will be of interest.

Probably the most successful case in Brazil, and possibly in Latin America is that of the Florestan Fernandes National School, ENFF, founded in 2005 by the *Movement of Rural Landless Workers* (MST), the most important and well-structured social movement in Brazil. Named after one of Brazil's most prominent sociologists and politicians, the ENFF resulted from an idea that was embraced by diverse individuals who helped finance the project. It was also the result of the volunteer work of various social actors who "believe in quality education and fight against ignorance and *latifundium*", as Paulo Almeida, a member of the pedagogical political coordination of the school, defined it.

The school is located in the municipality of Guararema, 65 kilometers from the city of São Paulo. It was built on land bought with the sale resources of the book "Terra" (land), by Sebastião Salgado, Brazil's foremost photographer, with texts written by the Portuguese Nobel Prize Literature winner José Saramago and the Brazilian writer and composer Chico Buarque. These artists donated their copyrights to the School.

More than 1,000 individuals, men and women, members of MST, were involved in the voluntary work. The school has three classrooms accommodating 200 people, an auditorium, an amphitheatre and a library of over 40 thousand titles. An art centre, a playground — for the sons and daughters of the students — and an editorial department from which the ENFF radio broadcast. Four blocks of lodging accommodation with a cafeteria, laundry, a sewage treatment plant were also constructed. Furthermore, an orchard producing fruits and vegetables for local consumption and two multipurpose sports courts form part of the project.

More than 500 teachers, all volunteers from Brazil, Latin America and other regions, take part in classes in Political Science, Theory of Knowledge, Rural Sociology, Agricultural Economic Policy, Social History of Brazil, Sustainable Environment, Administration and Social Management, Education, Latin American Studies, etc. Besides this, it offers higher education and specialization courses (Social and Law Service), in partnership with more than 35 universities, and a Master in Territorial Development in Latin America and the Caribbean, through an agreement with UNESP and the UNESCO Chair in the field of Education. ENFF also has an agreement with more than 15 training schools in other countries.

Over a little more than a decade of existence, more than 24,000 people from social movements of all the states of Brazil and from other Latin American countries and Africa have attended the courses and participated in seminars and conferences.

Conclusions. The beginning of the teaching of Political Science in Brazil in the 60s and 70s was shaped by the confluence of two factors: the influence of the Ford Foundation and the creation of a national system of Post Graduation, formulated by the 1968 University Reform promoted by the military regime as part of the project of "modernization" of the country.

The return to democracy, as from 1985, opened the way for the increase and widening of academic courses in various areas, and Political Science in particular. This process also gradually broadened the working options for the graduates.

Currently Brazil lives a moment of uncertainty that undoubtedly is reflected in the University and in its courses in all the areas.

References

1. ASSOCIAÇÃO BRASILEIRA DE CIÊNCIA POLÍTICA — ABCP. Diretoria. (2017). < <http://www.cienciapolitica.org.br/institucional/diretoria>>
2. CAPES. BRASIL. Documento de Área: Ciência Política e Relações Internacionais 2013–2016. (2017). http://www.capes.gov.br/images/documentos/Documentos_de_area_2017/39_cpol_docarea_2016.pdf>
3. EAPES. Relatório da Equipe de Assessoria ao Planejamento do Ensino Superior (Acordo MEC/USAID). Rio de Janeiro: MEC/DES, 1968.
4. FERES JR. João . APRENDENDO COM OS ERROS DOS OUTROS. *Rev. Sociol. Polít.*, Curitiba, 15, p. 97–110, Nov. 2000.
5. FORJAZ, Maria Cecília Spina. A emergência da Ciência Política acadêmica no Brasil: aspectos institucionais. *Revista Brasileira de Ciências Sociais*, São Paulo, v. 12, n. 35, p., Oct. 1997
6. GAZETA DO POVO. Campo de atuação não é restrito apenas aos períodos eleitorais. *Caderno Guia de Profissões-Ciência Política*, Ano 78, 2005
7. LAMOUNIER, Bolívar. “Formação de um pensamento político autoritário na Primeira República: uma interpretação”. In: FAUSTO, Boris. *História geral da civilização brasileira. O Brasil republicano*. São Paulo, Difel, vol. 9, 1977
8. MICELI, Sergio. *A desilusão americana: Relações acadêmicas entre Brasil e Estados Unidos*. São Paulo, Sumaré.
9. MICELI, Sergio (org.). *A Fundação Ford no Brasil*, São Paulo, Sumaré, 1993
10. LEITE, Fernando; CODATO, Adriano. Autonomização e institucionalização da Ciência Política brasileira: O papel do sistema Qualis-Capes. *Revista de Discentes de Ciência Política da UFSCar*, São Carlos, v. 1, n. 1, p. 1–21, 2013
11. RELATÓRIO DO GRUPO DE TRABALHO DA REFORMA UNIVERSITÁRIA, criado pelo Decreto no 62.937/6. Rio de Janeiro: MEC/MPCG/MF, agosto, 1968.
12. TEIXEIRA, Anísio. *Educação e universidade*. Rio de Janeiro: Editora UFRJ, 1998.

Goeckel Robert F.

FOSTERING CIVIC AND SOCIAL ENGAGEMENT AT THE LIBERAL ARTS COLLEGE: THE EXPERIENCE OF SUNY GENESEO

Geneseo is a state college in the New York public university system, SUNY. As you may know, SUNY signed a partnership agreement with MGU in 1976, entailing cooperation, particularly student and faculty exchanges. In 2000 this relationship was strengthened by an agreement between Chancellor Robert King and Rector Victor Sadovnichy, entailing opening of offices and more intensive exchanges. I myself served as director of the SUNY office in 2000–2001 during which the goal of dual offices and new exchanges was realized. For many years I organized groups of SUNY students who participated in short-term summer study program at MGU.

Geneseo is a highly-selective, relatively small liberal arts college, with approximately 5500 students. Its students are among the best qualified in New York State. It is not a major research university, but prizes the teacher-scholar model in recruiting its faculty.

The Geneseo Mission Statement describes it:

Dedicated to learning, SUNY Geneseo is a residential public liberal arts college. We combine a rigorous curriculum, transformational learning experiences, and a rich co-curricular life to create a dynamic and inclusive scholarly environment. The entire College community

works together to advance knowledge and inspire students to be socially responsible and globally aware citizens who are prepared for an enriched life and success in the world.

Among other emphases, the College highlights:

“Civic responsibility: promoting ethical local and global citizenship”

Testimony to this is that Geneseo has been recognized for the large number of students who receive Fulbright awards as well as who join the Peace Corps, both indicators of the priority on global citizenship at the College.

Given this profile and vision, it is not surprising that Geneseo already has a student body inclined to civic participation. Yet many students do not participate and the College has sought to support programs which promote broader civic and political engagement among its students. I wish to highlight several of these.

Voting Initiatives

One of the goals of civic education in a democracy is certainly to encourage participation in elections. The civic culture literature suggests that if the norm of participation is established at an early age, citizens will vote even if the “rationality of voting” analysis suggests that the benefits will not outweigh the costs of participation (obtaining information, personal inconvenience, opportunity-cost of time, likelihood that one’s vote will alter an outcome).

Yet despite the strong norm of voting in the US, we know that voting varies considerably based on age cohort, income level, education level, and race. Younger cohorts have tended to vote at low levels compared with middle aged; retirees vote at even higher levels. Typically starting a family has correlated with increased participation, as issues of schools, local taxes, public safety, the quality of the environment become more salient for those with children. Based on this, one would expect Geneseo students to participate at low levels. But in terms of education and income level, the Geneseo students would be expected to participate at higher levels: the students tend to come from upper-middle class households and are completing higher education at a highly selective liberal arts college.

Thus it was a considerable shock to college administration to learn the results of the National Study of Learning Voting and Engagement (NSLVE) survey on participation in the 2012 and 2014 general elections (NSLVE 2012 and 2016 Campus Report, August 2017, accessible at <https://www.geneseo.edu/vote>). Turnout in the 2012 election was just 43%, lower than peer institutions surveyed. Moreover, in the 2014 election, only 6% of Geneseo students voted, much lower than overall turnout and again lower than peer institutions. Turnout was further stratified by social category within the Geneseo student group: older students voted at higher levels than the large majority in the 18–21 year cohort; some majors participated at higher levels than others: foreign language, education, and social science majors were higher than majors in business and science/STEM fields. Women voted at high levels than men among the students.

Of course various explanations might be offered for this disappointing finding. 2014 was a midterm election. Despite the high-visibility governor’s race in 2014, turnout overall is generally much lower in midterm elections and primary elections than in general elections. Also, New York tends to be a one-party dominant system in which the Democrats often win state-wide offices, thus reducing political choice and dampening political efficacy among voters in both parties compared with other more competitive states. Lack of interest and investment in local issues on the part of students might also be at work. Dealignment of party preferences amid rising numbers of independents also is part of the context for declining participation.

For Geneseo, given its mission and aspiration as a public honors college for New York State, this low level of electoral participation represented a challenge. To be sure, the College

had long sponsored certain events and programs which sought to encourage civic awareness and participation. For example, Geneseo had engaged with the Democracy Matters program, a national initiative of various universities designed to promote participation in politics among students. The program involved guest speakers, discussion panels, and information efforts. One of the more creative activities was organizing a competition among student clubs on campus in Monopoly Madness game night in February 2016, to highlight the effect of campaign finance on politics. But many students had little awareness of its events and participation was low, dependent heavily on professors requiring attendance for their classes.

Another vehicle was Constitution Day (Sept. 18). The US Department of Education requires of all institutions of higher education receiving federal aid that they organize an activity highlighting the US Constitution. In most cases Geneseo has organized panels to discuss controversial constitutional issues, with professors to facilitate debate in so-called Deliberative Dialogue groups. For example, this year the dialogue will address issues of Safety and Justice. Again, although intentional and relevant, the broader resonance on campus has been limited and has not produced sustained engagement by students.

In the context of this low level of voting, the College sought to more systematically increase student voting participation in 2016 by creating a Task Force on Voter Engagement. It produced and implemented a Voter Registration and Engagement Plan. The plan entailed making registration easier (e.g. offering new students the forms during campus orientation) and facilitating obtaining absentee ballots for students voting in their parents' district. In addition the Task Force cooperated with the local election authority to set up a polling station on campus itself, making it easy for students to vote locally. The Task Force also mounted information efforts and candidate forums, meet-and-greet events with candidates, a strategy that had been used in the past as well.

The intensified effort to make voting more convenient and increase information levels of students paid off in the 2016 election. In terms of absolute numbers, there were 482 more students who registered to vote and 680 more students who voted. In terms of voting rate, of students registered to vote, those who chose to vote was 54.6% in 2012 and 63.9% in 2016, an increase of 9.3%. In 2012, 42.6% of the 5,350 enrolled students voted and in 2016, 53.6% of the 5,553 students voted, an increase of 11.0%. Although this is still below the national turnout of 61.4%, it compares favorably with the turnout among 18–24 year olds nationally at 43%.

Participation remained stratified to a certain extent. For example, the percentage of females voting increased by 16.6% from 2012 to 2016 and the percentage of males voting increased 14.1% from 2012 to 2016. By field of study, the three highest voting rates were 73.0% in Foreign Languages, Literatures and Linguistics; 61.6% in education; and 64.4% in Visual and Performing Arts. By field of study, the three lowest voting rates were 42.1% for Business, Management and Marketing; 48.1% for Biological and Biomedical; and 45.7% in the Liberal Arts and Sciences and Humanities (NSLVE 2012–2016 Report).

Geneseo received accolades for the voting initiative and its results. The Andrew Goodman Foundation in March 2017 announced that Geneseo had been named a Voter Friendly Campus by the Campus Vote Project and NASPA Student Affairs Administration in Higher Education, one of only 13 campuses in its Vote Everywhere Campaign to receive such a designation (www.geneseo.edu/news, 5 April 2017).

Building on this momentum, Geneseo's Task Force has produced an All-In Campus Democracy Challenge Action Plan to consolidate and increase student voting for the 2018 election. The Task Force has also received funding from the Andrew Goodman Foundation to support two positions whose assignment is facilitating voter education and volunteer service

on campus. The plan aims to target those groups with below average turnout rates, such as Business and Science majors. It is hoped to make the voting station on campus permanent.

Voting on campus, as opposed to in the home district of their parents, has long been a rather controversial notion. For years, many argued that it is more appropriate for students to vote in their home towns, where they are more familiar with the issues and candidates. Fearing that students might tilt the balance, local Republicans have often opposed students' registering at their college address because many of the students are from Democratic areas near New York City. It is thus a significant shift that the local electoral officials have now agreed to a voting station on campus.

Student Organizations

A civic culture is characterized by voting, but also by other forms of civic engagement. The College has seen the need to complement academics with actual organizational involvement. At a liberal arts college, students are expected — but not required — to join and actively participate in various campus organizations. These organizations vary in nature. Some parallel the academic structure of the College. Each academic department has a club based on those majoring in that discipline. For example, the Political Science Department has long sponsored the Political Affairs Club. Other clubs are formed on the basis of common interest, such as the Beekeeping Club, the Photography Club, Chess Club, Anime Club, and Gaming Club. Still others are based on religious identity, such as Hillel, Intervarsity Christian Fellowship, and Newman Catholic Community. As the College student body has grown more diverse, many newer clubs have been formed on the basis of ethno-cultural identity, such as the Slavic Club, Chinese Culture Club, the Black Student Union, Shakti Indian Club, Gay Pride Alliance, and Latino Club. Sports clubs, such as Karate Club and Golf Club, also abound, reflecting the amateur athletic pursuits of students.

More obviously connected to the goal of civic education are the clubs formed to promote political parties or policy positions. For example, College Democrats and College Republicans represent students who support either of the two main parties and retain ties to their respective national parties. The party clubs are instrumental in organizing discussions and debates on campus, providing local campaign assistance, and mobilizing students to vote. Green Environmental Organization, Amnesty International, Socialist Equality Party, Women's Action Coalition, Students for Life, and Peace Action Coalition, to name a few, advocate regarding specific policy issues and often have ties to state, national, and international advocacy organizations.

The College facilitates this rich culture of student organizations, by providing a framework for registration, faculty advisors, and limited financial support. According to the College policy:

A college registered ***Student Organization*** at SUNY Geneseo is any student-driven group whose primary membership and entire leadership consists of students currently enrolled at SUNY Geneseo and who are paying the mandatory student activity fee; is formed in order to contribute to the students' personal development and the advancement of the College Mission; non-credit bearing; and is officially registered with the Department of Student Life. Registration does not imply college endorsement of the positions and views of any organization. Rather, it implies that the institution accepts the organization's mission as educationally valid and that the organization has complied with institutional registration and continuing registration procedures.

Student organizations may obtain funding from the student government, but must raise some of their own funds as well. For example, the International Relations Club established

The Welles Report, a biannual journal of IR issues, written, produced and edited totally by students; in addition to soliciting local advertising, funding was obtained from student government to produce the journal. There have been periods when this funding by student fees was challenged by some students. However, in recent years the student fees are voted on by the entire student body every three years, providing greater legitimacy and reliability for student organizations. Each student club has a faculty “sponsor” who agrees to serve as advisor to the club.

All student clubs facilitate experience important to nurturing a democratic culture. A registered club must recruit members, write a constitution, elect officers, hold meetings based on an agenda, motivate members, seek external and internal funding, manage a budget with accountability, and interface effectively with administrative officials. In some cases the officers of such a club are managing 5-figure budgets — a considerable responsibility for a 19–21 year old student.

I would highlight one club in particular, with which I have had extensive experience over many years, namely the Model UN Club. Geneseo MUN recruits and sends delegations to simulations of UN bodies and UN-related agencies at various university settings, such as Harvard, University of Pennsylvania, McGill, and Yale. Typically the delegation consists of 12–16 students. The Club leaders propose a schedule of trips for the coming year and based on this budget, request funds from student government. The leaders select the composition of the delegation and train the delegates in the rules of order for MUN simulations. The delegates must prepare by researching the particular international issues which their committee will deal with, as well as the profile of the country which they will represent, polishing their skills in information literacy and policy analysis. They write position papers which are submitted to the MUN and provide the starting point for the debate and deliberation at the simulation, enhancing their skills in effective writing. During the actual MUN simulations, skills in negotiation, compromise and consensus are called upon. The MUN Club not only enhances international awareness and global engagement, but also reinforces attitudes and skills important to the domestic democratic culture. Individual political efficacy and respect for institutional processes would seem to be prerequisites for a resilient democratic culture.

Even though a relatively small liberal arts college, Geneseo has developed a robust culture of clubs and involvement in them. Just as voting participation is stratified on campus, it is likely that club engagement is not evenly distributed. But the wide variety of organizations would seem to offer experience and skills useful to civic culture on a broad basis.

Increasingly college campuses in the US have been the sites of contestation over freedom of speech and hate speech. Geneseo has thus far been spared major confrontations of this sort, without resorting to safe zones for speech or prohibiting speakers on campus. Minor tensions have arisen over certain religious speakers who have spoken on campus, but administration has finessed the dilemmas by distancing itself from the content, while affirming the civil liberty of the religious speaker.

Leadership Training

A vibrant civic culture requires not only civic engagement by individuals, but also citizens who have the skills and sense of purpose to lead and manage organizations at various levels. A liberal arts college is an ideal context to develop these capabilities and obtain experience on a smaller scale, transferable to larger organizations and broader settings as students go through the life cycle. In order to foster this process of recruiting and training leaders, the College started the Geneseo Opportunities for Leadership Development (GOLD) program. GOLD describes its mission in the following terms:

The Geneseo Opportunities for Leadership Development (GOLD) program prepares students with a portfolio of personal skills and knowledge needed for success in life and leadership roles and responsibilities in service to the College and the global community.

Our mission is accomplished through education, development, and training of students in an extensive series of personal development programs, institutes, leadership certificates, service learning, volunteer work, and active engagement in college and community life.

GOLD holds workshops and events, taught by professors, professionals, alumni and administrators, designed to provide skills useful in career and personal life. Some of them are quite practical in focus, such as Running Effective Meetings, Time Management, Speed Networking, Writing a Good Resume, and Office Etiquette. Others are more conceptual in nature, such as Social Change Model of Leadership, Relational Theory of Leadership, and Intercultural Competency. A number of them give orientation to service learning and international study. By combining their participation in a package of events and workshops, students attain certification in various competencies, such as Practicing Leadership, Global Engagement, and Sustainability.

Clearly many of the topics are instrumental in developing democratic skills. Effective Mentoring, Conflict Resolution, Managing a Budget, Developing your Negotiating Skills, to name a few, give students skills needed in any organization, including public ones. Some are focused on specific issue areas, such as environmental policy, criminal justice, child abuse and human trafficking, and might overlap with regular coursework at the College.

The number of students who have participated in GOLD has increased over time. It has evolved as a program by adding a wide variety of certificates, from the initial emphasis on personal skills to ones addressing social problems. It has added a new level of leadership training in the form of Mentors, who work with those in the early stages of the GOLD process. The program is voluntary — doubtless many students enhance their leadership skills without formally pursuing the certificates. But it has become quite attractive to students for career development, particularly since it can be listed on a co-curricular transcript, and is a recognition by the College of the virtues of complementing academic content with skills-based practical training.

Service Learning

In recent years, civic education has increasingly included the notion of service by students and campus organizations. The highest profile vehicle for service learning at Geneseo has been the Livingston County CARES organization, focused on disaster relief. This is a collaborative effort among organizations at the College and the local community of Livingston County (town officials, Coalition of Churches, Chamber of Commerce, etc.). The genesis of this effort was a response to the horrific hurricane, Katrina, which struck New Orleans and the Gulf Coast in 2005. In 2006 the organization was incorporated and registered as a non-profit organization; in 2007 it received tax-exempt status from the IRS. The College, through its Center for Community, has assisted the organization by providing office space and promoting student participation in the projects as a vehicle to foster volunteer work, leadership development, civic engagement, and community outreach.

Livingston CARES has organized and implemented a large number of service trips by students, faculty, and local citizens in the period since 2005 (2018 Livingston Cares Annual Community Report). Largest has been the sustained service in Mississippi: since 2006 it has mounted 41 trips to Mississippi, involving 974 volunteers. Students pay for their costs of the trip, with contributions sought to defray this cost. The contributions have come from the College and student associations, but also grants from the State of NY. Volunteers helped remove debris, rebuild houses, staff day care centers, replant trees and gardens, among other

activities. Livingston CARES also undertook service trips after 2012 Hurricane Sandy in NYC and more recently the 2017 Houston and Puerto Rico hurricanes. It has supported projects in Haiti, Nicaragua, and Ghana, but as Katrina assistance is winding down, Livingston CARES is seeking out new opportunities for service locally.

The total number of participants in all service trips (2006–2018) has been 1363, including 1086 students, 136 local residents, and 141 faculty/staff. Estimated dollar value of the volunteer effort is \$1.2 million. Travel fees paid by the volunteers have totaled \$409,317. This is clearly a very significant indication of volunteer effort and economic impact in natural disaster areas. As a result of the Livingston CARES service projects, as well as numerous other local ones, Geneseo was designated to the President's Higher Education Community Service Honor Roll under President Obama.

In terms of the impact of such involvement on those volunteering, it is difficult to measure the civic education value. Certainly it has fostered values of other-regardingness, pragmatism, and cooperation, all needed in a democratic culture. Leadership and teamwork skills have been developed, again useful in enhancing civil society. Given the wide publicity of Livingston CARES, it likely impacted even those who did not participate in the service trips.

Conclusion

As I have argued, colleges and universities can play a special role in promoting civic education. Because of its size and mission, a liberal arts college is particularly well-positioned for this. Geneseo has developed a strong campus culture, with administrative support for student organizations, leadership development, and service learning. Yet even at a highly-selective liberal arts college, voting participation has disappointed. Renewed efforts will be needed to meet the challenge and foster the norm of participation in all its forms — including voting — and among students of all backgrounds.

Емельянов А.И.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГОСУДАРСТВАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Изучение современных тенденций в процессе политического образования и воспитания приводят нас к пониманию того, что главной целью образовательного процесса в политической сфере жизнедеятельности общества является воспроизводство не только индивидов с высокой ответственностью перед обществом и активно проявляющих себя граждан, но и субъектов, идентифицирующих себя с существующей государством сложившейся правовой политической системой.

В условиях укрепления институтов контрпропаганды, выступающих защитным полем в медиа сфере общества, создание творчески мыслящей политической элиты базируется на различных элементах, характеризующих ту или иную нацию. В нашей стране политическое воспитание, выражающееся в создании определенных норм политического, закладываемых еще с юного возраста как особая стадия социализации, не является чем-то уникальным и из ряда во выходящим.

Во всех государственных образованиях политические лидеры рано или поздно задумываются о введении особых устоев, регламентирующих политический дискурс, готовя молодые кадры, которые будут формировать повестку дня как во внутренней,

так и во внешней политике государства. В этих условиях консолидация общественных масс, особенно социально активной ее части, базируется на специфических особенностях политической культуры и политических традиций. Именно политическое наследие прививается как норма, объясняющая текущее положение вещей в призме явления действительности.

На этом фоне основной функцией политического воспитания и образования все чаще становится укрепление в сознании граждан двух детерминант: политической элитарности и политической преемственности. Нагляден опыт государств Латинской Америки, которые совсем недавно, по сравнению с государствами англосаксонской цивилизации, превратились сначала в объекты мировой политики, а сейчас и в субъекты мирового политического процесса. В случае с государствами этого региона мы можем наблюдать проявление тенденций, заложенных еще в средние века.

Политическая элитарность предопределяет расстановку сил на внутренней политической арене и создает предпосылки для распределения политического влияния тех или иных лоббистских групп. Так в латиноамериканских странах издревле были сильны позиции военных и духовенства. При этом речь идет не только о Новом времени, но и доколумбовом периоде. В обществе укоренились убеждения, что лидер не может принадлежать к иной социальной группе. Ангажированность в правящей элите сохранялась и в период нахождения в зависимости от ибероамериканских стран. Еще одним немаловажным традиционным условием общественного одобрения в нахождении у власти является получение клерикального образования. В условиях сохранения доминирования в Латинской Америке, сложно представить, чтобы национальный лидер не имел отношения к христианству, тем не менее, возможно исключение в пользу автохтонных верований, которые, стоит уточнить, претерпели изменения в условиях соседства с католичеством.

Политическая преемственность выражается в закладке определенного цивилизационного кода на уровне национальных символов, в которых закладываются образы и формы определенного политического устройства. Данная традиция оставалась неизменной даже в периоды правления политических элит, ведомых чуждыми их нациям интересами, отличных от национальных интересов. При изучении национальных символов страна региона наблюдается закономерность. Так на многих гербах, в строчках гимнов встречаются образы автохтонных цивилизаций, уважение к которым прививается с самых юных пор. Это также проявляется в религиозных убеждениях жителей региона, которые исповедуя католицизм, принимают во внимание религиозные нормы предков. Кроме того, латиноамериканский регион является цитаделью теологии освобождения, которая ставит своей целью приобретение независимости и национальной самостоятельности. В этих условиях политическое воспитание наполняет политическую культуру цивилизационной идентификацией в рамках единого народа или совокупности народов с общей судьбой, а также формирует определенную модель поведения, которая сковывает представителей латиноамериканской цивилизации, даже учитывая их различное гражданство или пребывание на постоянном месте жительства вне своей страны.

Кроме того, не стоит забывать еще об одной особенности, которая формирует особый подход в политическом воспитании граждан региона. Речь идет о единопознании. Именно коммуникация на иберийских языках относит представителей региона к одной из самых многочисленных групп в геополитической картине мира.

Совокупность указанных факторов создает атмосферу политического плюрализма, не противоречащего принадлежности к единой цивилизационной общности, поли-

тические убеждения которой сводятся к укреплению позиций государств региона на мировой арене. Данное обстоятельство обуславливается тем, что страны Латинской Америки представляют собой значительную часть населения Земли и имеют все шансы и предпосылки для участия в решении мировых политических задач. Развитие региона не опровергает перспективы к укреплению стран в мировой политике. Таким образом, можно говорить о заложенном общественно-политическом коде, который отражается в поведении как политической элиты региона, так и обычных граждан региона.

Подобное положение вещей можно сравнить с некой национальной идеей. Аналогом с ней можно выразить «американскую мечту» в США, «единство в многообразии» в Европейском союзе. В этих условиях прочим остальным субъектам мирового политического процесса стоит всерьез задуматься о своих перспективах занять важное место в раскладе политических сил в геополитической картине мира XXI века, а также сохранения своей самобытности и культурного богатства.

Степанов В.П.

МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБРАЗ РОССИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КЛИШЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

История, в том числе та часть ее, которая касается этногенеза народа, его этнической истории, представляет собой обязательный аспект, который в качестве составляющей входит в условный, назовем его «исторический миф». Иными словами, речь идет о том самом, уже упомянутом наборе определенно интерпретируемых событий, со временем способных сформировать определенные убеждения. Например, с развалом Союза ССР все население Молдовы оказалось втянутым в целую вереницу событий, повлекших формирование новых исторических штампов. Так, наряду с попытками объективно рассмотреть прошлое, появились критические труды, нацеленные на развенчание Советской власти, в частности, затрагивающие исторические события в этнической судьбе народов: репрессии молдаван, гагаузов и др., пакт Молотова-Риббентропа.

Что же касается концептуальных подходов в научных исследованиях и взглядах на историю, то в современной Республике Молдова их условно можно разделить на румынские, промолдавские, интеграционистские (базирующиеся на попытке создания интеграционного курса преподавания истории в качестве альтернативы «Истории румын» неоднократно включаемой в учебный процесс в Правобережных районах республики) и, наконец, приднестровские.

Иными словами, представители этнического большинства — молдаване и национальные меньшинства, проживающие на двух берегах Днестра, по сути, оказались под воздействием различных центробежных сил, нахождение в орбите которых приводит к формированию разных исторических ценностей в обществе. Причем их разделяет не только Днестр и неурегулированный конфликт, а более сложные схемы, складывающиеся в молдавской республике в целом.

Столь широкий концептуальный разброс мнений, присутствующий в среде исследователей и идеологов в Молдове, с одной стороны, свидетельствует о демократии и возможности трактовать историю с собственных позиций, и это нормально, но речь

о другом: многополярность подходов к прошлому и будущему не может не влиять на формирование общенациональной идеи, что, естественно, сказывается и на идеологии государственности, а в конечном итоге на формировании этнических и гражданских ценностей, представлении об исторических связях страны. В частности, с Россией, образ которой в учебной литературе, используемой на двух берегах республики, порой диаметрально противоположен.

Прослеживаются расхождения не только по мировоззренческим подходам. Сохранившим позиции молдавской государственности и интернационализма В. Царанову, Л. Репиде, П. Шорникову, В. Стати, В. Степанюку противостоят во взглядах сторонники румынского унионизма, еще вчера коллеги по историческому цеху: А. Ешану, А. Мошану, П. Параска, Г. Кожокару, А. Цэрану, И. Шишкану, А. Петренку, Н. Енчиу и др., а также их единомышленники из других сфер деятельности — М. Чимпой, И. Чокану, А. Вартик и др.

Показательно, что из вышеперечисленных исследователей-молдавистов трое попытались написать обобщающий труд, посвященный истории государства. В начале двухтысячных коллектив авторов Ассоциации ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару, под руководством чл.-корр. АНМ В. Царанова, готовит уже второе издание книги «История Республики Молдова» [2], Л. Репида пишет книгу «Суверенная Молдова» [5], В. Стати, яркий полемист, отстаивающий молдавскую самобытность, тоже издает книгу со своим видением молдавской истории — «История Молдовы» [6]; он же: «Молдаване — не румыны» [7]; затем «Молдаване. Этноязыковые особенности» [8].

Тему продолжает и депутат молдавского Парламента В. Степанюк, выпустивший книгу «Statalitatea poporului moldovenesc: aspecte istorice, politico-juridice» [11]. П. Шорников в 2007 г. выступает с книгой «Молдавская самобытность» [9]. Она публикуется в Тирасполе, имеет сложную судьбу распространения, но, тем не менее, находит своего читателя.

Примечательно, но ни одна из названных работ не была издана на государственные средства, специально выделяемые на идеологию. В отличие, например, от государственного заказа самопровозглашенной ПМР на подготовку «Истории Приднестровья», которая увидела свет в 2000 г. [1].

Сегодня жители России [4] и постсоветского пространства сталкиваются с процессом стирания положительного представления о прошлом своей Родины, что лишний раз свидетельствует, что гибридная война активно использует идеологические диверсии.

Республика Молдова — не исключение. Более того, за годы независимости школьники и студенты стали самой уязвимой и, можно сказать, беззащитной в интеллектуальном смысле массой населения. В республике можно насчитать целый ряд учебников по истории разной идеологической наполняемости, порой полностью противоречащих друг другу в концептуальном отношении. Это учебники с румынским уклоном подачи материала (их авторы: Д. Драгнев, Н. Енчиу, И. Кашу, И. Шаров и др.). Совершенно иную смысловую нагрузку многих фактов несут учебники по истории Молдовы таких авторов, как В. Стати, С. Назария. Что же касается учебников приднестровских историков Н. Бабилунги и Б. Бомешко, то они представляют вообще отдельный, третий путь интерпретации исторических событий, наиболее приближенный к советской историко-обществоведческой концепции, только без коммунистического идеологического налета.

Несколько упрощая этнополитическую картину, складывающуюся в Молдове, Стефан Ихриг обратил внимание на то, что конфликт между румынизмом и молдавизмом с середины 1990-х гг. стал развиваться по своеобразному пути: «В то время

как политический молдавинизм управлял страной, румынизм преподавался в школах» [10, p. 105].

Писатель и публицист Олег Краснов в одном из своих комментариев к вопросу об учебниках истории в Молдове удачно подметил: «Каким образом в головах школьников и учителей помещался Енчиу и Назария одновременно? Ответ простой — учебник Енчиу существует только на румынском языке, а учебник Назарии только на русском. На мой взгляд, это граничит с преступлением. При любых обстоятельствах у подростков одной страны в головах должен быть одинаковый мифологический мусор (простим писателю эмоции, но все же не мусор, а набор исторических фактов. — В.С.), иначе это чревато если не гражданской войной, то, по меньшей мере, расколом общества» [3]. А вот к последнему в Молдове, к сожалению, не привыкать.

Библиография

1. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. I. Тирасполь: РИО ПГУ, 2000; Т. II, Ч. 2, 2001. 592 с.; 512 с.
2. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару. Изд. 2-е, перераб. и доп. Кишинев: Elan-Poligraf, 2002. 360 с.
3. Краснов О. История румын, как линия фронта информационной войны (обзор молдавских учебников истории). [дата обращения: 03.04.2018]. Режим доступа: <http://ava.md/2011/12/15/istoriya-rumyn-kak-liniya-fronta-informacionnoy>
4. Проханов А. Сказка о золотом петушке. В: Известия, 16 мая 2016. С. 6.
5. Репида Л.Е. Суверенная Молдова. Кишинев: ИПФ Центральная типография, 2008. 384 с.
6. Стати В.Н. История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală, 2002. 480 с.
7. Стати В.Н. Молдаване — не румыны. Одесса: изд-во КП ОГТ, 2013. 308 с.
8. Стати В.Н. Молдаване. Этноязыковые особенности (перевод с молдавского). Одесса: ВМВ, 2016. 135 с.
9. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. 400 с.
10. Dusacova N. Ethnic and civic identity in the Republic of Moldova: the view of occidental experts. В: Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. 13–14. Chișinău, 2013. p. 105.
11. Stepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc: aspecte istorice, politico-juridice. Chișinău: Tipografia Centrală, 2005. 520 p.

Тарасов И.Н.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ ПОЛЬШИ

В Польше существует давняя традиция политического образования и исследовательской работы с момента открытия в 1662 г. кафедры политики при Академии в Вильно. В начале XX века в польских землях появились первые школы политических наук: во Львове (1902), в Кракове (1911) и в Варшаве (1915). В межвоенный период медленно и слабо шел процесс (ре)организации воеводских центров прикладного изучения политики (во Львове, Кракове, Вильно, Познани). В 1944–1948 гг. предпринимались попытки восстановить довоенные институты, однако идеологическое давление коммунистических властей оборвало в 1948 г. процесс институционализации польской политологии, ликвидировав все учреждения, так или иначе связанных с политическим анализом. Хотя в 1963 г. в польских вузах в качестве обязательного предмета была введена дисциплина

«Основы политических наук», но ничего общего с политологией она не имела, поскольку ее фундаментом был т.н. научный коммунизм и марксистско-ленинская идеология в сугубо сталинистском понимании [3, с. 8]. Наиболее значительным событием в жизни современной польской политологии явилось создание в 1967 г. института политических наук в Варшавском университете, ставшее прямым следствием десталинизации общественной и академической жизни послевоенной Польши. В 1970-е гг. институт стал центром дидактики и подготовки университетских кадров для всей страны. В это же время активизировалась работа, учрежденной еще в 1957 г. Польской ассоциации политической науки. Ее первым президентом был профессор Эдвард Липиньский (1888–1986), разработчик теории экономических колебаний [5]. Чрезвычайно важную роль в развитии польской политической социологии сыграл неоднократно занимавший пост президента ассоциации (в 1964–1967, 1970, 1976–1979 гг.) профессор Ежи Вятр (р. 1931). Ныне ассоциацией руководит (с 2016 г.) африканист и международник, профессор Аркадиуш Жуковский.

В настоящее время в Польше высшее образование по политическим наукам можно получить более чем в 150 вузах страны, 45 из них — государственные. Однако лишь в 12 государственных и 4 частных вузах существует докторантура. Магистратура — в 34 государственных и в 53 частных, бакалавриат (в польском варианте — лицензиат) — в 45 государственных и в 101 частном [4]. Особенностью Польши можно назвать то, что в трех церковных вузах существует возможность обучения по программам бакалавриата и магистратуры в сфере политики. Широкое политическое образование в Польше — предмет заботы и государства, и частного сектора. Вместе с тем, стоит отметить, что фундамент польской политологии составляют магистранты и аспиранты (в польском варианте — докторанты), которые обучаются как в Польше, так и за рубежом.

Поляки чаще всего из зарубежных вузов выбирают университеты Германии, Великобритании, США и Италии, реже вузы Франции, Ирландии и Канады, в России число польских студентов мизерно. При этом, абитуриенты бакалавриата по направлениям социальных наук, в т.ч. политологии, как правило, стремятся получить образование дома, в пределах своего воеводства. Но на уровне магистратуры академическая мобильность проявляет себя в достаточной мере. Это касается как перемещения внутри родной страны, так и в пределах Евросоюза, реже — США и Канады. К сожалению, нам не удалось обнаружить достоверной общепольской статистики о возвратной академической мобильности, поэтому можем только выдвинуть осторожное предположение, что она невелика. По всей видимости, число обучающихся, которые переходя с одного уровня образования на другой, возвращаются в домашний регион (в отношении эмигрантов — в Польшу) не является значительным. Такая ситуация создает первую фундаментальную проблему польской политологии — *малый кадровый резерв*.

Политологические кафедры в среднеразмерных университетах испытывают перманентный дефицит специалистов в определенных отраслях политического знания. Руководители факультетов, институтов и кафедр склоны по-разному решать эту проблему: во-первых, удержанием собственных выпускников; во-вторых, привлечением сторонних ученых в статусе «приглашенных»; в-третьих, за счет грантового финансирования, вменяя исследователям педагогическую нагрузку.

Другая сторона кадровой проблемы — вопросы хабилитации. Докторант в Польше подготавливает одну диссертацию и однажды проходит процедуру публичной защиты. А вот процесс хабилитации может занять долгое время. Претенденту необходимо получить минимум 120 пунктов за научные достижения, в первую очередь, за публикации в высокорейтинговых журналах. Оценку достижений кандидата проводит Министерство

науки и высшего образования. Хабилизация дает основания для занятия должности профессора в университете. Звание профессора присваивает президент республики, что повышает статус вузовского работника наивысшей научной квалификации. Ключевой момент хабилизации — публикационная активность. Кроме статей в журналах, пунктируются также научные монографии и разделы в них, объемом не менее 1 печатного листа. Остальные научные публикации, в том числе опубликованные материалы конференций, не пунктируются. Отметим, что в международных рейтингах нет ни одного специализированного журнала по политологии на польском языке. При довольно высоком уровне знания английского языка у польских политологов возникают затруднения в опубликовании результатов своих исследований, как правило, в силу их *низкой оригинальности*. Это второе, существенное обстоятельство, делающее польскую политологию «домашней» [6]. Из этого следует, что важнейшей задачей современной академической политологии в Польше является повышение качества исследовательской работы.

Одной из заметных тенденций развития польской политологии является ее интернационализация. Международные связи политологических центров в своей совокупности можно вполне обоснованно считать глобальными [1]. Наиболее интенсивные связи развиваются между польскими и европейскими политологами, прежде всего, с британскими и немецкими коллегами. Заметны на общем фоне польско-американские академические отношения. Как правило, польские коллеги выступают в качестве «младшего партнера» в реализации совместных научных и образовательных проектов. Такое положение дел не выходит за пределы понятия «коллаборация» и, как правило, *не ведет к подлинной научной интеграции* с получением значимого совместного научного или образовательного продукта, что составляет третью проблему польской политологии.

Российское направление интернационализации развито недостаточно и его потенциал явно не исчерпан. Примечательно, что более интенсивно отношения развиваются между провинциальными университетами наших стран. Нельзя сказать, что Варшавский или Ягеллонский университеты игнорируют российских партнеров, однако заметна их ориентация на политологические центры Москвы и Санкт-Петербурга. Лидерами на российском направлении являются Гданьский университет, Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне, Гуманитарная академия в Пултуске, Университет Казимира Великого в Быдгощи, Силезский университет в Катовицах, Лодзинский университет, Университет им. А. Мицкевича в Познани, Вроцлавский университет, Торуньский университет. Как правило, польско-российские политологические отношения ограничиваются обменов студентами, краткосрочными стажировками преподавателей и взаимным участием в научных мероприятиях [1]. Совместные исследовательские проекты реализуются относительно редко, они менее масштабны, чем в кооперации с западноевропейскими или американскими коллегами, в силу различных финансовых, организационных и, к сожалению, политических причин. Интенсивность двусторонних отношений в последние годы заметно снизилась. *Политизация отношений с зарубежными партнерами* выступает для части польских политологических центров существенной проблемой, в нашем перечислении — четвертой.

Политическое образование в Польше, как и высшая школа в целом, испытывает не только существенное влияние демографического спада, но и административных решений Министерства науки и высшего образования, таких как: перевод политологии из разряда гуманитарных наук в разряд социальных (что повлекло переподчинение сложившейся структуры управления); ориентация и стимулирование выпускников средних школ к выбору инженерно-технических специальностей; изменения в оценке

эффективности и направленности труда университетских работников в связи с принятием т.н. конституции для науки; изменение правил финансирования отдельных направлений исследовательской деятельности университетов и проч. [7]. По-прежнему, актуальной остается территориальная диспропорция институционализации политологии, когда крупные варшавские и краковские научные и консалтинговые центры (не говоря о зарубежных) аккумулируют значительную часть когнитивных ресурсов, заставляя власти провинциальных вузов сомневаться в необходимости инвестировать в «воеводскую политологию». По совокупности выше изложенного, эту пятую проблему, можно обозначить как *неопределенность стратегического горизонта*.

Рассматривая проблемы современной польской университетской политической науки, нельзя не учитывать общие тенденции ее развития в общеевропейском, глобальном и темпоральном аспектах. Фрагментация политического знания, его отстраненность от действительного состояния общественного сознания являются новыми вызовами для политической науки в целом [2, р. 193]. Решение задачи адаптации знаний о политике к возможностям их усвоения гражданами возможно через захват более широкого контекста политических проблем современности, связанного с вопросами социального равенства, доступа к достижениям культуры и искусства, новым коммуникативным технологиям и более высокому качеству жизни, т.е. напрямую не связанными с образованием.

Библиография

1. *Domański T., Stępień-Kuczyńska A., Włodarska-Frykowska A.* Internacjonalizacja: Z doświadczeń polskich ośrodków politologicznych // Internacjonalizacja polskich ośrodków politologicznych / Domański T., Stępień-Kuczyńska A., Włodarska-Frykowska A. (red). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2017. S. 111–192.
2. *Eisfeld R.* Twenty-First-Century Political Science: Politicization of a Discipline? A Normative Science of Democracy with Empirical Rigor // Empowering Citizens, Engaging the Public. Political Science for the 21st Century / Ed. by R. Eisfeld. Singapore: Springer Verlag, 2019. P. 179–194.
3. *Janowski K.B.* Politologii polskiej meandry // Przegląd Politologiczny. 2018. № 1. S. 7–24.
4. Politologia 2018. URL: <http://www.perspektywy.pl/RSW2018/ranking-kierunkow-studiow/kierunki-spoeczne/politologia> (дата обращения: 24.02.2019).
5. *Stępień W.* Prezesa PTNP. URL: http://www.ptnp.org.pl/do_pobrania/Prezesa_PTNP.pdf (дата обращения: 28.10.2020).
6. *Warczok T., Zarycki T.* Gra peryferyjna. Polska politologia w globalnym polu nauk społecznych. W-wa: Scholar, 2016. 302 s.
7. *Warczok T., Zarycki T.* Polskie nauki polityczne w perspektywie globalnej: paradoksy ewoluującej peryferyjności // Nauka i Szkolnictwo Wyższe. 2018. № 1(51). S. 143–161.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бирюков С. В.

СИСТЕМНО-СИНЕРГО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Система международных отношений находится сегодня в состоянии «переходности», перехода из одного качественного состояния в другое. В этой связи возникают несколько существенных вопросов, на которые призвана ответить современная теория международных отношений?

Первый - от какого качественного состояния к какому осуществляется переход?

Второй — что будет представлять собой новое качественное состояние международных отношений, какую форму эти отношения?

Третий — какие акторы и в какой степени будут участвовать в формировании новой структуры глобального мира?

Ответы на эти вопросы весьма важны, поскольку понимание природы и характера происходящих сегодня в глобальном масштабе изменений — ключевой элемент понимания современного мира.

Изменения мирового порядка преимущественно протекают в рамках процессов глобализации и модернизации, к которому добавляются и другие факторы — политические конфликты, войны и революции, также вызывающие масштабные социальные изменения и изменяющие масштаб сил в мире.

Ключевой вопрос — с какими масштабными социально-экономическими и политическими изменениями связан процесс глобализации?

Первый тренд — освобождение социальных и политических отношений от их локально-территориальных оснований, от связи с определенными территориями (детерриториализация) — вплоть до преодоления самих факторов территориальности и географии;

Второй тренд — замещение «пространства мест» так называемым «пространством потоков»;

Третий тренд — исчезновение различных форм непо неподвижной территориальной организации, появление ее новых форм, вследствие чего не только отдельные государства, но и крупные мегаполисы («мировые города») становятся ключевыми участниками глобализационных процессов;

Четвертый тренд — ускоряющаяся циркуляция людей, товаров, капиталов, денег, идентичностей и образов в рамках глобального пространства;

Пятый тренд — возрастающая проницаемость границ;

Шестой тренд — освобождение от связей с определенной территорией политических и культурных идентичностей, развитие феномена «многоуровневой идентичности»;

Седьмой тренд — на место традиционных форм регулирования и управления (governance) из единого государственного центра приходит политика, неразрывно связанная с особенностями тех или иных уровней пространственно-территориальной организации (politics of scale) — регионами и территориями;

Восьмой тренд — уменьшение роли централизованных государств, регионализация и становление так называемой «сетевой» модели управления (ЕС) — государство сосуществуют на международной арене с международными организациями и союзами, неправительственными организациями, крупными корпорациями и др.;

Государства, таким образом, утрачивают прежнюю политическую монополию в качестве особого «места», конституционно установленной территории, в рамках которой осуществляются функции политического выбора, представительства интересов и легитимации. Оно передает часть своих полномочий «вниз» на уровень регионов, коммун и муниципальных образований, и «наверх» — на уровень «международных режимов», а также «вовне» — в систему рынка и гражданского общества.

Девятый тренд — интернационализация и регионализация политики на всех уровнях (национальном, региональном, местном). Формирование новых экономических структур происходит по преимуществу на региональном и местном уровнях, и зависит от подвижного соотношения «факторов места»;

Десятый тренд — возникновение новых форм многослойной дипломатии и многоуровневого управления, нуждающихся, в свою очередь, в современных формах соединения, координации и представительства.

Какая же методология, на наш взгляд, наиболее способствует созданию комплексной картины изменений, происходивших и происходящих сегодня в мире? Подобная исследовательская парадигма, на взгляд автора, может быть определена как **системно-синерго-деятельностная** [1]. Она предполагает рассмотрение международных отношений как сложной системы, развивающейся в результате действий участвующих в них акторов (политических, экономических, социальных) в соответствии с нелинейными закономерностями (предполагающими многообразие траекторий развития исходя из спонтанной комбинации соответствующих факторов). Как полагает автор, синергетический образ предмета изучения теории международных отношений в виде поля, среды (открытой системы), а не в форме жесткого квазиобъекта системно-организмической природы [2], более реалистичен, поскольку позволяет представить существующую систему международных отношений и формирующие ее подсистемы как открытую и динамичную структуру, с большей или меньшей степенью успешности решающую возникающие проблемы и урегулирующую возникающие конфликтные ситуации.

В чем заключаются преимущества системно-синерго-деятельностного подхода применительно к изучению системы международных отношений?

1. Позволяет выявить совокупность факторов (личностных, системных, формальных, неформальных и др.), определяющих характер и направленность развития системы международных отношений, образующих ее подсистем и участвующих в ней акторов.

2. Позволяет выявить совокупность проблем и противоречий, от успешного решения либо неразрешенности которых зависит не только текущее развитие, но и направление и характер долгосрочных трансформаций системы международных отношений.

3. Позволяет дать комплексную характеристику различным моделям организации (динамической самоорганизации) системы международных отношений.

4. Позволяет оценить совокупную эффективность различных форм международного порядка и моделей международных отношений, наличие либо отсутствие у данных форм и моделей долгосрочной перспективы.

В то же время, автор полагает необходимым дополнить системно-синерго-деятельностный метод в изучении международных отношений совокупностью более частных методов исследования, позволяющих высветить те или иные параметры системы международных отношений как комплексного и динамического объекта.

Библиография

1. Гомеров И.Н. Структура и свойства власти. Новосибирск: СибУПК, 2000. С. 54.
2. Абрамов Ю.Ф., Бондаренко О.В. Синерго-гомеостатический подход к проблеме безопасного устойчивого развития региона. Иркутск, 2002. С. 22.

Вакулова Т.В.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Острая необходимость в применении цивилизационного подхода для изучения и преподавания истории международных отношений и политологии связана, с условиями усиления активных информационных войн ведущихся в информационных обществах. Современные общества нуждается в создании эффективной системы защиты и противодействия атакам информационных войн, которые целенаправленно разрушают социокультурные системы. Исследователи полагают, что информационные войны являются эффективным инструментом реализации международной политики воюющих государств, а значит, нужно оказывать активное сопротивление любым попыткам манипулирования общественным сознанием. В этом смысле использование методологии цивилизационного подхода в исторических и международных исследованиях, позволяет сформировать защитное поле в создании системы активного сопротивления чудовищным попыткам искажения истории и манипулирования общественным сознанием.

Применение цивилизационного подхода к анализу международных отношений и исторических процессов, активно используется в науке с конца 1990-х годов. Научный анализ тенденций международной политики показал, что с распадом СССР и крушением советской идеологии в центре внимания ученых проявились межцивилизационные отношения. В исследованиях советских ученых формационный подход синхронно использовался с другими подходами, в том числе цивилизационным. В науке используются базовые подходы в изучении международных отношений: исторические и научные. В научном выделяют геополитический, бихейвиористский, интерактивный и системный [4, с. 8].

В период своего рождения методология цивилизационного подхода не получила широкого признания и использования (в отличии от формационного) в изучении истории международных отношений, политической науке, подход считался скорее

исключением из правил, но со временем, в середине XX века, после Второй мировой войны, он смог раскрыть свой аналитический потенциал. Среди европейских ученых известна работа статья, а затем книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [5], возродившая всеобщий интерес к данному подходу во всем научно мире в начале 1990-х годов.

Методология цивилизационного подхода в истории международных отношений, политологии, базируется на теории деления мировой истории на периоды существования отдельных локальных цивилизаций. Государства рассматриваются как составные части цивилизаций. Существующие самостоятельные цивилизации имеют самобытный характер и индивидуальную динамику развития. Поэтому данный подход предполагает при изучении политической системы определенного государства рассматривать, прежде всего, цивилизационную, культурную, национально-этническую специфику политической, экономической и социально-культурной жизни общества. Изучение и преподавание международных отношений сегодня направлены на получение нового результата, открытия, поэтому сегодня становится очевидным, что традиционные научные установки нуждаются в обновлении. Укоренившиеся в сознании схемы и подходы познавательных средств не дают нам возможности полнее отвечать на современные вызовы в сфере международных исследований.

Применение цивилизационного подхода в высшей и средней школе создает предпосылки, для воспитания современной молодежи используя все образовательные ресурсы, сохраняя историческую память, помогает выстоять в информационной войне, которая ведется в духовно-нравственной и сфере [2, с. 74]. Методология данного подхода закладывает основы для победы в информационно-ментальной войне, происходящей в умах молодых людей. Ментальным оружием является объективное знание истории, литературы, культуры, истории международных отношений и т.д., именно знание становится инструментом и в современной межцивилизационной борьбе. Использование цивилизационного подхода в научных исследованиях, в процессе обучения и воспитания может стать эффективным и важным условием, как для профессионального, так и личностного роста студентов. Данный подход формирует необходимые условия для анализа современных исторических и международных феноменов в рамках международных процессов, с учетом их своеобразия и преемственности систем социального исследования.

В ходе изучения и преподавания истории международных отношений очень важно понимать, что именно российская цивилизация, имеет самобытный и нестандартный характер. Благодаря которому, находясь в системе сложнейших международных отношений, она смогла, теряя и приобретая свои политические границы, возродить, сохранять и поддерживать собственные глубинные цивилизационные основы, социально-культурный код, самобытность входящих в нее разнообразных этнокультурных общностей. Взаимодействие российских этнокультурных общностей не исключало конфликтов, как важной формы развития, по Л. Козеру, но базировалось, не на стремлениях поголовного навязывания своих принципов, а на сотрудничестве, особенно, и прежде всего именно между этно-конфессиональными общностями как субъектами цивилизаций.

В преподавании необходимо приводить исторические факты, связанные как с международными коммуникациями горизонтального характера между православными и мусульманами, другими конфессиями, этносами, так и с государственной политикой предоставления экономических и политических льгот населению «цивилизационно

чуждых» западных и восточных окраин, например времен Александра I и периода перестройки 1980-х годов XX века [3].

Использование цивилизационного подхода к объяснению причин и результатов Крымской войны 1853–1856 гг., меняет представление об итогах этого межцивилизационного взаимодействия. Рассматривая Крымскую войну как проявление конфликта западной (католической) и славянской (православной) цивилизаций, закономерным является то, что основные события происходили в Крыму, в Севастополе, в колыбели русского православия, а военно-политическое поражение России в войне не означало ее «цивилизационного» поражения [1, с. 45].

Изучая европейскую цивилизацию в системе международных отношений, можно увидеть, что в отличие от российской, она ориентирована на изменение мира в соответствии с собственными планами. Она характеризуется экспансией, по О. Шпенглеру, при этом проявляется нетерпимость к непохожим культурам как отсталым, сознательное вмешательство в общественные процессы, культивирование достижений науки и техники, гарантий частной собственности и гражданских прав.

После разрушения равновесной биполярной системы международных отношений, сложилась новая система, характеризующаяся отсутствием нормативно-правовых документов регламентирующих новую систему, и как следствие отсутствие четких границ и правил взаимодействия субъектов, отсутствие отчетливого центра силы, большое количество центров влияния в международных отношениях, и смещение геополитического центра в сторону Востока. При этом США сохраняет свое влияние в международной политике нестабильности.

Хотя изучение международных отношений в рамках теоретико-методологических аспектов цивилизационного подхода не всегда находит идеальное подтверждение, но зато многое в происходящих процессах можно понять и объяснить. Изучение истории международных отношений через призму цивилизационной теории даст возможность детально изучить содержание явлений и процессов, развивающихся внутри локальных цивилизаций и сопоставить их с другими, сформировать у современной молодежи новое мировоззрение и идентичность. Кроме того, политический процесс во многих регионах мира с высокой точностью подтверждал выводы и прогнозы последователей цивилизационного подхода. К примеру, это утрата политических позиций Европы и переход мирового лидерства к СССР, США, Китаю. В настоящее время цивилизационный подход имеет уже заметное влияние в истории и политологии. Динамично изменяющийся характер межцивилизационного взаимодействия в системе международных отношений приводит к тому, что его анализ выходит за рамки существующих парадигм, включая известную концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона, поэтому цивилизационный подход не только сохраняет актуальность в научных исследованиях, но становится все более востребованным при изучении и преподавании международных отношений.

Библиография

1. Вакулова Т.В. Крымская война: цивилизационный конфликт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 21. 2016. № 6. С. 38–46.
2. Вакулова Т.В. Методология цивилизационного подхода в исторических и педагогических исследованиях: общее и различия // Гуманитарно-педагогическое образование. Т. 4. 2018. № 1. С. 73–83.

3. Зорин В. Цивилизационный подход С. Хантингтона и реалии современного мира. Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?2859> (дата обращения: 04.07.2018)
4. Смирнов А.И. Обзор базовых подходов к анализу международных отношений и конфликтов / Ситуационные анализы. Выпуск 2: Учеб. пособие. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; каф.ПАМП. М.: МГИМО — Университет, 2012. 277 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М: АСТ, 2003. 603 с.

Михайлов И.В.

РОССИЙСКАЯ ОЦЕНКА МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ В ПОСТКРЫМСКИЙ ПЕРИОД

2014 год изменил мировую повестку дня. Переворот в Киеве спровоцировал гражданское сопротивление на Востоке и Юге Украины, а затем и военное противостояние на Донбассе. В Крыму был проведен референдум, по результатам которого полуостров вошел в состав Российской Федерации. Это привело к введению антироссийских санкций и серьезному охлаждению отношений по линии Россия — Запад. В создавшихся условиях перед российским правительством и политической элитой встала задача выработки стратегических внешнеполитических приоритетов.

30 ноября 2016 года В.В. Путин утверждает новую редакцию «Концепции внешней политики Российской Федерации». В Концепции констатируется, что «современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. ... В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств» [2].

Москва видит современный мир как полицентричный. Новые центры силы — Индия, Китай, Россия и другие — формируются на цивилизационной основе. Как отметил президент Путин, именно цивилизации служат фундаментальной основой многополярного мира, подчеркнув, что ни одна из них не может претендовать на ведущую роль в новой системе международных отношений [4]. При этом западная цивилизация, на протяжении долгого времени доминирующая в мире, уже не является единым монолитом. Путин разделит Запад на две составные части — Западную Европу и Америку.

Возможности западных государств оказывать воздействие на общемировые процессы снижаются. Но их стремление удержать свои позиции путем сдерживания альтернативных центров силы «приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях» [2]. Это, в свою очередь, ведет к образованию межцивилизационных разломов, обострению противоречий между государствами (включая усиление борьбы за ресурсы, доступ к рынкам сбыта, контроль над транспортными артериями), что увеличивает роль военной силы, которая становится ключевым инструментом в борьбе за формирование облика будущей международной системы. Из числа средств влияния государств на международную политику Кремль выделяет экономические, правовые, технологические и

информационные. Вместе с дипломатией значительным инструментом для решения внешнеполитических задач становится фактор «мягкой силы», который включает в себя, прежде всего, возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные и гуманитарные методы и технологии.

В создавшихся условиях, для решения задач по защите и продвижению национальных интересов, важную роль играет устойчивость «национальной экономики к внешним и внутренним вызовам и угрозам, укрепление общественно-политической стабильности, динамичное социально-экономическое развитие, повышение уровня и улучшение качества жизни населения» [6]. Информационные технологии приобретают всё большее и большее значение. Они становятся неотъемлемой частью деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности и, вместе с этим, «их эффективное применение является фактором ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества» [1].

Россия, безусловно, должна стать одним из влиятельных центров современного мира. Для этого есть все возможности. Но «проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [5]. В основе внешнеполитической стратегии западных стран лежит мессианство, т.е. стремление распространять определенные ценности по всему миру, «причем в том понимании, в котором у этой группы государств они сформировались и сложились» [3]. Эти современные западные ценности не те ценности, которые исповедовали предки европейцев. Это постхристианские ценности, которые коренным образом расходятся с традиционными российскими ценностями.

Анализ основополагающих документов в области национальной безопасности и внешнеполитической стратегии Российской Федерации и оценок, данным Президентом и Министром иностранных дел РФ позволяет сделать вывод, что в Москве исходят из того, что международные отношения проходят через очень непростой период. Процесс глобализации, ставший одной из главных мировых тенденций на протяжении последней четверти века, не сформировал однополюсный мир во главе с западными странами, а наоборот, ведет к появлению полицентричной и многоцивилизационной системы международных отношений. Это не прямолинейный процесс и исторический Запад, теряющий свою силу и влияние, всячески препятствует этому, используя все имеющиеся в своем распоряжении средства. Но именно сейчас нужно приложить максимум усилий, чтобы в будущей международной системе Россия стала одним из признанных центров силы.

Библиография

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.).
3. *Лавров С.В.* Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2016 году, Москва, 17 января 2017 года. http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2599609.
4. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XXII Всемирного Русского Народного Собора. 1 ноября 2018. <https://vrns.ru/news/4976>.

5. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

=====

Мостяев Ю.Н.

ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН В ПРЕПОДАВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одной из интереснейших тем в рамках курса международных отношений и мировой политики является проблема войны и мира, получившая в последнее время новый импульс в связи с развитием теории гибридных войн и цветных революций.

В многочисленных конфликтах XXI века, широко представленных гибридной войной и цветными революциями, и сопровождавшихся информационным противоборством по всем направлениям, можно говорить о новой стадии их развития в виде информационной войны, которая становится одним из основных средств современной мировой политики, доминирующим способом достижения экономической и политической власти.

В современных условиях особое значение информационная составляющая военных действий актуализируется в условиях выхода на первый план не столько фактора достижения реального боевого результата, сколько вопрос о степени его легитимности в глазах мировой общественности, населения как страны-агрессора, так и страны-жертвы, как в глазах политической элиты, так и военных, являющихся непосредственными сторонами вооруженного конфликта [1, с. 188].

Термин «информационная война» получил свое распространение в США в середине 1980-х годов в связи с изменениями в области международных отношений, связанных с наметившимся окончанием холодной войны. Однако активное его применение началось только после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 году, в ходе которой новые информационные технологии впервые были использованы как новые средства ведения войны наряду с традиционными. Постепенно стали различать информационно-технологический и информационно-психологический аспекты понятия.

Одной из главных теоретических проблем является достаточно широкий разброс мнений среди отечественных исследователей при попытках дать определение и интерпретацию самого понятия «информационная война». Ряд исследователей трактуют данное явление весьма пространно: от описания специфики и характера субъекта целенаправленных действий, предпринятых для достижения информационного превосходства над противником путем нанесения ущерба его информационному пространству, до стратегической значимости и ценности информации. Другие акцентируют внимание как на выявлении специальных методов и средств воздействия на информационную среду противника, так и описании конкретных стратегий и тактик реализации создаваемых информационных «волн» и «шумов» в рамках применения общих способов манипулятивных технологий спин-докторинга [5, с. 11–12].

Также некоторые исследователи предпочитают рассматривать информационную борьбу в широком варианте, включающего все сферы жизни мирового сообщества,

и в узком, затрагивающем какую-то одну сферу, например, политическую. Информационное противоборство в широком смысле предстает как форма борьбы сторон, представляющая собой использование специальных (политических, экономических, дипломатических, военных и иных) методов, способов и средств для воздействия на информационную среду противостоящей стороны и защиты собственной в интересах достижения поставленных целей [4, с. 20]. Достаточно широкое распространение получил подход, в рамках которого информационно-психологическая борьба анализируется как вид информационного противоборства, основанного на скрытном проникновении в сферу сознания противника с целью замены присущей ему информационной картины мира на выгодную противоположной стороне [3, с. 11].

Термин «информационная война» в США используется в двух смысловых вариантах:

- в широком смысле — для обозначения противоборства в информационной сфере СМИ для достижения политических целей;
- в узком смысле — как информационные военные действия, то есть для обозначения военного противоборства в военной информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя (в операции, сражении).

В военных кругах США под информационной войной понимаются действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственной информации и информационных систем.

Разброс подходов к определению понятия «информационной войны» предопределяет проблему ее типологизации.

Можно выделить некоторые особенности информационно-психологических войн в отличие от традиционных, которые проявляются в отсутствии некоей понятной линии фронта, в разворачивании основных действий не в привычных сферах: на земле, воздухе и на море, а в особом информационном пространстве. К тому же объектом воздействия информационного оружия становятся:

- информационно-технические системы (в том числе и с учетом человеческого фактора);
- информационно-аналитические системы (в том числе и с учетом человеческого фактора);
- информационные ресурсы;
- психика человека;
- системы формирования общественного сознания и мнения, базирующиеся на средствах массовой информации и пропаганды [4, с. 39].

К тому же информационные войны обладают рядом условных «преимуществ» по сравнению с классическими:

- 1) разрушительность последствий вплоть до дестабилизации системы управления, реформирования сознания населения, получения контроля над политической элитой и, соответственно, над территорией и всеми ресурсами страны;
- 2) трансграничность, то есть отсутствие барьеров в виде государственных границ;
- 3) экономичность вследствие уменьшения затрат на вооружение, оснащение, содержание огромных армий;
- 4) условная бескровность или малокровность самой информационной войны, ведущейся без человеческих жертв и разрушений, что, правда, не исключает в ряде случаев кровавых последствий;

5) отсутствие необходимости введения вооруженных сил на территорию противника, что благотворно влияет на морально-психологическое состояние как армии, так и гражданского населения;

6) относительная «экологичность» информационного оружия, которое в отличие от традиционного, особенно биологического, химического, ядерного, не наносит серьезного ущерба окружающей среде;

7) латентность вследствие возможности ведения информационной войны без ее официального объявления, сокрытия истинных намерений и действующих лиц;

8) большая свобода действий из-за отсутствия регулирования правовыми нормами, в том числе нормами гуманитарного права [2, с. 92–93].

Геополитические противники России наращивают и координируют информационные операции, направленные на подрыв и разобщение нашей страны, ослабление ее традиционных международных связей. Реальная опасность требует мобилизации усилий государства для противостояния информационной агрессии, которую возглавляют США и НАТО.

Библиография

1. Володенков С.В. Информационное противоборство как составляющая современных «гибридных войн»: роль и особенности // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С.187–208.
2. Воронова О.Е. Медиаполитология. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2017. 136 с.
3. Воронова О.Е. Современные информационные войны типология и технология: монография. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2018. 188 с
4. Панарин И.Н., Панарина Л.Г. Информационная война и мир. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 384 с.
5. Романов А.А., Морозова О.Н., Романова Л.А. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Активные формы коммуникации в гражданском образовании / Под общ. ред. А.А. Романова, Г.В. Царьковой. М.: Пресс Бюро, 2015. С.10–37.

Черкасова Т.П.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

В условиях постоянных трансформаций политико-экономических отношений, изменения баланса сил и конфигурации объединений и блоков в мировой системе актуализируются вопросы подготовки специалистов разного уровня способных собирать объективную информацию в условиях ее закрытости и асимметричности, анализировать, интерпретировать, прогнозировать и ретранслировать информацию, обеспечивая национальную безопасность, формируя имидж страны, дипломатически решая конфликтные ситуации международного взаимодействия. Одним из направлений подготовки бакалавров и магистров, способных решать обозначенные задачи, является политология. В виду остроты обозначенных проблем, на решение которых

ориентирован выпускник направления подготовки политология, особого внимания требует разработка образовательной программы по политологии.

Вне зависимости от профиля образовательная программа политологии ориентирована на формирование совокупности компетенций, способных обеспечить работу выпускника в системе современных международных отношений в сфере политических коммуникаций и консультирования, процессе принятия политических решений.

В этой связи особенно важен компетентностный подход, заложенный в нормативных документах, регламентирующих сферу образования, в том числе в федеральном государственном образовательном стандарте (далее — ФГОС) и образовательных стандартах ВУЗов (далее — ОС) последнего поколения. К сожалению, данные нормативные документы все больше свободы дают разработчику образовательной программы, в части определения набора профессиональных компетенций выпускника, определяя их примерный перечень и нося рекомендательный характер, что чревато утратой контроля над подготовкой высококвалифицированных специалистов, готовых к эффективному решению общественно-политических проблем национального и мирового масштаба.

Компетентностная модель подготовки выпускников по направлению подготовки политология включает в себя совокупность компетенций, имеющих отличительные особенности в зависимости от уровня подготовки (бакалавриат и магистратура), освоение которых позволяет выпускнику легко ориентироваться в потоках информации; выигрышно интерпретировать ее, с помощью полученной информации воздействовать на различные группы общественного мнения, управляя ими; прогнозировать экономико-политическую ситуацию и заблаговременно воздействовать на нее с целью корректировки. В траектория формирования профессиональных компетенций в научной, политико-управленческой, коммуникативной, консалтинговой и др. сферах требует продуманности определение ключевых дисциплин и методики их преподавания, способной не просто передать студенту некий объем информации, как комплекс знаний о предмете, а сформировать навыки действий, как в типичной, так и чрезвычайной ситуации. Одной из таких дисциплин является «Мировая политика и международные отношения».

В Южно-Российском институте управления — филиале федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» реализация образовательных программ по направлениям подготовки 41.03.04 Политология, профиль «Политическое управление» и 41.04.04 Политология, профиль «Политические институты и процессы» осуществляется в соответствии с требованиями образовательного стандарта Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (далее — Академия), разработанного на основе ФГОС [1, 2]. В обоих уровнях подготовки есть дисциплина мировая политика. Однако, на уровне бакалавриата учебным планом предусмотрена дисциплина «Мировая политика и международные отношения», которая ориентирована на формирование таких профессиональных компетенций (табл. 1), как ПК-2 — владение навыками участия в исследовательском процессе, способностью готовить научные тексты для публикации в научных изданиях и выступления на научных мероприятиях; ПК-6 — способность участвовать в организации управленческих процессов в органах государственной и муниципальной власти и управления, в аппаратах политических партий и общественно-политических объединений, органах местного самоуправления, бизнес-структурах, международных организациях, средствах массовой информации; ПК-8 — способность к ведению деловой переписки [3, с. 5].

**Таблица 1. Результаты освоения дисциплины
«Мировая политика и международные отношения»**

Обобщенные трудовые функции (при наличии профстандарта)	Код этапа освоения компетенции	Результаты обучения
работа над содержанием публикаций СМИ	ПК-2.3	на уровне знаний: методы обработки и интерпретации информации и данных о функционировании мировой политической системы
		на уровне умений: корректное использование материалы конкретных исследований в области политической науки для оценки ситуации в мировой политике
		на уровне навыков: ведение научных исследований процессов мировой политики и подготовка по их результатам докладов и презентаций на научные конференции
организационное, документационное и информационное обеспечение деятельности руководителя организации	ПК-6.3	на уровне знаний: механизма организации управленческого процесса в бизнес-структурах и средствах массовой информации
		на уровне умений: использование управленческих технологий в организации деятельности международных организаций, СМИ
		на уровне навыков: участие в организации управленческих процессов в международных организациях, средствах массовой информации и бизнес-структурах международного уровня
документационное обеспечение деятельности	ПК-8.3	на уровне знаний: стилей и особенностей делового общения
		на уровне умений: использование специфических форм делового общения
		на уровне навыков: владение методами деловых переговоров

На уровне магистратуры название дисциплины может быть модифицировано, например, «Мировая политика: факторы и процессы», что является развитием базовой дисциплины бакалавриата и отражает формирование у магистрантов несколько иных компетенций, в частности, ПК-14 способность к использованию специализированных теоретических подходов для организации консалтинговой деятельности; ПК-15 способность к разработке стратегий, программ и планов в сфере общественно-политической деятельности для политических деятелей, партий, органов власти, СМИ и экономических субъектов, готовность оказывать им консультационные услуги; ПК-17 способность к воздействию на различные аудитории, политические и социальные группы с целью их политической мобилизации; ПК-19 способность к осуществлению политического позиционирования бизнес-структур, СМИ и других субъектов политического процесса [4, с. 4]. В любом случае дисциплина мировая политика, на любом уровне обучения ориентирована на формирование профессиональных компетенций на заключительном (третьем) этапе, т.е. ее основная цель сформировать главным образом определенные навыки у выпускника. Отсюда и особенности в методике преподавания, особенно практических занятий. В курсе используются классические аудиторные методы проведения занятий. Освоение темы на лекции, при выполнении внеаудиторной (самостоятельной) работы завершается на практическом (семинарском) занятии.

Проведение занятий по дисциплине осуществляется в форме лекций, семинарских занятий и самостоятельной работы студента. Предусмотрен промежуточный и текущий контроль сформированности этапа компетенции. Лекции имеют своей целью обеспечение студентов теоретическими знаниями, развитие интереса к учебной деятельности и конкретной учебной дисциплине, формирование ориентиров для самостоятельной работы. В ходе обучения применяются лекции следующих типов: вводная, информационная и обзорная, проблемная, визуализация, с заранее запланированными ошибками.

Практические (семинарские) занятия включают в себя: специально подготовленные доклады или эссе, выступления по одной из актуальных проблем согласно темам, включенным в круг вопросов для изучения дисциплины; ситуационные практикоориентированные задания (предполагающие решение конкретной проблемной ситуации в рамках мировой политики); кейсы и командные деловые игры (позволяющие сформировать навыки ведения переговоров и участия в организации управленческих процессов в международных организациях, например в рамках заседаний ООН). Самостоятельная работа студента при подготовке к таким практическим занятиям выходит за пределы изучения лекционного материала и предполагает изучение большого массива дополнительной литературы, свежей прессы, информации из интернет-источников. И главное это сбор и детальный анализ имеющейся информации, с умением ее интерпретации и представления, а также формирования доказательной базы при отстаивании собственной позиции.

Библиография

1. Образовательная программа высшего образования направления подготовки: 41.03.04 Политология, профиль: «Политическое управление». Ростов н/Д.: Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, 2017. Режим доступа: http://www.uriu.ranepa.ru/upload/iblock/d02/1_ОП%20ВО_41.03.04%20ПУ-2017%20итог1.pdf
2. Образовательная программа высшего образования направления подготовки: 41.04.04 Политология, профиль: «Политические институты и процессы». Ростов н/Д.: Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, 2017. Режим доступа: http://www.uriu.ranepa.ru/upload/iblock/223/1_ОП%20ВО_41.04.04.%20ПИиП-2017%20ОС1.pdf
3. Черкасова Т.П., Мамонтова Ю.П. Мировая политика и международные отношения. Рабочая программа дисциплины. Ростов н/Д.: Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, 2017. 26 с.
4. Черкасова Т.П., Змяк С.С. Мировая политика: факторы и процессы. Рабочая программа дисциплины. Ростов н/Д.: Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, 2017. 23 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ГРАЖДАН: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Абрамова М.Г.

ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК ДЕМОБИЛИЗАЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ЗАДАЧИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«Стихийно как проявление естественного процесса создание ноосферы в ее полном проявлении будет осуществлено; рано ли, поздно ли, оно станет целью государственной политики и социального строя» [3, с. 66].

Современную эпоху отличает стремительное развитие науки и техники, вызывающее глубокий переворот во всех отраслях производства и трансформацию общественных структур и институтов. В XX в. мощь, обретенная новой техникой была столь велика, что ни одно государство уже не могло позволить себе игнорировать происходящее в мире техники. И это вызвало целую волну общемировой модернизации.

Представляется очень важным рассмотреть опыт прошедшей модернизации в странах Латинской Америки, где под ширмой этой технологической революции впервые в мире еще в конце 1960–1970 –х гг. возникают идеологические концепты, ставящие в центр общественного развития и управления новый социальный слой — технократов [2, с. 24–43]. Они были представлены в основном кадровыми офицерами, техническими специалистами, инженерной и научной интеллигенцией, в большинстве своем получившими образование в США. Их зачастую так и называли — «чикагские мальчики» [12, р. 94–98]. Получив высшее экономическое и политологическое образование в США, они вернулись в Чили, Бразилию, Уругвай, Аргентину с новыми идеями внедрения эффективного функционирования власти, основанной на технических показателях роста ВВП, иностранных инвестиций, новых технологий. Отрицая самобытность развития региона, критикуя свои страны за гипертрофированную роль политики, что, по их мнению, вело к росту политической демагогии и популизму левых партий, «чикагские мальчики» ставили цель — экономически, политически и культурно интегрировать латиноамериканские общества в мировую капиталистическую систему и по сути вестернизировать их [9, с. 22–23]. В концентрированном виде эту позицию продвигал в своих работах Центр по экономическому развитию Латинской Америки (ДЕСАЛ) — исследовательский центр правокатолического толка в г. Сантьяго.

Итогом этой идеологической работы и стали военные перевороты в Бразилии в 1964 г., в Чили и Уругвае в 1973 г., в Аргентине в 1976 г. К власти пришли откровенно реакционные правые силы, стремящиеся преградить путь широким массам в лице левых и антиимпериалистических сил, которые были серьезно настроены на проведение глубоких социальных и антиолигархических преобразований. Рост влияния левых, усиление боевых классовых настроений в рядах профсоюзов, влияние Кубы и СССР настраивал массы стран Латинской Америки на политическую антизападную мобилизацию, что стало реально угрожать власти господствующих классов [7, с. 25–27].

В таких условиях новые технократические концепции об эффективном управлении стали своего рода спасательным кругом, последней надеждой правящих элит удержаться у власти. Пересмотр прежних концепций, теорий и схем участия народа в политическом процессе ознаменовался выдвиганием элитарно-технократических построений, в которых народным массам отводилась роль манипулируемой и деполитизированной силы. В технократическом обществе эффективность управления сводится не просто к выявлению разного рода индексов и экономических показателей, но прежде всего, к отказу от традиционных политических институтов — партий и профсоюзов, и переходу к разного рода неправительственным надпартийным организациям и движениям, не ставящим цель прихода к власти. Сверхзадачей технократического (так называемого эффективного) правления стал демобилизационный проект — из политического процесса были физически и идеологически удалены левые и антиимпериалистически настроенные массы. За 17 лет только в Чили были убиты более 3000 человек [11, с. 45]. Итогом такого либерально-технократического правления в странах Латинской Америки стали гиперинфляция, рост бедности, приватизация природных ресурсов, сильнейший рост криминализации, кризис национальной культуры, транснационализация экономики, исчезновение мелких и средних предпринимателей, связанных с национальной промышленностью [8, с. 28–40]. Современные политические кризисы (импичмент в Бразилии, обострение социальной напряженности в Аргентине и Чили и др.) ярко иллюстрируют долгосрочные и среднесрочные результаты правления «чикагских технократов».

Таковы итоги печального двадцатилетия 1960–1980 гг. в этом регионе. Россия на рубеже 1980–1990-х гг. оказалась в аналогичной ситуации: начавшаяся «шоковая терапия» и криминальная приватизация привела к отказу от традиционной активной роли народа в управлении, в политике. Российские либеральные экономисты-технократы также ставили задачу ограничить народное участие в политическом процессе перехода к капиталистической экономике, не допустить идеологизацию и политизацию. Именно поэтому «чистый» технократизм устраивает их как альтернатива политической мобилизации [5, с. 10]. Многочисленные сторонники технократизма, получившие образование в эти годы, сейчас уже всюду управляют — в медицине, в образовании, в социальной и культурной сфере. Видна их технико-математическая подкованность, однако одновременно видно и отсутствие у них исторической памяти (например, события Великой Отечественной войны для них уже ненужное далекое прошлое), у них нет моральной ответственности за старшее поколение, о чем свидетельствует начавшаяся непопулярная пенсионная реформа, и моральной ответственности за младшее поколение (все шире распространяется среди них движение чайлд-фри). Получение прибыли от любого социально-экономического проекта стоит у них на первом месте, именно этот показатель и является по сути критерием эффективности управления [10, с. 15–16]. Для такого управления экологические проблемы никогда не будут приоритетными, ибо у технократического поколения потеряна поколенческая преемственность в широком

понимании этого слова [6, с. 147–160]. Идеалом для технократов является сервисное государство, оказывающее услуги и тоже получающее прибыль от своих граждан. В целом, такую идеологическую парадигму можно охарактеризовать как ценностный технократизм, в котором человек, индивид, личность отсутствует.

В этих условиях современное политологическое образование, нисколько не отгораживаясь стеной от изучения различных социальных концепций и проектов, должно в то же время не слепо перенимать их, а учитывать исторический контекст их появления. И мне бы хотелось привлечь внимание российских экспертов к опыту именно латиноамериканского региона, который всегда служил неким испытательным полигоном. Забывая исторический контекст появления политологических концепций, а просто перечисляя имена и идеи западных политологов, надо помнить причины и обстоятельства их возникновения, что будет ограждать от их абсолютизации. А такую абсолютизацию в российской политологии мы встречаем часто [1, с. 80–81].

В связи с этим, хочется привлечь внимание экспертов-политологов к незаслуженно забытым идеям отечественных мыслителей. Так нечасто среди политологического сообщества сейчас можно услышать обсуждение и развитие идей В.И.Вернадского о ноосфере. А ведь ее можно считать по-настоящему прорывной, ибо учитывая значение технологического прогресса, науки и техники в целом, великий русский ученый поставил вопрос о единстве человека, природы и науки. В учении о ноосфере синтезирована связь наук о природе и наук об обществе, раскрывается взаимосвязь глубинных естественных закономерных процессов биосферы и закономерностей исторического процесса. В этом учении построена новая картина мира, в которой человек гармонично сосуществует с наукой, природой и техникой, и все общественное развитие подчинено созданию справедливых и благоприятных условий для всестороннего развития личности [4, с. 35].

Можно констатировать, что такой вектор развития политологического образования будет способствовать появлению не технократов — управленцев, занятых извлечением прибыли и соответствием индексам эффективности, а формированию социально ответственных кадров для всей системы государственного управления в целом. На повестке дня отечественных вузов — ноосферное образование.

Библиография

1. *Безрученко В.А.* Социально-философский анализ класса технократов как комплексной элиты будущего // Вестн. Ом. ун-та. 2014. № 3. С. 80–81.
2. *Бобровников А.Б.* Латинская Америка: стратегия и практика экономической модернизации в период перехода к постиндустриальной цивилизации. М., 1998.
3. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. М., 1977.
4. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М., 2002.
5. *Зинченко В.В.* Современные концепции образования и воспитания на Западе // Вестник Международного института экономики и права, 2013, № 4(13). С. 7–16.
6. *Ильин А.Н.* Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 147–160.
7. *Королев Ю.Н., Кудачкин М.Ф.* Латинская Америка: революции XX века. М., 1986.
8. Латинская Америка: что принесли неолиберальные преобразования? // Авторский коллектив: Д.В. Белов, А.В. Бобровников, А.А. Лавут, А.В. Мазин, Н.Е. Питовранова, З.И. Романова, В.Л. Семенов, В.А. Теперман. М.: Институт Латинской Америки РАН, 1997.
9. Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности. ИЛА РАН. М.: Наука, 2006.
10. *Лёвкина А.О.* Коннотации технократии в дискурсе о формах инновационного развития общества // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 13–20.
11. *Шульговский А.Ф.* Армия и политика в Латинской Америке. М.: Наука, 1979.

12. *Theotonio dos Santos*. The Structure of Dependence // The Gap Between Rich and Poor: Contending Perspectives on the Political Economy of Development / Ed. Mitchell A. Seligson. Boulder, CO: Westview Press, 1984.

Асеев С.Ю.

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ, КАК ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ¹

В современной России значительные ресурсы направляются на политическое просвещение молодежи с целью повышения ее электоральной активности, все сильнее формируется и запрос на омоложение состава участников общественных и политических процессов, что отражают и различные социологические опросы. Так, проведенный в июле 2017 года опрос ВЦИОМ «Молодежь и политика: точки соприкосновения» выявил у россиян наличие запроса на вовлечение молодых людей в общественную и политическую жизнь: он фиксируется у 90% россиян — в сравнении с 2007 г. (75%) эта доля заметно выросла. От 67% до 34% наших сограждан одобряют участие молодежи в различных видах политической деятельности. С необходимостью привлекать молодежь к такого рода активности согласны более чем 80% во всех возрастных группах, однако среди самих молодых людей доли однозначных ответов заметно ниже, чем среди старшего поколения («безусловно нужно привлекать» — 37–43% среди 18–34-летних, 52–59% среди 35-летних и старше). Показательно, что респонденты старших возрастных групп скорее готовы представить себе участие молодежи в тех или иных политических активностях, чем сами молодые люди.

Последняя тенденция, с одной стороны, отражает желание общества эффективно использовать потенциал и ресурсы его наиболее активной и динамичной социально-возрастной группы, в большей степени, чем другие, нацеленной на повышение своего социального статуса при решении актуальных общественных задач и преодолении вызовов современного времени. Однако, с другой стороны, мы видим и одну из важнейших проблем современной России — низкий уровень мотивации политического участия самой молодежи. Многие исследователи отмечают, что современная молодежь практически не интересуется политикой, падает популярность традиционных форм ее политической социализации. Это касается и одного из важных направлений реализации интересов молодежи — представительного участия молодых лидеров в местном самоуправлении и в региональных органах представительной власти. Согласно типологии политического участия Л. Милбраса, в этой сфере проявляет себя «гладиаторская активность» молодежи.

В последнее время прослеживается снижение участия молодых россиян в системе представительства, а это влечет за собой изменения и в структуре общественного управления. Не последнюю роль в этом играют и создаваемые формально-процедурные ограничения прямого участия молодых политических лидеров в избирательных кампаниях, поскольку действующее законодательство закрепляет преференции и во многом исключительный статус политических партий, без привлечения ресурсов

¹ Доклад подготовлен при поддержке Гранта РФФИ № 18-011-01184.

которых зачастую невозможно реализовать право на выдвижение кандидатов. Парламентские партии удерживают свое лидерство в большинстве регионов России, однако их политика относительно выдвижения молодых кандидатов значительно отличается. В Алтайском крае показательна разница среднего возраста кандидатов в депутаты Алтайского краевого Законодательного Собрания. Так, по краевым спискам партий в 2011 году у КПРФ этот показатель равнялся 53,6; у «Единой России» — 49,6; у «Справедливой России» — 47,5 и 37,8 у ЛДПР. В 2016 году тенденция сохранилась — кандидаты до 30 лет составляли около 5% от списка КПРФ, и более 25% у ЛДПР. Согласно формально-нормативному подходу, молодежь — это социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 35 лет. Однако в электоральном поведении, как форме политического участия, учитывается нижняя возрастная планка в 18 лет, а по поводу верхней возрастной границы нет единой точки зрения, и в рамках заявленной темы анализируется динамика реализации пассивного избирательного права молодыми политическими лидерами до 30 лет на момент их избрания, так как к моменту завершения срока полномочий представительного органа при более высокой возрастной планке депутаты уже выйдут из формальных рамок «молодежи». Как показывает рассмотренный в АК состав депутатского корпуса, более 50% победивших на выборах кандидатов до 35 лет избирались на пороге достижения этого возраста.

Необходимо учитывать и внутрисписочный рейтинг молодых кандидатов, большинство из которых занимают последние места в территориальных группах списка своей партии, без каких-либо перспектив получения депутатского мандата. Общеизвестно, что «Единая Россия» является в современных условиях одним из основных «лифтов», которые обеспечивают восходящую социальную мобильность представителям региональных элит. Однако при этом партия власти служит для последних и инструментом сохранения своих властных позиций, средством горизонтальной мобильности для проникновения в структуры законодательной власти (немало таких примеров присутствует и в последних составах рассмотренных legislатур). В связи с этим список ЕР также насыщен в основном представителями старших возрастных групп, которые и составляют костяк отечественной элиты. Участие же молодежи в выборах информационно подается как получение ее представителями опыта участия в избирательных кампаниях. С учетом отмеченного, наиболее объективным показателем реальной реализации активности молодежи в системе представительства может служить доля молодых депутатов в общем составе представительных органов муниципального и регионального уровней.

Исходя из стоимости избирательных кампаний и уровня представительства, логично было бы ожидать, что на муниципальном уровне выдвижение и последующие избрание молодых кандидатов носит более массовый характер и подтверждает тезис партий о поэтапном освоении молодыми лидерами политических практик. Но рассмотренный состав депутатов АКЗС и Барнаульской городской думы последних созывов показывает обратное: на уровне региона количество молодых кандидатов увеличилось более чем в два раза и оказалось на уровне 10% (7 из 68), в то время как в БГД данный показатель не изменился и составил те же 10% (4 из 40). При этом на муниципальном уровне у оппозиционных партий существенно более высокий процент депутатов до 30 лет: 2 депутата из 3 у «Справедливой России», по 1 из 3 у КПРФ и ЛДПР, и только 1 из 31 (3,2%) у «Единой России». Тем самым Алтайский край подтверждает тенденцию большинства регионов, где при явном преобладании «Единой России» присутствует номинальное участие других партий в законотворческом процессе, что понижает и значимость мандатов от оппозиции. Если для партии власти не составляет труда уstra-

ивать предварительный отбор кандидатов с помощью процедуры праймериз, а значит и оценивать их финансовые, организационные и мобилизационные ресурсы, то у других партий не последнее место занимает проблема их кадрового потенциала, особенно в ходе совмещенных избирательных кампаний. Отмеченная тенденция упрощает попадание молодых кандидатов на перспективные позиции именно у оппозиционных партий, предоставляя последним информационный повод для самопиара и популизма в молодежной среде.

Таким образом, участие молодых политических лидеров в системе представительства на муниципальном и региональном уровне сталкивается с целым рядом проблем, без решения которых молодежь не может занять свою достойную нишу в политической жизни региона. Составляя незначительную часть legislatures, молодые депутаты чаще представлены в составе фракций оппозиционных партий, не имеющих реального веса в законотворческом процессе при абсолютном преобладании «партии власти». Следствием данной ситуации является не только низкий уровень политического участия молодежи и рост абсентеизма, но и недопустимо низкие рейтинги самих представительных органов власти, которые демонстрируют проводимые в молодежной среде социологические опросы.

Савенков Р.В.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ГРАЖДАН: В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

По наблюдениям американского политолога Г. Алмонда, демократическое государство предлагает обычному человеку возможность принимать участие в процессе принятия политических решений в качестве влиятельного и влияющего гражданина. В тоже время демократическая форма политической системы, рассчитанной на участие, требует наряду демократическим институтами (всеобщее избирательное право, политические партии и избираемая законодательная власть) еще и совместимой с ней политической культуры [1, с. 15–16].

Термин «политическая культура» отсылает нас к конкретным политическим ориентациям — установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, а также к установкам по отношению к роли собственного «я» в политической системе. Фактически, «политическая культура — это совокупность психологических ориентаций по отношению к особой совокупности социальных объектов и процессов» [1, с. 28]. В модели Г. Алмонда политическая культура общества — это еще и соединение трех компонентов: 1) процесса познания и принятия индивидом в качестве обязательных социальных ценностей и норм поведения, характерных для его социальной группы; 2) когнитивных способностей, познания политической системы; 3) ощущений и оценок тех, кто составляет политическую систему.

Итак, политическая культура состоит из трех видов ориентаций (1) «когнитивная ориентация», т.е. знания и убеждения относительно политической системы, ее ролей и тех лиц, на которых возложено исполнение этих ролей, акт же о том, что у нее на «входе» и на «выходе»; (2) «эмоциональная ориентация», иными словами чувства и ощущения по отношению к политической системе, ее ролям, персоналу и качеству функциониро-

вания; и (3) «оценочная ориентация» — суждения и мнения о политических объектах, которые в типичных случаях представляют собой сочетание ценностных стандартов и критериев с информацией и чувствами.

Избирательная комиссия Воронежской области проводит мероприятия по повышению правовой культуры молодых и будущих избирателей региона, сосредотачиваясь на всех трех (когнитивной, эмоциональной и оценочной) ориентациях. Регулярными стали:

- проведение олимпиады среди студентов вузов Воронежской области по основам избирательного законодательства — приняло участие 10 команд;
- проведение областного конкурса плакатов среди учащихся средних школ, студентов учреждений среднего профессионального образования на тему «Выборы моими глазами» (30 плакатов из 26 районов);
- проведение областного конкурса сочинений среди учащихся средних школ, студентов учреждений среднего профессионального образования на тему: «Выборы моими глазами» (24 сочинения из 24 районов);
- проведение Олимпиады среди учащихся средних школ и студентов учреждений среднего профессионального образования по основам избирательного законодательства (приняло участие 1354 человека);
- проведение творческого конкурса (Конкурса агитбригад) среди учащихся средних школ и студентов учреждений среднего профессионального образования по основам избирательного законодательства.

21 февраля 2018 года Избирательная комиссия Воронежской области совместно с воронежским региональным отделением Всероссийского общества слепых провела викторину «Умники и Умницы» по основам избирательного законодательства [2].

Недостатком системы мероприятий являются их малый охват, «несовременность» и определенный барьер между «взрослыми учителями» и юными участниками.

Проект «Имитационная игра «Выборы депутатов Парламента», поддержанный Избирательной комиссией Воронежской области предполагает проведение обучающей игры для старшеклассников студентами специальности «Политология». В ходе «игры» участники проходят все этапы избирательного процесса, задействованы все субъекты избирательной кампании. Такая форма политического просвещения снимает возрастные барьеры, влияет на когнитивную и эмоциональную ориентацию.

Недостатком имитационной игры является малый охват, отсутствие инструментов качественной оценки эффективности, формирование «несерьезного», «игрового» отношения к выборам, недостаточное влияние на «оценочные» ориентации политической культуры.

Студенты, преподаватели факультетов специальности «Политология» должны больше уделять времени организации мероприятий по политическому просвещению молодежи и граждан.

Библиография

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Официальный сайт Избирательной комиссии Воронежской области URL: <http://www.voronezh.izbirkom.ru>

Ункуров Э.Ю.**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ**

В рамках реализации государственной политики было проведено большое количество реформ в органах государственной власти. Данные реформы были направлены не только на улучшение эффективности работы данных органов власти, но и на создание обратной связи между органами государственной власти и населением страны. Диалог власти с народом является основной для любого гражданского общества. Чтобы создать это зрелое и активное гражданское общество необходимо вести политическое просвещение среди населения страны. Но с начала надо дать определение, что это такое политическое просвещение.

Политическое просвещение — это повышение осведомленности о деятельности органов власти, а также освоение знаний, необходимых для участия в деятельности общественных организаций и движений [1].

Важным элементом в осведомленности о деятельности органов власти является информационная открытость органов власти. Информационная открытость органов власти обеспечивает Конституция РФ и ряд федеральных законов и другие подзаконные акты.

Несмотря на принимаемые меры, направленные на повышение информационной открытости органов власти на местах, следует сказать о пассивности граждан нашей страны в решении проблем по месту своего проживания.

Проводимые социологические исследования фиксируют определенный рост социального отчуждения населения от деятельности органов власти на всех уровнях, в том числе и по отношению к органам местной власти.

В частности, по данным социологического исследования РАНХИГС за 2016 год в разной степени местным органам управления доверяют менее половины жителей — 45,5% (где 11,3% полностью доверяю; 34,2% скорее доверяю). Около половины опрошенных жителей — 49,0% (где 28,1% скорее не доверяю; 20,8% полностью не доверяю) в той или иной степени не доверяют местным органам управления. Небольшая часть граждан (5,5%) затруднилась ответить на вопрос [2].

Таким образом, большая часть населения нашей страны той или иной степени, не доверяет даже местным органам управления, которые находятся по месту их проживания.

Не без интересно было узнать, какого мнения придерживаются жители Республики Калмыкия по данному вопросу. В рамках выполнения государственного задания научными сотрудниками отдела социологических исследований Института комплексных исследований аридных территорий проводится социологический опрос по оценке качества муниципальных услуг. Одним из показателей, постоянно оцениваемых жителями региона в ходе данного исследования, является деятельность глав СМО и Главы РМО в Республике Калмыкия.

Обобщенный анализ результатов опроса населения республики показал, что в разной степени деятельностью глав сельских администраций удовлетворены менее половины жителей — 41,3% (где 12,8% полностью удовлетворены; 28,5% скорее удовлетворены). Примерно треть опрошенных — 31,1% (где 18,3% скорее не удовлетворены; 12,8% полностью не удовлетворены) в той или иной степени не удовлетворены деятельностью СМО. Не смогли дать какой-либо ответ 10,8% граждан. Каждый шестой (16,8%) житель вообще не интересуется данным вопросом.

В разрезе районов более всего удовлетворены деятельностью глав СМО жители Черноземельского (78,5%), Юстинского (54,1%) и Кетченеровского (50,0%) районов. Менее всего — жители Яшалтинского района (24,6%).

Жители республики назвали следующие причины неудовлетворенности деятельностью глав СМО: органы МСУ не способны полноценно развивать (пополнять) местный бюджет; благоустройство населенных пунктов осуществляется не на должном уровне; нарушаются сроки предоставления муниципальных услуг по обращениям граждан; нерегулярно вывозится мусор и бытовые отходы; недостаточный уровень квалификации специалистов органов МСУ.

В той или иной степени деятельностью Главы РМО (в том числе Главы Администрации г. Элиста) удовлетворены немногим более трети (34,5 %, где 9,7% полностью удовлетворены; 24,8% скорее удовлетворены) граждан. Примерно столько же (35,3%, где 21,7% скорее не удовлетворены; 13,6% полностью не удовлетворены) не удовлетворены деятельностью РМО. 9,2% жителей не смогли определиться с ответом. Каждый пятый (21,0%) опрошенный вообще не интересуется этим вопросом.

В разрезе районов более всего удовлетворены деятельностью Главы РМО в Черноземельском (67,9%) районе. Выше среднего показатель удовлетворенностью Главы РМО в Целинном (51,1%) и Приютненском (50,0%) районах.

Менее всего удовлетворены деятельностью Главы районной администрации (для элистинцев — Главы Администрации г. Элиста) в Яшалтинском (25,0%) районе и в городе Элиста (28,0%).

Были названы следующие причины неудовлетворенности деятельностью глав РМО: местные бюджетные средства используются нерационально и нецелесообразно; благоустройство населенных пунктов осуществляется не на должном уровне; Главы районного муниципального образования полноценно развивать (пополнять) местный бюджет; имущество, находящееся в муниципальной собственности, используется нерационально и нецелесообразно, трудно попасть к Главе РМО.

В процессе исследования рассматривался и вопрос об уровне информационной открытости ОМСУ. Удовлетворены информационной открытостью органов местного самоуправления только немногим более трети (35,0%, где 14,0% — полностью удовлетворены; 21,0% — скорее удовлетворены) жителей Республики Калмыкия. Более четверти (28,5%, где 13,5% — скорее не удовлетворены; 15,0% — полностью не удовлетворены) граждан не удовлетворены данным показателем. 15,3% опрошенных не смогли дать определенного ответа на данный вопрос. Пятая часть (21,2%) жителей вообще не интересуются этим вопросом.

Самый высокий уровень удовлетворенности информационной открытостью органов местного самоуправления — в Кетченеровском (54,5%) и Черноземельском (50,0%) районах. Самый низкий — в Яшалтинском (21,6%) и в Городовиковском (24,3%) районах.

Были названы следующие причины по которым часть жителей республики не удовлетворены информационной открытостью органов местного самоуправления: недостаточно информации о деятельности органов местного самоуправления; деятельность ОМСУ слабо освещается в СМИ; представители ОМСУ редко встречаются с гражданами; информация о деятельности ОМСУ им недоступна.

Таким образом, резюмируя все выше сказанное можно сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на то, что органы государственной власти пытаются дать возможность гражданам страны влиять на принимаемые решения на местном уровне. Большинства граждан не хотят брать на себя ответственность за принимаемые решения. Во-вторых, у многих граждан нет ни желания, ни потребности улучшать знание о

работе местных органов власти. Поэтому необходимо информировать граждан нашей страны для создания активного и просвещенного гражданского общества.

Библиография

1. Модель закона о просветительской деятельности, 2002.
2. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации официальный сайт. Евробарометр в России 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://social.ranepa.ru/> (дата обращения: 26.10.2018).

Шаповалов В.Л.

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

В течение последних ста лет отечественный политический язык два раза претерпел радикальную трансформацию, результатом которой был отказ от сложившейся традиции и революционная замена основного содержательного массива «новоязом». Первый раз это произошло в ходе и по итогам Великой Российской революции 1917 года. На протяжении длительного многовекового периода формирования российской государственности в дореволюционный период была создана самобытная политическая традиция, основанная на сочетании абсолютизма в качестве базовой формы правления, ключевой роли православия как государственной религии и соборности, как основы социальной солидарности и консолидации общества вокруг правящей политической элиты. Российская политическая традиция — продукт сложной эволюции, включавшей, в частности, создание таких концепций, как «Москва — третий Рим» и «Православие. Самодержавие. Народность».

В результате революции 1917 года была уничтожена не только политическая система, но и политический язык имперской России. На время исчезло из политического дискурса даже название страны. Изменилось не только наименование страны. Произошла замена практически всех понятий, в той или иной мере связанных с политической сферой. На место «гласных» пришли «депутаты», «министерства» заменили «наркоматы», «управы» — «исполкомы». «Районы» пришли на смену «уездов», а «области» заменили привычные для уха российского обывателя «губернии».

В 70-летний период существования советского общества был сформирован особый политический язык, основанный на марксистской философской традиции и ее интерпретации и эволюции в условиях развития советской государственности. В его основе были «диалектический материализм», «коммунизм», «пролетарский интернационализм» и «власть советов». Старый имперский язык оказался отброшен в периферические зоны эмиграции и «внутренней эмиграции», где также постепенно терял позиции.

Вторая радикальная трансформация политического языка произошла в результате крушения системы социализма и распада СССР в 1991 году. Она имела такой же тотальный характер, как и трансформация 1917 года. Коррекции подвергся практически весь политический словарь. Большинство терминов были заменены, другие поменяли свое значение. Так же, как постреволюционный политический язык был в значительной степени следствием влияния извне (марксистская концепция), новый политический

язык, сформированный в 90-е гг. XX века, стал результатом активной внешней экспансии на российскую почву — американского политического языка. Базовые термины современного отечественного политического языка, «демократия», «либерализм», «права человека», «разделение властей», «местное самоуправление», отражают, прежде всего, американский и европейский опыт политического развития и, в существенной меньшей степени, попытку адаптировать его к российским реалиям или опереться на собственную традицию. Любопытным примером последнего служит историческое наименование нижней палаты российского парламента — «Государственная дума».

Наличие политического языка, не соответствующего собственной интеллектуальной традиции и опирающегося на опыт других стран, создает серьезные ограничения для развития российской политической системы, формирует фундаментальную идеологическую зависимость от стран Запада, делает Россию беззащитной перед информационными атаками, направленными на ослабление российской государственности, легитимности власти и общественной солидарности.

Очевидно, важной интеллектуальной задачей российского общества является выработка собственной версии политического языка, который, с одной стороны, был бы адекватен современным политическим процессам и учитывал лучшие зарубежные практики, а, с другой стороны, соответствовал интеллектуальным традициям России и ее многовековому опыту суверенного политического развития.

В этом процессе значительную роль играет анализ и осмысление наследия известных российских философов, деятелей культуры, лидеров общественного мнения. Несмотря на трагедии, войны и революции последнего столетия в России не прекращались исследование происходивших политических процессов и поиск идеальной политической конструкции, оптимального сочетания внешнего и внутреннего, традиций и новаций.

Ценным для осмысления и формирования отечественной версии политического языка является мнение знаменитого русского философа Ивана Ильина, высказанное 80 лет назад: «Считалось, а в Европе часто и ныне считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы; что народоправство есть аксиома для всякого порядочного человека, что избрание всегда выше назначения; что монархия всегда хуже республики и т. д. Исходить из этого мы не можем, как не можем исходить из бесспорности обратных положений» [2]. По мнению мыслителя, «нет и не может быть единой государственной формы, столь совершенной, что она оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически-зжидительное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху — может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому западная Европа, не знающая Россию, не имеет ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы: ни «демократические», ни «фашистские». Россия не спасется никакими новыми видами западничества. Все политические формы и средства человечества должны быть нам известны и доступны. Но творческая комбинация из них и из других, еще не известных, должна быть избрана и создана самою Россией, должна быть подсказана ее собственной проблематикой, помимо всяких доктрин и предрассудков» [2]. Именно этим принципом мы и должны руководствоваться в деятельности по формированию и развитию отечественного политического языка.

Еще один великий российский философ Александр Зиновьев, бывший одним из наиболее последовательных критиков советского строя, уехав на Запад, разочаровался в западной политической культуре. После близкого знакомства с западным обществом он называл его «демократическим тоталитаризмом» или «тоталитарной демократией», принципы которого неприемлемы для России. В одном из последних интервью до возвращения из эмиграции он, в частности, дал следующую характеристику со-

временного Запада: «демократия постепенно исчезает из общественной организации стран Запада. Повсюду распространяется тоталитаризм, потому что наднациональная структура навязывает государствам свои собственные законы. Эта недемократичная надстройка отдает приказы, дает санкции, организовывает эмбарго, сбрасывает бомбы, морит голодом. Даже Клинтон ей подчиняется. Финансовый тоталитаризм подчинил себе политическую власть» [1].

Писатель и мыслитель Александр Солженицын в известной статье «Как нам обустроить Россию» уделяет большое место соотношению российской и западной политических традиций. «Права личности не должны быть взнесены так высоко, чтобы заслонить права общества», — делает вывод автор [4]. Большую тревогу у него вызывает тот исторический период, в который Россия стремится воспринять западную идею демократии: «Изначальная европейская демократия была напоена чувством христианской ответственности, самодисциплины. Однако постепенно эти духовные основы выветриваются. Мы входим в демократию не в самую ее здоровую пору» [4].

Следует учесть и мнение нынешнего главы Русской православной церкви, высказанное им в статье «Права человека и нравственная ответственность». «С 1991 года страны, образовавшиеся в результате распада Советского Союза, юридически закрепили права и свободы человека в качестве центральной нормы общественно-политических отношений. И сегодня этот выбор не ставится под сомнение. Напротив, политическое руководство и общественные лидеры постоянно подтверждают верность этим принципам, — отмечено в статье митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, — Но, с другой стороны, мы становимся свидетелями того, как концепцией прав человека прикрываются ложь, неправда, оскорбление религиозных и национальных ценностей» [3]. «Сегодня, к сожалению, на смену абсолютизации государства, характерной для нового времени, приходит абсолютизация суверенитета отдельной личности и ее прав вне нравственной ответственности. Такая абсолютизация может разрушить основы цивилизации и привести ее к гибели», — делает вывод автор [3].

Очевидно, что ни перечень ключевых политических ценностей, транслируемых Соединенными Штатами, ни их трактовка западной политологической наукой не являются универсальными и всеобъемлющими, но представляют собой специфический опыт становления и развития политической системы конкретной страны или группы стран. России необходимо создавать свой политический язык, который сможет адекватно описать как эволюцию российского государства и общества, так и современные политические практики. Контуры актуальной версии отечественного политического языка уже заложены как в трудах мыслителей прошлого, так и в современной научной дискуссии. Нам необходимо продолжить эту работу, идти по пути формирования собственных представлений о демократии, справедливости, общественной солидарности, межрелигиозном и межнациональном мире и сотрудничестве как основных базовых ценностях российского общества.

Библиография

1. Запад против России. Взгляд философа. URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html
2. Ильин И.А. Основы государственного устройства. URL: <http://project03.ru/cod/03.php>
3. Права человека и нравственная ответственность. URL: <http://www.pravoslavie.ru/1213.htm>
4. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. URL: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/2992-solzhenitsyn-kak-nam-obustroit-rossiyu-polnyj-tekst>

Щеглова Д.В.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ПРОПАГАНДА ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ?

Политическое просвещение, как целенаправленная политика, система действий и мероприятий, инициатором которых является государство для многих политологов остается скорее «технократическим» процессом. То есть таким, в котором государственные структуры используют технологии привлечения массового электората, граждан и практики трансляции определенных ценностей, которые необходимы для эффективного государственного управления и формирования политико-правовой культуры. Политическое просвещение же по своей сути ближе всего к этическим аспектам политики (в противовес маккиавелистскому подходу, исключающему рассуждения о политике и морали в принципе). Для политика, государственного управленца и любого общественного деятеля, связанного с миром политики, важен выбор, какими технологиями лучше всего руководствоваться, какую политико-коммуникативную среду необходимо сформировать, как работать с политической социализацией и необходимо ли делать это вообще? Какова роль стихийности и неупорядоченности современного коммуникативного пространства пост-правды и возможно ли с этой «стихийностью» работать?

Стоит отметить, что помимо государственных структур в процесс политического просвещения активно вовлекаются образовательные учреждения, НКО и СОНКО, партии, международные организации. И эти субъекты зачастую видят «политическое» с разных точек зрения. Так, партийное просвещение направлено на формирование ценностей участия и определенных идеологических ориентации, НКО и СОНКО привязаны к своим целям, которые могут приходиться в противоречие с государственными (например, по вопросам взаимодействия с окружающей средой — «зеленые организации»).

Важно то, чтобы государственная политика в области политического просвещения включала в себя стратегию взаимодействия со всеми указанными акторами, причем не в ключе «иерархических» связей (с доминантой-государством) — а по принципу сетевого взаимодействия. В современной России мы фиксируем как раз логику отношений «сверху вниз», которая с точки зрения политической коммуникации является крайне неэффективной, перерастает в пропаганду, «маскирующуюся» под плюрализм.

Опросы общественного мнения показывают, что социальные ожидания россиян сильно занижены, а доверие институтам власти — очень низкие (за исключением Президента, но и тут наблюдается тенденция спада), и этот тренд сохраняется уже давно [1; 2; 3]. Помимо этого, растут протестные настроения (в том числе и в связи с непопулярными реформами) [4; 5], а разрыв в доходах у разных групп населения не сокращается [6; 7]. «Острые точки» становятся информационным поводом для многих политиков (как оппозиционных, так и нет), которые используют стратегию «здесь и сейчас» для наращивания собственного политического и репутационного капитала. Это приводит к неприятию политики гражданами, восприятию ее как «грязного дела», «распила», «дележки власти». Все большую популярность принимают такие формы политического, как абсентеизм и протест.

Важно учесть, что современный гражданин устал от «завернутой в маркетинг» политики. Не секрет, что политик продвигается на политическом рынке как иллюзия продукта. Для политологов здесь закономерен вопрос, насколько при оценке каче-

ства и роли знаний, в той информации, которую подает информатор принципиально значение между пропагандой, политическим маркетингом и просветительской деятельностью? Логично предположить, что последнее должно быть максимально нейтральным стремится содержать «чистое знание», что видится просто невозможным. Классиками политической мысли не раз подтверждалось, что различные способы организации политической коммуникации поддерживают и развивают «рациональную невежественность» (термин Э. Даунса) аудитории и создают, прежде всего, видимость принятия осознанного решения. Государство в такой коммуникации такой же субъект со своими целями, задачами и интересами, как и остальные. Главная задача — сохранить лояльность, боязнь резкой смены власти, низкий уровень конфликтности. При этом логика государственной политики в принципе исключает (или оценивает, как крайне негативный вариант, который необходимо избегать) такие сценарии как распад политической системы, социальный «взрыв», революцию (в любой форме «мягкой», «бархатной» или какой-то другой).

Необходимо сказать, что основным субъектом политического просвещения остается элита, которая все чаще инкорпорирует маркетинговые коммуникации в стратегии пропаганды в качестве инструмента, который усиливает ее действие и камуфлирует его. Поэтому стоит говорить не столько о практиках политического просвещения в современной России, сколько о новой концепции пропаганды как способе мышления правящей элиты и главном организационном принципе управления, в реализации которого применяется микс технологий пропаганды и маркетинга. Так, пропаганда оказывается включена в публичные коммуникации, в т.ч. и посредством маркетинговых методов, так как применяются все «фирменные» приемы политического маркетинга: изучение политического спроса; определение адресных групп и их профилей; создание, продвижение политического предложения и управление им. Таким образом, просветительская политика государства никак не может быть названа нейтральной, но это противоречит самому принципу просвещения. Если говорить об условиях плюрализма, то тут важно отметить, что одним из важных составляющих политического просвещения становятся негосударственные каналы коммуникации. Они начинают играть все большую роль, и не только в протестном движении, сколько в области гражданского просвещения. К сожалению, в современные российские реалии таковы, что в борьбе с протестным поведением эти каналы просвещения страдают и попадают «под горячую руку» преследования и поиска «пятой колонны».

Еще одной важной средой, которая формирует гражданина является образовательная среда. Говоря о политическом просвещении, хотелось бы сказать именно о вузах, как о значимых субъектах формирования гражданской позиции современной молодежи. Очевидно, что высшее образование (которое становится в России все более массовым) — это важнейший институт становления и развития личности студентов, повышения уровня политического воспитания и просвещения молодежи, формирования ее общественно-политического потенциала. Универсальным для любого политического просвещения является разъяснение важности соблюдения своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств. Эти ценности прописаны во всех общих компетенциях в стандартах по подготовке квалифицированных специалистов. Огромен и ресурс вузов, которые могут сыграть роль фактора, усиливающего способность к сохранению системных свойств политического режима. С такой точки зрения, необходимо рассмотреть несколько проблем. Так, стратегическое планирование развития вуза может служить важным фактором

того, насколько реализуется потенциал страны (интеллектуальный, инновационный и др.) и осуществляется кооперация вуза, бизнеса, власти и общественных организаций.

Но тут хотелось бы поднять еще один вопрос — насколько высшее образование должно выполнять функцию «политического воспитателя», в каком формате это видится возможным политической элите? Как это сделать в условиях активного сокращения таких общеобразовательных предметов, как политология и социология? Как заниматься политическим просвещением в условиях «схлопывания» плюрализма? Эти вопросы остаются открытыми.

Библиография

1. Индекс социальных ожиданий Россиян // БД ВЦИОМ (2018) [Электронный ресурс]. available at: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_soc_ozhidanij/ (Accessed at 02 August 2018)
 2. Доверие политикам // БД ВЦИОМ [Электронный ресурс]. available at: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (Accessed at 02 August 2018)
 3. Одобрение россиянами деятельности общественных институтов // БД ВЦИОМ — [Электронный ресурс]. available at: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (Accessed at 02 August 2018).
 4. Протестные настроения // БД ФОМ [Электронный ресурс]. available at: <http://fom.ru/obshchestvo/11090> (Accessed at 02 August 2018).
 5. Протестные настроения россиян // Левада-Центр [Электронный ресурс]. — available at: <https://www.levada.ru/2018/08/01/protestnye-nastroeniya/> (Accessed at 06 August 2018).
 6. Уровень жизни // Данные Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (Accessed at 03 August 2018).
 7. World Wealth Report / Compare the data on a global scale. [Электронный ресурс]. available at: <https://www.worldwealthreport.com/reports/population/europe/russia> (Accessed at 04 August 2018)
-
-

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Алексашина М.Г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ РАННЕГО АНГЛИЙСКОГО РАДИКАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Появление раннего английского радикализма предопределили конкретные исторические события. Относительная стабильность на политической арене первой половины XVIII в. столкнулась с накопившимися противоречиями, Англия попала в ситуацию, напоминавшую начало событий столетней давности. Противостояние короля Георга III и вигской оппозиции, война североамериканских колоний за независимость, ирландское освободительное движение, противоборство между религиозными конфессиями — это исторический фон развития радикального движения. Поэтому английский радикализм есть порождение и проявление кризиса в стране, а деятельность и программа радикалов есть альтернатива выхода из такого кризиса [9, р. 65].

Георг III (1738–1820) вступил на престол 25 ноября 1760 г. Первые шаги молодого короля — прокламация о поощрении благочестия и добродетели и о наказании «порока, богохульства и безнравственности, а также прокламация о предотвращении подкупов и коррупции в ходе избирательной кампании, — получили широкое одобрение у публики. Георг считал, что его предшественники слабостью подчинялись вигской фракции, что привело страну к финансовому банкротству и вовлекло ее в изнурительную войну. Как раз вопрос о Семилетней войне стал первой преградой на пути счастливого правления Георга III [8, р. 200].

Возможностью пропагандировать через печать активно пользовалась вигская оппозиция. Покровителем оппозиционной печати выступил Ричард Гренвилл, лорд Темпл, который являлся родственником и соратником Уильяма Пита. Он спонсировал выпуск еженедельной лондонской газеты «The North Briton» («Северный британец»), главным автором и издателем которой являлся Джон Уилкс (1725–1797).

Именно Джон Уилкс и король Георг III стали олицетворением полюсов политической борьбы в Англии в 1760-ые гг. Для современников и исследователей имя короля Георга III связано с консервативной реакцией, а Уилкса называют лидером демократического движения и символом левого фронта. Каждый из них сыграл свою роль в политических конфликтах того времени и возникновении радикального движения [2, р. 153].

После публикации в 1763 г. в «Северном британце» статьи, в которой Уилкс обличал политику кабинета лорда Бьюта, началось его судебное преследование со стороны правительства. После ареста, суда и последующего оправдания Уилкс в глазах общественного мнения оказался жертвой несправедливости министров и стал символом

борьбы за конституционные права граждан. Спонтанно возникший лозунг «Уилкс и свобода!» стал консолидировать вокруг себя выходцев из разных слоев лондонского общества. Такой стихийный эмоциональный всплеск по поводу дела Уилкса свидетельствовал о накопившейся в обществе раздражительности и имел все шансы перерасти в организованный протест. Правительство смогло убрать героя с политической арены, что помешало зарождающемуся движению обрести непосредственную цель.

События, произошедшие во время выборов в парламент в 1768 г., стали непосредственным поводом возникновения движения радикалов. Джон Уилкс был избран депутатом от графства Мидлсекс, но его исключили, и парламент объявил решение об избрании вместо него Г. Латтрела, который набрал меньше голосов. Такими действиями власть вызвала очередной всплеск недовольства, который превратился в массовое движение протеста. Исключая Уилкса и назначая Латтрела, парламент поставил под сомнение главный конституционный принцип, а именно, народное представительство народа в парламенте. Избирательный казус вырос в конституционный конфликт, а тот вызвал общенациональное политическое движение.

В 1769–1770 гг. в Англии развернулась петиционная компания в поддержку прав мидлсекских избирателей. Стихийный протест против конкретных действий государственной власти обрел организованную форму. На свет появилась первая радикальная организация — Общество защитников Билля о правах [10, р. 47]. Оно выполняло роль координационного центра, а также взаимодействовало с лидерами оппозиционных парламентских фракций. Что более важно, была определена долгосрочная политическая цель движения. Анализ текста петиций показывает динамику изменения требований: от осуждения мероприятий парламента к призыву роспуска парламента, и далее — к парламентской реформе. Резолюции Общества защитников Билля о правах, которые были приняты летом 1771 г., подытожили множество предложений парламентской реформы, прозвучавших в ходе выборов и кампании по распространению петиций. В них требовали сократить срок парламентских полномочий, исключить из палаты общин депутатов, которые занимают государственные должности или получают пенсии от правительства и короны, бороться против коррупции на выборах и обеспечить справедливое и равное представительство народа в парламенте. Таким широкомаштабным проектом английский радикализм заявил о своем существовании [6, р. 98].

В 1770–1780 гг. парламентская реформа выбирает своей целью изменение в пользу буржуазных слоев общества политического баланса сил [Harris, R.W., 1963, р. 56]. Радикальная программа стала вызовом принципам, лежавшим в основе неравенства социальных групп и неадекватном их представительстве в нижней палате. Неравенство сословий, подчиненность в иерархии, корпоративность и приоритет земельной собственности были изначально заложены в избирательную систему и оставались неизменными на протяжении многих веков. Радикалы требовали перераспределить избирательные округа в пользу торгово-промышленных центров и расширить представительство буржуазии в парламенте. Затем они хотели отвергнуть политический принцип представительства собственности и на его место выдвинуть принцип личностного представительства, который выразился в лозунге всеобщего избирательного права. В этом лозунге в концентрированной форме отразилась историческая сущность раннего английского радикализма.

Для своего времени радикализм представлялся новым явлением политической жизни как с точки зрения практической, так и идеологической. Отличительной особенностью радикального движения стало использование массовых политических акций и мобилизации общественного мнения в политических целях. Их программа была

направлена на глубокую модернизацию системы и изменения ее принципиальных основ. Радикалы создали собственную идейную доктрину, которая противопоставлялась традиционным идеологическим установкам. Радикализм стал альтернативой существующей системе политических отношений. Одновременно сами радикалы действовали под лозунгом реставрации, восстановления прав и свобод английского народа, были принципиальными противниками насильственных изменений, из-за чего создается иллюзия консервативного характера раннего английского радикализма. По существу, радикальных требований и определенных социальных интересов английский радикализм 60–80-х гг. XVIII в. был направлен в будущее, а не в прошлое. Его можно считать исходным пунктом развития радикальной политической традиции в английской истории в конце XVIII–XIX вв. Ранний английский радикализм обозначил свое историческое место приверженностью к демократическим принципам государственного устройства и демократическим формам политического действия, символом которого стала парламентская реформа.

Библиография

1. *Birley R.* The English Jacobins from 1789 to 1802. Oxford, 1934.
2. *Clark D.M.* British Opinion and the American Revolution. N.Y., 1966.
3. *Harris R.W.* Political Ideas 1760–1792. London, 1963.
4. *Hall W.P.* British Radicalism 1791–1797. N.Y., 1912.
5. *Laslett P.* The World we have lost. London, 1971.
6. *Maccoby S.* English Radicalism 1786–1832. From Paine to Cobbet. London, 1955.
7. *Postgate R.W.* That Devil Wilks. London, 1965.
8. *Silver R.* Essays in Eighteenth century English history. London, 1961.
9. *Stephen L.* History of English thought in the XVIII Century. London, 1881.
10. *Veith G.S.* The Genesis of Parliimentary Reform. Hamden, 1965.

Артамонова Ю.Д.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

В развитии политической сферы информационного общества в последнее десятилетие происходят существенные изменения, интерпретируемые большинством исследователей как радикальные. Например, Д. Дин и С. Жижек говорят о формировании «коммуникативного капитализма» [2; 6], Р. Манселл [4] — о «коммуникационной революции»; К. Крауч — о постдемократии [9], П. Коухи и Д. Аронсон [1] о «точке перехода». Исходная идея — формируется новая экономическая и культурная система, основанная на таких технологиях, как «большие данные», искусственный интеллект и дополненная реальность, радикально трансформирующая и политическую сферу.

Исследователи отмечают три принципиально новых явления в социально-политической сфере.

1) Глобальный мониторинг

Если предшествовавший этап развития информационного общества был связан со слиянием наук и технологий и стиранием граней между цифровыми и когнитивно-био-

логическими сферами, то в настоящее время мы имеем дело с «новой виртуальностью», внутри которой находится человек. Речь идет не о «дополнительном» пространстве — мы наблюдаем слияние реального и виртуального в единое жизненное пространство. Следствием этого являются глобальный мониторинг и связанный с ним таргетинг и иные технологии цифрового управления. Двумя яркими примерами являются внедряемая в КНР «Программа создания системы социального кредита (2014–2020)», которая работает в пилотном режиме примерно в тридцати городах Китая, а также деятельность компании Cambridge Analytica, из недавних результатов которой в политической сфере отметим успешность таргетирования информации во время последних президентских выборов в США (2016), голосования Brexit и парламентских выборов в Мексике (2018).

2) Самокоммуникация (в том числе безсубъектная).

Если раньше речь шла об ограниченном числе источников информации и анализе путей ее дальнейшего распространения, то еще в 1994 г. У. Эко [Eco, 1994] отмечает, что в настоящее время многие люди имеют возможность добавлять свои собственные коды к кодам отправителя, и это трансформирует означающие сообщения. Пользователи производят и свой собственный контент; в настоящее время в день производится количество сообщений, равное по информационному объему фондам РГБ. Не забудем и машинные алгоритмы, которые выдают информацию на основе (анализа) полученных данных, которая также запускается в сеть.

3) Исчезновение символического

Разработки современных биотехнологий (например, мобильного телефона, который позволяет принимать звук непосредственно как радиоволну, без «звукового оформления», за счет прямого раздражения соответствующих зон мозга) приостанавливают действие знаковой сферы, которая так или иначе является культурно оформленной и тем самым минимально контролируемой социумом, а «мы, как умственно-отсталые, страдаем чем-то вроде несоразмерности миру и находимся в постоянном поиске фантазматических миров и образов жизни, где старое доброе «животное тело» замещено продуктом симбиоза человека и технологии» [5, с. 218].

Данные изменения проблематизируют традиционные допущения моделей политической коммуникации. Речь идет, в первую очередь, о 1) неустойчивости границ социальных групп и специфичности процессов идентификации в современном обществе, что заставляет пересмотреть процесс производства знака и его возможное содержание; 2) новых логиках производства символического (в том числе проблематизации знаковости как таковой); 3) виртуализацией событийности, в том числе политической.

На смену им приходят модели, учитывающие данные изменения, например, дискурсивные модели, полагающие дискурс средством не столько артикуляции, сколько производства социального; сетевой анализ коммуникации; модели коммуникационной власти, опирающиеся на когнитивные подходы.

Библиография

1. Cowhey P, Aronson J. Transforming Global Information and Communication Markets: The Political Economy of Innovation. Cambridge (MA): MIT Press, 2009.
2. Dean J. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics. *Cultural Politics*, 2005, Vol. 1 (1): 51–74.
3. Eco U. Does the Audience Have Bad Effects on Television? // *Apocalypse Postponed* / ed. by U. Eco, R. Lumley. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1994. P. 87–102.
4. Mansell R. (ed.). *Inside the Communication Revolution: Evolving Patterns of Social and Technical Interaction*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

5. *Вирильо П.* Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис, Прагматика культуры, 2002. 192 с.
6. *Жижек С.* «Объект желания» как внутренний предел капитализма. О Майкле Хардте и Антонио Негри // Топос (дата размещения: 21.12.2005). <http://www.topos.ru/article/4298> (дата обращения: 29.08.2018)
7. *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
8. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 566 с.
9. *Крауч К.* Постдемократия. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 192 с.

Барсенков А.С.

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТОВ И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Сохраняющаяся двойственность в отношениях между Россией и Западом, определяемая динамичным сочетанием сотрудничества и конфронтации, является во многом следствием событий заключительной фазы холодной войны. Поэтому 1985–1991 годы — ключевой этап для понимания ныне существующих противоречий. Этот период отмечен сжатием исторического времени — события и процессы происходили и развивались намного быстрее и стремительнее, чем политические элиты и в СССР, и за рубежом успевали их осмысливать и тем более — предвидеть ближайшие и отдаленные последствия. И хотя правящие группы с обеих сторон охотно отодвигали угрозу возможного военного столкновения, модель будущего взаимодействия оставалась абсолютно неясной. Именно в этот период в отношениях России и Запада возник «конфликт ожиданий», который не преодолен и поныне. Стратегическое же будущее России виделось как «интеграция в мировое сообщество».

В этой связи анализ концепта «интеграция России в мировое сообщество» предстает как изучение естественно-исторического и во многом стихийного процесса взаимной адаптации сторон к международным реалиям конца XX — начала XXI вв. Отталкиваясь от методологии неоклассического реализма, можно констатировать, что в основе изменения интерпретаций лежали: изменение ресурсных возможностей сторон и представления о характере взаимоотношений между Россией и «победителями» в холодной войне.

Первоначально понятие «международная интеграция» возникло применительно к экономической сфере. Ее определяют как процесс взаимного приспособления и объединения в единое целое организаций, отраслей, регионов или стран, объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними. В качестве ее наиболее успешного примера обычно приводят Европейский Союз, где расширяющееся экономическое сотрудничество повлекло формирование наднациональных институтов, деятельность которых постепенно распространилась на внешнюю политику, безопасность и гуманитарные отношения. Что же касается интеграции современных *государств*, то она может осуществляться на основе принуждения, взаимной выгоды или сходства социально-экономического строя, интересов, целей и ценностей.

Современный российский дискурс интеграции в мировое сообщество берет начало во второй половине 1980-х гг., когда наметилось преодоление идейно-политического

раскола мира, и была предпринята попытка консолидировать ранее разобщенные государства в единую мировую систему. На практике это означало установление нового характера отношений между СССР и западным блоком во главе с США в сфере безопасности, политики, экономики и гуманитарной. В понятие «интеграция СССР в мировое сообщество» включалось сближение с общественными системами, государствами и их союзами евроатлантического ареала. В то же время, за последние 30 лет представления о содержании, формах и темпах интеграции России и стран Запада претерпели качественные изменения. На наш взгляд, в этом процессе можно выделить четыре этапа.

Первый, еще в рамках СССР, охватывает период 1986–1990 гг. Концепция «нового политического мышления» М.С. Горбачева основана была на представлениях о формировании *единого мира* при сохранении за всеми государствами *права свободы выбора* внутреннего развития и внешнего курса.

Второй этап, связанный с неосуверенной Россией, проходил под знаком «интеграции России в мировое сообщество» и включает период с середины 1991 до конца 1999 г. Движение к цели предполагало решение двуединой задачи: вхождение в «клуб» (формальные и неформальные союзы) наиболее развитых демократических государств и радикальное преобразование России на либеральной основе: *форсированное* внедрение *западных* государственных, политических, экономических и социально-культурных *институтов*. Происходившее тогда называли «либеральной революцией».

Третий этап — «интеграция России с мировым сообществом» — охватывает время с 2000 до конца 2011 г. Его содержание: стремление к коалиции с Западом для совместных действий в области международной безопасности (преимущественно с США) и экономической стабильности (преимущественно с Европой) при *суверенизации* модели внутреннего государственного и политического развития и внешней политики. Это нашло отражение в формировании доктрины «реального суверенитета» (2003).

Четвертый этап, — некоторые называют его «разрывом с Западом» (Д.Н. Тренин) — начинается в конце 2011 г., получает мощный импульс в 2014 г. Его содержание: стремление России к обретению статуса государства-лидера в области утверждения справедливого международного порядка при расширении политической и экономической кооперации со странами не-западного мира («Поворот на Восток»). Новый курс опирается на представления о необходимости «национализации» внутренней и внешней политики на основе ценностей уже *собственного* культурно-цивилизационного наследия и исторического опыта.

На отношения России с сообществом западных государств продолжают влиять качественно различные оценки окончания холодной войны. И союзное, и российское руководство трактовали ее как *общую* победу над состоянием сорокалетней конфронтации, из которой победителями вышли все ее участники. В России точку низвержения коммунизма видели в «августовской победе» 1991 г., ставя это в заслугу *своему* народу, который сознательно и без внешней помощи освободился от навязанной ему в 1917 г. системы. На Западе же, и особенно в США, окончание холодной войны толковали как *поражение государства СССР*. Отсюда — отношение к России как к побежденной державе, которая может быть не субъектом, а лишь объектом в отношениях с государствами, чьи ценности продемонстрировали превосходство: их приняли Советский Союз, а затем — и Россия. На этом основании западные лидеры уверены, что преемница СССР не имеет оснований отстаивать свои интересы в тех случаях, когда это не подтверждено согласием США или коллективной Европы.

Библиография

1. Новые международные отношения. Основные тенденции и вызовы для России. Под ред. А.В Лукина. М.: Международные отношения, 2018.
2. Тренин Д.В. Россия и мир в XXI веке. М., 2015.
3. Stent Angela. The Limits of Partnership. U.S.-Russian Relations in Twenty-First Century. Princeton University Press. 2014.
4. Conradi Peter. Who Lost Russia? How the World Entered a New Cold War. Oneworld publications Ltd. 2018.

Белозёров В.К.**ВОЗМОЖНА ЛИ ПОЛИТОЛОГИЯ ВОЙНЫ? ПЕРСПЕКТИВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ РАЗДЕЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И НОВОЙ
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ**

Несмотря на предпринимаемые политическими акторами усилия, громкие декларации о последовательной приверженности миру, военное насилие и война не исчезают из жизни обществ. Война, военная действительность по-прежнему являются неотъемлемой составной частью социально-политической действительности и поэтому выступают в качестве объекта ряда наук.

Традиционно война изучается в рамках военной науки, которая в нашей стране традиционно трактуется как «система знаний о законах, характере войны, путях ее предотвращения, строительстве и подготовке вооруженных сил и страны к войне, закономерностях, принципах и способах ведения вооруженной борьбы». В фокусе военной науки находится вооруженная борьба, развитие ее средств и способов. Отмечая состояние военной науки в связи с пониманием войны в настоящее время, можно отметить следующее.

Прежде всего, представители военной науки в России солидарны в том, что современные войны в очередной раз претерпевают существенные изменения. Такие изменения происходят постоянно и нуждаются в столь же постоянном и тщательном теоретическом осмыслении.

Кроме того, признавая войну сложным социально-политическим явлением, представители военной науки в большинстве своем полагают, что исследование войны — дело многих общественных, естественных и технических наук. Тем не менее утверждается, что военная наука составляет ядро общей системы знаний о войне и армии. В этой связи предлагается включить социально-политические исследования войны в качестве разделов в теорию военной науки.

В ряде современных трудов проявляется стремление взять на себя решение задач, фактически выходящих за пределы предмета военной науки. В отдельных случаях имеет место включение в структуру военной науки разделов, не связанных напрямую с вооруженной борьбой и строительством вооруженных сил. Одновременно представители военной науки предпринимают попытки исследовать не только вооруженное, но и другие виды борьбы между политическими субъектами (или с их участием). Ясно, что при исследовании несиловых, невоенных видов борьбы в современных и будущих войнах военная наука неизбежно вступает в сферы компетенции других наук.

Необходимо учитывать и то, что сложившаяся военно-политическая практика способствовала возникновению множества сложностей теоретического и методологического характера. Интересы их решения требуют уточнения содержания объекта, предмета и структуры, перечня исследовательских задач военной науки. Следует констатировать, что представители военной науки в современной России претендует и на решение проблем, требующих более высокого уровня обобщения. Ситуация осложняется и тем, что в ходе дискуссий обозначились и серьезные разногласия, сводящиеся к пониманию сущности войны. Фактически можно говорить о кризисе.

В течение длительной истории человечества различными мыслителями создано множество трактатов и исследований, так или иначе связанных с осмыслением такого многомерного, неоднозначного, противоречивого и изменчивого явления как война. На поле ее теоретического осмысления значительных успехов добились и представители различных гуманитарных наук. Необходимо отметить, в частности, следующих авторов минувшего и настоящего, работавших и работающих как в России, и за рубежом, и создавших заслуживающие внимания труды по ряду отраслей научного знания:

- философия войны — Р. Штейнмец, А.Е. Снесарев, А.Г. Дугин. Следует отметить, что учебный курс по философии войны был разработан А.Е. Снесаревым и преподавался в Военной академии РККА с момента ее создания в течение ряда лет. Одноименная дисциплина, разработанная А.В. Соловьевым, до недавнего времени преподавалась и кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
- социология войны — Н.Н. Головин, В.В. Серебрянников. Специальный научный семинар, посвященный социологии современных войн, проводился ранее в МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством П.А. Цыганкова;
- психология войны — Н.А. Бердяев, Е.С. Сеньявская.

Признавая научные результаты, содержащиеся в трудах философского, социологического и психологического характера, посвященных войне, следует вместе с тем отметить, что политическая проблематика не находится в фокусе указанных исследований. Между тем известен и общепризнан постулат Клаузевица о том, что война есть продолжение политики иными средствами и она не является чем-то самостоятельным. Такое понимание войны уже само по себе означает отнесение ее к политическим явлениям. Следовательно, научное понимание войны является неполноценным без видения ее политической детерминации и политических последствий.

Следует отметить и то, что за постсоветский период истории страны отечественными исследователями было подготовлено немало изданий учебного характера по военной политологии, освещающих широкий перечень военно-политических проблем. Вместе с тем собственно война в политологическом ключе оказалась в данных изданиях вне подробного рассмотрения. Необходимо также отметить, что еще в дореволюционной России в Императорской академии Генерального штаба обосновывались предложения создать специальную кафедру политики войны и военной политики, однако в конечном итоге эта идея была решительно отторгнута. Аргументация ее ортодоксальных противников состояла в следующем: создание такой науки может «затемнить еще более стратегические истины», «вникая в сущность дела, кажется невозможным открыть политику в войне», «какая может быть политика там, где бьются насмерть».

Выходящие же в России научные труды политологического характера, действительно способствуя осмыслению и постепенному формированию целостной картины современной войны как политического явления, при всей глубине и актуальности

авторских подходов в силу объективных причин не лишены определенной фрагментарности, поскольку затрагивают только отдельные сегменты проблемы.

С учетом изложенного правомерно сделать констатировать то, что война как таковая до сих пор не стала предметом комплексного и всестороннего исследования со стороны представителей российской политической науки. При этом официально признается необходимость научного изучения частных проблем, связанных с войной и являющихся производными от нее. Сложившаяся ситуация представляется не вполне логичной. Так, в паспорте научной специальности 23.00.04 по политическим наукам предусмотрено изучение таких проблем как роль факторов силы и насилия в мировой политике, современные военно-политические концепции и стратегии, военная сила в международных отношениях, разоружение и контроль над вооружениями, международные конфликты и миротворческая деятельность, противодействие терроризму и др.

Изложенные обстоятельства дают весомые основания для формирования такой относительно самостоятельной отрасли научного знания и учебной дисциплины как политология войны, необходимость в которой назрела. Востребованность ее продиктована не только обстоятельствами сугубо теоретической природы, связанными с развитием и продолжающейся дифференциацией политической науки. В инструментальном плане необходимость политологии войны обусловлена, в частности, интересами обоснования подходов к предотвращению и ограничению войны. Отсюда ясно, что политология войны не только возможна, но и действительно необходима.

Бобылев В.В.

ПЕРСОНАЛИСТИКА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ОБРАЗОВАНИИ

В условиях современной действительности научное исследование персониферы все чаще принимает междисциплинарный характер: это персоналистические исследования в области философии, политологии и истории, изучающие явных и скрытых общественно-политических деятелей и рассматривающие глобальный эффект их деятельности в историко-культурном процессе. Однако, в академической политологии фундаментальные исследования подобного рода в настоящий момент отсутствуют. В этой связи представляется необходимым ввести в научный тезаурус термин «политическая персоналистика».

Под политической персоналистикой понимается совокупность исследований политической персониферы во всем ее многообразии. Политическая персоналистика — новое научное направление, специфическая научная дисциплина, находящаяся в стадии своего методологического оформления, формулировки основных целей и задач, постулирования пролегоменов. Вместе с тем, ряд мероприятий, прошедших в Сочинском институте Российского университета дружбы народов (международные конференции, круглые столы и научные семинары по проблемам политической персоналистики) наряду с рядом публикаций в научных изданиях, позволили не только выявить значительный интерес научного сообщества к проблематике целостности персониферы, методологии персоналистических исследований и перспективам политической персоналистики как научной дисциплины; но и синтезировать персоналистические концепты

различных научных направлений — политологии (элиты и лидерство — А.А. Вартумян, П.Л. Карабущенко, А.В. Понеделков, Р.Х. Усманов и др.; политическая персонификация, политическая персоналистика — В.В. Бобылев), истории (человек второго плана, персональная история — Н.А. Мининков, Л.П. Репина), социологии — (персонализация и деперсонализация власти — А.В. Богучарский) и др.

Отталкиваясь от постулата о таком реально существующем феномене, как персонификация, необходимо описать архитектуру персоналистики как науки и учебной дисциплины во всем ее многообразии. Персоналистические исследования призваны заполнить теоретические лакуны и выявить фундаментальные основы персоналистики, как особой научной дисциплины, направленной на изучение персонификации в различных контекстах. Обращаясь к специфике политической персоналистики в контексте высшего образования, необходимо отметить острую необходимость в идеологическом и методологическом обеспечении образовательного процесса, так как в настоящее время отсутствуют критерии валидности и верификационности применительно к исследованиям личностного характера. В этой связи необходимым становится выявление неких инвариантных реперных точек, конгруэнтных интеграционному характеру подобного персоналистического исследования. Приведем лишь некий компендиум постулатов персоналистических исследований, построенных в жанре «политический\исторический портрет»:

1. Баланс между контекстуальностью и антропологичностью. Конгруэнтность эпохе, что подразумевает интерпретацию биографических данных в историко-политическом контексте. Контекстуальность, вовлеченность в определенную историческую эпоху или современность, детерминирует научное поле исследовательской деятельности. Вместе с тем, антропологичность исследования, обращение к личностным персонализированным аспектам, представляется не менее важным, в особенно когда речь идет о персоналистических исследованиях. Как замечает Л.П. Репина, «современная историческая биография не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое исследование: это история, показанная через личность» [1, с. 6], что в полной мере может быть экстраполировано на исследование политической персонификации.

2. Научная формулировка предмета и объекта персоналистического исследования. В данном вопросе целесообразным представляется точка зрения Э.Ю. Соловьева, который объектом персоналистического исследования считал человеческую жизнь, а предметом — социокультурную ситуацию [2].

3. Разнообразная источниковая база, включающая достаточное количество типологически разнообразных источников и эгодокументов.

4. Построение работы в стиле научного исследования, факты и варианты их интерпретации по отношению к объекту исследования.

5. Конгломеративность исследования, целостный подход к историко-политическому процессу.

6. Компаративность и неангажированность исследования, исследование различных точек зрения об объекте и предмете исследования.

7. Объективный конвергентный анализ и систематизация. Конгломерация и генерализация частных фактов. (н-р, теория пассионарности Гумилева, типологизации лидерства, механизмы эвгемеризации лидера).

Итак, выявлена парадигма персоналистических исследований — базовая концептуальная схема политической персоналистики как науки и учебной дисциплины. Априорная сингулярность объекта исследования, наряду с попытками его генерализации,

приводят к сложноразрешимой философской дихотомии. Именно поэтому таким важным становится синкретизм персоналистики как науки, холистический подход к персоносфере и дальнейшие научно-методологические исследования в междисциплинарном контексте.

Библиография

1. *Репина Л.П.* От исторической биографии к биографической истории. В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. СПб.: Алетейя, 2010. С. 6.
2. *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования (статья вторая) // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 138.

Болдин В.А.

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

После неудачных итогов Берлинского конгресса (1878), который не оправдал ожиданий сторонников славянского объединения, идеология панславизм пребывала в состоянии кризиса [4, с. 122]. Однако к началу XX в. она вновь начинает занимать умы интеллигенции. Но в обновленном виде. Старые «романтические» идеологемы славянофилов все больше уступали место новой, утилитарной форме панславизма — «культурно-экономической».

Основным фактором, предопределившим эволюцию во взглядах русских панславистов, стало бурное развитие капиталистических отношений. Экономический сдвиг требовал новых идеологических обоснований. Поиск новых рынков сбыта подталкивал русских предпринимателей, промышленников и банкиров обратить взгляд на славянские земли. В свою очередь зарождающаяся буржуазия славянских стран, традиционно проигрывавшая конкуренции немецким производителям, пыталась занять свое место в новой экономической ситуации, и была заинтересована в развитии торговых отношений с Россией. Основным трендом и идейным посылом русского панславизма в начале XX в. становится поиск путей экономической интеграции славянских территорий. И либералы, и консерваторы понимали неизбежность передела рынков сбыта, а славянские страны могли представлять собой интерес для набирающей ход русской промышленности.

Однако отказ от старых, традиционных славянофильских схем славянской интеграции происходил достаточно болезненно. В рядах русских панславистов к началу XX в. оформилось два направления, которое условно можно охарактеризовать как «консервативное» и «либеральное» («неославянофильское»). Среди тех, кто относил себя к представителям «неославянофильства», ратовал за пересмотр основ славянской идеи можно выделить И.В. Каменского, Г.А. Ильинского, Р.Г. Пржевальского и членов кружка «Славянская беседа». Те же, кто выступал за традиционную трактовку идеи славянской взаимности, с ведущей ролью России в деле объединения славян, условно объединились вокруг В.Н. Кораблева, А.А. Башмакова и Петербургского славянского благотворительного общества.

К последним принадлежал и «патриарх российского славяноведения» В.И. Ламанский. Ключевой идеей панславизма Ламанского, характеризующего в современной литературе как «культурный панславизм», было представление об исключительной роли русского языка в деле объединения славян. Только через распространение русского языка как средства межславянской коммуникации возможно достичь славянского единства [2; 3]. Этот пункт являлся краеугольным камнем позиции сторонников «русской интеграции» славян [6, с. 99].

Тем не менее, к началу XX в., все яснее становится тот факт, что в новых условиях само по себе распространение русского языка не дает никаких политических дивидендов. В этой связи интересна позиция западных и южных славян по вопросу распространения русского языка. Насколько они были заинтересованы в этом?

Показательна дискуссия, развернувшаяся на страницах венского журнала «Славянский век» между двумя академиками и общественными деятелями, двумя поколениями идеологов славянского движения, русским и сербом — славянофилом «старой школы» Ламанским и сторонником «нового славянского мировоззрения», лидером «Радикальной партии» Любомиром Стояновичем.

Сербский общественный деятель уверяет, что идея продвижения русского языка как средства общения между славянами, о которой пишут уже более пятидесяти лет, в нынешних условиях обречена на неудачу. Русские авторы укоряют в этом западных славян, но заслужили ли они эти упреки? По мнению Стояновича — нет. Он уверяет, что причина столь медленного распространения русского языка ни в его трудности, ни в боязни обрусения, ни в незначительности русской литературы, ни в слабой деятельности книжных обществ, ни в недостаточных усилиях ученых-филологов. Причина, по которой образованный славянин предпочитает французский или немецкий, до боли прозаична — экономическая выгода. Потребность в русском языке не ощущаются ни у серба, ни у хорвата, ни у чеха или поляка, так как все их экономические интересы сосредоточены в Германии или Австрии, а экономическое присутствие России в славянских землях минимально. И разве в этом не ее вина? Рассуждая об экономическом положении родной Сербии, Стоянович пишет: «Все мы всей своей жизнью направлены на Запад, особенно на Австрию и Германию. Почти вся наша ввозная и вывозная торговля связана с этими двумя государствами. На первом шагу за границей мы встречаемся с немецким языком. Немецкие торговые агенты являются не только в Белград, но и путешествуют по всем городам, часто научаются и по-сербски. Каждый торговец, и вывозящий, и ввозящий, если он желает преуспевать, должен знать по-немецки. Не только большинство образованных людей дополняет свое образование на Западе, но и книги и газеты получают с большей быстротой, точностью и дешевизной с Запада, и всякий образованный человек, если он даже не выезжал из Сербии, должен знать по-немецки или по-французски» [5, с. 4]. Стоянович вопрошает, какие связи имеет Сербия с «братской Россией»? Торговли никакой, русские банки не работают, сообщение и инфраструктура отсутствуют, «явится какой-нибудь русский славист на 3–4 недели в Белград ради своих занятий, а внутри страны много места, где русского никогда и не видели» [5, с. 4]. Русские газеты и журналы не распространяются должным образом не только в Сербии, но и на всех Балканах. Русские книги крайне дороги для доставки, поэтому и не популярны. Откуда же сербу или хорвату знать русский язык? Да и зачем, если он не понимает его полезности, кроме патетических возгласов о «братском единстве»? Важен следующий вывод Стояновича: «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а практической надобности» [5, с. 5].

Кроме того, Стоянович негативно оценивает и внешнюю политику России, и в первую очередь молчаливое согласие на оккупацию Австрией двух славянских территорий — Боснии и Герцеговины¹, а затем и подписание дипломатических соглашений с Австрией, «уступая ее влиянию славянские территории». «Уже тысяча двести лет, как немцы теснят славян; когда наступит конец этому?» — возглашает Стоянович. Делает ли что-то Россия для сохранения славянского мира или же ограничивается лишь словами? Есть ли в России лига для распространения русского языка как во Франции? Если ли Русские банки, готовые потеснить немецких конкурентов? Если ли издательства, готовые печатать книги не только на русском, но и «переводить их на славянские языки»? Ответ не утешительный — нет. Стоянович считает, что у славян уже нет времени создавать общий литературный язык, нет времени рассуждать об отвлеченных началах, «у нас освобождение политическое должно предшествовать духовному объединению» [5, с. 10], иначе славянские народы падут под экономическим и политическим натиском западных соседей.

Именно из-за этого «романтические» тезисы Ламанского кажутся славянским деятелем уже отжившими себя. Если Россия не вернет себе экономическое влияние в регионе, то она навсегда лишится своих «братьев», а отвлеченные разговоры о философских основах «греко-славянского мира» и мечтания о русском языке как средстве общения так и останутся мечтами.

Выводы Стояновича являются показательными, западные и южные славяне, не видя присутствия России в регионе, а наоборот, наблюдая ее сотрудничество с Австрией, уже не верили в добрые намерения романтиков-славистов. Им нужны были реальные экономические шаги со стороны России, которые позволили бы занять славянским землям свое место в формирующейся мировой капиталистической системе.

Именно поэтому идеи экономической интеграции славянских земель, создания общих таможенных и торговых зон, а также общих экономических институтов (славянских банков, выставок и т.п.) станут ведущими в идеологических построениях панславистов начала XX в. Неудивительно, что славянская идея станет одним из элементов идеологии партии «Союз 17 октября» и «Прогрессивной партии» в русской Государственной думе, ведь именно эти партии представляли интересы крупной русской буржуазии.

Библиография

1. *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.
2. *Ламанский В. И.* Взгляд на судьбы юго-западного славянства // *Славянский век.* 1900. Вып. 9–10. С. 2–15.
3. *Ламанский В.И.* Можно ли уподоблять Россию Австро–Венгрии в вопросе о народностях? // *Славянский век.* 1900. Вып. 11–12. С.2–8.
4. *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018.
5. *Стоянович Люб.* Общеславянский язык (Посвящается В.И. Ламанскому) // *Славянский век.* 1901. Вып. 15. С. 2–12.
6. *Шириняц А.А., Гудков А.Д.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* 2001. № 1. С. 94–119.

¹ О реакции славянской интеллигенции на аннексию Боснии и Герцеговины см.: [1, с. 124–143].

Василенко И.А.**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СУПЕР-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО 5.0.» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ XXI ВЕКА: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ.**

Концепция супер-интеллектуального общества (Super Smart Society) или Society 5.0 («Общество 5.0»), была разработана современными учеными в ответ на актуальные вызовы современности как продолжение известной концепции «общества 4.0.», основанного на передовых цифровых технологиях: большие данные, искусственный интеллект, дополненная реальность. «Общество 5.0» уже не ограничено только производственным сектором, а призвано решать социальные проблемы с помощью интеграции физического и киберпространства. Общество 5.0. обещает материальное изобилие и комфорт, но внедрение смарт-технологий уже сегодня сопровождается целым рядом сложных антропологических и гуманитарных проблем.

Основные научные дискуссии фокусируются вокруг возможностей и рисков при использовании смарт-технологий в обществе 5.0., что связано с дегуманизацией общественных отношений, потерей креативности человека и общества в ответ на предельную технологизацию общественного пространства. Поэтому сегодня весьма актуально рассмотреть современные научные дискуссии вокруг концепции «общества 5.0.», чтобы выявить не только его возможности, но и оценить опасности и риски этого амбициозного общественно-политического проекта. Требуют широкого общественного обсуждения социально-политические и гуманитарные вопросы развития общества 5.0, среди них — вопрос о полном переходе граждан на цифровые носители, в том числе в коммунальном управлении [1, с. 15]

Хочется обратить внимание, что сегодня некоторые известные архитекторы и деятели культуры высказывают негативное отношение к тому, как некорректно цифровые технологии внедряются в архитектуру домов: современному человеку все более активно предлагают пожертвовать приватностью ради удобств. Создавая «умный дом», архитекторы настолько переключили свое внимание на создание удобств за счет технологий, что перестали замечать их возможную опасность. При этом международные корпорации, производящие электронику, смотрят на архитектуру как на источник для внедрения новых технологий и получения прибыли, и также закрывают глаза на проблему их опасности для человека. Современный «умный дом» оснащен множеством сенсоров, которые отслеживают и записывают действия людей, находящихся в доме. Например, современная система отопления с элементами «умного дома» Nest использует датчики движения для фокусировки инфракрасных лучей именно на людях, которые передвигаются по дому. Другая система «умного дома» заключается в использовании смартфона вместо обычного ключа, чтобы закрыть дверь, или беспроводного звонка, который позволяет узнать, кто находится за дверью, не вставая с дивана. Сложно предположить, что человек будет особенно счастлив, если в «умном доме» у него не останется никакой личной жизни. Многие скажут, вслед за О. Хаксли: «Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзии, настоящей опасности, хочу свободы, и добра, и греха» [5, с. 21].

Сегодня массмедиа все чаще сообщают об утечках данных, о новых системах слежки, о прослушивании личных мобильных телефонов: слишком много места в нашей жизни занимают технологии, нарушающие конфиденциальность. При этом некоторые исследователи полагают, что исчезновение личной тайны в 21 веке — это шокирующее

открытие, но с ним надо смириться: надо забыть о конфиденциальности [7]. Другие настроены еще более радикально: личную тайну вообще следует отменить, поскольку порядочному человеку скрывать нечего. С этим трудно согласиться: даже порядочному человеку хочется сохранять в секрете свои личные, финансовые или медицинские сведения. И компании, производящие информационные технологии обязаны об этом позаботиться. Общество должно заставить их это сделать. Сегодня в Европе гражданские активисты 27 января отмечают День конфиденциальности данных (Data Privacy Day). Это прекрасная инициатива, и ее важно популяризировать, сделать международной. Иначе наш «умный дом» станет для нас стеклянным аквариумом, а мы все превратимся в «золотых рыбок» для кибервандалов.

Еще одна серьезная проблема будущего общества 5.0. — дегуманизация общественного пространства в результате формирования технократического общества, что способно привести к настоящей антропологической катастрофе. Одним из первых эту антропологическую катастрофу технократического общества предсказал Эрих Фромм, назвав человека, погруженного в виртуальное зазеркалье, “моноцеребральным” — человеком одного измерения. Для моноцеребральной личности характерна определенная форма нарциссизма, при которой все нацелено на достижение успеха. Сегодня успех — это возможность обладать супер-новым. Эрих Фромм поставил точный диагноз моноцеребральному кибернетическому человеку, назвав его аутистом — больной личностью больного мира. Отличительные черты аутизма — неразличение живой и неживой материи, отсутствие привязанности (любви) к другим людям, использование языка не для общения, а для манипуляции, а также преимущественный интерес не к людям, а к машинам и механизмам. Если паталогические процессы распространяются на все общество, то они теряют индивидуальный характер: тогда вся культура настраивается на этот тип паталогии и находит пути и средства для ее удовлетворения [3].

Психологи, нейробиологи и психотерапевты сегодня с тревогой пишут о том, что «цифровое слабоумие» в эпоху тотального увлечения человека гаджетами — это медицинский диагноз [6]. Сам термин «цифровое слабоумие» («digital dementia») пришел из Южной Кореи, раньше всех вступившей на путь внедрения цифровых технологий. И врачи стали отмечать, что все больше подростков, увлеченных миром гаджетов, страдают расстройством внимания, когнитивными нарушениями, подавленностью и депрессией. Более того, современные исследования нейробиологов показали, что в мозгу таких пациентов наблюдаются паталогические изменения, схожие с ранней стадией слабоумия, обычно развивающейся в старости. Достаточно указать на фундаментальный труд нейрофизиолога, директора психиатрического госпиталя при университете в Ульме (Германия), основателя Центра нейронаук и обучения Манфреда питцера «Антимозг. Цифровые технологии и мозг» [4].

Понятно, что остановить технический прогресс нельзя: никто не хочет прослыть ретроградом, противником новых технологий. Но обществу необходимо знать о рисках, которые несут новые цифровые технологии подрастающему поколению. С одной стороны, эти технологии обеспечивают удобство и комфорт, ускоряют и облегчают многие виды деятельности. Но у новых технологий есть обратная сторона: они опасны для детей и подростков, и это необходимо учитывать. Важно вовремя принять меры, чтобы оградить детей от тотального погружения в мир гаджетов, что реально угрожает им в обществе 5.0.

Вслед за Никласом Луманом хочется подчеркнуть: понятие риска указывает на будущее. Это указание само по себе выводит нас за пределы нынешнего состояния дискуссии

[2] Поэтому дискуссию о предотвращении опасностей и рисков «супер-интеллектуального общества 5.0.» важно продолжить. И продолжить не только в научном формате, но и в вузовской аудитории, среди молодежи и студентов. Именно молодому поколению предстоит сформировать это общество, поэтому они должны сегодня разобраться в опасностях и рисках этого амбициозного интеллектуального проекта.

Библиография

1. *Василенко И.А.* “Умный город” как социально-политический проект: возможности и риски смарт-технологий в городском ребрендинге // *Власть*. 2018. № 3. С. 12–19.
2. *Луман Н.* Риск и опасность // *Отечественные записки*. 2013. № 2.
3. *Фромм Э.* *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Аст, 2008. 447 с.
4. *Шпитцер М.* *Антимозг. Цифровые технологии и мозг*. М., 2014. 288 с.
5. *Хаксли О.* *О дивный новый мир*. М., 2017. 298 с.
6. *Greenfield S.* *Mind Change: How Digital Technologies Are Leaving Their Mark On Our Brains*. N.Y.: Random House, 2015. 368 с.
7. *Rengel A.* *Privacy in the 21st Century*. Saint Thomas University School of Law. Miami, 2013. 268 p.

Гончаров И.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Формирование дидактических единиц представляет собой один из основных элементов подготовки учебного материала. В процессе преподавания политической науки преподаватель неизбежно встречается с проблемой отношения внешней и внутренней политики, а также с проблемой соотношения традиционных политических идеологий с внешнеполитическими стратегиями. Наиболее простой способ решения этой проблемы связан с разделением и даже противопоставлением внутрисоветской политики и системы международных отношений, а также с противопоставлением государственного и международного права.

Кажущаяся простота решения, вместе с тем имеет довольно высокую цену, а именно, раздвоение политической науки, связанное с превращением международной политической науки в некую закрытую сферу, доступную только профессионалам. Такое мнение, как нам представляется, на сегодняшний день является преобладающим. Вместе с тем, политическая наука сегодня обладает достаточными ресурсами способными опровергнуть это весьма распространенное и не совсем обоснованное представление. Вместе с тем, отнюдь недостаточно изменить мнение научного сообщества, необходимо, чтобы идея единства внешней и внутренней политики государства превратилась в набор устойчивых тезисов, способных сформировать целостную дидактическую единицу.

На наш взгляд, существенным элементом, предваряющим данную работу может служить формирование у студентов единого представления о либерализме и как идеологии и как внешнеполитической стратегии. Решение поставленной задачи связано с синтезом следующих единиц, усвоенных студентом ранее. Речь идет об основах экономического либерализма и специфике формирования американского национализма в период первой мировой войны.

Идея универсального экономического субъекта с его правом на индивидуальное счастье и экономическую свободу, в той или иной степени закладывала основу новых моральных ценностей и правовой системы, отрицающей партикуляризм и национализм. Идеология либерализма в своей экономической основе была универсальной, в то время, как по форме своего проявления она реализовывалась как частное, то есть гражданское право.

Свое окончательное завершение и формирование либерализм как модернистский проект приобретает не в Европе, но на американском континенте и связан с деятельностью Вудро Вильсона. При этом стоит отметить, что этот проект создавался Вильсоном не как профессором теоретиком, но как практиком и Вильсоном президентом. Это значит, что эта стратегия не выработывалась в кабинете как некая умозрительная схема, что было характерно для множества социалистических идей, но представляла собой комплекс инициатив и компромиссов, вырабатываемых в условиях внешней и внутренней политики США в период первой мировой войны. Этот период ознаменован выходом США из изоляции, основывающейся на доктрине Монро и вступление в мировую политику как суверенного национального государства. При этом, американский национализм как идеология должен был сформироваться и на основании подобия европейским национализмам, с одной стороны, и как альтернатива последним с другой.

Основной характерной чертой американца является предприимчивость. Вильсон в своих предвыборных речах говорит о том, что возрождение нации должно начаться снизу, то есть с тех людей, которые ведут каждодневную борьбу с обстоятельствами и побеждают, то есть не те «кто стоят на берегу, но те, которые плывут против течения» [2, р. 80]. При этом, это качество американцев не является врожденным, но приобретает каждый гражданином в условиях американской демократии. В каждом человеке заложена универсальная основа в виде *homo oeconomicus*, но национализмы и партикуляризм европейских государственных образований мешают ей проявиться в полной мере. Условием превращения иммигранта в гражданина США является отказ от своей национальной основы и от связи с исторической родиной. «Человек, который считает себя, принадлежащим к особой национальной группе в Америке, еще не стал американцем, и, человек, корыстно использующий свою прежнюю национальную принадлежность, не достоин жить под звездно-полосатым флагом... Америка создана для того, чтобы объединить человечество» [1, с. 73] Таким образом, национальность американца результат некой инициации, второго крещения, в результате которого отрицается узость национального и особенного политического видения мира. Именно поэтому обретенная идентичность становится в позицию старшего брата по отношению к европейским национальным идентичностям, поэтому, американцы в большей степени обладают разумением в международных делах «Я думаю об Америке. Наша великая страна должна показать себя в это особое время испытаний нацией, способной более других продемонстрировать бесстрастное суждение, самообладание, разумность в действиях, нацией, которая будет делать то, что является честным бескорыстным и подлинно полезным для мира в мире» [1, с. 74]

Такое определение американского национализма определяло и внешнеполитическую стратегию США в период Первой мировой войны. В отличие от Германии, стремящейся к доминированию и контролю на суше, Великобритании, стремящейся сохранить контроль над морем, США выдвигают в качестве стратегии защиту интересов американских граждан. В этом отношении идеология, обеспечивающая внешнюю политику США, существенно отличалась от планов европейских держав, которые не скрывали своего стремления контролировать как можно больше пространства.

Именно это мировоззрение позволяло США выйти за пределы международного права на основе модели баланса сил и создать некий метауровень, позволяющий создать новую систему измерения и оценки международной политики. Ни одна из европейских внешнеполитических стратегий не была на это способна. Национальная стратегия США была связана с защитой интересов своих граждан. Эти интересы не определялись ни национальными, ни конфессиональными особенностями, но выражали интересы космополитического субъекта, каковым являлся homo oeconomicus. Именно таковыми являлись интересы граждан США, прошедшие инициацию или второе крещение на американском континенте. Таким образом, национальная политика превращалась в интернациональную. Эта трансформация была обусловлена наличием как бы двойной системы права, а именно публичного и частного. В сфере публичного права формировались национальные стратегии, воплощавшие в себе особенности национального интереса, самосознания, культуры и пр. Эта сфера партикуляризма отделяла частную сферу одного государства от другого, скрывая тем самым подлинную сущность публичности как реализацию подлинных и универсальных интересов человека. В этом отношении, США воспринимали себя как первую демократию среди других демократий, стремясь в той или иной степени превратить мировую войну в борьбу республиканизма против деспотизма. Поэтому В. Вильсон поначалу придавал такое значение февральской революции в России. «Великий, великодушный русский народ присоединился во всем своем первозданном величии и мощи к силам, борющимся за свободу в мире, за справедливость и мир. Это достойны партнер в лиге чести» На этом же дипломатическом приеме, как отмечает А. И. Уткин, Вильсон впервые применил прием, впоследствии превратившийся в основное орудие либерализма, а именно, отделил правительства от народа [1, с. 135]

Как мы видим, переплетение изоляционизма, особенностей формирования национальной стратегии, позволили США превратить либерализм из политической идеологии в международную стратегию, стремящуюся к тому, чтобы стать основой международного права.

Библиография

1. Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989.
2. Woodrow Wilson The new freedom. A call for emancipation of the generous energies of a people. N.Y., 1918.

Жилкин А. Д.

ОСВЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗРАБОТКИ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ В КУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ: КОНКУРЕНЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

Понимая невозможность охватить все, мы постарались взять отдельные идеи, которые представляли интерес в период разработки Конституции и сохраняют актуальность сегодня.

В работе над Конституцией России 1993 г. можно отметить три больших этапа. Первый — 1990–1991 гг. Он охватывает период с момента принятия решения о создании

Конституционной комиссии (далее — КК) на I Съезде народных депутатов РСФСР (далее — СНД) и до официального оформления распада СССР в декабре 1991 г. Основные черты и тренды: начало независимой политики России, активное государственное строительство, формирование вертикали исполнительной власти (пусть и пока в составе СССР); противостояние с Союзным центром и парад суверенитетов российских автономий; рождение нового дизайна власти и утверждение президентской республики, закрепленных позднее в Конституции; определение концепции экономической реформы и ее приоритет над политической.

Второй этап — 1992 г. Основные черты: Россия выступает в качестве независимого государства; начало проведения радикальных экономических реформ, приведших в конце года к острому конфликту президента и парламента и кризису двоевластия; разочарование в Западе, не оказавшем ощутимой финансовой помощи российским властям; рост сепаратизма российских регионов.

Третий этап — 1993 г. Основные черты: провал попыток найти компромисс в конфликте президента и парламента в начале года; переход кризиса на поле конституционной реформы: с апреля между собой конкурируют два проекта — КК и «президентский»; острая фаза противостояния осенью завершается победой президента; принятие новой Конституции, написанной «победителями», закрепление в ней широких полномочий президента, принципов конституционной федерации; выборы в новый парламент.

Каждый из этапов был отмечен всплеском активности в конституционном творчестве, когда различные политические и общественные силы представляли свои проекты. На первом — ее пик пришелся на осень 1990 г., когда готовился первый проект нового Основного закона (далее — ОЗ). На втором — на начало года, накануне VI СНД, на котором ожидалось принятие нового ОЗ. На третьем — на весну-лето 1993 г., когда шла дискуссия вокруг вариантов текста КК и «президентского».

Основные идеологические направления, конкурировавшие между собой, представляли сторонники либеральных, социалистических и национально-патриотических идей. Первые имели поддержку во власти и на Западе, но часто разбивались о российскую действительность, вторые тесно ассоциировались с прежней политической системой, из-за чего вызывали негатив в обществе, третьи не обладали собственной мощной ресурсной базой, к тому же оппоненты из числа либералов пытались нацепить на них ярлык «фашисты». Также возникали группы, предлагавшие синтез идей.

Первый этап — время общественного подъема, реальной конкуренции идей. Доминирующим направлением стал «антикоммунизм», объединивший многих сторонников преобразований, демократизации общества и направленный на слом властной монополии КПСС.

Одно из ярких проявлений этого тренда — стремление членов КК деидеологизировать будущий ОЗ. Западные эксперты отмечали, что либерализм — это тоже идеология.

В начале 1992 г. раскол в рядах либералов проявился на конституционном поле: в противовес тексту КК, появилось два проекта сторонников радикальных реформ — Алексеева-Собчака и Шахрая. Если КК отстаивала принцип «сильный президент — сильный парламент — ответственное правительство», то окружение Б.Н. Ельцина отводило ведущую роль президенту.

Проекты коммунистов: попытки модернизировать свои подходы в вопросах политического плюрализма, прав человека и собственности.

Проекты сторонников национально-государственного подхода: преемственность — от Руси к современной России, в т.ч. в вопросах гражданства.

Идея разделения властей возникла в расколотом обществе, хорошо вписывалась в российский контекст в начале 1990-х гг. и использовалась различными политическими силами. Молодежная фракция «Смена — Новая политика» выдвигала альтернативный тезис: власть — едина, разделены должны быть функции внутри нее.

Импорт западных идей. «Очарование» Западом при недостатке критического осмысления на первом этапе сменилось разочарованием к концу второго и было вызвано провалом первоначальных планов радикальных экономических реформ, что отразилось на восприятии либеральных идей и ценностей. Один из лидеров либерального движения Г.Х. Попов и в начале 1992 г., и в начале 1993 г. говорил о слабости и разрозненности «демократов» [3, с. 1058]. А экс-глава администрации президента С.А. Филатов позднее отмечал отсутствие у команды Б.Н. Ельцина единой программы преобразования страны и фрагментарность идей [6, с. 430–431].

Несмотря на все «провалы» либералов, попытки произвести радикальную ревизию ОЗ и сблизить его с западными конституционными формами предпринимались группами лоббистов и при В.В. Путине [7, с. 280–281].

Приоритет международного права над национальным: идея появилась в первой редакции текста и была реализована в Конституции 1993 г. (ст. 15, п. 4)

Наконец, конституционализм как идеология для России. Сторонниками этой идеи являются такие активные участники политических событий начала 1990-х гг., как бывший Государственный секретарь Г.Э. Бурбулис и Секретарь КК О.Г. Румянцев. Первый предлагает рассматривать конституционализм как систему ценностей для нашей страны [1, с. 717]. Второй делает акцент на важности не столько редакции текста, сколько на реальной готовности властей жить по нему, эта задача, по его словам, в полной мере не решена и по сей день [4, с. 16, 295, 297].

Разработка Конституции 1993 г. позволила создать базу идей, которые могут быть использованы при внесении поправок в действующий ОЗ или разработке нового, когда для этого придет время.

Библиография

1. Бурбулис Г.Э. Российский конституционализм как гуманитарно-правовая модернизационная стратегия развития России // Из истории создания Конституции... Т. 6.
2. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / Под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2007–2010.
3. Попов Г.Х. Проблемы нашего конституционного процесса // Из истории создания Конституции... Т. 4, ч. 1. С. 1058.
4. Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. М., 2013.
5. Создано Российское движение демократических реформ / Коммерсантъ. 1992. 24 февраля. № 108.
6. Филатов С.А. Совершенно несекретно. М., 2000.
7. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. М., 2013.

Завершинский К.Ф.

**ДИСКУРС ПАТРИОТИЗМА
В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Эффективная реализация политики государственного суверенитета и национальной безопасности невозможна без устойчивой легитимации политического порядка в национальном пространстве. Важнейшим политико-культурным условием подобной легитимности является патриотическое сознание и поведение граждан национального сообщества, свидетельствующие не только об устойчивости политических коммуникаций, но и готовности граждан при реализации своих личных интересов следовать отдавать приоритет интересам сохранения политического суверенитета государственного и национального пространства. Патриотическому поведению всегда сопутствует и соответствующий политический дискурс, то есть относительное согласие в обществе по поводу понимания смысла патриотизма, проявляющееся в политических практиках и символических компонентах национальной памяти.

Нынешний интерес «масс-медиа» и политических элит к патриотическим основаниям властных отношений и желание отыскать «идейный стержень» национальной консолидации свидетельствует о постепенном выходе российского общества из состояния социально-политической аномии периода распада советской государственности и стремлении сформировать новые устойчивые коммуникативные структуры между обществом и публичной властью. Показательно, что поиски устойчивых идейных оснований патриотизма с момента институционального оформления современной российской государственности заставлял участников публичных дебатов постоянно обращаться к культурно-историческим основаниям и формам российских патриотических практик. Прежде всего — к религиозной традиции патриотизма, достаточно последовательно связывающей его с идеалом христианской любви и коллективным служением монархическому отечеству и советскому опыту национальной консолидации и мобилизации на основе приоритета государственного патриотизма. Вместе с тем, в *социологическом измерении*, современные версии «патриотизма» и «патриотического дискурса» продолжают оставаться обремененными односторонними идеологическими коннотациями. Исследование политико-культурной динамики дискурса патриотизма в современном российском обществе предполагает ответ на вопросы: в чем проявляется конкретно-историческая специфика и «универсальность» природы феномена патриотизма, обуславливающая его жизненность в современных практиках символизации политической реальности; какие социальные функции он выполняет в современном обществе и какие его символические репрезентации могут составить основу патриотических убеждений и практик?

Ответ на подобные вопросы предполагает выход за рамки традиционных интерпретаций феномена патриотизма в русле социально-философского и социально-психологического анализа эволюции дискурса патриотизма, описывающих его с аксиологических позиций «праведного и греховного патриотизма» (Г. Флоровский), критики «эгоизма патриотизма» (В. Соловьев), «корыстного патриотизма» (Е.Н. Трубецкой) или приоритета «либерально-демократических», социалистических, «консервативных»

или иных идеологических ценностных ориентаций¹. Не подвергая сомнению значимость исследования специфики содержания патриотических убеждений в контексте российской социально-философской мысли и прагматических «узусов» дискурса патриотизма в современных СМИ [3, с. 189–201], существует насущная необходимость в социологических, комплексных моделях социокультурной динамики этого феномена.

Социологические трактовки патриотизма так или иначе связывают его с процессами социальной идентификации и, соответственно, с теоретическими моделями социальной и политической идентификации многообразных территориальных этнокультурных сообществ. Патриотизм в этом теоретическом контексте можно рассматривать как результат групповой идентификации на основе оформления коллективно-значимых представлений о месте индивида в группе («интернационализации» частных представлений) и социально-территориальном местоположении этой группы [6, р. 61–68]. Социальной основой патриотизма можно считать отношения принадлежности (членства) к конкретной группе и территории на которой они проживают. По этому основанию можно выявить многообразные формы патриотизма: локальный, этнический, региональный, социально-политический и, наконец, многообразные формы патриотизма, возникающие в национальных (дифференцированных и комплексных) сообществах и их объединениях. *Функциональная роль политического патриотизма как сети солидарных отношений и коллективных представлений — мобилизация людей в условиях принятия и реализации социально-политических решений, сопряженных с ресурсными издержками, предполагающих ограничение и отказ членов общества от удовлетворения ранее сложившихся потребностей (вплоть до готовности пожертвовать жизнью) ради обеспечения коллективной безопасности и развития общества.* На уровне социополитических и национальных сообществ патриотические представления играют важную роль в практиках легитимации и самолегитимации политическими элитами своей активности по созданию и поддержанию государственных институтов.

Существенным фактором оформления патриотических убеждений является оформление социальной (коллективной памяти) и ее символических фигур. Хотя в основании патриотических представлений лежит взаимосвязь эмоционально-чувственных образов (мифических в своих основаниях) «родной» земли и «родного сообщества», ядро его составляет комплекс представлений, убеждений выступающих своего рода «линзой» коллективного мировидения для преодоления рисков и опасностей, и разрешения конфликтных ситуаций. Самой очевидной репрезентацией наличия такого рода убеждений можно считать семантические конструкции типа: «Я люблю своих людей и страну», «Я верен своей стране», «Я несу ответственность за свой народ и отечество» и «Я готов к жертвам ради страны». Некоторые исследователи, обоснованно на наш взгляд, выделяют в качестве семантически связанных с патриотизмом коллективных представлений о справедливости, приоритетных целях совместного существования, безопасности, единстве, мире и согласии внутри конкретных сообществ, специфики трактовки жертвенности (самовиктимизации) и, соответственно, образцы положительного «героического» и отрицательного, «враждебного» (антипатриотического) поведения) [4; 5, р. 61–68].

¹ Автор тезисов более подробно выявляет специфику подобного дискурса патриотизма в статье: *Завершинский К.Ф.* «Эрос» и «танатос» российского дискурса патриотизма // Вестник Новгородского государственного университета. 2000. № 16. С. 36–45.

Именно на этой основе возникают разграничения «праведного» и «неправедного» патриотизма или их социологические реконструкции в виде позитивного («конструктивного») и негативного («деструктивного») патриотизма. В отличие от второго, первый, как полагают либерально-ориентированные исследователи, предполагает идеологический консенсус консерваторов и либералов, он менее идеологизирован («идеологически аналитичен») и основан на гражданском участии. Это сопровождается идеологическими ремарками, о том, что авторитарно и консервативно ориентированные члены сообществ на первый взгляд более привержены чувству патриотизма, но конструктивный патриотизм более характерен «критически» ориентированным либералам [5, p. 63–77].

Подобная интерпретация хотя и позволяет использовать эмпирические индикаторы уровня патриотизма сохраняет очевидную приверженность субъективной аксиологии частного дискурса патриотизма. Более аргументированной следует считать позицию, что у любой формы патриотизма (независимо от ее идеологических экспликаций) может присутствовать, обозначится как позитивное, так деструктивное измерение. Одним, но не единственным, важным источником деструктивного патриотизма можно считать «монополизацию патриотизма» (Bar-Tal) отдельными группами, связанную с практиками насильственного исключения членов общности и других сообществ из патриотического дискурса, что ведет, в частности, к «этноцентрическим» и «шовинистическим» формам патриотизма.

Таким образом, социологический анализ феномена патриотизма и его дискурсивных репрезентаций в современной России предполагает использование теории социальной идентификации и междисциплинарных конструктивистских моделей культурно-исторических форм солидарности, представленных в символических фигурах политической памяти, содержание которой не сводимо к частным, субъективным групповым дискурсам. Уместно в связи с этим вспомнить ремарку Ю.Лотмана о значимости убеждений в культуре, адаптируя ее к культурантропологическим основаниям патриотизма. «Единство мысли и жизни — трудная вещь, — писал он, — потому что жизнь иногда просто требует способности пожертвовать собой» [2, с. 286], в такой же степени качество патриотических убеждений национального сообщества измеряется «простой вещью»: готовностью граждан заплатить за них жизнью.

Библиография

1. *Завершинский К.Ф.* «Эрос» и «танатос» российского дискурса патриотизма // Вестник Новгородского государственного университета. 2000. №16. С. 36–45.
2. *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб., 2005. 624 с.
3. *Мансурова В.Д.* Патриотический дискурс в сетевом пространстве СМИ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 189–201.
4. *Bar-Tal D.* Patriotism as fundamental beliefs of group members // *Politics and Individual*. 1993. Vol. 3. № 2. P. 45–61.
5. *Bar-Tal D., Teichman Y.* Stereotypes and Prejudice in Conflict. Cambridge. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 483 p.
6. *Huddy L., Khatib N.* 2007. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // *American Journal of Political Science*. Vol. 51, No. 1, January. P. 63–77.
7. *Patriotism in the life of individuals and nations / Eds. D. Bar-Tal, E. Staub.* Chicago: Nelson-Hall, 1997. 336 p.

Заляев Р.И.

ВКЛАД РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Российские ученые внесли существенный вклад в становление и развитие теории политического представительства. Политическое представительство является сегодня одной из важных категорий современной политической науки. Это вытекает из того, что принцип политического представительства — один из фундаментальных и неотъемлемых элементов современной демократии, ведущий механизм осуществления власти в современных демократических государствах. Именно с помощью принципа политического представительства происходит формирование органов государственной власти и местного самоуправления, именно через политическое представительство граждане получают возможность переносить свои требования в сферу принятия политических решений.

Существенный вклад в становление и развитие теории политического представительства внесли такие российские дореволюционные ученые как В.В. Водовозов, В.М. Гессен, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, П.И. Новгородцев, М.Я. Острогорский, К.Н. Тахтарев, В.М. Устинов, Б.Н. Чичерин и др. Значительная часть работ данных ученых посвящена рассмотрению истории формирования и развития политического представительства, выяснению его сущности, описанию и анализу основных форм политического представительства. Многие идеи о политическом представительстве названных отечественных ученых дореволюционного периода не утратили своего значения и в настоящее время. Однако работы этого периода еще носят в основном теоретический характер. Их авторы не могли опираться на обширный эмпирический материал, так как в период их творчества практика политического представительства начинала только складываться. Хотелось бы отметить особо сочинение крупнейшего российского дореволюционного государствоведа Б.Н. Чичерина «О народном представительстве» [7], которое является одним из первых фундаментальных трудов, посвященных исследованию понятия «народное представительство». Надо отметить, что это сочинение было издано практически одновременно с сочинением всемирно известного английского ученого и политического деятеля Дж.Ст. Милля «Представительное правление» [6], что говорит о том, что российская дореволюционная юридическая и политологическая мысль не отставала от западной, и многие идеи и теории развивались одновременно.

Дальнейшее развитие в отечественной науке теория политического представительства получила в трудах российских ученых советского периода. В это время происходит резкий пересмотр проблемы взаимоотношения представителя и избирателей с теории свободного мандата в сторону теории императивного мандата. В советских научных источниках начала 20-х годов XX века при разработке теории политического представительства большое внимание уделялось вопросу недопустимости отрыва депутатов от народа и возможности народа непосредственно участвовать в определении политики. Например, С. Бродович писал: «Только установление принципа ответственности депутатов перед избирателями, допущение императивных мандатов, установление периодических отчетов перед избирателями и ничем не стесненное право отзыва депутатов при непременно условии производства выборов по коллективам, продолжающим

существовать и после выборов, может действительно обеспечить контакт посланных с посланными и гарантировать, что первые не оторвутся от масс» [1, с. 58–59]. Такой же подход мы обнаруживаем и у Г.С. Гурвича: «Быть членом совета не значит у нас оторваться от своей будничной работы, вдруг чудесным образом выскочить из натертой лямки и стать барином. Продолжать делать свое повседневное дело, обращаться с массами деловым общением, постоянно сознавать интерес производственной организации, представлять его в совете и проводить в жизнь, на самом себе, испытывая плоды своей законодательной работы, — такова задача советского народного представителя» [3, с. 117]. Также, одной из особенностей в понимании императивного мандата в этот период являлось то, что депутаты не признавались самостоятельными субъектами политического процесса. Политическое представительство рассматривалось лишь как средство непосредственного осуществления власти. Понимание политического представительства через призму императивного мандата сохраняется на протяжении всего советского периода правления.

Дальнейшее существенное развитие в отечественной науке теория политического представительства получила в трудах российских ученых в конце XX — начале XXI веков. Особенностью этого периода является возвращение к рассмотрению теории политического представительства через призму основных принципов демократии и включение в исследование политического представительства, наряду с правоведами, и отечественных политологов. Например, проблема сущности и политико-правовой природы политического представительства анализируется в работах современных российских ученых С.А. Авакьяна, А.С. Автономова, П.А. Астафичева, А.В. Барина, Н.А. Богдановой, К.С. Гаджиева, В.И. Даниленко, Д.П. Зеркина, Р.И. Заляева, Л.А. Кравченко, С.В. Масленниковой, В.П. Пугачева, А.И. Соловьева, С.В. Устименко, Н.В. Щербаковой и др. В этих работах проблема сущности политического представительства исследуется через призму реализации демократии. Например, в политической энциклопедии, в статье «Представительство политическое» профессор К.С. Гаджиев отмечает, что «в своем первоначальном и наиболее распространенном в политическом лексиконе значении «представительство» подразумевает принцип делегирования определенной группой лиц, партией, классом конкретному человеку, организации, органу полномочий для отстаивания своих интересов в структурах власти» [2, с. 219]. В Современном политологическом словаре представительство рассматривается как «принцип представления в силу выборов или (постоянной) привилегии, в форме свободного (общенационального) или императивного мандата. ... Политическое представительство на основе процессов волеизъявления и принятия решений может удостоверяться как свободным (общенациональным) мандатом (связанным, когда депутат принимает решение, руководствуясь собственной совестью), так и императивным мандатом (связанным с наказами тех, кого депутат представляет)» [4, с. 685–686]. Профессор Д.П. Зеркин под делегированием полномочий понимает процесс передачи сообществом (электоратом, его частью) доверенному органу или отдельной личности (своему представителю) права говорить и действовать от ее имени, представлять, защищать ее интересы, выражать ее властную волю, а механизмом реализации принципа представительства, процесса делегирования власти считает выборы [5, с. 203–205].

Проблема функционирования политического представительства в многосоставных полиэтнических государствах исследуется в трудах современных отечественных авторов Э.Х. Аетдинова, Э. Кисриева, В.И. Лысенко, П.И. Савицкого, И.Ф. Сафина, М.Х. Фарушина, Л.М. Энтина и др. Помимо теоретического анализа, большой интерес в данных работах представляют анализ конкретного опыта функционирования механизмом

политического представительства в многосоставных полиэтнических государствах, а также рекомендации по совершенствованию этих механизмов в целях их дальнейшей демократизации.

Проблема реализации политического представительства при формировании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации исследуется в работах современных отечественных ученых Ф.Т. Алескерова, С.А. Белова, Ю.А. Веденеева, Г.В. Голосова, А.В. Зиновьева, В.Е. Кораблина, В.В. Лапаевой, В.И. Лысенко, А.Е. Любарева, Б.И. Макаренко, В.В. Платонова, И.С. Поляшовой, А.Е. Постникова, Б.А. Страшуна, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина, Н.Б. Яргомской и многих др.

Анализ отечественной научной литературы позволяет сделать вывод, что в большинстве современных научных работ, в которых в той или иной степени рассматриваются различные аспекты политического представительства, особое внимание акцентировано на исследовании избирательных систем как механизма реализации демократического политического представительства. Однако специальных работ, посвященных непосредственно исследованию сущности и теории политического представительства, в целостном виде пока нет. В свете этого можно сказать, что теория политического представительства в отечественной политической науке еще не получила должного научного освещения и требует дальнейшего исследования.

Библиография

1. *Бродович С.* 1923. Основные элементы советской избирательной системы // *Власть Советов.* № 4. С. 41–69.
2. *Гаджиев К.* Представительство политическое. *Политическая энциклопедия.* в 2 т. Т. 1 / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю. Семигин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999.
3. *Гурвич Г.* Основы Советской Конституции. М.: Государственное издательство, 1922.
4. *Даниленко В.* Современный политологический словарь. М.: NOTA BENE, 2000.
5. *Зеркин Д.* Основы политологии: Курс лекций. Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
6. *Милль Дж.С.* Представительное правление. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1897.
7. *Чичерин Б.* О народном представительстве. М.: Типография Грачева и Комп, 1866.

Знаменский Д.Ю.

О СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ И ПРЕПОДАВАНИЮ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Исследование проблематики формирования, реализации и оценки публичной политики в современной России обусловлено динамичностью развития отечественной политической системы. Думается, что это развитие проявляется, помимо прочего, в появлении новых технологий политической коммуникации, усложнении роли СМИ, значительном росте «веса» интернет-коммуникации в политике.

Предваряя рассмотрение вопросов изучения публичной (а точнее — государственной) политики, нельзя не подчеркнуть, что с позиции политической науки ее целесообразнее трактовать не как одностороннюю деятельность государства, его органов и должностных лиц, а как результат взаимодействия государства, институтов гражданского общества и других заинтересованных структур [2, с. 86–97]. Развивая

данную мысль, некоторые исследователи рассматривают государственную политику как социальный процесс по решению общественно-значимых проблем, включающий формирование рабочих сетей, в которых взаимодействуют государство и гражданское общество [1, с. 109].

Логика системного анализа предполагает последовательное раскрытие основных элементов государственной политики. К таковым вполне можно отнести нормативные основы политики, специфику области ее осуществления, технологии целеполагания и целедостижения, а также анализ политических институтов, принимающих участие в ее формировании и реализации. При этом принципиальным моментом авторского подхода к проблеме выступает необходимость рассмотрения всех вышеназванных компонентов политики в увязке с временным фактором, т.е. в динамике.

Представляется логичным предположение, что само содержание публичной политики определяет наличие как минимум трех ее измерений: пространственного, временного и технологического. Первое отражает область осуществления публичной политики, а также задействованные в процессах ее формирования и реализации политические институты и государственные органы. Второе предполагает выделение ряда этапов жизненного цикла государственной политики, а именно ее формирования, реализации и оценки ее результативности и эффективности. Третье характеризует технологии взаимодействия общества и государства в рассматриваемых процессах. Подобный подход можно назвать системно-динамическим [3, с. 245–248].

При детальной характеристике пространственного измерения публичной политики, следует отметить два принципиальных момента. Во-первых, существенное, а зачастую и определяющее значение имеют нормативно-правовые и концептуальные основы политики, задающие ее основные направления и методы реализации. Во-вторых, как уже отмечалось, не меньшего внимания требуют ее институциональные основы, т.е. то, какие органы государственной власти отвечают за разработку и реализацию государственной политики, а также то, какие политические институты заинтересованы в данном направлении государственной политики.

В процессе анализа временного измерения публичной политики представляется логичным выделение такой категории, как «жизненный цикл политики», включающий последовательно повторяющиеся стадии формирования политики, ее реализации, оценки и корректировки. Также представляется важным различать участие тех или иных политических институтов в исследуемых процессах на стадии формирования публичной политики, ее реализации и оценки. Так, на первой стадии, органы государственной власти могут привлекать, к примеру, некоммерческие организации или объединения делового сообщества к подготовке проектов решений в предметной области государственной политики, проведению экспертиз, а также на основе конкурсов к выполнению проектов, финансируемых за счет средств бюджета. Вместе с тем нельзя не отметить, что в настоящее время существенное снижение роли политических партий и общественно-политических движений в процессах формирования государственной политики. Что же касается непартийных политических институтов (к которым следует отнести и упоминавшиеся выше НКО), то их роль зачастую сводится к номинальной. Между тем значение указанных структур возрастает на стадиях реализации государственной политики и ее оценки. К примеру, они могут выступать получателями бюджетных средств по целевым программам, а также осуществлять общественный контроль за их реализацией.

Что касается третьего, технологического измерения государственной политики, то оно, как уже отмечалось выше, сопряжено с комплексом методов взаимодействия

общества и государства на всех этапах осуществления государственной политики. Так, представляется не требующим доказательств тот факт, что в условиях демократической политической системы властные субъекты не функционируют в «безвоздушном пространстве», а взаимодействуют с другими акторами публичной политики — представителями НКО, СМИ, экспертного сообщества. Это лишний раз подчеркивает необходимость наличия широкого спектра технологий такого взаимодействия, в котором заинтересованы не только указанные выше структуры гражданского общества, но и само государство. Вместе с тем, другой важной частью технологического измерения публичной политики служат технологии ее оценки. Последнее актуализируется, помимо прочего, всеобщей неудовлетворенностью существующими системами государственного управления, что свидетельствует о снижении его эффективности [4, с. 4–9]. Представляется важным также отметить, что проведение оценочных процедур необходимо на всех этапах жизненного цикла государственной политики.

Таким образом, системно-динамический подход может быть положен в основу исследования публичной политики в различных областях. Его методологический инструментарий может быть задействован также при разработке документов стратегического планирования — таких, как концепция государственной политики.

Библиография

1. *Гимазова Ю.В.* Государственное и муниципальное управление: учебник для бакалавров / Под общ. ред. Н.А. Омельченко. М.: Юрайт, 2013.
2. *Знаменский Д.Ю.* Теоретико-методологические основы исследования государственной политики // Социодинамика. 2016. № 3. С. 86–97.
3. *Сычев А.В.* Системно-динамический подход как методология исследования научного потенциала негосударственного вуза // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 13. С. 245–248.
4. *Шабров О.Ф.* Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. № 5. С. 4–9.

**Кадочников А.Н.
Ледовская Е.В.**

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЗНАНИЯ ГРАЖДАН КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Начало 80 — х годов XX века было ознаменовано коренным переворотом в сфере государственного управления. Кризис бюрократических структур, среди прочего, стал одной из причин этого переломного момента. Господствующая во всем мире структура управления, где государство является центральным звеном системы, задает параметры и характеристики развития общества, не смогла справиться с растущими потребностями свободы и участия в политическом процессе. Это послужило толчком к переоценке модели государственного администрирования к более гибкой и мягкой системе нового государственного менеджмента — «new public management».

Система нового государственного управления предполагает переосмысление старых и поиск новых механизмов и технологий организации обществ. Большинство иссле-

дователей обращают внимание на противопоставление двух технологий воздействия: манипуляция и гуманитарные технологии. Сегодня главенствующую роль, особенно в политических технологиях, играет манипулятивное воздействие, которое исследователи относят к жестким технологиям, как порождению тоталитарного мышления. Гуманитарные технологии рассматриваются в рамках ценностного подхода к политике и обществу в целом, главная цель которого состоит в стремлении к моральному прогрессу и публичному взаимодействию в обществе.

Гуманитарные технологии являются прорывом в системе управления. Они полностью соответствуют современным требованиям и моральям, отвечают демократическим ценностям и правам на свободу выбора, мысли, слова. В основе процесса указанной технологии лежит развитие и укрепление системы горизонтальных межличностных связей, продвижение гуманитарных ценностей, таких как добро, доверие, толерантность. И именно посредством такого влияния происходит формирование общей системы ценностей и ориентиров, необходимых для благоприятного развития общества и государства [1].

Одним из проявлений гуманитарных технологий является воздействие на сознание человека путем воспитания и просвещения. Отсюда следует, что эффективное государственное управление неразрывно связано с высоким уровнем образования и профессионализма.

Однако современное образование находится в состоянии кризиса: узкая ориентация специалистов как результат обучения, направленного на узко дисциплинарный подход. Современная парадигма образования должна строиться на идее целостности и фундаментальности знаний, а современная система образования должна выполнять превентивную функцию, то есть готовить человека к жизни в эпоху глобальных вызовов и кризисов [2].

По мнению авторов, таким требованиям отвечает экологическая культура и экологическое образование (как ее функциональная часть). Экологическая культура генетически взаимосвязана с фундаментом воспитательной и образовательной деятельностью. Сегодня она рассматривается не как часть культуры, равная по своему значению и содержанию культуре политической, правовой, нравственной и т.д., а та ее часть, которая образует основание культуры и является ее своеобразным стержнем. Сторонники данного подхода утверждают, что любая культура экологична. Взаимоотношения общества и природы существовали всегда, начиная с момента возникновения человека. Следовательно, культура, характеризующая взаимоотношения природы и человека, с момента своего возникновения носила экологические черты, имеет экологичную сущность, что позволяет использовать понятия «культура» и «экологическая культура» как одноуровневые понятия.

Экологическая культура и экологическое сознание (как следствие развитой экологической культуры личности) являются системообразующим компонентом гражданского сознания. Экологическое сознание формирует как этическую норму поведения человека, так и мотив гражданской активности. Она имеет все необходимые механизмы для развития гражданственности: формирует нравственные начала, учит самореализации в социуме, воспитывает экологическое сознание, нравственность, гражданскую ответственность человека не только перед ближайшим окружением, но и по отношению ко всей действительности, к глобальной экосистеме, а главное — служит основой благоприятного будущего грядущих поколений.

Для того, чтобы оценить уровень экологической культуры молодежи Центр экологической политики ЛГУ им. А.С. Пушкина совместно с факультетом политологии СПбГУ

провели интернет-опрос. Мы попросили студентов оценить уровень экологической культуры молодежи. По результатам опроса, 61% считают уровень «скорее низким, чем высоким»; 18% — «точно низкий»; 15% считают, что назвать уровень экологической культуры молодежи низким нельзя; и меньше 1% опрошенных определяют уровень культуры как «высокий». Таким образом, в совокупности 80% опрошенных считают уровень культуры недостаточно высоким, что ставит перед государством острую необходимость урегулирования данного вопроса.

Экологическое образование может не только удовлетворять познавательные потребности личности, способствовать ее интеллектуальному развитию, но также воспитывает чувство единства с природой, со страной и обществом. Из этого следует, что экологическое сознание и ответственное отношение к природе как универсальной ценности — новая важнейшая составляющая образования.

Библиография

1. *Щедровицкий Г.П., Островский Е.В.* Россия: страна, которой не было // Аналитический портал «Гуманитарные технологии». URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/466> (дата обращения 15.05.2018).
2. *Рубанова Е.В.* Проблемы современного экологического образования // Известия ТПУ. 2009. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennogo-ekologicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 20.07.2018).
3. *Кадочников А.Н., Чобану С.А., Ледовская Е.В.* Экология или экономика: консенсус или альтернатива? // Материалы международной научно-практической конференции «Экологическое равновесие». 2017. С. 41–48.
4. *Кадочников А.Н., Ледовская Е.В.* Экологическая культура и формирование гражданской ответственности современной молодежи // Материалы международной молодежной научной конференции «Образ будущего: 2030». 2018. С. 179–182.

Карабущенко П.Л.

КОНЦЕПЦИЯ ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДИАЛОГАХ «ПОЛИТИК» И «ГОСУДАРСТВО» ПЛАТОНА

Одна из первых концепций политического образования была разработана в философии Платона и воплощена им в стенах его Афинской Академии. Платоновская Академия в Афинах просуществовала более 900 лет (ок.385 до н.э. — 529 н.э.) [12, с. 44], поставив тем самым рекорд долголетия среди наивысших учебных заведений мира. Осуществленный Платоном образовательный проект стал эталоном для всех последующих аналогичных Академий, которые периодически возникали в разных частях света, знаменуя собой возрождение классической культуры и образования. Концепция элитного образования развитая Платоном в диалогах «Политик» и «Государство» заложила основу такого направления в общей элитологии, как элитология образования.

Платон первым установил прямую взаимозависимость между политическими кризисами, низким качеством профессионализма субъекта власти и его неудовлетворительной специальной подготовкой (образованием). Формула политического успеха зависит от гармонизации этих трех составляющих, т.е. умение управлять политическими кризисами кроется в высоком профессиональном уровне субъекта власти, который

является следствием его специальной подготовки. В силу указанных причин, *объектом* настоящей работы является элитология образования, а в качестве *предмета* — то, как Платон понимал и предлагал реализовывать на практике свой взгляд на качественное престижное политическое образование. Раскрыть содержание этой проблемы нам поможет уточнение сущности и характера самой платоновской философии в целом.

Культурно-политический контекст. Платон и его школа внесли огромный вклад в развитие современной элитологической науки [3]. При детальном рассмотрении платонизма, мы обнаруживаем у Платона не утопический социализм, а *идеалистическую меритократию*. Тот, кто видит у Платона одну лишь коммунистическую утопию [16], рассматривает его философию формально и поверхностно, без учета его герменевтических глубин. Мы далеки от столь упрощенного понимания политической концепции первого афинского Академика, поскольку анализ его творческого наследия свидетельствует об обратном. Для нас Платон является автором концепции просвещенного правления — меритократии. Его «философ на троне» воплощения того, что в наше время называется меритократией (или «элитой знаний»).

Согласно Платону и Аристотелю, главной проблемой политики является вопрос о том, кто должен править. Аристотель видел решение этого вопроса в определении количественного состава субъектов власти; Платон считал, что решающим является качество. Поэтому на поставленный основной вопрос политики он однозначно отвечал — править должен самый лучший, а лучшим является самый умный. Именно в определении лучшего умного и посвящены его работы на политическую тематику.

Нарисованный Платоном тип идеального правителя («философ на троне») самым удивительным образом совпадает с тем, как видели идеал политического лидерства восточные мыслители того времени — Конфуций, Шан Ян, Сунь Цзы, Каутилье [8; 6; 19; 2]. Платону также вторит и великий арабский философ аль-Фараби, который отмечал, что «должность люди занимают не в зависимости от знатности и богатства, а в зависимости от способностей» [1]. Роджер Бэкон утверждал, что главным в системе профессиональных качеств правителя является именно его умственные способности (Opus Maius. 1. 3) [Бэкон, 2005]. Отмеченные нами параллели указывают на некую общность политических идеалов Античности и средневековья. И объективный идеализм Платона оказывается наиболее адаптированным к существующей реальности (его отдельные положения уже реализованы на практике, как, например, идея политического равноправия полов или профессионализации и разделения труда).

Платон — дитя своего времени и греческого полиса. Но в своей философии он далеко вышел за традиции полисной системы своих Афин, предложив свой вариант ее развития. «Суть греческой политической жизни — единство многообразного. Для греков полис есть особое, внутреннее гражданское единство, жизни, явно противопоставленное бытию других городов-государств и одновременно противопоставленное негреческому (варварскому) миру единство» [14, с. 40–41]. Главное секретное оружие Платона это разработанные им принципы меритократии, основанные еще на традициях Пифагора и Гераклита Эфесского. И как в случае с Пифагором и Гераклитом, он непременно вошел в конфликт с традиционными патриархально-олигархическими ценностями, главными выразителями которых были в то время софисты. Поэтому именно софисты и стали его основными оппонентами, поскольку они откровенно выступали на стороне олигархического принципа селекции элит. Софисты и олигархи как раз и организовали альянс, призванный узаконить их монополию на власть. И созданная Платоном Академия как раз и стала для них самой вредоносной организацией.

Судя по текстам диалогов «Политик» и «Государство», Платон считал, что гражданин идеального государства должен быть просвещенным и профессионально подготовленным. Поэтому политикой (управлением государством) должны заниматься только профессионалы. Платон был категорически против дилетантов-любителей. Политика — это профессия, а не призвание (наитие). Дилетантов профессия управления государством не терпит. Она наказывает за их ошибки само общество, допустившее их к власти. Как известно, сам Платон был далек от политической практики и ни разу не выступал в народном собрании Афин. В этой принципиальной позиции некоторые усматривают его политический протест против несправедливого суда над Сократом. Зато он пытался из-за кулис воздействовать на умы самих политиков, убеждая их в том, какими они должны быть на самом деле, чтобы эффективно осуществлять свои профессиональные функции. Его Академия была заточена на производство и выпуск потенциальных субъектов элиты. Причем элиты не только политической, но и культурной [12, с. 44–52]. И в качестве примера для него служил опыт пифагорейцев, которые за пару столетий до него попытались тоже на практике осуществить свой элитистский образовательный проект [21, с. 244 и далее].

Главная цель данного проекта — создать новый тип более совершенного человека, преодолеть отчуждение, существующее между идеей совершенного политика правителя и ее практическим воплощением. Идеализм, но не утопия. Тем и отличается идеализм от утопии, что последнее на практике остается недостижимым, тогда как идеализм не просто стремится к заданной цели, но и способствует ее полному или частичному достижению. Идеализм активно формирует цель и разрабатывает средства ее достижения. Платон, определив цель (идеальное государство), предложил свои средства — Академию. Именно в стенах Академии по его глубокому убеждению и должен создаваться идеальный тип человека — гражданин идеального государства.

Идеи Платона относительно системы элитного (качественного) и элитарного (привилегированного) образования нуждаются с тщательной герменевтической расшифровкой. Дело в том, что исследователи творчества Платона сталкиваются как минимум с двумя трудностями: 1) язык, которым Платон излагает свои идеи, соответствует тому уровню развития понятийного аппарата, который был в его время, поэтому его текст нуждается в постоянном уточнении и переводе на современный научный язык¹ и 2) Платон не все мог открыто сказать на страницах своих произведений, поэтому следует обращать внимание на те кодовые моменты, которые указывают на двойной, а то и тройной слой смысла его мысли. Главное для исследования привести в соответствие контекст, текст и подтекст платоновского философского наследия.

В роли *контекста* выступает сама потребность в высококачественном политическом руководстве и происходящие постоянные сбои в системе государственного управления; в качестве *текста* — выступает сама платоновская Академия и созданные в ее стенах для образования платоновские произведения; в *подтексте* оказываются скрытые стремления Академика воздействовать на существующую политическую систему через своих учеников (философов на троне) и тем самым изменить реальность под действительность его теории идей. Платонизм и предлагает изменить несовершенную реальность, путем устранения ее недостатков. Созданная академиком система (и фило-

¹ В своих работах Платон достаточно часто возвращается к этой теме, постоянно повторяя, что исследователям необходимо «употреблять слова в их надежном и достоверном смысле» (Тимей, 49b). Сократ в его диалогах часто занимается процедурой выяснения истинного значения того или иного понятия, соединяя герменевтику слова с диалектикой смысла.

софский концепт и образовательный цикл) были направлены именно на подобного рода конструктивные изменения.

Платон прямо указывает на то, что большая часть политических кризисов возникает вследствие неумелых действий правящих элит. Именно они повинны в том, что происходят войны и общественные смуты, рушатся государства и даже целые цивилизации. Он фактически вывел прямую зависимость между политическими кризисами и низким профессиональным качеством субъекта власти, которое возникает в результате неудовлетворительной специальной подготовки (образования). Современные мировые политические реалии лишь подтверждают данный тезис, что еще более усиливает ценность платоновского наследия в сфере теории элит.

Академия и основы политического элитного образования. Судя по общей направленности платоновской мысли, он выделял два вида «высшего» политического образования: 1) *элитарное образование* — существующая в аристократических родах и в олигархических семействах традиция частного (домашнего) воспитания и образования своих наследников и 2) *элитное образование* — созданная на основе философского анализа система высококачественного образования, открытого для всех с соответствующими личными способностями. Сам Платон, пройдя в юности через первый вид образования, решил создать второй.

Для первого афинского академика политика представлялась не просто «царской наукой» (наука для царей), а самой важной системой знаний, способствующей процветанию полиса. Он специально создает свою теорию политики, с целью просвещения и образования своих сограждан. Все его диалоги носят дидактический характер. Они читались в стенах (садах) Академии группами учеников, которые распределяли «роли» и таким образом знакомились с основными идеями платонизма.

На чем базируется платоновская система образования? Прежде всего, на принципе профессионализма. Академик считает, что образование — это родовой признак человека, проистекающий из его «жажды познания и владения словом» (Политик, 272d). Платон выступает против всезнайства, утверждая принцип профессиональной специализации (Государство, 374a). Поэтому и образование должно быть тоже специализированным. В выборе между социальной породистостью и личным достоинством, он отдает предпочтение тем, кто стремится к мудрости и овладению подлинно философским знанием (Там же, 376a-b).

Суть элитного политического образования — на примере объяснения основных законов политики, воспитать самодостаточную рационально мыслящую личность, способную профессионально выполнять руководящие политические функции. Специально написанные для этого Платоном диалоги («Политик», «Государство», «Законы», «Критий», «Тимей») как раз и были призваны объяснить основы политической дисциплины, именуемой Академиком «царской наукой». Именно они во многом повлияли на Аристотеля, несколько позже создавшего свои произведения — «Афинская полития» и «Политика».

Академия Платона была заточена на производство элитной личности. Но в те времена в философии еще не существовало такого понятия, как «личность». Частичным аналогом его были такие понятия, как «даймоний» («божественное»), «калокагатия» (нравственная красота) и «философ» (любовь к мудрости). Сумма этих качества и составляет то, что современный персонализм считает личностью. Элитология образования Платона как раз и была направлена на воспитание и образование подобной личности. Академия Платона была призвана подвести практическую базу под его меритократический проект идеального государства.

Платон связывал такие понятия, как «мужество» и «знание» в единое целое (Протагор, 350d), справедливо полагая, что в качестве их скрепы выступает «совершенное образование» (Там же, 342e). При этом тот, кто учится, должен искать людей, которые «хоть немного лучше нас умеют вести людей вперед по пути добродетели... [чтобы] помочь им стать достойными людьми» (Там же, 328b). Государство может существовать только через распространение в потенциальных (предполагаемых) правителях истинного знания о мире политического устройства.

Суть политического воспитания заключается в том, чтобы создать человека способного понимать искусство управлять государством (Политик, 267e). Поэтому встает вопрос об определении «безупречного в своем совершенстве образе политика... представив его в чистом виде» (Там же, 268c-d). Если убрать всю сопутствующую развитию его идеи риторике, то в чистом виде у нас остается на троне философ.

На вопрос, кто должен править, Платон отвечает — самые умные (т.е. философы). «Раз философы — это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы, то спрашивается, кому из них следует руководить государством?» (Государство, 484b). Философов страстно влечет к познанию, приоткрывающему им вечно сущее и не изменяемое возникновением и уничтожением бытие «и надо сказать, что они стремятся ко всему бытию в целом, не упуская из виду, насколько это от них зависит, ни одной его части, ни малой, ни большой, ни менее, не более ценной...» (Там же, 485b). В своем характере такие люди имеют «правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине», которая ближе всего стоит к мудрости (Там же, 485c). Только такого рода знания доставляют подлинное удовольствие душе человека. Как отличить философский характер от нефилософского? Платон предлагает исходить из того, что естественным свойством нашей души является вечное стремление к божественному и человеческому в их целокупности (Там же, 485c–486a).

Генезис философской души начинается с утверждения в человеке чувства справедливости (Там же, 486b-c). Далее он отмечает, что в сознании философа должна появиться способность к познанию и «хорошая память»; его отличительными свойствами являются еще соразмерность и врожденная тонкость ума, своеобразие которого делает человека восприимчивым к идее всего сущего. Таким образом, философ должен быть человеком (1) с отменной природной памятью, (2) способным к познанию, (3) великодушным, (4) справедливым, (5) мужественным (6) рассудительным и (7) быть «другом и сородичем истины» (Там же, 485c-e). Власть должна быть в руках государственных людей «зрелого возраста, достигшим совершенства в образовании» (Там же, 487a). Но истинных от природы философов в обществе всегда мало, поскольку «для большинства бесполезны люди, выдающиеся в философии» (Там же, 489b).

Философия — это лучший подарок «смертному роду от богов» (Тимей, 47b). Поэтому философ на троне — это подарок судьбы. Политическая история показывает, что многие сидящие на троне пытались философствовать и те, у кого это получалось (или удавалось создать видимость), получали прозвища «Мудрых» и «Великих» правителей (что не исключало того, что они не умели ни читать, ни писать).

Политическое образование в современной России и в мире. В настоящее время в элитологических исследованиях все чаще начинает отмечаться общий кризис мировых элитных сообществ. Судя по общему тону западных публикаций [24; 25; 26; 22; 27], современным субъектам политических элит хронически не хватает именно глубины и качества политического образования и культуры. Их моральный портрет

просто ужасен — нравы их напоминают образ жизни римской аристократии, кануна крушения их великой Империи [13; 20]. Невольно закрадывается мысль о том, что: *чем дальше реальность уходит от платоновского идеала, тем ближе к своей катастрофе она приближается*. В истории поздней Римской империи элиты совершенно забыли о Платоне. Зато Возрождение в XV в. начинается в Италии именно с возобновлением живого интереса к платоновскому наследию, с возрождения его Академии (Флорентийская академия Медичи на вилле в Кареджи 1460–1490 гг.) [11; 9]. Подобная закономерность (тенденции возрождения) наблюдались везде, где пробуждался интерес к философскому наследию Платона. И всегда (и в стенах Академии Алкуина при дворе Карла Великого, и в кружке любителей мудрости Максима Грека в Московии) платонизм к лучшему изменял качество профессиональной подготовки правящей элиты. Во всех случаях мы наблюдаем качественное повышение интеллектуального и культурного уровня среди вовлеченной в этот процесс аристократии [10, с. 10–13].

Развитие качественного образования удобнее всего рассматривать на примере сопоставления элитарного и элитного образования. Компаративистика позволяет установить наличие в них как общего контекста, так и отличительного подтекста. Если элитарное образование является инкубатором для наследников «олигархических родов», то элитное образование представляет собой систему подготовки талантов, невзирая на их социальное происхождение. И часто бывает, что обе эти системы образования сосуществуют под крышей и в стенах одного и того же колледжа или университета.

Ведущие престижные университеты Запада («*The Ivy League*») являются олицетворением олигархического благополучия и бюрократической чопорности. Такие университеты являются глянцевой обложкой истеблишмента, выросшего на эксплуатации своих кастовых привилегий и бессовестного ограбления колоний. Это по сути антиплатонизм, поскольку они являются не элитными, а элитарными образовательными системами. Платонизм предполагает производство меритократии. Элитарные университеты Запада заняты воспроизводством уже существующих элитных семейств [11]. Элитное образование стремится к новизне и открытости; элитарное — предпочитает кастовую закрытость и охранительные (запретительные) традиции.

Фактически идет негласное соперничество между «золотой молодежью» и талантом, пробивающимся в элиту из социальных низов общества. Но на Западе (в частности, в США и Великобритании) по-прежнему существует миф о меритократии, который узаконивает социально-политическое господство привилегированных слоев общества. Миф о меритократии призван скрыть отсталость «золотой молодежи» от «элиты таланта» [23]. Давно уже известно, что 75 % профессоров в американских ун-тах являются иностранцами. В истеблишменте, напротив, преобладают американцы во втором или уже третьем поколении элитного статуса. Западным элитарным университетам проще купить нужного профессора, нежели подготовить своего. Финансы и решают в этих университетах все. В том числе и кадровую политику.

В России действует государственная программа подготовки политических кадров. Самыми известными элитарными структурами Императорской России были Царско-сельский Лицей, Пажеский корпус, Академия Генерального штаба и др., а в советское время — МГУ, АОН при ЦК КПСС, МГИМО... Они поставляли кадры в административно-политическую элиту, с определенным набором идеологических и профессиональных характеристик и качеств. В будущем России будет проще перейти на меритократические принципы подготовки кадров, поскольку у нее нет олигархических традиций селекции элит [7], каковыми славится западная (прежде всего англосаксонская) система высшего образования. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что в нашей

отечественной культуре всегда были сильные традиции платоновской философии и основанные на ней этические идеалы [17; 18] Поэтому России меритократия (как система конкретных ценностей) духовно ближе, чем олигархия.

Элитарное (привилегированное) и элитное (меритократическое) образования преследуют две совершенно разные цели — первое направлено на решение тактических задач (закрепление существующего социального превосходства элиты над обществом), второе — на решение стратегических задач (поиск и формулировка конструктивных ответов на вызовы своего исторического времени). Если первое заинтересовано в сохранении общества потребления, которое гарантирует им уже существующее их господство и узаконенные преимущества, то второе нацелено на создание общества постиндустриального типа, где творчество будет основным критерием в селекции элит будущего. Именно за второй проект и ратовал Платон в своей борьбе с софистами, фактически отстаивавшими принцип олигархического превосходства.

Критерием «элиты богатства» является, заложенный в них еще протестантской этикой прагматико-утилитарный успех. Им они измеряют даже умственные способности субъекта элиты (для них финансовое благополучие по-прежнему является признаком выдающегося ума) [23]. Проблемой для такой элиты является то, что успешно существовать она может только в условиях общества потребления и весьма болезненно воспринимает любые изменения критериев оценки, особенно в сторону меритократических ценностей. Общество потребления заинтересовано в элитарном образовании и формировании широкого слоя серой массы покупателей (потребителей товара массового производства). Такому обществу нужны потребители, а не творцы. Низкий уровень образования не имеет потребности в духовном развитии; таким людям музыка Баха и картины Рубенса не нужны; таким обществом проще управлять, в том числе и в сфере потребления. Элитное (качественное) образование как раз и является препятствием на пути распространения этой массовой серой зоны. Но вся борьба меритократии с олигархическими тенденциями еще впереди. Еще не скоро меритократия, как змеборец, свернет все шеи этой многоголовой Гидре, имя которой «Олигархия». Смеем надеяться, что надежным помощником в этой борьбе будет философское наследие Платона, который сам в свое время приложил немало усилий, для того чтобы организовать олигархо-софистическому альянсу достойное идейное сопротивление.

Библиография

1. *Аль-Фараби*. Историко-философские трактаты. Алма-Ата: Наука, 1985. 624 с.
2. *Артхашастра, или Наука политики* / Пер. с санскрита; Изд. подгот. В.И. Кальянов; Ред. комис. изд.: В.В. Струве, Б.А. Ларин, В.И. Кальянов, И.П. Байков; Ред. изд-ва Д.И. Тихонов, С.В. Солтанов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 793 с.
3. *Ашин Г.К.* Элитология: история, теория, современность: Монография / Г.К. Ашин. М.: МГИМО (У), 2010. 600 с.
4. *Ашин Г.К., Карабущенко П.Л.* Олигархические и меритократические тенденции в оценке современного элитарного образования // *Вопросы элитологии: философия, культура, политика*. Т. 7–8. 2011. (230 с.). С. 9–17.
5. *Большое сочинение брата ордена францисканцев (ордена миноритов) Роджера Бэкона* // *Роджер Бэкон. Избранное* / Под ред. И.В. Лупандина. М.: Издательство Францисканцев. 2005. 480 с.
6. *Древнекитайская философия. Собрание текстов: В 2 т.* М.: Мысль, 1972–1973. Т. 1. 363 с.; Т. 2. 384 с.
7. *Карабущенко П.Л.* Меритократия: постиндустриальные перспективы развития современной научной элиты // *Вопросы элитологии: философия, культура, политика*. Т. 7–8. 2011. (230 с.). С. 64–72.

8. Конфуций. Лунь Юй. Антология мировой философии. Древний Восток. М., 2001. 247 с.
9. Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М.: Наука, 2008. 479 с.
10. Ле Гофф Жак. Интеллектуалы в Средние века / Пер. с франц. А. М. Руткевича. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 160 с.
11. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
12. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993. 383с.
13. Моммзен Т. Римская история. Т. 5. Провинции от времен Цезаря до времен Диоклетиана. М.: Типография В. Т. Рихтер, 1885. 648 с.
14. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты. М., 1991.
15. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. / Общ.ред. А.Ф. Лосева и др. Авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи, пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990–1994. Т. 1., М., 1990. 60 с.; Т. 2. М., 1993. 528 с.; Т. 3. М., 1994. 654 с.; Т. 4. 830 с.
16. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. Т. 1. Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448с.
17. Подвойский Л.Я. Платонизм в русской культуре: очерки русской философской мысли. Астрахань: Изд. Сорокина Р.В., 2012. 144с.
18. Подвойский Л.Я. Платоносфера русской философской культуры. Монография. Астрахань, 2012. 212 с.
19. Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. М.: АСТ, 2002. 560 с.
20. Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М.: Изд-во МГУ, 1990. 366 с.
21. Шюре Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий / Пер. Е. Писаревой. 2-е исправленное изд. Калуга: Типография Губернской Земской Управы, 1914. 419 с.
22. Crippled America: How to Make America Great Again by Donald J. Trump. N.Y.: Threshold Editions. 2015. 208 p.
23. Hayes Christopher. Twilight of the Elites: America After Meritocracy. Crown Publishing Group (NY), 2012. 304 p.
24. Paul Craig Roberts. How America was Lost. From 9/11 to the Police/Warfare State. Clarity Press, 2014. 465 p.
25. Trierweiler Valerie. Merci pour ce moment. Les Arènes, 2014. 320 p.
26. Udo Ulfkotte, *Gekaufte Journalisten: Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien*, 2014. Auflage: 5. 336 S.
27. Wolff M. Fire and Fury: Inside the Trump White House. N. Y. Henry Holt and Co., 2018. 336 p.

Карипов Б.Н.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ТРАДИЦИЯ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И МЫСЛИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ

В середине XIX в. концепция феодально-аристократического консерватизма (линия Жозефа де Местра) стала стремительно утрачивать популярность в Западной Европе, хотя в России и других странах европейской периферии у нее оставалось немало приверженцев. На смену аристократическому консерватизму пришел реформистский консерватизм, продолжающий линию Эдмунда Берка. Наиболее успешными вариантами его практической реализации во второй половине XIX столетия стали национально-консервативная политика Отто фон Бисмарка и социальный консерватизм Бенджамина Дизраэли.

Для консервативной политики в изменившихся условиях необходима была новая социальная база. В поисках этой базы и О. Бисмарк и Б. Дизраэли обратили свои взоры в сторону народных низов. Для обоих консервативная риторика была преимущественно средством борьбы за власть в условиях постепенно расширяющегося избирательного права.

В условиях Германии, заметно отстававшей от передовых стран Европы в уровне индустриального развития, это были преимущественно крестьяне и ремесленники. Стратегия Отто фон Бисмарка в формировании массовой социальной базы была простой и эффективной.

В одном из своих первых выступлений в прусском парламенте О. Бисмарк призвал к восстановлению средневековой системы гильдий ремесленников и их защиты от конкуренции со стороны капиталистической индустрии. «Фабрики обогащают единицы, — говорил он, — но воспитывают... массы пролетариев, из-за незащищенности их существования опасных для государства работников, в то время как ремесленное сословие образует ядро средних слоев» [1, с. 230].

Довольно быстро О. Бисмарк осознал, что технический прогресс не остановить, и стал искать иные способы приобретения популярности в среде простых работников. С 1862 по 1890 гг. он стоял во главе прусского, а затем и общегерманского правительства, имея возможность на практике осуществлять различные варианты нового консервативного подхода. О. Бисмарк ввел в Германии основы социального законодательства, в том числе организовал государственную систему пенсионного обеспечения. Другой важной составляющей его политического курса стал протекционизм, в особенности по отношению к сельскому хозяйству. Это привело «железного канцлера» к разрыву с последовательными либералами, выступавшими за свободу торговли. При этом О. Бисмарк обосновывал свои шаги необходимостью объединения нации ради решения задачи возвращения Германии достойного места на мировой арене. В его терминологии этот курс назывался «политикой сплочения».

О. Бисмарк начал свою политическую карьеру в качестве пламенного монархиста и последовательного контрреволюционера, однако совершенно не интересовался принципами легитимизма и с легкостью ликвидировал целый ряд мелких немецких государств, включенных им в состав Германской империи. Успешная имперская политика О. Бисмарка надолго обеспечила ему поддержку аристократии, осознавшей, что либеральная и социалистическая альтернативы для нее заведомо менее предпочтительны. Значительная часть немецкой буржуазии также поддерживала курс О. Бисмарка. Несколько менее удачными для создания общенационального сплочения оказались патерналистские меры. Набиравшее силу социалистическое движение выигрывало у консерваторов борьбу за поддержку промышленных рабочих. О. Бисмарку удалось на время решить эту проблему с помощью «исключительного закона против социалистов», который в 1878–1890 годах ставил германскую социал-демократическую партию в полулегальное положение и максимально затруднил ее деятельность.

Тем самым система «национального консерватизма» О. Бисмарка сложилась в завершенном виде. Наряду с национализмом и империализмом она включала в себя протекционизм в экономике, сохранение привилегированного положения крупных землевладельцев, патерналистские меры по отношению к рабочему классу и крестьянству, а также элементы авторитаризма, включая реальную независимость исполнительной власти от парламента и возможность выборочных ограничений деятельности оппозиционных политических партий.

Но прививка авторитаризма к консервативной идее, при всей своей органичности и практическом смысле, в долгосрочной перспективе, скорее, создавала проблемы, чем решала их. Авторитарный политический лидер не нуждается в постоянной партийной поддержке, и поэтому не склонен связывать себе руки. Авторитарный лидер, как это продемонстрировал во Франции Наполеон III, может позволить себе возвышаться над схваткой и смотреть свысока на партийные дразги, и газетную полемику. Такую политику авторитарного лидерства без опоры на идеологическую традицию стали называть «бонапартизмом». О. Бисмарк преодолел соблазн бонапартизма и стал открыто позиционировать себя в качестве консерватора только к концу своей карьеры, но сформировать в Германии полноценную правящую консервативную партию ему не удалось.

В Великобритании, где процесс политической модернизации к середине XIX века зашел гораздо дальше, и смена партий у власти по результатам конкурентных выборов стала обычным делом, новый консервативный синтез приобрел иные очертания. Трансформация британского консерватизма имела ряд общих черт с германским сценарием. Решающую роль в этом процессе сыграл лидер консерваторов Бенджамин Дизраэли. Став уже в молодые годы довольно популярным писателем, он развивал в своих «социальных» романах доктрину «романтического консерватизма». По мнению Б. Дизраэли, только отеческое попечение правящего класса во главе с монархом о нуждах простых тружеников способно преодолеть раскол страны на «две нации», провоцируемый ускоренным капиталистическим развитием. Он активно выступал против одобряемого либералами «Нового закона о бедных», согласно которому в 1834 г. была отменена система поддержки малоимущих на приходском уровне, а для нищих созданы работные дома, мало отличающиеся от тюрем. «Я полагаю, — заявил Б. Дизраэли, — что этот акт принес неприятностей стране больше, чем любой другой из известных. Это и нравственное преступление и политическая ошибка; он как бы сообщает всему миру, что в Англии нищета — преступление» [2, с. 40].

Став членом парламента, Б. Дизраэли решительно выступил на защиту протекционистских «хлебных законов» от атаки со стороны манчестерских либералов. Оказавшись во главе кабинета министров, он отказался от протекционизма, в действительности не выгодного для преуспевающей британской индустрии, но последовательно отстаивал синтез социального патернализма внутри страны и активной империалистической политики на международной арене. Всё это сопровождалось постоянными декларациями о необходимости сохранения традиционных британских институтов и ценностей. Принципиально важным отличием британской версии консерватизма от ее континентальных аналогов стал акцент на необходимости широкой демократии. В этот период была радикально трансформирована внутренняя структура консервативной партии, усилена роль низовых партийных организаций, куда был открыт свободный доступ выходцам из социальных низов [3, р. 445].

На этой основе консервативной партии удалось создать стабильную массовую базу и впоследствии превратиться в выразителя интересов британского среднего класса, сохранив аристократическую эстетику и традиционный лоск. Не удивительно, что именно в Великобритании, являющейся родиной консервативной идеологии, получила наиболее эффективное практическое применение «линия Эдмунда Берка». Британским консерватором удалось «сохранять и одновременно реформировать».

Таким образом, на основании изучения формирования и эволюции консервативной идеологической парадигмы в XIX столетии мы приходим к следующему выводу:

Во второй половине XIX века аристократический консерватизм в Западной Европе пришел в упадок, и был востребован реформистский консерватизм в вариантах «национального консерватизма» Отто фон Бисмарка в Германии и «социального консерватизма» Бенджамина Дизраэли в Великобритании.

Библиография

1. Беспалова Л.Н. 2011. Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия Алтайского государственного университета. История, политология. Т. 2. С. 230–233.
2. Хиришман А. 2010. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Изд-во: «ГУ ВШЭ». 208 с.
3. Shannon R. 1992. The Age of Disraeli, 1868–1881: The Rise of Tory Democracy. London: «Longman». 445 p.

Кашина Е.А.

ЭНЕРГЕТИКА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Доклад посвящен состоянию и перспективам переориентации российского нефтегазового экспорта на восточное направление. Географическая диверсификация поставок энергоресурсов рассматривается в свете потенциала инфраструктурного и социо-экономического развития регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока. В свою очередь потенциал развития территорий России к востоку от реки Енисей в своем нынешнем состоянии и при уже сложившемся политическом режиме напрямую зависит от оживления экономической деятельности в восточных регионах РФ. Экономическая специализация России, закреплённая в 2000-е гг. позволяет заключить, что именно нефтегазовый комплекс будет наиболее вероятным драйвером развития Восточной Сибири и Дальнего Востока в среднесрочной перспективе.

Современное состояние и имеющаяся инфраструктура энергетики Восточной Сибири и Дальнего Востока позволяют закрепить восточный вектор торговых отношений РФ со странами Северо-Восточной Азии (СВА) [3]. Многие предпосылки российского «поворота на Восток» были заложены в советские и постсоветские годы за счет интенсивной геологоразведки, позволившей изучить минерально-сырьевую базу восточных регионов, и разработок научного подхода к размещению индустриальной базы в рамках территориально-производственных комплексов (ТПК) [2]. В 1970–1980-е гг. в политике освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока был совершен значительный рывок в развитии удаленных регионов России. Строительство Байкало-Амурской магистрали и организации Восточно-Сибирских ТПК, прежде всего Южно-Якутского, позволили говорить о промышленном освоении удаленных от европейской части России территорий. Однако, с распадом СССР прекращение регионального планирования, бюджетный дефицит и центробежные тенденции в регионах препятствовали развитию диверсификации экспорта и возникновению новых нефтегазовых центров добычи и переработки.

После длительного инерционного периода в деятельности нефтегазовых компаний 1990-х гг. продолжились закладываться основы современной диверсификации географии

поставок российских энергоносителей [5]. В начале 2000-х гг. разведанные Восточно-Сибирские запасы сделали энергетическое сотрудничество с Россией привлекательным для стран СВА. Ситуация стала меняться в 1999 г., когда китайская CNPC стала проводить переговоры с компанией «ЮКОС» о поставках российской нефти, а в 2001 г. правительством М. Касьянова был институционально оформлен энергетический диалог России и Китая. Поворот в отношениях стал следствием энергодефицита, возникшего и росшего в странах СВА на протяжении 1990-х гг. Это привело к смене энергетической политики Китая, активной инвестиционной деятельности Японии, переговорам с Южной и Северной Кореей [4].

В последние годы особое развитие диверсификация поставок энергоресурсов получила в ходе усиления конфронтации с западным миром после провалов в урегулировании украинского кризиса и присоединения Крыма к России в 2014 г. Введение санкций на технологии шельфовой глубоководной добычи и закрытие доступа ведущих энергетических компаний ПАО «Роснефть» и «НОВАТЭК» к западному капиталу одновременно со снижением котировок цен на нефть привели к актуализации и форсированию диверсификации российского экспорта [2]. Однако, кроме политических причин, у «поворота на Восток» были объективные экономические основания. Проекты по диверсификации экспорта на Восток, а также проведение переговоров по их реализации стали особенно востребованными в период установления высоких мировых цен на нефть (2005–2011), когда доля энергоресурсов в российском экспорте составляла от 49% до 69% [6]. В указанный период формулирование государственной энергетической стратегии как части блока официальных документов о стратегическом развитии страны стало необходимостью. В 2008 г. образована Правительственная Комиссия по ТЭК, в 2012 г. комиссия по ТЭК и экологической безопасности, в рамках которых особое внимание уделялось перспективным нефте- и газоносным месторождениям Сибири и Дальнего Востока, а также логистической, и инфраструктурной составляющим Восточных проектов.

Эволюция региональной энергетической политики в официальных энергетических стратегиях 2003 и 2009 г. привела в ее последней версии 2017 г.: во-первых, к актуализации региональной проблематики в свете энергетической политики; во-вторых, к сдвигу на восток. В «Энергетической стратегии России до 2035 года», разработанной 01.02.2017, региональной политике посвящен один из разделов. Особый акцент в разделе о региональной стратегии сделан на развитие Восточно-Сибирских и Дальневосточных регионов как новых перспективных центров газо- и нефтепромышленности, а также части важных экспортных маршрутов. В рамках государственных и коммерческих энергетических проектов на Востоке России особо значимыми стали такие программы как: проект моста на Сахалин, строительство и ввод в эксплуатацию нефтепровода ВСТО, газопроводов Сила Сибири-1 и Сила Сибири-2, Восточная программа ПАО «Газпром» реализуемая в рамках государственной программы, инвестиционный проект «Комплексное развитие Южной Якутии» в рамках Южно-Якутского ТПК [1].

Российская стратегия географической диверсификации нефтегазового экспорта во многом является обоснованной. Тем не менее, наличие проблем в сложных и удаленных регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока требуют соблюдения баланса между ориентацией на экспортные поставки и внутренним социально-экономическим развитием новых сырьевых регионов.

Библиография

1. Букин С.С., Тимошенко А.И. Формирование ТПК Сибири в контексте трансформации государственной социально-экономической политики // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 97–100.
2. Кондратьев Д.И. Участие России в мировом энергетическом рынке: проблемы и перспективы развития // Российский Внешнеэкономический Вестник. 2015. № 3. С. 97–98.
3. Санеев Б.Г. Смена парадигмы в энергетическом сотрудничестве России и стран Северо-Восточной Азии в условиях новых глобальных и региональных вызовов: переход от преимущественной торговли энергоресурсами к инновационно-техническому сотрудничеству // Энергетика России в XXI веке. Инновационное развитие и управление. 1–3 сентября 2015, Иркутск.
4. Симония Н. Региональная энергетическая безопасность // Мировая энергетическая политика. 2003, № 5. С. 45.
5. Харитонова В.Н., Визжина И.А. Эффективность стратегий и региональные риски формирования Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5. С. 85–98.
6. World Bank Group. Which countries could be affected by plunging oil prices: a data perspective. [Доступ] <http://blogs.worldbank.org/opendata/which-countries-could-be-affected-plunging-oil-prices-data-perspective> (дата обращения 09.06.2018).

Лагузова М.А.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА КОНСОЛИДАЦИИ

Начало XXI века в России характеризуется сдвигом общественных настроений, политики и экономики в сторону консерватизма. И такой поворот умонастроений не является случайным — многие постулаты консерватизма совпадают с ценностными ориентациями россиян. Исторически сложилось, что в основе русского консерватизма лежит традиция, связанная с идеалом православного типа социальных взаимоотношений, культом мощного централизованного государства и антизападничеством.

В эволюции русского консерватизма можно выделить несколько периодов. Дореволюционный консерватизм сформировался как реакция на революцию во Франции и западное влияние в XIX — начале XX вв. Консерватизм русской эмиграции возник как ответ на русскую революцию 1917 г. Современный консерватизм является идейно-политической реакцией на процессы, начавшиеся во второй половине 1980 гг. и продолжившиеся в 1990 гг., среди которых опыт проведения либеральных реформ и попытки европеизации в постсоветской России. Глубокий кризис в экономике и политике привел к активному духовному поиску, проявившемуся, в том числе, и в развитии общественной мысли.

Консервативные принципы и ценности в последние годы активно используются в идейно-идеологическом пространстве на разных уровнях: от рядовых граждан до партийных лидеров и Президента. В.В. Путин открыто заявил о своей приверженности консервативной позиции в послании Федеральному Собранию 12.12.2013 г., процитировав Н.А. Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз».

Следует отметить, что развитие консервативных идей находит поддержку в обществе, что подтверждают данные социологических исследований. Так, в 2016 г. было проведено всероссийское социологическое исследование «Отношение россиян к традиционным ценностям и попыткам их изменения на Западе, включая нормы ювенальной юстиции» по репрезентативной выборке общей численностью 2000 респондентов. Опрос проходил в 25 регионах страны по всем Федеральным округам в более чем 70 городах и сельских поселениях. Результаты показали, что современное российское общество в большинстве своем можно назвать консервативным — людей с консервативным складом мышления оказалось более двух третей.

Консервативные постулаты были взяты на вооружение и многими политическими партиями и объединениями, среди которых даже те, установки которых далеки от консерватизма. Нередки случаи, когда партии либерального толка выступают на выборах с консервативными программами. При этом политические силы вкладывают в это понятие то содержание, которое «выгодно в него вкладывать в данный момент, стремясь привлечь к себе в союзники наиболее известных мыслителей прошлого» [2, с. 6].

Отечественный консерватизм сейчас является не столько идеологическим направлением, то есть подпадающим под видовые характеристики русского консерватизма, сколько политическим (прагматическим) явлением, в котором сделан акцент на прикладных постулатах консерватизма, среди которых патриотизм, державничество, державообразующая роль русского народа в государстве Российском, социально ориентированное государство и т.д. Политический консерватизм не институционализирован, его приверженцы представлены во многих политических партиях (от Единой России до КПРФ), а также в среде научной общественности и творческой интеллигенции (А. Проханов, И. Глазунов, Н. Михалков и др.).

Однако эта массовая приверженность консерватизму имеет неоднозначное наполнение. Вопрос в том, что именно понимается обществом, властью и политическими силами под консерватизмом и его ценностями. Среди исследователей в этом вопросе также нет единого мнения. Наблюдается ряд подходов к пониманию этого феномена. При научном осмыслении консерватизма возникает много противоречий, которые осложняют как процесс вычленения консерватизма из иных идеологий, так и выделение его собственных основополагающих характеристик. Одни ученые рассматривают консерватизм как доктрину, стиль мышления, набор догматов и т.д. Другие и вовсе не признают консерватизм теорией.

Можно согласиться с мнением А.А. Ширинянца, который из всего многообразия толкований консерватизма выделяет узкую и расширительную трактовку. Узкая трактовка рассматривает его как «преимущественно как политическую идеологию, в конечном счете отождествляемую с консерватизмом политических партий». [3, с. 168]. Расширительная трактовка консерватизма, по мнению ученого, характеризует его «как универсальное явление, включающая в себя характеристику консерватизма и как способ (стиля) мышления, и как политической идеологии, и как комплекса поведенческих установок, и даже как моды» [3, с. 168].

Весьма вероятно, что степень влияния консерватизма будет возрастать как в ближайшей, так и долгосрочной перспективе, и консервативная идеология станет определяющим фактором всей политической системы России. Поэтому особенно важно преодолеть многовариантность, разнородность, а порой и спекуляцию использования понятия «консерватизм», при которых нивелируются его ценности и постулаты.

Повестку дня составляет решение дискуссионных проблем, в частности определение консерватизма; время зарождения отечественного консерватизма как политической

идеологии; различие между консерватизмом и традиционализмом; влияние европейского консерватизма; отношение консерватизма к прогрессу, реформам, модернизации и др.

Современный консерватизм нуждается в консолидирующих началах. Необходимо, чтобы он понимался в обществе не как реставраторство, а как учение, основанное на отечественных традициях. Идеология российского консерватизма не может быть выстроена искусственно. Она должна развиваться в русле исторической преемственности, основываться на системе основополагающих ценностей. Консерватизм способен дать обществу объединяющую идею, которая нужна России для проведения модернизации и поступательного движения вперед.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на приверженность той или иной политической идеологии, партии, их лидеры, общественные и политические деятели должны оставаться честными перед самими собой, своей страной и народом. Недопустимо в угоду собственной популярности и высоких рейтингов предлагать то, во что не веришь или о чем не знаешь.

Библиография

1. Послание президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета. 2013. № 282 (6258) С. 2–4.
2. *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков): Монография. М.: Готика, 2006. 424 с.
3. *Ширинянец А.А.* Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 3: Второй Форум Бердяевские чтения. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. С. 166–179.

Маковская Д.В.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЮЖНОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX НАЧАЛА XXI ВЕКА

Реалии современных международных отношений демонстрируют сохраняющуюся значимость социального и политического формирования регионов. Достаточно часто конструирование различных уровней регионов рассматривается как возможность решения различных внутривнутриполитических и внешнеполитических задач.

Возможности для данного «пространственного творчества» определяются высокой степенью размытости концепта «регион», который многими исследователями оценивается как конструируемый концепт, поскольку географические конструкции регионов, а тем более их границы, достаточно неопределенны и непостоянны.

Регионы представляют собой исторически формирующиеся, эволюционирующие пространственные структуры. Границы регионов зачастую определяются в сфере политического дискурса и рассматриваются как сугубо политическое пространство, целенаправленно политически формируемое.

Существуют несколько ключевых подходов к конструированию регионов. Культурный подход рассматривает в качестве основы для выделения региона топографические или культурные особенности, которые отличают регион от соседних.

В рамках генеалогического подхода регионы являются продуктом политических проектов, реализуемых через разнообразные нарративы, в том числе мифологизированные или отобранные в соответствии с задачей политического и дискурсивного перестроения политико-географического пространства.

В соответствии с геополитическим подходом, очертания регионов конструируются на уровне внешних акторов, создающих региональные площадки влияния и соперничества. Как правило, геополитический подход акцентируется на физико-географических параметрах выделения региональных границ.

Постмодернистские тенденции в геополитике, реализуемые в том числе в основных положениях критической геополитики, акцентируют внимание на процессе формирования геополитических представлений. Данное направление предполагает возможность формирования пространства не через естественные законы и структуры, а через географические представления и пространственные мифы.

Как правило, конструирование регионов детерминировано реакцией на существующие вызовы современной мировой системы, интересами крупных политических акторов, конструирующих регионы для реализации геополитических целей. Хотя формирование регионов уже не является прерогативой сугубо государств.

Классическим примером регионального конструирования являются проекты, затрагивающие средиземноморское пространство. Долгое время Средиземноморье являлось прерогативой европейской внешней политики. В дальнейшем регион стал полем конкуренции между Европой и США. Итогом стала реализация проекта США «Большой Ближний Восток», под которым понимался конструируемый в общественно-политическом дискурсе регион включающий арабские страны Ближнего Востока, Иран, Турцию, Афганистан, Пакистан, Туркменистан, Кавказ, мусульманские страны центрально-восточного района и северной Африки.

Восстановление субъектности Российской Федерации как одного из основных акторов международных отношений, эффективное наращивание российского присутствия в Средиземноморье и Каспийском регионе, требуют реализации Россией собственных проектов районирования на южном направлении внешней политики. Таким проектом, являющимся альтернативой конструктам «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия» и другим, может стать проект «Большое Средиземноморье».

В пространственном отношении этот макрорегион можно рассматривать опираясь на труды автора концепции Большого Средиземноморья Фернана Броделя, который говорил о его «расширительном понимании», настаивал на невозможности только географического и ограниченности любого «пространственно-динамического» понимания Большого Средиземноморья. Центром расширительного понимания Большого Средиземноморья, его «резонатором», в терминологии Броделя, выступает непосредственно средиземноморский бассейн, а основным универсальным пространством, объединяющим все области Большого Средиземноморья как «экономического мира» является море, обеспечивающее торговлю и водные коммуникации, позволяющее цивилизационно разным странам и народам встречаться в пространстве единого макрорегиона.

В современном пространственном отношении Большое Средиземноморье включает в себя 26 государств и ряд непризнанных государствами территорий бассейнов Черного, Средиземного и Азовского морей, и опосредованно распространяется на

экономически, исторически, геополитически, цивилизационно связанные с этими государствами регионы.

Субрегионы Большого Средиземноморья обладают значительными экономическими, политическими, социальными, этноконфессиональными различиями. Широкие возможности для конструирования предоставляют историко-географическая конфигурация региона, объединяющие его интеграционные и дезинтеграционные контексты. При этом, положения критической геополитики, допускающие возможность целенаправленного формирования геополитического видения мира, представлений о пространстве, о соотношениях между его составляющими, обладают значительным потенциалом для обоснования концепта «Большое Средиземноморье», преодоления его дифференцированности, позволяют сконструировать целостность региона с позиции геостратегической целесообразности.

Библиография

1. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. III. М.: Языки славянской культуры, 2003. 632 с.
2. *Межевич Н.М.* Экономический анализ региона: Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 166 с.
3. *Hajizada M., Marciacq F.* New regionalism in Europe's Black Sea Region: the EU, BSEC and changing practices of regionalism // *East European Politics*, 29:3, 2013. P. 305–327.

Михайленок О.М.

СПЕКТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕГО ПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ КУРСАХ

История политических учений, безусловно, является важной составной частью политологии. На основе анализа и обобщения опыта исследований, объектом которых являлись такие феномены, как политика, власть, государство, многие представители политической науки не только внесли свой вклад в реконструкцию исторического развития этой отрасли знания, но и способствовали созданию теоретической основы интерпретации современных политических процессов и идейных движений.

История политологии может многое дать для решения и современных политических проблем, в частности, понимания неудачи российских реформ. Конечно, основная причина этого состояла в том, что они не получили активной поддержки широких социальных слоев. Поэтому реформы оказались неэффективными и не привели к желаемым результатам.

Все это свидетельствовало о необходимости корректировки выбранных путей, методов и темпов проведения российских реформ, что привлекло внимание представителей политической науки и практических политиков к проблеме российского политического консерватизма, опиравшегося на такие приоритеты, как традиции, преемственность и стабильность. Эти принципы рассматривались в качестве гарантий постепенного и эффективного реформирования.

Попытки экономических и политических реформ в новой России в плане теоретического осмысления их перспектив породили оживленные дискуссии относительно

широкого круга политических концепций и идейных течений. Это касается и обсуждения места российской версии либеральной идеологии, а именно, российского консервативного либерализма [2; 4].

Вместе с тем, следует отметить, что на протяжении многих лет дискуссии, активно употребляемое понятие «либерализм» принадлежит к числу тех понятий, содержание которых, несмотря на кажущуюся очевидность, остается не вполне определенным. Как отмечает О.Ю. Малинова, за долгую историю своего существования это слово вобрало в себя множество разных смыслов [4, с. 9].

Либеральные идеи во второй половине XIX — начале XX вв. в России развивали Максим Ковалевский (1851–1916), Борис Чичерин (1828–1904), Лев Петражицкий (1867–1931), Павел Новгородцев (1886–1824) и др. Они были сторонниками следования России по пути, проложенному передовыми странами Запада.

Несомненно, и консерватизм, и либерализм, в качестве моделей развития общества представляются весьма динамичными феноменами. В связи с конкретной исторической ситуацией консервативный и либеральный компоненты общественно-политической сферы подвержены расширению или сужению, расхождению или сближению с другими политическими течениями, вплоть до формирования либерально-консервативного синтеза. Так, например, согласно П.Б. Струве, либеральный консерватизм возникает в некоторой точке, где «либерализм и консерватизм, конечно, сходятся» [5, с. 133].

Результатом такого «схождения» может быть два варианта: «либеральный консерватизм» или «консервативный либерализм». В современной политической публицистике зачастую эти варианты рассматриваются как тождественные.

Мы будем под результатом «синтеза» иметь ввиду консервативный либерализм.

Говоря о либерализме, нельзя не констатировать, что, не избежав в своей истории многочисленных кризисов, он продемонстрировал значительный потенциал приспособления к реалиям политической действительности, не отказываясь в то же время от своих основополагающих принципов, заключающихся в защите свободы личности, неприкосновенности прав человека, утверждении необходимости правового государства, парламентской демократии, гражданского общества и других положений, которые сегодня рассматриваются как неотъемлемая часть общей политической культуры.

В этой связи понятно формирование теоретического и практического интереса к российскому варианту консервативного либерализма, опиравшемуся на такие основные ценности, как традиции, преемственность, стабильность, которые обеспечивают постепенное реформирование.

Эта традиция российской политической мысли поддерживалась такими идеологами консервативного либерализма, как Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), который первым в России осознал, что не человек существует для государства, а государство для человека. Либерализм Б.Н. Чичерина имел четко выраженные консервативные черты. Его последователями были знаменитые мыслители Павел Николаевич Миллюков (1859–1943) и Петр Бернгардович Струве (1870–1944).

Таким образом, Б.Н. Чичерин развивал один из вариантов либеральной теории политической мысли. Он, демонстрируя либеральную основу своих взглядов, утверждал, что для всякого просвещенного человека ясна необходимость проведения в стране либеральных реформ [6, с. 7; 7].

Б.Н. Чичерин полагал, что своеобразие развития нашей страны несомненно включает консервативный компонент русского либерализма. Политические идеи Б.Н. Чичерина, основанные на опыте его практической общественно-политической деятельности составили ядро российского консервативного либерализма.

В.В. Леонтович еще в середине 1950-х годов связывал будущее либерализма с «единственно настоящим либерализмом для России — либеральным консерватизмом» [3, с. 22].

По сути, учитывая, что общество наше в целом нелиберально, только такой тип либерального консерватизма и может у нас утвердиться, по крайней мере, как массовый.

Пожалуй, все приведенные характеристики, которыми должна обладать консервативная версия либерализма говорят за то, что эта версия является единственной формой либерализма, которая в состоянии выжить в России.

Этот и другие факты российской политической жизни дают основания ряду политологов сделать вполне определенные выводы. Так Аркадий Малер пишет: «... теперь уже *post factum* можно со всей уверенностью сказать, что основная идеологическая линия постсоветской власти в России, в особенности самого Владимира Путина, — это и есть либеральный консерватизм» [1].

В этой связи можно предположить, в процессе адаптации исторически обусловленных ценностей российского общества к современной социально-политической реальности актуализируется консервативная составляющая либеральной модели общества, прокламируемой современной российской властью.

Выбор такой идеологии определялся, в частности, тем, что на международной арене Путина воспринимали именно в качестве либерального консерватора, учитывающего серьезные изменения в массовом сознании. Эти изменения включают такие черты, как запрос на социальную стабильность, более настороженное отношение к западу, усиление роли государства в политической и экономической жизни.

Вообще же, оценки роли либеральной идеологии и ее места в картине политической жизни России составляют настолько широкий спектр, что это свидетельствует о весьма неопределенных перспективах отечественного либерализма, в частности консервативной его версии.

Долгая история политической мысли, включая ее последний этап — от начала XX в. до начала XXI в., когда, собственно, сформировалась такая самостоятельная отрасль научного знания, как политология, представляла собой сложный и противоречивый процесс, в ходе которого происходило продвижение в познании своей политической истории, осуществлялись поиски наиболее эффективной модели политического устройства и наиболее перспективных путей развития общества. Прогрессивное развитие политической науки обеспечивалось не в последнюю очередь постоянным столкновением различных идей, позиций и мнений. Плюрализм остается характерной чертой и современной политологии. Она представлена и в педагогических моделях различных вариантов политологических курсов, которые представляют материал, раскрывающий сущность, особенности и значение этой науки, знакомящий с основными этапами ее развития. При этом, ознакомление с историей политических идей, учений и движений имеет не только историческую ценность, но и важно для понимания политических проблем современности.

Библиография

1. Аркадий Малер. Либеральный консерватизм — идеология современной России. 19.10.2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://yarcenter.ru/articles/politics/braces/liberalnyu-konservatizm-ideologiya-sovremennoy-rossii-6875/> (дата обращения 21.05. 2017).
2. Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса. 1993. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.libertarium.ru/libertarium/1_lib_ahies2 (дата обращения 25.06 2017).

3. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. 444 с.
4. *Малинова О.Ю.* Либерализм в политическом спектре России (на примере партии «Демократический Выбор России» и общественного объединения «Яблоко»). М., 1998. 207 с.
5. *Струве П.Б.* О мере и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. №3.
6. *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. СПб., 1906. 34 с.
7. *Чичерин Б.Н.* Философия права. М., 1900. 344 с.

Нечаев Д.Н.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МСУ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ РЕФОРМ В РФ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИН ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Теория местной публичной власти и проблематика территориального общественного самоуправления, возникнув как направление политической науки в странах Запада, получают все большее развитие и в отечественной политологии. Тем более, что социально-экономические преобразования в современной России ставят в повестку дня востребованность теоретических разработок российских политологов в отношении местного самоуправления (МСУ) и локальной демократии. Ведь одна из причин неудавшихся муниципальных реформ в РФ в период 90-х годов XX века и реформ с их низкой эффективностью в 2000-х — слабый учет научно-теоретических и прикладных подходов в развитии места и локальных сообществ в ходе проводившихся преобразований в постсоветской России.

В данном аспекте не менее значимой проблемой является преподавание дисциплин в системе высшего образования по тематике государственного и муниципального управления в РФ. И в этой связи возникает ряд существенных вопросов. Насколько эффективной являлась государственная политика по отношению к местному самоуправлению в постсоветской России? В чем состояли причины муниципальных реформ в РФ, которые кардинально меняли направленность данных преобразований (от широкой автономии к жесткой централизации)? Есть ли смысл в наличии особой муниципальной политики и какие приоритеты она должна иметь? Будет ли результативной формирующаяся система территориального общественного самоуправления (ТОС), являющаяся структурой гражданского общества на локальном уровне и мотивирующая население к демократии участия?

В этой связи имеет смысл вернуться к теории места и локальных сообществ, остановиться на четырех принципиальных выводах, имеющих прямое отношение к формирующейся политической локалистике в отечественной политологии.

Первое. Научная проблематика соотношения категорий «места» и «локальных» сообществ для социально-экономического и политического развития РФ нашла свое место в отечественной политической науке. Однако существующие исследования по данным аспектам не всегда коррелируются с разрабатываемой и реализуемой государственной политикой в РФ по отношению к местному самоуправлению (МСУ) и муниципальной политикой, находящейся в процессе институционализации, процесс которой еще не далеко завершен. А основной причиной ее незавершенности в современной России

является то, что органами власти и управления до конца не определены степень и характер муниципальной (местной) автономии.

Анализируя местное самоуправление в РФ, мы должны вести речь о количественных и качественных показателях. Приведем некоторые цифры. На 1 января 2016 года, согласно данным Р. Петухова, в стране функционировало «22 406 муниципальных образований, из которых 18 177 являются сельскими поселениями, 15592 — городскими поселениями, 563 — городским округом (в том числе 3 городских округа с внутригородским делением), 267 — внутригородскими муниципальными образованиями) городов федерального значения и 19 внутригородскими районами городов федерального значения» [3, с. 60]. При этом, эффективность муниципальных образований в решении вопросов местного значения, как правило, остается невысоким, что является ключевой качественной характеристикой данного института.

Второе. В отечественной политологии пока весьма поверхностно и не системно исследованы содержание, направленность и эффект муниципальных реформ в РФ, которые, по сути, являлись частью политико-административных преобразований. В. Гельман [1] (автор термина «муниципальная революция» 90-х годов), Р.Ф. Туровский [4; 5] («большая» муниципальная реформа «нулевых» и последовавшая за ней «малая» мунреформа), В.Д. Нечаев [2] рассматривали данные преобразования с либеральных позиций, в первую очередь с учетом опыта и практик стран Запада. Вследствие сложившегося либерального подхода исследованные муниципальные реформы 2000-х годов, к примеру, по оценке Р.Ф. Туровского, рассматриваются с точки зрения децентрализации, встраивания МСУ в систему государственной власти, что выглядит как шаг назад, в сравнении с «муниципальной» революцией 90-х годов, предоставивших МСУ достаточно широкую автономию.

Более того, муниципальные реформы 2000-х подаются с четко выраженной критической коннотацией и с негативным институциональным эффектом — формированием принципал-агентских отношений, где роль агента выполняют муниципальные образования (Р. Туровский). При этом, на наш взгляд при реализации муниципальных реформ не в полной мере были отражены политические условия «слабого» государства 90-х годов и формирующегося «сильного» государства в системе целей и задач преобразований местного уровня публичной власти и расширения политического участия граждан в развитии локальных территорий. Не была учтена в ходе исследований муниципальных реформ в РФ и соответствующая политическая конъюнктура, также влияющая на результативность данных реформ.

Третье. Либеральный подход характерен и для исследований взаимодействия местного (локального) уровня и государственного (национального, субнационального) уровня публичной власти в РФ. Большое участие государства в становлении и развитии института МСУ рассматривается в критическом контексте, меньшее участие государства — как благо. Вместе с тем, взаимодействие уровней публичной власти, как правило, не подается в разрезе эффективности функционирования МСУ для социально-экономического развития локальных (муниципальных) территорий. Не задействованы в полной мере, к примеру, эмпирические данные по передаче ресурсов для МСУ от общенационального и субнационального уровней власти, по становлению институтов развития (ОЭЗ, ТОСЭРов, индустриальных парков) и инструментов поддержки (налоговые преференции, гранты) в территориях в период 2012–2018 гг.

Четвертое. Важное значение в развитии отечественной политической локалистики имеет проблематика политического развития крупных городов РФ и политических режимов. В данном научном дискурсе представлены работы В. Ледяева, Р. Бабун,

В. Слатинова и др. Вместе с тем, несмотря на задействование широкого эмпирического материала, авторских выводов по типологии политических режимов и политическим конфликтам в городских агломерациях, слабо представлен ракурс соотношения экономического и политического. А ведь именно такой ракурс позволяет формулировать исследователю объективные выводы о трендах развития крупных городов в РФ.

Кроме того, отечественные политологи обходят и такой важный локус исследования, как город с точки зрения социальной лаборатории (данный ракурс имеется в исследовании зарубежного социолога и политолога Р. Парка). В данном отношении коррелируются такие аспекты, как «эксперимент», его эффект и эффективность в разрезе социального прогресса и общего (публичного) блага. Не менее важны для политической локалистики и исследования низовых уровней МСУ — сельские и городские поселения, проблематика территориального общественного самоуправления. К примеру, обобщение практик работы института ТОС и общественных префектур (данная форма в порядке эксперимента внедряется в Тамбовской области).

Библиография

1. *Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с.
2. *Нечаев В.Д.* Институциональная организация местного самоуправления в современной России: динамика и институциональные эффекты. Новое измерение. М.: Нац. ин-т «Высш. шк. управ», 2007. 272 с.
3. *Петухов Р.* Местное самоуправление в фокусе официальной статистики // Универсальная власть. 2016. № 5–6. С. 59–63.
4. *Туровский Р.Ф.* Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12. С. 159–167.
5. *Туровский Р.Ф.* Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 39–40.

Рогожина Е.М.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО КАК ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Существует негласный закон: мифологизация духовной культуры усиливается в кризисные периоды развития общества. Актуализацию мифологической составляющей в массовом сознании можно объяснить особенностями кризисного сознания, которое, утратив рациональную основу, стремится к опоре на иррациональные силы. В переломные моменты истории в массовом сознании особенно усиливается тенденция к персонификации бессознательных страхов, надежд и ожиданий.

Задачей мифа в любой политической культуре была и остается координация смысла политической власти. Миф как генетическая основа чрезвычайно важен для политической сферы. Мифологическая реальность и выражающая ее риторика очень схожи с политической реальностью и риторикой. Однако несмотря на то, что современный

миф, в том числе и политический, формируется на базе архаической мифологии, заимствуя ее схемы и понятия, ошибочно отождествлять современный и первобытный мифы. Современный миф, так же как и архаический, порождается образным типом сознания, однако, в отличие от первобытной мифологии, он не оформляется в виде системы, в виде связанного повествования, а представляет собой «дискретный набор стереотипов массового сознания» [4, с. 233].

Миф возникает спонтанно, базируясь на архетипических основах сознания. В архаической мифологии универсальной и доминантной является схема, миф о герое, побеждающем хаос [4, с. 34].

Если говорить о мифотворчестве применительно к российской политической действительности, то современный российский лидер сознательно эксплуатирует мифологическую составляющую при выстраивании своего образа, поскольку это напрямую коррелируется с архетипами массового сознания россиян относительно политического лидерства и власти. Согласно им, лидерство и руководство в политической сфере в основе своей ценностны, а сам политический лидер в России традиционно является «венцом» иерархии политических ценностей. Поэтому нередко в российском массовом сознании образ героя часто ассоциируется с образом царя [2, с. 162].

Одним из наиболее эксплуатируемых в современной российской политике мифических сюжетов является миф о герое, «сражающимся со злом и его побеждающим» [4, с. 58], который во многом определяет видимую канву действий российских политических лидеров современности при проецировании образа политического лидера на уровне массового сознания населения России. В тоже время, в зависимости от конкретной социально-политической ситуации, целей, сиюминутных ожиданий массового сознания, политик также может выбрать свой имидж: «отец нации», «спаситель Отечества», «герой» и т.д. [3, с. 118]. Наиболее эффективным политическим образом-мифом для современной российской действительности является образ героя или рыцаря. Наиболее адекватным для политического лидера при этом является миф о герое-победителе. При построении политического имиджа такого типа необходимо учитывать традиционно сложившиеся в русской культуре и ментальности представления о национальном герое, на основе которых уже складываются представления о герое политическом.

При конструировании образа политического лидера путем мифотворчества можно сформировать конкретный политический имидж для того, чтобы произошло «узнавание» на уровне массового сознания архетипа в целом, а так же для того, чтобы политическая власть и образ политического лидера носили легитимный характер. В период, когда происходит смена политической элиты государства и политического лидера, аспект легитимности власти становится наиболее острым, актуальным и значимым.

Современная российская политическая культура интересна тем, что, несмотря на две управленческие революции XX века, стиль политического лидерства и руководства в России остался неизменным, — традиционно авторитарным. Современный политический лидер России В.В. Путин отлично «усвоил» эту важную для российской политики деталь. В его образе умело сочетаются: сила, власть, жизнь, моральная чистота, культ предков, традиция корпоративности. Исходя из этого, В.В. Путина, без сомнения, можно считать общегосударственным лидером, поскольку его политика легитимна, а образ-миф направлен на аккумуляцию гармонии, законности и морали. В.В. Путин — один из ярких примеров «оживления» мифа в политике. Он выступает как олицетворение мифа о герое-защитнике как таковом. При этом его образ настолько же реален и гармоничен, насколько мифичен и мифологизирован. В.В. Путин умело создал свой политический образ-миф, изощренно лавируя в потоке предпочтений

электората, исторически сформировавшихся архетипах сознания российских граждан, а также собственных представлениях о мире политики и власти. Его мифический образ как «героя-победителя» прочно укоренился в сознании россиян. Этот образ (то есть внешняя, «дискурсная» форма, именуемая «имиджем») по своей сути многолик и многогранен. Он меняется, модернизируется, подстраиваясь под новые социальные, политические, экономические условия, однако основа его всегда остается неизменной: своевременность, базирующаяся на архетипических мифологемах, на основах менталитета и политического сознания российских граждан, воспринимающих сферу политической власти как миф о герое-защитнике, герое-победителе.

Библиография

1. *Барт Р.* Мифологии. М., 2000. 351 с.
2. *Рогожина Е.М.* Особенности мифологизации образа В.В. Путина как общегосударственного лидера в начале 2000-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4–1 (18). С. 161–164.
3. *Туманов С.В.* Политическое харизматическое лидерство в России: мифы и реалии. М.: Изд-во МГУ, 2000. 180 с.
4. *Щербинина Н.Г.* Герой и антигерой в политике России. М., 2002. 116 с.

Селиванова Е.С.

ТЕОРИЯ ОТРАСЛЕВЫХ ПОЛИТИК В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМАТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РФ

В современной отечественной политической науке теория отраслевых политик является слабо изученным направлением. Во-первых, в преподавании политических дисциплин, а также для работ российских политологов является не типичной ситуацией сочетание политического и экономического анализа. Во многом это связано с боязнью выйти за рамки специальности. Во-вторых, сама государственная политика РФ (промышленная, агропромышленная, инвестиционная, информационная и др.) проходят период становления. К примеру, федеральный закон о промышленной политике был принят лишь в 2014 году. Законодательное оформление аграрной политики на общенациональном уровне получило закрепление только в статье федерального закона «О развитии сельского хозяйства», принятом в 2006 году. Закон о государственной инвестиционной политике есть только на субнациональном уровне в отдельных регионах, в то время как на общенациональном уровне есть только федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», принятый в 1998 году. В-третьих, позитивных практик отраслевых политик как на федеральном, так и на региональном уровнях, существует немного, что представляет собой проблему изучения эмпирической базы исследований в данном аспекте.

Исследование отраслевых политик в русле профильных дисциплин позволяет проанализировать узкоспециальные аспекты, пусть и в контексте складывающихся политических условий. Так, инвестиционная государственная политика, последовательно

изучаемая в системе экономических наук, рассматривается с учетом особенностей инвестиционного процесса с опорой на целевые макроориентиры государственного регулирования инвестиционной сферы [1, с. 136]; с учетом развития фондового и банковского секторов и тенденций в изменении инвестиционного климата в регионах [2, с. 109] и др. аспектов. Отдельные ракурсы исследования государственной инвестиционной политики прослеживаются в иных областях знаний, касающихся непосредственно сферы привлечения инвестиций: инвестиционная политика в области высоких медицинских технологий, в транспортной сфере [6] и т.д.

Однако в рамках профильных дисциплин отраслевые политики не получают полноценного всестороннего анализа развертывания политических процессов, касающихся исследования политических условий в пространственно-временном континууме общефедерального и субнационального уровней. Вместе с тем, анализ интеракций политических акторов на разных уровнях, существующих и формирующихся нормативных основ, формальных и неформальных практик, специфики процесса принятия политических решений дает возможность систематизировать практики реализации государственной инвестиционной политики с позиции эффективного государственного управления.

Учитывая, что отечественная политологическая школа с опорой на обширный пласт зарубежных работ в области управления разработала собственные подходы и концепции, данный опыт мог бы быть учтен в контексте исследования государственной инвестиционной политики. При анализе концепта «управление» применительно к государственной инвестиционной политике как на общенациональном, так и на региональном уровнях, особое значение приобретает сетевой подход [3 и др.], сочетающий в себе неиерархическую форму управления, допускающую конструктивное взаимодействие государства и различных групп интересов.

Если концептуальные основы теоретико-методологического изучения государственной инвестиционной политики в отечественной политологической школе за последние тридцать лет получили системное рассмотрение, то феномен позитивных практик успешных российских регионов по становлению и развитию общефедеральной государственной инвестиционной политики в научных исследованиях отражен недостаточно. При этом именно эффективные практики реализации отраслевых политик в субъектах РФ в обобщенном и адаптированном виде способствуют формированию государственной инвестиционной политики на федеральном уровне.

В этом отношении интересен опыт Белгородской области. В мае текущего года департамент экономического развития области совместно с администрациями муниципальных районов и городских округов области завершил проект «Совершенствование системы стратегического планирования в муниципальных районах и городских округах Белгородской области». В результате масштабной работы были утверждены обновленные стратегии социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов на период до 2025 года.

В стратегические документы муниципальных территорий Белгородской области были включены блоки «Инвестиционная стратегия», «Роль муниципального образования в экономике Белгородской области», перечни муниципальных программ и приоритетных инвестиционных проектов. Основное внимание было уделено образу будущего муниципальных районов и городских округов области. С этой целью были скорректированы миссия, стратегические цель, задачи. На основе единой системы показателей, сформированной с учетом актуальных приоритетов развития, были разработаны индикаторы реализации муниципальных стратегий. Таким образом, органы

власти и управления в Белгородской области создали единообразную структуру муниципальных стратегий с наличием обязательных элементов, касающихся инвестиционного развития муниципальной территории. Данная практика могла бы послужить хорошим ориентиром для регионов, в которых субнациональные стратегические документы (не говоря уже о муниципальных) не имеют реалистичных актуализированных разделов, касающихся инвестиционного развития и образа будущего территории.

Заслуживает особого внимания опыт реализации государственной инвестиционной политики Липецкой области. В регионе сформирована трехуровневая система привлечения и поддержки инвестиций. Работу с действующими и потенциальными инвесторами сопровождают управление инвестиций и международных связей Липецкой области и целый спектр институтов развития: Корпорация Развития Липецкой области, Центр кластерного развития Липецкой области, Центр сопровождения инвестиционных проектов, Центр развития туризма Липецкой области, Региональный центр коллективного пользования научным оборудованием ЛГТУ и другие. Операционные институты развития рассредоточены в муниципальных территориях. Такой подход указывает на сбалансированную организацию пространственного развития региона и на системную работу экономического блока региональной администрации.

В 13 из 20 муниципальных образований Липецкой области функционируют Особые экономические зоны и индустриальные парки. Неоспоримое преимущество в этом отношении имеет Грязинский муниципальный район, на территории которого была создана и успешно функционирует Особая экономическая зона Промышленно-производственного типа «Липецк». В ОЭЗ федерального уровня зарегистрировано 54 резидента, из них 21 — действующие предприятия, на которых трудятся 3,7 тысяч работников. Объем заявленных инвестиций составляет 179 млрд руб., из них 53 млрд рублей освоено.

Вышеназванные успешные практики реализации инвестиционной политики нашли отражение в социально-экономическом и пространственном развитии территорий, однако всестороннего исследования в системе политического знания с позиции анализа специфики развертывания процесса формирования и реализации государственной инвестиционной политики пока не получили, что со всей очевидностью актуализирует необходимость проведения подобных исследований. В системе преподавания политологических дисциплин отраслевым политикам, в том числе государственной инвестиционной политике, также следует уделять особое внимание ввиду того, что имеющиеся позитивные региональные практики сближают обучающихся с реальной ситуацией на местах, не давая оставаться исключительно в дискурсе западных подходов и наработок.

Библиография

1. Гусев С.Н. Государственная инвестиционная политика России: цели, задачи, инструменты регулирования // Экономика и управление. 2011. № 10 (83). С. 136–145.
2. Малахова Т.А. Государственная политика стимулирования инвестиционных процессов в условиях модернизации экономики России // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2012. № 5. С. 109–115.
3. Сморгун Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 103–112.
4. Федеральный закон от 25.02.1999 N 39-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221011&fld=134&dst=100011,0&rnd=0.8920187197163916#017167235304012185> (дата обращения: 15.08.2018).

5. Федеральный закон от 29.12.2006 N 264-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О развитии сельского хозяйства». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения: 15.08.2018).
6. Якунин В.И., Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакшин С.С. Государственная инвестиционная политика на транспорте и ее экономические последствия // Вестник российской академии наук. 2007. Т. 77. № 6. С. 483–497.

Соболев В.А.

ВКЛАД Ф.М. БУРЛАЦКОГО В РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ¹

Традиционно научное сообщество начинает понимать и оценивать масштаб ученого только тогда, когда проходит довольно много времени после публикации его трудов. Однако были и те, чей вклад в науку был виден уже при жизни. К числу таких классиков можно отнести и *Федора Михайловича Бурлацкого* (1927–2014).

Ф.М. Бурлацкий — пример того, как в одном человеке совмещались несколько ролей: *ученого*, чей вклад в политическую теорию еще предстоит оценить; *советника*, работавшего рядом с несколькими главами Советского Союза и влиявшего на принятие ими важнейших для страны решений; *политика*, внесшего немалый вклад в работу Верховного Совета СССР; *главного редактора* «Литературной газеты» в тот период (1990–1991), когда она владела умами широкой общественности; *писателя*, создавшего пьесы, которые собирали аншлаги в московских театрах в годы перестройки (1985–1991); *блестящего оратора*, способного часами удерживать интерес аудитории [5; 6; 7; 8; 9]. Трудно утверждать, какая из ролей для Ф.М. Бурлацкого являлась самой любимой, но важно то, что в каждой из них он демонстрировал образец профессионализма.

Ф.М. Бурлацкий «вполне и по заслугам может быть назван основоположником советской политической науки» [1, с. 115]. Именно он в 1965 г. первый в советское время публично заявил о необходимости восстановить в правах политологию как научную и учебную дисциплину, и вплоть до официальной ее легализации в 1989 г. отстаивал особый предметный статус политологии, прилагая много усилий, чтобы политическая наука «не затерялась» в господствовавших в советский период дисциплинах.

Тогда в 1960-х гг., считает А.А. Галкин, было начато возрождение политологии в СССР [4, с. 263]. В то время члены группы консультантов при международном отделе аппарата ЦК КПСС, куда входил Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин и др., заявили о необходимости легализации политической науки в СССР (Воробьев, 2004, с. 170). Это было вызвано тем, что они остро ощущали потребность, можно даже сказать нехватку, в социально-политической теории, способной помочь объяснить политическое развитие и трансформации, происходившие тогда в СССР. Поэтому можно констатировать, что запрос на политическую науку шел от людей, тесно связанных с принятием государственных и политических решений и в целом, с политической практикой.

Несмотря на жесткие идеологические рамки в советский период, в работах Ф.М. Бурлацкого на первый план выносились реальные и животрепещущие проблемы. Писал

¹ Тезисы выступления подготовлены по материалам монографии [6].

ли он об отказе от диктатуры пролетариата и массовых репрессий или о президенте и разделении властей, о конституционной реформе, о президентской республике, — читателя и сегодня привлекает в его работах отсутствие шаблонов и стереотипов, самостоятельность трактовок. Научный язык Ф.М. Бурлацкого подчас специфичен, для него характерны иносказательные приемы, ведь он писал на темы, которые находились на острие политической жизни и требовали новаторского к ним отношения, а любое новаторство в общественном знании тогда расценивалось как инакомыслие и жестко преследовалось. Использование же эзопова языка в некоторой степени ограждало от цензуры и цензоров, позволяло донести свои идеи до читателей.

Ф.М. Бурлацкий и после 1960-х гг. продолжал отстаивать особый предметный статус политологии и предлагал значительно расширить спектр политических исследований. В данном контексте стоит упомянуть об аналитической записке, подготовленной уже в конце 1970-х гг. Ф.М. Бурлацким в адрес Секретаря ЦК КПСС М.В. Зимянина¹, в которой обосновывалась необходимость развернуть следующие политические и идеологические исследования: а) *права, свободы и обязанности личности* в условиях различных социальных систем; б) *проблемы непосредственного участия трудящихся в управлении делами общества и государства* в различных социальных системах; в) *проблемы социального и национального равенства* в условиях различных социальных систем; г) *роль партии, общественных организаций, трудовых коллективов* в политической системе советского общества; д) *образ и качество жизни* на основе сравнительного анализа в различных социальных системах; е) *проблемы общечеловеческие* (защита окружающей среды, преодоление бедности и болезней в современном мире и др.); ж) *изучение общественного мнения в СССР*, а также обобщение материалов в других странах и з) *критика современных политических идеологий* (империализма, маоизма, социал-демократизма, левого революционаризма и др.) и *изучение деятельности идеологических центров* [2].

Также в этой записке Ф.М. Бурлацкий пишет, что важнейшее значение на современном этапе развития политических исследований имеет разработка их теоретических основ, формирование ряда научных дисциплин, что позволит интегрировать все многообразие политических исследований, ввести их в более или менее общее политическое русло. К ним он относит: 1) *теорию политики*, которая включает в себя исследование политической власти, целей политики, субъекта и объекта политики, общественно-политического сознания, методов изучения политики; 2) *теорию политических систем*, в которую входит изучение элементов политических систем, политических норм, политических отношений, типологии современных политических систем и режимов политического руководства и лидерства; 3) *теорию международных отношений и мировой политики*, которая включает в себя исследование проблем войны и мира, мирного сосуществования, международных конфликтов, международного взаимодействия, международных решений, процесса интеграции интернационализации, развития международных коммуникаций, взаимосвязи внешней политики государств и идеологии и другие; 4) *теорию социально-политического управления*, которая включает в себя исследование форм и методов, субъекта и объекта управления, принятие решений, организацию их исполнения, контроль и т.д. [2]

Кроме того, Ф.М. Бурлацкий делает акцент на следующих организационных вопросах, которые способствовали бы развитию политической науки в СССР: а) *создание специального института политических исследований в Академии наук СССР*, который

¹ В это время Михаил Васильевич Зимянин под руководством М.А. Суслова курировал идеологические вопросы (наука, образование, культура, спорт, СМИ и др.).

взял бы на себя разработку значительной части названных выше научных направлений, прежде всего, по проблемам прав человека, демократии, общественного мнения, участия в управлении, критики основных идеологических течений, теории и методики политических исследований); б) *создание Научного совета по проблемам политических исследований* с участием ИМЛ ЦК КПСС, Академии Наук СССР, Академии общественных наук, Института общественных наук при ЦК КПСС; в) *создание журнала «Политические исследования»*; г) переименование Отделения философии и права АН СССР в Отделение философских, политических и правовых наук АН СССР и д) *формирование факультета по социально-политическим наукам* в Московском государственном университете [2].

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий в 1965 г. первый в советское время публично заявил о необходимости восстановить в правах политологию как научную и учебную дисциплину. И вплоть до официальной ее легализации в 1989 г. Ф.М. Бурлацкий продолжал отстаивать особый предметный статус политической науки, делал все возможное, чтобы политология получила подлинное признание. Поэтому Ф.М. Бурлацкого по праву можно назвать одним из основоположников современной российской политической науки.

Библиография

1. Бовин А.Е. XX век как жизнь: Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 773 с.
2. Бурлацкий Ф.М. Записка Секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину // ОРКиР НБ МГУ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–4.
3. Воробьев Д.М. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 169–178.
4. Галкин А.А. У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3–4. С. 257–269.
5. Соболев В.А. Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 152–158.
6. Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР. М.: Издательство Московского университета, 2019. 224 с.
7. Соболев В.А., Ширинянец А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42.
8. Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю. Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–127.
9. Sobolev V.A. F.M. Burlatsky about development of political science in the USSR // Russian Political Science. 2019. N 1 (10). P. 12–17.

Сунь Цзыци

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

По мнению исследователей, слово «менталитет» происходит от латинского корня «менс», что означает «ум». Еще в XIV появилось прилагательное «mentalis», которое обозначало «принадлежность к уму, рассудку, разуму». Несколько позднее, в английский язык появилось существительное «менталити», которое переводится как «склад ума, мышление». Анализируя французской публицистики, У. Раульф пришел к выводу, что изначально слово «mentalité» употреблялось в обыденном языке. Данные подходы

к определению основ происхождения исследуемого понятия свидетельствуют о том, что латинское слово «mens» перенималось европейскими языками, а в ходе развития языков смысл, изначально заложенный в слове, трансформировался. Отметим, что в современных зарубежных научных текстах редко встречается термин «менталитет»: он заменяется другими схожими понятиями «культура» и «сознание».

Научное понятие «менталитет» впервые ввел французский этнолог и социоантрополог Л. Леви-Брюль (1857–1939) в 1910 г. Изучением менталитета народов различных исторических периодов занимались основатели французской исторической школы «Анналов», среди которых наиболее яркими представителями были М. Блок (1886–1944) и Л. Февр (1878–1956).

В истории развития общества эталонные представления о власти формировались в разных направлениях под влиянием различных факторов. Классики политической науки считают религию определяющим фактором для развития политической культуры. Так, М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» показывает, что под влиянием культуры протестантизма менялось восприятие человеком самого себя, что неизбежно отразилось и на характере отношений между людьми, и на их отношении к окружающему миру, в том числе к миру политики.

Размышляя над религиозными событиями в Британии, Г. Алмонд и С. Верба также подчеркивали особую важность ценностных систем. По мнению авторов, тип общественно-политической организации косвенным образом задается структурой ценностных систем. Отсюда и возникает проблема менталитета.

В дальнейшем концепции менталитета получили развитие в стремлении научного сообщества к новому, неклассическому осмыслению феномена коллективного и индивидуального сознания и служили инструментом в познании особенностей сознания чужого.

В современный научный оборот существуют **три подхода** к исследованию политического менталитета:

- политико-культурный;
- политико-психологический;
- комплексный.

К представителям **политико-культурного подхода** относятся Г. Алмонд, Т. Парсонс, Э. Шилз, С. Верба, Л. Халман, П. Эстер, В.О. Рукавишников, К. Ленк, Г. Моргентхау, Н.Л. Подвойская, В.В. Козловский, В.В. Рожанский, А.Я. Гуревич и другие. Особенностью данного подхода является тенденция к отождествлению политического менталитета с политической культурой и политической идеологией. Следовательно, изучение политического менталитета в рамках данного подхода невозможно без рассмотрения трактовки понятий «политическая культура» и «политическая идеология». Таким образом, можно сказать, что данный подход, в общем, рассматривает менталитет как стабильную структуру и является глубоко укорененными в сознании культурными компонентами, которые могут частично быть изменчивыми при том или ином обстоятельстве.

Второй подход — *политико-психологический*, который рассматривает менталитет в контексте концепции политического сознания и отмечает, что в психосферу менталитета входят неосознаваемые установки, мотивы, потребности, страхи, влечения — как индивидуальные, так и коллективные, массовые. Представителями данного подхода в российской науке являются Е.Б. Шестопад, И.К. Пантин, Л.Н. Пушкарев, А.А. Горский, А.Я. Гуревич и другие.

Проблемой данного подхода является то, что в научном сообществе отсутствует единое определение политического сознания. Одни исследователи считают, что по-

литическое сознание включает исключительно осознанные компоненты психики и представляет собой совокупность когнитивных представлений и знаний о социально-политической сфере общества, другие же рассматривает политическое сознание как совокупность осознанных (рациональных), бессознательных, рациональных, аффективных образов и норм, которые регламентируют социально-политические отношения и легитимируют политическую власть.

Еще один *подход* можно назвать *комплексным*. Данный подход не отождествляет менталитет со схожими политическими категориями, но при этом учитывает коренную связь с ними. Согласно этому подходу, политический менталитет рассматривается как категория, являющаяся результатом компиляции отличительных черт политического сознания отдельной социальной группы, пересечения понятий «менталитет» и «ментальность». Представителями данного направления являются В.Е. Семенов, А.В. Лубский, Д.В. Ольшанский, А.И. Юрьев, В.В. Можаровский, Р.А. Додонов, И.В. Кондаков, Н.М. Ракитянский и другие.

Исследователи данного подхода утверждают, что феномен менталитета объясняется культурно-историческим, что «менталитет — это особенности сознания определенной социальной группы». Менталитет, по мнению исследователя, имеет происхождение религиозное. Изначальным основанием и ядром менталитета любого этноса, народа и нации является принятый ими «догмат как некая истина a priori». Эта истина, принимаемая на веру в первую очередь политической и духовной элитой, со временем формирует смыслообразующие устремления народа, вектор мышления и воли больших групп людей, программирует их жизнь и деятельность, воззрения, намерения и поступки.

Еще одним немаловажным фактором, оказывающим влияние на формирование образной основы политического мышления народа, являются произведения традиционного народного творчества: фольклор, поговорка, пословица, притча и т.д. По мнению Е.И. Шейгала, именно они фиксируют глубинные представления о власти. Политическая традиция, будучи объективированной частью культуры, находит свое выражение в политическом дискурсе. Языковое значение определяется, в первую очередь, в рамках национальной культуры, так как способ видения мира носителя отдельно языка зафиксирован в своем языковом сознании. Еще немецкий мыслитель-гуманист, основатель теоретического языкознания, Вильгельм фон Гумбольдт в первой половине XIX века замечал, что «различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями».

Выводы. Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

Во-первых, категория политического менталитета крайне сложна для анализа и на данном этапе развития политической науки нет единого определения данного понятия. Термин «менталитет» может употребляться для описания как политико-культурных, так и психологических феноменов. Подходы к исследованию данной категории многообразны, их можно суммировать в три группы: политико-культурный, политико-психологический и комплексный.

Во-вторых, политический менталитет подобен политической культуре, но не сводится к ней. Структура политического менталитета не включает поведенческого компонента. Однако политический менталитет детерминирует политическое поведение, что позволяет говорить о взаимозависимости и взаимовлиянии этих двух феноменов. В связи с этим исследование политического менталитета, по мнению автора, целесообразнее всего проводить в рамках комплексного подхода, придерживаясь определения менталитета как особенности определенной социальной группы.

Библиография

1. *Almond G., Verba S.* The civic Culture Revisited. Boston, Toronto, 1980; Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. N.Y.: Harper & Row, 1964;
2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
3. *Гумбольдт В.* Характер языка и характер народа / Язык и философия культуры. М., 1985. С. 370.
4. *Кусов В.Г.* Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические исследования. 2000. № 9.
5. *Лесная Л.В.* Интерпретация, понятия менталитета в российских и зарубежных источниках // II Всероссийский социологический конгресс «Российское общество и социология в XX веке: социальные вызовы и альтернативы». М., 2003.
6. *Лубский Р.А.* Политический менталитет: Методологические проблемы изучения и российские реалии: Дис. ... канд. филос. наук. Р/на-Дону, 1999.
7. Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. М., 1993
8. *Подвойская Н.Л.* Политический менталитет // Элитология: Энциклопедический словарь. / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. М.: Экон-информ. 2013;
9. *Пушкарев Л.Н.* Понятие «менталитет» в современной зарубежной историографии // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999;
10. *Ракитянский Н.М.* Теоретический и методологический потенциал понятия «менталитет» // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета: Сборник научных статей XII Международной научной конференции / Под ред. К.Е. Кузьминой, И.В. Морозиковой, Н.П. Сенченкова; Смоленский государственный университет. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. Вып. 12. С. 210–218.
11. *Раульф У.* История ментальностей. К реконструкции духовных процессов. Сборник статей. М., 1995. С. 14.
12. *Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: «Совпадение», 1998;
13. *Рукавишников В.О.* Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М., 1998;
14. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 78.

Темирболат Б.Б.**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЕМОКРАТИИ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

К концу XX века, когда потерпела крах мировая социалистическая система во главе с Советским Союзом, а вслед за этим в историческое небытие ушел и целый ряд авторитарных режимов, казалось, что до полного торжества демократии в мире один шаг.

Опыт передовых стран также свидетельствовал, что одним из ключевых факторов их успеха выступала демократическая политическая система, основанная на либерально-демократических ценностях.

Поэтому прозвучавший на этой волне тезис Ф. Фукуямы о конце истории в связи с полной и безоговорочной победой демократии выглядел по сути как констатация свершившегося исторического факта. Ученый громогласно заявил: «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив. ...Настало время универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [1].

В своих рассуждениях Ф. Фукуяма опирался на т.н. волновую теорию демократизации С. Хантингтона, согласно которой современная демократия сформировалась в результате трех последовательных волн.

Первая волна зародилась в XIX веке и достигла своего пика с появлением новых демократий после I мировой войны. Вторая волна демократизации началась с окончанием II мировой войны, когда на фоне крушения международной колониальной системы на путь демократии встали многие бывшие колонии. В конце 1980-х гг. — начале 1990-х гг. поднялась третья волна демократизации, подорвавшая легитимность авторитарных режимов и обеспечившая движение к демократии по всему миру. Данный процесс начался в Южной Европе, распространился на Латинскую Америку и Азию, а позднее охватил Восточную Европу и Советский Союз [2].

Журнал «Journal of Democracy», подводя итоги XX столетия, констатировал, что в 2000 году в электоральных демократиях, к которым относилось порядка 120 стран, проживало 63,2% населения планеты [3].

Не удивительно, что в тот период в среде ученых и политиков получило широкое распространение мнение о том, что демократия — «самая влиятельная политическая идея XIX века, ставшая к началу XX столетия политической реальностью, к его середине — реальностью геополитической, а к концу — универсальной, хотя далеко и не всеми принимаемой парадигмой политического устройства, вольно или невольно подразумеваемой точкой отсчета политических систем» [4].

Россия с начала 1990-х годов, как и другие постсоветские страны, активно включилась в процесс строительства демократической политической системы. Естественно, что это детерминировало всплеск научных изысканий как в отношении самого феномена демократии, так и специфики перехода к ней. При этом большая часть ученых как на Западе, так и в бывших советских республиках, априори придерживаясь вышеуказанных взглядов, рассматривала молодые демократические государства в качестве транзитных, т.е. переходных по отношению к западной евроатлантической модели, и соответственно относила их к т.н. демократурам (квазидемократии, сочетающие в себе структурную демократию и функциональную диктатуру). Поэтому любые издержки и несоответствие западным стандартам автоматически воспринимались, как болезни роста.

Однако все оказалось не так просто. Как показали события на рубеже XX-XXI веков, начались тектонические сдвиги, свидетельствовавшие о вступлении мировой демократической практики в полосу трансформации, которая затронула сами парадигмы ее развития. Масштабные и бурные процессы, развернувшиеся в этот период в экономической, коммуникативно-технологической, социально-демографической областях, способствовали зарождению новых видов политических практик, которые стали вступать в противоречие с устоявшимися демократическими институтами.

Характерной приметой времени стала утрата традиционными институтами гражданского общества в лице политических партий, групп давления, профсоюзов, церкви, общественных движений, НПО, СМИ монополии на выражение общественного мнения.

На политическую арену все уверенней выходят т.н. сетевые сообщества — мобильные инициативные группы, действующие в социальных сетях. Они быстро и легко объединяются вокруг интересов в той или иной сфере, достигают своих целей и также легко распадаются.

Общественное участие все больше приобретает сетевой характер. Как результат, возникают качественно новые, преимущественно слабо формализованные практики политического участия, далекие от упорядоченной типологии организационно устойчивых форм участия [5].

На сегодня уже действуют мощные интернациональные сети и группы влияния по интересам. Эти неформальные в правовом измерении и неподчиняющиеся какой-либо национальной юрисдикции социальные группы имеют значительные ресурсы и возможности влиять на продвижение своих конкретных интересов в тех или иных странах.

Мобилизационный потенциал нового института гражданского участия во всей полноте был продемонстрирован в ходе событий «арабской весны», охватившей страны Ближнего Востока и Северной Африки в 2010–2011 годах [6]. Во многом деятельностью сетевых сообществ был обусловлен и рост протестных настроений в России зимой 2011–2012 годов.

Между тем следует отметить, что современная эра стимулирует не только развитие новых форм в лице сетевых сообществ, но и институционально-функциональную модификацию и изменение формата работы традиционных институтов гражданского общества.

Так, в результате синтеза сетевых сообществ и традиционных мобилизационных институтов появились т.н. киберпартии. Такой тип партий на сегодняшний день — серьезный противник на политической арене. Главным критерием популярности сетевых партий являются посещаемость ее online-представительств (на вебсайтах, форумах, блогах, социальных сетях, чатах) и активность сторонников. В настоящее время сетевые партии уже не используют интернет в качестве инструмента своей работы, они сами являются политическими сетями, киберинститутами политического процесса [7]. Интернет же обеспечивает им устойчивый плацдарм, на котором они работают со своими избирателями и сторонниками.

Иными словами, сейчас в мире активно идет интернет-революция, которая во многом определит новую систему взаимоотношений граждан и государства [8]. [9] В этой связи исследователи все чаще говорят об эрозии традиционных демократических институтов участия [9] и начале формирования электронной или интернет-демократии как новом этапе в развитии демократии [10].

Электронная демократия является логическим звеном в эволюции демократической системы в условиях перехода к информационному обществу, наблюдаемому в странах западной демократии. Ее политическое значение и институциональное влияние на управленческую систему государств еще предстоит осмыслить. Однако уже сегодня очевидны, по меньшей мере, два факта.

Во-первых, это то, что развитые страны уже начали свое движение в сторону освоения политических интернет-просторов, и этот процесс будет только ускоряться. И, во-вторых, что государство, которое не сможет адекватно оценить и ответить на вызов глобальной информационной эры, завтра не сумеет обеспечить функциональность и стабильность своей общественно-политической системы.

Вместе с тем, следует отметить, что процесс размывания традиционных мобилизационных институтов детерминирован не только научно-техническими достижениями, приведшими к бурному росту коммуникаций, но и значительной трансформацией самой социальной структуры современного общества.

Это происходит под влиянием таких факторов, как глобализация, смена технологического уклада экономики, деятельность транснациональных корпораций, массовые миграционные процессы, расширение прав ЛГБТ и др.

Начавшиеся еще в 1960-е годы в странах западной демократии процессы ослабления территориальной, профессиональной, психологической обособленности различных социальных групп и приведшие к размыванию классовой и религиозной идентификации общества, в наши дни только углубились.

В результате на политическую авансцену выходят новые социальные группы: женщины, этнические и сексуальные меньшинства, которые во многом формируют повестку дня современных государств. Обретая форму гражданских инициатив — неформальных и подвижных объединений людей, стремящихся как к решению конкретных, локальных проблем, так общечеловеческих вопросов глобального развития, они прочно вписались в ландшафт современного общества.

Неслучайно одним из актуальных вопросов на сегодня является проблема гендерного равенства или представленности женщин в политике и в структурах государственной власти. В настоящее время большинство государств в мире признало необходимость борьбы с сексизмом. Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин ратифицировали 189 стран.

Кажется, что женщины уже добились равноправия на политическом уровне. Однако цифры говорят обратное. Согласно данным Inter-Parliamentary Union (IPU), среднее число женщин в парламентах во всем мире сегодня едва превышает 23%. В странах Европейского Союза этот показатель заметно выше — от 48% (в парламенте Ирландии) до 26% (во Франции) [11].

В разных странах мира ситуация с представленностью женщин различна, но, например, на Востоке эта проблема действительно стоит очень остро. В результате в более чем 50 странах принимаются определенные правовые меры по внедрению специальных гендерных квот или узаконенного представительства женщин в органах власти [12].

Сегодня под давлением западных стран в мире также наблюдается политизация вопроса о правах ЛГБТ-сообществ (лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров) [13]. Положение ЛГБТ и их права становятся обязательным условием «демократичности» при оценке того или иного политического режима. Права ЛГБТ-сообщества уже вынесены на уровень международных комитетов ООН по соблюдению прав человека.

Все это постепенно может вести к тому, что в недалеком будущем в ряде стран для ЛГБТ могут быть внедрены специальные квоты для представленности в органах власти для защиты их прав на политическом уровне (об этом можно судить по тому, что в 2016 году ООН в целях усиления защиты представителей ЛГБТ-сообщества от дискриминации впервые назначила специального Уполномоченного ООН по правам гомосексуальных, бисексуальных и трансгендерных людей) [14].

Не менее актуальной является проблема политического участия и представленности во власти различных расовых, этнических и религиозных групп.

Данная проблема становится особенно актуальной вследствие глобальных миграционных процессов. Масштабы международной миграции впечатляют. Так, при сохранении нынешних тенденций (244 млн человек — в 2015 году, 258 млн — в 2017 году) число мигрантов к середине XXI века превысит 320 млн человек [15]. Это уже спровоцировало миграционный кризис в Европе, куда хлынул поток беженцев и нелегальных мигрантов из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии.

По прогнозам, доля мусульманского населения Европы может увеличиться с 4,9% (2016) до 7–14% к 2050 году даже в случае сокращения миграционных потоков [16]. При этом, как показала практика, мусульманские диаспоры не стремятся интегрироваться в принимающие страны, сохраняя высокую степень своей языковой и социокультурной автономии.

Естественно, что по мере своего роста мусульманские диаспоры в странах Евросоюза постепенно приобретают политический вес. Для секуляризованных и сохраняющих христианскую природу европейских государств поиск путей интегрирования мусуль-

ман (как иммигрантов, так и граждан) в социокультурное и политическое пространство представляет собой серьезную проблему [17].

Все эти масштабные перемещения людей меняют не только этнический и религиозный ландшафт Европейского Союза, но и ведут к размыванию традиционных европейских ценностей демократии и оказывают воздействие на устоявшиеся формы политического участия.

Как результат, в мире возрастает критическое отношение, а где-то и отторжение демократических ценностей. Подобные настроения усилились на фоне «бархатных» революций в Восточной и Центральной Европе, «цветных» революций на постсоветском пространстве, «арабской весны» в мусульманских странах Ближнего Востока и Северной Африки, где имели место факты активного вмешательства Запада с целью переформатирования национальных политических систем под некие универсальные стандарты демократии.

В свою очередь, такие явления, как рост экономического, политического и культурного влияния Китая, активное позиционирование России по актуальным вопросам глобальной повестки дня, усиление исламского фактора в мире вкупе с массовой миграцией мусульман в Европу и др., ведут не только к снижению привлекательности западной модели демократии, но и к расширению встречного воздействия на нее со стороны незападных политических систем.

В итоге дискуссия относительно перспектив демократии развернулась в двух плоскостях.

Согласно первой позиции — оценка демократий на основе хрестоматийных моделей западной демократии является ошибочной, и речь следует вести о различных моделях демократии. Иначе говоря, глобализация демократии должна протекать не в русле унификации политической карты мира, а через диверсификацию демократии посредством расширения демократических вариантов развития [18].

Приверженцы второго подхода ставят вопрос о самой природе демократии с точки зрения ее исключительной эффективности и легитимности в части реализации политических интересов граждан, а соответственно — ее универсальности и безальтернативности в контексте общественного развития.

Все это в совокупности детерминирует необходимость системного научно-методологического переосмысления самих парадигм демократии и ее перспектив в качестве ведущей модели политического устройства современного общества.

Библиография

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 136.
2. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
3. Journal of Democracy, January 2000 // www.journalofdemocracy.org.
4. Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М., 1997. 448 с. С. 10.
5. Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. N. Y.: Harper and Row, 1972. P. 162.
6. Ефременко Д.В. Сетевое общество: от метафоры к реальности. С. 7. URL: http://www.inion.ru/files/File/Social_networks_and_online_communities_2013.pdf.
7. Морозова Е.В. Антиистеблишментские партии как сетевые сообщества // Сети в публичной политике / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 373 с. С. 60.
8. Ровинская Т. Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 86.

9. *Никовская Л.И., Скалабан И.А.* Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // *Полис*. 2017. № 6. С. 43–60.
10. *Абрамова Д.С.* Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // *Гуманитарные научные исследования*. 2013. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2013/01/2145>.
11. Сколько женщин в большой политике в странах Евразийского Союза. URL: <https://camonitor.kz/28936-skolko-zhenschin-v-bolshoy-politike-v-stranah-evraziyskogo-soyuzha.html>.
12. *Mala Htun.* Is Gender like Ethnicity? The Political Representation of Identity Groups // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2. № 3. P. 439–458.
13. *Donald P. Haider-Markel, Mark R. Joslyn, Chad J. Kniss.* Minority Group Interests and Political Representation: Gay Elected Officials in the Policy Process // *The Journal of Politics*. 2000. Vol. 62. № 2. P. 568–577.
14. ООН впервые в истории назначила уполномоченного по правам ЛГБТ. URL: <https://makeout.by/2016/10/12/oon-vpervye-v-istorii-naznachila-upolnomochennogo-po-pravam-lgbt.html>.
15. *Зеленин О.* ООН: число мигрантов в мире к 2050 году превысит 320 млн человек. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3268763>
16. Доля мусульман в Европе к 2050 году вырастет даже при снижении миграции. URL: <http://ru.sputnik-tj.com/world/20171130/1024031483/dolya-musulman-evrope-2050-godu-vyrastet-dazhe-pri-snizhenii-migracii.html>.
17. *Хенкин С.М., Кудряшова И.В.* Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // *Полис*. 2015. № 2. С. 137–155.
18. *Баранов Н.А.* Трансформации современной демократии: учебное пособие. СПб.: БГТУ, 2006. С. 213.

Федоркин Н.С.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Во Введении к первому изданию работы «Политический человек. Социальные основания политики» (1960) известный американский политический социолог М. Липсет сделал важное замечание, которое, на наш взгляд, можно отнести к одному из значимых методологических принципов исследования не только политической социологии, но и других дисциплин политической науки. Смысл этого замечания состоял в том, что для социолога нельзя себе представить исследование общества, «которое бы не включало политическую систему в качестве существенной части этого анализа», поскольку изучение политических процессов в реалиях предстает частными случаями «более общих социологических и психологических взаимоотношений и зависимостей» [6, с. 13].

Эти идеи автор развивал в период становления политической социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины, острых дискуссий эпохи поведенческой революции, когда среди научного сообщества актуализировалось изучение методологических вопросов гибридных дисциплин политического знания. В центре дискуссий выступали вопросы институализации этих дисциплин в качестве относительно самостоятельных областей политического науки, соотношения с другими, смежными с ними, дисциплинами, вопросы предметного поля той области знания, которая ныне именуется политологией [3, с. 113–149]. Он принадлежал к той группе политических социологов, которые придерживались мнения о внутреннем единстве отраслей политического знания и общности их объектной области исследования — *политической*

жизни во всех ее проявлениях, каждая из которых в то же время претендовала на свою предметную область. Одним «из основных предметов политической социологии», ключевой ее проблемой, он выделял «анализ социальных условий, способствующих демократии» [6, с. 23]. В расшифровке содержания этого тезиса сложилось более или менее понятное его концептуальное представление о структуре политической социологии как самостоятельной научной дисциплины, конкретизирующее ее предметную область и отличие, как от политологии, так и от других дисциплин политического знания. В ее структуру он включал исследование целого ряда «проблемных областей» этой отрасли политической науки — демократии как «формы общественной системы», проблемы легитимности политической власти, факторы стабильности политических систем, политическое представительство и электоральное поведение, политическое участие, изучение политических партий, общественных движений, политических элит, бюрократии, политических конфликтов и кризисов. Сам М. Липсет отмечал, что в означенном пространстве проблем политической социологии, представляющих ее предметную область, имеется еще «много других ясно выраженных тем, которые нуждаются в дальнейшей углубленной проработке и изучении» [6, с. 45].

Но и без учета этого замечания в его концепции предметная область политической социологии, по нашему мнению, просматривается достаточно ясно. В интеллектуальном контексте ее теоретический фундамент, по его мнению, «в большей или меньшей степени» образуют переосмысленные идеи «четырех великих европейцев»: Маркса, Токвиля, Вебера и Михельса [6, с. 26]. В отличие от политологии, концентрирующей свое внимание на исследовании институциональных аспектов политики, как самостоятельной части политической реальности, политическая социология делает акцент на изучении отношений и зависимостей между социальными и политическими институтами, как особой сферы «социологии политической жизни» [6, с. 26], она по существу исследует социальные механизмы влияния общества на государство [5, с. 204], как, собственно, и обратного влияния политических институтов на социальные процессы. Поэтому ее по преимуществу интересуют поведенческие аспекты политики, «действия людей (интеллектуальные и практические), осуществляемые ими в процессе создания, использования и изменения политических институтов (политической жизни)» [2, с. 11], которые выступают для нее инструментами социального действия. Вопрос о доминировании государства или общества в их взаимодействии, выступавший концептуально дискуссионной проблемой для живших в XIX веке «отцов политической социологии», для М. Липсета, «с точки зрения современной социологии», полностью себя исчерпал, но «лежащая в его основе проблема достижения надлежащего баланса между конфликтом и консенсусом» [6, с. 25–26] осталась. Более того, она виделась ему одной из системообразующих тем политической социологии, своеобразным механизмом создания и поддержания консенсуса, необходимого для демократического общества. Таким образом, если обобщить, предметное поле политической социологии в его концепции вырисовывалось как системное исследование социальных механизмов власти и влияния в обществе на разных этапах его развития и в разных фазах функционирования социально-политической системы, которые собственно и структурируют содержание политической социологии как одной из гибридных дисциплин политической науки.

Но что такое «гибридный ученый» и гибридизация как понятие? М. Доган, например, так характеризует «гибридного ученого»: это специалист, интегрирующий в свои исследования «факторы, переменные, теории, концепты, методы и сущности, генерируемые в других дисциплинах», то есть «гибридизация подразумевает совмещение сегментов дисциплин, рекомбинации знания в новых специализированных полях» [4, с. 12]. Как

гибридная дисциплина, политическая социология в этом смысле представляет собой «слияние частей родительских дисциплин»: политологии, социальной психологии, экономики, и, конечно, социологии. Очевидно, что в силу своей предметной области, она не может не совмещать в себе и «сегменты» управленческих теорий (менеджмента), как составной части общего механизма формирования, функционирования и развития социально-политических систем.

В социально-политической системе властные отношения реализуются как в официальной, так и в неофициальной форме. В *официальной форме* их реализация регламентируется нормами и процедурами, выражающими этим их всеобщность, публичность, следовательно, легитимную возможность применять совокупную силу государственных ресурсов для достижения поставленных целей. Властные отношения могут реализовываться и в *неофициальной форме* — *влиятием* социальных групп и граждан на должностных лиц и политические институты принимающих политические решения посредством *общественного мнения* и политических технологий. Политологию и, прежде всего, политическую социологию как раз интересует «процесс перехода одного в другое и те противоречия, которые возникают на этом пути» [1, с. 13].

Отметим, что область «неофициального», неформального во властных отношениях, значительна. Она фактически создает параллельный вектор в механизме формирования, функционирования и развития социально-политических систем, включая в себя, к примеру, формирование электоральных предпочтений, лоббистскую деятельность, процесс урегулирования внутрисистемных и международных политических конфликтов, создание привлекательного имиджа государственного или политического деятеля и многое другое. Специфика реализации властных отношений в этой форме состоит в том, что их субъекты (политические организации, группы давления, политтехнологи в широком смысле этого понятия, представляющие интересы своих клиентов и т.д.) в достижении поставленных целей лишены возможности использовать статусные, государственные ресурсы [7, с. 16, 21 и др.]. Поэтому, в границах действующих в обществе правовых порядков, конкурентной среды политической жизни, они ставят цели и решают задачи по их реализации, используя целую систему организационных, технологических, управленческих и иных мероприятий и действий, осуществляемых в форме *политических кампаний* способных системой скоординированных методов и способов (политических технологий) изменить политическое поведение объекта в интересах субъекта управления политической кампанией. Это и есть по существу начальное звено формирования «специализированного поля» новой гибридной дисциплины, которая получила название политический менеджмент, и которая, как нам представляется, проходит ныне процесс своего успешного становления в качестве относительно самостоятельной области политического знания.

М. Доган отмечал, что социология в 1950–1960-е годы «была главным донором политической науки» [4, с. 6–7]. Ее вклад он видел не только в институализации политической социологии, но и в разработке теории групп или группового подхода в политике, политических предпочтений, теорий систем. В растущей специализации социологии, как и других социальных наук, он видел главный путь их развития. Для него было очевидным, что гибридные специализации «во втором поколении» так же будут порождать все новые «гибриды», выражая этим «сущностное явление истории науки» [4, с. 11]. Причастный ко второму поколению гибридных дисциплин, политический менеджмент формирует свое специализированное поле «сегментами» дисциплин политологии, социальной психологии, менеджмента и, особенно, политической социологии, которая для него по определению выступает одной из доминирующих

«родительских дисциплин». Объектом политического менеджмента выступает общая для всех политических наук политическая жизнь. Предметом политического менеджмента как особого вида политико-управленческих отношений выступает политическая кампания, как специфическая и уникальная по своей сущности управленческая организация. Объектно-предметная область политического менеджмента требует особого дополнительного обстоятельного анализа.

Библиография

1. *Амелин В.Н.* Социология политики. М.: Изд-во МГУ, 1992.
2. *Артемов Г.П.* Политическая социология: Учебное пособие. М.: Логос, 2003.
3. *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999.
4. *Доган М.* Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10.
5. *Липсет М.* Политическая социология // Американская социология. Перспективы. проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.
6. *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. М.: Мысль, 2016.
7. *Пушкарева Г.В.* Политический менеджмент: Учебное пособие. М.: Дело, 2002.

Хордецки Бартош

МЕСТО ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СУГГЕСТИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ

В процессе интерпретации политических текстов одной из важных задач остается определение возможных смыслов ключевых терминов. Нередко эти термины имеют богатую и многозначную историю. Отсюда этимологические исследования остаются одним из путей, которые могут позволить раскрыть или упростить раскрытие глубоких смыслов, заложенных в ключевых словах данного политического текста. Поэтому, как правило, инспирация этимологией может выполнять полезную, эвристическую роль. Тем не менее, нельзя рассматривать ее в качестве метода, решающего основные проблемы интерпретации. Переоценивание значимости этимологических суггестий часто приводит к неадекватным оценкам и поспешным выводам.

Цель доклада — показать роль, какую этимологические гипотезы могут играть в процессе интерпретации политического текста. Автор старался реализовать данную задачу путем анализа этимологических суггестий, которые следуют из отдельной истории двух понятий, ключевых для западной и восточной христианской традиции, то есть понятия *imago* и понятия *εἰκόнь*.

Европейские языки издавна находятся в орбите влияния западного и восточного христианства. Это означает в то же время, что они формировались и продолжают формироваться в условиях своего рода напряжения между латинскими и греческими переводами Священного писания. Это напряжение сильно воздействовало на формирование не только духовности и религиозности Востока и Запада, но также и коммуникационных образцов и политических культур государств, придерживающихся христианской традиции.

Таким образом на протяжении веков христиане делились на тех, которые говорили о человеке как образе Бога, используя латинское слово *imago*, и на тех, которые использовали греческое слово *εἰκόν*. Оба слова, хотя и происходят из разных языков, очень близки по значению. Тем не менее они не идентичны. Таким образом, имеется потенциал, чтобы подчеркивать различия между двумя традициями, даже их утратить. А это — если только в данном месте и в данное время имеется соответствующее желание — может способствовать созданию различных теорий о превосходстве одной традиции над другой.

Конечно, этимологическое и историческое различие терминов *imago* и *εἰκόν* остается фактом. Однако его можно рассматривать как нефундаментальное. Представляется также, что отсутствие баланса в вышеупомянутом вопросе не только ничего не предопределяет, но может и восприниматься как преимущество христианства, которое взятое как единое целое, выражает различные чувства и допускает множество путей экспрессии. Тем не менее, если кто-то захочет, сможет риторизировать различие, о котором идет речь, представляя его как исключительно важное явление, которое свидетельствовало бы о существовании неустранимых барьеров в христианском мире. В таком случае подчеркивание различий служит укреплению изоляционистского мышления, предлагая при этом представителям различных направлений христианства сильное чувство самобытности и уникальности (оно находится в рамках мировоззрения, в свете которого между отдельными группами последователей Христа идет радикальный спор о границах между ортодоксией и гетеродоксией).

Таким образом, в докладе автор предпринял попытку показать, что этимологические различия терминов *imago* и *εἰκόν* несложно использовать, чтобы на их основе строить сильно риторизированные, последовательно дихотомические видения действительности. Эти видения иногда могут казаться привлекательными в частности потому, что, как правило, принимают новаторскую форму, иногда удовлетворяя человеческую жажду смысла, позволяя сокращать многочисленные когнитивные диссонансы и связанные с ними гносеологические разочарования. Ссылаясь на различия в области этимологии, сторонники черно-белого видения мира приобретают якобы доказательства радикальной несоизмеримости и скрытой борьбы между силами добра и зла. А когда якобы уже становится известно, что зло и добро друг с другом воюют, а также чем они являются, сделать выбор в жизни становится легко, поскольку этот выбор становится очевидным.

Мышление данного типа следует определить как очень опасное. Отражается в нем убеждение, что реальность формируется по логике мы-они, друзья-враги, наши-чужие. Между тем, неоднократно именно такого рода представления приводили к острым, хроническим спорам, в ходе которых люди практиковали различные способы реагирования агрессией на агрессию.

Процессы создания мифологии путем подчеркивания этимологических различий требуют тщательного исследования. Эти исследования в какой-то степени могут помочь в распространении культуры интрепретационной умеренности (в частности, через открытие и представление механизмов создания мифа). Важной особенностью представителей этой культуры должна быть способность воздерживаться от чрезмерных и необдуманных гипотез и эффектных, но необоснованных суждений.

Чанышев А.А.

О ПРИМЕНЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОПЫТУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В 1965 году Карл Ясперс, пытаясь осмыслить перспективы преодоления Западной Германией наследия нацизма (подлинной денацификации, превращающей «всех немцев в носителей государства» [4, с. 28]), также призывал, по сути, к исторической объективности и нравственной честности в оценке политической ситуации и возможных траекторий ее развития в ФРГ, к своего рода «готовности соединить себя с ненавистным» ради изживания верноподданничества, добродушно-либеральной мягкотелости и обретения свободы как действенного гражданского мотива. Ясперс свидетельствовал о необходимости духовной «нравственно-политической революции после 1945 года», о потребности опереться на «безграничную волю к прекращению преемственности от преступного государства» в том случае, «если у нас есть будущее». В интересах такой революции Ясперс настаивает на том, что в отношении «преступлений против человечества», совершенных теми, кто принимал участие в принятии решений о массовых убийствах и исполнении этих решений, не может быть применено положение о сроке давности. В противном случае «абсолютное исключение обратной силы» нового международного права, «созданного Уставом нюрнбергского Международного трибунала», могло бы означать «юридическое оправдание нацистского государства»¹. В частности, Ясперс приводит в качестве примера подобного оправдания позицию по вопросу о сроке давности федерального министра Штрауса² как выражение целого сегмента общественного мнения в Германии: «Кое-кто говорит, например, что не годится наказывать одних немцев, причем до седьмого колена, как это делают сейчас. Видным выразителем такого рода взглядов был федеральный министр Штраус, который заявил, что это, дескать, является “потрясением для правосознания человечества и фальсификацией истории, поскольку тем самым утверждают, будто только немцы совершали военные преступления”» [5, с. 219].

Возражение Ясперса по существу данного вопроса заключается в том, что аргумент Штрауса (кстати, активно использованный некоторыми немецкими юристами с целью поставить под сомнение правомочность приговора, вынесенного трибуналом³ и звучащий и поныне) не имеет силы по причине **исключительности** совершенных нацистским государством преступлений. Речь идет, по мнению немецкого мыслителя, о «коренном различии между военными преступлениями и преступлениями против человечества», которое состоит в следующем: «Преступления против человечности — это все те чудовищные злодеяния, которые называются военными преступления, совершенными по отношению к противнику. Преступлением против человечества является

¹ См.: Массовые убийства не могут быть оправданы за давностью. Беседа К. Ясперса с Р. Аугштейном (журнал «Шпигель», 1965) [5, с. 218–224].

² Франц Йозеф Штраус (Franz Josef Strauß, 1915–1988) — политик правого толка, один из лидеров баварской партии Христианско-социальный союз (ХСС).

³ В частности, наиболее спорным, по мнению немецких юристов, был пункт «Преступления против человечности» (Verbrechen gegen die Menschlichkeit), поскольку он в рамках известного суду законодательства в равной степени мог бы быть применен как к обвиняемым (бомбардировки Ковентри, Роттердама и пр.), так и к обвинителям (разрушение Дрездена, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и т. д.). В целом см. об этом: [6, S. 491–502].

претензия на то, чтобы решать, какие группы людей и народы на земле могут жить, а какие — нет, и претворение этой претензии в жизнь путем уничтожения их. Сегодня это называют геноцидом, а можно было бы назвать и массовым убийством». — И далее: «Массовое убийство в принципе означает приведение в исполнение приговора, вынесенного другим группам людей, народу, который не должен жить на земле. Кто требует такого приговора и приводит его в исполнение, тот совершает преступление против человечества. Такие преступления были совершены по отношению к евреям, цыганам, душевнобольным. Все, кто понял это, заявляют сегодня с ясным сознанием: ни один человек не имеет права решать, что какая-то народность не должна существовать. Кто на основании такого приговора производит уничтожение народов и сам принимает в этом участие, тот делает нечто, коренным образом отличающееся от известных до сих пор преступлений. Он действует против принципа, заключающегося в существовании и признании человека как такового. И поскольку он это делает, к нему должен быть применен следующий принцип: с людьми, творящими такое, человечество не может сосуществовать» [5, с. 219–220].

Обратим внимание на то, что Ясперс применяет для квалификации определенных действий нацистского государства не понятие «преступления против человечности» которое было использовано на Нюрнбергском процессе (эти преступления, согласно квалификации в Нюрнберге, состояли в том, что *обвиняемые проводили политику преследования, репрессий и истребления врагов нацистского правительства, бросали в тюрьмы людей без судебного процесса, подвергали их преследованиям, унижениям, порабощению, пыткам, убивали их*), но понятие «**преступления против человечества**». Именно такая квалификация дает ему основание говорить о нацистском государстве как о «**преступном государстве**»¹.

Мой тезис заключается в следующем: в истории движения и изменения содержания политических понятий, составляющих определенную параллель событиям политической истории, а именно в истории понятий «мир» и «свобода»², можно обнаружить определенную точку *искажения*, инверсивной деформации их *общечеловеческого* содержания, которая создала идейную отправную точку сползания к утверждению о *правомочности* государства в деле совершения насильственных действий против целых народов, — и в этом смысле предвосхитило саму возможность совершения такого рода действий, отрицающих в нашем историческом случае, по справедливому утверждению Ясперса, «существование и признание человека как такового», то есть наиболее фундаментальное из всех прав, право на жизнь.

В европейской традиции право на жизнь, обеспечиваемое мирной жизнью, прочно увязано с понятием *свободы*. Жизнь, а точнее *свободная* жизнь представляется высшей ценностью. Соответственно право на свободную жизнь выступает как высшее право.

¹ То есть о государстве, которое использует порождаемый им «поток законов» как «средство для усмирения и покорения народа ... Оно хочет с помощью силы изменить людей и подчинить себе все человечество. Свой принцип оно подтвердило уничтожением народов, которые, как оно решило, не имеют права существовать на земле» [5, с. 218].

² Этимологически немецк. *Friede(n)* (мир, покой) близок словам «свободный» (*frei*), «друг» (*Freund*) «*Friede*» (древнегерманское — *fridu*, средневековое — *fride*); весь этот куст связан с индоевропейским корнем «*pri*» — «любить», «беречь». Тем самым это слово подчеркнуто подразумевает момент активной *взаимной* помощи и поддержки. «*Friede*» в данном отношении представляет собой с самого начала *социальное* понятие: оно обозначает определенную форму *совместной* человеческой жизни (см. [7, S. 543]). — Ср. описание логики развития этимона *pritiu* как исходной формы слов, выражающих любовную близость у славян и у германцев у М.В. Ильина: [1, с. 48–51]. Современный немецко-русский синонимический словарь в качестве аналогов к слову *Friede(n)* указывает *Eintracht*, *единодушие* и *Harmonie*, *полное согласие* (см.: [4, с. 185–186]).

Например, Локк, фиксируя эту связность, утверждает, что свобода от деспотической власти настолько необходима для сохранения человека, что он не может расстаться с ней, даже если поставлена под угрозу его безопасность [3, с. 17].

Вместе с тем, обратим внимание на то, что «свобода» еще у Гоббса, то есть у истоков проекта модерна, имела двойственную природу: она, в качестве «естественной свободы», — нечто противоречиво-темное, невнятное, иррациональное, порождающее «войну всех против всех» и, следовательно, свою противоположность, страх и зависимость. В качестве иррационально-непроясненной и неуправляемой *первичной* потребности она требует (рационального) понимания и установления контроля над ней, который может быть эффективен лишь со стороны *государства, Левифана*, своего рода *Супер-Эго*, чтобы конвертировать естественную свободу в свободу гражданскую, дозируемую и упорядочиваемую универсальными нормами права. Но тем самым происходит частичное смещение смыслового поля понятия свободы: *условием* (хотя и не источником) ее становится, наряду с человеком «политическое государство». Затем у просветителей и Канта происходит отказ от подобного смещения и корреляция позиции, связанная с установлением *особой реальности права*, несводимой к нормам «позитивного законодательства»¹. Наиболее последователен в данном отношении Кант, ибо в качестве критерия правового государства предлагает в том числе и прежде всего неотчуждаемость нравственной автономии личности и соответствующего последней гражданского достоинства каждого лица-члена политического сообщества. Однако понимание права в качестве сферы «внешнего» действия категорического императива (без подмены права моралью: для права доступна лишь воздающая по закону «за равное — равным» справедливость)² включает и право, и правовое государство, и политическую жизнь в целом в своеобразную историософскую телеологию, основанием которой был этический идеализм, то есть учение о том, что смысл (назначение) исторического существования человека и человечества — исполнение морального предназначения, реализация «плана свободы». Кант полагал, что, в конечном счете, это превращает политику в (бессознательное) средство достижения этой цели. Политика, конечно же, остается областью инструментального взаимодействия людей, однако возможным и необходимым в исторической перспективе является образование «постоянного конгресса государств», что сделает «полностью действительным право мира», а затем в общем союзе (правовых) государств (представляющих собой справедливое республиканское политическое устройство) это право мира станет *состоянием* мира, и это — *нравственная цель* [2, с. 279, 280–281, 282–283], исключив международные противоречия из политической жизни, то есть приведет к установлению «вечного мира» и замене политической

¹ Точно такую же позицию занимает Ясперс, когда он говорит следующее: «В тот момент, когда что-то случается, делается или хотят чего-то, что представляет собой перелом в истории, например революцию, узаконенное право (то есть позитивное право. — А.Ч.) не имеет абсолютной силы и вновь встает вопрос: что должно иметь силу? И заново принимается решение о том, что теперь из вечной справедливости признается в качестве права». Массовые убийства не могут быть оправданы за давностью [5, с. 217].

² Если, согласно Канту, категорический императив гласит: *поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона*, то правовой закон формулируется следующим образом: *поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом*. Право же — это не область условных императивов, но сфера «внешнего» действия императива категорического, модифицирующая как санкцию закона (право предполагает возможность и необходимость внешнего принуждения, совместимого со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами), так и формулу свободы. (Право образует внешнее пространство человеческой свободы, с одной стороны, защищая личность от произвола других лиц, общества и государства, а с другой, ограждая других лиц и общество в целом от преступлений.) См.: [4]. С. 133, 140, 141.

регуляции регулирующей моральной; иными словами, в перспективе «вечного мира» политика приобретала смысл средства достижения духовных (моральных) целей человека.

Идея предназначения политики как средства достижения высших духовных целей человечества была подхвачена Фихте. Но если в политической теории Канта эта идея покоилась на постулатах правового демократического государства и его коррелята, принципа неотчуждаемости личной автономии, Фихте исходит из факта крушения данного проекта, объявляя (и вполне справедливо) оба этих пункта проваленными, неосуществленными. Вместе с тем, если у Канта историческая связь человечества с высшей нравственной целью, с «царством целей» *персонифицирована*, построена на непоколебимой уверенности в том, что ее опосредует и делает достижимой нравственная автономия отдельного «лица» (Person), то у Фихте моральный максимум проявляется в жертвенном растворении личности в «роде человеческом» (Gattung). Поэтому в последнем случае роль исторического посредника берет на себя **государство** как носитель «идеи» рода — органической полноты и исполненности духовного предназначения человечества. Духовное *освобождение* человека обусловлено «социализацией» его свободы, отрицанием того, что таковая свобода есть проекция нравственной автономии, то есть моральной спонтанности [8]. Именно на этом основании он Фихте осуществляет поворот к позиции «инструментализма». В своей историософии он фактически формулирует радикальную установку на использование политического инструментария для овладения структурами общественного бытия и установления тотального контроля над ними с целью их гуманитарной коррекции, что одновременно означает принципиальное смещение в содержании понятия «вечный мир»: идея замыкающегося государства нового типа, образующего совершенное сообщество, позволяет неявно совершить отождествление между этим государством как определенным социальным порядком и миром. Тем самым, однако, подобное отождествление принципиально искажает традиционное (общечеловеческое) содержание понятия «мир». Данное понятие, начиная с эпохи средневековья, соединяло в себе два смысловых среза: архаичное социоморфное значение состояния взаимного союза и согласия в делах и помыслах и христиански-эсхатологическое представление о конечном состоянии умиротворения в высшем духовном единении всех живущих на свете («Царство Божие на земле»). Причем, как отмечает исследователь, на протяжении всего процесса трансляции и эволюции содержания понятия до определенного момента речь никогда не шла «об изменении соотношения между различными смысловыми слоями, об утрате пафоса нравственно-эсхатологических моментов, и тем более — об отказе от идеи предопределения-предназначения, далеко выходящей за пределы непосредственного ощущения обусловленности, вынужденности всего земного, от идеи, образующей смысловую основу понятия мира в христианской традиции» [7, S. 544–545]. Иными словами, вечный мир, выражаясь кантовским языком, рассматривался как регулятив, перемещался в чаемое будущее и никак не связывался с достижением этого состояния посредством прямого государственно-политического действия.

Появление у Фихте идеи государства нового типа, образующего образцовое совершенное сообщество, позволяет неявно совершить отождествление между самим этим государством (как воплощением наиболее прогрессивного социального порядка) и миром. По такого рода основаниям понятие мира в самом широком смысле утрачивает *общепризнанное* значение: мир не означает только идеально проектируемое состояние межчеловеческих и межгосударственных отношений, но воспринимается как достижимый *только и только* при условии установления — хотя бы и военными средствами — нового всеобщего порядка, носителем которого объявляется данное

государство. Война ради утверждения распространяемого ими порядка неизбежно превращается в крестовый поход ради будущего воцарения вечного мира [7, S. 590]. Это, по сути, означает переосмысление парадигмальной основы «вечного мира», — такого переосмысления, которое полностью проявилось и утвердилось в XX в., свою крайнюю форму выражения нашло в преступлениях против человечества нацистского государства, но значимо и в настоящее время.

Таким образом, Введение правового и этического различия между указанными понятиями К. Ясперсом, оставаясь актуальным по сей день, имело под собой глубинные идейно-исторические корни, уходящие в почву немецкой классической философии. Знание данного различия, как и его теоретического основания необходимо, на мой взгляд, с точки зрения формирования у учащихся осмысленного неприятия оправданий нацистской практики в любом их виде.

Библиография

1. *Ильин М.В.* Мир // Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
2. *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях. Часть первая. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4 Ч. 2. М., 1965.
3. *Локк Д.* О государственном правлении // Локк Д. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1960.
4. *Рахманов И.В.* и др. Немецко-русский синонимический словарь. М., 1983.
5. *Ясперс К.* Куда движется ФРГ. Факты. Опасности. Шансы. М.: Международные отношения, 1969.
6. *Binder G.* Epoche der Entscheidungen. Eine Geschichte des 20. Jahrhunderts mit Dokumenten in Text und Bild. Tübingen.: Seewald Verlag. 1960.
7. *Janssen W.* Friede // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von Otto Brunner Bd 2. Stuttgart, 4. Aufl. 1998.
8. *Чанышев А.А.* Государство как политический инструмент социально-экономического освобождения человека (политическая теория Фихте) // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Аль-Дайни М.А.

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПОЛИТОЛОГА-МЕЖДУНАРОДНИКА

Профессиональная подготовка современного специалиста в области политики в целом и международных отношений в частности не может ограничиваться получением исключительно узкоспециализированных теоретических знаний и практических навыков. Деятельность практикующего политика и тем более политолога — академического ученого, непосредственным образом связана с необходимостью проведения детального анализа конкретных политических процессов с целью разработки стратегии для практического решения конкретных проблем. Помимо аналитических выводов и заключений, фундаментальным основанием для этого является также построение комплексных прогнозов и моделей развития не только политических, но и ряда других процессов в их непосредственной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Проблема исследования современного мирового политического процесса напрямую связана с проблемой исследования характера, направленности и специфики современных международных отношений. Следует заметить, что в структуре международных отношений наряду с политическими, экономическими, юридическими, культурными, военными и дипломатическими факторами важнейшую функциональную роль играют также факторы психологические. Изучением этих факторов занимаются специалисты в области психологии международных отношений.

Психология международных отношений представляет собой еще достаточно молодое, только развивающееся направление политической психологии. Несмотря на очевидную «дисциплинарную молодость», данное направление политико-психологических исследований имеет достаточно глубокие научные корни и богатую интеллектуальную традицию. Так, на протяжении всей истории политических учений, начиная с Платона, Аристотеля и Макиавелли, каждый сколько-нибудь значимый политический мыслитель считал своим долгом рассмотреть психологические аспекты внешнеполитической деятельности и написать практические рекомендации для правителей. Следует заметить, что процесс «психологизации» международных отношений был обусловлен, прежде всего, активной разработкой позитивистской методологии и развитием эмпирических исследований в приложении к анализу политических феноменов. Фундаментальным основанием для становления и развития психологии международных отношений можно считать такие отрасли и направления политологии и психологии как социаль-

ная психология и политическая социология, психология народов и психология масс, этнопсихология и этнопсихология, конфликтология и коммуникативистика (в первую очередь психология политической и межкультурной коммуникации). Сюда можно также отнести психологию дипломатической деятельности и переговорного процесса.

Одной из наиболее значимых психологических детерминант современных междуна-родных отношений является политическое восприятие в целом и восприятие образа как своей, так и другой страны в частности. Формирование восприятия образа одной страны в массовом сознании граждан другой страны происходит под воздействием та-ких психологических механизмов как категоризация, идентификация, стереотипизация и атрибуция. Большое значение в данном процессе имеют такие компоненты когни-тивной организации массового политического сознания как идеологемы, концепты, образы, стереотипы, установки и фреймы. Их формирование происходит под влиянием как эндогенных, так и экзогенных факторов. К первым можно отнести, например, по-литический менталитет, политическую культуру и специфику развития исторического процесса, ко вторым — политическую идеологию и политическую пропаганду, а также информационно-психологическое воздействие в целом.

Таким образом, если рассматривать все перечисленные выше аспекты в качестве основных направлений исследований, то можно выделить две проблемы, которые могут изучаться в рамках психологии международных отношений, — это *проблема влияния восприятия образа страны на формирование специфики международных отношений* и *проблема технологического использования феномена политического восприятия* в целях формирования в массовом политическом сознании образа страны. В качестве теоретико-методологического основания исследования данной проблематики мож-но использовать методiku исследования политического восприятия и политических образов, разработанную профессором Е.Б. Шестопап, а также методiku исследования политического поведения, разработанную М.А. Аль-Дайни (если рассматривать между-народные отношения как разновидность политического поведения).

Изучение курса психологии международных отношений требует от обучающегося предварительной комплексной подготовки в области ряда как политологических, так и психологических дисциплин. Также нельзя обойтись и без истории, географии, эконо-мики, философии и культурологии. Необходимость преподавания курса психологии международных отношений для профессиональной подготовки современных политоло-гов-международников обуславливается не только потребностью в интегративных, междисциплинарных исследованиях мировой политики и международных отношений, но и потребностью в подготовке высококвалифицированных специалистов широкого профиля в области анализа как политических, так и иных наиболее существенных проблем, прогнозирования и ситуационного моделирования, а также принятия эф-фективных политических и управленческих решений.

Библиография

1. Аль-Дайни М.А. Специфика формирования типов электорального поведения в современной России: политико-психологический анализ // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. № 2 (800). С. 9–25.
2. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 19–33.
3. Киселев И.Ю. Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформа-ции // ПОЛИС. 2003. № 3. С. 50–57.
4. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб., 2003.

5. *Косолапов Н.А.* Социальная психология и международные отношения. М., 1983.
6. *Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал.* М., 2008.
7. *Следзевский И.В.* Ментальные образы в международных сопоставлениях и моделировании глобального будущего // *Общественные науки и современность.* 2008. № 4. С. 65–85.
8. *Шестопал Е.Б.* Политическая психология: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
9. *Herrmann R.K.* Perceptions and Image Theory in International Relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology (2 ed.) / Ed. by L. Huddy, D.O. Sears and J.S. Levy.* Oxford, 2013.

Ведерникова М.

СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И ЕС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Можно констатировать, что в настоящее время сложился отрицательный имидж РФ в европейских странах. В современном мировом, в том числе европейском, информационном пространстве невозможно сформировать благоприятный имидж России, занимаясь только улучшением ситуации внутри страны.

Именно поэтому требует серьезных изменений и в позиционировании государства.

Наиболее оптимальными элементами позиционирования России в Европе являются:

- 1) экономическое, социальное, политическое единство с Западом;
- 2) включенность в общемировые процессы глобализации;
- 3) участие в общеевропейской интеграции и углубленное сотрудничество с Евросоюзом, в т. ч. и в сфере образования.

Такие сообщения только усиливают и подтверждают сформировавшийся в европейском массовом сознании негативный образ нашей страны.

Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что «имидж России в сознании иностранцев складывается из трех ведущих составляющих: культура, политика и образ русского человека» [3, с. 66].

Делать акцент в международном сотрудничестве на гуманитарное направление (в т. ч. и сотрудничество в сфере образования) имеет смысл еще и по той причине, что наука и образование воспринимаются как наиболее выигрышные элементы имиджа. Однако существует мнение, что современное состояние российской науки и образования не в состоянии оказать значительное позитивное влияние на имидж страны в массовом сознании европейцев.

Вообще, что касается образовательного и научного сотрудничества, то, к сожалению, «в России пока сильно недооценивается необходимость государственной политики популяризации отечественных научных разработок в мире» [4, с. 96].

При этом, в ЕС понимают значимость научного и образовательного сотрудничества с Россией. На официальном сайте Представительства Европейского Союза в Российской Федерации говорится, что «студенческие и научные программы обмена в России способствуют укреплению межчеловеческих контактов между Россией и Европейским Союзом. По участию в учебных программах ЕС Россия занимает ведущие позиции среди государств, не являющихся членами Европейского Союза» [Официальный сайт Представительства Европейского Союза в Российской Федерации, 2018].

Исследователи отмечают, что при оценке факторов, которые формируют процесс имиджевой коммуникации, задавая его форму и содержание, следует учитывать то, что основным из них является фактор определения целевой аудитории. Именно интересы и ожидания общества (целевой аудитории) обуславливают характеристики других факторов имиджевой коммуникации — коммуникаторов, каналов коммуникации, содержания и параметров передаваемых сообщений (особенностей текстов и контекстов) [1].

Очевидно, что то, как будет воспринят имидж России в Европе, зависит от многих факторов. Не последнюю роль здесь играет и то, какие механизмы восприятия будут задействованы у реципиента.

Основными целями подробного рассмотрения механизмов восприятия являются, прежде всего:

- выявление влияния механизмов восприятия на современный образ России в странах Европы;
- выделение основных механизмов восприятия, используемых в текстовых и иллюстрационных материалах, при упоминании России в европейских СМИ;
- рассмотрение возможностей применения стереотипизации, категоризации, идентификации и атрибуции при формировании и корректировании имиджа России в Европе;
- определение наиболее часто и эффективно используемых механизмов восприятия, применительно к имиджу России в европейских странах.

Сформировавшийся в Европе негативный образ России определяется стереотипами, негативными историческими коннотациями, неоднозначным восприятием современных событий, и трудностями в политико-экономических отношениях.

Таким образом, формирование имиджа государства напрямую связано с процессами восприятия и неотделимо от них. При этом проблема восприятия является междисциплинарной и ее анализируют с точки зрения различных дисциплин.

Подводя некоторый итог, можно сделать вывод, что в сложившейся геополитической ситуации самым целесообразным способом улучшить имидж России является использование средств «мягкой силы». Создаваемый образ должен обладать конкретными и понятными характеристиками, которые будут менять свою тональность в зависимости от той аудитории, на которую направлено воздействие в каждом конкретном случае.

Конечно, присутствует множество факторов, которые препятствуют созданию позитивного имиджа России в европейских странах и выстраиванию равноправных международных отношений

Ключевым аспектом имиджевой оптимизации может стать продвижение культурно-гуманитарного образа России в европейских странах. Культурные, научные, образовательные связи на сегодняшний день являются тем образцами равноправного и корректного диалога Россия-Европа, который позволяет противодействовать углублению процессов видения нашей страны в Евросоюзе в негативном свете.

Библиография

1. Белозёров В.К., Улитина М.О. О желаемом международном имидже России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 26 (737). С. 9–26.
2. Европейский Союз и Российская Федерация [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia_ru/35940/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7%20%D0%B8%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/ (дата обращения: 27.07.2018).

3. *Кокорина Е.В.* Экономический имидж государства как фактор его национальной конкурентоспособности // Человеческое измерение мировой экономики и политики. Сер. «Мировое развитие». М., 2013.
4. *Кузнецов А.В.* Влияние российской инвестиционной экспансии на образ России в Европе. М., 2010.

Ветренко И.А.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖСЕКТОРНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С конца 1980-х гг. в России начались процессы формирования гражданского общества, на которые повлияло множество факторов. Одним из важных показателей, характеризующих взаимоотношения власти и общества, является наличие в стране эффективно функционирующих механизмов межсекторного партнерства. Развитое гражданское общество и межсекторное партнерство, реализуемое на перманентной основе, являются важным условием эффективности социально-экономического и политического развития. В связи с этим в политическую науку основательно вошли, но уже в новом измерении такие категории, как «межсекторное партнерство», «институты гражданского общества», «акторы гражданского общества».

Однако в настоящее время мы можем констатировать существенный дефицит информации о реальном состоянии институтов гражданского общества, некоммерческого сектора, как главного актора межсекторного партнерства в отдельных регионах страны, в том числе и в Омской области. Значительная часть данных об организациях третьего сектора в регионе находится вне данных государственной статистики. Содержательные искажения вызваны следующими факторами. Во-первых, не все зарегистрированные некоммерческие организации (НКО) и общественные объединения являются по-настоящему функционирующими. Во-вторых, многие организации, зарегистрированные как НКО, не являются ими в реальности и работают в других сферах деятельности (профессиональные спортивные клубы, организации малого бизнеса и др.). В-третьих, значительная часть организаций в регионе является фактически бюджетными учреждениями или организациями, связанными непосредственно с органами власти. В сущности, они не являются структурами гражданского общества. И, наконец, представляется крайне сложно измерить количество незарегистрированных общественных объединений. Несмотря на то, что институциональным ядром гражданского общества чаще всего считаются зарегистрированные организации, в российских реалиях неформальные объединения играют часто основную роль на низовом уровне гражданской самоорганизации. Общественно-политическая активность всё сильнее переходит в формат клубов по интересам, гражданским инициативам и т.д. Кроме того, становится всё больше так называемых «государством организованных негосударственных организаций» (ГОНГО), которые создаются по инициативе органов власти и контролируются ими. С помощью ГОНГО власть имитирует наличие гражданского общества и партнерский диалог с ним, препятствует деятельности гражданских объ-

единений. Подобные организации сложно отнести к гражданскому обществу, поскольку в их деятельности повсеместно используется административный ресурс и государственное финансирование.

С целью разрешения выше указанных проблем и получения реальной оценки состояния гражданского общества в Омской области через призму межсекторного партнерства нами был проведен в марте –апреле 2018 года экспертный опрос. Было опрошено 30 экспертов. Из них: 5 депутатов из состава Законодательного собрания Омской области, Омского городского совета, представительных органов муниципальных образований Омской области; 5 государственных и муниципальных служащих; 5 представителей общественных организаций; 5 представителей сферы культуры, образования, научного сообщества; 5 представителей малого, среднего и крупного бизнеса региона; 5 представителей региональных СМИ. Среди экспертов присутствовали четверо кандидатов и докторов наук, представители разных политических сил.

Результаты нашего социологического исследования показали, что гражданское общество и межсекторное партнерство в Омской области на сегодняшний день находятся в кризисном состоянии. Авторитарный стиль управления в области и социально-экономическая ситуация сказываются на состоянии гражданского общества. Следует отметить, что проблемы и перспективы гражданского общества и межсекторного партнерства рассматриваются в основном в общероссийском контексте, при этом отдельно просматривается региональная специфика взаимодействия секторов общества.

Если говорить о проблемах, с которыми сталкивается основной институт гражданского общества — НКО в Омской области, то это наглядно можно увидеть на рис. 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «С какими проблемами, по Вашему мнению, чаще всего сталкиваются некоммерческие организации в настоящее время в Омской области? (не более 5-ти вариантов)».

По итогам исследования были сделаны следующие выводы:

- В обществе присутствует очень низкий уровень межличностного и институционального доверия, что снижает до минимума уровень предрасположенности к обще-

ственной солидарности. Меньше трети жителей доверяет политическим институтам в Омской области (Законодательное собрание, Губернатор, Правительство области, муниципальные органы власти).

- Количество некоммерческих организаций в регионе сокращается с каждым годом. Более двух третей НКО не ведут деятельности. Не более 5–10% организаций проявляют высокий уровень активности. Мнения представителей общественных организаций и гражданских активистов практически не учитывается органами власти при принятии решений. Власть пытается поставить под свой контроль все общественные организации. Она опасается независимых от нее общественных организаций и групп гражданских активистов. Чиновники противодействует проведению публичных мероприятий, используя подконтрольные организации. Имеются случаи преследования гражданских активистов, хотя по сравнению со многими другими регионами, где применяются все способы административного и силового давления, в Омской области ситуация выглядит более благополучной. Взаимодействие власти и крупнейших общественных объединений выстраивается по корпоративистскому принципу. Растет число организаций, создаваемых властью для имитации партнерских отношений с гражданским обществом. В последние годы усиливаются протестные настроения в регионе. В будущем, скорее всего, протестная активность в регионе будет только нарастать, так как власть слабо реагирует на проблемы жителей, а ситуация в Омской области быстро ухудшается.
- Самой крепкой частью гражданского общества в Омской области являются социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО). Деятельность большинства из них не встречает противодействия со стороны органов власти. Власть, как правило, пытается помочь СО НКО, хотя часто делает это неумело. Сегодня на территории Омской области существует множество разнообразных конкурсов на получение грантовой поддержки СО НКО. Регулярно проводятся ярмарки социальных проектов, ярмарки-презентации СО НКО с участием представителей власти, СМИ и бизнеса. Среди механизмов межсекторного социального партнерства наиболее распространен конкурсный механизм (получение грантов, субсидий). Слабо развиты социально-технологические, организационно-структурные, процедурные механизмы межсекторного партнерства. Недостаточно проработаны механизмы межсекторного партнерства в правовых актах. Часто в Омской области проводятся тренинги, форумы и круглые столы для деятелей СО НКО. Некоторые социальные функции власть передает СО НКО.
- Между властью и крупным бизнесом распространены коррупционные отношения, сам бизнес в большинстве случаев не желает тратить средства на поддержку социальных проектов. Малый и средний бизнес находятся в тяжелом положении. Общественно-частное партнерство в области развито слабо.
- Основной проблемой развития межсекторного партнерства является отсутствие желания у всех трех секторов общества и политической воли региональной власти. Социологические замеры состояния гражданского общества в Омской области, проводимые на системной постоянной основе способны не только диагностировать проблемы, показать их динамику и изменения, но стать основой для разработки программ, направленных на развития межсекторного партнерства, как главного компонента гражданского общества.

Внукова Л.Б.

ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Весной 2014 г. на Донбассе происходили события, сразу получившие название «Русская весна», причиной которых явился конфликт между навязываемой государством и региональной идентичностями. Идеологическое противостояние накладывает отпечаток на динамику национальной идентичности жителей Донецкой и Луганской областей, что фиксируют социологические опросы [4; 5] и экспертные оценки.

Основу исследования, проведенного весной 2018 г., составили методы: опрос экспертов, анкетирование студентов и включенное наблюдение. Анкета для студентов содержала семантический дифференциал, две методики: опросник по измерению этнонациональных установок и опросник для измерения аттитюдов к войне [1; с. 314–315, 336–337] и четыре уточняющих вопроса. Всего было заполнено 42 анкеты наиболее активными студентами старших курсов: Донецкого национального университета, Донецкой академии внутренних дел МВД ДНР, Донбасской юридической академии. Конечно же, полученные данные могут рассматриваться только как результаты пилотного исследования и должны быть верифицированы.

В рамках настоящей статьи рассмотрим подробнее данные вопросов и методики, относящихся к месту и роли национальной идентичности в жизни молодежи. Большинство студентов (26 человек из 42) считают, что людей объединяет культурно-историческая общность, что также согласуется с мнением экспертов. Семеро ответили, что язык, и только трое, что государственность. Шестеро респондентов выбрали ответ «другое» — из них четверо решили предложить свой вариант: «идея», «все из предложенных», а двое указали на экономические причины (экономические интересы и экономические благополучие).

Результаты самоидентификации студентов, представленные в Таблице, свидетельствуют о наличии двойной (возможно, и тройной) идентичности у студентов, а также о широком распространении территориальной идентичности, что отражают и социологические опросы [4; 5].

Таблица. Самоидентификация студентов

Украинец	7	+	При условии того, что требовалось указать только один вариант, трое респондентов выбрали два пункта. Один человек — украинец и житель Донбасса, двое — русский и житель Донбасса
Русский	13		
Представитель другой национальности	2		
Житель Донбасса	10		
И украинец, и русский	6		
Другое	1		

Третий и четвертый вопросы анкеты были направлены на оценку степени эмоциональной близости и значимости национальной принадлежности. Подавляющее большинство — почти три четверти опрошенных в той или иной степени чувствуют эмоциональную связь с людьми своей национальности — десять выбрали ответ «действительно так», а 21 «скорее да, чем нет». Только четверо считают, что не испытывают эмоций, а семеро «не уверены» в своих ощущениях. Меньшее количество респондентов

занимают однозначную уверенную позицию (положительную или отрицательную) по отношению к утверждению «Принадлежность к моей национальной группе — важная часть моего представления о себе и накладывает отпечаток на мою личность» — полностью согласны 8, не согласны 4. Самый популярный ответ «скорее да, чем нет» (выбрали 18) в сумме с 12, указавшими ответ «не уверен», говорит о том, что в самоопределении молодых людей национальная принадлежность не играет ведущую роль, а первостепенное значение имеют другие идентичности. В третьем вопросе-утверждении «Я чувствую эмоциональную связь с людьми моей национальности» каждый предполагает разную степень близости, и согласие с ним не регламентирует респондента так, как четвертое, содержащее более категоричные формулировки «важная часть» и «накладывает отпечаток на мою личность». Также можно предположить, что подавляющее большинство просто не готово безоговорочно отнести себя к той или иной группе, потому что не имеет сформировавшихся представлений о собственной идентичности, ввиду личной незначимости (неактуальности) задаваемых вопросов. Выбор некатегоричных суждений-оценок оставляет маневр для личной самоидентификации, так как предполагает диапазон вкладываемого смысла. Что фиксируется в динамике (т.е. изменению самоидентичности у части населения) и подтверждает тезис о подстройке идентичности к картине мира индивида. Тем не менее, нельзя говорить о том, что национальная принадлежность не играет совершенно никакой роли, так как никто из 42 не выбрал эмоционально насыщенный ответ «Это совершенно не так!».

Методика измерения этнонациональных установок включает четыре шкалы:

- Неприязненное отношение к представителям иных национальностей (этнических групп) националистические установки (2,36).
- Ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми своей национальности (патриотические установки) (3,56).
- Нейтральное, индифферентное отношение к своей национальной принадлежности (нейтральные этнонациональные установки) (3,89).
- Отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности; установка на непринятие и непризнание феномена «национального», негативная оценка его роли в развитии современного общества (негативистские этнонациональные установки) (3,3).

Показатель каждой шкалы рассчитан на основе среднего значения в диапазоне от 1 до 5, где 1 — полностью не согласен, 5 — полностью согласен. Как видно, около трети респондентов в той или иной форме разделяют националистические установки, что согласуется с данными исследования праворадикальных настроений, проведенном на сопредельной территории Ростовской области в 2015 г. [2]. Трое из четырех (т.е. примерно 75%) имеют нейтральные установки по отношению к своей национальной принадлежности. Возможно, именно это и обуславливает зафиксированную тенденцию изменения украинской самоидентификации на русскую.

Ощущение гордости за свою национальную принадлежность, позитивная оценка собственной национальной идентичности у более 60% респондентов коррелирует с результатами упоминавшегося социологического опроса [2, с. 153]. Причем, этот феномен существует одновременно в сознании молодых людей вместе с негативистскими этнонациональными установками, то есть отрицательным отношением к феномену национального. Эта же тенденция была отражена в результатах исследования, проведенного на Донбассе в 2017 г. [3]: «Студенты не понимают значения категории «национализм» и подразумевают под ним исключительно его негативные проявления: ксенофобию, шовинизм, сегрегацию и расизм».

Феномен позитивного отношения к собственной национальной идентичности, существующий одновременно с негативистскими этнонациональными установками, ярко проявляется и в результате анализа средних значений по отдельным утверждениям методики измерения этнонациональных установок. «Когда я думаю о своей национальности, я испытываю чувства гордости и любви» имеет одно из наибольших средних значений 3,54; «Я ощущаю родство с людьми своей национальности» 3,5; «Люди моей национальности воспринимаются как «родственные души» 3,4 и «Это не очень правильно разделять людей по национальной принадлежности» также имеет наибольшее среднее значение 3,54. То есть более половины из опрошенных выбрали для этих утверждений ответы «скорее согласен» и «полностью согласен».

Интересным представляется и то, что большинство ощущают свою национальную принадлежность и испытывают национальную гордость. Так, «У меня нет ощущения, что я принадлежу какой-то национальности» в той или иной степени не согласны 67%, а согласие выразили только 17% (7 человек). Еще меньше, только 4 человека согласились с тем, что «Говорить про свою национальную гордость у меня никогда не получалось». Примечательно, что из них двое идентифицировали себя как «житель Донбасса», двое других указали национальную принадлежность — русский, белорус.

Только трое из 42 полностью не согласны с тем, что «Деление людей на национальности порождает непонимание, беспорядок, конфликты», то есть позитивно относятся к национальному разделению. Самый распространенный ответ «в чем-то согласен, в чем-то не согласен» — 16 человек, высокий показатель среднего значения (3,3) означает, что более половины придерживаются этого мнения и отрицательно относятся к разделению на национальности. Следует заметить, что согласие большинства с тем, что «Для меня моя национальность не играет роли в повседневной жизни» (ср. знач. 3,38) в принципе означает невысокую степень важности для молодых людей вопросов национальной идентичности.

На наш взгляд то, что относительно много — 10 человек (23%) в той или иной степени выразили согласие с утверждением «Есть такие национальности, к которым я испытываю презрение», может быть обусловлено обстоятельствами военного противостояния, в которых Донбасс пребывает последние четыре года. Потому что утверждение «Есть такие национальности, среди которых почти все — плохие люди» характеризуется самым низким показателем среднего значения 1,74. «Полностью не согласны» с этим 23 респондента, а 12 указали ответ «скорее не согласен», что составляет в сумме 83%.

Таким образом, большинство студентов фиксирует собственную национальную идентичность, испытывает чувства национальной гордости и близость к людям своей национальности. Одновременно с этим не распространено негативное отношение к другим национальностям, а сам феномен национального деления оценивается отрицательно. Следует учесть, что и позитивные, и негативные аспекты проявлений национальной идентичности не играют важную роль в повседневной жизни подавляющего большинства молодых людей. Свидетельством достоверности результатов является то, что полученные данные во многом коррелируют с данными других исследований.

Библиография

1. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений: учебник для бакалавриата и специалитета. М.: Юрайт, 2017. 341 с.
2. Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичев П.Н., Внукова Л.Б. и др. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.

3. Оношко О.В. Представления об экстремизме, терроризме и национальной лояльности в политическом сознании студентов-юристов и медиков ДНР. URL: <http://goo.gl/W5meSM> (дата обращения: 21.08.2018).
4. Черкашин К. Жители Донецка все чаще самоопределяются как русские. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса (2014—2016). URL: <https://regnum.ru/news/2240754.html> (дата обращения: 31.07.2018).
5. Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження: «Особливості свідомості і ідентичності жителів підконтрольної та окупованих територій Донецької області». Київ, 2018. 43 с. URL: http://www.ifak.com.ua/upload/imageОсобенности%20 сознания%20и%20 идентичности%20подконтрольных%20и%20неподконтрольных%20Украине%20террито- рий%20Донецкой%20области%20_2018.compressed.pdf (дата обращения: 31.07.2018).

Евгеньева Т.В.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В условиях современных геополитических противостояний вопрос о консолидации российской нации, формировании и сохранении ее идентичности приобретает особую значимость как на теоретико-методологическом, так и на политическом уровне. Причем наиболее остро он стоит применительно к молодежи как социальной группе, в максимальной степени подверженной информационному и иному влиянию, и поколению, от которого зависит будущее страны.

Политико-психологический анализ национально-государственной идентичности предполагает выделение в ее структуре двух взаимосвязанных компонентов: образов и символов. В исследовании мы сосредоточили внимание на символах, поскольку они обладают значительным потенциалом для осуществления целенаправленной политики по конструированию нации. Что касается политических образов, то, будучи (с точки зрения психологии) отражением в сознании людей политической реальности, они не только разнообразны и неустойчивы, но отражаются через символы.

При анализе политических символов мы отталкиваемся от концепции символической политики. Субъекты этой политики — государство и иные политические и неполитические акторы — создают, легитимируют, продвигают либо оспаривают символические способы интерпретации социальной реальности. А массовое сознание принимает (или отвергает) предлагаемые символы, иногда трансформируя заложенные в них смыслы и одновременно генерируя собственные, с которыми политические акторы вынуждены считаться. Символическое значение могут приобретать образы политических и иных (научных, культурных, спортивных) деятелей, исторических и современных событий, географических и административных объектов, идентификационный потенциал которых существенно возрастает в периоды трансформаций. Образ «врага», против которого объединяется сообщество, тоже имеет символический смысл.

Описанная концептуальная модель лежит в основе долгосрочного научно-исследовательского проекта «Формирование национально-государственной идентичности в современной России», который реализуется на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова с 2003 г. Методология

исследований включает в себя комплекс количественно-качественных методов и инструментов сбора и анализа данных, в том числе формализованные интервью, фокус-группы, а также ассоциативные и проективные техники (психологические рисунки «Россия в виде дома» и «Россия в виде несуществующего животного», метод неоконченных предложений, метод графического катрирования). В ходе проекта было проведено несколько замеров: в 2003, 2008–2009, 2011–2012, 2014 и 2016 гг., методология и результаты которых были использованы в преподавании специальных курсов кафедры социологии и психологии политики. В рамках изучения курсов студенты принимали участие на разных этапах исследования.

В результате исследования были сделаны выводы о том, что процесс формирования национально-государственной идентичности в современной России долгое время носил крайне противоречивый характер и был связан не столько с целенаправленной политикой государства (которая практически отсутствовала), сколько с поиском ценностно-идеологических концептов и символических образов для решения сиюминутных задач. В этих условиях становление идентификационных представлений молодого поколения происходило под влиянием ситуативных факторов и/или информационных кампаний в СМИ.

Сегодня в массовое сознание активно внедряется (возможно, не целенаправленное) средствами массовой информации, в том числе интернет-ресурсами, символика противостояния и агрессии, обостряющей уже имеющиеся противоречия и порождающей новые расколы, тем самым становясь дополнительным препятствием на пути становления российской идентичности.

Жуков Д.С.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА
И САМООРГАНИЗОВАННАЯ КРИТИЧНОСТЬ:
ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ И ПРЕПОДАВАНИЮ¹**

Проблема и задача. Изначально естественнонаучная теория самоорганизованной критичности (СОК) в течение последних десятилетий распространяется в социо-гуманитарных дисциплинах. Теория СОК позволяет разъяснить механизмы спонтанных, взрывообразных социальных эффектов, — в частности, информационных лавин. В рамках данного исследования рассмотрено политическое сетевое сообщество, сформировавшееся вокруг сайта cont.ws и соответствующей группы во ВКонтакте. Это сообщество является одним из влиятельных механизмов продвижения в повестку дня — в центр внимания общественности — тех или иных политических вопросов. В Интернет-активности этого и ряда подобных сообществ обнаружен $1/f$ -шум (розовый шум), являющийся атрибутом СОК. Это дает основание предполагать, что многие нелинейные эффекты в формировании политической повестки дня в социальных медиа можно — хотя бы частично — объяснить деятельностью сообществ, находящихся в состоянии СОК.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00082а «Применение теории самоорганизованной критичности для изучения и моделирования социальных систем и исторических процессов».

Идея о том, что политическая повестка дня может быть осмыслена в рамках нелинейной динамики, в последние годы получила довольно широкое распространение. Такой подход дает инструменты для исследования некоторых фундаментальных «странностей» сетевой повестки, таких как: спонтанная перефокусировка внимания общественности; несоразмерность значимости информационных поводов и объема внимания, которое им уделяется; способность сетей самопроизвольно генерировать огромные всплески создания, размножения и передачи некоторых сообщений без соразмерной причины и длительного периода подготовки. Американские исследователи Катрин Дюма и коллеги отмечают: «...Политическая повестка дня находится в состоянии прерывистого равновесия (*punctuated equilibrium*). Это свидетельствует о том, что политические вопросы могут находиться в состоянии покоя в течение некоторых периодов времени, пока некое событие не привлечет внимание средств массовой информации, заинтересованных групп и избранных представителей...» [4].

Подходы. Состояние критичности может возникнуть в многокомпонентных целостных системах, отдельные элементы которых связаны друг с другом, в том числе — причинно-следственными петлями. Критичность подразумевает, что любое событие, произошедшее в системе — даже незначительное и локальное, — может оказать влияние — в том числе, катастрофическое — на всю систему. В состоянии критичности множество событий инициируют большое количество причинно-следственные цепочек, которые затухают не достаточно быстро. Иногда это приводит к взаимному усилению различных следствий, иногда — в компенсации и ослаблению. Основные параметры системы, поэтому, колеблются в режиме розового шума. Розовый шум представляет собой волну, по которой идет рябь — волна меньшего масштаба, — а по этой ряби идет еще меньшая рябь и т.д. Это означает, что трансформационные события в системе имеют разные размеры: от самых незначительных до глобальных, которые называются лавинами.

Лавины возникают как следствие огромного множества ординарных — порой, повседневных — причин. Поэтому приближение лавин остается малозаметным для внешних наблюдателей, которые ожидают увидеть «большие экстраординарные причины» для «больших экстраординарных следствий». Теория СОК показывает, что масштабные изменения могут происходить как бы «на пустом месте» — то есть, на самом деле, в результате комплекса локальных слабых воздействий [1].

Результаты и интерпретации. Розовый шум может быть точно идентифицирован в достаточно длинных динамических рядах. Методология идентификации розового шума подробно обсуждена в ряде наших статей [2, 3]. Мы использовали в качестве первичных материалов сведения о количестве репостов за каждый день, сделанных посетителями страницы «КОНТ. Самое интересное с Конта» <https://vk.com/continentalist> (сентябрь 2013 — август 2018 года). Мы рассматриваем репосты как фундаментальный и простейший акт рефлексии — восприятия и распространения информации в Сети. Поэтому репостную динамику считаем ключевой для идентификации СОК. Исходные данные представлены на сайте нашего исследовательского центра — ЦФМ <http://ineternum.ru/cont/>.

В течение многих отрезков времени в динамике исследуемого сетевого сообщества обнаружен розовый шум, на фоне которого происходили всплески активности (увеличение числа репостов в более чем два раза по сравнению со средним уровнем предшествующей недели и предшествующего месяца) — рис. 1.

Представленные результаты свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что в определенные моменты времени повестка дня в социальных сетях может находиться под влиянием сообществ, функционирующих в режиме СОК. Такие сообщества спо-

способны быстро — в ходе лавин — наращивать свое информационное влияние. Лавины формируются вокруг немногих сообщений, которые, таким образом, могут попасть в центр внимания общественности вне связи с объективной значимостью содержания сообщений.

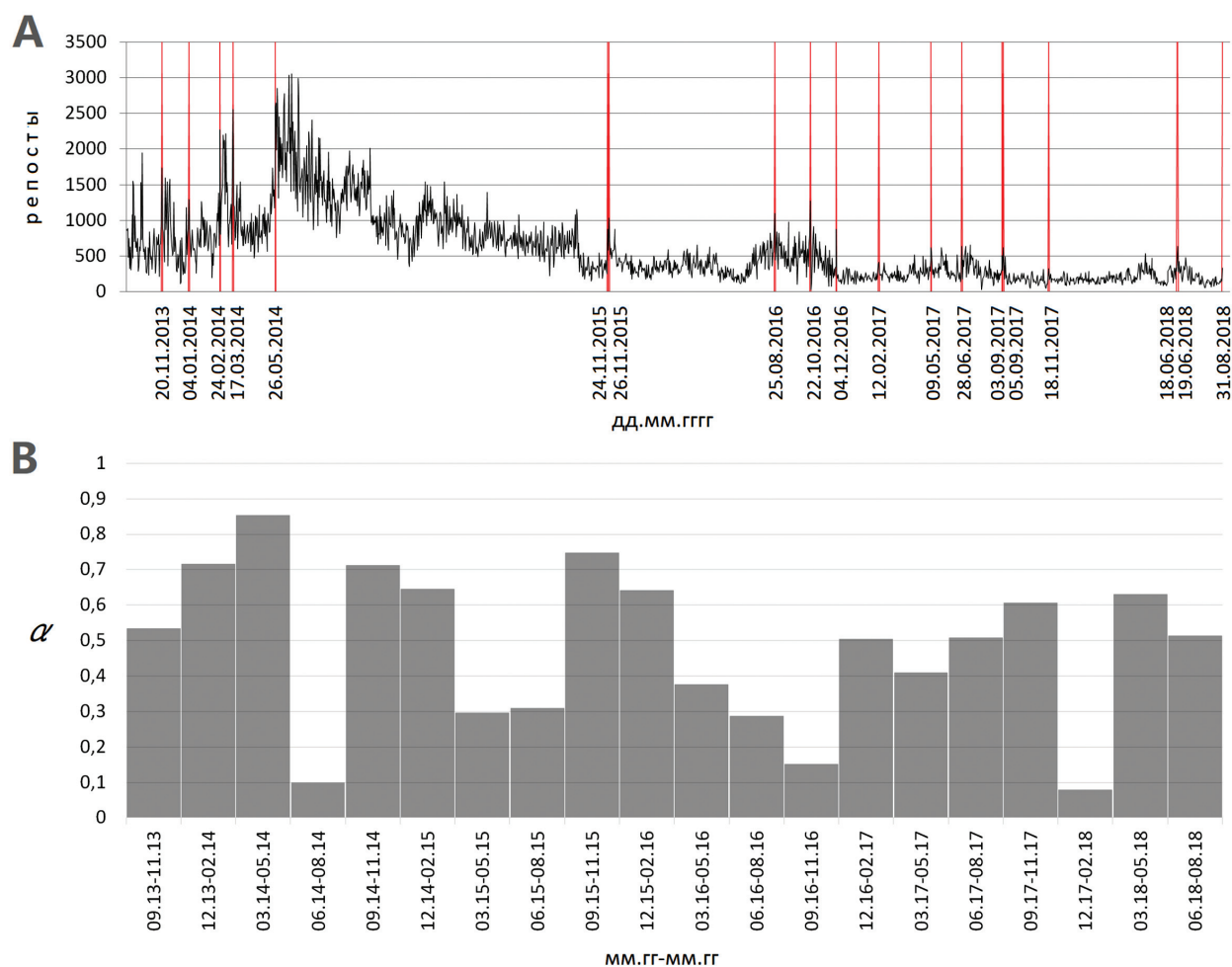

Рисунок 1. **А** — Динамика репостной активности группы ВКонтакте «Конт. Самое интересное с Конта» (вертикальными линиями отмечены информационные лавины). **В** — показатель степенного закона в результатах спектрального анализа репостной активности (показатель более 0,5 и менее 1,5 в данном случае может указывать на наличие розового шума).

Библиография

1. Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. М.: УРСС, 2014. 276 с.
2. Жуков Д.С., Лямин С.К. Революции в Сети: приложение теории самоорганизованной критичности к изучению протестных движений // Историческая информатика. 2017. № 4. С.11–43. URL: http://e-notabene.ru/istinf/article_24559.html (дата обращения: 20.05.2018).
3. Жуков Д.С., Мовчко Ю.И. Степенные распределения и самоорганизованная критичность в социо-гуманитарном предметном пространстве: идентификация, моделирование и интерпретации // Pro punc. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 7–26. URL: <http://ineternum.ru/step/> (дата обращения: 20.05.2018).
4. Dumas C.L., LaManna D., Harrison T.M., Ravi S.S., Kotfila C., Gervais N., Hagen L., Feng Chen. Examining political mobilization of online communities through e-petitioning behavior in We the People // Big Data & Society. 2015. Vol. 2. Issue 2. URL: <http://bds.sagepub.com/content/2/2/2053951715598170.abstract> (дата обращения: 18.10.2018).

Зверев А.Л.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КОМПОНЕНТОВ
МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО
ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

В течение нескольких лет кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ проводит политико-психологическое исследование по выявлению личностных компонентов у молодых представителей экспертного обществоведческого сообщества, в т.ч. и у преподавателей современных политических дисциплин, которые проходили обучение в Учебно-научном центре Государственного строительства и подготовки управленческих кадров МГУ имени М.В. Ломоносова. И в данных тезисах представлены основные результаты проведенных кафедральных исследований.

Исследование молодого поколения обществоведческого экспертного сообщества показывает, что оно обладает мощным психологическим потенциалом, который может им помогать решать серьезные политические, управленческие, государственные задачи, ставящиеся нынешней государственной властью и отдельными политическими акторами перед экспертным сообществом. С другой стороны, у исследованных нами молодых экспертов обществоведческого профиля, есть не только такие психологические качества и характеристики, способствующие успешному выполнению их профессионального предназначения, но и такие, которые этому мешают. Так, многие наши потенциальные эксперты готовы представлять хорошие аналитические выкладки по складывающейся текущей политической повестке в стране, но у них недостаточно развито стратегическое, а также рефлексивное мышление, следствием этого является ситуативная политическая констатация произошедшего, вместо акцента на прицельное прогнозирование развития текущей политической ситуации и построение на этой основе более-менее внятной стратегии развития нашей страны. Поэтому и политологическое образование сегодня в нашей стране должно быть, с одной стороны, практико-ориентированным, когда опыт в профессии будущие политологи получают в решении практических реальных кейсов из современной российской политики и возможности апробации этих решений в условиях текущей политической практики, с другой стороны, направлено на выработку мотивов к стратегическому мышлению проектного типа, способного помочь в процессе выработки дальнейших основных векторов развития политики в нашей стране, исходя из реальных и, возможных в будущем, “вызовов” современной отечественной политической системе.

Другой важнейшей особенностью политического сознания молодого поколения обществоведческого экспертного сообщества является их ценностная чересполосица, т.е. ценностная “всеядность”, проявляющаяся в невыстроенности своей ценностной базы и затруднением в связи с этим с собственной политической самоидентификацией. И это тревожная тенденция, т.к. экспертному сообществу в таких реалиях, сложно придется в консалтинге властных элит по поводу определения трансляции последними приемлемых и востребованных современным российским обществом ценностных рамок, если у них самих в их головах, ценности спутаны и хаотичны. Поэтому и на данном аспекте нашего политологического образования в условиях ценностной динамики продолжающегося в нашей стране транзитного политического развития, стоит обратить особое внимание.

Тем не менее, проводимые нами исследования молодого поколения экспертного обществоведческого сообщества, на основе разработанного кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова политико-психологического анализа личностных профилей экспертов, помогают охарактеризовать нам этих экспертов как вероятных эффективных профессиональных консультантов с необходимым интеллектуальным потенциалом и субъективно готовых к собственной самореализации в публичном общественно-политическом пространстве нашей страны.

В **аффективном** компоненте личностного профиля молодежного слоя экспертного обществоведческого сообщества преобладает мотив достижения и преобладающее над всеми другими мотивами, стремление к удовлетворению, прежде всего, материальных своих потребностей. Поэтому среди них выделяются эксперты с яркой ориентацией на собственный карьерный рост. Она может быть представлена в модели так называемого профессионального бюрократа, ориентированного на достижение результата и прогресса в карьере, — это наиболее распространенная модель среди исследованных респондентов.

Относительная **когнитивная** сложность политических представлений стала весьма характерной для большинства исследованных молодых экспертов. Она проявлялась в способности экспертов давать неоднозначные оценки людям, политическим событиям и явлениям в нашей стране, умении видеть скрытые возможности тех или иных ими анализируемых действующих политических акторов и избегать резких суждений в своих оценках их действий. В то же время у наших респондентов проявился недостаток в осознании собственных позиций, в способности к личностной оценке предлагаемых часто сегодня в российской политике “сверху” официальных доктрин и интерпретаций текущего политического событийного ряда. Кроме того, выявлена нами определенная зависимость политико-идеологического самоопределения молодых экспертов от их симпатий к той или иной существующей в российской политической действительности партийной ориентации в проведенном исследовании. Однако есть основания говорить о несоответствии существующего личностного набора ценностей заявленной молодыми экспертами и их собственной имеющейся политической идентичности. В выявленном ценностном наборе политического сознания молодых экспертов зафиксировано заметное преобладание левых ценностных политических ориентиров в заметной смеси с классическими правыми ценностями, что и является значимым показателем наличия так называемой ценностной “всеядности”, а это, в свою очередь, может свидетельствовать о наличии значительных “пробелов” в политической социализации молодых экспертов.

В исследовании мы также зафиксировали, что группы носителей разных стилей принятия решений как **поведенческой** компоненты личностного профиля в общей выборке обследованного молодого поколения экспертного сообщества представлены достаточно равномерно. Самый распространенный вариант предполагает сочетание как индивидуального, так и гибкого стилей принятия решений, что свидетельствует о поиске нашими молодыми экспертами собственной ниши экспертной самопрезентации при осуществлении гибкого самоопределения в условиях жесткой конкуренции на рынке экспертов-специалистов различных политических профессий.

Иванова М.Г.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕТИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛАХ

Несмотря на то, что отечественные политологи с осторожностью подходят к рассмотрению таких понятий как «архетипы» и «коллективное бессознательное», в последнее время появляется все больше работ, раскрывающих данные вопросы. Исследователи всё чаще обращают внимание на эмоции, настроения, мотивы и все то, что можно обозначить как «человеческое или психологическое измерение, которое до недавнего времени редко принималось в расчет историками и политологами, социологами и экономистами» [15, с. 136]. В связи с этим, Е.Б. Шестопап отмечает, что «без учета этого психологического состояния общества неполными и неверными будут и все выводы относительно успехов или неудач политического транзита в России» [15, с. 136]. Такая позиция находит поддержку и в исследованиях других авторов [4].

Стоит отметить, что именно благодаря К. Юнгу термин «архетип» вошел в научный дискурс Запада XX века и стал исследоваться как механизм, способный объяснить глубинные коды культуры или универсальный мифологический сюжет, благодаря которым, по мнению К. Юнга, открывается доступ для анализа исконных социальных, политических и экономических детерминант развития человеческого общества. Эти идеи мы встречаем и в отечественной науке, в которой, например, В.М. Бехтерев рассматривал коллектив как «собирательную личность» [12]. В дальнейшем, А.Ю. Большакова отдельно исследовала гендерные различия в проявлении архетипов в российской культуре [1], а В.В. Маслова методологически обосновывала связь архетипа с мифом [8, с. 6].

Можно предположить, что исследование архетипов способно занять центральное место в современной науке, поскольку именно архетипы обуславливают известные человечеству модели поведения, самые разнообразные представления людей о власти, свободе, о различного рода ключевых концептах и т.п. в рамках определенной национальной традиции. Именно архетипы задают основные формы и направленность развития политических и социальных институтов определенного общества.

Так, существующие различия в архетипических образах (а, следовательно, и в моделях самоидентификации) разных культур можно увидеть на примере базовых политических концептов. Например, концепт «авторитет» в русской культуре подразумевает первоначальное уважение к субъекту и именно в силу уважения к авторитетному лицу у последнего появляется возможность общественного влияния. У англичан, наоборот, концепт «авторитет» связан с определенной должностной позицией, наличием формальной власти, которая и делает субъекта, собственно, авторитетным вне зависимости от того, уважают его или нет [9]. Таким образом, анализируя архетипические концепты, мы можем наглядно увидеть, что «политическая власть» в одной культуре обусловлена формальными принципами и законами общества, в то время как в другой — субъективным отношением к ней человека, продиктована внутренними установками носителя власти.

Те же различия можно наблюдать и при анализе концепта «справедливость»: если в английской культуре закон и справедливость — это синонимы, то в русской традиции, писанному закону не принято доверять, более того, закон для русского человека чаще несправедлив, чем справедлив. То есть «жить по закону» — не означает действовать справедливо; все суды для русского человека выглядят как «неправедные, подкупные и искать там справедливости считается бессмысленным делом» [12, с. 464]. Некоторые

исследователи объясняют этот феномен тем, что право, основанное на обычаях и традициях, для русского человека выше писанного закона, что противоречит западным представлениям (например, в английской лингвокультуре «справедливость», «правда» — это и есть писанный, т.е. формально существующий, закон). В русской ментальности «правда» выступает синонимом «истины» (т.е. не внешнего, а внутреннего закона как образца поведения) и это та «правда», которая исходит изнутри самого человека [12, с. 463], та «правда», которая есть и справедливость, и добродетель, и высший закон [3, с. 42–47]. Такое понимание характерно именно для русского национального характера, в противовес западному представлению, в котором миссия по искоренению зла возлагается на общественные институты [2, с. 291]. Все это свидетельствует о различиях в мировоззренческих системах восточной, западной и отечественной культур, что системно исследуется известным российским филологом и структурным лингвистом Ю.С. Степановым в его монографии «Константы: словарь русской культуры» [12].

Также, политолог В.Г. Иванов в работе, посвященной концепту «мягкой силы», пишет о том, что бессмысленно искать сакральные характеристики базовых архетипов России в западных представлениях о мироустройстве, поскольку там заложены принципиально иные понимания базовых ценностей (добра и зла, справедливости и т.п.) [5]. Поэтому, согласно В.Г. Иванову, политические стратегии должны проистекать из самой культуры и основополагающих политических концептов самого народа, но не могут быть «привнесены извне», если не имеют своих корней в традициях и национальной ментальности.

Мы рассмотрели лишь некоторые аспекты изучения архетипов в рамках национальных культур. На наш взгляд, в настоящее время особенно актуальным становится исследование центрального или базовых архетипов русской культуры, вокруг которых происходит формирование национальной идентичности, которые отражают глубинные истинные потребности русского человека. Без исследования этих вопросов масштабные политические и социальные изменения не могут иметь прочной основы, потому что они должны быть поддержаны самой культурой и народа, его скрытыми архетипическими мотивами и образами.

Библиография

1. *Большакова А.Ю.* Гендер и архетип: «Первозданная Женщина» в современном мире // *Общественные науки и современность*. 2010. № 2. С. 167–176. Электронный ресурс: URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/28/1270196672/ONS_N2.-Vol%27schakova.pdf
2. *Василенко И.А.* Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / Под ред. профессора И. А. Василенко. М.: Международные отношения, 2013.
3. *Данилевич А.И.* Мировоззренческие универсалии как основа национально-культурной ментальности / А. И. Данилевич // *European Social Sciences Journal (Европейский журнал социальных наук)*. 2014. № 9 (3).
4. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // *Полис. Политические исследования*, 2010. № 4. С. 122–134.
5. *Иванов В.Г.* «Charts power» — «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия: монография. М.: ИНФРА-М, 2015.
6. *Лебон Г.* Психология масс // *Психология масс. Хрестоматия*. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2010.
7. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление // *Психология мышления* / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1980.
8. *Маслова В.В.* Архетип природы как модель мировосприятия / В.В. Маслова // *Вестник Российского университета дружбы народов: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2013. № 2.

9. Мельникова А.А., Круглянская Л.Я. Архетипы лидера и глубинные основания культуры: лингво-культурологическое исследование // Общество. Среда. Развитие, № 1. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2013. Электронный ресурс: URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/13_01/13_01_38.pdf
10. Нижников С.А. Духовное познание в философии Востока и Запада: Монография. М.: РУДН, 2009.
11. Овчаренко В.И. Бехтерев Владимир Михайлович // Российские психоаналитики. М.: Академический Проект, 2000. 280 с.
12. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. 400 с. (Памятники психологической мысли). Электронный ресурс: URL: http://elib.gnpbu.ru/text/behterev_izbrannye-sotsyalnoy-psihologii_1994/go,4;fs,1/ (дата обращения: 07.06.2017).
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 463.
14. Фрейд З. Тотем и табу. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1997.
15. Шестопал Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 136–150.
16. Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991.

Клиппенштейн Е.В.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ В КАМЧАТСКОМ КРАЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Политическим образованием принято считать процесс и результат усвоения систематизированных политических знаний, приобретения навыков участия в политической жизни.

Политическое образование позволяет приобщиться к таким важным, компонентам гражданской культуры, как:

- научные представления об отношениях между гражданами, гражданином и обществом;
- способы деятельности, практические умения, модели гражданского поведения, одобряемые обществом;
- формирование личностных установок в части отношения к человеку, его правам и свободам как высшей ценности, гражданскому миру и согласию, государственному единству, любви и уважения к Отечеству, веры в добро и справедливость и др.;
- опыт самостоятельного решения многообразных проблем, возникающих в частной и публичной жизни гражданина как субъекта гражданского общества [1].

Поэтому подготовка управленческих кадров (т.е. по направлениям «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент») предполагает формирование среди общекультурных компетенций в том числе и формирование гражданской позиции. Более того, будущая профессиональная деятельность выпускников указанных направлений подготовки может быть связана с должностями не только в государственных и муниципальных предприятиях и учреждениях, в научных и образовательных организациях, но и в политических партиях, общественно-политических организациях.

Выпускники направления «Государственное и муниципальное управление», освоившие программу бакалавриата, в рамках информационно-методической деятельно-

сти должны владеть навыками количественного и качественного анализа при оценке состояния экономической, социальной, политической среды, деятельности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных, предприятий и учреждений, политических партий, общественно-политических, коммерческих и некоммерческих организаций (ПК-6) [2],

Формирование вышеуказанных компетенций реализуется посредством изучения дисциплин «Социология управления», «Исследование социально-экономических и политических процессов», «Исследование систем управления», «Статистика».

Изучение данных курсов позволяет ознакомить студентов с методологией различных исследований, в том числе и социологических и сформировать представление о целесообразности их проведения, использовании результатов при принятии решений и т.д. Но в рамках исключительно образовательного процесса, т.е. в часы, установленные учебным планом, сформировать реальные навыки самостоятельной исследовательской деятельности весьма проблематично.

В этом контексте привлечение студентов к участию в проведении социологических исследований, проводимых кафедрой «Менеджмент» ФГБОУ ВО «КамчатГТУ», позволяет решить ряд задач.

Следует отметить, что кафедра более 12 лет активно сотрудничает с различными учреждениями и организациями, органами власти в области проведения исследований социально-экономических систем. В том числе и с Агентством по внутренней политике Камчатского края в части мониторинга электорального поведения жителей края.

Под электоральным поведением подразумевается совокупность действий и поступков граждан, связанных с осуществлением местных или общенациональных выборов в органы власти, а также их участием в референдумах. Формы электорального поведения могут быть различны. Это и конформистское голосование за партию или лидера, которого поддерживает большинство избирателей, и протестное голосование, и голосование против всех и т.п.

В рамках мониторинга Агентство по внутренней политике Камчатского края организует исследование удовлетворенности жителей края деятельностью депутатов представительных органов и Глав муниципальных образований, депутатов и должностных лиц Камчатского края, что позволяет выявить уровень электоральной готовности в регионе в целом. В свою очередь, данные об оценке респондентами общественно-политической ситуации в регионе и степени готовности населения региона к участию в публичных массовых акциях позволяет органам муниципальной власти и исполнительным органам государственной власти в регионе принимать соответствующие политические решения.

Мониторинг всегда проводится посредством интервьюирования (массового устного опроса) жителей всех муниципальных образований края. Опросный лист разрабатывается заказчиком (Агентством по внутренней политике Камчатского края). Для интервьюирования жителей края привлекаются студенты 2–4 курсов. На этом этапе выявляется одна закономерность. Поскольку отбор студентов для участия в опросе осуществляется на добровольной основе, то в качестве стимулов используются традиционно как материальные (оплата труда интервьюера, которая зависит от количества опрошенных респондентов), так и нематериальные (дополнительные баллы по читаемым кафедрой «Менеджмент» дисциплинам в рамках МРС). Но данные стимулы вызывают интерес только у студентов направлений подготовки «Государственное и му-

ниципальное управление» и «Менеджмент». Ни экономисты, ни студенты инженерных специальностей не реагируют на данные предложения кафедры.

Участие в интервьюировании позволяет студентам осознать все сложности проведения опроса: отказ от ответов, обеспечение репрезентативности выборки по качественным и количественным характеристикам. Но с другой стороны, у студентов формируются коммуникативные навыки, умения взаимодействия с различными социальными группами, ответственность за результаты своей деятельности.

Но наиболее активно электоральные настроения исследуются исполнительными органами власти, политическими партиями и общественными организациями накануне выборов, как в представительные органы местного самоуправления, так и в региональные и федеральные законодательные органы власти. В предвыборный период для изучения электоральных настроений чаще используют массовые опросы, которые проводятся в течение всего этого периода. Данный подход позволяет осуществлять мониторинг динамики электоральных настроений. Но для более точного изучения характеристик электората и электорального выбора, используется технология Exit-Pool, т.е. опросов избирателей на выходе из избирательного участка. Проведение данных опросов требует высокой оперативности, обеспечить которую возможно только значительными человеческими ресурсами. Поэтому студенты, имеющие навыки интервьюирования, наиболее активно привлекаются к данной деятельности.

В предвыборный период для проверки гипотез, пилотажа инструментария воздействия на общественное мнение, оценки эффективности агитационно-пропагандистских материалов (АПМ) зачастую используют фокус-группы в методологическом обеспечении социологических исследований. Данная технология электоральных исследований также позволяет выявить мотивацию политического выбора, набор объяснительных схем различных социальных групп.

Студенты в данном исследовании выполняют различные функции:

- 1) на подготовительном этапе по организации фокус-группы, принимают участие в тестирование гайда, планировании и организации пространства;
- 2) во время проведения фокус-группы осуществляют видеосъемку, техническую поддержку, обеспечивают coffee-time для участников группы и т.д.;
- 2) непосредственно участвуют в работе фокус-группы как представители целевой аудитории.

Таким образом, привлечение студентов к проведению различных по методологии социологических исследований решает несколько задач, в том числе и политического образования:

- 1) формируются необходимые навыки и умения в области исследования электорального поведения или электоральных настроений;
- 2) развиваются коммуникативные навыки;
- 3) осуществляется информирование молодежи о политических процессах, протекающих в регионе посредством участия в социологических исследованиях, проводимых по инициативе органов исполнительной власти или политических организаций;
- 4) формируется понимание значимости проводимых исследований электорального поведения;
- 5) осуществляется профессиональная ориентация студентов в будущей профессии;
- 6) формируется понимание взаимосвязи теоретического материала и его практического применения в будущей профессиональной деятельности.

Библиография

1. Политология: Словарь-справочник [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://political_science.academic.ru/594/ОБРАЗОВАНИЕ_ПОЛИТИЧЕСКОЕ
2. ФГОС ВО 38.03.04 направления «Государственное и муниципальное управление» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/5/637>

Овчарова О.Г.**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО НА ФОНЕ
КОНСЕРВАТИВНОГО ПОВОРОТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ**

Проблема консервативного поворота в политике современной России — актуальная и дискуссионная тема в современной политической науке и образовании. В научных дискуссиях и в учебном процессе обсуждаются вопросы, связанные с причинами, социально-политическими позитивными и негативными последствиями консервативного поворота, его влиянием на развитие внутренней и внешней политики государства. Тем не менее, основной проблемой, на наш взгляд, остается проблема его сущности. А именно, вопрос о том, чем же является консервативный поворот — политтехнологическим симулякр, обеспечивающим необходимые выгоды для власти или историческим выбором России? [5]. Иными словами, интериоризированы ли консервативные ценности в сознании россиян или же консервативный тренд в идеологии — инструмент манипуляции общественным мнением и сознанием?

Попытаемся ответить на данный, крайне сложный, многосоставной и многоуровневый вопрос, при помощи анализа одной из самых острых проблем в современном российском обществе — проблемы социального равенства/неравенства. А именно в консервативной идеологии идея равенства представлена как иллюзорная, противоречащая естественным законам природы и общества. Основоположник классического консерватизма Э. Берк указывает: «Те, кто покушаются на ранги, никогда не обретают равенства. Во всех обществах, состоящих из разных категорий граждан, одна должна доминировать. Уравнители только искажают естественный порядок вещей» [3, с. 87].

Довольно отчетливо проблему неравенства в России можно рассмотреть на примере отношения к проблеме гендерного равенства. Поскольку отношение к ней довольно часто можно услышать в высказываниях влиятельных лидеров мнений — политиков, журналистов, общественных деятелей и т.д., проанализируем их гендерный дискурс. А также выясним, насколько он коррелирует с актуальными гендерными практиками.

Прежде чем приступить к решению поставленных выше задач, определимся с ключевыми дефинициями работы — «консервативный поворот» и «гендерное равенство». Понятие «консервативный поворот» в трудах современных обществоведов характеризует тенденцию формирования российской идеологической платформы в настоящий период развития государства и общества (более конкретно, с 2012 г. и по настоящее время). Под гендерным равенством понимается возможность представителей обоих полов на равных правах принимать участие в различных сферах частной и общественной жизни.

С 2008 г. и по сей день, в России наблюдаются «метаморфозы гендерного дискурса». «Примеров тому множество: депутаты Государственной думы практически положили под сукно законопроект о гендерном равноправии; православные активисты предприняли массированное наступление на законопроект о профилактике домашнего насилия; началась агрессивная антиабортная кампания и т. д. Закрепленная еще в начале 90-х гг. во многих законодательных актах Российской Федерации, включая Основной закон страны, эмансипационная норма «равных прав и свобод и равных возможностей их реализации для женщин и мужчин» оказалась напрочь забытой. На смену ей пришли сентенции онтологической морали, скрепленные идеей естественного назначения полов, т. е. биологическим детерминизмом и эссенциализмом» [1, с. 4]. Таким образом, гендерное равенство, не успев реализоваться в России (а российское государство, взявшее в начале 1990-х гг. курс на демократизацию, и, следовательно, соблюдение прав человека, придерживалось принципов формирования гендерного равенства как составной части концепции равенства), ни в институциональном, ни в культурном форматах, превратилось в политический инструмент для реализации проекта консервативного поворота.

Итак, какой же формат гендерного дискурса современной России?

Прежде всего, в гендерном дискурсе наблюдается очевидное отрицание проблем гендерного характера. Более того, можно говорить о негласной, но вполне сознательной политике отрицания и маргинализации темы женского неравенства: мизогинные высказывания становятся своеобразной нормой в публичном пространстве. К примеру, никого особо не возмутило, в т.ч. и женщин-политиков, высказывание одного из депутатов ГД ФС РФ VI созыва А. Тарнавского: «Жалею их и отношусь по-человечески. В них я в первую очередь вижу слабый пол, а не депутатов», — объясняет парламентарий. Несмотря на все разговоры о гендерном равенстве, он не рекомендовал бы женщинам идти в политику. Их миссия, по словам Тарнавского, — «быть в семье, рожать детей, ходить по магазинам и тому подобное» [6].

Поскольку формат настоящей работы не позволяет привести большее количество примеров, предлагаем их посмотреть в следующем издании [4].

Важно напомнить, что в последние годы Госдума неоднократно рассматривала законы, которые, в случае их принятия, фактически дискриминировали бы их права, прежде всего репродуктивные: были попытки ограничить доступ к бесплатным медицинским абортam, социальная поддержка женщин с детьми остается мизерной; высокотехнологическая медицинская помощь для детей (особенно из регионов) зачастую остается недоступной и подразумевает ее платный характер. Как результат женщины с детьми, особенно одинокие, стали самой уязвимой социальной группой в структуре российского общества.

На фоне сказанного выше, многие облаченные властью люди говорят о неравенстве как о чем-то само собой разумеющемся. На естественные биологические различия ссылался, например, Глава Конституционного суда России В. Зорькин, говоря о кризисах современных правовых систем. В своем выступлении на Всемирном русском народном собрании в ноябре 2016 г. констатировал, что правовая система, некогда утвержденная в гуманистическом обществе, в наши дни терпит крах, что было предсказано еще апостолом Павлом. «Я имею в виду такие законодательные новеллы, — сказал Зорькин, «которые объявляют правовой нормой нетрадиционные модели поведения сексуальных и гендерных меньшинств, пытаются уравнивать мужчин и женщин, не принимая во внимание их естественные биологические различия...» [2].

Список подобной риторики и дискриминирующих женщин предложений на государственном уровне можно продолжить. Но обоснована ли она фоне следующих практик: в России, «женской стране», один из самых высоких уровней трудовой занятости женщин, высокий, сопоставимый с Западом, уровень разводов при способности женщины содержать себя и своих детей. В России множество политических женских объединений, существующих как в виде самостоятельных организаций, так и в виде аффилированных структур в политических партиях (например, Гендерная фракция в партии «Яблоко», «Социал-демократический Союз женщин России» в партии «Справедливая Россия»). В России серьезной научной и социальной силой выступают ученые, исследующие гендерные процессы, развито гендерное образование.

Таким образом, гендерный консервативный дискурс и гендерные практики не похожи. Публичная риторика носит дискриминационный характер в отношении женщин, в то время как реалии ориентируют на определенное изменение стереотипов. Следовательно, консервативный поворот гендерного дискурса обусловлен не столько необходимостью задекларировать консервативные ценности россиян, сколько желанием, к примеру, выгодного манипулирования данной проблемой, которая, к примеру, вполне может отвлечь граждан от осмысления более сложных и злободневных социально-политических проблем, требующих обязательного решения.

Библиография

1. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 3–13.
2. Бакланов А. Глава Конституционного суда раскритиковал попытки уравнивать мужчин и женщин. 2016. URL: <https://snob.ru/selected/entry/115896>
3. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993.
4. Великая Н.М., Овчарова О.Г. Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России // Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества: материалы XII Междунар. научной конф. «Байкальская встреча», посв. 85-летию д-ра филос. наук, проф. И.И. Осинского (Улан-Удэ, 12–16 сентября 2018 г.) / Науч. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018.
5. Поляков Л.В. Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор // *Russie.Nei.Vision*. № 90. Декабрь, 2015. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/172119137>
6. Ушакова Д. Дамы с мандатом: как живет женщинам в большой политике. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/10/woman/>

Пасс П.С.

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ВЛАСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ОБРАЗОВАНИИ

Политический процесс всегда был тесно связан с вопросами об обладании, делегировании и распределении власти. Вместе с тем, хотя само понятие «власти» содержит в себе множество дискуссионных аспектов, очевидно, что оно подразумевает и лиц, которые в той или иной мере подчинены власти [1]. В свою очередь, политическая психология предоставляет возможность для изучения того, как власть (и иные политические объекты) отражаются в сознании рядовых граждан.

Вместе с тем образ власти не является статичным; изменяется как его содержимое, так и оптика политического восприятия. Таким образом, говоря об образах власти, необходимо учитывать их динамику и изменчивость.

На кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. Ломоносова разработана, под руководством Е.Б. Шестопаля, факторная модель политического восприятия, позволяющая учесть подобные изменения образов [3, с. 10–13]. Факторы, влияющие на политическое восприятие, категоризируются в пять групп: субъектные, объектные, пространственные, коммуникативные и темпоральные [4, с. 19].

Именно темпоральный фактор тесно связан с трансформацией политических образов с течением времени, что особенно актуально в отечественном политическом контексте (New Trends... 2016: 16). На протяжении последних нескольких десятилетий в России происходили масштабные трансформационные процессы, которые характеризовались серьезными социально-экономическими и политическими преобразованиями. Повсеместные изменения произошли как внутри страны, так и на внешнеполитической арене. Все эти события сказались и на психологической составляющей жизни людей.

Очевидно, подобные процессы не могли не оказать влияние на то, как граждане России воспринимают власть, как действующую, так и прежнюю.

Вместе с тем, необходимо отметить, что помимо изменения образов власти, связанного непосредственно с индивидуальными особенностями граждан, имеют место и целенаправленные обращения к прошлому со стороны различных участников политического процесса.

Среди как западных [7, с. 531], так и отечественных [2] исследователей имеет место указание на важность взаимодействия с образами прошлого и феноменом «коллективной памяти». В целом же, данные процессы носят взаимосвязанный и взаимовлияющий характер [9].

Вместе с тем, исследования, связанные с темпоральным фактором политического восприятия малочисленны. Помимо упомянутых выше масштабных исследований, посвященных изучению политического восприятия в России, необходимо отметить работы Е.Б. Шестопаля, где, основываясь на данных многолетних исследований политических образов в постсоветской России, была предпринята попытка предложить периодизацию изменения политической оптики [5, с. 136–150; 6, с. 291–329].

Таким образом, в рамках приведенной выше модели, темпоральный фактор представляется весьма интересным для более полного понимания процесса политического восприятия в целом, и формирования образов власти — в частности.

Кроме того, это открывает новые перспективы перед политической психологией в контексте исследования таких феноменов, как «коллективная память» и «политика памяти».

Библиография

1. Болл Т. Власть // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 36–42.
2. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158.
3. Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2012. 311 с.
4. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 416 с.
5. Шестопаля Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 136–150.

6. Шестопа́л Е.Б. Образы власти в эпоху перемен (психологическая трансформация общества в постсоветской России) // Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Под ред. Е.Б. Шестопа́л, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 291–329.
7. Coakley J. Mobilizing the past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 531–560.
8. New Trends in Russian Political Mentality: Putin 3.0 / Ed. Shestopal E. Lanham: Lexington Books, 2016. — 396 p.
9. Verovšek P.J. Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm // Politics, Groups, and Identities. 2016. Vol. 4. No. 3. P. 529–543.

Поцелуев С.П.

КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТРИЦЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ¹

Актуальность темы национальной мобилизации для политической науки и образования объясняется, во-первых, тем, что, вопреки прогнозу Э. Хобсбаума, сделанному в 1990 году, сегодня все еще нет оснований утверждать, что нации и национализм играют «второстепенные, а часто и совершенно незначительные роли» [2, с. 303] в политическом процессе. Скорее, наблюдается обратная тенденция. Второй момент, актуализирующий упомянутую выше тему, связан с модернистской парадигмой нации, которая акцентирует роль мобилизационных стратегий и технологий в процессе строительства нации.

Суть этой парадигмы можно резюмировать в следующих трех пунктах относительно природы нации. Нация понимается как 1) прежде всего, *политический*, а не культурно-цивилизационный феномен; 2) как *современный* феномен, по-настоящему заявивший о себе в XVIII-XIX вв.; 3) как в значительной степени *конструируемый* феномен, который инициируется националистически настроенными хозяйственными, политическими и интеллектуальными элитами общества при дальнейшей опоре на массы. Отсюда вытекает, что строительство нации нельзя понимать как эффект активности дюжины политических авантюристов; без массовой поддержки проект нациестроительства не будет успешным. Каким образом объединяются в процессе формирования нации эти два встречных движения — националистические инициативы сверху и национальные запросы снизу — на это призван ответить концепт национальной мобилизации.

Эта категория недостаточно разработана в политической науке вообще и в отечественной политологии, в частности. Объясняется этот дефицит не только приверженностью многих исследователей примордиалистской парадигме, но также узким пониманием самого феномена национальной мобилизации. Зачастую под ним подразумевается какая-то разовая кампания, организуемая властями для мобилизации населения во время войн и кризисов [1, с. 307–308]. Так понятая мобилизация не создает, а поддер-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ № 18-011-00906 «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

живает (актуализирует) уже сложившуюся национальную общность. Но есть и другое направление исследований, которое рассматривают национальную мобилизацию как способ *формирования* нации. Такой подход нашел, к примеру, интересную реализацию в диссертации молодого американского исследователя, посвященной двум мобилизационным кампаниям в послевоенном Китае. В одном случае — это аграрная реформа, кардинальным образом изменившая социально-экономические отношения в сельской местности и создавшая там широкую базу поддержки для коммунистических властей, а в другом — кампания «Сопrotивляйся Америке — помогай Корее», которая мобилизовала страну перед внешней «империалистической угрозой». Оба этих события были не просто инсценировками «единства партии и народа», а «средством формирования национальной идентичности Китайской Народной Республики путем объединения людей посредством участия в кампаниях под руководством Коммунистической партии Китая», то есть, мобилизационной кампанией, которая «способствовала развитию китайского национального государства как ‘воображаемого сообщества’» [3, vi, p. 26].

Еще более солидную попытку реализовать концепт мобилизационных компаний как средства построения национальной идентичности предпринял немецкий исследователь М. Швайгер в своей диссертации, посвященной национальной мобилизации в Ирландии XIX века [7]. Однако обе упомянутые работы страдают слабой проработкой самого концепта национальной мобилизации, в частности, его связи с понятием национальной идентичности. Объясняется это, помимо прочего, тем, что данные работы написаны в русле теории мобилизации ресурсов (особенно американской ее версии) и воспроизводят характерный для этой теории методологически редуционизм, на который в свое время указал итальянский социолог А. Мелуччи. Он писал, что эта теория, справедливо подчеркивая роль рационального расчета, промежуточных сетей, предпринимательского лидерства и в целом организационных структур в мобилизации людей, одновременно упускает из вида широкий культурный контекст и ценностно-идеологическую мотивацию участников мобилизационных кампаний. В случае национальных движений, формирующих соответствующую идентичность, это тем более важно, поэтому Мелуччи обоснованно ставит вопрос о расширении методологии исследования мобилизации за счет теории символического интеракционизма, а также концепций, акцентирующих способность человеческой деятельности создавать смыслы в широком культурно-идеологическом контексте. (Понятие культурной гегемонии А. Грамши здесь также оказывается востребованным). У А. Мелуччи «мобилизация» — это социологический термин, обозначающий процесс, посредством которого создается какое-то общественное движение. В рамках этого процесса «коллективный субъект собирает и организует свои ресурсы для достижения общей цели вопреки сопротивлению групп, выступающих против этой цели» [6, p. 289].

Но мобилизация — это не просто манипулирование ресурсами, ведь одно такое манипулирование идентичности, тем более такой мощной, как национальная, не создает. С другой стороны, важно иметь в виду, что любая политическая идентичность, включая национальную, — это не просто выбор между стилями жизни или субкультурами; это — вопрос политической лояльности, а в экстремальной ситуации — вопрос жизни и смерти. Поэтому так важна мысль Мелуччи о том, что в процессе мобилизации, помимо передвижения ресурсов, «происходит настоящая ‘мутация’, реструктурируется ‘генетический код’ группы, что позволяет сформировать новую социальную единицу,

способную создавать новые ресурсы. ... Движение мобилизует, потому что оно собирает наследие и ресурсы уже существующих социальных структур и ориентирует их в направлении новых целей преобразования» [6, р. 292]. Так мобилизация создает национальную идентичность — благодаря своей смыслообразующей функции, приводящей к «мутации» сознания участников национального движения.

Как конкретно эта мутация осуществляется — это вопрос, касающийся идеологического дискурса национальной мобилизации. И здесь также необходимо заполнить одну исследовательскую лакуну. Если мы будем понимать идеологию только как собрание определенных идей, это мало нас продвинет в понимании смыслообразующей функции национальной мобилизации. Исследователи отмечают необходимость такого концепта идеологии, в котором бы идейная связность подразумевала с необходимостью склонность к политическому действию. Именно такое, «более широкое понятие идеологии представляется более адекватным для охвата всех смыслообразующих и мобилизующих аспектов национальных движений» [5, р. 538].

Данный концепт идеологии мы связываем с понятием когнитивно-идеологических матриц. Их назначение состоит в том, чтобы завершать идентификационный процесс возникновением идентичности как качественного нового состояния, аутопойтической структуры. Это предполагает упомянутую выше реструктуризацию «генетического кода» группы. Под этим кодом можно понимать идеологические концепты в смысле британского политолога М. Фридена. По его словам, «идеология уточняет значение политических концептов, собирая их в матрицу, в которой они объединяются с другими концептами» [4, с. 74]. Идеология, — пишет Фриден, — стремится положить конец неизбежному разночтению концептов, деконструируя их, исключая спорные интерпретации. Предложенный А. Мелуччи концепт «факторов мобилизации» [6, с. 292–293] позволяет лучше понять нарративную структуру этой деконстатации: сущностная оспариваемость концептов снимаются их встраиванием в «историю». В основе любой национальной идеологии лежит мифический нарратив, который в роли когнитивной матрицы осуществляет селекцию и формовку информации, поступающей в сознание носителей данной идеологии.

Библиография

1. *Глаголев В.С.* Национальная мобилизация и фундаментальные ценности культуры // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Международные Лихачевские научные чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб.: СПбГУП, 2015.
2. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998.
3. *Barnes M.L.* Mobilization nation: mass movements in the People's Republic of China. Thesis submitted to the Graduate Faculty as partial fulfillment of the requirement for the Master of Arts Degree in History. The University of Toledo, 2013.
4. *Frieden M.* Ideology: a Very Short Introduction. Oxford: Oxford UP, 2003.
5. *Hjerm M., Schnabel A.* 'Mobilizing Nationalist Sentiments: Which Factors Affect Nationalist Sentiments in Europe?' // Social Science Research. 2010. Vol. 39 (4). P. 527–539.
6. *Melucci A.* Challenging codes: collective action in the information age. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
7. *Schwaiger M.A.* Nationale Mobilisierung einer Agrargesellschaft. Die Catholic Association, die Loyal National Repeal Association und Young Ireland, 1801–1848. Dissertation an der Fakultät für Geschichts- und Kunstwissenschaften der Ludwig-Maximilians-Universität München. München, 2002.

Радина Н.К.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ – ОБРАЗОВАНИЮ
ПОЛИТТЕХНОЛОГОВ: ПРАВИЛА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
УЧАСТНИКОВ ДИСКУССИЙ О ПОЛИТИКЕ
НА ЦИФРОВЫХ ПЛОЩАДКАХ¹**

В ранее проведенных исследованиях [1] было выяснено, что цифровая ритуальная коммуникация в форме онлайн-комментирования политического контента может обоснованно рассматриваться как один из способов политической мобилизации в контексте цифрового политического участия, как устойчивая рамка коммуникации субъекта, обеспечивающая формирование новых ролей и новых социальных практик у участников онлайн-дискуссий о политике и международных отношениях. Следующий этап исследования, представленный в данном сообщении, был посвящен идентификации правил социального взаимодействия в процессе онлайн-дискуссий.

Для реализации цели исследования были отобраны 302 статьи политической тематики с комментариями (27 901 комментарий), размещенные на открытых информационных площадках ИноСМИ.ru (<http://inosmi.ru/>), газета.ru (<https://www.gazeta.ru/>), Полит.Ру (<http://www.polit.ru/>) за 2015 год. Для обработки комментариев использовался количественный интент-анализ на основе словаря интенций, специально разработанного для анализа онлайн-комментирования. В итоге планировалось определить ключевые правила взаимодействия участников онлайн-дискуссий о политике и международных отношениях.

Было выяснено, что более половины комментариев ориентировано на других комментаторов (не на себя, автора статьи или третью сторону). Среди интенциональных доминант, определяющих отношение к другому комментатору — манипулирование (оскорбление и дискредитация), запрос на информацию (удивление, вопрос) и подталкивание к негативным действиям (подстрекательство). Следовательно, в отношении других комментаторов, по Ю. Хабермасу, реализуются притязания на власть и отчасти притязания на искренность [2]. Третья сторона, представляющая референтную символическую власть (другие страны, президентов, тайные общества и т.п.) вызывает интенции, связанные с консолидацией, следовательно, реализуются притязания на истину. Наиболее слабая позиция у референциального объекта «автор». На него направлены манипулятивные действия (дискредитация и оскорбление) и действия, связанные с контролем (сарказм и критика), реализуются притязания на правосудие и власть.

Ход онлайн-дискуссии представляет диалог комментаторов с Другими на онлайн-площадке, где Другой предстает в трех формах. Первая форма (автор) — самая уязвимая в контексте онлайн-коммуникации: Другой в формате автора должен быть низведен и подавлен. Вторая форма (другой комментатор) — равный, которого необходимо «переиграть». В отношении к данному референциальному объекту наблюдаются диалогические интерес и симпатия, но в целом преобладает намерение доминировать и управлять. Третья форма (третья сторона) — вызывает притязания на признание и потребность в принятии. Очевидно, что подобный коммуникативный расклад в дис-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №16-06-00184-А «Разработка и исследование моделей “online” дискуссии на материале обсуждения политических новостей».

куссии релевантен незрелым формам социальной коммуникации (отсутствие реального диалогизма).

Связывая мотивационные (интенциональные) ориентации с тематическими предпочтениями, следует отметить, что дискуссионные площадки цифровых медиа оказываются виртуальным пространством борьбы за власть (доминирование), за право судить и за производство истины. Притязания на доминирование особенно выражены в комментариях о странах-соседях. Притязания на истину связаны с символической борьбой за право «означать» события прошлого (комментарии к статьям об историческом прошлом). Притязания на правосудие охватывают проблематику вызовов для России и лично для президента.

Притязания на искренность оказываются депривированными на всем тематическом поле онлайн-дискуссии, что свидетельствует в пользу защитной мотивационной стратегии в процессе комментирования (комментаторы судят, управляют и означают факты и события вне поиска открытой и доверительной коммуникации). На тематическом уровне также возникает проблема взаимоотношений я/мы (Россия) с Другими (как правило, речь идет о странах-соседях или географически удаленных странах). Другие в этом взаимодействии выстроены иерархически в логике враждебности.

Тематический уровень наиболее полно раскрывает характеристики гетеротопии виртуальной коммуникации (например, противоречие между депривацией притязаний на искренность в сочетании с притязаниями на истину), поскольку раскрывает сложный и противоречивый характер онлайн-взаимодействия. Тематическими полями онлайн-дискуссии управляет правило социального и символического доминирования: в социальных отношениях, в производстве знания, в оценке событий и фактов. Его лаконичная формулировка может звучать следующим образом: доминируй.

С точки зрения манипулятивных технологий (троллинга) — как стихийного (определяется частотностью оскорблений), так и профессионального (определяется через управление коммуникацией и сценарность взаимодействия), согласно исследованию, наиболее уязвима тема отношений России с США. Кроме того, стихийные тролли локализованы в тематической области отношений России и Украины: статьи на эту тему часто комментируют те, кто готов использовать в дискуссии грубые манипулятивные инструменты (оскорбления). В то же время статьи о президенте или об отношении России и ЕС управляются посредством сценарности коммуникации, обладая умеренным или невысоким потенциалом простых инструментов стихийного троллинга.

Рассматривая полученные результаты в научном контексте изучения виртуальной коммуникации, необходимо признать, что в онлайн-дискуссиях действительно деконструируются этические нормы офлайн-коммуникации (негативно реализуется свобода онлайн-взаимодействия). В отсутствии офлайн-привычных границ и правил реконструируются новые «коммуникативные статусы»: идет борьба за символическое доминирование посредством коммуникативной агрессии или посредством управления коммуникацией.

На уровне одобрения отдельных интеракций в процессе онлайн-взаимодействия, комментаторы онлайн-дискуссий о политике и международных отношениях действуют по-разному в отношении разных референциальных объектов. Так, одобряются (поддерживаются «лайками») притязания на искренность и власть, если данные притязания направлены на других онлайн-комментаторов, в то же время поддерживаются притязания на истину, власть и правосудие, если комментарии адресуются «третьей стороне» (в лице влиятельных акторов политического поля).

Уровень аттракции интенциональных действий закрепляет ассиметричные отношения между комментатором и Другими (автором статьи, другими комментаторами, а также третьими лицами, воплощающими влиятельные силы в контексте проблемы статьи) в данной форме онлайн-коммуникации. Более того, эмоциональная поддержка («лайки») оказывается инструментом закрепления интенциональных сценариев онлайн-коммуникации, фактически легитимизируя правила социального взаимодействия через аттракцию пользователей.

Социальная прагматика русскоязычных онлайн-дискуссии о политике и международных отношениях в свернутом виде может быть охарактеризована как конфликтная и описана двумя правилами: дискредитируй и доминируй. Однако необходимо признать, что данные правила работают только в том случае, если участники онлайн-дискуссии желают сохранить ее конфликтный статус (признают эти правила и воспроизводят их в онлайн-коммуникации).

Библиография

1. *Радина Н.К.* Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2018. N 2. С. 115–129.
2. *Habermas J.* 1981. *Theorie des kommunikativen Handelns.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 2 Bände: Bd 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. 533 p. Bd 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. 632 p.

Селезнева А.В.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Ценностное изменение политики является сложной теоретико-методологической проблемой, которая, по мнению Н.Г. Щербининой, проистекает из диалектики «объективного» и «субъективного» [1]. С одной стороны, ценности представляют собой независимые от индивидов сущности, выступающие в политике в роли идейного образца и социального регулятора, а с другой — являются порождением сознания людей и существуют в нем, определяя, таким образом, особенности неинституциональных компонентов политических процессов. Данное противоречие дополняется социально-индивидуальной двойственностью природы политических ценностей граждан, что еще больше усложняет их интерпретацию.

В качестве объекта изучения политические ценности рассматриваются в современной науке в трех измерениях: как общественный идеал — определенный набор смыслов, представленных в философских и политических текстах, идеологиях, доктринах, программах и документах; как разделяемые членами социальной группы или общества в целом идеи о совершенстве в сфере политики; как психологические конструкты в структуре личности, являющиеся результатом индивидуального жизненного опыта и регулирующие политическое поведение и деятельность отдельного человека.

В рамках политико-психологического подхода мы определяем политические ценности как устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений.

Политические ценности обладают следующим психологическими особенностями: они немногочисленны, иерархически упорядочены и системно организованы, проявляются на уровне массового и индивидуального сознания, устойчивы к изменениям социально-политического контекста, носят символический характер, связаны с потребностями и установками людей и регулируют их политическое поведение. Политические ценности выражаются в абстрактных категориях, смысловое наполнение которых раскрывается в политических представлениях. Политические ценности в обществе изменяются в процессе социокультурного кризиса, вызванного политическими и социально-экономическими трансформациями.

Методология исследования политических ценностей, которая развивает концептуальные положения политико-психологического подхода и определяет возможности операционализации теоретических положений для эмпирического изучения, опирается на положения когнитивной психологии и теории социального познания. Методологические принципы, представленные на разных уровнях методологии — общенаучном, конкретно-научном и методическом, носят нормативный характер и являются предписаниями к исследовательской деятельности, как в области теоретических разработок, так и в сфере эмпирического изучения проблемы ценностей.

В современной зарубежной и отечественной науке сложились определенные традиции в формировании и использовании методического инструментария для проведения эмпирических исследований. Все многообразие используемых методов можно объединить в три группы в соответствии с пониманием предмета исследования.

К *первой группе* относятся методы, позволяющие изучать политические ценности как идеологические концепты, существующие в общественно-политическом дискурсе. Это различные модифицированные варианты использования процедуры контент-анализа, техники дискурс-анализа, психолингвистического анализа политических текстов (программ политических партий, сообщений СМИ, выступлений политиков и пр.) [2].

Во *вторую группу* входят методы, используемые для изучения политических ценностей на уровне социальных групп и общества в целом, представляющие собой разные модификации классических опросных методов — анкетирования, интервьюирования, фокус-группового исследования. Большинство современных социологических и психологических исследований проводятся с помощью данных методов. В качестве примера можно привести методику Р. Инглхарта [3] для выявления материалистических и постматериалистических ценностей, которая применяется во Всемирном исследовании ценностей и работах отечественных ученых — А.В. Андреевской [4], Е.И. Башкировой [5], М.С. Яницкого (в модифицированном виде) [6].

К *третьей группе* относятся методы, которые применяются для изучения системы политических ценностей отдельной личности преимущественно в рамках психологических исследований. В качестве примеров таких авторских разработок можно привести многофакторный «Тест изучения ценностей» Г. Олпорта, П. Вернона и Г. Линдсея [7], методику М. Рокича [8], которая широко применяется нашей стране в различных доработанных и модифицированных вариантах [9], Портретный ценностный опросник Ш. Шварца [10], методика аксио-биографического интервью А.П. Вардомацкого [11].

Комплекс собственно политико-психологических методик сформирован на основе двух базовых исследовательских стратегий — контактной диагностики, позволяющей

изучать человека в непосредственном взаимодействии с ним, и дистантной оценки (at-a-distance assessment) [12], предполагающей выявление психологических особенностей личности на расстоянии через изучение продуктов ее деятельности.

Опросные методы — анкетирование, интервьюирование, фокус-группы — используются для выявления структуры и содержания политических ценностей, выраженных в вербальной форме. Особенностью применения данных методов в политико-психологических исследованиях является наличие специальных моделей обработки и анализа полученных данных, основанных на понимании социальной и психологической природы политических ценностей [13].

Проективные методы являются обязательным элементом методического инструментария любого политико-психологического исследования. Для исследования политических ценностей применяются такие варианты проективных методов, как ассоциативные техники, неоконченные предложения и рисуночные тесты.

Изучение ценностно-идеологических ориентаций политических деятелей осуществляется методом *контент-анализа*, который широко используется в политико-психологических исследованиях для изучения разных психологических свойств личности [14]. Политические психологи опираются здесь на базовый психологический принцип отражения психических свойств личности в его деятельности и исходят из допущения, что в выступлениях политиков в явной или скрытой форме проявляются их персональные ценностные ориентации. С методической точки зрения в процессе исследования обязательно соблюдаются два условия. Первое — для анализа подбираются тексты интервью и спонтанные комментарии, в которых сохраняются индивидуальные черты личности, обычно сглаживающиеся при последующей редакции для публикации в СМИ. Второе условие предполагает обязательную разработку специальных интерпретационных схем [15], которые позволяют выявлять необходимые характеристики изучаемого объекта на основе приемов классического контент-анализа.

Библиография

1. *Щербинина Н.Г.* Ценности и политика // Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России: К 250-летию МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Современные тетради, 2004.
2. *Светоносова Т.А.* Методика лингвистического исследования ценностей в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. №18; *Гаврилова М.В.* Когнитивная модель идеологии КПРФ // Политическая лингвистика. 2011. № 3(37).
3. *Inglehart R.* Culture shift in advanced industrial society. Princeton University Press, 1990.
4. См.: *Андреевкова А.В.* Постматериалистические / материалистические ценности в России // Социс. Социологические исследования. 1994. № 11.
5. См.: *Башкирова Е.И.* Трансформация ценностей российского общества // Полис. Политические исследования. 2000. №6.
6. *Яницкий М.С.* Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания // Сибирская психология сегодня: сб. научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 189–195.
7. *Allport G.W., Vernon P.E., Lindzey G.* A study of values: Manual and test booklet. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1960.
8. *Rokeach M.* The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973.
9. *Круглов Б.С.* Определение уровня сформированности ценностных ориентаций по методике Б.С. Круглова // Я, ты, мы в зеркале познания. М.; Воронеж, 1995; *Сопов В.Ф., Карпушина Л.В.* Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. 2001. № 4; *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М.: СМЫСЛ, 1992.
10. *Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // Journal of Cross Cultural Psychology. 2001. Vol. 32.

11. Вардомацкий А.П. Аксио-биографическая методика // Социс. Социологические исследования. 1991. № 7. С. 83.
12. Ракитянский Н.М. Психологическое портретирование в политологической практике. М.: Интерпресс, 2008.
13. См.: Селезнева А.В. Методология исследования политических представлений и ценностей. Вестник Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 2. С. 42–53.
14. Winter D.G., Stewart A.J. Content analysis as a technique for assessing political leaders. In Psychological examination of political leaders / Ed. by M. Hermann. N.Y., 1977.
15. Современная элита России: политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015.

Тимофеева Л.Н.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВИСТИКА: ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

Политические коммуникации как форма, способ и содержательная атрибуция политических отношений в обществе стали активно исследоваться в России и в мире сравнительно недавно. До этого научный мир занимал вопрос в целом о коммуникациях. По данным исследователей из США, где с 1930-х гг. в университетах страны читаются курсы по коммуникации, насчитывается около 250 различных теорий и 126 определений коммуникации [1, с. 73, 116]. Но это не значит, что ученых не интересовали собственно политические коммуникации. Определений политическим коммуникациям тоже дано немало.

Под политическими коммуникациями мы понимаем процесс обмена политическими смыслами в форме знаков, символов, актов и т.д., позволяющих отражать, воспроизводить или конструировать политическую реальность в соответствии с ведущими идеями своего времени и потребностями субъектов политики.

Толчком к изучению собственно «политических коммуникаций» в различных их проявлениях, в частности в форме пропаганды и агитации, и к появлению первых теоретических работ по данной проблематике послужили такие политические катаклизмы первой половины XX века, как революции, первая и вторая мировые войны, которые показали эффективность этого «оружия» в достижении политических целей.

Если в 1900–1950 гг. коммуникация исследуется главным образом как политическая пропаганда, СМИ, общественное мнение, то в 1950–1970 гг. начинается изучение политических установок и их изменений под воздействием коммуникации. В 1970–1985 гг. идет рассмотрение социальных и политических процессов как коммуникаций. С 1985 по 2000 г. начинается изучение властного воздействия на общество и противостояние ему посредством коммуникации. С 2000 г. фокус научного интереса смещается в сторону Интернета и виртуальной реальности, где среди важных тем — исследования электронной демократии, электронного правительства, интернет-плебисцита, социальных сетей, блокчейнов и т.д.

Первоначально в основу теории политических коммуникаций легли идеи следующих научных школ: *бихевиористской* (Г.У. Липпман, 1922, Г. Лассуэлл, 1927); *кибернетической* (К. Дойч, 1963) и *школы структурно-функционального анализа* (Г. Алмонд

и Дж. Коулман, 1960). Затем она были дополнены постструктуралистскими теориями коммуникации, где ведущую роль исполняет интеракция посредством определенно направленных дискурсивных и языковых практик (П. Бергер, Т. Лукман (1966), М. Фуко (1971), М. Бурдье (1993), теорией коммуникативного действия (Ю. Хабермас, 1983); дискурсивной теорией гегемонии (Э. Лакло и Ш. Муфф, 1985), теорией постмарксистской диссенсусной демократии (Ш. Муфф, 1988), дискурс-анализа (М.В. Йоргенсен., Л. Дж. Филлипс (2002), и т.д. и т.п.

*Естественно, что становление политической коммуникативистики как нового научного направления исследования повлекло за собой уточнение ее исследовательского поля, объекта и предмета. По мере погружения в ее изучение, становилось ясно, что политическая коммуникативистика опирается на мультидисциплинарное поле исследования. Стал известен подход Р. Крейга и подход Р. Мидоу. Р. Крейг, профессор Университета Колорадо, США, первый редактор — основатель журнала «Теория коммуникации», президент Международной коммуникативной ассоциации (*International Communication Association, ICA*) в 2003–2004 гг., предложил диалогически-диалектическую дисциплинарную матрицу, которая напоминает «интерактивный гипертекст, позволяющий рассматривать предмет в множествах направлений с помощью гиперссылок внутри и на пересечении различных уровней с переходом к смешанным традициям и альтернативным систематизациям, родственным дисциплинам и мультимедийным записям коммуникативных практик, связывающих теорию с практическим метадискурсом».*

Р. Мидоу (1980) выделил шесть фундаментальных подходов с точки зрения потребностей государства и общества: 1) *системный подход* восходит к кибернетике: коммуникация рассматривается в терминах интеракции между элементами системы и связывается с понятием социального контроля; 2) *лингвистический подход* также концентрируется вокруг понятия социального контроля с помощью особого инструмента — языка; язык рассматривается как средство социального контроля и ограничения доступа к политическим институтам и политическим процессам; социальные акторы, правомочные принимать решения, а также представители политической элиты осуществляют свою деятельность при помощи специфического языка, поэтому власти прислушиваются к их мнениям и требованиям; граждане, не входящие в элиту, имеют ограниченную возможность выражать политические мнения и требования; 3) *символический подход* определяет коммуникацию в терминах обмена символами: главное — процесс создания и распространения символов, манипуляция символами и распределение символических наград; 4) *функциональный подход* подчеркивает значение коммуникации для политической системы (особенно в сфере массмедиа); помимо поддержания функции социальной стабильности, коммуникация выполняет функции социализации (социальной адаптации к нормам политической системы); 5) *организационный подход* концентрируется на внутриправительственных информационных потоках и акцентирует внимание на факторах, ограничивающих этот поток и дифференцирующих доступ к информации; 6) *экологический подход* исследует политическую коммуникацию с точки зрения влияния на нее политической системы; политическая система создает среду, в которой формируются институты коммуникации и регулируются процессы коммуникации в обществе в целом (одним из проявлений такого регулирования является осуществление государством определенной языковой политики по отношению к меньшинства).

Безусловно, этот взгляд ближе к пониманию особенностей исследовательского поля политической коммуникативистики. По сути дела здесь в основание теории политиче-

ских коммуникаций положены как дескриптивно-эмпирические, так и нормативные и предписывающие подходы, позволяющие понять, что есть политическая коммуникация в политической системе, каковы ее функции и предназначение, как ее можно использовать в различных целях правительству, обществу, его институтам. Однако, заметим, что в этих коммуникациях, обозначенных Мидоу, могут встречаться вовсе не политические, а, например, административные, хозяйственные, межличностные коммуникации между правительством и обществом и его институтами. Подчеркнем, что нас волнует не вообще коммуникация, а именно политическая коммуникация, которая имеет свои особенности и свою область применения. Это значит, что поиск должен быть продолжен. Относительно предмета политической коммуникативистики выдвигается версия о практик политических коммуникаций [15, 16]. Многосоставный характер предметного поля коммуникативистики, всепроникающее существование коммуникации заставили ученых сделать вывод и о появлении коммуникативного метода исследования и даже особой коммуникативной методологии познания социальных и политических институтов и процессов, которая позволяет полнее анализировать их существо, например, феномен политической власти. Словом, институционализация политической коммуникативистики продолжается и она имеет свою специфику в разных странах, в том числе и в России.

Библиография

1. Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания // Компаративистика III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2003. С. 73,116.
2. Lippmann W. Public Opinion. New Brunswick (USA): Macmillan Company. 1922.
3. Lasswell H. Propaganda Technique in the World War / H. Lasswell. L.; .N-Y., Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1927.
4. Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society / J. Bryson (ed.). The Communication of Ideas. N.Y.: The Free Press, 1948.
5. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // Reader in Public Opinion and Communication / Ed. By B. Berelson and M. Janowitz. Glencoe: Free Press, 1953.
6. Politics of the Developing Areas / Ed. by G.A. Almond, J.S. Coleman. Princeton: Princeton University Press, 1960. P. 40.
7. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. Penguin Books, 1966.
8. Foucault M. L'ordre du discours. Paris, 1971.
9. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
10. Habermas J. Moralbewusstsen and Kommunikatives Handeln. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1983.
11. Laclau E., Mouff C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985.
12. Mouff C. Radical Democracy: Modern or Postmodern? // Universal Abandon? / Ed. A. Ross. The Politics of Postmodernism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. Mouzelis Nicos. P. 31–45.
13. Philips L., Jorgensen M. Discourse Analysis as Theory and Method. London: Sage, 2002.
14. Meadow R.G. Politics as Communication. N.J. Norwood, 1980. P. 24.
15. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 41–54.
16. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: в поисках предмета и признания // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. С. 25–41.

Усманова З.Р.**ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ МЕТОДОЛОГИИ
ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ
ПРОДВИЖЕНИЯ НЕПОПУЛЯРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ**

Постановка проблемы и актуальность исследования. Потребность в детальном анализе феномена непопулярных политических решений вызвана острой социально-политической ситуацией, характерной для современной России. За последние годы в стране было принято огромное число непопулярных решений, что не могло не сказаться на массовых политических настроениях и на уровне доверия населения к властным структурам [3]. В создавшихся условиях органам власти приходится принимать непопулярные решения, которые способствуют выходу из кризисного состояния, укреплению существующего государственного курса, целостности страны. Некоторые из таких решений вызывают волну критики и недовольства среди населения, приобретают публичную неоднозначную оценку. Характерную черту, «непопулярность» [9], публичное политическое решение может приобрести не только на стадии реализации, но и при освещении в медиа-пространстве на стадии разработки. При этом негативная реакция общественности на него может формироваться посредством искусственных рычагов, в том числе с помощью грамотного медиа-сопровождения. Аналогичным образом, с помощью технологий манипулирования, можно изменить отношение общественности к политическим преобразованиям и снизить, либо избежать излишнего эмоционального напряжения в массах.

Теоретико-методологические основы исследования. В России, как и любой стране мира, регулярно складываются прецеденты, за которыми следуют акции протеста и бурная полемика в СМИ и общественных кругах. К ним можно отнести «закон о монетизации льгот», «пенсионную реформу», «повышение коммунальных платежей с 01.07.2018 г.», «повышение НДС с 18% до 20%», «попытка принудить Telegram выдать ключи шифрования властям, угрожая заблокировать мессенджер», «повышение тарифов на горючее» и другие. Указанные решения имели под собой юридическую основу, которая не смогла обеспечить их беспрепятственную реализацию, так как для общественности не всегда достаточно употреблять только апелляцию к рациональным доводам, необходимо также и эмоциональное одобрение. В данной связи необходимо обратиться к технологиям манипуляции общественным мнением, которые советский и российский ученый С.Г. Кара-Мурза определяет как способ духовного влияния на человека посредством скрытного программирования его эмоциональных реакций и будущего поведения на основе изменения мнений, представлений и целей в необходимом властным структурам направлении [2].

В своих исследованиях американский ученый Р.Е. Гудин пришел к выводу, что существуют две модели современного политического манипулирования, которые активно используются в продвижении непопулярных решений [5]. «Психологическая модель» опирается на автоматическую реакцию индивида на конкретные стимулы манипулятора. Политическим акторам достаточно выбрать наиболее подходящие для своего электората и общественности в целом стимулы, чтобы привести в действие психологические механизмы одобрения и принятия и обеспечить необходимую реакцию масс. «Рациональная модель» опирается на обман и вероломство. В обеих моделях активно используются такие формы манипулирования информацией, как сокращение

количества доступной информации либо предоставление чрезмерной информации (информационная перегрузка), преднамеренное утаивание информации (секретность) либо использование пропаганды.

Методология и модель исследования. Исследование строится на модели, предложенной Р.Е. Гудиным, которая классифицирует коммуникационные технологии, традиционно используемые властью, чтобы донести свои решения до масс, и показывает, какие из них являются манипулятивными [7]. Целью исследования является выявление существующих методов и технологий манипулирования общественным мнением, способствующих социальному признанию и трансформации политического решения из непопулярного в одобряемое. Для достижения цели используется анализ вторичных данных исследований общественного мнения релевантных нашей теме, проведенных «Фондом общественное мнение» и «Всероссийским центром исследования общественного мнения» в 2018 году. В результате анализа сопоставляется степень снижения либо заострения негативных эмоциональных реакций общественности, и выявляются конкретные манипуляционные технологии, используемые в медиа-кампаниях по продвижению непопулярных решений в массы, которые этому способствуют.

Эмпирическая база и результаты исследования. В результате анализа данных многочисленных опросов ФОМа и ВЦИОМа за 2018 г. нами были получены следующие корреляции (Таблица 1). Первая часть исследования демонстрирует то, как непопулярные политические решения освещают крупные, в том числе государственные, СМИ и какие слова и идеи-символы они используют для воздействия на эмоциональную сферу граждан.

Таблица 1. Манипуляция эмоциональными реакциями граждан через внушение посредством информационных кампаний в СМИ.

Непопулярные политические решения в 2018 г.				
	Блокировка Телеграм	Повышение НДС на 2%	Повышение пенсионного возраста до 65 (63) лет	Повышение тарифов на оплату ЖКУ
Коммуникационные технологии манипуляции информацией и достижения общественного одобрения	Александр Жаров: «все последние теракты в России координировались через Telegram» — актуализация чувства страха	Государственные СМИ: «пополнение бюджета страны», «развитие экономики» — актуализация чувства уверенности в завтрашнем дне	ЛОМы-сторонники повышения пенсий: «нормальный человек хочет работать», «другие пенсионеры будут жить лучше», «если есть силы и здоровье, можно и проработать» — актуализация надежды на лучшее	ЛОМы поясняющие нововведение: «реформа жилищно-коммунального хозяйства необходима» — актуализация чувства уверенности
	Александр Жаров: «если выбирать между комфортом и безопасностью, я выбираю безопасность, — актуализация потребности в безопасности	Государственные СМИ: «от повышения НДС на 2% нет пользы», «повышение непонятого налога на два процентных пункта», «это неинтересно на фоне ЧМ по футболу 2018» — умаление значимости темы	Противники меры — «боимся, что не доживем до пенсии»; «в нашей стране так долго люди не живут». «пенсионеры не уйдут с рабочих мест, и молодежи негде будет работать», «бюджета не хватает, чтоб платить пенсию» — актуализация чувства неуверенности в завтрашнем дне	Государственные СМИ: «компенсация подорожания ЖКУ должна производиться через рост оплаты труда, рост пенсий, жилищные субсидии и пособия на детей» — актуализация чувства социальной безопасности

Данные высказывания актуализируют сильные эмоции и с помощью механизма психологического внушения через каналы массовой коммуникации внедряют опреде-

ленные политические представления. Общественности внушаются выгодные властным структурам идеи, которые тяжело обосновать с помощью логических доводов. В результате граждане усваивают искаженные образы, которые стимулируют побуждения к действиям без оценки цели и мотивации, что способствует некритическому принятию идей и привыканию к ним как к должным и неизбежным. Внушение в данном механизме опирается на конкретные слова-символы, систему зрительных образов-символов, обрамляется в систему аудиальных образов-символов, которые в целом обеспечивают практику массовой политической коммуникации и вызывают у адептов позитивные или негативные ассоциации, имеющие высокую эмоциональную выраженность [4].

Во второй части исследования мы выявили то, как непопулярную информацию воспринимают граждане. Мониторинг ВЦИОМ, измеряющий социальное самочувствие россиян в июне 2018 г., свидетельствует о снижении показателей уровня социального оптимизма по сравнению с предыдущими годами, на что повлиял рост цен на горючее и инициатива повышения пенсионного возраста [1].

По данным ФОМ подавляющее большинство российских граждан относится к пенсионной реформе негативно. Среди причин такого отношения наиболее четко звучат опасения связанные с возможностью не дожить до пенсии и потерять накопления либо столкнуться с высокой конкуренцией на рынке труда, лишиться возможности трудиться на хорошей работе. Также респонденты отмечают ухудшение здоровья с возрастом и снижение продуктивности труда. Безразлично или позитивно к данной инициативе отнеслись лишь люди уже имеющие пенсию, то есть в возрасте старше 60 лет [8]. Характер ответов данной группы респондентов отличался низкой эмоциональной окрашенностью и отражал скорее незаинтересованность темой, так как она их самих не касается и их личное положение не изменяет. Реформа для них имеет скорее характер экономической необходимости, так как «у государства не хватает денег».

В целом граждане (27%) признают необходимость проведения данной реформы, воспринимают ее как неизбежность, причинами которой выделяют экономические сложности в стране, нестабильную социально-экономическую ситуацию в целом. При этом, принять участие в акциях протеста против реформы готовы 43% респондентов.

Доктор социологических наук Елена Шуклина, комментируя результаты опроса ФОМ, обращает внимание на возможность увеличения протестных акций граждан и отмечает, что коммуникационная стратегия избранная властями с целью внедрения непопулярного решения, связана с технологией отвлечения внимания от социально-экономической тематики. Информация о повышении пенсионного возраста была преподнесена в период проведения ЧМ по футболу, чтобы снизить волну возмущения на старте реформы. Примечательно, что данный факт позволил вполне обоснованно отказать представителям общественности организовать протестные митинги в Москве и ряде других городов России. В противовес данному мнению гендиректор медиа-группы «Общественное мнение» Алексей Колобродов прогнозирует снижение протестной активности и постепенное свыкание массового сознания с идеей повышения пенсионного возраста, но только в случае нахождения компромиссного решения данной проблемы властями и возможно продления сроков внедрения нововведений.

Необходимо отметить, что крупные государственные СМИ стараются не заострять внимание на проблеме пенсионной реформы, внедряя в массовое сознание «пакет патриотических идей». Формулировки, используемые ими для освещения деталей реформы, — «мягкое повышение пенсионного возраста», «введение вклада наемных работников в их собственные пенсионные накопления», «меры абсолютно необходимые»,

«избежать тяжелого кризиса пенсионного обеспечения уже в ближайшие десять лет», «создать источники долгосрочных инвестиций», «продолжительность жизни растёт».

В отношении повышения платы за ЖКУ крупные государственные СМИ используют такие мягкие, убеждающие формулировки — «реформа жилищно-коммунального хозяйства необходима», «компенсация подорожания ЖКУ для населения должна производиться через рост оплаты труда, в первую очередь бюджетников, через рост пенсий, а также жилищные субсидии и пособия на детей».

Более негативные формулировки можно встретить в менее массовых СМИ (региональных газетах, пабликах в социальных сетях) [6]. Среди словосочетаний, используемых данными источниками, встречаются такие — «жители РФ крайне негативно оценивают намерение властей увеличить пенсионный возраст», «инициатива Правительства РФ вызвала недовольство народа», «доверие к власти в связи с реформой неуклонно снижается». По данным исследовательских агентств в период внедрения непопулярных решений действительно снижается уровень поддержки институтов власти и действий должностных лиц. Ведущий аналитик ФОМа Григорий Кертман отметил, что среди факторов, влияющих на снижение доверия власти, преобладают снижение пенсионного возраста, повышение НДС, рост цен на горючее.

Выводы. Мы выяснили, что непопулярность порождается коммуникационными процессами путем формирования отрицательных информационных потоков и является одним из наиболее распространенных рисков в государственном управлении. Именно поэтому даже эффективные решения могут стать непопулярными у общественности по причине сиюминутных неудобств или плохого исполнения. Для того, чтобы минимизировать отрицательные последствия внедрения политических нововведений необходимо правильно использовать актуальные технологии манипуляции массовым сознанием. С их помощью можно добиться позитивных реакций общественности, либо проводить реформы достаточно незаметно, чтобы не травмировать устоявшиеся ценности и представления граждан, а предоставить им возможность постепенно привыкать к реформам. Также необходимо признать, что не вся информационная кампания вокруг непопулярных решений является манипулятивной. Характер манипуляции она принимает только в случае, если власть транслирует ложные сведения и факты при коммуникации с гражданами. При этом чтобы сохранить видимость правдоподобности ложь должна быть определенным образом дозирована и не занимать все информационное поле.

К манипулятивным мы относим технологии, основанные на предложении лживых обещаний, опирающихся на ожидания общественности, а также изъятие и сокрытие информации, которая идет вразрез с установками существующего политического курса (секретность). Еще одним способом манипулирования общественным мнением, довольно часто применяемым в современной политической коммуникации, является предоставление слишком обширной информации, которая способствует запутыванию проблемы и тем самым снижает интерес к поиску конкретных фактов среди массива сопутствующих событий. Благодаря данной технологии наиболее острые проблемы удается растворить в множестве малозначительных происшествий, не имеющих яркой эмоциональной окраски.

Библиография

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/> (04.07.2018)
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: Учеб. пособие. М.: Агоритм, 2014. 28 с.

3. *Костина К.К.* Технология принятия и реализации непопулярных политических решений: Автореф. дисс. ... канд. полит. н. Саратов, 2007. 25 с.
4. Психология управления массовым политическим сознанием и поведением. Учебно-методическое пособие / Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева, А.В. Манойло. М.: Известия, 2015. 104 с.
5. *Гудин Р.* Манипулятивная политика. Йель — Принстон — Хевен, 1980. 250 с.
6. Российское информационное агентство Новый день // РИА Новый день [Электронный ресурс]. 2018 (дата обновления: 08.07.2018). Режим доступа: <https://newdaynews.ru/moskow/639401.html> (08.07.2018)
7. *Трохинова О.И.* Коммуникационные аспекты легитимации непопулярных политических решений // Медиаскоп. 2018. Вып. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/2425> (02.07.2018)
8. Фонд общественного мнения // ФОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fom.ru/> (04.07.2018)
9. *Шаброва Н.О.* непопулярные решения в условиях демократии // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepopulyarnye-resheniya-v-usloviyah-demokratii> (03.07.2018)

Шмелева О.Ю.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПРОЕКТИВНЫХ РИСУНКАХ ШКОЛЬНИКОВ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РФ

В условиях усиления глобализационных тенденций, информационного противостояния в мире, появления новых трендов в мировом политическом процессе, мощного воздействия разнонаправленных источников информации восприятие обществом политических объектов усложняется. Данная проблема особенно актуальна для детей школьного возраста, сознание которых наиболее уязвимо, характеризуется незавершенностью процесса формирования ценностной картины мира, «развитием восприятия в зависимости от умственной эволюции ребенка» [3, с. 136], динамичностью (усложнением) образов, наполнением их новыми смыслами. На эволюцию образов также оказывает влияние «событийный контекст процесса социализации», обуславливающий специфику отношения «каждого политического поколения... к миру, к государству, к власти» [2, с. 43]. Поэтому изучение особенностей отражения современного российского государства в массовом сознании подрастающего поколения целесообразно в превентивных целях, в плане выявления «слабых» мест в системе политического образования, совершенствования образовательной стратегии, оценки потенциала влияния образа государства на формирование национально-государственной и гражданской идентичности.

Учитывая психовозрастные особенности респондентов (8–14 лет), наиболее эффективным диагностическим средством, позволяющим исследовать «глубинные, зачастую неосознаваемые характеристики восприятия» объекта [2, с. 126], видение жизни, смыслы, ценности, паттерны, выраженные в виде визуальных образов, выступающих «проекцией внутреннего мира личности» [5, с. 78], являются проективные методики, в частности, психологический рисуночный тест. В качестве репрезентанта в нем выступает изображение объекта, несущее на себе отпечаток личности участника исследования.

Психологический тест «Проективный рисунок современного российского государства» проводился весной 2018 года на кафедре прикладного политического анализа и моделирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского при участии автора. В процессе исследования был обработан 71 рисунок учащихся общеобразовательных учреждений г. Нижнего Новгорода, Нижегородской и Владимирской областей, содержащий 94 элемента информации. В качестве методологического основания исследования визуальных образов восприятия государства были использованы наработки Е.Б. Шестопал, Т.В.Фоломеевой, О.М. Бартеневой по созданию категориального аппарата для интерпретации графического материала [3, с. 33; 1, с. 129]. Основными параметрами анализа данных стали — простота-сложность, сюжет изображения, композиция, предметность рисунка, смысловая составляющая образа.

Выявленные предметные образы были классифицированы нами на простые (образы-символы, за которыми закрепилось общепринятое значение), метафорические и сюжетные. В общем массиве данных простые образы составили 68%, метафорические — 18% и сюжетные — 14%. Простые образы оказались представлены преимущественно изображениями официальных и неофициальных символов государства: герба, флага, Президента РФ, Московского кремля, Георгия Победоносца, поражающего копьём змея, как традиционный символ борьбы российского государства с собирательным образом врага, архитектурных сооружений (например, Собор Василия Блаженного). Примечательно присутствие в одном композиционном поле изображений российского триколора и флага СССР как графическое выражение идеи преемственности истории, являющейся одной из ключевых в официальном нарративе действующей власти.

Распространение также получили пространственно-географические образы (изображения карты РФ, очертаний территории), являющиеся результатом акцентирования внимания в учебной литературе на обширности территории России, широте границ.

Наряду с образами-символами среди графических изображений встречались и оригинальные (индивидуальные), метафорические образы (капуста, собака, крепость и др.), репрезентирующие характерные признаки объекта. Одним из наиболее часто встречающихся предметных образов является крепость, представленная как глухая, неприступная стена (кирпичная кладка), выражающая закрытость, дистанцированность государства от общества. Капуста олицетворяет идею централизованного государства, имеющего внутренний стержень (кочерыжка) — вертикаль власти, обрастающую многообразными структурами, институтами.

Актуальные проблемы функционирования современного государства находят отражение в сюжетных образах, содержащих визуальные характеристики последнего, факторами формирования которых выступают стереотипы, особенности социализации и т.п. Данная группа рисунков отличается ярко выраженной эмоциональной окрашенностью, проявляющейся как на визуальном, так и на вербальном уровнях (сопроводительные надписи на рисунках) и передающей преимущественно негативные настроения: скепсис, недоверие, сарказм, разочарование и пр.

Лающие друг на друга собаки (рис. 4) символизируют внутриэлитные конфликты в государстве (преимущественно на региональном уровне; фактором формирования данного визуального образа стал длительный конфликт областной и муниципальной властей в Нижегородском регионе); безликие изображения людей в костюмах, сопровождаемые надписями «бла-бла-бла» (рис. 3) — пустые обещания представителей власти. Проблема дистанцированности государства в лице его институтов, безразличия чиновников к проблемам граждан находит отражение на рис. 2: сидящая на дереве, олицетворяющим вертикаль власти с разветвленной институциональной структурой,

птица (дятел) пытается достучаться до государства. Еще одна грань образа государства, связанная с его амбивалентной сущностью, мифологизацией политического процесса, раскрывается на рис. 5. Фасады домов с надписью «панты» символизируют внешнее благополучие, за которым скрывается реальная сущность, отмеченная на рисунке темным пятном.

Государство

Рис. 1

14 лет

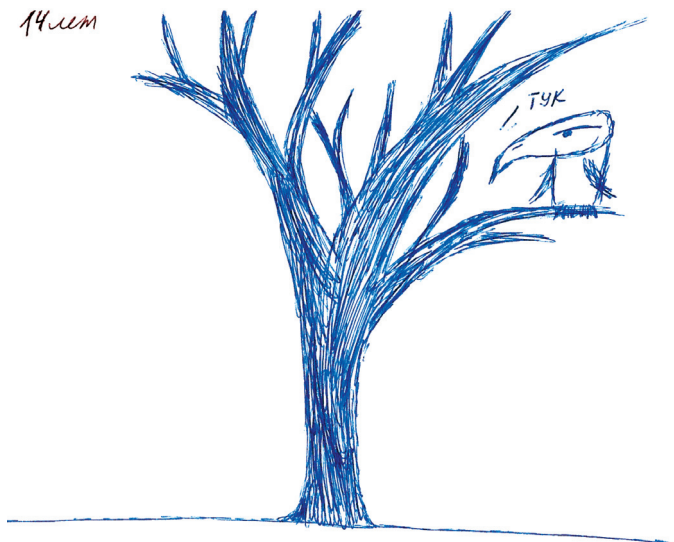

Рис. 2

12 лет

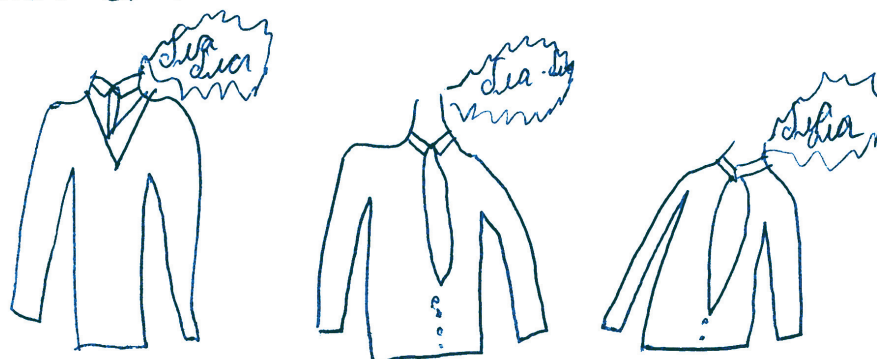

Рис. 3

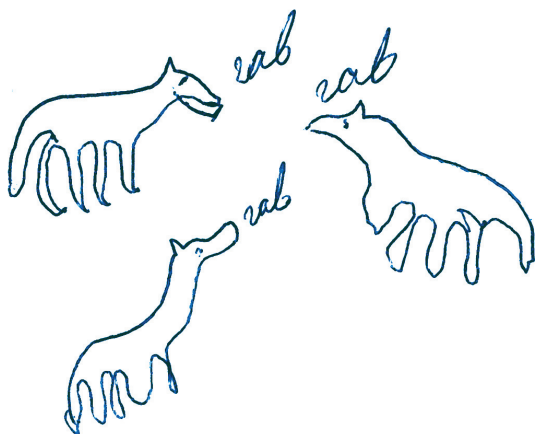

Рис. 4

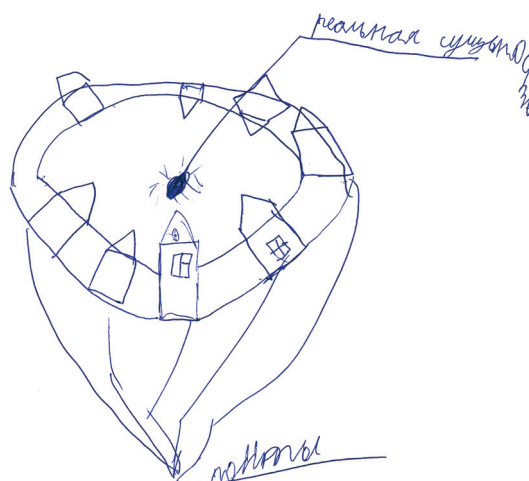

Рис. 5

В отдельную группу нами были выделены рисунки, репрезентирующие государство как систему взаимосвязанных элементов, представленную в виде совокупности пространственно-географических, геополитических, культурных символов, раскрывающих и визуализирующих основные признаки государства — территория, столица, глава или сети («люди»-«совместная деятельность»-«мир»-«общение» и пр.). Государство в данной интерпретации представлено с функциональной точки зрения как институт, обеспечивающий коммуникацию, направленную на достижение «мира», «дружбы».

Таким образом, собирательный образ государства в сознании школьников отличается многосложностью и неоднозначностью, формируется под воздействием совокупности факторов, особое место среди которых принадлежит ситуативным факторам, механизмам социализации, стереотипам, формируемым школой, СМИ, родителями. Исследование показало наличие устойчивой корреляции между визуальными характеристиками образа современного государства, закрепившимися в сознании школьников, и опорными идеологемами нарратива власти (единство, преемственность и пр.), визуализированными через систему простых образов-символов (территория РФ, герб, флаг и др.). Последние несут на себе нейтральную или позитивную окраску, интерпретируют государство через традиционный набор признаков. Превалирование простых (когнитивных) образов в общем массиве эмпирических данных свидетельствует о стереотипности мышления, слабой выраженности оценочной составляющей, представленной в метафорических и сюжетных визуальных образах. Данные графические изображения раскрывают такие характеристики государства, как закрытость и дистанцированность от общества, централизованный характер, внутриэлитную конфликтность, популизм чиновников. Консервативный подход авторов большинства школьных учебников к интерпретации сущности государства суживает представление о данном политическом институте, а содержащиеся в них отдельные стереотипы (например, о патерналистской сущности государства), идут вразрез с принципами ответственности, инициативности и др.

Библиография

1. *Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2008. 416 с.*
2. *Селезнёва А. Политические ценности и образы власти в сознании разных поколений россиян // Образы государств, наций, лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.*
3. *Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969. 659 с.*
4. *Фоломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики «психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов//Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2000. № 2. С. 27–40.*
5. *Франк Л.К. Проективные методы изучения личности// Проективная психология. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 69–85.*

Шуликов А.О.

**ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»
(НА ПРИМЕРЕ ФГБОУ ВО КАМЧАТГТУ)**

В настоящее время модернизация высшего образования в РФ предполагает формирование конкурентоспособности современных выпускников ВУЗов. В связи с этим конкурентоспособность как уровень сформированности компетентности и компетенций будущих выпускников приобретает решающее значение [1, с. 133].

Компетентностный подход в системе образования предусматривал постепенную переориентацию с передачи необходимого набора знаний на формирование навыков, содействующих созданию условий для овладения комплексом компетенций, означающих способность выпускника учебного заведения к выживанию и устойчивой жизнедеятельности в условиях современного многофакторного социально-политического, рыночно-экономического, информационно и коммуникационно насыщенного пространства [2, с. 91].

Согласно современной образовательной парадигме выпускник ВУЗа должен обладать фундаментальными знаниями, профессиональными умениями и навыками деятельности своего профиля, опытом творческой и исследовательской деятельности по решению новых проблем, опытом социально-оценочной деятельности. Две последние составляющие образования формируются именно в процессе самостоятельной работы студентов [2, с. 92].

Поэтому все больший вес приобретает вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность. Овладение элементами научно-исследовательской работы является частью профессиональной подготовки студентов, которые получают умения, необходимые для решения различных практических и исследовательских проблем.

Существует большое количество разнообразных форм организации НИРС в вузе, но в Камчатском государственном техническом университете помимо прочего, активно ведется работа по привлечению студентов к выполнению научно-исследовательских проектов, финансируемых из различных источников (госбюджет, договоры, гранты и т.д.), в первую очередь в качестве интервьюеров и операторов по обработке анкет, при проведении различных социологических исследований преимущественно по социально-экономическим и политическим тематикам.

На кафедре Менеджмент ФГБОУ ВО КамчатГТУ с 2010 по 2018 гг. было проведено более 30 различных социологических исследований с участием студентов по заказам государственных и муниципальных органов власти, государственных учреждений и общественных организаций.

В общей сложности в них приняло участие около 300 студентов, в первую очередь обучающихся по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление» и «Менеджмент».

Так же начиная с 2009 года КамчатГТУ регулярно проводит с привлечением студентов экзит-пуллы на всех выборах, проходящих на территории Камчатского края: федеральных (выборы президента РФ и Государственной Думы РФ), региональных (выборы губернатора и в Законодательное собрание Камчатского края), и местных (выборы в Городскую думу ПКГО).

Участие студентов в подобного рода исследованиях в КамчатГТУ сугубо добровольное, но педагогическим составом используется система материальных и нематериальных стимулов для привлечения студентов к данным мероприятиям, в основном это сделная (при анкетировании) или почасовая (при экзит-пуллах) оплата труда и дополнительные балы, используемые при расчете модульно-рейтинговой системы по итогам сессии. Вышеперечисленные стимулы в настоящее время позволяет в полном объеме закрывать количественные потребности в интервьюерах при проведении социологических опросов. Качественные характеристики интервьюеров формируются с помощью постепенного вовлечения студентов первых курсов в процесс сбора информации, введение лимита анкет, который может получить конкретный студент, и проверка качества их заполнения. Кроме этого при организации сбора информации интервьюерам четко определяются критерии и пропорции, опрашиваемых по основным социально-демографическим характеристикам, при нарушении которых к интервьюерам применяются различные штрафные санкции.

В процессе участия студентов в проведении социологических исследований формируются следующие общекультурные и профессиональные компетенции в соответствии с ФГОС от 10 декабря 2014 года по направлению подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление»:

1. Способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5); способность осуществлять межличностные, групповые и организационные коммуникации (ПК-9).

При работе интервьюерами у студентов вырабатывается навык вступления в диалог с незнакомыми людьми разного возраста, пола и социального статуса. В зависимости от тематики исследования, интервьюер может столкнуться с разной реакцией респондентов на задаваемые вопросы. Особую актуальность коммуникативная компетенция играет при проведении экзит-пуллов, где необходимо постоянно вступить в диалог не только с избирателями отдавшим свой голос, которые не всегда положительно настроены, а также не совсем адекватно оценивают работу интервьюеров на избирательных участках, но и с представителями правоохранительных органов, членами избирательных комиссий, политическими и общественными наблюдателями, что требует формирования навыков четко, нейтрально, грамотно формулировать свои мысли.

2. *Способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-6).* Именно в процессе сбора информации и общения с людьми различающихся по социально-демографическим характеристикам, студенты КамчатГТУ получают возможность узнать о множестве мнений и представлений, царящих в современном обществе, в том числе о том, как различные социальные страты оценивают деятельность акторов региональной политики.

3. *Способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7).* Организация сбора информации в процессе социологического в КамчатГТУ предполагает, что студенты получают установки только по количеству, качеству заполнения и времени сдачи анкет. Все остальное они планируют и организуют самостоятельно. Что способствует формированию навыков самоанализа социальной действительности, прогнозирования последствий своей деятельности, самостоятельному планированию своей деятельности, поиску методов решения возникающих проблем, связанных с поиском и общением с респондентами, особенно когда ставится задача опроса специфической общественной страты (сторонников отдельной политической партии или политического лидера, потребителей отдельных государственных услуг, отдельной социальной группы и пр.).

4. Владение навыками количественного и качественного анализа при оценке состояния экономической, социальной, политической среды, деятельности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных, предприятий и учреждений, политических партий, общественно-политических, коммерческих и некоммерческих организаций (ПК-6). Участие студентов в качестве интервьюеров расширяет и углубляет их знания в области организации и реализации научных исследований в области политической социологии. В процессе работы происходит у студентов формируется комплексное представление о методах социологических исследований, освоение теоретических знаний о методологии и процедурных особенностях качественных и количественных методов исследования экономической, социальной и политической сфер жизни современного российского общества. Участие в сборе информации позволяет студентам лучше понять специфику деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, восприятие их работы со стороны населения, отдельных социальных страт. Выяснить политические предпочтения населения, лидеров общественного мнения и пр. Узнать какие мероприятия, проводимые властью, поддерживаются населением, а какие отвергаются, насколько адекватно сформировано представление общества о функциях и полномочиях региональных властей и местных органов самоуправления.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что компетенция не имеет фиксированного содержания. Дать студенту компетенции гораздо сложнее, чем знания, но это более адекватный подход, поскольку позволяет предъявлять требования практического характера, выявлять наличие или отсутствие у студента тех или иных способностей, поэтому привлекая студентов к научно-исследовательской работе в КамчаГТУ в том числе решаются следующие задачи: происходит содействие развитию профессиональных интересов и воспитание профессиональных качеств студентов, прививается интерес к будущей профессии и ответственное отношения к трудовой деятельности, воспитывается творческий подход при решении неординарных проблем, развивается самостоятельность, формируется нравственные и волевые качества студентов, что способствует развитию их активности.

Библиография

1. *Ершова О.В., Муллина Э.Р.* Формирование профессиональных компетенций студентов, обеспечивающих конкурентоспособность на рынке труда // *Современные наукоемкие технологии.* 2015. № 9. С. 133–136. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=35138> (дата обращения: 09.04.2018)
2. *Резник С.Д., Устинова Д.В.* Формирование мотивации студентов к научно-педагогической деятельности в вузе // *Проблемы современной экономики.* 2012. № 3 (43). С. 361–364. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4249> (дата обращения: 12.04.2018)
3. Формирование компетенций в практике преподавания общих и специальных дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., 5 мая 2011 г. / Науч. ред. Э. Ф. Зеер. Екатеринбург-Березовский: Филиал Рос. гос. проф.-пед. ун-та в г. Березовском, 2011. 266 с.
4. ФГОС ВО уровень высшего образования бакалавриат направление подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление». Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 1567. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Азнагулова Г.М.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ГРЯДУЩЕГО МИРОПОРЯДКА

Изначально заложенное в сущностной природе человека неизбежное стремление к самосохранению, ставшее главным интересом общества в процессе развития производства и разделения труда и одним из ведущих источников естественного права с эволюцией человечества транспонируется закономерно в сферу межгосударственных отношений как проблема безопасности национальных образований.

Проблема безопасности, носящая пространственно-темпоральный характер, который нашел хотя и гегемонистское, но вполне очерченное выражение в номосе земли Шмитта, определяется конкретными историко-экономическими, геополитическими, нравственно-правовыми условиями бытия народа, формирующегося под воздействием внутренних и внешних факторов. Данная проблема не является рождением Нового времени. Как идея она зародилась задолго до французских и английских просветителей XVIII века, даже задолго до Николло Макиавелли и Армана Жана дю Плесси Ришелье. Пути и средства обеспечения безопасности Суверена весьма детально были описаны в знаменитом древнеиндийском трактате «Артхашастра», относящимся к III — IV веку до н.э. И здесь же был поднят вопрос о воспитании и обучении подданных для обеспечения стабильности системы управления государством. Не нова и идея о том, что государство является сильным не только достижениями в сфере материального производства, но и духом составляющего его народа — идея, которая пронизывала учение о человеке и государстве древнегреческих мыслителей и нашла гиперболизированное выражение в «Государе» Макиавелли и «Политических завещаниях» Ришелье.

Развитие всей системы политических знаний и, в частности, путей и способов обеспечения безопасности как главного государственного интереса, а priori показывает исключительную важность воспитания и образования в деле укрепления безопасности и суверенитета государства, в установлении справедливого миропорядка. Надлежащее политическое и правовое образование следует отнести к столь же необходимым мерам в сфере государственного управления как и наличие силы, включая военную, для сохранения равновесия геополитических интересов государства. Однако, является недопустимым вмешательство в дела суверенных государств под предлогом надуманной проблемы «угрозы человечеству», как его пытается оправдать Фрэнсис Фукуяма.

Один из важнейших вопросов для современной России в условиях политического полиморфизма мировоззренческих установок, как указано в Стратегии национальной

безопасности России, является обеспечение высокого уровня подготовки специалистов в соответствии с передовыми мировыми стандартами и технологиями, воспитание у молодого поколения духа высокой российской гражданственности и непримиримости к националистической и религиозно-экстремистской идеологии.

Эффективное решение задач национальной безопасности должно предусматривать включение в систему образования основ политики государства в этой сфере и правовых инструментариев его обеспечения.

Библиография

1. Артхашастра, или Наука политики. Пер. с санскрита. Ред. комиссия В.В. Струве (отв. ред.), И.П. Байков, В.И. Кальянов, Б.А. Ларин. М.: Наука, 1993. 795 с.
2. *Макиавелли Н.* Государь / Н. Макиавелли. М.: ЭКСМО, 2014. 672 с.
3. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер.с англ.] / Фрэнсис Фукуяма. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 220, [4] с. (Philosophy).
4. Richelieu Armand de. Testament politique. Amsterdam, 1700. Part I.
5. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ. РФ. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.

Вершинина И.М.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Современные вызовы ставят перед нами проблему пересмотра нашего подхода к экономическим проблемам вообще и их решению, в частности. Мы должны научиться задавать себе и другим нетривиальные вопросы, выходящие за рамки привычных стереотипов. Только в этом случае можно вскрыть истинные причины нынешних проблем, поставить правильный диагноз и найти пути выхода из сложившейся ситуации.

К сожалению, до сих пор распространенным является рассмотрение экономики отдельно, как самостоятельной сущности, как физической материи, где действуют объективные закономерности, аналогичные, например, законам физики или химии. Однако, мы знаем, что основой любого научного метода является наблюдение. Так что же мы видим, о чем говорит нам исторический опыт? Он говорит нам, что экономическое никогда не существовало само по себе, что без человеческого сознания и без волевого усилия человека его просто не существует. Экономика есть лишь часть процесса общественного воспроизводства, т.е. процесса воспроизводства общества, а значит, человеческого в собственном смысле как исторического творчества людей, творчества, которое реализуется их волевым усилием, мотивированным Верой (Идеей). Только в этом случае все приобретает человеческий смысл, который, в частности, порождает наши ожидания “благодетельного” результата.

В конечном счете мы говорим здесь о том, что мотивация человека, его поступки, его экономическое поведение определяются факторами социо-культурного и духовного порядка.

В настоящее время в мире возобладала точка зрения, которая рассматривает хозяйство не только через призму внеисторических категорий, но и выводит его за рамки системы общественного воспроизводства и основывается в значительной степени на

абстрактном экономико-математическом моделировании. Экономика превратилась в набор различных микро- и макроэкономических показателей, часто не имеющих никакого отношения к реальному положению дел. В такой ситуации она начинает существовать сама по себе, как некая обособленная от общества система, в результате чего мы имеем ситуацию, когда не она обеспечивает лишь материальные условия жизни человека и реализации его замыслов, а человек и смысловой горизонт его жизни начинают ограничиваться якобы «объективными» законами «экономической материи». Об этом хорошо в своей работе «Горизонты антиэкономики» сказал немецкий философ, эссеист и критик Герд Бергфлет, указав на то, что «либерально-капиталистическая экономическая наука слепо подчиняется повсеместному террору производственной химеры».

Была создана методология системного анализа, исходящую из понятия «прагматической» стоимости ресурсов — ценности ресурса сегодня и здесь. Это был радикальный отказ от Кейнса, который при оптимизации учитывал «взаимодействие с будущим» — с поколениями, которые еще не могут участвовать ни в рыночном обмене, ни в выборах, ни в социологических опросах. *Модель не включала в рассмотрение взаимодействие промышленной экономики с окружающей средой и с будущим.*

Необходимо преодолеть этот экономический детерминизм и признать, что мир сложен и происходящие в нем процессы не нелинейны, надо отказаться от технократического подхода в решении экономических проблем, считая, что к обществу можно подходить с позиций позитивизма и оперировать исключительно понятиями рациональности и эффективности. Мы должны отказаться от тех постулатов, которые определяли прометеевский характер индустриальной цивилизации, прежде всего, переосмыслить категории прогресса и свободы, восстановить их диалектику с категорией ответственности.

И здесь встает вопрос о том, а нужна ли идеология, когда мы говорим об экономике. Какое отношение она имеет к экономическому развитию страны. Нужна, если мы понимаем идеологию, не «как жесткий механизм форматирования общества под заранее заданные рамки», а как «традиции с ценностями, как естественно выработанную и постоянно незаметно меняющуюся форму существования общества, позволяющую ему осмысленно планировать свое будущее и на основе этих планов предлагать окружающим обществам собственный цивилизационный проект».

Исходя из вышесказанного, встает проблема выработки собственного понятийного аппарата. Это связано с тем, что выстраивая свою политику, в том числе экономическую, мы должны опираться на собственную экономическую, общественно-политическую мысль, характер которой, не может быть не обусловлен не только спецификой исторического развития, но и комплексом цивилизационных особенностей. Беря на вооружение чужие теории, чужие модели и чужие понятия, мы заранее обрекаем себя на провал.

Полная открытость к воздействию внешних сил в нынешнем глобальном мире имеет экономические последствия, но на которые практически не обращают внимания — навязывание через глобальные средства массовой информации чужих моделей потребления, которые не отвечают внутренним императивам процесса накопления. Идет формирование западной модели потребления, которая плохо сочетается с потребностями внутреннего развития, требующего увеличения объема внутренних инвестиций в различные национальные проекты.

В качестве примера последствий решений, принятых под влиянием неолиберальных «клише», можно привести приватизацию. Либеральная западная экономическая мысль буквально «внедрила» в головы многих экономистов мнение о том, что при-

ватизация избавляет государство от убыточных предприятий, передавая их в руки частных предпринимателей, которые априори более эффективные управленцы; что в ходе нее улучшается качество управления и повышается производительность предприятия, повышается конкурентоспособность всей экономики, а государство получает дополнительные финансовые ресурсы, которые могут быть направлены на социальные программы. Но, например, если мы рассмотрим приватизацию, которая была проведена в такой латиноамериканской стране, как Мексика, в 90-х годах прошлого столетия, то увидим, что она не была процессом экономическим, а в большей степени носила политический и даже идеологический характер. С финансово-экономической точки зрения эта приватизация не только ничего не дала стране, но и оказалась «затратной», усугубив и без того сложное финансовое положение тогдашнего правительства и всей страны в целом. За период 1990–1999 гг. федеральное правительство получило от приватизации 31,5 млрд долл., при этом затратив 78 млрд долл. (в 2,5 раза больше) на спасение от банкротства частных компаний, занятых в тех отраслях, в которых ранее действовали государственные предприятия. И это не считая затрат государства на санацию государственных предприятий перед передачей их в частные руки.

Неолиберальная политика, которую проводят правительства ряда стран, в первую очередь речь идет о развивающихся странах, не учитывает сохраняющуюся разнородную структуру общества, которой соответствует не изжитая до настоящего времени гетерогенная структура экономики. В свое время видный аргентинский экономист Р. Пребиш, роин из создателей ЭКЛА, указывал на гетерогенность производственной структуры латиноамериканских стран как на один из факторов, затрудняющих экономический рост и способствующих сохранению неравенства в латиноамериканском обществе. Прошло полвека, но эта проблема по-прежнему стоит перед многими странами региона. Несмотря на модернизацию, в них сосуществуют самые разные эпохи, «здесь Модерн никогда полностью не укоренился ни в отдельном человеке, ни в социальных структурах. Традиция не только жива, но и необъяснимо возвращается с новой силой». Именно поэтому драма этих стран (и это можно отнести и к России) состоит не в том, что они так и не смогли в большинстве случаев добросовестно скопировать Запад, а в том что им не удалось остаться самими собой и ответить на вызовы новой эпохи в соответствии с собственной традицией.

При разработке экономической политики необходимо учитывать особенности каждого общества, согласовывать интересы всех участников национального процесса развития, ставя перед ними общую, коллективную цель, основанную на такой же общей для всех идее, более справедливом распределении тягот, с которыми неизбежно придется столкнуться на этом пути. Помимо этого, учитывая, что мы живем в эпоху глобализации, мы должны осознать место страны в мире, выстраивать приоритеты связей и искать настоящих союзников; без четкого понимания своих национальных интересов обречены на неудачу любые стратегии национального развития.

Все вышесказанное должно быть учтено при составлении программ политологического образования. Необходимо включать в них знакомство не только с политологическими и социальными концепциями и теориями, но и экономическими, т.к. выбор последних в значительной степени определяется идеологическими воззрениями и идеями тех, кто их принимает. При этом изучении их должно происходить с учетом той конкретной исторической обстановки, в которой они создавались, причин их принятия в данный момент. И мы не должны забывать достижения отечественной мысли, изучать собственную историю, собственный опыт, которые могут стать основой нашего

движения в будущее. Без нашего прошлого мы рискуем *оказаться жертвой прогрессистской иллюзии, согласно которой все новое является чем-то большим и лучшим по сравнению с предшествовавшим.*

Библиография

1. *Вершинина И.М.* Три десятилетия неолиберальной политики в Мексике // Латинская Америка. 2013. № 7.
2. *Ищенко Р.* Вопросы идеологии. Общие положения. <https://www.russiapost.su/archives/65310>
3. *Кара-Мурза С.* Социально-философское обоснование промышленной политики. В: Российская промышленная политика и проблемы индустриализма. М.: АО «ИКК РИА», 1994. С. 10–24.
4. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. URL: <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-mendeleev/48891-zavetnye-mysli-dmitriy-mendeleev.html>
5. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М., 2002.
6. *Hilario Barcelata Chávez.* La Economía Mexicana. Crisis y reforma estructural. 1984–2006. México, 2008.
7. *Semo Enrique.* Modernización desde arriba y revolución. MEMORIA. México, N 243, junio de 2010.

Головин Ю.А.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ ПОЛИТОЛОГОВ

Национальная безопасность — это чрезвычайно сложная многоуровневая функциональная система, в которой непрерывно происходят процессы взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов личности, общества, государства с угрозами этим интересам, как внутренними, так и внешними. При этом взаимодействии и противоборстве интересы и угрозы постоянно испытывают воздействие со стороны других элементов системы национальной безопасности: факторов внутренней и внешней окружающей среды и действий управляющей системы.

При этом следует различать **систему национальной безопасности и систему обеспечения национальной безопасности.**

Первая — это функциональная система, отражающая процессы взаимодействия интересов и угроз, а *вторая* — это организационная система органов, сил, средств, различных организаций, призванных решать задачи по обеспечению национальной безопасности.

В соответствии с положениями существующей законодательной и нормативно-правовой базы определение понятия «национальная безопасность» выглядит следующим образом: **национальная безопасность или безопасность нации есть защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая устойчивое поступательное развитие страны.**

Вопросы обеспечения национальной безопасности занимают всё большее место во внешней и внутренней политике государства. При этом решение этих задач осуществляется преимущественно политическими средствами. Это вызывает необходимость увеличить количество дисциплин этого профиля в учебных планах по политологии.

В Ярославском государственном университете имени П.Г. Демидова разработан и введен курс «Основы национальной безопасности», а также подготовлено учебное пособие по данному курсу: Головин Ю.А. Основы национальной безопасности Российской Федерации: Учеб. пособие / Ю.А. Головин, П.В. Штарёв Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2008. — 88 с.

Содержание дисциплины «Основы национальной безопасности»:

Тема 1. Предмет и задачи курса. Безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Объекты и субъекты безопасности. Государственная политика в сфере обеспечения безопасности. Понятие и сущность национальной безопасности.

Тема 2. Система национальной безопасности и политика обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Субъекты национальной безопасности, силы обеспечения безопасности. Целесообразно подробно раскрыть элементы системы национальной безопасности государства, в том числе органы законодательной, исполнительной и судебной властей, а также государственные, общественные и иные организации, привлекаемые к решению задач обеспечения безопасности РФ. Закон Российской Федерации «О безопасности». Понятие угроза, внутренние и внешние угрозы. Политика обеспечения национальной безопасности как система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по обеспечению готовности государства к защите от внешних и внутренних угроз.

Тема 3. Военная безопасность и военная политика Российского государства. Понятие и задачи военной политики; субъекты и объекты военной политики, содержание военной политики, факторы влияющие на содержание военной политики. Особенности внешней и внутренней политики Российской Федерации, главные цели военной политики на современном этапе. Военно-политическая практика в области военного строительства, осуществления военной реформы. Вооруженные силы (ВС) Российской Федерации, роль ВС в обеспечении военной безопасности страны, состав ВС, комплектование ВС. Военно-промышленный комплекс (ВПК). Реформа ВС России на современном этапе. Принцип всеобщей воинской обязанности и идея перехода к профессиональной армии. Понятие альтернативной службы. Понимание воинской службы как священного долга каждого гражданина РФ. Понятие мобилизационной и боевой готовности и их содержание.

Тема 4. Политическая и информационная безопасность Российской Федерации. Политическая безопасность как состояние защищенности жизненно важных политических интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического характера. Информационная безопасность Российской Федерации как состояние защищенности ее *национальных интересов* в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Органы Федеральной службы безопасности (ФСБ) как составная часть сил обеспечения безопасности Российской Федерации. Силы и средства органов службы безопасности. Координация деятельности ФСБ с другими силовыми структурами. Пограничная служба ФСБ России как структура, обеспечивающая реализацию государственной пограничной политики РФ.

Тема 5. Система общественной и экономической безопасности в РФ. Общественная безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов общества, то есть совокупности потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития общества.

Экономическая безопасность — это не только защищенность национальных интересов, но, и готовность, и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества.

Тема 6. Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Природа, среда обитания, как фактор национальной безопасности. Состояние воды, техногенные воздействия (опасные производства, выбросы, отходы, изъятия и др.), бедствия и катастрофы (стихийные, экологические, промышленные, спровоцированные), космическая деятельность человека, солнечная активность и другие факторы, определяющие среду обитания человека.

Понятие чрезвычайной ситуации. Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Войска гражданской обороны, их состав и назначение. Гласность и информация в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций.

Тема 7. Негосударственная система обеспечения национальной безопасности России. Негосударственная система обеспечения национальной безопасности как совокупность негосударственных структур, действующих в различных сферах жизнедеятельности общества и имеющих свои задачи: органы местного самоуправления; адвокатура; негосударственный (частный) нотариат; негосударственные охранные службы и детективные агентства; общественные объединения и отдельных граждан и др.

Профсоюзы как добровольные общественные объединения граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемые в целях представительства и защиты их социальных прав и интересов. Участие в обеспечении национальной безопасности, в частности в охране государственной границы и борьбе с террористами объединений казачьих войск.

Тема 8. Основное содержание системы международной безопасности. Понятие «международная безопасность», «система международной безопасности», «миротворческие силы». ООН и ее организации. Совет безопасности ООН и миротворческие силы ООН. Региональные международные организации: БРИКС, ШОС, ОДКБ и др. Военно-политический блок НАТО и позиция России по вопросу о расширении НАТО на Восток. «Цветные революции» а постсоветском пространстве. Международный терроризм и организация совместных действий мирового сообщества по борьбе с ним. Гибридные войны: сущность и содержание. Вооруженные конфликты на территории бывшего СССР. Порядок использования Вооруженных Сил РФ за пределами России.

В ходе занятий используются инновационные формы обучения, видеоматериалы, деловые игры.

Изучение курса «Основы национальной безопасности» в Ярославском государственном университете способствует формированию общепрофессиональных и профессиональных компетенций у студентов — политологов.

Горбачев М.В.

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Проектирование современной политики и целенаправленное достижение результата с заранее заданными свойствами, определенными сроками, каналами и ресурсами реализации становится неотъемлемой частью современных управленческих практик. Политическое проектирование представляет собой конструирование политического проекта, который может быть как готовым к применению продуктом, так и носить потенциальный характер, не иметь на данный момент механизмов и возможностей для практической реализации. Политическое проектирование связано с поиском «идеальных» параметров политической реальности, описанных конкретными понятиями и терминами [1, с. 108], позволяющими осуществлять действия, связанные с борьбой за власть в рамках определенных сроков, алгоритмов, пространств. Политическое проектирование сочетает рациональные и иррациональные компоненты. В рациональном аспекте конструируются различные модели развития политического проекта. Проектанты четко определяют цели, задачи, ресурсную базу, методы и методики решения поставленных целей. Иррациональные аспекты связаны с ситуативным уровнем подготовки проектантов, характером их отношений к внутренней и внешней среде проектирования, творческой направленности проектантов. В иррациональном видении политическое проектирование является интуитивно-поисковым процессом. Комбинирование рациональных и иррациональных компонентов политического проектирования делает этот процесс специфичным, не всегда поддающимся анализу с помощью научных средств и приемов.

Цивилизационный политический проект является динамичной системой, которая имеет конкретные временные и территориальные ограничения, объединяет несколько государств и обществ, чьи политические, экономические, социальные и духовные институты функционируют в рамках особых ценностных координат, сочетающих уникальные и универсальные качества. Цивилизационные политические проекты основываются прежде всего на уникальных, а затем уже универсальных ценностях. Это отличает их от глобальных и трансконтинентальных цивилизационных политических проектов, ориентированных на социокультурный универсализм. Последний может иметь как враждебный, так и нейтральный характер по отношению к цивилизационным политическим проектам, а также обществам и государствам, включенным в их состав.

Цивилизационная идентификация происходящих в политике процессов, дополненная проектным подходом, предполагающим реализацию политических проектов со стратегически заданными свойствами, обладает эвристическим объяснительным потенциалом в приложении к анализу современных социально-политических трансформаций.

Цивилизационная идентификация субъектов современной политики находит выражение в формате политического проектирования и в содержании политических проектов. Политические проекты, имеющие цивилизационную идентификацию, и политические проекты, реализуемые на уровне коллективной цивилизационной идентичности, более жизнеспособны и конкурентоспособны в условиях глобализации и технологизации современной политики.

Наряду с отдельными государствами, которые по-прежнему остаются важными субъектами политики и политического проектирования, в качестве субъектов про-

ектирования проявляют себя межгосударственные объединения с цивилизационной идентификацией.

К политическим проектам, имевшим или имеющим цивилизационную идентификацию, относятся советский проект, китайский, либеральный проект Европы, проект американского доминирования, исламский проект, евразийский проект.

Цивилизационная идентификация на уровне субъектов, проектирующих политику, осуществляется по отношению к таким политическим ценностям, как демократия, идеология, свобода слова, свобода вероисповедания, политический плюрализм, оппозиция и др.

В эпоху глобальных, высокоскоростных и высокотехнологических процессов, под влиянием которых неизбежно оказывается и политика, обострилась конкуренция политических проектов, имеющих коллективную цивилизационную идентификацию.

Современная Россия после длительного периода беспроектности, очевидно, приступила к оформлению и продвижению собственного политического проекта, имеющего цивилизационную составляющую как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического уровня. Переход России в начале 1990-х гг. XX в. от единственного проекта «Советской цивилизации» к множественности проектных частей не снизил уровень и накал геополитического противостояния с Западом. Конкуренция на идеологическом уровне оказалась поверхностной и проходящей. Подтвердилось наличие глубокого социокультурного конфликта, который еще более обострился с началом реализации Евразийского цивилизационного политического проекта на идейном и инструментальном уровнях [2, с. 5]. При этом ценностная наполняемость Евразийского проекта по всем ключевым параметрам значительно отличается от Советского проекта.

Библиография

1. Шутлов А.Ю. Политический анализ как искусство // Observer. 2006. № 4. С. 107–115.
2. Якунин В.И. Россия и Запад: от диалога к противостоянию // Россия и мусульманский мир. 2017. № 5 (299). С. 5–16.

Иванов О.Б.

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ИНТЕРЕСАМИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Усиление воздействия политики на социальную жизнедеятельность – тенденция развития современного общества.

Без эффективной политической институционализации, без грамотного управления политическими интересами в социальном конфликте, такой конфликт может стать опасным фактором дестабилизации ситуации в стране. Ориентиры современного российского политического развития формируются государственными структурами федерального уровня, они являются акторами управления политическими интересами в конфликтных ситуациях [9, с. 106].

Если не предпринимать мер по разрешению социальных конфликтов, противостояние будет обостряться, и, в конечном счете, может завершиться разрушением противоборствующих социальных систем [7, с. 59].

В российском обществе восприятие социальных конфликтов с классовых позиций способствовало разрешению противоречий насильственными методами, путем ликвидации «врага». Сложилась стереотипы поведения, основанные на избегании либо затушевывании противоречий. Населения страны остается лишенной интересов, укорененных в легитимных структурах социального действия. Такие люди будут безучастными к воспроизводству структур и к их трансформации, будут стремиться к реализации своих интересов через создание альтернативных (нелегитимных с точки зрения действующей власти) социальных структур [1, с. 105].

Политические интересы в социальных конфликтах в нашей стране развиваются в следующих направлениях:

1. Количественный рост протестных акций без консолидации протеста и выхода его на новый уровень.

2. Частичная консолидация протеста наблюдается в масштабах региона или муниципального образования.

3. Консолидацию протеста обеспечивают местные представители профсоюзов, политических партий или авторитетные активисты, однако этого недостаточно, чтобы справиться с дефицитом общественной активности и солидарности [11, с. 73–74].

Важным следствием массовых протестных акций последних лет стало приобретение значительной частью молодежи опыта проведения массовых мероприятий. Участие молодежи в протесте приобретает националистический характер [13, с. 49–50].

На смену «цветным революциям» пришли «революции 2.0», отличительная черта которых — Интернет и социальные сети, которые в кратчайшие сроки мобилизуют огромное количество никак между собой не связанных людей [10, с. 86], а также дают преимущества политического фандрайзинга и краудфандинга [16, с. 25]. В сетевые структуры, посвященные оппозиционным структурам и процессам, рекрутируются преимущественно люди от 18 до 34 лет, мужчины [14, с. 128]. С другой стороны, для большинства пользователей Сети характерна реактивность, а не проактивность [5], а также слактивизм [15, с. 9].

Основными причинами социальных конфликтов в современной России являются:

1) политическая неустроенность, неорганизованность и неэффективность системы управления;

2) дезорганизация общества, «перекося» в финансовой, экономической, политической, социальной и духовной сферах;

3) неравенство социальных субъектов, резкий разрыв в уровне и качестве жизни большинства населения по сравнению с привилегированными слоями [8, с. 30].

Эти причины определяют неумением эффективно управлять политическими интересами в социальном конфликте. Социальные конфликты разрешаются в интересах власти и крупного капитала, а не в интересах общества. Эффективным должно быть признано такое управление политическими интересами в социальном конфликте, которое позволило бы урегулировать сам конфликт в интересах общества.

Под управлением политическими интересами в социальном конфликте понимается процесс осознанного, целенаправленного и волевого участия субъектов социального взаимодействия на предмет, объект и причины конфликта, при условии, что такое воздействие позволяет максимизировать эффективное для субъекта использование политических интересов в своих целях.

Политические интересы в социальном конфликте проявляются в форме политических протестов — разновидности негативного воздействия субъекта социального конфликта на актуальную общественно-политическую ситуацию или на конкретные

действия публичной власти. Протест также является показателем актуальной общественной реакции на модернизационные процессы, отражает уровень сознания необходимых перемен в ценностях общества [2, с. 72].

В силу конкурентных отношений публичной власти и оппозиции, цель управления политическими интересами в социальных конфликтах у органов государственной власти и оппозиции принципиально не совпадает: власть пытается максимально деполитизировать социальные конфликты, в то время как оппозиция максимально увеличивает их политизацию, чтобы достичь интересующие ее цели.

Цель управления всегда коррелируется с субъектом управления и напрямую зависит от него [3, с. 35].

Выделяют четыре категории акторов политического протеста, которые являются носителями политических интересов в социальных конфликтах: власть, лидеры протеста (организаторы), спонсоры протеста (выгодополучатели), рядовые протестующие. Три последние категории относятся к оппозиционным [6, с. 110].

Исходя из специфики участников социального конфликта и их политических интересов, выделяют различные по направленности воздействия методы управления интересами: это управление-подавление и управление-стимулирование.

Методы управления-стимулирования можно разделить на методы, направленные на сплочение оппозиционных участников протеста на основе общности их политических интересов и методы, направленные на дискредитацию властей.

Методы управления-подавления — совокупность действий власти и лояльных к ней акторов, направленных на снижение активности выражения политических интересов в социальном конфликте со стороны лидеров рядовых участников социального конфликта. Совокупность таких действий (технологий) можно разделить на манипулятивные, черные (внеправовые) и силовые (административные).

С точки зрения потенциальной эффективности в долгосрочной перспективе, манипулятивные технологии представляются наиболее действенными. Современное российское государство не демонстрирует умения использовать такие технологии, особенно применительно к работе с политическими интересами молодежи [12, с. 162].

Неправовые (черные) технологии подразумевают психологическое и психологическое давление, использование компромата, угрозы, шантаж и т.п.

Административные технологии основаны на праве власти издавать обязательные для исполнения предписания — нормативные правовые акты.

Также важную роль играют институты гражданского общества — альтернативный социальный механизм, компенсирующий недостатки действующей властно-государственной структуры. Для управления политическими интересами в социальном конфликте возможно использование гражданских процедур: общественное обсуждение инициатив, в том числе с привлечением экспертов и т.д.

Политическими интересами в социальных конфликтах следует управлять технологично, задача власти состоит в поиске и принятии управленческого решения, основанного на согласовании интересов всех или большинства слоев общества [4, с. 30].

Библиография

1. *Абгаджав Д.А.* Факторы политической конфликтности современной России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2014. № 4. С. 103–108.
2. *Акунина Ю.А.* Сущность и специфика протестной культуры в современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 6(56). С. 72–75.

3. *Брега А.В.* Управление политическим конфликтом // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1(13). С. 33–37.
4. *Бызов Л.Г.* Политические цвета новорусского протеста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1(70). С. 27–32.
5. *Долгоруков А.М.* Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 32–43.
6. *Касович А.А.* Научный концепт «управление политическим протестом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2013. № 4. С. 109–112.
7. *Кильмашкина Т.Н.* Анализ предмета, объекта, причин противоборства как условий эффективного управления им // Труды Академии управления Министерства внутренних дел России. 2017. № 2(42). С. 59–63.
8. *Кильмашкина Т.Н.* Устранение причин социального конфликта как лучший способ его предупреждения // Труды Академии управления Министерства внутренних дел России. 2015. № 2(34). С. 30–33.
9. *Кольба А.И.* Политическое управление социально-трудовыми конфликтами в условиях кризиса (сравнительный анализ периодов 2008–2009 гг. и 2014–2016 гг.) // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 5. С. 105–120.
10. *Машарский З.В.* Интернет как фактор социальных протестов в XXI веке (психологический аспект) // Современная наука. 2015. № 3. С. 86–87.
11. *Очкина А.В.* Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития // Экономика и управление. 2016. № 4(132). С. 69–75.
12. *Пономарев Н.А., Белов С.И., Майлис А.А.* Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный протест (на материалах массовых выступлений 2017 года) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 150–169.
13. *Танага И.В.* Виды и состояние проявлений социального протеста в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 48–51.
14. *Ушкин С.Г.* Протесты и протестующие провинциальные города: как к ним относится население? // Власть. 2017. № 11. С. 123–129.
15. *Ушкин С.Г.* Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «Умной толпы» к слактивизму // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3(127). С. 12.
16. *Шарапов Р.И.* Мобильный Интернет как инструмент политической мобилизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 20–27.

Комлева Н.А.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сущность феномена национальной безопасности определяется по-разному в зависимости от позиции конкретного исследователя, однако все авторы согласны в одном общем моменте: национальная безопасность это обеспечение физического, экономического и духовного выживания нации с сохранением оптимальных параметров ее развития. Под нацией в данном случае понимается совокупность этносов, составляющих народонаселение данного государства.

Выживание и развитие нации, в том числе, базируются на существующей в данном обществе системе образования, т.к. именно она закладывает в сознание человека с раннего детства систему принципов, которая затем в течение всей жизни определяет его социальное поведение. И здесь, на наш взгляд, основным является принцип патри-

отизма. Именно данный принцип должен присутствовать во всем ряде преподаваемых дисциплин и во всем объеме воспитательной работы с учащимися, причем, разумеется, методика имплантации данного принципа в сознание обучающихся зависит от содержания учебной дисциплины или воспитательного мероприятия. Особе место здесь занимает система политологического образования.

Поясним нашу точку зрения.

Основанная на восхищении достижениями Родины любовь к Отечеству побуждает человека способствовать развитию достижений нации и ее дальнейшему прогрессу, стало быть, обеспечивает определенный аспект национальной безопасности. **Патриотизм как любовь к Родине строится на осознании успехов нации, потому что любить поражение нельзя**, любовь к поражениям — это болезнь, это национальный мазохизм, это отклонение от нормы. Следовательно, патриотизм вырастает на осознании достижений, и для его формирования нужны именно успехи нации. Психология играет в социальных процессах не меньшую роль, чем экономика. При этом **на первое место выступает самоидентификация нации как победителя**, т.е. нации, адекватно осознающей вызовы времени и успешно решающей встающие при этом задачи.

Россияне — это одна из самых успешных наций мира. Но наши победы в силу особенностей нашей географии и истории — иные, чем у других наций. Это не «победы с кубиком Магги во рту», к чему призывает нас современная телевизионная реклама, пришедшая с Запада, это масштабные подвиги защиты, освоения и развития на обширных пространствах и в различных сферах деятельности, требующие долговременных и интенсивных усилий со стороны всей нации. Русские, несомненно, относятся к числу великих этносов, формирующих ядро великих наций — в данном случае великой российской нации. Один взгляд на географическую карту говорит нам об этом. Чем большим по объему является пространство, тем труднее его освоить и защитить, особенно если это пространство не ограждено от нападения океанами и иными неприступными природными рубежами. Таким образом, подвиг **продвижения и защиты** в географическом пространстве — и на этой основе удержание обширных географических площадей — является одним из показателей величия нации. Другой важный показатель — достижения в **освоении** различных пространств, в том числе нетерриториальных, т.е. развитие (прогресс). У русских лучше всего получается освоение географического пространства — мы создали самое обширное по площади государство мира, мы первыми вышли в космос, мы победили в самой крупной войне за всю историю человечества. Однако освоение и защита обширного географического пространства абсолютно невозможны без освоения и защиты соответствующего объема экономического и ментального пространства. Россияне занимают лидирующие позиции в атомной физике, математике, некоторых областях химии, потому что без этих достижений науки невозможно производство сложного оружия как средства защиты и таких средств освоения пространства, как великие ГЭС на мощных реках, города на вечной мерзлоте, морские суда (надводные и подводные), способные достигать Северного полюса — и т.п. Для производства всех этих средств необходима, конечно, мощная экономика, а самое главное — психологическая стойкость народа-работника. Не случайно и то, что российская духовная культура является одной из самых развитых, потому что без высокой духовной составляющей успеха в освоении материальных сфер человеческой деятельности невозможны.

Именно *система образования, в том числе и образования политологического, в большой мере способствует — или нет — тому, что реальные успехи нации преобразуются в принципы массового и индивидуального сознания, в любовь к Родине, в патриотические настроения.* Проще говоря, об успехах, о подвигах и достижениях предков и современников люди должны не просто знать — оценивать их адекватно содержанию. Кто дает первую и самую авторитетную оценку? Родители и учителя (преподаватели). В этой связи важно, каким образом сформирован и на что нацелен сам учитель (преподаватель, воспитатель). Приходится в данном случае говорить о банальном: если преподаватель, воспитатель вынужден «ловить гроши», бегая по дополнительным занятиям для обеспечения выживания своей семьи, он не может быть хорошим воспитателем и системно обеспечивать имплантацию знаний, принципов, в том числе принципа патриотизма, в сознание обучающихся. Преподаватель нуждается не просто в наличии достаточного времени для самообразования и самовоспитания, ему необходима соответствующая душевная и ментальная сосредоточенность. Обеспечение такой сосредоточенности и наличие соответствующего количества времени невозможны при необходимости искать дополнительные заработки на протяжении всего периода работы преподавателя.

В современный период *значение деятельности преподавателя, воспитателя значительно увеличивается, поскольку человечество вступило в период информационных войн.* Сегодня великие нации не воюют друг с другом по старинке, материальным оружием. Войны великих наций в настоящее время ведутся в информационном пространстве, и они так же жестоки и так же нацелены на уничтожение противника, как и войны «горячие». Основное оружие в таких войнах — уничтожение патриотических настроений массового сознания: разрушение с помощью клеветы и лжи национальных духовных святынь и образов национальных героев, замалчивание или развенчание национальных достижений. Вот эти мощные информационные атаки мы и переживали в 90-е годы, когда абсолютно все ценности не только советского периода, но и всей российской истории были подвергнуты ревизии и моральному уничтожению. В 90-е годы, как известно, патриотизм был объявлен «последним прибежищем негодяев», а нацию попытались нацелить на так называемые «общечеловеческие ценности», сводящиеся к ценностям либеральной идеологии, характерной прежде всего для западной цивилизации.

Достижение определенной степени экономической и политической стабильности в 2000-е годы привело, в том числе, и к возрождению патриотизма как внутренней потребности выздоравливающей нации. Нация сегодня вновь в состоянии реализовать настоятельную потребность гордиться собой, своей историей и настоящим периодом развития.

В создании адекватной самоидентификации российской нации и патриотизма как ее основы очень важно настойчивое и последовательное очищение массового сознания от наслоений 90-х годов. Именно на этой базе возможно осознание достижений российских народов и нации в целом, адекватное успехам, реально существующим в историческом прошлом и в настоящем. Значительную роль в данном процессе играет система образования.

Марков Е.А.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Россия, как минимум на протяжении последних 10 лет, является объектом информационных войн или, по оценкам некоторых исследователей, объектом непрекращающейся информационной войны.

Современные политические процессы, происходящие в международном сообществе, отличаются динамичностью и турбулентностью, сопровождаются появлением новых вызовов и угроз для участников международных отношений. Как отметил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров: «Главной приметой современного этапа являются стремительные перемены во всех сферах международной жизни» [3]. Основной причиной ускоряющегося темпа политических процессов является глобализация, которая была инициирована развитыми странами ради сохранения и упрочения такого миропорядка, при котором ведущие страны закрепляют за собой технологическое и экономическое превосходство и усиливают свое политическое влияние в мире. Но так не могло продолжаться бесконечно, поскольку появились новые центры силы в лице стран, желающих устанавливать отношения на равной, партнерской, справедливой и взаимовыгодной основе. Таким образом, столкнулись две концепции будущего развития отношений в международном сообществе: теория однополярного мира и теория многополярного мироустройства. Приверженцами первой концепции являются англосаксонские страны, уже несколько веков извлекающие выгоду из своего доминирования. Конечно, главным бенефициаром получаемой выгоды являются США. Концепции многополярного мира придерживаются Россия, Китай, Индия, Бразилия и ряд других государств. Страны англосаксонского мира, отмечая тенденцию появления в международном сообществе все большего числа национальных субъектов, поддерживающих концепцию многополярности, включили в свой арсенал средств, позволяющих сохранить доминирование, и такие, которые ранее считались бы недопустимыми. Одним из таких средств является информационная война, методы которой широко используются сегодня англосаксонским союзом в противостоянии со странами, проводящими независимую внешнюю и внутреннюю политику. Главным объектом такого противоборства сегодня является Россия.

В современное понятие «информационной войны» включается целый набор приемов и способов оказания воздействия на противника, куда входит не только моральное или психологическое давление, но и противоборство в информационных системах, используемых сегодня, без преувеличения, во всех сферах деятельности человеческого общества. Отечественный исследователь С. Расторгуев именно на этом концентрирует свое внимание, предлагая свой вариант понятия «информационная война»: «Информационная война состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой нашей собственной информации и информационных систем» [6, с. 54].

На самом деле, арсенал средств, которые могут быть использованы в информационном противоборстве, все время активно пополняется. Сегодня к ним уже можно отнести экономические санкции, принимаемые по отношению к некоторым странам

(в число которых входит и Россия), предназначение которых — экономически ослабить страну, затормозить ее развитие.

Мощным средством информационной войны сегодня стала и деятельность средств массовой информации, которые, объединив свои возможности, могут обрушить информационную мощь на страну, идентифицируемую в качестве противника, с целью инициирования негативных политических процессов в данной стране, а, в конечном итоге, к смене режима. Одной из задач совместных информационных атак является формирование мирового общественного мнения в необходимом контексте.

Мы предлагаем свое определение информационной войны, которое, на наш взгляд, является более емким. **Современная информационная или гибридная война** — это агрессивное действие одной страны или целой группы стран по отношению к другим с применением не только военной мощи, но и целого набора других ресурсов (экономических, информационных, идеологических и др.), позволяющих оказывать массированное давление с целью влияния на поведение противника и достижения определенных целей.

Необходимо выделить целый ряд особенностей, существующих в информационном противоборстве:

1. Осуществление противоборства не в географическом, а в информационном пространстве. В дополнение к информационному нападению с помощью интернет-ресурсов, размещенных вне досягаемости страны, подвергшейся нападению, могут использоваться и обычные способы ведения войны с помощью применения сил специальных операций и обычного оружия.

2. Полное игнорирование странами, осуществляющими информационную агрессию, норм международного права и морально-этических норм.

3. Формирование образа страны-изгоя. С помощью односторонне подаваемой информации, усиленной за счет многократного повторения фейков объединенными информационными ресурсами, нападающие страны формируют эмоционально насыщенный образ страны-изгоя, закрепляя его в массовом сознании международного сообщества.

4. Активное использование возможностей современных средств массовой информации, которые могут распространять негативную информацию одновременно на массовую аудиторию, используя специфические приемы, позволяющие манипулировать общественным мнением.

5. Установление контроля над деятельностью СМИ. Англосаксонские страны, убеждавшие весь мир в том, что масс-медиа должны быть независимы от власти, потому что их главная функция — распространение полной и объективной информации, в действительности установили контроль над деятельностью национальных СМИ, что позволяет использовать их в качестве мощного инструмента информационного воздействия.

6. Объединение усилий СМИ целого ряда стран для организации и проведения информационного воздействия на население. Причем, распространение информации, имеющей пропагандистский эффект, проводится как на население своих стран, так и на аудиторию страны, избранной в качестве жертвы.

7. Использование политики «мягкой силы». Подготовка и проведение «цветных революций» в целом ряде стран были бы невозможны, если бы в этих странах не выросли новые поколения людей, воспитанных на западных ценностях.

8. Идеологическое разложение и девальвация традиционных моральных ценностей, позволявших населению страны быть сплоченной нацией. В результате информаци-

онной агрессии населению подвергшейся атаке страны навязываются новые идеологические и моральные установки.

9. Скрытность проявления агрессивных действий в информационном пространстве. То есть, население страны, ставшей жертвой информационного воздействия, может даже не подозревать, что страна подвергается информационной атаке, а внедренные в общественное сознание новые установки заставляют подчиниться агрессору и даже добровольно помогать ему.

Россия, как великая держава, обладающая несметными природными богатствами, занимающая выгодное географическое положение (мост между Европой и Азией), имеющая значительное население (привлекательный рынок сбыта) является весьма заманчивым объектом для информационных войн. К тому же, Россия является проводником новой концепции мироустройства, которая основана на понимании необходимости существования многополярного мира, позволяющего выстраивать отношения с другими странами на равноправной, справедливой и взаимовыгодной основе. Обладая всеми этими качествами, наша страна, по мнению наиболее развитых западных стран, — потенциальный противник, для ослабления возможностей которого все средства хороши. Россия должна учитывать все угрозы и вызовы современного мира, чтобы обеспечить национальную безопасность в полном объеме и для себя, и помочь в этом своим союзникам.

Библиография

1. *Беляев Д.* Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2014. 256 с.
2. *Зинчина А.Б.* К вопросу о теории информационных войн // Город. Культура. Цивилизация. 2014. № 4. С. 62.
3. *Лавров С.В.* Историческая перспектива внешней политики России. (Эл. ресурс). URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (дата обращения: 20.05.2018).
4. *Ларина Е.С., Овчинский В.С.* Новая военная стратегия США и поведенческие войны // Мировая политика: Старые проблемы и новые вызовы. 2015. № 13. С. 137.
5. *Марков Е.А.* Проблемы ЕС в отражении российских СМИ. «Ученые записки Череповецкого государственного университета» // Научный ж-л. 2015. № 1. С. 69–72.
6. *Расторгуев С.П.* Информационное противоборство в моделях и задачах // URSS. 2017. № 15. 304 с.
7. *Kerry Rewrites.* History of U.S. Support for Color Revolutions. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2015/03/06/kerry-re-writes-history-of-us-support-for-color-revolutions.html> (дата обращения: 09.02.2018).

Мартынов М.Ю.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Роль политического образования в современном российском обществе уже стала предметом научного изучения. Здесь в первую очередь стоит назвать монографию А.И. Щербинина [5]. Весьма полное представление о состоянии политического образования

дает фундаментальное исследование развития отечественных политологических школ, подготовленное под руководством О.В. Гаман-Голутвиной [2]. Однако роль политического образования в обеспечении национальной безопасности является относительно новым аспектом, не получившим еще должного освещения.

Причины, актуализировавшие проблему участия политологического образования в обеспечении национальной безопасности, достаточно очевидны. Дальнейшее существование национальных государств прямо зависит от того, сумеют ли они вернуть государственной, общенациональной идентификации граждан прежнюю значимость. Огромную роль здесь играет система образования, и в первую очередь, — исторического и политологического.

Какими бы терминами не обозначать роль политологического образования в современном гражданском обществе, — как часть символической политики, как проявление «мягкой силы», как навязывание определенного дискурса, — речь идет об осуществлении политической воли средствами языка, то есть — об идеологической функции этого образования.

Но, как ни парадоксально, чтобы выполнить эту идеологическую функцию политология, с точки зрения своего содержания, должна максимально дистанцироваться от идеологии. Только в том случае, если политология будет именно наукой, а не идеологией, она будет пользоваться доверием общества и успешно выполнять свои функции в рамках как политики «мягкой силы», так и политики идентичности.

Для российской политической науки дело осложняется тем, что отечественная политическая теория несет на себе следы «родовой травмы», приобретенной при рождении дисциплины еще в начале 1990-х гг. Она заключалась в высоком уровне заимствований западных политических концепций, которые, как выяснилось, оказались идеологически перегружены.

Собственно, об этом предупреждали российских коллег и сами американские специалисты. Так, еще в 1996 г., выступая со статьей на страницах журнала «ПОЛИС», заслуженный профессор политических наук в университете штата Аризона Джон Уальке писал: «... Многие американские программы изучения политологии крайне американоцентричны А иногда американский строй представляют — имплицитно, если не эксплицитно — как образцовый для всех демократических государств. Зачастую также при сравнении американских государственных институтов с другими, проявляется тенденция преувеличивать относительную слабость политического устройства других стран и преуменьшать недостатки американского опыта государственного управления» [4, с. 149].

В первую очередь, это относится к теории политики. Развитие политических систем, политических режимов, становление демократии и ее институтов рассматривается в парадигме теории общественного прогресса, то есть, как движение от низших к все более совершенным формам. При этом предполагается «вершина» такого развития в виде демократии и существование менее развитых форм на пути к ней [1]. Причем неизменно оказывается, что на «вершине» эволюции политических институтов располагаются политическая система и политический режим США и западных стран, а политические режимы других государств, с различными присвоенными индексами и соответствующими дефинициями, описывающими их как «недоразвитые демократические», находятся на различных ступенях «лестницы восхождения к демократии».

Зарубежные авторы учебников по политологии и популярных пособий по теории демократии в практике преподавания политологии, например Р. Даль [1, с. 16–30], для получения необходимого идеологического вывода используют нехитрый методический

прием, который в свое время применялся в Советском Союзе преподавателями дисциплины «научный коммунизм». Описывается политический строй в его идеальной форме и «привязывается» к конкретному государству.

В преподавании научного коммунизма таким идеальным политическим устройством, где, якобы, достигнуто народное, демократическое управление, называлось «общенародное социалистическое государство», а в качестве такого государства, реально его воплотившим, назывался СССР.

В современных политологических теориях в качестве идеальной модели описываются преимущества демократической политической системы, а затем этот идеальный режим столь же непринужденно экстраполируется на западные страны, как, якобы, их реальная практика. Их трактовка, в том числе в отечественных учебных пособиях, приобретает однозначно позитивный характер. Соответственно, дальнейшее изложение темы демократии, политических систем и политических режимов превращается не столько в описание демократической формы управления, как таковой, сколько в апологию политических систем США и западных государств и критику политической истории собственной страны. Описание политических режимов в других странах, особенно оппонировавших Западу, например в СССР, образуют негативный нарратив в изложении отечественными учебниками его «тоталитарной системы», «преследования инакомыслящих», «политической цензуры» и пр. [3, с. 122–123].

Двести лет назад волна позитивизма создала науку об обществе — социологию. Сегодня такая же задача эволюционировать от идеологии к науке стоит перед политологией. И также, как и тогда, смысл позитивистского преобразования заключается, в первую очередь, в «очищении» языка науки.

Это тем более важно сделать, поскольку политическая теория выступает методологией политических исследований. И ее идеологическое «наполнение» негативно сказывается и на смежных политологических дисциплинах, в частности, на политической социологии.

Особенно заметно это на примере электоральных исследований, когда интерпретация их результатов прямо определяется идеологическими установками теории демократического прогресса.

Например, оценку электоральной активности на выборах в западных странах независимо от результата всегда сопровождают позитивные коннотации. Если явка высокая, то это трактуется как проявление «активистской» политической культуры. Если явка низкая, то это также оценивается позитивно, поскольку свидетельствует о «неперегретости» политической системы, об удовлетворенности властью и сознательности значительной части граждан, не обременяющей ее, таким образом, излишней активностью.

В случае с Россией любая оценка электоральной активности носит столь же однозначно негативный характер. Высокая явка, например, на президентских выборах в России, свидетельствует о «подданнической» политической культуре и использовании административного ресурса. Невысокая явка столь же категорично интерпретируются как проявление политического протеста и «голосование ногами».

Другая форма использования политологического образования в ходе «вторичной» политической социализации — это дополнительное образование граждан. Решением проблемы стало бы использование в регионах, в качестве института продвижения политического образования, возможностей некоммерческих организаций. В первую очередь, партнером Российского общества политологов в этом отношении может стать общероссийская общественно-государственная просветительская организация «Рос-

сийское общество Знание», которая располагает сегодня филиалами в большинстве субъектов Федерации. Совместными усилиями и при поддержке региональных органов власти целесообразно было бы осуществить «пилотные» проекты в регионах по созданию университетов политического (политико-правового) просвещения (образования).

Библиография

1. *Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект-пресс, 2000. 208 с.
2. Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2015. 464 с.
3. Теория политики: Учебное пособие / Под ред. Б.А. Исаева. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
4. *Уальке Дж.* Гуманитарное воспитание и специализация в области политических наук // Полис. 1996. № 4. С. 141–156.
5. *Щербинин А.И.* Политическое образование: Учебное пособие. М.: Весь Мир, 2009. 288 с.

Окунь М.В.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛИСТИКИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК КОНСТРУИРУЮЩЕЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАТЕРИАЛОВ КУРСА “VARIETIES OF HEGEMONY. REGIONAL ORDERS AND THE MECHANICS OF POWER IN THE WORLD REGIONS” ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ГУМБОЛЬДТА В ГЕРМАНИИ 2018 г.)

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сказано, что «государства в качестве реакции на рост международной нестабильности все чаще берут на себя ответственность за дела в своих регионах...» [1, ст. 25]. В Стратегии также постановлено, что одним из ключевых направлений внешней политики России является развитие «региональной и субрегиональной интеграции и координации на пространстве государств — участников Содружества Независимых Государств...» [1, ст. 89]. Отмечено также, что «формирование Евразийского экономического союза открыло новый этап интеграции на евразийском пространстве. Российская Федерация всемерно способствует укреплению Союза...» [1, ст. 91].

Итак, российская Стратегия национальной безопасности включает признание факта общемирового тренда на регионализацию международных отношений, а также очерчивает направления реализации этого тренда в российских реалиях. Как российское политологическое образование и российское поле научных исследований в этой области способствуют осуществлению этой важной составляющей части Стратегии национальной безопасности? Учебные планы образовательных программ факультетов политологии ведущих российских вузов в общепрофессиональном блоке базовой части включают следующие дисциплины (курсы), которые в той или иной степени охватывают региональный аспект политической науки: «Политическая регионалистика и этнополитика» (бакалавриат), «Мировая политика и международные отношения» (бакалавриат и магистратура), «Сравнительная политология» (бакалавриат и магистратура).

тура). На факультете политологии МГУ создана магистерская программа «Евразийская интеграция». Следует транслировать эту новацию ведущего вуза страны на факультеты политологии других российских вузов. Обращает на себя внимание тот факт, что на факультете политологии МГУ на первой ступени образования (бакалавриат) существует образовательная программа, направленная на изучение экономической политики, — «Экономическая политика современных государств». Этот факт находится в согласии с отечественной Стратегией национальной безопасности, наибольшую часть которой занимают вопросы экономической безопасности, роста и развития. Более того, анализ изучаемых дисциплин указанной программы показывает, что ее содержание соответствует обозначенным Стратегией вызовам для страны в экономической части политики. Это можно рассматривать как прецедент для развития образовательной программы на уровне бакалавриата (на факультетах политологии как МГУ, так и других вузов), посвященной региональной политике современных государств (в формате сравнительной политологии) и России, в частности, учитывая высокую степень важности этого сектора политики государства для его национальной безопасности в современных условиях. Эта программа послужит хорошей основой для изучения политики России в процессах евразийской интеграции на магистерской ступени политологического образования и далее — в аспирантуре.

В докладе планируется провести анализ соответствия содержания упомянутых учебных курсов бакалавриата и магистратуры направления «Политология», а также магистерской программы задачам национальной безопасности России и современным реалиям. Однако, говоря о качестве образования по тому или иному направлению, на взгляд автора настоящих тезисов, наиболее показательными критериями являются выходные параметры; среди таких параметров наиболее осязаемый и доступный — это качество научных исследований, а также степень их полезности для практической деятельности. В данных тезисах автор отразит лишь некоторые аспекты анализа отечественных научных исследований российской политики в процессах евразийской интеграции; полностью их планируется привести в докладе.

Главное, что следует отметить, это то, что российские исследователи рассматривают евразийский интеграционный проект как, главным образом, экономический, направленный на увеличение выгод стран-участников от кооперации в торговой, инвестиционной, ресурсной и других сферах. При этом усилия российских и евразийских ученых сконцентрированы, в основном, на эмпирических исследованиях, тогда как европейские и американские ученые рассматривают евразийский интеграционный проект преимущественно сквозь теоретическую призму. Логично, что эмпирические исследования в большей степени направлены на то, чтобы оценить достигнутые результаты и найти в них определенные взаимосвязи (которые условно можно распределить по трем группам — драйверы регионализма, институциональный дизайн и эффекты), нежели чем на то, чтобы найти модели совершенствования евразийского интеграционного проекта. Интересно также то, что много исследований в отечественном российском поле посвящено идеологии евразийства, рассматриваемой как идейное основание евразийской интеграции. Однако для большинства англоязычных ученых термин «евразийство» не имеет политического значения. Дело в том, что эмпирического доказательства связи этой идеологии и сегодняшнего российского регионализма не существует [2, р. 203].

Западные теоретические исследования современного регионализма могут служить хорошим подспорьем для поиска путей совершенствования модели евразийской интеграции. Такое мнение автор настоящих тезисов составила в ходе изучения курса

«Разновидности гегемонии. Региональные порядки и механизмы власти в мировых регионах» в Университете им. Гумбольдта в Берлине летом этого года.

Например, в западных теоретических исследованиях регионализма большое внимание уделяется отношению «второстепенных» стран («secondary powers») к происходящим процессам, этот аспект считается достаточно важным для успешного формирования регионального порядка. Так, важной является концепция “followership” (“следования”), подразумевающая признание «второстепенными» странами того, что гегемон, вызывающий у «последователей» чувства уверенности и доверия, может принимать решения от имени группы в деле преследования коллективных целей [3, p. 492]. Эта концепция также предполагает, что соседние к претенденту на гегемонию страны совершают калькуляции «затрат-выгод», которые должны помочь им преодолеть страх, зависть и несогласие — чувства, являющиеся противоположным полюсом по отношению к вышеназванным чувствам уверенности и доверия, обеспечивающим готовность следовать; эти два полюса являются неизменными в концепции “followership”. Поэтому в задачи страны, претендующей на гегемонию в регионе, входит развитие у «последователей» уверенности и доверия по отношению к своей политике и минимизация страха.

Здесь уместно сказать о второй увиденной автором возможной плоскости применения западных теоретических исследований современного регионализма в российском политологическом образовании и науке. Это использование западного теоретического инструментария для доказательной аргументации в спорах о российском региональном интеграционном проекте с западными учеными (исследователями), «think-tanks» и официальными лицами. Ведь, говоря с указанными контрагентами на одном языке и прекрасно владея их теоретическим инструментарием, доказывать свою точку зрения и оспаривать противоположную можно гораздо более убедительно. Так, западными учеными и государственными деятелями развиваемый Россией евразийский интеграционный проект преподносится, в основном, как геополитический, как инструмент проводимой Россией экспансионистской внешней политики. Иногда в этом же ключе Россия оказывается единственной в мире страной, которой Западом присваивается статус “dominator”, подразумевая под этим негативный крайний полюс позиции “hegemon” (воспринимаемой позитивно), означающий, что страна диктует свою волю странам своего региона и заставляет подчиняться ей. Применяя здесь уже упомянутую концепцию “followership” с сопровождающими ее крайними полюсами чувств, можно привести аргумент, что, даже если Россия и проявляет иногда себя как “dominator” (на взгляд западных контрагентов), то ее вынуждают это делать внешние по отношению к евразийскому проекту игроки, которые подстрекают у входящих в регион стран чувства страха, несогласия и т.п., тем самым смещая позицию в сторону негативного полюса и тем самым существенно затрудняя естественное “followership” («следование»).

И здесь мы затрагиваем еще один важный сектор для национальной безопасности нашей страны — противоборство в глобальном информационном пространстве [1, ст. 21]. Рассматриваемый нами основной вопрос (региональная тематика) послужил примером того, как инкорпорирование западного теоретического поля в российское научное пространство может служить средством успешной борьбы в информационном пространстве. Особенно эффективно проводить такое инкорпорирование путем организации образовательных и исследовательских зарубежных стажировок студентов и научных работников. Ведь таким путем происходит овладение не только теоретической базой, но и непосредственной точкой зрения контрагентов.

Библиография

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
2. *Hancock K., Libman A.* Eurasia. The Oxford Book of Comparative Regionalism, 2016.
3. *Prys M.* Hegemony, Domination, Detachment: Differences in Regional Powerhood // International Studies Review. 2010. № 12(4). P. 479–504.

Пашковский П.И.**ПРОБЛЕМЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ФУНКЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ**

Специфика исследования механизма формирования и реализации внешней политики государства характеризуется сложностями, возникающими вследствие «размытости» находящегося в динамике и постоянно ускользающего из поля зрения предмета анализа. В этом отношении изучение особенностей воздействия парламентских институтов на государственную внешнюю политику позволяет определить роль влиятельных (в том числе неформальных) «групп давления» и личностей в процессе функционирования внешнеполитического механизма, выделить и охарактеризовать внутренние факторы принятия и реализации внешнеполитических решений [2; 6; 7; 8; 9; 11].

Парламентские институты, относимые к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма, в России представлены Федеральным Собранием, состоящим из Государственной Думы (нижняя палата) и Совета Федерации (верхняя палата), а также их профильных органов (подразделений). Их полномочия, степень и особенности участия во внешней политике государства определены Конституцией РФ, базовыми доктринальными документами [3] и Регламентами [12; 13]. Так, в действующей Концепции внешней политики России (от 30.11.2016) отмечается, что «Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий ведут работу по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения международных обязательств Российской Федерации, а также способствуют повышению эффективности парламентской дипломатии» [3].

Однако возможности адекватной реакции российских парламентских институтов на вызовы современности в процессе реализации своих полномочий во внешнеполитическом механизме государства осложняются наличием нескольких уровней проблем и противоречий.

На первом уровне находятся проблемы, связанные с несовершенством отечественного законодательства, в котором отсутствует специальный законодательный акт, посвященный внешней политике, а в Конституции, действующих законах и подзаконных актах должным образом не прописаны механизмы реализации международной деятельности. Четкая регламентация порядка прохождения по различным инстанциям на разных стадиях подготовки проекта какого-либо документа, относящегося к внешнеполитической сфере, также отсутствует [10; 11]. Это характерно и для принятых в последние годы доктринальных документов в области государственной внешней политики [1; 14].

Второй уровень проблем и противоречий определяется спецификой функционирования внешнеполитического механизма России, в рамках которого происходит дублирование функций, приводящее к ситуациям латентного или открытого противостояния субъектов власти, что оказывает влияние на скорость и качество принятия и реализации внешнеполитических решений [2; 10; 11]. К этому следует добавить отмеченное экспертами падение уровня прозрачности процесса принятия внешнеполитических решений и различия во внешнеполитических установках групп российской элиты, приводящие к непоследовательности и противоречиям в позиционировании государства на международной арене [4].

Проблемы реализации функций Федерального Собрания Российской Федерации в процессе формирования и осуществления государственной внешней политики характеризуют третий уровень, который обусловлен комплексом имеющихся на других уровнях противоречий. Так, нормативно-правовая база реализации парламентскими институтами функций влияния на внешнюю политику государства отличается неполнотой и нечеткостью [7]. В структуре действующего внешнеполитического механизма Федеральное Собрание не имеет возможностей в полной мере воплотить на практике обозначенный в нормативно-правовой базе потенциал воздействия на внешнеполитический процесс [2; 10]. Учитывая обстоятельства, недостаточно используется и опция межпарламентского сотрудничества и парламентской дипломатии [5]. Имеются проблемы и во взаимодействии палат Федерального Собрания по внешнеполитическим вопросам [11], приводящие к периодически возникающим между Государственной Думой и Советом Федерации конфликтным ситуациям, несогласованным и нескоординированным действиям, сужая круг возможностей и уменьшая эффективность влияния парламентских институтов на государственную внешнюю политику.

Библиография

1. Государственная программа Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 325–10). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782.
2. Кондрашова Е.В. Эволюция парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008. 26 с.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (от 30.11.2016). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.
4. Кортунов С.В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: <http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm>.
5. Мирошниченко В.М. Международная деятельность Государственной Думы Российской Федерации // Актуальные проблемы и перспективы развития парламентаризма: российский и зарубежный опыт: Сб. науч. ст. / Ред. коллегия: В.В. Коровин (отв. ред.) [и др.]. Курск: ЮЗГУ, 2015. С. 107–111.
6. Новиков Д.В. Реализация Государственной Думой представительной функции в сфере внешней политики: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2009. 22 с.
7. Павлов Е.Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики Российской Федерации: Автореф. дисс. ... докт. юрид. н. М., 2004. 38 с.
8. Пашковский П.И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 452–456.
9. Пашковский П.И. Первый опыт российского парламентаризма и внешняя политика государства // Право и политика. 2017. № 4. С. 146–157.
10. Перевезенцева Т.В. Участие Государственной Думы в осуществлении внешней политики страны // Российский парламентаризм: история и современность: Материалы заседания

«круглого стола» (Астрахань, 8 июня 2007 г.) / Отв. ред. Е.Е. Рябцева. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 65–69.

11. Покровский Д.С. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009. 28 с.
12. Регламент Государственной Думы. URL: <http://www.duma.gov.ru/about/regulations/>.
13. Регламент Совета Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru/structure/council/regulations/>.
14. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/157626.

Попова А.В.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Проблемы развития современного общества представляют собой предмет обсуждения в международных организациях. Особую значимость, по нашему мнению, имеет всемирный Доклад «К обществам знания» (Towards knowledge societies) [2], в котором представлена концепция социального и гуманитарного развития человечества. Авторский коллектив полагают, что конец первого десятилетия XXI в. станет переходом от «информационного общества» к «обществам знания». В соответствии с международными юридическими актами, принятыми Всемирным саммитом по информационному обществу¹, «информационное общество» представляет собой общество, ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя устойчивому развитию и повышая качество жизни (в направлении достижения сформулированных в Декларации тысячелетия целей развития Организации Объединенных Наций) [9].

Переход от индустриального к информационному обществу, произошел еще в 1960–1970-е гг. XX в. и был обусловлен повышением роли компьютеров в жизни людей [8; 3] и увеличением потока информации, превращавшего ее в потенциальный товар. Все это обусловило появление «экономики неинтегрированного знания», ознаменовавший «проникновение информационных технологий во власть, глубокие перемены в сфере труда, связанные со смещением центра экономического развития в сферу нематериальных ценностей». [1, с. 44]. В Докладе ЮНЕСКО отмечается, что коммерциализация знаний в мировом информационном обществе представляет собой реальную угрозу для разнообразия «когнитивных культур», так как «информация — инструмент знания, сама по себе она знанием не является» и может получить неправильную трактовку [2, с. 20–21]. Незрелость интеллекта, отсутствие критического восприятия определенного вида информации и знаний, в том числе и эмоциональных, может привести к тому, что человек будет не обладать информацией и использовать ее по собственному усмотрению, а информация поглотит человека. Избыточный объем информации может привести к иррациональным решениям, влекущим за собой самые неблагоприятные последствия. Изменение понимания основных нравственных, гуманитарных цен-

¹ ВЦИО, The World Summit on the Information Society, WSIS

ностей приводит к абсолютно иной трактовке таких категорий, как права человека, место человека в обществе и, особенно, свобода. Возникают не только цифровое, но и когнитивное неравенство. Первое заключается в том, что среди граждан даже одной страны, уже не говоря о развитых экономических державах в противовес к странам со слабой экономикой, существует неравный доступ к информации, обусловленный целым рядом социально-экономических причин. А когнитивное неравенство означает, что «при равном доступе к знаниям, объем сведений, усваиваемый лицами, имеющими более высокий уровень образования, значительно выше, чем у тех, кто не имел или имел ограниченный доступ к образованию. Таким образом, повсеместное распространение знаний не только не сокращает разрыв не только между более и менее передовыми странами, но и отдельными людьми, а может и увеличивать его» [2, с. 20–21]. Когнитивный разрыв развивается не только в рамках одного государства (между различными группами лиц — мужчинами и детьми, поколениями людей, гражданами и мигрантами и др.), но и между странами и даже континентами. Подобный разрыв проявляется, прежде всего, в «утечке мозгов» не только из экономически слабых государств, но и из развитых стран в «центры интеллектуальной миграции» — Великобританию и США.

Казалось бы, развитие информационных технологий, использование цифровой экономики должно было стать залогом возвращения Золотого века человечества, когда упрочение гуманитарных ценностей становится всеобщим достоянием. Однако присутствие одновременно на рынке труда 4-х поколений (Бэби-бумеры (1943–1963 гг. рождения); X (1963–1983 гг. рождения); Y (Миллениум) (1983–2003 гг. рождения) и Z (Generation Z, Internet Generation) (2004-наст. время)) создает серьезные проблемы для современного развития социума. Ведь, поколение Z мыслит иными категориями, чем все предыдущие поколения, образ их мыслей отличается фрагментарностью, а в некоторых вопросах поверхностностью, так как практически не способны запоминать и анализировать большую информацию, практически лишены эмпатии, не разбираются в человеческих эмоциях и в человеческом поведении. По мнению А.В. Сапа, «это отражается даже на общении детей с родителями: коммуникативная дистанция между ними увеличивается, и цепочка социального наследования, передачи опыта прерывается и возникает префигуративное общество» [6, с. 25]. По мнению педагогов, поколение Z имеют следующие черты: «клиповой мышление», в основе которого поверхностный подход к анализу информации и к принятию решений; аутизация, как способ взаимодействия с миром людей, приводящей к десоциализации; интровертированный индивидуализм; резкое расслоение на небольшую часть, признающей знания как основную ценность, и большую - для которых, наоборот, культура, образование, знания девальвируются; подверженность манипулятивному влиянию «общественного мнения», т.е. интернета; инфантилизм — синдром «Питера Пэна» [6, с. 25–26].

Исходя из такой характеристики, становится очевидным призывы экономической элиты к срочному изменению подходов к системе образования с учетом реалий цифрового общества. По мнению экспертов ЮНЕСКО, выход из сложившейся ситуации видится в изменении подхода к понятию «знание», которое в отличие от категории «информации», имеет морально-этический компонент, заключающийся в соотношении свободы и ответственности. Концепция общества, основанного на этом принципе, была предложена в 1960–1970-х гг. Р. Хатчинсоном и Т. Хусеном как «общество обучающегося» (learning society) или модель П. Друкера «общества знания» (knowledge society), целью индивида в котором заявлялась «научиться учиться». На современном этапе развития социума насущной необходимостью становится качественное превращение информации в знание, при котором обучение становится основополагающим,

вследствие чего методологические основы образования должны быть пересмотрены в первую очередь [5, с. 285]. Поэтому поколения Y и Z должны получать фундаментальные знания — «язык, когнитивные способности исследовательского типа, математику (исчисление, поиск закономерностей, причины и следствия), фидуциарные способности (согласие с правилами культуры) и подчинение социальным правилам, способности к физическому труду, но и художественные» [2, с. 64].

Мы полагаем необходимым опираться при изменении системы образования на работу Дж. Коатса «Поколения и стили обучения», где определены следующие методы обучения: 1) четкая структура учебного процесса с подробной информацией сроков и требований; 2) обеспечение «обратной связи» между преподавателем и студентом с использованием инновационных технологий. 3) визуализация учебного материала; 4) упрощение текстовых материалов для восприятия; 5) преподаватель должен быть умелым и мудрым руководителем, а не «знающим всё»; 6) устная коммуникация; 7) подача материала только в позитивном ключе; 8) четкое знание студентом, зачем ему нужна именно эта информация, преподаватель должен предоставлять наилучшую возможность ею воспользоваться; 9) эффективное использование времени на занятии; 10) информация должна носить «концентрированный» характер» [4; 6, с. 28–29].

Что же необходимо для системы политического образования — знания, информация или навыки? И то, и другой и третье. Ведь юрист стоит на страже интересов государства, общества и каждого индивида. На наш взгляд, для выбора правильных методик обучения будущих политиков необходимо отталкиваться от правового и нравственного менталитета нашей страны, использовать лучший зарубежный опыт, не отказываясь при этом от традиций подготовки юристов в России.

Библиография

1. Бунина В.Г. От информационного общества к обществам знания: международные документы об управлении в сфере образования. // Право и управление. XXI век. 2008. № 2 (7). С. 43–48.
2. Всемирный Доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» (Towards knowledge societies). Париж: Юнеско, 2005. 240 с.
3. Кастелльс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под научн. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Коатс Дж. Поколения и стили обучения. М.: МАПДО; Новочеркасск: НОК, 2011. 121 с.
5. Попова А.В. Новые когнитивные технологии в образовании: достаточность или необходимость цифрового общества? / Основные тенденции и перспективы развития современного права: Международная научно-практическая конференция, посвященную памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского 19 апреля 2018 г. / Под ред. д.ю.н., профессора Д.А. Пашенцева. М.: МГПУ Белый ветер, 2018.
6. Сана А.В. Поколение Z — поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30.
7. Теория поколений в России [Электрон. ресурс]. URL: <http://rugenations.su/> (дата обращения: 19.05.2018).
8. Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives / J. Naisbitt. N.Y.: Warner Communications, 1982. 290 p.
9. World Summit on the Information Society. First Phase of the WSIS (10–12 December 2003, Geneva). Geneva Declaration of Principles. Second Phase of the WSIS (16–18 November 2005, Tunis). Tunis Agenda for the Information Society. WSIS+10 Statement on Implementation of WSIS Outcomes and the WSIS+10 Vision for WSIS Beyond 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itu.int/wsis/index.html> (дата обращения 20.06.2018).

Самойленко П.Ю.**ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
«РАЗВОРОТА НА ВОСТОК» В РАМКАХ РАЗВИТИЯ И ИНТЕГРАЦИИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА:
ВЫЗОВЫ, ТРЕНДЫ, ВОЗМОЖНОСТИ**

Современная российская политика «Разворота на Восток», то есть интенсивного развития регионов Дальневосточного федерального округа, количественного и качественного расширения внешнеэкономического сотрудничества России с ведущими экономиками Азиатско-тихоокеанского региона ставит на повестку дня вопрос о том, в какой степени реализация этих амбициозных задач может повлиять на вопросы федеративных отношений в рамках страны, а также изменить восприятие России в мире [5, с. 7].

Политика «Разворота на Восток», или, как дуалистично ее часто называют, «Восточного вектора», имеет в своей основе как социально-политические, так и социально-экономические предпосылки [3, с. 53]. Суть политики «Восточного вектора» заключается в том, чтобы создать особые условия как для роста экономики Дальнего Востока России, так и для развития внешнеэкономической деятельности со странами Азиатско-тихоокеанского региона через данный регион [8]. Такие проекты как территории опережающего развития (ТОРы), свободный порт Владивосток и Дальневосточный гектар призваны обеспечить повышение хозяйственной активности в пределах самого крупного по территории и самого небольшого по населению федерального округа нашей страны. Большое значение имеют проекты международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» и их переход на стадию практической реализации [4, с. 18]. Также сегодня активно обсуждается возможность использования Северного морского пути для регулярной торговой навигации. Объем перевозок по данному маршруту ежегодно увеличивается. При этом существенное значение придается развитию внешнеэкономических проектов с привлечением иностранных инвестиций. Особенно значимо то, что указанные проекты несут не только экономическую, но и определенную социально-политическую «нагрузку», поскольку после распада СССР регионы Дальнего Востока на протяжении двадцати лет было принято считать депрессивными территориями, из которых шел постоянный отток населения и падение реального уровня жизни.

Таким образом, основными задачами проектов «Разворота на Восток» являются следующие:

- Развитие регионов Российского Дальнего Востока как территорий, привлекательных для проживания и ведения бизнеса
- Создание устойчивых хозяйственных связей с передовыми экономиками АТР через Дальний Восток
- Формирование позитивного имиджа России в мире за счет совместных проектов со странами Азии
- Решение внутривнутриполитических задач, включая такие как рост популярности действующей власти, повышение национального самосознания и гордости за свою страну и так далее.

На сегодняшний день на Дальнем Востоке создана система преференций, обеспечивающая привлекательные условия для инвестиций. Это 18 территорий опережающего

развития и 5 свободных портов, в которых сформирован самый низкий в АТР уровень налоговой нагрузки. Инвесторам предоставляется адресная инфраструктурная поддержка. Снижены цены на электроэнергию. Благодаря этому реализуется 1375 новых проектов на 61 млрд долларов США с участием инвесторов более чем из 10 стран мира. В практическую стадию реализации в ТОРах и свободном порту Владивосток с участием китайского капитала перешло 32 проекта стоимостью 4,2 млрд долларов США. Это 7% инвестиций, привлеченных на Дальний Восток [1].

Таким образом, реализация модели «Восточного вектора» приводит к тому, что Дальний Восток начинает рассматриваться несколько иначе чем просто один из федеральных округов страны. Теперь это территория с особыми режимами в сфере экономики и внешнеэкономической деятельности, которые соответственно влияют и на внутреннюю политику [9].

Основными препятствиями интеграции регионов ДФО в АТР остаются сырьевой характер и слабость их экономики, отсутствие реальных достижений в развитии туристических проектов.

Соответственно, первоочередными задачами являются развитие инфраструктуры в регионах ДФО, прежде всего ориентированной на развитие реального сектора экономики, снижение затрат, связанных с организацией и функционированием бизнеса, — создание налоговых и прочих льгот для инвесторов, структурные изменения в региональной экономике с целью повышения ее инновационности.

Говоря о проблемах исследования в политической науке современной российской политики «Разворота на Восток» необходимо рассматривать такие ключевые направления таких исследований как изучение эффективности работы федеральных, региональных и местных органов власти при реализации политики «Восточного вектора», а также возможностей для повышения результативности такой работы, изучение общественного мнения, прежде всего в рамках лояльности граждан к действующей власти, проводимой политике, миграционным настроениям жителей Дальневосточного федерального округа, работа с референтными и экспертными группами, которые позволяют выделять ключевые проблемные области в развитии современного Дальнего Востока России в сфере политики, экономики и социальной политики, изучение мнения иностранных инвесторов и иных репрезентативных групп с точки зрения их видения изменения ситуации на Дальнем Востоке России.

Библиография

1. В Даляне прошло заседание российско-китайской комиссии. Официальный сайт аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. URL: <http://dfo.gov.ru/trutnev/3005/>
2. Восточный вектор внешней политики России. Электрон ресурс. Режим доступа: http://www.singapore.mid.ru/rus/asia/ros_asia_2.html
3. Дьяков В.И. Взаимодействие региональных таможенных администраций для обеспечения развития торговли в северной пачифике. // Таможенная политика на Дальнем Востоке России. 2013. № 3. С. 53–62.
4. Ерошенко С.С. Дьяков В.И. Правовое и политическое положение России в АТР. Владивосток, 2011.
5. Минакир П.А. Новая стратегия развития Дальнего Востока России: оценки и перспективы // Проблемный анализ: государственно-управленческое проектирование. Теория, практика, методология. 2014. № 4(36). Т. 7. С. 6–14.
6. Опрос инвесторов: Россия в 2015 году // Электрон ресурс. Режим доступа: <http://detailcomms.com/ru/inostrannye-investory-vosprijatie-rossii-ekonomika-fondovyj-rynok-v-2015/>

7. «Поворот на Восток» ради будущего России. Электрон. ресурс <http://www.pravda.ru/districts/foreast/19-07-2015/1267415-levintal-0/>
8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2015 год. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173>
9. Путин о ТОРах на Дальнем Востоке: «Нельзя делать вид, что мы что-то делаем, а на самом деле только пишем планы» Электрон. Ресурс. Режим доступа: <http://sesti.ru/news/2014/08/01/1692.html>
10. *Самойленко П.Ю.* Стратегические интересы России в АТР: синергетический и информационно-имиджевый факторы в вопросах военной и экономической политики // Ойкумена — регионоведческие исследования. 2014. № 2. С. 38–46.
11. Улучшение инвестиционного климата в России. Агентство стратегических инициатив (АСИ). Электрон. ресурс <http://asi.ru/investclimate/>
12. Федеральный закон от 29.12.2014 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» № 473-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/

Сидорова Г.М.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК ВАЖНЫЙ ОБЪЕКТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

В последние годы многие события в сфере международных отношений напрямую связаны с военно-политической тематикой. Большинство военных конфликтов, происходящих в мире, ведется в политических целях, а сами конфликты — это, прежде всего, политические акции, приводящиеся по решению высших властей. Военно-политические конфликты являются составной частью военно-политических процессов, меняются в зависимости от международной обстановки, взаимоотношений между государствами-участниками, ситуации в отдельных регионах мира, связаны с развитием информационных технологий и научно-технической революции в военном деле.

Недавние события в Северной Африке, на Украине, в Грузии, разгул терроризма в Сирийской Арабской Республике свидетельствуют о тенденциях к росту локальных военных конфликтов в мире с явным политическим подтекстом. Начало нового тысячелетия мало чем отличалось от предыдущих лет. Военные действия были развернуты между Эфиопией и Эритреей, на территории Демократической Республики Конго (ДР Конго), в Центральноафриканской Республике (ЦАР), Нигере, Кот-д’Ивуаре, Либерии, Чаде, на Мадагаскаре. Природа возникновения вооруженных конфликтов, например, в африканских странах различна. Прежде всего — это борьба за территорию, власть или природные ресурсы. Как правило, эти конфликты бывают затяжными, имеют тенденцию затихать и вновь обостряться, для них характерна цикличность, которая вписывается в исторический контекст (например, реакция на геноцид в Руанде 1994 г. спровоцировала дальнейший конфликт между хуту и тутси).

В связи с этим особую актуальность и значимость приобретает изучение военно-политического процесса в сфере международных отношениях, его форм и методов, а также знакомство с его институтами управления. Несмотря на попытки мирового сообщества предупредить вооруженные столкновения в различных точках планеты, вероятность их рецидивов остается пока высокой.

Военно-политический процесс представляет собой совместную акцию политических и военных субъектов, заинтересованных в достижении общих целей военно-силовыми методами и готовых их при необходимости применить. Военно-политические процессы составляют часть политической сферы, связанную с военной силой (ее подготовкой, поддержанием и реальным применением). Они могут иметь либо политическую форму (то есть, преследовать политические цели) с военным содержанием (переговоры по урегулированию военного/вооруженного конфликта, призывы и стремление к наказанию военных преступников и т.д.) или же выраженную военную форму с политическим подтекстом (применение вооруженных сил в локальных и региональных конфликтах, крупномасштабной войне).

Политическая форма — это переговорный процесс по вопросам, имеющим военное содержание (например, о напряженности во взаимоотношениях государств), предполагает участие военных экспертов по оценке угрозы и выработке рекомендаций для совместных действий по урегулированию спорного вопроса и выработки взаимоприемлемого решения предварительного, промежуточного или окончательного характера. Это один из активных способов разрешения или урегулирования межгосударственных споров, вопросов войны и мира, разоружения, безопасности в целом. Переговорный процесс может состоять из нескольких фаз, длиться месяцами, а иногда и годами, однако в результате враждующие стороны не всегда находят компромисс и вынуждены прибегать к силовому давлению на противника. Например, в ДР Конго в результате подписания соглашений в 2002 г. о прекращении огня между противоборствующими группировками вооруженное противостояние де-юре было закончено, однако боевые действия так и не прекратились. И в настоящее время на обширной территории этой африканской страны продолжаются локальные военные столкновения между различными незаконными вооруженными формированиями.

Примером применения военной формы с политическим подтекстом может служить военное миротворчество в рамках ООН. Военный компонент миротворческих сил обычно называют «голубыми касками», дислоцированными в «горячих» точках планеты по решению Совета Безопасности ООН. Сюда же можно отнести участие вооруженных сил в полицейских операциях и миротворческих операциях по принуждению к миру. Разница между ними заключается в том, что операции по поддержанию мира проводятся с согласия всех основных конфликтующих сторон и направлены на контроль и выполнение уже достигнутых соглашений о прекращении огня, а операции по принуждению к миру — с целью создания обстановки для перемирия или прекращения огня. Они могут включать операции по восстановлению порядка, насильственное разведение воюющих сторон, установление запретных зон и контроль за их соблюдением.

Применение военной силы в современных условиях требует знания характера военных действий, который заметно изменился на рубеже XX и XXI столетий. Наряду с новыми тенденциями международных отношений продолжают существовать и стереотипы «холодной войны», осложняющие международную обстановку, хотя часто и в измененной форме. Природа конфликтов (акторы, их цели и задачи), существенно изменилась за последнее время, а политические мотивации противоборствующих сторон не всегда носят явный характер. Кардинально меняются технологии современных конфликтов, позволяющих государствам избегать прямой ответственности за участие в боевых действиях, а также вводить в заблуждение общественное мнение, возрастает доля участия в них частных военных компаний. В конфликтах могут участвовать также и различные социальные группы людей, государств, нередко организующих коалиции или незаконные вооруженные формирования.

Пока не найдено решение, позволяющее предупреждать военно-политические конфликты. Выработка стратегии возможна лишь при совместных действиях силовиков, дипломатов и политиков. В этой связи для изучающих данную тематику важно знать природу военно-политических конфликтов в контексте военно-политического процесса, его формы и методы, необходимые для выработки современного мышления, основ теоретических знаний, способности их применения в профессиональной практике, корректного ведения военно-политических дискуссий. Знания необходимы также для умения объективно оценивать международную ситуацию, давать аналитические прогнозы по развитию ситуации, которые помогут в целом формировать политическую культуру обучающихся.

Сиражудинова С.В.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

Концептуальное осмысление гражданского общества в России отличается своей спецификой и адаптационностью, рядом направлений и подходов к его трактовке, неоднозначностью в его понимании. Как правило, данный термин рассматривают в рамках нескольких парадигм, от идеалистической, до правой, и узкопрактической.

Процесс развития гражданского общества в России шелл параллельно иным общественно-политическим трансформациям, впитывая и отражая их особенности. Проблемы его формирования в России связывают со спецификой России, с ценностями, с особенности исторического развития, социально-политическими условиями, которые накладывают отпечаток на его понимание и особенности практического воплощения.

Гражданское общество, развиваясь в государствах, не имеющих крепких исторических демократических традиций, проходит ряд этапов: от имитации, частичного секторного построения, до формирования и распространения собственной модели.

В последнее время, от новой модной широкой и многогранной идеи (характерной для российской науки постперестроечного периода) пришли к практическому сужению концепта. В последние годы государство демонстрирует все более осторожное отношение к гражданскому обществу, относя его отдельные возможности, активность и структуры к опасениям и угрозам.

Гражданское общество, если его рассматривать как НПО, можно подразделить на несколько групп:

- мотивированное гражданское общество (устойчивые убеждения, интересы, ценности, идеология и т.д.). Основная его характеристика устойчивость;
- ситуативное гражданское общество (бывает стихийным и направляемым, данный всплеск гражданской активности связано с конкретной проблемой, ситуацией, событием, памятной датой и т.д.). Оно временно и стихийно.
- гражданское общество как социальное предпринимательство (меркантильное). Имеет под собой экономический интерес и временную ограниченность проектов.

Почему мы рассматриваем гражданское общество в контексте безопасности? Потому что оно несет идеологический и идейные функции (ориентирует на построение общества ответственного контролирующего и демократического, исполняя уравнове-

шивающие функции) [1]. В данном случае оно является и вызовом (в случае с опасением цветных революций и направляемой активизацией протестной политики), и в то же время необходимой потребностью в уравнивании и вовлеченности в процессы глобального развития.

С другой стороны, институционализированный аспект гражданского общества приобретает все большее практическое распространение и значение. С одной стороны, мы наблюдаем рост структур гражданского общества (НПО, разного рода общественных организаций, социально ориентированных НКО), с другой стороны растет и численность структур антигражданского общества, которые часто представляют собой угрозу безопасности (группы, объединенные радикальной или экстремистской идеологией и т.д.). И здесь гражданское общество призвано с ними работать, работать на предотвращение, на профилактику, на де-радикализацию. В то же время, большая часть организаций работает лишь формально, а вот реальной работы гражданского общества намного меньше, чем изначально заявленной. Важную роль здесь играет отсутствие эффективной мотивации, недостаточная компетентность кадров, глубоко укоренившийся бюрократический опыт и т.д.

Гражданское общество перенимает черты бюрократизации, характерной для властных структур, и зачастую даже является выразителями их интересов. Как показали результаты социологических исследований, информированность о работе НКО и доверие ко многим из них в России низкие [2, с. 157].

Так, согласно исследованиям (проведенным автором в Республике Дагестан) наиболее известна Общественная палата (которую считают значимой 56% при условии ее эффективности), далеко не значимой — 36% (отмечая ее бесполезность; отсутствие эффективной работы; «она не функционирует должным образом» и т.д.). И даже не знает о ней 7%.

Консультативные Советы при Президенте и Правительстве эффективными считает 61% (в том случае, если к ним будут прислушиваться и они будут давать правильные советы), не эффективными — 31%.

Исследование так же показало, что работу неправительственных организаций в республике, важной считают 29,2% (но, при этом большинство отметило, что «они в полной мере не работают», что «они нужны, но их дела не заметны») и 21,9% отметили как неважные.

При этом, большинство указало как значимые структуры Духовное управление мусульман (4%), общественный совет (3,2%), молодежные организации, национальные движения, фонд народной дипломатии, комиссию по работе с покаявшимися «лесными», газету «Черновик». 40,6% не знают ничего о существовании организаций.

Ответы респондентов наглядно показали низкую активность общественных организаций и НКО в республике. Несмотря на многочисленность зарегистрированных организаций, работы многих из них не заметно, нерешаемость и обострение проблем в обществе говорит об их низкой эффективности, что и подчеркнула та часть респондентов, которая считает общественные организации важными для общества.

Библиография

1. Кочетков А.П. Государство и гражданское общество в России: стратегия взаимодействия // Пространство и Время. 2014. № 1.
2. Сиражудинова С.В. Гражданское общество на постсоветском пространстве: концепты, модели, парадигмы / Отв. ред. С.А. Кислицын / Южнороссийское обозрение ЦРИ ИСиР ЮФУ. Вып. 90. М.; Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2016. 230 с.

Труханов В.А.**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ,
ПРАКТИКЕ И ОБРАЗОВАНИИ**

Все чаще, в политологическом дискурсе, при описании политических отношений, употребляются такие категории как: «риски», «вызовы», «скрытая угроза», «опасность», «безопасность», «национальная безопасность», «национальная оборона», «военная мощь», «военная сила» и т.п.

Говоря об этих категориях, есть смысл остановиться более подробно на сущности понятия «национальная безопасность», тем более что периодическое уточнение научных категорий и дефиниций только повышает качество теории. Особенно это важно в политологическом образовании.

История использования термина «национальная безопасность» уходит своими истоками к началу прошлого века и считается, что впервые это словосочетание употребил в политическом лексиконе американский президент Теодор Рузвельт.

В нашей стране активное использование этой категории началось в начале 90-х годов прошлого века и сопровождалось это серьезной полемикой по поводу сущностного содержания и правомерности ее использования в отечественной политической практике. Здесь налицо расхождение точек зрения на использование категории «национальная безопасность» у политиков и ученых. Если власть уже однозначно определилась с сущностью термина «национальная безопасность», то в ученом сообществе до сих пор нет единого мнения по сущностному содержанию данного понятия.

В связи с этим рассмотрим эволюцию теоретических подходов и мнений на этот счет развернувшихся с начала 90-х годов прошлого столетия в отечественном гуманитарном дискурсе. Следует сразу подчеркнуть, что сформулировать определение национальной безопасности крайне сложно ввиду разнородности и трудносопоставимости теоретических подходов к данной категории.

Одни исследователи понимают безопасность как защищенность среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации в целом [8, с. 23].

Другие — как деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества, народов по выявлению, предупреждению, ослаблению, устранению и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития [10, с. 63].

Достаточно часто национальная безопасность рассматривается как функционирование определенной системы. Система национальной безопасности представляет собой, по сути, разновидность социальной системы, сущность которой наиболее полно отражается в следующем определении: система — это комплекс взаимосвязанных элементов, предназначенных для достижения общей цели [5, с. 63].

Используя методологический подход Д. Истона, можно сказать, что с данной точки зрения национальная безопасность будет рассматриваться как совокупность реакций политической системы на вызовы окружающей среды.

По существу системный подход сводится к требованию всесторонности, комплексности исследования любого объекта или явления. При этом комплексность системного подхода проявляется в том, что наряду с рассмотрением системы как единого целого,

т.е. комплексно, учитываются как положительные, так и отрицательные ее свойства или комплекс свойств, все ее связи и взаимодействия с окружающей средой, а также все возможные последствия ее целевого функционирования.

Именно с точки зрения системного подхода высвечивается специфичность проблемы, когда качество политической системы зависит от ее способности нейтрализовать риски, если такая зависимость политической системы от рисков существует, то снижается ее эффективность.

Анализируя различные подходы к определению «национальная безопасность», автор считает, что целесообразно и даже необходимо рассматривать национальную безопасность в многообразии методологических подходов, выбор которых зависит от тех целей, которые ставит перед собой исследователь.

Важная исходная позиция для определения сущности безопасности была высказана более 130 лет назад В.И. Далем. В его словаре понятие «безопасность» определено как отсутствие опасности, сохранность, надежность [1, с. 67]. В словаре С.И. Ожегова дается следующее определение: «безопасность — положение, при котором не угрожает опасность» [8, с. 39].

В СССР и в РФ в существующих подходах до 1992 года безопасность личности, общества была подчинена в основном безопасности государства. Встав на путь демократического транзита, Россия была вынуждена пересмотреть и мировоззренческий подход к безопасности личности, общества и государства: вернуться к безопасности личности как основополагающей составляющей триады объектов национальной безопасности. Это положение было зафиксировано в новой Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [2, с. 5].

В постсоветской России официально понятие безопасности было предпринято в Законе Российской Федерации «О безопасности», введенном в действие Постановлением Верховного Совета 5 марта 1992 года. Статья 1 этого закона определяет безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [2].

Такой подход позволил отойти от прежней, узкой трактовки безопасности, под которой понималась исключительно государственная безопасность. Автор обращает внимание на последовательность приоритетов объектов защиты, с которой нельзя не согласиться, — от индивидуума, через социум и до инструмента политической системы — государства. Таким образом, Закон закрепил принципиально новый для нашей страны качественный скачок в подходе к проблеме безопасности, что проявилось в приоритете, прежде всего, интересов личности и общества. По своему содержанию понятие «безопасность», описанное в Законе, более соответствует принятому в мировой практике термину «национальная безопасность».

Применительно к России термин «национальная безопасность» охватывает всю совокупность входящих в нее наций и национальных групп. Что было закреплено законодательно в Концепции национальной безопасности РФ: «национальная безопасность Российской Федерации это безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» [3, с. 5].

Рассматривая официальную трактовку понятия национальная безопасность, автор считает, что теоретически необоснованным является представлять национальную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их

жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [11]. Так как понятие безопасность рассматривается, как защищенность объектов от каких-либо возможностей нанесения ущерба. Недостаточность такого определения заключена еще и в том, что защищенность это — то состояние, которое возникло уже после совершения какого-либо действия. В данном случае после нейтрализации угрозы, опасности. И это лишь один из вариантов реагирования на угрозу, которую можно и избежать, сохраняя при этом способность защищаться в активной форме.

Автор считает, что, в качестве основы для раскрытия содержания безопасности важно рассматривать формулу Платона, считавшего, что состояние безопасности соответствует «предотвращение вреда» [9].

Так же и многие современные российские исследователи считают принципиально важным, чтобы при формировании и проведении в жизнь политики и стратегии национальной безопасности приоритет отдавался не состоянию защищенности, а последовательной, твердой и эффективной реализации ценностей и интересов в обстановке различных опасностей и угроз [5, с. 40]. Данное положение важно также и тем, что приоритет функций реализации национальных интересов перед их защитой позволяет придать политике и стратегии национальной безопасности активность, наступательность, а значит и результативность.

Исходя из вышесказанного, автор предлагает рассматривать национальную безопасность как «защиту национального бытия через реализацию национальных интересов, ценностей и целей» [11, с. 101].

Такая трактовка понятия «национальная безопасность» предполагает создание и функционирование системы противодействия адекватной угрозам и опасностям.

В связи с этим, автор отмечает, что национальная безопасность это не просто абстрактная научная категория, по сути которой можно вести споры до бесконечности, но в сложившихся геополитических, внутривнутриполитических, экономических, экологических, социальных условиях — в структуре политологического образования должна стать учебной дисциплиной теория и практика национальной безопасности.

Библиография

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
2. Закон РФ «О безопасности» от 05.03.1992 № 2446-1 (в ред. от 26.06.2008) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/ (дата обращения: 22.08.2018).
3. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
4. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. № 1 (174). 2000. 14–20 января).
5. *Манилов В.Л.* Национальная безопасность: ценности, интересы и цели // Военная мысль. 1995. № 6.
6. Методология военно-научного познания. М. 1977. С. 363.
7. *Митрохин В.И.* Концептуальные основы стратегии национальной безопасности России // Социально-политический журнал. 1995. № 6.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка М.: Русский язык. 1983.
9. *Платон.* Сочинения. В 3 т. М., 1971; Т. 3. Ч. 1.
10. *Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И., Ефимов Н.Н., Ковалев В.И.* Безопасность России и армия. М.: РАН, 1995.
11. *Труханов В.А.* Система национальной безопасности: влияние социального фактора (на примере казачества): Дисс. ... д. полит. н. Саратов: СГУ, 2003.
12. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 22.08.2018).

Цыбаков Д.Л.**МИЛИТАРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ТЕОРИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ**

В условиях формирования так называемого «нового мирового порядка» на состояние единого пространства безопасности планеты и на национальную безопасность России по-прежнему влияют факторы военной мощи и вооруженного насилия. Их сочетание и взаимное наложение на геополитические и политико-экономические противоречия между субъектами международных отношений инициируют новый виток милитаризации мировой политики. Об усилившейся глобальной милитаризации свидетельствует наращивание военных расходов государств земного шара, имеющее последовательный и устойчивый характер. Начиная с 1998 г. затраты 170-ти государств на оборону и безопасность выросли за следующие 10 лет более чем на 50%, составив к 2011 г. 1738 миллиардов долларов. [3, с. 16].

Отметим, что современная милитаризация не может быть сведена исключительно к военным приготовлениям и гонке вооружений. Процесс милитаризации политических отношений диалектичен во всех своих проявлениях. По поставленным задачам он ориентирован на военно-политическую экспансию (избыточная, агрессивная милитаризация), или же на защиту суверенитета и укрепление национальной обороны (милитаризация оборонного типа). Содержательно процесс милитаризации также имеет двустороннюю направленность: подчиняя социальные ресурсы военным интересам, с другой стороны, он распространяет принципы, методы и технологии вооруженной борьбы за пределы собственно военной сферы жизнедеятельности.

Милитаризация политики во все времена оставалась ведущим фактором, как определяющим проблемное поле глобальной и национальной безопасности, так и формирующим ресурсное наполнение защиты национального суверенитета и всей системы международных отношений. Милитаризация, не приводящая к радикальному слому социальных отношений, может выступать и прогрессивным фактором, повышая уровень безопасности личности, общества и государства. В противном случае она приводит к деформации политики, абсолютизации вооруженного насилия, развертывания военно-политической экспансии в глобальном или региональном масштабах. Однако в условиях глобализации накал конкуренции между субъектами международных отношений оказывается настолько высоким, что грани между «ограниченной» и «агрессивной» моделями военной политики стремительно исчезают.

Особенность современного этапа милитаризации политики в том, что в обстановке постбиполярности на международную и национальную безопасность оказывают прямое или опосредованное воздействие несколько вариаций рассматриваемого процесса. Многие региональные державы продолжают придерживаться принципов «классического милитаризма», который был характерен для традиционного и индустриального обществ. Указанный тип милитаризации остается ориентирован на территориальные захваты, культивирует национальное, расовое, религиозное превосходство. Его отличают прямые военные расходы, сохранение массовых армий, поглощение экономики системой военно-промышленного комплекса, насильственное подавление внутренней оппозиции. Наряду с архаичным для постбиполярного мира «классическим милитаризмом» серьезные вызовы и угрозы национальной безопасности России формиру-

ются со стороны его обновленных, модернизированных версий. Современные модели милитаризации «постиндустриального типа», присущие атлантическому сообществу, имеют принципиальные отличия. Как правило, истинные цели политики милитаризма в странах Запада прикрываются декларациями гуманитарного порядка, спекулирующими на проблемах общечеловеческих ценностей. Решающую роль в продвижении целей военно-политической экспансии приобретают передовые информационные и информационно-психологические технологии, которые позволяют камуфлировать милитаристские приготовления, девальвировать их опасность в глазах мирового общественного мнения.

Постиндустриальный милитаризм атлантического сообщества опирается на серьезную теоретико-методологическую основу, находя поддержку в воззрениях ведущих представителей политической мысли. Например, Ф. Фукуяма, по завершении «холодной войны» придерживавшийся идей об окончании эры войн и мировых конфликтов, в своих работах XXI столетия обосновывал необходимость способности субъектов нового миропорядка учреждать государственные институты в «менее организованных и более опасных странах» [4, с. 67].

Отмеченные трансформации обусловлены кризисом милитаристского мировоззрения в государствах «золотого миллиарда», порожденного угрозой ядерной катастрофы времен эскалации «холодной войны». Однако на рубеже XX-XXI столетий вдохновители военно-политического экспансионизма атлантического блока во многом пересмотрели цели и задачи своей международной стратегии, определили и внедрили в массовое политическое сознание стран Западной Европы и США сознанию вызовы, угрозы и образы вероятных противников атлантической цивилизации.

Закономерно, что в военных доктринах и концепция США и их союзников по НАТО, оказалось крайне идеологизировано функциональное предназначение вооруженных сил. Политическая составляющая в их деятельности на деле нередко оттесняет задачи сугубо военного порядка. Например, на территории конфликтов именно усилиями военных могут создаваться системы управления, устраивающие западные правительства. Проводятся такие мероприятия как «операции по стабилизации», и «реконструкции социально-политической системы государства» [2, с. 144]. Таким образом, на сегодняшний день создана идейная основа, превращающая вооруженные силы западных держав в инструмент реформирования политических режимов и систем государственного управления в оккупированном под тем или иным предлогом национальном государстве.

Третью версию современной милитаризации представляют военизированные негосударственные и транснациональные группировки и организации, по своей идейной направленности также нацеленные на изменение существующего мирового порядка. Зачастую их отождествляют с представителями международного терроризма, придерживающихся наиболее радикальных воззрений политического ислама. Особенность современного мироустройства, по мнению представителей политической теории, состоит в конкуренции между «глобальной иерархией» и противостоящими ей «глобальными размежеваниями» [1, с. 71–91]. Ослабление под натиском глобализации института суверенной государственности открывает широкие возможности для появления вариаций милитаризации, которые слабо связаны с государством в его традиционном понимании, что особенно характерно для стран «третьего мира».

Заявляя о себе, как об одном из ведущих акторов современного миропорядка, Российская Федерация также вынуждена определиться по поводу использования потенциала милитаризма в качестве ресурса своей политики безопасности. Используя

модель «достаточной, оборонительной милитаризации», при противодействии вызовам и угрозам национальным интересам страны, современная Россия сталкивается с усилением конфронтации со своими геополитическими соперниками, испытывает последствия всесторонних экономических санкций, втягивается в состязание разработки вооружений и военных технологий.

Необходимо учитывать, что обращение к потенциалу милитаризма в политике обороны и безопасности Российской Федерации по своей сути являются попыткой восстановить необходимый институт национального суверенитета после катастрофы 1990-х гг. Не вызывает сомнения, что постсоветская Россия не реализует стратегии глобальной экспансии на основе радикальной идеологической доктрины. Именно идейная ангажированность военно-стратегического планирования и внешней политики государства являются обязательным признаком милитаризации, который со всей очевидностью не применим к действиям России. Несмотря на нарастающую дестабилизацию мирового политического процесса, стратегической целью Российской Федерации остается достижение баланса сил между основными субъектами системы международной безопасности.

Библиография

1. *Барановский В.Г.* Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 71–91.
2. *Карякин Н.В.* Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. М.: Граница, 2011. 288 с.
3. *Панкова Л.В.* Военная экономика, инновации, безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 149 с.
4. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.

Юденков Ю.Н.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ АСПЕКТОВ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Формирование и реализация эффективной государственной политики современного государства определяется многими факторами, но базовым является устойчивость кредитно-финансовой системы. Пренебрежение к изучению и контролю ее функционирования чревато нарастанием общесистемного кризиса и разрушением национальной экономики. Для стабильности последней необходимо создавать финансовую безопасность, адаптированную к вызовам мировой экономики и ее регуляторным требованиям, поскольку стержнем современной экономики являются финансы. В общем случае под финансовой безопасностью мы понимаем обеспечение такого развития финансовой системы, при котором создаются необходимые условия для социально-экономической и финансовой стабильности развития страны, сохранения целостности и единства финансовой системы. В настоящее время огромное внимание обращается на физическую и информационную безопасность. Хотелось бы обратить внимание на изучение и преподавание особых аспектов финансовой безопасности.

Роль и значение кредитно-финансовой сферы в последние десятилетия кардинально изменились. Из скромного механизма обслуживания экономических процессов финансы превратились в «могучего джинна» современного развития экономики и общества, а в условиях растущей глобализации роль финансов в мировых экономических и политических отношениях все больше усиливается. Финансы все больше становятся достаточно самостоятельным сегментом экономики, обладающим колоссальным потенциалом.

Исходя из понятия государственных финансов можно определить понятие финансовой безопасности, которая включает безопасность: бюджетно-налоговой системы; кредитной системы; финансового рынка (рынок ценных бумаг); денежной и национальной платежной системы; валютного рынка.

В бюджетно-налоговой сфере можно отметить увеличение доли бедных слоев населения, увеличения разрыва между бедными и богатыми. Уравнительный подход в налогообложении бедных и богатых.

В кредитной сфере основная угроза — нарастание объема невозврата ссуд по потребительским кредитам и невозможность получения кредита предприятиями из-за высоких процентных ставок.

На рынке ценных бумаг основная угроза — в потенциальном массовом банкротстве акционерных компаний.

В денежной системе особых рисков нет, но платежная система пока не может считаться полноценной.

Валютный рынок обладает очень высокой волатильностью.

Общая угроза для финансовой стабильности государства — недостаточная эффективность функционирования мегарегулятора — Банка России и непродуманная политика Министерства финансов в области налогообложения. В истории человечества очень много примеров, когда в результате введения неразумных налогов рушились целые государства.

Особо в данном докладе хотелось бы обратить внимание на нарастающую монополизацию государством финансового рынка. В самом общем виде степень монополизации финансовых рынков может отражаться на различных аспектах функционирования экономики и общества в целом через такие аспекты как:

- качество предоставляемых потребителям услуг (качество отдельной услуги, общий ассортимент предоставляемых услуг, скорость, с которой эта услуга может быть предоставлена, отсутствие дополнительных условий в процессе представления услуг и т.д.);
- уровень цен на предоставляемые в рамках данного финансового рынка услуги. Этот аспект непосредственно связан как с предшествующим (качество услуг), так и рассматриваемым ниже (степень и характер регулируемости). Очевидно, что невозможно рассматривать уровень цен на ту или иную услугу независимо от качества этой услуги. В то же самое время уровень цен определяется (в большей или меньшей степени) характером и масштабами регулирования того или иного рынка;
- степень и характер регулирования на отдельно взятом финансовом рынке. Это регулирование может носить конкурентно рыночный характер. В этом случае формирование цен на услуги и качество их предоставления будут являться результатом взаимодействия конкурентных позиций отдельных операторов (хозяйствующих субъектов) такого рынка. Это регулирование может носить монополистический характер, когда цены, качество и другие параметры определяются тем или иным явным или скрытым соглашением.

Регулирование рынка может носить государственный характер и здесь следует иметь в виду два принципиально различающихся подхода к государственному регулированию. Первый подход — государственное регулирование рынка носит административный характер и осуществляется через систему нормативных актов и государственных институтов, выполняющих административно-контрольно-регламентирующие функции. В этом случае государство выступает как некая сторона, стоящая в известной степени над рынком и не являющаяся непосредственным участником такого рынка. Второй подход условно может быть назван государственно-монополистическим, поскольку в его рамках государственное регулирование осуществляется преимущественно через действия государства на конкретном рынке в качестве одного из его операторов. Речь идет от том, что государство на таком рынке выступает либо как продавец товара (услуги в части финансовых рынков), либо как покупатель. Только если доля государства в рамках конкретного рынка незначительна можно говорить о сохранении в целом конкурентного рыночного регулирования.

Однако такая ситуация встречается достаточно редко. В качестве относительно самостоятельной проблемы здесь можно выделить существенно более высокий уровень государственной зарегламентированности финансовых рынков по сравнению с товарными рынками, что объективно предопределяется ролью финансовой системы и банковской в первую очередь в функционировании экономики. Более высокий уровень зарегламентированности создает и объективно потенциально более высокий уровень монополизации, хотя бы за счет создания нормативных барьеров при вхождении на этот рынок (требование наличия лицензии, требования к масштабам уставного капитала, более жесткая нормативная регламентация деятельности, требования по резервированию и т.д.);

- уровень конкуренции и масштабы монополизации того или иного рынка непосредственно влияют на устойчивость в условиях конъюнктурных изменений. При прочих равных условиях более высокий уровень монополизации позволяет обеспечить и относительно более высокую конъюнктурную устойчивость такого рынка. Здесь важную роль играет характер монополий, действующих на таком рынке. Если оперирующие на рынке монополии носят преимущественно конгломеративный характер это повышает устойчивость рынка. Если монополии на конкретном рынке образованы преимущественно в рамках горизонтальной концентрации, устойчивость рынка может оказаться и не выше, чем в чисто конкурентной среде. В то же самое время высокий уровень монополизации того или иного рынка сам по себе еще не является гарантией устойчивости такого рынка.

Своеобразным продолжением предшествующего аспекта является отношение государства к сознательному использованию монополистических структур в условиях кризисных ситуаций. Фактически однозначно признается допустимым применение или активное использование монополий в рамках финансового сектора как инструментов государственного регулирования в рамках борьбы с кризисными явлениями.

На мировых валютно-финансовых рынках ежедневно прокручивается одиннадцать триллионов долларов (на фореке 6 трлн долларов). Это треть годового объема мировой торговли. Но из них лишь один — два процента операций обслуживают потоки реальных товаров и услуг. Все остальное спекуляции и махинации, «создающие» ныне львиную долю ВВП и возможности беспредельного обогащения.

Анализируя генезис финансов, можно отметить, что они — результат оценки социальных процессов и имеют технологическое происхождение. Финансы как ресурсы субъектов имеют длительный исторический путь развития в качестве средства оценки

и значимости ресурсов субъектов или объема потерь. Они — не только мир оценок и сравнений, но и специфическая форма деятельности, основанная на знаниях финансового «бытия» и развивающаяся сама по себе. Это своего рода финансовое производство со своими технологией, ресурсами, законами, формой объективной реальности.

Концептуально формирование эффективной системы финансовой безопасности должно опираться на создание комплексного мониторинга, т.е. многоуровневой и полномасштабной системы отслеживания динамики всех основных финансово-экономических процессов в стране. Очевидная сложность заключается в разработке точных критериев и уровней финансовой безопасности.

На динамику финансовой деятельности оказывает влияние комплекс факторов, относящихся к внутренним и внешним условиям деятельности предприятий. В странах с развитой экономикой финансовая несостоятельность предприятий на 1/3 обусловлена внешними факторами, а на 2/3 — внутренними. В российских условиях соотношение противоположное — преобладает влияние внешних по отношению к компании факторов.

Высокий уровень финансовой опасности для страны создают не только значительные по величине отклонения параметров функционирования финансовой системы от расчетных, нормативных значений в виде локальных «всплесков». Из опыта известно, например, что даже крупные всплески или провалы валютных курсов, курсов ценных бумаг удается гасить, если они не приобретают затяжной характер. В то же время весьма длительное действие не столь уж крупных по величине угроз способно подрвать безопасность в связи с действием эффекта «накопления».

Юрченко В.М.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Современная Стратегия национальной безопасности России, определяя национальные интересы и стратегические национальные приоритеты РФ на долгосрочную перспективу, особое внимание уделяет возрождению российских духовно-нравственных ценностей, формированию у молодежи достойного отношения к истории России, консолидации гражданского общества вокруг общих ценностей. К числу последних отнесены — свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм [1].

Продолжается развитие этой темы, Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период 2024 года» в сфере образования концентрирует внимание на воспитании гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и нравственно-культурных традиций [8].

«Миром правят идеи, правят ценности», — отметил Вячеслав Никонов, председатель правления фонда «Русский мир», председатель комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ. Наши идеи проросли в нашем национальном корне, считает он. Они позволяют нам достаточно точно переводить на русский язык все понятия и

идеи, которые используются в глобальном сообществе. Причем при переводе, общемировые ценности приобретают порой совершенно иной смысл [2, с. 6].

На наш взгляд соотношение наличия и эффективного воздействия на население, в первую очередь молодежь, духовно-нравственных ценностей представляет и научный и практический интерес. И надо добавит — требует значительных осознанных усилий, как со стороны власти, так и со стороны образовательных и культурно-просветительских учреждений. Достаточно проанализировать материалы ряда недавних социологических исследований, проведенных среди молодежи. К примеру, эмпирического исследования коллектива Государственного университета управления, объектом которого стала молодежь в возрасте от 16 до 27 лет. Наиболее проблемными являются следующие показатели. Более 14% респондентов считают, что ключевой ценностью российского государства является ориентация на западные ценности (как альтернатива — 56,8% выбрали патриотизм). 19,1% ответивших — скорее не одобряют ценности российского государства, чем одобряют. 9,1% — выбрали категорический ответ о неодобрения, а 14,6% молодых людей вообще не смогли ответить на этот вопрос. Каждый шестой респондент признался в том, что не относит себя к патриотам России. Каждый третий респондент заявил о том, что вообще не интересуется политикой и почти половина опрошенных не изъявили желания стать членом какой-либо партии, молодежной политической организации. Каждый пятый, готов в случае неблагоприятных непредвиденных обстоятельств уехать из России.

Лишь небольшая часть респондентов действительно готова отстаивать свои ценности и убеждения. Причем к этим ценностям они относят, прежде всего те, которые определяют зону их личного и социального комфорта [3, с. 54–58].

Другой материал, на примере Ростовской области, свидетельствует о необходимости комплексной перестройки подходов и методов реализации государственной молодежной политики. По мнению авторов, практически полностью отсутствует системная работа с молодежью в социальных сетях. На протяжении ряда лет на площадках общероссийских форумов, конкурсов, региональных мероприятий работает одна и та же группа молодых людей, формируя своего рода «закрытый клуб», у многих членов которого карьерные амбиции определяют подобное участие [4, с. 185–186].

Участники Всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе» отметили, что в центре идеологической борьбы находится проблема ценностных оснований, культуры, духовных традиций и всего политического бытия. В интегрирующееся мировое сообщество Россия должна входить с присущей ей системой ценностей, нравственных норм и ориентиров.

Сильное государство это мощнейшее духовное поле, это государство, способное выразить и защитить общественные интересы. Прослеживается также тесная связь принципов сильного государства и социальной справедливости. Причем проблема обеспечения национальной безопасности России требует не только говорить о возможности разработки государственной идеологии, но и реально обозначив те ценностные ориентации, которые определяют национально-государственную идеологию, также четко определить конкретные шаги по ее реализации в т.ч. среди молодежи (а может быть — в первую очередь среди молодежи. — Прим. автора) [5, с. 75–81; 6, с. 110–115].

В.И. Коваленко в ряде своих публикаций справедливо отмечает, что национальная идеология выступает духовной основой, духовным скрепом национальной идентичности. И эта идеология не может не носить интегративный, консолидирующий характер [7, с. 293].

Таким образом, Российское общество политологов обсуждая заявленную проблему, может определить свое отношение к ее практическому разрешению. Особенно в процессе преподавания гуманитарных дисциплин в вузах.

Библиография

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.6090952038254784#08136737218821091>
 2. *Никонов В.* Идеи русского мира для мира. Панельная дискуссия // Стратегия России. 2018. № 1. Январь, с. 6.
 3. *Чуев С., Тимохович А., Гришаева С.* Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. №11. С. 54–58.
 4. *Отроков О.* Новые вызовы молодежной политики: причины изменений и перспективы развития (на примере Ростовской области) // Власть. 2017. № 9. С. 185–186.
 5. *Коваленко В.И.* Ценностные основания консолидации Российского общества в условиях глобализирующегося мира // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции Краснодар-Сочи 13–15 марта 2017 г. Краснодар: Диапазон-В, 2017.
 6. *Юрченко В.М.* Национальная идентичность и политическая идеология // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции Краснодар-Сочи 13–15 марта 2017 г. Краснодар: Диапазон-В, 2017. С. 110–115.
 7. *Коваленко В.И.* Интеграционный потенциал государственной идеи // Политология: к осмыслению национальных интересов России. М., 2016.
 8. Указ президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>
-
-

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

Артамонова Ю.Д.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Исследования исторической памяти в нашей стране в большинстве своем сконцентрированы на проблемах символической политики (в т.ч. политики памяти); между тем, само историческое сознание не только не является «чистой доской», но и обладает собственными механизмами, которые существенно трансформируют «предлагаемые» исторические нарративы.

Попробуем взглянуть на конструкцию исторической памяти как на механизм отбора и переработки представлений о прошлом, являющихся достоянием не индивидуального, а минимально коллективного сознания (группы и более широких общностей), учитывая достижения прежде всего когнитивной психологии, а также эмпирические данные о характере исторической памяти.

При таком анализе как минимум необходимо выделить следующие важные моменты:

1. Историческая память — не последовательный нарратив, в котором есть взаимосвязь событий и даже банальная последовательность.

Одним из первых исследований в данном ключе начинает Ф. Бартлетт. Проводя опыты по запоминанию текста, он введет такое понятие, как «схема»; обработка определенного типа ситуаций не является организуемой каждый раз заново — существует некий динамический прототип, устойчивый, однако реорганизуемый в каждой конкретной ситуации; он «беднее» исходной ситуации: «прошлое действует больше как некая организованная масса, нежели группа элементов, в который каждый элемент хранит свой собственный признак» [17, 197]. И выстраивается не нарратив — через два года испытуемые могли вспомнить только то, что непосредственно было связано с схематизированной ситуацией, которую они сочли центральной. Последовательный нарратив — скорее, культурный навык, сложившийся в эпоху модерна, а не логика действительного функционирования памяти [1; 2; 4; 12; 13; 15], поэтому требования систематического последовательного исторического нарратива [см., например, 5; 8] для успешности политики памяти излишни.

2. Любое событие сохраняется не в полноте своих характеристик, а как «основное действие».

«В самом общем виде можно сказать, что знания о прошлом должны обеспечивать ориентацию во времени и социальном пространстве. С этой точки зрения, знание или незнание исторической конкретики (дат, событий, личностей) само по себе не может рассматриваться как свидетельство неинструментальности обыденных представлений о прошлом в целом» [14, 6]. Этот вывод коррелирует и с эмпирическими данными. Например, знакомая каждому россиянину фигура Петра I существует в исторической памяти отнюдь не в полноте и тем более полифоничности своей деятельности, равно и не в хронологической последовательности действий, как свидетельствуют исследования Института психологии РАН и МГППУ, проведенного в 2012 году и охватывающего 585 респондентов разных возрастных когорт в Москве. «При помощи тематического контент-анализа ответов на открытые вопросы были выявлены содержащиеся в коллективной памяти респондентов наиболее яркие сферы деятельности Петра I. 42% опрошенных ответили, что Петр I открыл «окно в Европу»... Вторым по частоте упоминаний (16%) значимым для респондентов достижением императора является создание морского флота. На третьем месте среди важных достижений оказалась реформаторская деятельность Петра I (13% упоминаний). Причем в большинстве случаев респонденты не давали указания на конкретные реформы, а говорили об абстрактных «массовых», «крупных» реформах, повлиявших на жизнь всей страны. Статистически значимых отличий между ответами респондентов из разных возрастных групп найдено не было» [6].

3. Это событие представлено через основное действие, которое не нейтрально — оно соотносится с жизненным опытом.

Согласно исследованиям под руководством Т.П. Емельяновой, каждая возрастная когорта «видит» тот срез реформ, который существенен для нее: «Анализируя ядерные элементы представлений о Петре I, можно видеть, что у старшей когорты ведущие места занимают элементы «Нововведения в армии и флоте» и «Период активной внешней политики и войн»... Старшие респонденты высоко оценивают военные реформы и военные победы императора в сопоставлении с обороноспособностью современной России и косвенно проявляют таким образом свою озабоченность... Средняя возрастная когорта через ядерные элементы представлений демонстрирует, прежде всего, свою заинтересованность реформаторской деятельностью Петра I... Младшая поколенческая когорта — студенты — в своих представлениях об императоре выдвигают на первый план «Потребность в изменении старого уклада жизни», «Установление дружеских отношений с разными странами» и «Стремление Петра I достичь уровня Европы» [6]. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги для объяснения снижения доли поклонников Петра I среди молодежи с высшим образованием с 65% в 1996 г. до 47% в 2008, считают, что «правомерно связать историю с социальным опытом сегодняшнего дня... Снижение значения образа Петра в глазах населения, в том числе наиболее образованной и приобщенной к процессам модернизации части молодежи, естественно интерпретировать как следствие некоторого разочарования в реформаторстве и «западничестве» [3, 203].

Бытовая интерпретация и переинтерпретация праздников ярко показывает соотношение с текущим жизненным опытом. Вряд ли, празднуя 23 февраля и 8 марта в России, мы вспоминаем в первом случае о создании рабоче-крестьянской Красной Армии; 8 марта тем более не является праздником развитого феминизма.

4. Речь идет об историческом опыте, а не о нейтральной информации — соответственно, конструкторы эмоционально заряжены, причем полярно (как позитив или негатив); при воспроизводстве схемы эмоциональная полярность сохраняется.

Интересно, что размышления историков философов истории [11; 12] совпадают с рассуждениями психологов [10] и данными социологов [см., например, 18; 19] — схемы

исторической памяти не нейтральны, а жестко поляризованы. Еще известный антрополог Б. Малиновский обратил внимание на устойчивую полярность сказаний: «Эти сказания живут в памяти человека, в способе их передачи и даже в еще большей мере в совокупном интересе, который не дает им умереть, который заставляет рассказчика пересказывать их с гордостью или печалью, который заставляет слушателя внимать им с нетерпением и завистью, пробуждает надежды и амбиции» [9, с. 103–104].

Достаточно в качестве примера сослаться на недавние жесткие споры в России вокруг установки памятников Ивану Грозному или князю Владимиру, переименования ряда станций метро («Войковская») или изображения исторических фигур в фильмах («Адмирал», «Матильда» и др.).

5. Это опыт — и, соответственно, он важен для принятия решений о действиях в современных условиях.

Достаточно вспомнить основной слоган празднования Победы в Великой Отечественной войне, который, кстати, разделяли представители всех социальных групп: «Если надо, повторим». Исследователи единодушны — значимость исторических фигур и событий связана с современными запросами носителей исторического сознания. Т.П. Емельянова и А.В. Кузнецова указывают: «Именно релевантность образа Петра I актуальному запросу на реформы и преобразования, видимо, становится ключевым фактором значимости фигуры этого исторического деятеля в представлениях различных возрастных когорт» [6]. Т.В. Евгеньева также подмечает «чересчур эмоциональное отношение сознания к историческим событиям давнего прошлого, усиливающееся в условиях кризиса. Такое отношение можно было наблюдать, например, среди участников массовых митингов в Татарстане в начале 1990-х годов, посвященных очередной годовщине взятия Казани войсками Ивана Грозного. Казалось, участники митингов воспринимали эту трагедию как происходящую здесь и сейчас» [5].

Библиография

1. Артамонова Ю.Д. Основные версии происхождения историзма // Эпистемология & философия науки. 2010. № 3. С. 169–185.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Историческое сознание молодежи // Вестник Российской Академии наук. 2010. Т. 80, № 3. С. 195–203.
4. Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 192 с.
5. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3–1. С. 158–167.
6. Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28 (электронный журнал). [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/809-emelyanova28.html> (дата обращения: 28.08.2018).
7. Междисциплинарные исследования памяти / Ред. А.Л. Журавлев, Н.Н. Корж. М.: ИП РАН, 2009. 283 с.
8. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114–130.
9. Малиновский Б. Миф в примитивной психологии // Малиновский Б. Магия, наука, религия. М.: Рефл-бук, 1998. С. 92–144.
10. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, избирательные и рекламные кампании. М.: Академия, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://temnyjles.narod.ru/Nzrtn/Tolpa.htm> (дата обращения: 28.08.2018).

11. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 28.08.2018).
12. *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
13. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
14. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания (учебное пособие для вузов). СПб.: Алетейя; М.: ГУ-ВШЭ, 2008. 523 с.
15. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 527 с.
16. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
17. *Bartlett F.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
18. *Borries B. von.* Europe's Past, Present and Future — Perceived by European Adolescents. A Cross-Cultural Study // History for today and tomorrow. What Does Europe Mean for School History? Joke van der Leeuw-Roord (Ed.). Hamburg, 2001. P. 179–204.
19. *Pandel H.-J.* Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // Geschichtsbewusstsein empirisch / Bodo von Borries (Hrsg.), 1991. Pfaffenweiler. P. 1–24.

Беспалова Т.В.

РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ОПЫТ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Мемориальная культура любого народа обычно связана с решением проблемы бессмертия. Коммеморативные практики позволяют увековечить национальную и культурную самобытность, преодолев временные рамки. Культура памяти включает в себя и социальное забвение, в отличие от мемориальной культуры. Мемориальная культура, ее содержание — это уже результат-следствие мемориальной политики, основанной на культуре памяти.

Институционализация памяти...Как она происходит? Возможно ли настолько неувловимое, сложно вербализуемое явление — институционализировать? Какие «сообщества памяти», социальные группы способны удерживать устойчивое содержание прошлого в своей памяти и транслировать его в необходимых формах с ориентацией на культурно-исторический контекст? Действительно ли можно вести речь об устойчивости национальной памяти, общих воспоминаниях/умолчаниях или это миф, необходимый для организации национального бытия?

Традиции мемориальной культуры складываются в России постепенно, история установки/сносения/восстановления памятников дает иногда больше исторического смысла, чем сам памятник. Одно из лучших отечественных исследований по русской мемориальной культуре и культуре памяти было проведено Святославским А.В., в своей работе он приводит любопытный пример установления Первого гражданского монумента стрельцам-мятежникам в 1682 году и его сносу через полгода в период правления Софьи. Зачем ставить мемориалы мятежникам? Далее, установка на том же месте столпа как памяти о победе царя над заговорщиками в петровскую эпоху,

конструкция дополняется пятью «рожнами», «на которые насадили головы казненных заговорщиков» и далее к установке устрашающего столпа на Красной площади после очередного стрелецкого восстания в 1699 году. Этот пример символизирует довольно устойчивую тенденцию мемориальной культуры и политики в России — сохранение мощи, державности, силы государства и в форме, и в содержании. Целью мемориальной политики было и остается — сохранение российской государственности. Не случайно в России так мало памятников известным народным предводителям — два Е. Пугачеву и один С.Разину. Важно, что эти памятники устанавливаются в советское время, когда борцы с царским режимом интерпретировались в героическом контексте. «Русский бунт», казалось бы, не получает особого отражения в мемориальной политике, однако история русской памяти бережно, даже с любовью, хранит воспоминания об этих исторических подлинно русских людях в иных формах — в русской литературе («Я пришел дать вам волю»), в песенной культуре («Из-за острова на стрежень...») и многих других вариациях народной памяти.

Мемориализация культурного наследия в современной России оказалась напрямую связанной с проблемой возрождения национальной памяти (память как культурный код). Национальную память предлагается рассматривать как память, которая организуется в русле формирования национальной и цивилизационной идентичности и соотносится с возникающим в обществе социокультурным запросом.

Например, некоторое время была обозначена государственная инициатива — актуализировать память о I Мировой войне, «забытой войне». По словам Президента, эта война оказалась забыта по причине нежелания большевистского руководства вспоминать о собственном национальном предательстве, определившем исход войны. 1 августа, начиная с 2013 года, становится днем памяти российских воинов — это дата вступления России в войну (остальные страны-участницы почитают память погибших 11 ноября — в день заключения перемирия между Германией и Антантой). Воскрешение памяти о героях I Мировой войны не означает их «оживления», это попытка власти вернуть память о героике этой войны в народную память. Возвращение воспоминаний — сложный процесс, невозможный без «ностальгии» по прошлому, без осмысления недавней утраты. Формы организованной патриотической памяти должны соответствовать социокультурному запросу общества. I Мировая война не так близка во времени, вновь «разыграть» прошлое и вдохнуть жизнь в историко-культурное наследие сопутствующее этому периоду российской истории — не так просто. Инициатива возвращения памяти о «забытой войне» вне сомнений — патриотична, но для ее реализации «люди должны захотеть писать, читать, снимать об этой войне...» [1].

Таким образом, российский (в том числе и советский) цивилизационный опыт мемориализации культурного наследия имеет три измерения: *мемориальная потребность; мемориальная культура и политика; долг памяти и право забвения*. Для возрождения национальной памяти в эпоху социальных перемен необходим не только активный субъект культуры, истории и политики, но и соответствующая историческим реалиям и русской традиции политика памяти/забвения, ее последовательная реализация.

Библиография

1. Малинова О.Ю. Увековечивание памяти о «забытой войне» и диллемы российской политики идентичности. [Электронный ресурс] <http://globalaffairs.ru/global-processes/Uvekovechivanie-pamyati-o-zabytoi-voine-i-dilemmy-rossiiskoi-politiki-identichnosti-16815> (дата обращения 15.07.2017).

Бубнов А.Ю.**ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И БОРЬБА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОШЛОГО
В ПОЛИТИЧЕСКОМ СЕГМЕНТЕ РУНЕТА**

Изучение взаимосвязи политики и памяти основывается преимущественно на исследовательской традиции разводящей спонтанную индивидуальную память и социально обусловленную коллективную память, «коллективные представления» Э. Дюркгейма. *Пытаясь определить* области коллективной памяти напрямую связанные с воздействием политического, исследователи указывают на коллективные представления, которые формируются под влиянием производства смыслов в публичном пространстве. Анализ публичной сферы позволяет изучать формы влияния современной политики и на интерпретацию событий прошлого, равно как и роль прошлого в объяснении современной истории.

Публичная сфера является пространством борьбы политических повесток, частью которых выступают различные интерпретаций истории. Можно назвать этот тип взаимосвязи истории и политики публичной исторической памятью, поскольку она вбирает как пространства публичной истории, так и публичной памяти. Публичная историческая память является результатом упрощения знаний, полученных через образование или через рецепцию различных точек зрения, бытующих в информационном пространстве, в частности в экспертной среде. Поскольку именно связанные представления об истории, а не единичные события, сильнее всего определяют коллективную память, речь идет о конкуренции нарративов, версий истории, пусть и несколько упрощенных, но, тем не менее, существующих на концептуальном уровне [1]. Благодаря виртуальному сетевому пространству доступ к каналам публичной коммуникации резко упростился, и в этом смысле дискуссионное ядро Рунета является базой для изучения исторических нарративов. Публичная историческая память имеет динамический характер, как это понимается в рамках процессо-реляционной методологии исследования коллективной памяти [3]. Историческая память меняется во времени под воздействием политического контекста и процессов, протекающих в публичной сфере, поэтому задача исследователя описывать конфигурации памяти, меняющиеся сцепления и соотношения исторических нарративов в различных коммуникационных полях. В этом смысле цифровые следы помогают понять процессы, связанные с производством различных способов интерпретации исторических событий и борьбой за их доминирование в публичном пространстве.

Другая сторона изучения публичной исторической памяти это ее связь с идеологией. Идеологии в политике выступают как «карты политического мира», организующие познавательный опыт людей в условиях хаоса интерпретаций и оценок действительности. Исторические представления, в свою очередь, играют важнейшую роль в структуре идеологии, отвечая за вопросы идентичности и организуя идеологические размежевания. Можно привести немало примеров того, как люди в рамках идеологических дискурсов сходно оценивают современное событие, но непримиримы в исторических спорах. Один из таких примеров, положительная оценка националистами и левыми присоединения Крыма, и непримиримая «война памяти» на фоне столетнего юбилея революции. Связь идеологий с историческими нарративами можно анализировать, например, в рамках методологии морфологического анализа идеологий М. Фридена [2]. В логике морфологического подхода идеологии являются иерархически связанными

системами, в которых концепты нижнего уровня используются для наполнения и определения концептов более высокого уровня. Если рассматривать полемические тексты с вплетенной в них исторической проблематикой как системы порождения смыслов, то, наряду с историческими образами и прецедентными именами, можно говорить об исторических концептах связанных в идеологические кластеры. Примером такой идеологизированной исторической полемики является борьба коммемораций, породившая многочисленные дискуссии в российском публичном пространстве, отраженные в Рунете. Памятные таблички двум деятелям российской истории Маннергейму и Колчаку, раскололи общество и вызвали столкновение альтернативных исторических нарративов о революции, гражданской войне и Великой Отечественной войне.

Коммеморация Маннергейма в Санкт-Петербурге стала попыткой закрепить в публичном пространстве официальный нарратив о революции 1917 года — идею примирения и согласия. Попытка снять красно-белый конфликт через расширение списка исторических фигур «тысячелетней истории» натолкнулась на публичную память о Маннергейме, как о соучастнике блокады Ленинграда. Впрочем, согласие все же было достигнуто, если не в форме проработки трудного прошлого, то по факту сближения противоположных идеологических позиций. Отрицание Маннергейма как пособника Гитлера и сепаратиста (не помогла и служба в Русской императорской армии), объединило и левых и правых. Однако итогом этой борьбы коммемораций стала скорее победа левых, которые активно использовали негативный образ Маннергейма для продвижения собственного нарратива о революции, в котором антибольшевистские силы являлись не носителями альтернативного проекта русской государственности, а пособниками интервентов. Этот исторический нарратив лежит в основании идеологического концепта о революции как единственном выходе России из тупика периферийного капитализма, в свою очередь являющегося одним из центральных концептов исповедуемой КПРФ лево-консервативной идеологии.

Другой пример с мемориальными досками А.В. Колчаку (в Санкт-Петербурге и Севастополе), вновь актуализировал красно-белый раскол, вызвав столкновение в публичном пространстве противоборствующих нарративов и основанных на них идеологий. Итогом действий по реабилитации Колчака («полярный исследователь») могла стать реализация модели «согласия и примирения» по образцу американской гражданской войны — «храбрые южане». При общем признании победы красных, частичная реабилитация белых, как носителей альтернативного проекта, обладавших своей особой правдой и доблестью. Однако, как показывает анализ публичной полемики, этому препятствует специфическая симметричная организация просоветского и антисоветского нарративов о гражданской войне. Важнейшую роль в полемике играет нарратив национальной измены — «Колчак брал деньги у англичан». Аналогичный нарратив «Ленин брал деньги у немцев», используется противниками левых. Такую же симметрию можно наблюдать и в полемике вокруг террора, когда в рамках левого нарратива уживается осуждение колчаковских репрессивных мер и оправдание красного террора как необходимой самообороны. Как видно из данного примера, публичные исторические нарративы о гражданской войне выстроены преимущественно вокруг вопросов о допустимости тех или иных методов политической борьбы, а не вокруг сравнения красного и белого проектов.

Специфика организации нарративов о гражданской войне циркулирующих в публичном сетевом пространстве, существенно влияет на конфигурации полей публичной исторической памяти, что в свою очередь сказывается на балансе сил доминирующих в российском обществе идеологий.

Библиография

1. Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 37–56.
2. Freedon M. Ideology: A very short introduction. Oxford: Oxford univ. press. 2003.
3. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

Габеркорн А.И.**КОНЦЕПТ ПАТРИОТИЗМА
В ПОЛИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹**

На сегодняшний день, способность политических субъектов конструировать государственную, гражданскую идентичность на основе патриотического тренда, ставит проблему роли концепта патриотизма в символической политике.

Данная роль настолько велика, что, патриотизм в современной России часто называют государственной идеологией. Это не совсем вяжется с официальной доктриной, отраженной в Конституции РФ, согласно которой: «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1]. В 2013 г. депутат Государственной думы VI созыва — Е.А. Федоров выступил с инициативой внесения поправок в Конституцию РФ, в частности изъятия п. 2 из ст. 13. Спустя три года подобная инициатива о пересмотре Конституции РФ в части идеологии была выдвинута лидером политической партии «Справедливая Россия» — С.М. Мироновым. Хотя эти инициативы не нашли должной поддержки в Государственной думе, сама тенденция весьма показательна. Тем более, что, хотя официальные власти России неоднократно подчеркивали, что никаких поправок в Конституцию вносить не планируется, при этом отмечали, что России нужна, если не идеология, то национальная идея, основу которой как раз должна составлять патриотическая концепция [2].

На протяжении всего развития государства историческая политика использовалась, в первую очередь, для легитимации действий существующей власти, а политика памяти — для формирования коллективной идентичности, которая призвана эту деятельность поддерживать [3]. Начиная с 2000-х гг. новый концепт патриотизма, содержательно включал в себя уже в меньшей степени дореволюционного, а в большей степени — социалистического мифа. Смысловым ядром этой концепции стала победа в Великой Отечественной войне.

На наш взгляд, патриотизм отнюдь не должен отождествляться исключительно с жертвенностью, как это иногда происходит в случае использования его в манипулятивных целях. В обычной, неэкстремальной ситуации патриотическим поведением в обществе являются любые действия по выполнению гражданского долга. На самом деле, патриотическими следует признать любые действия, осознаваемые как соответствующие интересам государственных институтов, социально одобряемые обществом или социальной группой, и поэтому оцениваемые как нравственные.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-411-860001.

Такой подход к определению патриотизма используется, в частности, в качестве методологической основы в ходе социологических опросов, проводимых в ХМАО-Югре лабораторией социологических и правовых исследований СурГУ.

Например, еще в 2012 году, с целью выяснить, какие именно общие ценности и в какой мере являются идентификационными символами нации в глазах югорской молодежи, респондентам был задан вопрос о том, чем, как граждане России, они могли бы гордиться? Наибольшее число молодых людей, — трое из каждых четырех опрошенных — в качестве события, которым можно гордиться, назвали победу в Великой Отечественной войне. На втором месте респонденты указали в качестве предмета гордости «историю страны» вообще.

Аналогичные результаты были получены и в 2015 году. Так среди предметов гордости, отмеченных югорчанами, на первом месте оказалась победа в Великой Отечественной войне, которую отметили 65% опрошенных, а на втором — «история страны», нашедшая отклик среди 23% респондентов.

Еще меньшая доля опрошенных в качестве предмета гордости отметили «место России в мировом сообществе» (5,3%) и «культурное наследие» (5,3%). Чуть более 1% югорчан (1,4%) указали на «демократические преобразования» в стране.

Достаточно интересны и показательны результаты исследования, проведенного в марте 2018 года. Согласно данным опроса, патриотические установки в сознании югорчан достаточно крепки, подавляющее число респондентов 80% так или иначе считают себя патриотами. Лишь 12% заявили о своей «непатриотичности», еще 8% затруднились с самоидентификацией. Однако, в среде патриотически настроенных респондентов лишь половина — 39,5% твердо считают себя патриотами страны, другая половина — это «умеренные» или «скорее патриоты», разделяющие идеи патриотизма с определенными условиями.

В отношении государства, в сознании всех респондентов, независимо от их патриотической настроенности, существуют базовые ценности, которые, по их мнению, должны определять вектор государственного развития — справедливость, правовая защищенность, социальное равенство и патриотизм. Для группы «патриотов» также важны ценности национальной безопасности и уважения к традициям, на их взгляд государство, прежде всего, должно быть «сильным и безопасным». Группа «умеренных патриотов» занимает среднюю позицию за «сильное и свободное государство». Как появление силы государства, способного обеспечить свою безопасность и защитить свои природные ресурсы от захвата внешними врагами, оцениваются респондентами, особенно «патриотами», внешнеполитические действия России на Украине и Сирии.

В сознании респондентов патриотизм, в первую очередь, ассоциируется с гордостью за страну, в особенности за достижения в историческом прошлом, им гордятся большинство респондентов — 60%. Гордость у респондентов вызывают и достижения российского народа в науке, культуре, спорте.

Одобрение у респондентов вызывает только внешняя политика, ассоциирующаяся у респондентов с тремя политическими деятелями — президентом России В.В. Путиным, министром иностранных дел С.В. Лавровым и министром обороны С.К. Шойгу. Внутри страны действия власти хоть и воспринимаются как легитимные, но оцениваются негативно и не имеют поддержки у респондентов.

Любовь к Родине и гордость за ее исторические достижения как основание патриотизма чаще всего не находит подкрепление фактором «личного участия» и ответственности за происходящее в стране. Лишь четверть респондентов считают, что

быть патриотом — значит быть ответственным за страну, действовать во благо своей Родины, хорошо выполнять свою работу.

Уровень общественно-политической активности респондентов сравнительно невысок. Только при участии в президентских выборах электоральная активность держится на уровне 70%. Отказ от участия в выборах более характерен для группы «не патриотов», и чаще всего связывается с недоверием к выборам.

Таким образом, двойственность сознания югорчан проявляется в том, что, отождествляя себя с патриотами, они поддерживают, главным образом, внешнеполитический курс, проводимый властью. В то же время, граждане занимают весьма пассивную позицию в решении местных вопросов, не рассматривают общественно-активную позицию в качестве выполнения патриотического долга.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 11.07.2018).
2. Песков Д. России нужна не идеология, а национальная идея. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1163424> (дата обращения: 11.07.2018).
3. Семячко А. Политика памяти: как и зачем государства формируют свою историю. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/politics-of-memory> (дата обращения: 11.07.2018).

Казаринова Д.Б.

ДИСКУРСЫ ПАМЯТИ, «ПОХИЩЕНИЕ ИСТОРИИ» И МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННЫМ ОБЩЕСТВАМ

Вопросы памяти, истории, идентичности, миграции — это вопросы большой политической и социальной значимости, которые становятся все более актуальными. В транснациональную эпоху «имеет смысл... развивать более широкий лексикон, чтобы исследовать сферу, связанную с личностью, общением, миграцией и этнической принадлежностью в современном мире» [2].

Исследования подобного рода, затрагивающие проблемы идентичности и memory studies базируются на конструктивизме как методологическом подходе, который предполагает, что люди в своем взаимодействии выступают как ценностно-рациональные субъекты (Смогунов, 2009), также часто используется нормативный подход для определения вектора эффективной политики исторической памяти, например, в случае России и постсоветского пространства.

Как правило, представители memory studies отталкиваются от работ М. Хальбвакса, Б. Андресона, Э. Хобсбаума, П. Рикера, Я. Ассмана и др. При анализе исторической памяти в контексте миграционных вызовов Дж. Нуариель опирается на подход школы Анналов Ф. Броделя и П. Нора. Отечественная школа изучения исторической политики и политики памяти сосредотачивается в рамках идентитарных исследований: О.Ю.Малинова, И.В.Самаркина, В.И.Пангин и др. [5].

Главная функция политики памяти — «формирование исторической компоненты политической картины мира» [Самаркина, 2017], для чего формируется нарратив, базирующийся одновременно на научных представлениях историков и массовых формах общественного дискурса.

В российском общественном дискурсе параллельно сосуществуют ряд наиболее влиятельных систем взглядов, которые называет публицист Ю. Сапрыкин:

1. Государство-центричный нарратив о многовековой конфронтации России с Западом и чередой перемежающихся периодов сильного централизованного государства, которым сопутствовали сила и величие России, модернизация и расширение границ, и смуты — децентрализации и дезинтеграции политической, экономической и социальной сферы, приводящих страну на грань распада. Этот условно консервативный подход поддерживается государственной политикой памяти, провластными СМИ и общественными деятелями. основополагающим (центральным) событием для этого дискурса является Победа СССР в Великой Отечественной и Второй мировой войне.

2. Человекоцентричный нарратив о многовековой конфронтации русского общества и власти, подавления индивидуума государством-Левиафаном. Этот условно либеральный подход поддерживается широкими кругами либерально ориентированной части гражданского общества (Мемориал, Ельцин-центр), соответствующими СМИ и общественными деятелями. Для этого дискурса основополагающим событием является окончание Холодной войны и крах СССР, несшего тяжесть вины за сталинский террор.

3. Становящийся альтернативный дискурс молодого поколения публицистов О. Кашин, Ю. Дудь, отчасти М. Зыгарь и др., который делает попытку преодолеть дихотомию консервативного и либерального дискурсов. Они отказываются от попыток поиска «золотого века» российской истории и подчеркивают ее сложность и противоречивость, претендуя на внеидеологичность нового поколения. Таким образом, основополагающее событие в этом дискурсе не просматривается или относится к будущему.

4. Дискурс «частной истории», ориентирующийся на семейную и индивидуальную историческую память, в попытках из разрозненных правдивых историй создать общую неидеологизированную картину российской истории от частного к общему.

Такое многообразие основных и широко разделяемых в обществе дискурсов порождает сложность и часто противоречивость российской политики памяти. Это выражается в том, что «В современной российской политике памяти происходит наложение во времени двух моделей: модели конструирования нового исторического нарратива и не отработанной до конца модели «проработки трудного прошлого» [Самаркина, 2017, 668]. Соответственно и практики, поддерживающие нарратив, часто представляются хаотичными в попытках сопряжения эклектичного набора социально-демократических, либеральных, консервативных, державно-патриотических ценностей [6, с. 80].

В сознании россиян наиболее значимыми ценностями являются «порядок», «справедливость» и «стабильность». Сегодня наиболее актуализированными в сознании всех поколений россиян являются ценности безопасности или материалистические ценности (в терминологии Р. Инглхарта). Именно они составляют основу существующей в массовом сознании единой системы групповых политических ценностей, выражающейся в таких понятиях, как «мир», «порядок», «законность», «суверенитет», «патриотизм», «свобода», «справедливость». В то же время в рамках исторической и символической политики наблюдается опасное заигрывание с милитаризмом, которое концентрируется в формулировке «можем повторить». Это подмена памяти о Войне как «победы над фашизмом» на «победу над Западом» очень опасна, она ведет к разрушению общества.

Пример такой подмены центральных сюжетов исторической памяти мы видим сегодня на примере Е.С. Шарвен называет это «похищением истории» [1]. Коллективная идентичность ЕС строилась на памяти о большой европейской войне, Холокосте и, в меньшей степени, колониализме. В 90-е годы XX века эта память стала вытесняться

более подходящей для новых членов ЕС из ЦВЕ идеей «порабощенных народов» (Captive nations) и их освобождения от России [4] в рамках концепции Дж.Буша-старшего «Целостной, свободной и мирной Европы». Произошла подмена понятий и концептов, их итогом стал кризис солидарности в отношениях между старыми и новыми членами ЕС, так как общая идентичность не выдерживает испытания со стороны миграционных вызовов.

Те большие сообщества и интеграционные блоки, где потенциально возможна конвергенция ценностей мигрантов и принимающих обществ на основе общих референций в политике памяти в перспективе более устойчивы. Становление (или воображение в терминах Б.Андерсона) наднациональных политических образований требует непротиворечивой политики, в том числе политики памяти, которая апеллировала бы как к опыту коренной части общества, так и мигрантов. В условиях евразийской интеграции общие вехи исторической памяти и конструирующих событий потенциально непротиворечивы (и консервативный, и либеральный дискурс обращается к опыту всего постсоветского пространства), а миграция в этом смысле не становится вызовом для принимающих сообществ, в отличие от европейских стран.

Библиография

1. *Charvin R.* Faut-il détester la Russie? Vers une nouvelle guerre froide. Investig'Action, 2016.
2. *Glynn I., Kleist J.* (Ed.) History, Memory and Migration. Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation. Palgrave Macmillan, 2012.
3. *Noiriel G.* Immigration, collective memory and national identity in France. University of Coimbra 12.04.2012. URL: <https://www.ces.uc.pt/projectos/tolerance/media/Noiriel%20-%20Immigration%20identit%e9%20nationale.pdf>
4. *Sakwa R.* Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge University Press, 2017.
5. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание/ Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2017.
6. *Селезнева А.В.* Динамика изменения политических ценностей в постсоветской России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1 (37).
7. *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. Политические исследования, 2009. № 1. URL: <http://old.politstudies.ru/fulltext/2009/1/9.htm>
8. Юрий Сапрыкин: «Русская душа покупает успех только в комплекте со страданием». URL: <https://republic.ru/posts/89179> (дата обращения: 26.01.2018).

Петровичева Е.М.

РОЛЬ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ

Важнейшей проблемой воспитания молодого поколения является формирование активной гражданской позиции. Незаменимую роль в решении этой задачи играет знание школьниками и студентами основ Отечественной истории, постижение особенностей формирования и развития российской государственности, изучение исторического опыта гражданской активности, местного самоуправления, деятельности общественных институтов и структур.

Не случайно одной из главных задач школьного курса Отечественной истории, по мнению авторов концептуальных основ историко-культурного стандарта, является формирование гражданской общероссийской идентичности. В концепции отмечается, что в новых учебниках должен быть сделан акцент на идее гражданственности, прежде всего при решении проблемы взаимодействия государства и общества, общества и власти.

Решение этих задач в вузовском курсе отечественной истории облегчается в связи с тем, что современная наука представляет более разнообразную, чем ранее социальную проблематику. Историки обратились к фундаментальному изучению гражданских инициатив как важного фактора модернизации страны. Дискурсом исследований последних лет является возникновение и деятельность общественности, плюрализма политических воззрений, открытое соперничество ценностных систем [1, с. 9]. Это также важно в связи с поставленной задачей формирования у учащихся ценностно-ориентированного подхода к историческому процессу. Развитие социальной истории и так называемый «cultural turn», произошедший в современной исторической науке, позволили во многом по-новому посмотреть, в частности, на историю позднеимперской России и увидеть реальные позитивные подвижки в сфере экономического и социального развития. Предметом исследования становятся различные добровольные ассоциации и общественные организации, благотворительность, студенческое движение, и, конечно, земское самоуправление. Историки все больше обращают внимание на дискурсивный характер урегулирования конфликтов (вместо ограничительного или насильственного) и подчеркивают, что политическая культура России того периода все более и более базировалась на понимании и компромиссе. Действия в стране, где возникают элементы гражданского общества [3, с. 289], все чаще рассматриваются историками как коммуникативный процесс, а из ценностных установок выделяются такие как терпимость, добровольное принятие на себя ответственности, самоорганизация, гражданское мужество и др. Тем не менее, ряд исследователей не без основания трактуют категорию гражданского общества не только как интеграционное, но и как конфликтное понятие [4; 2, с. 51–70].

Гражданская позиция молодежи формируется не только на занятиях, но и во внеаудиторное время. «Уроки истории», которые во Владимирском государственном университете понимаются широко (это и лекции, и семинары, и публичные дискуссии, и круглые столы для молодежи), нацелены на формирование граждан — патриотов своей страны, что особенно актуально в современных международных условиях. Именно поэтому, учитывая недостаточность часов, выделяемых на обучение истории России как для студентов-историков, так и, в особенности, для студентов непрофильных специальностей, преподаватели Владимирского государственного университета решили проводить в вечернее время дополнительные занятия, на которые могут приходиться как студенты, так и школьники, и работающая молодежь.

ВлГУ является опорным вузом Владимирского региона, обладающего древней историей и богатыми социо-культурными традициями. Именно здесь в XII–XIII веках сформировались политические особенности российской государственности, унаследованные позднее Москвой. Трудно найти более подходящую почву для формирования историко-политического и духовно-воспитательного пространства, нежели Владимирская земля. Владимирский государственный университет уделяет очень большое внимание историко-патриотическому воспитанию студенческой молодежи. В рамках научно-образовательных проектов опорного вуза реализуется дискуссионная молодежная площадка «Накоротке с губернатором. «Колыбель государственности: размышления

над Клязьмой». Площадка действует на базе Федерального образовательного центра «Патриаршие сады» — на историческом месте, где предположительно находилась резиденция великого князя Андрея Боголюбского, заложившего основы Российской государственности. Спикерами выступают представители владимирской областной администрации, молодежных общественных организаций, известные российские политики, профессора из Московских и Санкт-Петербургских вузов.

Участники дискуссионной площадки — наследники древней столицы обсуждают вопросы, затрагивающие роль Владимирского края в формировании Государства Российского; вопросы гражданственности, взаимодействия государства, органов самоуправления и общественных организаций в истории и современной России. На площадке проводятся мероприятия по обсуждению таких важных проблем как «Владимирский край в революции 1917 г.: взгляд через столетие»; «Эволюционный и революционный пути развития в судьбах российской государственности: историческая ретроспектива и вызовы современной действительности»; «Владимирский край в годы Великой Отечественной войны»; «Сохранение исторической памяти и противодействие попыткам искажения истории».

Важно помнить, что История Отечества — это важнейший инструмент, который воспитывает гражданскую позицию у молодежи и формирует нацию.

Библиография

1. *Пиетров-Энкер Б., Ульянова Г.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007.
2. *Петровичева Е.М.* Земства Центральной России в период думской монархии (1906-первая половина 1914 г.). М., 2001.
3. *Селунская Н., Тоштендаль Р.* Зарождение демократической культуры. М., 2005.
4. *Шутов А.Ю.* Местное самоуправление и гражданское общество в России: прошлое и настоящее // Pyongyang: Kim Il Sung University, 2012.

Подшибякина Т.А.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

Историческая память, феноменальное социальное явление, как объект познания давно стала междисциплинарным понятием и привлекает исследователей из разных научных областей, но при всем этом еще недостаточно изучена. В «серую зону» научного дискурса входят такие принципиальные вопросы как теория, методология и методы исследования проблем исторической памяти, т.е. не получили должного освещения парадигмальные характеристики объекта исследования. Одной из самых востребованных прикладных тем является изучение возможностей управления процессами формирования исторической памяти. В научной интерпретации — это проблема конструирования социально-политических и культурных процессов, в частности, об-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-00906 А.

ретенция человеком гражданской, культурной или национальной идентичности. Конструктивистский подход, как известно, разрабатываемый Э. Геллнером, Б. Андерсоном, Э. Хобсбаумом, предполагает, что идентичность конструируется элитой при помощи различных институциональных и коммуникативных технологий. К коммуникативным практикам можно отнести средства символической политики, формирование единых средств массовой информации, историческую политику, национальную политику; к институциональным формам — возможности создание структур национальных организаций, институтов образовательной, культурной и экономической интеграции.

Инструментом конструирования исторической памяти в повседневной практике и является политика, ее цель заключается в легитимации политического режима, мобилизация граждан на поддержку политических различных проектов, выстраивании коммуникации власти и общества. Открытым как в научном, так и в официальном дискурсе является вопрос о соотношении понятий «историческая политика», «политика исторической памяти» или их полной идентичности. Во многом ответ на этот вопрос зависит от позиции государства, официального наименования политического курса, который оно проводит, и в обществе этого ждут уже давно. С 2010 года власть, наконец, стала системно работать в направлении создания институциональных условий для формирования исторической памяти. В 2011–2012 годах в Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека действовала рабочая группа по исторической политике, сейчас работает постоянная комиссия по исторической памяти. Однако по-прежнему не удается пока закрепить нормативно на доктринальном уровне ни концепт «исторической политики», ни «политики исторической памяти». Результатом деятельности комиссии по исторической памяти стала лишь концепция государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий (2015). С инициативой **разработки концепции государственной исторической политики России выступают некоторые общественные организации**

Мы разделяем позицию тех авторов, которые не отождествляют понятия «историческая политика» и «политика памяти». (В.А. Ачкасов, О.Ю. Малинова, А.И. Миллер, В.Ф. Иванников, Р.Э. Герман, Д.Г. Горин, В.Э. Молодяков, В.В. Наухацкий, Е.А. Ростовцев). Историческая политика — частный случай политики памяти, характеризуется главенствующей ролью государства и использованием его огромного ресурсного потенциала, институциональных и информационных возможностей. Историческая политика в XXI веке проводится любым государством с определенными целями воздействия на историческое сознание граждан и социальных групп, прежде всего, для легитимации собственной власти и укрепления позиций правящего режима [1; 3].

Как бы кто ни относился к государственной исторической политике, усматривая в ней технологию конструирования исторической памяти, инструмент пропаганды или мобилизации общества, принципиальное значение имеет тот факт, существует ли в обществе социальный запрос на разработку официальной политики в области истории или исторической памяти. **Своеобразным индикатором общественного мнения стало обсуждение разработки единого учебника истории.** По данным ВЦИОМ 2013 года 46% россиян в той или иной степени было известно о разработке единой концепции истории и идеи последующей подготовки на ее основе единого учебника истории. 58% поддерживают эту инициативу. Против 16%, но 89 из них не могут аргументировать свою позицию. [2]. Среди исследователей общественного мнения существует точка зрения, что слабое знание фактов отечественной истории во всех социальных слоях объясняется прежде всего тем, что в этом виновато государство, не сформировавшее

свое видение исторического процесса, не использующее весь свой пропагандистский арсенал для продвижения исторического знания в общественное сознание в самых различных коммуникативных формах.

Поскольку нет официально поддержанной концепции исторической политики или политики исторической памяти, то огромное значение приобретает официальный исторический нарратив, позволяющий всем, кто хочет быть ориентированным на мнение власти, получить такую возможность. Под историческим нарративом в этимологическом, широком смысле понимается «повествование», более узких толкований достаточно много, например, «смысловая схема, которая описывает генеалогию макрополитического сообщества/ нации и «объясняет», каким образом его прошлое «определяет» его настоящее и будущее». Официальный нарратив нашедший отражение в текстах, нормативных актах представляемых государственной властью или политическими элитами эволюционировал от «новой России» в эпоху Бориса Ельцина к «тысячелетнему великому государству» в президентство Дмитрия Медведева [4, с. 139].

Современное состояние проблем исторической политики выявил столетний юбилей революции 2017 года, который наглядно продемонстрировал разрыв между потребностью в коллективной рефлексии и достаточно скромным уровнем проведения торжеств, практически отсутствием официальных оценок и интерпретаций революционной эпохи в текстах или интервью. Но это тоже политика: нивелировать все коммуникативные акции, способные работать на укрепление оппозиции — как наследников идей «красных», так и радикально либеральных «белоленточников» накануне президентских выборов. Общий лейтмотив непосредственно юбилейных мемориальных мероприятий — всеобщее примирение, дань памяти всем погибшим в этой общенациональной трагедии. Политическая установка на такую трактовку событий была дана Владимиром Путиным в президентском послании 2016 года, где он заявил: «Уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, укрепления общественного, политического гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. Недопустимо тащить раскол и злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь» [5].

Особое место в официальном историческом нарративе занимает личное восприятие и интерпретация исторических событий политическим лидером. Что касается персональных исторических предпочтений Президента России, нашедших отражение политике коммеморации, то это личность реформатора П.А. Столыпина, памятник которому был установлен в 2012 году возле Дома Правительства РФ, философ, сторонник Белого движения И.А. Ильин и А.И. Деникин, лидер Белого движения, останки которых были перевезены из-за рубежа и торжественно перезахоронены в 2005 году в некрополе Донского монастыря в Москве с государственными почестями. В 2009 году на месте захоронения был открыт Мемориал белым воинам. Символизм события упокоения лидеров белого движения заключается в стремлении к примирению в исторической памяти «красных» и «белых» как жертв революционных событий и гражданской войны в России.

Подводя итог данному краткому введению в проблему использования официального исторического нарратива в исторической политике, можно констатировать, что в России историческая политика еще не оформилась нормативно, концептуально и институционально, а официальный исторический нарратив не может ее полноценно заместить, что свидетельствует об отсутствии на данный момент у власти потребности системно использовать этот инструмент в государственном управлении.

Библиография

1. Ачкасов В.А. «Историческая политика» и конструирование национальной идентичности постсоветских государств. Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. Пермь, 2014. С. 20–24.
2. ВЦИОМ. Единый учебник истории: за и против. Данные опросов № 2373 | 16 Августа 2013. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=125>.
3. Историческая политика в XXI веке [Текст]: [сборник статей] / Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 646 с.
4. Малинова, О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. 2016. № 6. С. 139–158.
5. Послание Президента Федеральному собранию 2016 года //

Черняховский С.Ф.

О КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Периодически возобновляемая полемика по поводу объективности и научности того или иного исторического исследования сама по себе вызывает ряд и соображений уже не только ситуативного — но сущностного характера — вопроса о том, что все-таки есть историческое исследование и что и как мы изучаем, говоря, что изучаем историю.

Сегодня основная задача восстановления целостного и позитивного видения истории — рассмотрение истории России/СССР с позиции Позитивной Истории. Это не означает отказ от изучения и признания ее сложностей, противоречий и трагедий. Но это означает признание простого и на самом деле очевидного факта: страна существует более тысячи лет, большую часть своей истории — играет ключевую роль в развитии мировой цивилизации — и при всех трагедиях недавнего прошлого — сохраняет суверенитет, свою культуру и свою самоидентификацию и мощный научный и промышленный потенциал. Это позволяет утверждать, что она обладает в целом позитивным балансом в сравнении успехов и неудач. Принцип позитивной истории предполагает, что история страны может и должна быть рассмотрена в целом как история успехов, преодоления препятствий и разрешения противоречий;

- политическое значение развития классической исторической науки и принципа позитивной истории — изучение и пропаганда объективного знания о прошлом страны, укрепление оснований для гордости за страну и ее историю, воспитание национальной уверенности в силах и возможности страны, здорового гражданского патриотизма, сохранение интеллектуального суверенитета страны, ее ценностных стержней и историко-культурной самоидентификации.

И здесь действительно встает вопрос о типе объективности, истинности и научности в историческом исследовании. Именно в связи с тем, что история и ее трактовки — слишком сильно вторгаются в область уж сегодняшних политических интересов.

Как было сказано в одном из когда-то очень популярных старых советских фильмов «Застава в горах»: «Если враг вблизи твоих границ заинтересовался далеким прошлым — нам нужно задуматься о ближайшем будущем».

Собственно, вновь стоит вопрос: история — является наукой, или это лишь конъюнктурная интерпретация прошлого. Она обладает характеристиками объективности — либо только обслуживает некие сегодняшние интересы. И в где, собственно, критерий научности исторического исследования.

Понятным выглядит стремление увидеть в истории как науке лишь процесс выявления и установления исторических фактов. Однако ровно в тот же момент когда мы с этим согласимся, возникнет и иной вопрос — что считать фактом в истории — и вопрос этот старый, также имеющий традицию множества трактовок. Кто-то даже утверждает как очевидность, что *работы, основанные на принципах учета тех или иных социальных (классовых, национальных) интересов — стоят за пределами науки. Тогда не совсем понятно, как вообще можно изучать историю, где главным действующим лицом являются люди и социальные группы — отказываясь от рассмотрения и учета их интересов.*

Кто-то также утверждает, что поскольку целью науки является поиск истины, то попытки заменить факты мифами — подрывают основы научного взгляда на мир. Тогда также непонятно, как можно изучать историю людей. Отвлекаясь от владевших ими взглядов — то есть как раз мифов, утопий, надежд и стремлений.

Кто-то, напротив, станет утверждать, что истории, как объективности нет — и есть только собрание легенд, выгодных либо невыгодных с точки зрения тех или иных сегодняшних интересов. Но тогда все равно встанет вопрос, что любая легенда, для того, чтобы обслуживать те или иные интересы, должны обладать некой силой привлекательности — то есть опираться на объективно существующее историческое основание. И чем дальше она от него окажется — тем в итоге дефектнее окажется и она, как основание некоего сегодняшнего поведения и действия.

И вот здесь — суть того о чем идет спор. И с чем нужно четко определиться и что осознать и утвердить.

Первое. Бесспорно, целью науки является выявление истины. Даже не поиск — поиск это процесс, который подчас теряет смысл, если не ведет к достижению цели. Вопрос в чем мы видим истину: в выявлении бесконечного множества фактов — или в установлении связей между фактами, выявлении закономерностей и законов, действующих в истории — в их в своем сегодняшнем и будущем действии.

Критерий истины — все-таки практика. Верно ли мы поняли уроки прошлого — проверяется эффективностью наших действий в настоящем и будущем.

Второе. История не существует без фактов. Но факты — это не только некие события. Идеи и мифы — это тоже факты. И их влияние на жизнь и поведение людей факты — тоже исторический факт.

Что, собственно такое, МИФ? — «Надежда, наполняющая смыслом коллективное действие» (Л.С. Санистебан).

Не видеть в мифе факта исторической реальности, — значит не видеть в качестве главного элемента и факта истории — реального человека. То есть, не видеть в мифе факта — значит перестать быть историком.

Третье. Сами исторические факты — даже самые, казалось бы, «фактологизированные» — существуют для нашего сознания не как историческое событие, которые мы могли бы наблюдать как очевидцы, а как отражение восприятия других историков и свидетельств очевидцев.

Все исторические факты существуют для нас, как уже отраженные и преломленные через сознание, и, соответственно, определенные социальные интересы своего класса,

нации, времени. И это «преломление», которое мы должны учесть и преодолеть в исследовании — тоже есть исторический факт.

Третье/дробь. Здесь проблема во многом ровно та же, какой она оказалась для классической физики в начале XX века, когда внезапно выяснилось, что невозможно с равной точностью измерить одновременно и скорость и местоположение частицы. Для физики это обернулось сначала кризисом, а потом — созданием теории относительности.

Просто физики столкнулись с проблемой относительности собственных выводов лишь сто лет назад — а историки знали об этом всегда.

Четвертое. Если мы признаем в качестве задачи исторического исследования познание и выявление законов исторического исследования и признаем либо предполагаем факт существования таких законов — мы должны признавать, что эти законы не могут действовать иначе, чем через волю и действия людей и социальных групп: наций, классов, этносов, слоев, страт. Воля и действия людей и групп определяются их конкретно исторически определенными социальными интересами — и это тоже есть исторический факт и его выявление и учет — есть задача исторического исследования.

Пятое. Осмысление и оценка исторического события не может производиться без учета степени его соответствия тем или иным интересам.

Шестое. Принято считать, что в современном обществе в течении примерно пятидесяти последних лет последовательно реализуются следующие задачи: 1. обеспечение национального суверенитета страны, безопасности и возможности выживания человека; 2. равенство граждан перед законом; 3. равные права на участие в политической жизни; 4. обеспечение социальных гарантий для каждого гражданина; 5. обеспечение для гарантий жизни в условиях здоровой природной среды.

К этому стоит добавить и **6. Обеспечение для каждого человека гарантий права на сохранение привычной для него культурной среды.**

Так или иначе, все эти права — может гарантировать для человека только государство, точнее — оно для того и существует, чтобы гарантировать для человека соблюдение этих прав, благо, как известно, «право — ничто, без силы, способной принудить к соблюдению этого права».

За всеми этими правами стоят определенные **интересы**, которые вместе можно отнести к широко понятому **национальному интересу страны**. Но для того, чтобы выполнять эту функцию, государство в первую очередь должно быть суверенным, национально-независимым, не зависящим в своих решениях и действиях от воли, решений интереса других стран и международных центров силы — что, собственно, и есть **национальный интерес в непосредственном виде**.

Седьмое. Исторически, эти задачи выполняются последовательно. Поэтому, при изучении того или иного исторического периода, — на первый план выходит оценка исторических событий с точки зрения их значимости для решения той из названных задач, которая оказывается наиболее актуализированной и доминирующей для общества на данном этапе.

Можно сказать, что сначала на первый план выходит задача формирования современных наций и их суверенитета, следом — задача разрешения антагонизма между классами, и, наконец — задача обеспечения возможностей для свободного и всестороннего развития каждого человека.

Но, при прочих равных, последующая задача не решается без решения предыдущей. И страна, не сумевшая обеспечить свою национальную независимость — не сможет решить ни задачи классового противостояния. Ни задачи свободного развития каждой личности.

Поэтому, в конечном счете, оценка никакого исторического события не может не включать в себя ее оценку с точки зрения ее сохранения национального суверенитета и обеспечения ее национальных интересов.

Восьмое. При изучении каждого этапа, как и говорилось, будут доминировать критерии с точки зрения тех задач, которые решаются обществом в изучаемый период. Но и на каждом этапе развития общества для исторической науки будут становиться более значимыми для изучения и оценки те стороны исторического развития, которые созвучны задачам, решаемым в данный момент. Если общество находится на этапе решения задач классовой противостояния — его внимание сосредотачивается на истории социальной и классовой борьбы. Если для него актуализируется проблема защиты национального суверенитета — для исторических исследований актуализированным становится внимание к тем вопросам в истории, которые позволяют дать ответ на вопросы обеспечения суверенитета.

- Поэтому, в частности, в отечественной исторической науке в 20-е годы усиливается акцентировка истории социальной борьбы, в 30-е годы — коренные жители республики;
- внутренние мигранты из других регионов России, в частности, из республик Северного Кавказа (Дагестана, Ингушетии, Чечни и др.);
- адыги — репатрианты из Косово;
- внешние мигранты (адыги и не-адыги) из Турции, Сирии, Иордании и других стран, прибывшие в Адыгею для проживания;
- внешние мигранты-мусульмане из стран СНГ, Азии и Африки, временно пребывающие на территории Адыгеи с целью получения высшего образования и т.п. [2, с. 40].

Обращение к концепту мусульманской идентичности связано с возрастающей ролью исламского факторов в политической жизни современных государств. Также предполагает возможность оценить особенности политического поведения мусульман, которое проявляется неоднозначно в современных условиях, когда одной из главнейших проблем человечества стал религиозный экстремизм, окрашенный в цвета Ислама. В этой связи особое внимание следует уделять концептуальному анализу вызовов исламского «пробуждения» и особенностям мусульманской идентичности.

Таким образом, рассмотрение религиозной идентичности в качестве объекта политологического анализа предполагает ответы на важные вопросы, ряд которых поставлен в данной статье.

Библиография

1. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия Политология. 2017. № 4.
2. Ляушева С.А., Жаде З.А. Концептуальные подходы к исследованию феномена религиозной идентичности // Наука: комплексные проблемы. 2018. № 1.
3. Нунуев С.М. Риски политизации исламской идентичности в современной России (на материалах Северного Кавказа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 2.
4. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010.
5. Сабирова Г.А. Мусульманские идентичности, поколения и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ интеракции и динамики. М.: РОССПЭН, 2008.

МЕСТО И РОЛЬ ЭТНОПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Жаде З.А.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Преобразование принципов самоидентификации ведет к изменению идентичности всего общества, тенденция к усложнению идентичности приводит к распространению практики многоуровневой идентичности. Структура идентичности и содержательное наполнение тех или иных ее составляющих постоянно модифицируется. Осознание и принятие индивидом какой-либо идентичности несет в себе определенный риск, особенно если она связана с религиозной сферой.

Анализируя данную проблему, следует учитывать, что в современном мире происходят политизация религиозного фактора, которая представляет собой сложный процесс, связанный с использованием религиозных ценностей в политических целях.

В течение ряда лет коллектив ученых Адыгейского государственного университета занимается проблемами идентичности, рассматривая ее как многоуровневое и сложноструктурное явление [4]. При этом анализируются различные уровни идентичностей, их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Религиозная идентичность – это концентрированное выражение мировоззрения. Современный многополярный мир нуждается в новой духовной модели, которая оказалась бы плодотворной, выступила бы в качестве конструктивного ответа на вызовы глобализации и обогатила бы поликультурное и поликонфессиональное пространство.

В мультикультурной/поликультурной среде можно наблюдать множественную религиозную идентичность. Так, история распространения у адыгов христианства, а затем и ислама, позволяет говорить о феномене двоеверия, если не на уровне религиозного сознания, то на уровне обрядово-культурной практики определено. Различные конфессиональные идентичности совмещаются непротиворечиво, но вероятно и возможно возникновение сложных духовных конфликтов, которые имеют длительную историю.

В основу типологии религиозной идентичности может быть положена степень выраженности и интенсивности религиозно-мировоззренческой определенности: от низкой и слабовыраженной до нетерпимой, фанатичной и радикальной.

В этой связи всегда актуальной является проблема соотношения разных видов и уровней идентичности – этнической, религиозной, гражданской, национальной, гендерной, возрастной и т.д. В разные периоды развития личности или группы, в разных культурно-исторических условиях, в рамках той или иной доминирующей политиче-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ НШ-6738.2018.6 «Ислам в региональном социокультурном пространстве России: диагностика состояния и трансформаций (на примере Республики Адыгея)».

ской доктрины либо под воздействием определенных жизненных ситуаций религиозная идентичность актуализируется, при этом другие уровни идентичности подавляются или подчиняются.

Религиозная идентичность представляет собой форму самосознания, построенную на осознании своей принадлежности к определенной религии и формирующая свои представления посредством соответствующих религиозных догм. Разновидностью данного уровня идентичности выступает мусульманская (исламская), которая для полиэтничной и многоконфессиональной России является наиболее рискогенной. Об этом свидетельствуют исследования идентификации в регионах с преобладающим мусульманским населением.

Влияние религиозного фактора на многоуровневый процесс идентификации относительно недавно стало привлекать внимание исследователей. В современном дискурсе конструкция «мусульманская идентичность» используется ограниченно, и в большинстве работ содержание самой категории остается не проясненным, отсутствует однозначная точка зрения на содержательные компоненты мусульманской идентичности.

Уяснить употребление данного термина не всегда просто, как правило, нужно исходить из общего контекста той работы, в которой это понятие употребляется. Так, И.В. Кудряшова полагает, что мусульманская идентичность не тождественна исламской [1, с. 351]. Г.А. Сабирова рассматривает «мусульманскость» как совокупность качеств через артикуляцию проживания которых воспроизводится принадлежность к исламской традиции [5, 524]. С.М. Нунуев ведет речь об исламской идентичности, которая, по его мнению, становится основанием групповой солидарности и мобилизации, политического позиционирования [3, с. 67].

Мы разделяем концептуальные суждения И.В. Кудряшовой, согласно которым мусульманская идентичность разнообразна и динамична; ее следует рассматривать и как состояние, и как процесс. Другими словами, мусульманская идентичность, как и любая другая, не статичное явление и она подвержена изменениям, поскольку именно в сфере межконфессиональных отношений модифицируются религиозные нормы и поведенческие модели [1, с. 352].

Мусульманская идентичность представляет собой разновидность социальной идентичности, на формирование которой могут оказывать воздействие религиозные институты, организации, объединения. Она, как и другие уровни идентичности, демонстрирует многообразие современного социума.

Формирование мусульманской идентичности происходит наряду с формированием других уровней идентичности, однако имеет свои специфические особенности. К числу рисков мусульманской идентичности следует отнести: разделение на суннитскую и шиитскую ветви; выделение региональных блоков; выделение трех типов стран с мусульманским населением. Исходя из этого, сложно предсказывать, какое место займет данный вид в иерархии идентичностей в том или ином регионе.

Обсуждая вышесказанное, важно подчеркнуть, что процесс самоидентификации личности претерпевает существенные изменения, что отражается в понятии «мусульманская идентичность». Проблемные вопросы данной области знаний, на наш взгляд, еще недостаточно четко определены, понятийный аппарат находится в стадии формирования, а основные направления исследований требуют всестороннего изучения и обсуждения.

Обращение к концепту мусульманской идентичности связано с возрастающей ролью исламского фактора в политической жизни современных государств. Также предполагает возможность оценить особенности поведения мусульман, которое про-

является неоднозначно в современных условиях, когда одной из главнейших проблем человечества стал религиозный экстремизм, окрашенный в цвета Ислама. В этой связи особое внимание следует уделять концептуальному анализу вызовов исламского «пробуждения» и особенностям мусульманской идентичности.

Далее следует акцентировать внимание на том, что одним из вызовов глобализации сегодня является миграция. Миграционные потоки, захлестнувшие мир, грозят существенным образом изменить социокультурную ситуацию в странах с традиционным культурным, социально-политическим устройством, повлиять на существующие социальные институты и т.п.

Говоря о Республике Адыгея, следует отметить, что внутренняя и внешняя миграции последних десятилетий привели к тому, что можно наблюдать изменения и в социокультурном пространстве региона. К примеру, ислам в республике сегодня демонстрирует различные версии и, как следствие, разные типы религиозной идентичности.

К примеру, «карта» ислама в Адыгее может быть представлена так:

- адыги – коренные жители республики;
- внутренние мигранты из других регионов России, в частности, из республик Северного Кавказа (Дагестана, Ингушетии, Чечни и др.);
- адыги – репатрианты из Косово;
- внешние мигранты (адыги и не-адыги) из Турции, Сирии, Иордании и других стран, прибывшие в Адыгею для проживания;
- внешние мигранты-мусульмане из стран СНГ, Азии и Африки, временно пребывающие на территории Адыгеи с целью получения высшего образования и т.п. [2, с. 40].

Обращение к концепту мусульманской идентичности связано с возрастающей ролью исламского факторов в политической жизни современных государств. Также предполагает возможность оценить особенности политического поведения мусульман, которое проявляется неоднозначно в современных условиях, когда одной из главнейших проблем человечества стал религиозный экстремизм, окрашенный в цвета Ислама. В этой связи особое внимание следует уделять концептуальному анализу вызовов исламского «пробуждения» и особенностям мусульманской идентичности.

Таким образом, рассмотрение религиозной идентичности в качестве объекта политологического анализа предполагает ответы на важные вопросы, ряд которых поставлен в данной статье.

Библиография

1. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия Политология. 2017. № 4.
2. Ляужева С.А., Жаде З.А. Концептуальные подходы к исследованию феномена религиозной идентичности // Наука: комплексные проблемы. 2018. № 1.
3. Нунуев С.М. Риски политизации исламской идентичности в современной России (на материалах Северного Кавказа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 2.
4. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляужева, А. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010.
5. Сабирова Г.А. Мусульманские идентичности, поколения и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ интеракции и динамики. М.: РОССПЭН, 2008.

Рамазанова Ф.М.

БЕЛЬГИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МИГРАНТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

В данной работе представлена практика Королевства Бельгии в регулировании интеграционной политики в отношении мигрантов. Работа опирается на проведенные исследования в Бельгии и ее опыт в разрешении проблем интеграции мигрантов. Исследование было проведено при поддержке Стипендии Президента для обучения за рубежом в 2015–2016 гг.

Бельгия являет собой уникальный пример в этнополитике, поскольку практика этой страны совмещает в себе два совершенно разных подхода в интеграционной политике: ассимиляционный и мультикультурный. Последовательная трансформация Бельгии из унитарного государства в федеральное, с высоким уровнем автономии для федеральных структур, началось с фламандского национального движения и ответной реакции франкоговорящей части [5, 884]. В 1980 годах интеграционная политика мигрантов переходит под юрисдикцию регионов. Начавшиеся дебаты по вопросам единой модели интеграционной политики обозначили еще более явственное разделение мнений и невозможность определения общего направления [2, 28]. Как результат, региональная интеграционная политика Бельгии поделена на валлонский подход ассимиляции против фламандского мультикультурализма [4, 37]. Начавшиеся дебаты по вопросам единой модели интеграционной политики обозначили еще более явственное разделение мнений и невозможности определения общего направления.

Вертикальное взаимодействие между правительством и федеральными структурами, и горизонтальное — между кантонами, свелось к минимуму после перехода полномочий по интеграционной политике. Даже если и межведомственные собрания по вопросам интеграции, проводимые с 1989 по 1999 годы, позволили различным правительственным главам встретиться, это не приводило к созданию общих проектов, финансируемых из федеральных средств. Эти проекты дополнялись к политике федеральных структур и не мешали последним идти по разным путям по вопросу интеграционной политики. С 2016 года Валлония присоединилась к программам интеграции для лиц из стран третьего мира и снова запустила обязательное образование для новоприбывших мигрантов, как и Фландрия [1].

Зарубежная литература, в особенности бельгийская, подробно описывает законодательный момент становления и развития интеграционной политики. Для анализа о результате проведенной интеграционной политики было проведено интервьюирование чеченской диаспоры в Бельгии. Поскольку чеченская популяция представляет собой относительно молодую категорию мигрантов, это позволяет проанализировать эффективность интеграционной политики Бельгии за последние 15 лет. В ходе исследования были проведены опросы и интервьюирование чеченской диаспоры в 3-языковых кантонах Бельгии.

Парадокс бельгийской интеграционной политики заключается не только в ее устройстве, но и противоречии на внутреннем уровне. Так называемый «парадокс либерализма», определенный Лиавом Оргадом [3, 53], находит свое отражение в валлонском регионе Бельгии, где под яркие лозунги о защите общеевропейских ценностей свободы и равенства развертывается обратная действительность. В соответствии с бельгийским законодательством любая официально оформленная некоммерческая организация, представляющая какую-либо нацию или религиозное течение, в праве

проводить собственные внутригрупповые или общественные мероприятия. Для осуществления культурной деятельности государством предоставляется финансирование на проектной основе. Тем не менее, в реализации данной программы существует ряд препятствий для свободной и доступной самоорганизаций. Основные проблемы сопряжены, в первую очередь, с доступом к информации и недостаточной юридической грамотностью для оформления проектов и подачи заявок, что для новоприбывших мигрантов является практически невозможным.

При рассмотрении интеграционной политики во Фландрии, отмечается более эффективная интеграция и включение в общество. Во Фландрии политическая активность населения выше чем в Валлонии, что подтверждается высокой гражданской позицией. Получившие гражданство мигранты выдвигают свои кандидатуры в муниципальных выборах, позволяя выбранным кандидатам представлять интересы своей диаспоры. Помимо этого, данный регион отличается высоким уровнем заработной платы и возможностью трудоустройства в сравнении с Валлонией, что, тем самым, вызывает уже внутреннюю миграцию.

Мигранты, заинтересованные в повышении уровня жизни, быстрее включаются в жизнь принимающего общества, изучают языки в зависимости от региона, что также необходимо для получения гражданства. В соответствии с бельгийским законодательством, лицо получившее гражданство юридически более не имеет статус мигранта, а соответственно, является уже интегрированным в общество. Понятие национальности имеет единственную категорию — это фактическое гражданство. Таким образом, все представители нации становятся автоматически «бельгийцами», поскольку получение гражданства снимает категорию «национальности».

Важно отметить, что интеграционная политика Бельгии, как и других стран-членов ЕС, регулируется общеевропейским законодательством и европейскими институтами. ЕС предоставляет самостоятельный выбор государствам в определении концепции интеграционной политики в соответствии с политическим устройством или исторической традицией той или иной страны. Первые шаги на пути к общеевропейским положениям об интеграции мигрантов в страны ЕС положили Лиссабонский и Амстердамский договоры. Принятые положения определили полномочия стран-членов ЕС в проведении интеграции лиц из третьих стран, проживающих на территории ЕС, подчеркнули необходимость борьбы против дискриминации и неравенства по этническому или религиозному признаку. Тем не менее, интеграционная политика мигрантов в странах ЕС всё еще носит разрозненный характер в отсутствие общеевропейской концепции, регулирующей форму и характер интеграционной политики на местах.

Таким образом, политика интеграции Бельгии являет собой, своего рода, пример ЕС, где в каждом отдельном регионе проводится обособленная политика. Это вызывает еще более сильные расхождения в разногласиях между Валлонией и Фландрией по вопросу выхода последней из состава Бельгии. Однако, позитивный опыт некоторых интеграционных проектов можно рассматривать в качестве примера, в том числе, и для нашего государства, где этнополитические вопросы становятся всё более актуальными с ростом политической и гражданской позиции.

Библиография

1. Информационный ресурс по приему и интеграции мигрантов в Бельгии, URL: <http://www.vivreinbelgique.be/sejour-en-belgique/accueil-et-integration-des-primos-arrivants> (дата обращения: 10.05.2018).

2. *Martiniello M.* Philosophies de l'integration en Belgique // *Homme et Migrations*. 1995, 1193. P. 24–29.
3. *Orgad L.* Illiberal Liberalism: Cultural Restrictions on Migration and Access to Citizenship in Europe // *American Journal of Comparative Law*. 2010. Vol. 58(1). P. 53–106.
4. *Rea A., Jacobs D.* Construction et importation des classements ethniques. Allochtones et immigrés aux Pays-Bas et en Belgique // *Revue européenne des migrations internationales*. 2005. Vol. 21(2). P. 35–59.
5. *Swenden W., Jans M.* Will it stay or will it go? Federalisme and the sustainability of Belgium // *West European Politics*. 2006. Vol. 29(5). P. 877–894.
6. Treaty of Lisbon (2007), *Official Journal of the European Union*, 360.
7. Treaty of Amsterdam (1997), *Official Journal of the European Communities*, 340.

Толкунов Н.С.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Этнические общности как в прошлом, так и в настоящем играют большую роль в общественной и политической общества. Ведь в процессе социализации и политизации страны обретают статус наций-этносов. Все те предположения об исчезновении и стирании границ между этносами не сбылись, а, наоборот, мир столкнулся с новой волной роста национального самосознания. Даже «плавильные котлы» не смогли искоренить их многие самобытные характеристики. Там, где о них забывают и пытаются ассимилировать, они вновь и вновь начинают напоминать о себе. При изменении социально-политических, социально-экономических условий нации-этносы более интенсивно стараются искать пути своего социального и политического самоутверждения. Они пытаются показать, что вполне жизнеспособны и устойчивы как в рамках существующих государствах, так и вне их, поскольку история показывает, что полиэтничные государственных образования распадаются, но сами этносы не исчезают [1, с. 6]. Именно здесь и проявляется значение этнополитики для всего политологического образования, так как многие этнонациональные процессы проходят на фоне конкретных политических реалий. В зависимости от условий проживания этносов, и экономического положения будет отличаться их отношение к действующей политической власти.

Смысл этнополитики в рамках политической науки заключается в обустройстве наций-этносов в современных условиях. Этносы-нации могут выступать как объектом, так и субъектом политических процессов. Национальность понимается как в значении этничности, так и в ее гражданской форме. Сегодня в рамках этнополитики мы можем наблюдать противоположные тенденции: с одной стороны, многие склонны утверждать о развитии процессов глобализации и интернационализации во всех сферах жизнедеятельности, с другой — наблюдается обострение чувства национального самосознания, национального обособления [2, с. 19].

Этническая идентичность с ее этнокультурным компонентом взаимодействует с идентичностью, но уже в качестве явления политического. В связи с этим мы можем обнаружить взаимозависимость между этничностью и смыслами российской нации, а также между феноменом гражданской нации и формулой российской нации. Для

успешного социально-культурного развития нашего общества важно понять, что только нация способна вобрать в себя все этнокультурное. И только после этого, когда она превратится в единый политический организм, можно будет говорить о способности гражданской нации противостоять различным вызовам и угрозам многосоставного общества. Поэтому высшему руководству страны необходимо проводить работу в направлении закрепления в массовом сознании смыслов и символов нации [4, с. 185].

Этнополитика отвечает за обеспечение взаимодействия, адаптации, развития этносов в конкретном обществе. Первоочередной задачей является недопущение и разрешение конфликтов, которые могут возникнуть при отстаивании своих политических интересов и участии в работе политических институтов. Будучи составной частью политологического знания, этнополитика помогает соблюсти баланс этнонациональных и государственно-национальных интересов, а также обеспечить их гармоничное взаимодействие. В этом и заключается научная и политическая актуальность этнополитики в вопросе формирования общегражданского самосознания.

Сфера межэтнических отношений полна различных предубеждений, многие из которых неверные. В связи с этим чрезвычайно важно найти пути их преодоления. Одной из главных причин появления подобных предубеждений является социальное расслоение общества. Если чувство классовой солидарности присутствует, то оно способно преодолеть многие расовые, национальные и этнические предубеждения [3, с. 30].

В то же время попытки продемонстрировать уникальность каждой этнической общности, противопоставление их друг другу, концентрация внимания на их культурной самобытности способствуют развитию интолерантных настроений в обществе, встают на пути становления общегражданской нации. Все это происходит по причине отсутствия у политических менеджеров профильного этнополитологического образования. Весь спектр проблем Россия унаследовала из СССР, где понятие «национальность» означало «этническую принадлежность», тогда как в остальном мире — «гражданство». Однако стоит признать, что в Советском Союзе в массы был внедрен концепт «советского народа» как политической общности, а после его распада российские политические элиты ничего не предложили взамен.

Напротив, специалисты по внутренней политике, как правило, стараются относить этнические сообщества к отдельным акторам общественно-политических отношений, а также стараются поставить этничность в оппозицию гражданству [6, с. 257]. Этнические сообщества противопоставляют в культурном плане основной части общества, что приводит к позиционированию этническими сообществами себя как экстерриториального образования, которые являются составной частью внегосударственных культурных сообществ, а не составляющей гражданской нации. Сохранение этнокультурной самобытности является чрезвычайно важным аспектом успешного развития той или иной этнической общности. Однако для ее сохранения необходимы действия со стороны представителей самой группы, но никак не со стороны политических менеджеров, которые порой вынуждены действовать под давлением этнических антрепренеров и «сухих» показателей успешности реализации Стратегии национальной политики. К примерам подобных квазисообществ можно отнести: «тюркский мир», «славянский мир», «арабский мир», а также «финно-угорский мир», который начал интенсивно развиваться только в 90е годы XX века.

Как уже говорилось, подобные процессы обусловлены принятием неправильных решений в профильных структурах, сотрудники которых не получили этнополитологического образования. Проблема кадрового обеспечения сегодня только начинается

решаться. В поликонфессиональной России этнокультурное просвещение направлено не на укрепление общегражданской идентичности. Было бы целесообразным уже на школьном уровне ввести предмет, направленный на развитие гражданского согласия. Таковыми могли бы стать уроки по граждановедению. В то же время, во многих республиках РФ широко преподаются дисциплины, которые направлены на развитие этноцентризма, а не на знакомство подрастающего поколения с теми общенациональными достижениями, которые были достигнуты в тесном сотрудничестве всех этнических групп в рамках общегражданской нации. Все это является следствием проблемы кадрового обеспечения, которая, в свою очередь, обусловлена проблемой преподавания этнополитики. Именно по этой причине стали разрабатываться различные учебные курсы по этнополитике, которые направлены на познание этнополитических процессов.

Этнополитология является больше прикладной дисциплиной, поскольку, как было сказано выше, ее главным смыслом является обустройство наций-этносов в современных условиях. Этнополитология — это не столько теоретическая дисциплина, сколько прикладная, а потому ее методы ориентированы на конструктивно-прикладное осмысление этнополитических реалий. При выстраивании процесса преподавания данной дисциплины необходимо делать акцент на проблемах политизации этничности, ее опасности для формирований общегражданской нации, а не на формах самоопределения элит или формах участия органов государственной власти в сфере этнополитики [1, с. 5].

Этничность является достаточно самостоятельным политическим ресурсом. Этот ресурс возможно представить в разных масштабах: как ресурс общегосударственного значения; как региональный политический ресурс при отстаивании своего особенного положения в сообществе; как локальный ресурс в борьбе за политическое влияние на местном уровне. Стоит отметить, что не все исследователи разделяют данную точку зрения, поскольку этничность может отойти на второй план, когда один из субъектов ее актуализации, обретет политическое господство [5, с. 122].

В купе с разработкой и смещением акцентов преподавания учебных курсов по этнополитике для специалистов, следует обратить внимание и на школьные программы. Возможно влияние на общественные настроения в вопросах построения нации через введение курсов граждановедения, социальную рекламу, задействовать общественные институты. Российская Федерация сегодня нуждается в эффективном менеджменте в сфере этнополитики, поскольку от успешности ее реализации зависит то, каким наше государство будет в ближайшие десятилетия.

Библиография

1. *Ачкасов В.А.* Этнополитология: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.
2. *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология. СПб.: Питер, 2004.
3. *Нурканов А.А.* Этнос и место этнического самосознания в процессе формирования этнополитической общности // *International Journal of Professional Science. Political Science.* 2016.
4. *Савинов Л.В.* Региональная этнополитика в условиях социального транзита (на примере Сибирского федерального округа): Дисс. ... докт. полит. наук. М., 2013.
5. *Шабает Ю.П.* Этнополитология и этнополитика в современной России: теория и политические практики // *Человек. Культура. Образование.*, № 1(15). 2015. С. 92–132.
6. *Шабает Ю.П., Садохин А.П.* Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014.

ЭЛИТОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Капто А.С.

ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Политический элитизм и лидерство феномены политической жизни, связанные с осуществлением властных структур в государстве и обществе. Их изучение — задача прежде всего политологии. Но разработка и применение в политической практике этих концепций просто не мыслимы без учета этического фактора, т.е. без политической этики. Политическая элита — это особая социальная группа, избранная часть общества, занимающая определенные позиции в пирамиде власти и основанная на глубоких внутренних связях входящих в нее политиков, сплоченных соответствующими ценностями, приоритетной в числе которых является власть, обладающая относительной политической самостоятельностью и высоким уровнем социальных привилегий. Элиты объединены общими властными интересами, они оказывают через государственные и общественные институты серьезное влияние на все стороны политического процесса: завоевание реальной власти и обладание ее рычагами, сохранение своей монополии на нее, участие в принятии наиболее важных стратегических решений в различных областях жизнедеятельности (политической, экономической, культурной, социальной и др.), уменьшение (а если есть возможность, то и недопущение) влияния на указанные явления своих оппонентов, контрэлит.

В истории социальной мысли деятельность элит (свойственных определенному времени и определенному общественному устройству) получила достаточно глубокое отражение: в античном мире это аристократия как проявление лучших (от греч. *aristos* — лучший и *kratos* — власть), в России в более позднее время дворянство, бояре, военно-чиновничье сословие и т.д. Понятие элиты (фр. *elite* — лучшее, отборное; англ. *elite*; нем. *Elite*) возникло задолго до труда Платона «Государство». О делении человечества на две части — большую, являющуюся «безголовым скотом», и меньшую в лице аристократии — писал сподвижник Августа, римский полководец Агриппа. О дифференциации населения на элиту и неэлиту пишет в своем «Трактате всеобщей социологии» Парето. Бакунин в труде «Государственность и анархия» говорит о правящем классе. Манхейм обратил внимание на то, что понятия «элита» и «правлящий класс» — не тождественны. Институализация же «теории элит» связана с трудами «Элитистов» Т. Моски, В. Парето, Р. Милса, Р. Михельса и Г. Лассуэла, ключевыми положениями которых (трудов) являются абсолютизация политических отношений и прежде всего отношений господства и подчинения, а также непреложность закона деления любого человеческого сообщества на правящую элиту и подвластную массу.

Т. Моска, которому принадлежит пальма первенства в предложении и определении содержания понятия «политическая элита», выделил два класса людей: первый —

правлящие, монополизирующие власть, пользующиеся всеми предоставляемыми ею преимуществами и выполняющие все политические функции; и второй (более многочисленный) класс — управляемые, которые руководятся и управляются на законных основаниях первым классом и обеспечивают его (первый класс) всеми необходимыми для жизнеспособности политического организма средствами существования.

Важным шагом в развитии элитаристских теорий стало осуществление в укрупненном плане дифференциации элит на меритократическую элиту, куда относятся обладающие выдающимися личностными качествами, но не обязательно наделенные властными полномочиями индивиды, и на властную элиту, объединяющую наделенных непосредственной властью индивидов, занимающих важные посты во властных структурах и государственных институтах, т.е., как определил, например, Г. Лассуэл, «индивидов, обладающих наибольшей властью [10].

Точка зрения Г.К. Ашина: господствующий класс состоит из слоев, из которых правит наиболее активный — он и есть элита. В свою очередь О.И. Коновалюк отмечает, что в СССР не элита была частью господствующего класса, а правящий класс представлял часть элиты.

Следовательно, на протяжении длительного времени не было единого мнения как в трактовке самого понятия «элита», так и в критериях классификации элит. Можно говорить в укрупненном плане, как отмечается в современных энциклопедических изданиях, о сформировавшихся на протяжении многих лет нескольких подходах к этой проблеме: а) о различии элит по принципу демократизма — либеральные, демократические, недемократические и другие; б) по политическому признаку (В. Парето, Р. Михельс); в) по социально-психологическому (Х. Ортега-а-Гасет, И. Шумпетер); г) по технологическому признаку (Дж. Бернхен).

Своеобразным консенсусом стала концепция множества элит — политической, научной, художественной, управленческой, предпринимательской, военной и др. — обеспечивающих определенный баланс сил в социуме и предотвращающих возможность появления диктаторских или тоталитаристских режимов. Со временем утвердился и термин «элита власти», которым, по Ч.Р. Миллсу, определяются привилегированные высшие социальные слои, обладающие атрибутами власти и влияния, богатством и престижем и сосредоточившие в своих руках реальную власть в основных сферах жизнедеятельности государства.

На развитие элитаристских теорий в условиях утверждения «политики как профессии» (М. Вебер) серьезное воздействие оказали быстро развивающаяся бюрократизация общества, востребованность профессионализации управления различными сферами общественной жизни, рационализация права. Своеобразным ответом на новые вызовы времени стала веберовская концепция «демократического элитаризма», построенная на изучении функционирования институтов власти и политических организаций. Начиная с 30-х годов XX столетия в связи с приходом во властные структуры управленцев-технократов в элитаристские концепции стали привноситься технократические элементы. Разработчиками концепции «нового класса» — «номенклатуры»¹ в условиях социализма выступили М. Восленский и М. Джиллас. Неоэлитисты на основе синтеза классических подходов в элитологии и либеральных идей конца XX века сосредоточили свое внимание на обосновании усилий, позволяющих элитам и субэлитам стать важным фактором демократических процессов в обществе.

¹ Термином «номенклатура» (лат. *nomenklatura* — перечень, роспись имен) определяется круг должностных лиц, назначаемых и утверждаемых каким-либо вышестоящим органом, наделенных определенными властными функциями и обладающих социальными привилегиями.

Модели элитобразования зависят от типов развития страны и общества. Для «западного» инновационного типа характерны достаточный объем средств и ресурсов, доминирование в развитии экономических факторов при совпадении интересов субъектов хозяйствования и государства, принцип опережающих инвестиций различных видов ресурсов, выполнение внутренними экономическими потребностями роли стимулов развития и высокий уровень саморегуляции в социальной сфере; соответствующий уровень профессиональной подготовки, развития общего образования и науки. Мобилизационный же тип развития, который последовательно воплощается в России на разных исторических этапах ее развития, представляет собой развитие общества в режиме «любой ценой», «реформы сверху», «революции сверху», «модернизации сверху» — государственные реформы Петра I и Александра II, революция 1917 г., советская коллективизация и индустриализация, горбачевская «перестройка», «шоковая терапия» в экономике и силовое решение о новой конституции во время ельцинского правления. Для элитобразования во все обозначенные периоды характерны свой «номенклатурный подход» в формировании элит; волевые методы политического руководства; приоритет в этом процессе политических факторов над экономическими; засилье бюрократии и эгоистичного чиновничества; существование целой системы «привилегий за службу»; противостояние верховной власти и правящего слоя в силу того, что выражаемые верховной властью интересы развития государства и общества оказываются выше непосредственного экономического интереса хозяйствующих объектов и управленческих притязаний различных политических группировок; слабоструктурированность общества. В этом же ряду — номенклатурно-административный подход в формировании правящего класса; служебный принцип рекрутирования элиты; создание псевдодемократических государственных и общественных структур, находящихся под жестким контролем господствующей власти; построение отношений между верховной властью и правящим классом по принципу принуждения (а нередко и с использованием мер насилия над обществом), что в борьбе за властный приоритет, за «зоны влияния», за близость к верховному руководству приводит к высокой степени внутриэлитной конфронтации, к попытке правящей среды либо свергнуть ненавистную верховную власть (дворцовые перевороты, смещение И.С.Хрущева, депутатский бунт в Верховном Совете РСФСР в 1993 г.), либо к репрессивным акциям верховной власти по отношению к правящему слою (Иван Грозный, Петр I, Сталин, Ельцин), к акциям «чистки» правящего класса, как средства изменения его политического характера.

Нравственные издержки элиты политикоцентричного общества в условиях мобилизационного типа развития охватывают широкий круг проблем мировоззренческого, поведенческого, социокультурного плана: высоко развитый служебно-карьеристский синдром; чиновничество, покорность и беспринципность; атрофия инициативы и волевого начала; отсутствие самостоятельности и должной ответственности в выполнении своих служебных функций и высокая зависимость от «верхов». Сюда же относятся неустойчивость и расплывчатость нравственно-этических ориентаций и установок, «этическая миграция» из одной политической группировки в другую; легковесное и «свободное» толкование этики внутрикорпоративных отношений; разнузданность и вседозволенность в повседневном поведении; широкое использование в своих целях механизмов политических торгов и сделок; удовлетворение своих политических амбиций в ущерб интересам общества; получение привилегий не за сделанную работу, а за «службу»; высокий уровень коррупции, взяточничества, связь с преступным и криминальным миром.

Политическая элита отличается, с одной стороны, структурированностью, а с другой -многосубъектностью — это и депутатский корпус органов законодательной власти, и административно-управленческая элита исполнительной и судебной власти, и дипломатическая элита, и лидеры политических партий, общественных движений, руководителей аналитических, политологических центров и фондов.

При этом необходимо учитывать, что элитообразование свойственно не только политической, но и любой другой человеческой деятельности, в которой отражаются интересы определенных общностей (научная элита, художественная элита, бизнес-элита и т.д.). Такие элиты структурированы не хуже, чем политическая элита, тем не менее, им не отводится такая роль в политике как политической элите. Исторический же опыт свидетельствует о том, что политические системы вообще и политический процесс в частности просто невозможно представить без вклада в их развитие «не политических элит» (не путать с «неполитическими», т.е. аполитичными, если они вообще возможны в социально-политической практике). Поэтому структурирование политической элиты должно сопрягаться с ее идентификацией на основе таких методов как позиционный анализ, анализ принятия решения, репутационный анализ. Социальные «Срезы» элитообразования — соответствующие деловые, мировоззренческие и нравственно-этические характеристики индивидов, социальные общности, группы (страты), являющиеся средой происхождения этих индивидов, должностной статус, посты, занимаемые ими в пирамиде власти. Характерными чертами политической элиты являются также: обладание большим интеллектуальным и материальным ресурсом; относительно высокий уровень развития политического сознания, самосознания и политического мышления; рассмотрение политической деятельности в качестве ценности и смысла жизни политика; развитость социальной рефлексии как на уровне индивида, так и определенной группы, отдельного сегмента элиты; четкая ориентация и психологическая готовность на максимальный активизм в меж- и внутриэлитном взаимодействии, на реальное использование уже завоеванных властных полномочий и приобретение новых; внутриэлитная конкуренция и стремление каждой группы на плюралистической демократии пожинать для себя наибольшие плоды. В этом же ряду -высокий индекс квалифицированности, профессионализма в общественно-политической и государственной деятельности; представительная амбициозность и стремление всегда быть «на виду»; плебисцитарность многих форм политической деятельности; наличие механизмов саморегуляции и саморазвития; разноплановость политической мотивации (мотивы могут быть прагматические, гуманитарные, экономические, социальные, политические и др.), прямое, косвенное и опосредованное использование властных полномочий; электоральные и регламентированные карьерные продвижения; персонифицированность власти. Сюда также относятся: структурированность политического поля элиты в соответствии с политико-экономическими интересами; постоянно проявляющийся синдром «корпоративного эгоизма» и лоббирования; использование как легитимных избирательных кампаний в качестве важнейшего института рекрутирования элит и ретрансляции в элитные группы, так и механизмов общественного мнения и средств массовой информации, достаточно широкая популярность (часто переходящая в популизм и высокий общественный рейтинг), персонализация власти в лице конкретных лидеров и руководителей, наличие четко обозначенных социальнопсихологических установок на обладание властными полномочиями; страсть в избранном деле и, как отмечал еще Конфуций, «собранность помыслов при безмятежно-покойном духе [9, с. 99–100], устойчивость и постоянство высоких результатов политической деятельности, индивидуальность,

самобытность, естественное и свободное выполнение своих функций, добровольный характер участия в политике.

По характеру процедуры выдвижения лидеры классифицируются на лидеров поневоле; лидеров по назначению сверху; лидеров на основе доверия и отбора; лидеров — политических карьеристов; лидеров на веру; лжелидеров (Ю. Тихомиров). Ю.В. Ярмак определяет уровень профессионализма представителя политической элиты такими показателями: качество политического образования; способность к организаторской, управленческой деятельности; психологическая предрасположенность к лидерским функциям, волевым решениям, абстрактным формам нелинейного планирования и прогнозирования; опыт политической работы; самочувствие комфортности в среде группировок, открыто конкурирующих за политическую власть; особенности прохождения ступеней политической карьеры в конкурентной борьбе за общественное признание быть причисленным к политической элите [8].

От уровня компетентности и профессионализма политической элиты, ее политической и гражданской зрелости напрямую и непосредственно зависит эффективность функционирования политического процесса в целом и каждого его элемента в частности: законотворческая и законодательная деятельность; выработка четкой политической линии, выделение определенных политических приоритетов и принятие соответствующих решений; планирование и программирование, подкрепленные многовариантными прогнозными разработками политических действий; выбор наиболее приемлемых и эффективных инструментов и методов осуществления поставленных задач через легитимные институты общества, оценка проводимой работы и информирование об этом общества, обеспечение высокой действенности принципа «обратной связи». Внутриэлитная борьба сопровождается перенесением акцентов с излишней экспрессией и эмоциональной окраской на слабые и уязвимые стороны характера оппонента, использование грязных информационных технологий, обнаружение наименее привлекательных его поступков из личной жизни, дискредитацией его самого и его окружения («свиты»).

Компромисс, как консенсус и консолидация — категория нравственная, своими корнями он уходит в общественную мораль. Его специфика заключается в том, что он одновременно, с одной стороны, базируется на политической, поведенческой, правовой, общей культуре политического лидера, а с другой воздействует на упомянутые виды культуры. Искусство владения компромиссом включает: приверженность принципам консолидации социально активных сил общества для решения проблем, имеющих большое значение для государства, отдельных социальных общностей, общественно-политических структур; всестороннее и исчерпывающее профессиональное понимание всех спорных проблем и доскональное знание аргументации оппонента, умение стать на его точку зрения; приоритет научной объективности перед политической заангажированностью; добрая воля и благоразумие; приверженность здравому смыслу и общепринятым нравственным ценностям; признание морального равноправия всех сторон взаимодействия; неприемлемость насилия, диктата и силовых приемов для решения спорных вопросов и развязки конфликтных ситуаций. Сюда же относятся: готовность к определенной жертвенности во имя поиска и реализации общественного интереса; готовность (идеологическая, политическая, психологическая) последовательно и неотступно добиваться позитивных договоренностей; высокий уровень самосознания, политической культуры, нравственная мудрость и творческое мужество; преодоление стереотипов агрессивного сознания и агрессивного поведения и направленность на устранение отрицания, на положительный результат; своевременное выявление не

созревших для обсуждения вопросов и их устранение из дискуссии для их вызревания; неприемлемость демонстративного подчеркивания только «своей» правоты, способность подавлять амбиции, сдерживать эмоции, уважительное отношение к личным качествам оппонента, его аргументации (даже в случаях несовпадения точек зрения). Компромисс в этическом плане ничего общего не имеет со «сделкой с совестью», с соглашательством, политиканством, с хитромудрыми расчетами. Ему чужды политическая инфантильность и индивидуальный или корпоративный эгоизм. В нем наиболее полно проявляется толерантность, взаимопонимание, любовь, без которой, как говорил Л.Толстой, если она не возвысится над ненавистью, ничего хорошего нельзя достичь в сосуществовании одного человека с другим. Вместе с тем компромисс — это и не панацея от всех бед. К тому же необходимо учитывать, что технологии примирения более сложны и трудоемки, нежели технологии конфронтации, дестабилизации и насилия. Поэтому компромисс всегда должен осуществляться на легитимных политических решениях и средствах их реализации.

В настоящее время в российском обществе настолько сильно бескомпромиссное размежевание политических и социально-экономических общностей на основе различного понимания основ жизни, настолько глубока поляризация позиций не только между противостоящими политическими партиями и движениями, но и внутри их, что добиться консолидации на общей идеологической основе практически нереально. Поэтому, как справедливо говорят многие исследователи и политики, политической стабилизации в обществе способствовало бы нахождение совместно со всеми политическими силами таких проблем, в которых просматривается близость уровней реализации интересов большинства участников политических событий: поиск на основе обоюдного принятия сторонами таких принципов как неприменение насилия для разрешения конфликтов; правовая защищенность личности; совершенствование правовой базы экономических реформ; обеспечение реального развития всех форм собственности; выработка сбалансированных внешнеполитических стратегий; укрепление различных видов безопасности страны — военно-политической, экономической, экологической, гуманитарной, безопасности личности и общества и др.

В контексте элитобразования возникает необходимость уточнения содержания ряда понятий, характеризующих профессиональные аспекты деятельности элит. Категорией «политический профессионализм» обозначается деятельность сторона субъекта политики, его социально ценные черты и характеристики, определяющие уровень успешности политической деятельности. Проявляется это качество в высокой подготовленности человека к выполнению сложных задач в указанной сфере, в глубоком овладении знаниями политики, взаимодействующей с философией (прежде всего, политической философией), этикой, педагогикой и психологией, в овладении политическим искусством (не столько книжным, почерпнутым из учебников и научных трактатов, а приобретенных в «университетах» политической жизни), в систематическом росте его квалификации и творческой, созидательной активности. Критерием политического профессионализма является способность политика удовлетворять постоянно возрастающие требования к политическому процессу и политической деятельности. Существует прямая зависимость между уровнем политического профессионализма современного политика и эффективностью его деятельности. Овладение высоким уровнем политического профессионализма обеспечивает субъекту политики возможность достигать значительных качественных результатов своего труда при меньших затратах интеллектуальных и духовных сил.

Понятие «профессиональный политик» является родовым по отношению к «политическому профессионализму» и указывает, прежде всего, на социальный должностной статус субъекта политических отношений, на его место во властной иерархии. Категория же «политик-профессионал», имеющая более широкий по сравнению с понятием «профессиональный политик» контекст, указывает на качественную сторону в деятельности субъекта политики, на уровень его профессионального мастерства. Для «политика-профессионала» принципиально важным является профессиональное самоопределение в сфере политических отношений, глубокое осознание себя субъектом конкретной профессиональной политической сферы, осознание своей роли в этой системе социальных отношений и своей ответственности за успешную и качественную деятельность, за реализацию своих способностей. Для профессионала важна самооценка своих индивидуально-психологических качеств и сопоставление своих возможностей с психологическими требованиями профессии политика; ему свойственна саморегуляция поведения, направленная на достижение поставленной цели.

Понятием «профессиональная пригодность определяется соответствие индивидуальных качеств политика-профессионала требованиям, которые предъявляет эта профессия к уровню развития этих черт. Политик-профессионал должен обладать способностью профессиональной адаптации как на этапе приспособления к профессиональной деятельности и ее условиям, так и особенно — при перемене сферы профессиональной деятельности, в том числе и в сфере политики (переходы «чистого политика в государственно-управленческие или парламентские структуры, государственного работника в партийные политические организации и т.д. всегда сопряжены с «нюансами» адаптации).

Как и в других сферах профессиональной деятельности, в формировании политика-профессионала большое значение имеет профессиональная ориентация как система подготовки личности к сознательному профессиональному самоопределению. Профессиональный выбор по убеждению, а не по случайному стечению обстоятельств обуславливается устойчивостью интересов и установок индивида. Причем в процессе профессионального выбора может возникать противоречие между интересами, личными планами, склонностями индивида и внешней по отношению к нему ситуацией, вследствие чего могут существенно меняться личные планы индивидов. Составные элементы этой проблемы — вооружение будущего политика глубокими знаниями об этой профессии и ее особенностях, воспитание интереса к этой сфере профессиональной деятельности с учетом личностных склонностей, стимулирование намерений и способностей личности к будущей политической деятельности. В решении этих задач большое значение имеют разработка профессиографического материала и методов психодиагностики личности, активная профинформационная и профконсультационная работа.

Нередки случаи профессиональной переориентации политика, перехода его в том числе и в сферы, не связанные непосредственно с политической деятельностью. Корректировка ранее осуществленного профессионального самоопределения — это серьезное испытание для человека, она требует от него не только новых знаний и умений, но прояснения волевых качеств, человеческого мужества и стойкости.

Эффективность перехода современной России от мобилизационной к инновационной модели развития напрямую зависит от выработки и реализации соответствующей новому подходу модели элитобразования, включающей такие основные элементы: интериоризация любым политиком демократических ценностей и формирование у него демократического правосознания; трансформация всей политической системы

в направлении все большего превращения ее в эффективный инструмент реализации политических, экономических, социальных и духовных потребностей и целей; изменение в этом контексте системообразующего принципа элитообразования и состава элит; нахождение оптимального взаимодействия между элитами, вышедшими за пределы бюрократии, и самой бюрократией, остающейся ведущим элитным сегментом; коренное совершенствование механизмов их рекрутирования и ротации. Сюда же относятся: преодоление деформированных представлений о ролевых качествах представителей элиты; отработка взаимодействия элиты и контрэлиты таким образом, чтобы это в наибольшей мере способствовало реализации общенациональных, общегосударственных интересов и задач; формирование здорового внутриэлитного взаимодействия, лишённого таких негативных проявлений как корпоративный эгоизм, политические сделки с нарушением «правил игры». Модели элитообразования включают также: формирование цивилизованных, лишённых коррупции и взяточничества отношений между политической и экономической элитами; максимальное использование правовых, политических, информационных и финансовых ресурсов для внедрения в социальную практику по-настоящему честных, справедливых, равноправных избирательных технологий и предотвращение таких процедур и методик избирательных кампаний, которые построены на манипулировании общественным мнением, использовании должностными лицами так называемого административного ресурса (если говорить проще — служебного положения в своих личных интересах), использование финансового ресурса для создания в период предвыборной кампании более предпочтительных условий для отдельных претендентов в ущерб другим (с использованием механизмов привилегированного финансирования мероприятий, подкупа избирателей, взяток «умелым рукам» и т.д.). Сюда же относятся: комплексное использование в методологии идентификации элит институционального, функционального и структурного подходов; преодоление деформаций (номенклатурных, иерархических, «деляческих» и т.д.), образовавшихся в межэлитных и внутриэлитных отношениях в период «перетекания», перехода этих элит от коммунистически-номенклатурного тоталитаризма к посткоммунистическому номенклатурному неототалитаризму; отработка надежных правовых, административных и нравственных регуляторов встречных потоков в ротационных кадровых схемах «политическая элита — административная элита — бизнес-элита», «хозяйственный руководитель — административный руководитель — политический руководитель», «бизнес-политика», «политика — предпринимательство (особенно частное)» и т.д.; изменение взаимоотношений между политической и экономической элитами, цивилизованное разрешение дилеммы: «притязания экономически доминирующих групп на власть, а властных структур на «командование» рыночной экономикой; совершенствование правовых и нравственных механизмов лоббирования, функционирования «Групп интересов» и «групп давления»; преодоление санкционированного многими элитаристскими теориями противопоставления элит массам, стимулирование процесса элитообразования за счет лучших представителей разных слоев общества, особенно молодежи.

Библиография

1. Ашин Г.К. Элитология. М., 1996.
2. Бахитановский В.И. Этика политического успеха. Тюмень, 1997.
3. Блондель Ж. Политическое лидерство. Пути к всеобъемлющему анализу // Политология вчера и сегодня. № 4. М., 1992.

4. Дурнин Д.М. «Образ» политического лидера и возможности его изменения // Политические исследования. 2000. № 4.
5. Капто А.С. Профессиональная этика. Москва; Ростов-на-Дону: СКАГС, 2006.
6. Киселев И.Ю. Политическая элита: ее сущность и технология (на материалах исследования американских ученых). Ярославль, 1995.
7. Короткевич Р.В. Политическое лидерство. М., 1991.
8. Ярмук Ю.В. Профессионализм политической элиты: теория и практика. М.: МГСУ «Союз», 2002.
9. Антология даосской философии. М., 1994. С. 99–100.
10. Lasswell G. The Analysis of Political Behavior L., 1947.

Каряпкина Ю.Д.

ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Современное политическое развитие России представляет собой сложный по разнообразию и противоречивый по содержательным характеристикам процесс. В нем проявляются различные по направленности факторы, которые формируют разновекторное воздействие на все сферы государственной политики. Разновекторность имеет место в экономике и экологии, в социальной и культурной политике, в отношении к природным ресурсам страны и идейным настроениям населения. Все это в совокупности создает большие сложности в изучении реального политического развития Российской Федерации.

Анализ политической действительности возможен по разным методологическим основаниям и подходам: социальному, политическому, идеологическому, региональному и другим. Одним из вариантов объективного анализа современной российской политики, по нашему мнению, является использование элитологического подхода. Суть элитологического подхода заключается в исследовании политического процесса и его результатов через призму разнообразных характеристик господствующей элиты. Такой подход во многом близок историческому подходу, поскольку содержит проектирование имеющихся знаний на новый объект исследования.

Познание государственной политики через призму интересов господствующей элиты обусловлено ее особой ролью в управлении государством. О.В. Гаман-Голутвина пишет: «В современном российском обществе... политическая элита по-прежнему является важнейшим фактором политического процесса» [1, с. 5]. Анализ результатов выборов в российский парламент и парламенты субъектов РФ за последнее десятилетие свидетельствует еще и о прочном положении в системе государственной власти элитных групп, объединенных партией «Единая Россия». Это позволяет оценивать их в качестве решающей политической силы, определяющей государственную политику и характер государственного развития нашей страны.

Российская политология уделяет большое внимание различным аспектам исследования элит. Сложилось авторитетное научное направление, объединяющее десятки специалистов в сфере элитологии, среди них: М.Н. Афанасьев, Г.К. Ашин, О.В. Гаман-Голутвина, В.Я. Гельман, А.В. Дука, О. Крыштановская, В.Г. Ледяев, В.П. Мохов, А.В. Понеделков, С.П. Перегудов, А.М. Старостин, А.П. Кочетков, А.Е. Чирикова,

И.С. Семененко, Е.Б. Шестопап и другие ученые. В трудах российских элитологов в той или иной степени исследованы необходимые для нашего анализа аспекты использования элитологического подхода в познании политической действительности. А.В. Дука обосновал институциональность властных элит и необходимость исследования их не только в качестве социальных и функциональных групп, но в качестве политического института [2, с. 260]. Одновременно с этим А.В. Дука подчеркивает, что в условиях глобализации национальная элита лишается возможности проведения национальной политики во всей полноте [2, с. 264]. А.М. Старостин исследовал систему ориентаций, структуру, этнополитические особенности региональных элит, разработал критерии эффективности их деятельности [3]. Авторы коллективной монографии под редакторством О.В. Гаман-Голутвиной представили подробную социально-профессиональную структуру современной российской элиты, обосновали влияние ее различных групп на формирование структур государственной власти и проводимой ею политики [1]. В.М. Долгов и Т.В. Бирюлина показывают наличие глубокого раскола российской элиты, в рамках которого разные группы имеют особенные интересы, в том числе несовпадающие с национальными интересами России. Такая элита не способна обеспечивать эффективное управление страной [5, с. 121].

В российской политической науке фактически определилась элитологическая парадигма исследования всего политического. В нашем случае речь идет об анализе государственной политики через призму характеристик политической элиты, в первую очередь, ее структуры, сетевых связей, властных функций, и преобладающих интересов. Содержание исследований российских элитологов достаточно для получения полного представления об отечественной политической элите. Корневая система элиты заложена в девяностые годы с их идейно-политическими, финансово-экономическими, нравственно-правовыми особенностями. И хотя с того времени российская элита эволюционировала, негативное воздействие тех особенностей не преодолено. Неслучайно какая-то часть современной элиты заряжена коррупцией и теневыми отношениями. Элита раздроблена и структурирована прежде всего через совпадение финансовых интересов, родственно-приятельские связи, международные контакты. Государственные интересы при этом чаще всего вторичны. Некоторые элитарные группы полностью ориентированы на другие страны. Конечно, в политическом курсе, проводимом российской элитой, в целом преобладают национальные интересы и задачи государственного развития России. Однако состояние современного мирового сообщества и усиление конкуренции между странами требуют, по нашему мнению, более концентрированной внутренней и внешней политики, способной обеспечить прочное положение России в современном мире. Такое суждение вытекает из того анализа российской элиты, который на протяжении последних десятилетий осуществляет российская политическая наука.

Библиография

1. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.
2. *Дука А.В.* Элита третьего пути: вызовы и ответы российской элиты // Властные элиты современной России в процессе современной трансформации / Отв. ред. В.Г. Игнатов и др. Ростов н/ Д., 2004.
3. *Старостин А.М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д.. 2003.
4. Политический класс в современном обществе / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: РОССПЭН. 2012.

5. Долгов В.М., Бирюлина Т.В. Демократия, элиты и политические интересы // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 1. С. 113–123.

Кононов Р.В.

РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ИССЛЕДОВАНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ИЗУЧЕНИЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА АВТОРИТАРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Начиная с периода второй мировой войны, во многих государствах стал происходить процесс демократического транзита, т.е. движение от авторитарного политического режима к установлению консолидированной демократии. Конечной точкой процесса демократического транзита является консолидированная демократия, которую можно определить через институционально-процедурный подход Пшеворского: «Режим, при котором никто даже не думал, чтобы действовать вне демократических институтов, когда всё, чего хотят проигравшие, — это попытаться сыграть еще раз в рамках тех же институтов, при которых они только что проиграли» [2, с. 47].

Несмотря на доминирование сегодня институционального подхода, существует элитистский подход определения консолидированной демократии, когда ее разработчики Л. Филд и Д. Хигли определяли данный термин через единство элит. Под ним подразумевалось то, что в результате взаимодействий внутри властной элиты будет достигнут прочный и стратегический консенсус по поводу того, что политический режим будет функционировать согласно избранным и закрепленным официальными процедурами, в первую очередь здесь имеется в виду электорально установленные процедуры. Исследуя переходные режимы в Восточной Европе, выделяют три типа элит, которые позволяют установиться консолидированной демократии как типу политических режимов: консенсуальный или договорный тип элиты (Польша, Чехия), фрагментированные элиты (Болгария), разделенные элиты (Украина). [1, с. 519, 505].

Данная теория обладает рядом недостатков, одним из которых является отсутствие операционализованного определения понятия консолидированная демократия. Здесь сложно выделить какие-то четкие, единые признаки элит, по которым можно отличать те переходные страны, в которых устоялся политический режим консолидированной демократии, а в которых — нет. Становится не ясно, почему, несмотря на некоторое сходство, политические режимы во многих странах Восточной Европы по институциональным параметрам стали консолидированными демократиями, где периодически путем выборов происходит процесс сменяемости власти, а где-то этого не произошло.

На сегодняшний момент в транзитологии преобладает институциональный подход к определению понятия консолидированной демократии, что мы видим на примере индекса Polity 4, анализирующий политические режимы всего мира в сравнительном аспекте. В то же время институциональный подход неразрывно связан с элитами. Пшеворский в своем труде «Демократия и рынок» анализирует политические силы, их конфигурацию и ресурсы, стратегию поведения между собой. Только на основании этого Пшеворский говорил о возможности установления в той или иной стране режима

консолидированной демократии [2, с. 92–95]. Поэтому, несмотря на эти два разных подхода к определению понятия консолидированной демократии, элиты рассматриваются как существенный фактор ее установления.

В данной статье выделяется собственный, авторский подход к определению данного концепта — это сменяемость власти, которая происходит путем выборов без применения и угрозы применения силы. Выборы становятся тем процессом, где есть разные политические акторы, которые могут, выполнять установленные правила и нормы, а могут нарушать их. Если в течение длительного времени акторы принимали и действовали в рамках установленных электоральных процедур, то такую систему можно назвать консолидированной демократией. Если смена власти происходит, таким образом, то политической режим в каком-либо рассматриваемом государстве можно рассматривать как устоявшейся консолидированной демократии, а если власть сменяется, но это происходит в результате массовых демонстраций или каких-либо иных внеправовых способов, то назвать такой политической режим консолидированной демократией не представляется возможным.

Если рассматривать данный подход в контексте элит, то при наступлении консолидированной демократии начинает производиться циркуляция элит демократическим, а не аристократическим способом (2 способа циркуляции власти в теории элит Г. Моски). [<http://politics.ellib.org.ua/pages-150.html>]. Вследствие этого в стране элита будет формироваться в условиях многопартийности, реального разделения властей и что самое важное, она будет сменяться в результате установленных в стране электоральных процедур.

На сегодняшний момент многие страны имеют разный результат в строительстве консолидированной демократии. Одни государства смогли стать полностью консолидированными демократиями, другие — частично консолидированными, где смена власти происходит не всегда в рамках установленных законом процедур, а третьи — авторитарными режимами, где нет сменяемости власти.

Разные итоги в результате процессов демократического транзита связаны с большим количеством факторов: социально-экономическими (М. Липсет), культурными факторами (Р. Патнэм, С. Хантингтон), социально-историческими факторами (Б. Мур). Несмотря на то, что в политической науке авторами выдвигались различные причины, способствующие или тормозящие процесс демократизации, стоит отметить, что не в достаточной степени является рассмотренным внешнеполитический фактор. С. Хантингтон выделял фактор внешнего давления как фактор успеха или неудачи в формировании демократического государства. [3, с. 42–112]. Одной из теорий, опосредованно связанной с процессом демократизации, является теория демократического мира, ставшая на Западе законом, который заключается в следующем: демократии не воюют друг с другом. Фактически подразумевается, что для предотвращения войн нужна демократия во всех странах, и внешнее вмешательство будет инструментом для достижения этого.

В данных теориях рассматриваются иностранные государства как те силы, которые могут повлиять на демократический транзит той или иной страны. Но одновременно с этим не учитывается, что сами страны могут выбрать внешнеполитическую стратегию, под которой подразумевается ориентация на определенный блок или организацию, какую-либо страну, которая выражается в подписании каких-либо официальных договоров и вступления в определенные блоки и союзы.

Зачастую происходит таким образом, что от выбора внешнеполитической стратегии зависит успех демократического транзита. Если авторитарные режимы берут курс

на интеграцию с Западом, то страна становится вынужденной строить устойчивые демократические институты, а если государство ставит своей целью ориентацию на недемократические страны или пребывание в состоянии нейтралитета, то, скорее всего в данной стране не будет цели строительства демократии.

Эту тенденцию можно проследить на примере стран постсоветского пространства. Анализируя их внешнюю политику после распада СССР, можно выделить шесть стратегий (за основу разделения по стратегиям был взят критерий вступления в интеграционные объединения и подписания официальных международных документов). Интеграция с Европой и Западом (Литва, Латвия, Эстония, Молдова, Грузия, Украина с 2004 г. и Белоруссия до 1994–1996 г.). Полная или частичная интеграция с Россией (Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Белоруссия с 1996 г.). Группа нейтралитета или автономного развития (Туркменистан, Узбекистан с конца 2010-х гг.), группа многовекторного курса (Узбекистан до 2005 г. и Армения), группа интеграции с Турцией (Азербайджан), группа самостоятельного развития (Украина в 1990-е гг.).

На сегодняшний момент данные новые независимые государства добились в строительстве консолидированной демократии разных результатов. Критерием консолидированной демократии был выбран авторский критерий, описанный выше. Вследствие этого государства были разделены на четыре группы. Полностью консолидированные демократии (Литва, Латвия, Эстония). Частично консолидированные демократии (Украина, Молдавия, Грузия, Киргизия). Авторитарные государства (Белоруссия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) и государства с транзитным положением (Армения). Можно установить закономерность: те страны, которые выбрали стратегию интеграции с Европой, вступили или заявляют о цели вступления в те или иные западные организации являются полностью или частично консолидированными демократиями или занимают промежуточное положение между ними и авторитарными режимами как Армения. В них происходит сменяемость власти, не происходит формирования какой-то группы во власти, которая может стать доминирующей силой в стране. В странах, которые были отнесены к группе стран с режимом частично консолидированной демократии, имеются определенные силы, которые имеют значительное влияние, но которые не имеют той силы, чтобы не считаться с другими группами во власти. Те страны, которые избрали иные стратегии развития, являются авторитарными режимами. В таких режимах формируются группы, которые имеют значимые ресурсы: кланы в Азербайджане, где жена президента с 2017 г. стала вице-президентом, силовики в Беларуси, Узбекистане и многие другие типы. Единственным исключением является Киргизия, где, несмотря на Российскую ориентацию, сложилась частично консолидированная демократия.

Тем самым, несмотря на то, что не всегда выбор того или иного внешнеполитического развития коррелирует с успехом или провалом в строительстве демократии, можно проследить закономерность между выбором государством определенной внешнеполитической стратегии и успехом процесса демократизации.

Библиография

1. *Мухаев Р.Т.* Теория политики. М.: Юнити, 2005. С. 505, 519.
2. *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999. С. 47, 92–95.
3. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. Гл.2 С.42–112.
4. Электронный ресурс:[<http://politics.ellib.org.ua/pages-150.html>].

Михеев В.А.

КОМАНДА КАК ЭЛИТНАЯ СТРАТА В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном политическом лексиконе часто используется словосочетание «команда в правительстве», «команда губернатора», «молодежная команда страны, региона» и т.д. Подобные элитные команды представляют собой конгломерат состоявшихся структур в различных системах государственной власти, местного самоуправления, негосударственных и межгосударственных организаций, средств массовой информации и т.д. Они могут быть классифицированы по критериям представительства в законодательных, исполнительных, судебных ветвях власти, органах местного самоуправления, руководящих структурах бизнеса, негосударственных некоммерческих организаций. По определению — это административно-общественные группы лиц, участвующих во власти, управлении, стремящихся к власти, действующих на основе определенных договоренностей, согласований, мер ответственности и соответствующих преференций.

Довольно часто официальные лица федерального, регионального и местного уровня заявляют «у меня есть команда» способная решать важнейшие задачи. Отдельные граждане, участвующие во власти, или стремящиеся во власть, кандидаты в депутаты законодательных органов власти, считают необходимым огласить, что «я горжусь» или «я хочу» быть в команде губернатора, мэра, главы республики и т.д. В свою очередь некоторые губернаторы, обращаясь к избирателям, декларирует: «считаю всех кандидатов, идущих на выборы от «Единой России», своей командой» [3, с. 2.]

Сам контекст данных утверждений и суждений намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Во-первых, подобные заявления подтверждают наличие или необходимость создания в системе государственной власти так называемых «команд». Во-вторых, подобные «команды» представляются и характеризуются своеобразным властным институтом, обусловленным до известной степени фактом политической конкуренции. В-третьих, при формировании властных команд, а также в процессе их деятельности важнейшими ресурсами, как свидетельствуют современная практика, исследования известных ученых, являются: «сила, санкции, проплаты, взятки» [2, с. 33], создание криминальных сообществ. [1].

В свою очередь американский исследователь противопоставляет командной власти так называемую «кооперирующую власть», которая, по его мнению, ассоциируется с гибкой властью, но «ее ресурсами служат институты, ценности, культура, политика» [2, с. 34].

Команда в политике, власти, государственном управлении и местном самоуправлении по своему статусу не обозначена ни в одном из официальных документов или нормативно-правовых актов. Этот вопрос, сложившаяся в нашей стране ситуация, вызывают массу теоретических, политико-правовых, нравственно-функциональных исследовательских изысканий для своего объяснения.

Команды в политике, государственном управлении как политические конструкции достаточно широко практикуются, но остаются в основном закрытыми субъектами. В этой связи представляется очень важным знание и понимание факторов, определяющих характер деятельности подобных команд; принципов их формирования; особенностей их властно-управленческих или исполнительских функций; уровень

воздействия на укрепление или ослабление, а возможно и разрушение существующей системы власти; влияние на усиление развития или ограничения зависимости между властью и обществом.

Библиография

1. *Егоров И.* Первый по делу Гейзера // Российская газета. 2018. 9 авг.
2. *Най Дж.С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. В.И. Супруна. Н. ФСПИ «Тренды» М., 2006. 224 с.
3. *Орлова С.Ю.* Уважаемые избиратели, друзья, единомышленники // Предвыборное издание Владимирского регионального отделения Партии «Единая Россия». «Земля, где хочется жить». Дата выпуска 27 июля 2018 г.

Сельцер Д.Г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (1991–2018): ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ¹

Постановка проблемы

Элитистская проблематика при изучении политических процессов на локальном уровне ставится довольно редко. Между тем, ответ на ключевой вопрос политической элитологии «Кто управляет?» применительно к локальному уровню властной иерархии важен. Автор провел кросс-региональное исследование локальной элиты постсоветской России. Эмпирические материалы, полученные в ходе реализации проекта, позволяют создать модель элитистской трансформации на локальном уровне с использованием методов математического моделирования. Описательная часть задачи представлена автором в настоящей статье.

В 1991–2018 гг. руководство МСУ районно-городского звена формировалось посредством назначений и выборов. Рассмотрим в тезисах каждый из этапов трансформации локальных элит.

Период назначений (1991–1996)

Б.Н. Ельцин не прибег к практике организации исполнительной власти новой России через выборы. Началось строительство властной вертикали посредством назначений. Президент назначал глав администраций регионов, а те, в свою очередь — администраций городов и районов. В результате на рубеже 1991–1992 гг. субрегиональную иерархию возглавила главным образом советская номенклатура (бывшие председатели гор- и райисполкомов). Они не казались новой власти политически опасными. Это были в основном хозяйственники советской поры, ставшие председателями исполкомов советов в ходе кампании 1990 г. К власти в субрегионах пришли так называемые вторые лица. Время покажет, что ненадолго — до первых же выборов. Доминирующий тип карьеры этих людей — «советская номенклатура с опытом хозяйственной деятельности».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-46-680457 «Моделирование процессов рекрутирования и трансформации региональных политических элит в современной России».

Способ установления первого лица	Победитель	Кем поставлен
Назначения	Местная советская номенклатура	Губернатор, «Демократическая Россия»

Первый электоральный цикл (1996)

В середине 1990-х гг. были организованы первые в истории новой России выборы органов местного самоуправления — городских/районных советов и глав администраций. Это были, действительно, честные и искренние выборы. Победила хозяйственная номенклатура (директора заводов, строительных организаций и совхозов, председатели колхозов). Они накопили вполне определенные ресурсы, стали собственниками предприятий, где прежде были директорами. Одновременно они выступали с резкой критикой Б.Н. Ельцина, его назначенцев в регионе и, особенно, собственном городе/районе, заручились поддержкой в тот момент влиятельной КПРФ и победили. Время покажет, что их век у руководства субрегионами был недолог — всего один срок. Итак, доминирующий тип карьеры победителей первого электорального цикла — «хозяйственная номенклатура».

Способ установления первого лица	Победитель	Кем поставлен
Выборы	Местная хозяйственная номенклатура	Население, собственный бизнес, КПРФ

Второй электоральный цикл (2000)

На рубеже 1990–2000-х гг. в стране произошли серьезные изменения. Из-за спина элит советской карьеры (совработников, хозяйственников) неожиданно вышли люди, в СССР даже не входившие в номенклатуру — «вненоменклатурные хозяйственники», люди из производства, в конце 1990-х гг. сбившиеся в местные политико-экономические кланы. В советское время они располагались в нижних слоях иерархии, много уступая своим более успешным ровесникам. 1990-е гг. с разгулом неформальных практик и возможностями обретения ресурсов дали им — бывшим бригадирам, мастерам, таксистам, милиционерам, кооператорам и т.п. — большие шансы. Этими шансами неофиты воспользовались сполна. В субрегионах складывающиеся локальные сообщества выдвигали кого-нибудь из своего круга. На него возлагалась миссия бережения общих и частных интересов. Итак, победителями второго электорального цикла стали «вненоменклатурные хозяйственники» — самые богатые бизнесмены субрегиона.

Способ установления первого лица	Победитель	Кем поставлен
Выборы	Самые богатые и влиятельные местные «вненоменклатурные хозяйственники» — лидеры кланов	Кланы, население

Третий электоральный цикл (2004)

Тенденция сохранилась. Победу одержали «вненоменклатурные хозяйственники» и менеджеры — профессиональные муниципальные служащие, нанятые «вненоменклатурными хозяйственниками». Последние — это, по сути, уже новая номенклатура, закрепившаяся в системе муниципального управления на профессиональной основе. Возможности захватить руководство городами и районами у локальных кланов были

полные. Клань приводили во власть своих. Случайных побед быть не могло. Главы администраций регионов к выбору местных кланов относились благосклонно в ответ на лояльность и полную поддержку на губернаторских выборах. Итак, победители третьего электорального цикла — «внеономенклатурные хозяйственники» и менеджеры.

Способ установления первого лица	Победитель	Кем поставлен
Выборы	Местные «внеономенклатурные хозяйственники» и менеджеры, поставленные кланом	Клань, население

Четвертый электоральный цикл (2008)

Произошли принципиальные политические изменения. Решенческая функция была «выдернута» из рук местных кланов и оказалась у руководителей регионов, прежде снисходительно и вполне терпимо относившихся к практике подбора локальными сообществами первых лиц субрегиона с их легализацией через выборы. «Вертикаль власти» изменила условия бытования самих губернаторов, потребовав от них проявления вполне определенных мобилизационных качеств. В таких условиях губернаторы попросту обязаны достроить «властную вертикаль» до «малой формы» — субрегионов. Они не могут более полагаться на выбор местных кланов, у которых есть свои интересы, чаще всего не совпадающие ни с интересами дела, ни с буквой закона. Местные клань стали мешать. Губернаторы и силовики должны были ослабить локальные сообщества.

Кто победители четвертого электорального цикла? Представители самого крупного бизнеса (пока еще местного) и муниципальные менеджеры.

Способ установления первого лица	Победитель	Кем поставлен
Смешанная система выборов и процедурных назначений	Местные «внеономенклатурные хозяйственники» и менеджеры	Губернаторы и ФСБ

Пятый электоральный цикл (2012–2013)

Цикл закрепил прежнюю тенденцию, но и добавил новую. С переходом на практику сити-менеджеров стали приниматься изменения в уставы городских округов и муниципальных районов. Сити-менеджер по объему контролируемых ресурсов выше главы представительного органа — главы муниципального образования. На эти позиции стали почти повсеместно присылать креатур первых лиц регионов. Если в уставах субрегионов не предусмотрено такой возможности, то креатуры руководителей регионов обретають ключевые позиции по-прежнему через выборы. Досрочные отставки глав районов — заурядная практика. После этого либо назначается сити-менеджер, присланный из региональной столицы, либо проводят выборы, где побеждает «варяг». Итак, новые типы глав — «варяги» (бизнесмены и силовики) и местные менеджеры, поставленные губернаторами и ФСБ.

Способ установления первого лица	Победитель	Кем поставлен
Смешанная система выборов и процедурных назначений	«Варяги» (бизнесмены и силовики) и местные менеджеры	Губернаторы и ФСБ

Шестой электоральный цикл (2015–2018)

Федеральные законы от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ, 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ, 29 июня 2015 г. № 187-ФЗ внесли изменения в избирательное законодательство касательно

статуса и процедуры выборов глав муниципальных образований. Глава избирается на муниципальных выборах, либо представительным органом муниципального образования из своего состава, либо представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. Причем, в случае избрания представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, он возглавляет и местную администрацию.

Позиция губернатора по установлению первого лица субрегиона становится не просто определяющей, а, пожалуй, единственной. При этом выбор губернаторов в подавляющем большинстве примеров принимается в пользу кандидатов-варягов.

Способ установления первого лица	Победитель	Кем поставлен
Процедурные назначения	«Варяги» (бизнесмены и силовики) и, в самой малой степени, местные менеджеры	Губернаторы

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Барсуков А.М.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗВИТИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В теории международных отношений существует значительное число подходов, объясняющих особенности политической организации мира. Вторая половина XX века ознаменовалась поиском новых стратегий и идеологических обоснований в конкуренции за глобальное лидерство. Вместе с тем, в исследовательской среде остаются вопросы, связанные с влиянием теорий международных отношений на интерпретацию политики и необходимость деконструкции имеющихся теорий от идеологических моментов [1]. По мнению российского исследователя Ф. Войтоловского, трансформация международных отношений требует, понимания специфики процессов на каждом уровне организации — внутригосударственном, транснациональном и глобальном. Неотъемлемой составляющей является необходимость идеологической рефлексии, которая отражает позиции и цели субъекта международных отношений в существующей политической реальности и мотивирует субъект к выбору стратегий и средств достижения долгосрочных целей [2]. Современный этап глобализации и регионализации требует от государств новых подходов в формировании политики с учетом особенностей пространственно-территориальной организации и исторического развития.

Евразийская интеграция актуализировала вопросы, связанные с формированием не только альянса в рамках политико-экономического объединения, но и гуманитарные аспекты, связанные с образовательной политикой и публичной дипломатией на евразийском пространстве. В данном случае под евразийским пространством преимущественно понимаем страны Центральной Азии и Евразийского экономического союза.

Французский социолог П. Бурдьё считает, что государство выстраивает собственные стратегии воспроизводства символической власти и господства [2, с. 97]. Одним из таких инструментов для России является «мягкая сила», которая реализуется посредством публичной и общественной дипломатии. Следует отметить, что закрепление и обозначение данных понятий во внешнеполитических документах появилось сравнительно недавно.

Концепция внешней политики 2016 г. поясняет, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам».

Однако в концепции внешней политики 2016 г. нет обозначения понятия «публичная дипломатия», но отражается понятие «сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач» [4].

В международном рейтинге 2018 г. Portland Communications «мягкая сила» России заняла 28-е место [5]. Одним из институтов реализации «мягкой силы» России является Россотрудничество у которого функционируют филиалы в 48 странах мира. Согласно документам Россотрудничества предполагается участие 45 стран в реализации комплекса мероприятий направленных развитие интеграции в Евразии, гуманитарное сотрудничество, поддержку соотечественников и экспорт российской образования [6]. В 2017 г. в РФ был определен список из 39 вузов участвующих в экспорте образования [7]. Согласно паспорту проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» предстоит развивать совместные образовательные программы, онлайн-платформы и усовершенствовать нормативную базу. *«В результате реализации проекта количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. в 2025 году, а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций — с 1 млн 100 тысяч человек до 3 млн 500 тысяч человек»* [8]. По итогам приемной кампании 2017 года квота приема заявлений на обучение в российских вузах от иностранных абитуриентов превысила в 6 раз количество квот. Вместе с тем, ряд направлений деятельности институтов российской публичной дипломатии в рамках утвержденных программ получит увеличение бюджета до 2020 г., например, на поддержку русского языка [9]. Фонд Президентских грантов в России занимается отбором проектов и финансирует заявки, в том числе в области публичной и общественной дипломатии. Особое внимание уделяется тематическим проектам, направленным на развитие актуальных форматов межрегионального и приграничного сотрудничества, а также участию молодежи стран ЕАЭС в образовательных проектах.

Таким образом, не смотря на ряд успехов в реализации образовательных проектов и в целом российской «мягкой силы» на евразийском пространстве можно выделить следующие особенности и дискуссионные моменты:

- 1) «Мягкая сила» России нуждается в идеологической рефлексии с последующей ревизией мер направленных на сопровождение внешнеполитической деятельности;
- 2) Инструменты публичной и общественной дипломатии необходимо адаптировать к внешним и внутренним изменениям на национальном и международном уровнях;
- 3) Формирование альянса на евразийском пространстве требует работы по установлению доверия и многостороннего сотрудничества по укреплению институциональных структур;
- 4) В условиях стремления Запада изолировать и фрагментировать формируемый альянс в рамках ЕАЭС актуализируется потребность в сравнительном изучении теории и практики применения политических технологий;
- 5) «Цифровая дипломатия» и информационное противостояние требуют ревизии подходов России и стран ЕАЭС к созданию инфраструктуры политики памяти;
- 6) Включить в интеграционную повестку вопросы, связанные с образованием и научной дипломатией;
- 7) «Мягкая сила» России и использование ресурсов НПО будет ограничено без формулирования системных задач и включения регионов в сопровождение внешней политики России.

Библиография

1. *Алексеева Т.А.* «Запад» и «не запад» в пространстве теории международных отношений / Т.А. Алексеева // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Vol. 17. № 2. С. 217–232.
2. *Войтоловский Ф.* Идеологическая рефлексия мировой политики. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/004.htm>
3. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / Под ред. П. Шампаня, Р. Ленуара, Ф. Пупо и М.-К. Ривьер. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 720 с.
4. Концепция внешней политики 2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
5. The soft power 30. A global ranking of soft power. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf>
6. Отчет о ходе реализации Публичной декларации целей и задач за I полугодие 2017 года. URL: <http://rs.gov.ru>
7. Правительство определило 39 вузов для экспорта российского образования URL: www.susu.ru/ru/news/2017/09/08/pravitelstvo-opredelilo-39-vuzov-dlya-eksporta-rossiyskogo-obrazovaniya
8. Утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» URL: cluster-nso.ru/news/utverzhdyon-pasport-prioritetnogo-proekta-razvitie-eksportnogo-potentsiala-rossiyskoy-sistemyi-obrazovaniya/
9. Постановление Правительства РФ от 20.05.2015 N 481 (ред. от 02.04.2016) «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016—2020 годы» URL: <http://rulaws.ru/goverment/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-20.05.2015-N-481/>

Большаков А.Г.**ФАКТОР УЧЕБНОЙ МИГРАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Исследования, проведенные рядом российских и зарубежных ученых, свидетельствуют о прямой зависимости между темпами экономического роста и уровнем образованности населения. По оценкам экспертов, увеличение бюджетных расходов на образование на 1 % ведет к росту ВВП страны на 0,35%. В современных условиях резкой интенсификации академической мобильности усиливается конвергенция образовательных систем разных стран, они неизбежно становятся похожими друг на друга, что свидетельствует об интернационализации образования. Достаточно вспомнить быстрые подвижки в образовательной сфере связанные с феноменом четвертой промышленной революции, переходом от модели «университета — 3,0» к модели «университета — 4,0». Одновременно между интегрированными группами стран резко обостряется конкуренция за обладание уникальными конкурентными преимуществами не только в экономике, но и в сфере образования.

Ведущие российские обществоведы (например, С. Глазьев) считают, что необходимо дополнить функционал ЕАЭС проведением общей научно-технической, промышленной, валютной политики, гармонизацией трудового законодательства, формированием общего образовательного пространства. Общее образовательное и шире — гуманитарное пространство — это способ налаживания эффективного диалога между представи-

телями различных культур. С точки зрения политологической важно, что достижение консенсуса между государствами на основе эффективного сопряжения образовательных и научно-технических политик — залог успешного функционирования единых рынков товаров, услуг и капитала.

Нельзя не согласиться с мнением академика, ректора МГУ В. Садовниченко, что «Евразийский проект — это не только экономика, но и гуманитарная сфера. Сегодня мы должны ставить вопрос о создании общего гуманитарного пространства Евразии. С тем, чтобы сохранить все лучшее, что дала нам общая история, и создать на ее основе нечто новое, уникальное, характерное только для Евразии». Представляется, что такой подход является методологическим ключом для осуществления современной гуманитарной политики в ЕАЭС, важнейшей частью которой является образовательная политика.

Наличия контингента иностранных студентов стало сегодня важнейшим показателем эффективности любого вуза Евразийского пространства. Такой показатель мы видим в большинстве международных (ARWU, THE, QS) и российских (Интерфакс, Эксперт РА, «московский») рейтингов. Очевиден экономический, политический и имиджевый эффект от обучения иностранных студентов. В процессе обучения происходит взаимное культурное обогащение различных народов.

Необходимо учитывать, что международные рейтинги не могут быть объективным критерием уровня развития образования в странах ЕАЭС. Индексация статей в коммерциализированных Scopus и Web of Science, цитируемость российских ученых в зарубежных (западных) изданиях, особенно в сфере социально-гуманитарного знания — это субъективные и ненадежные критерии, а вот фактор обучения иностранных граждан — это объективный, универсальный критерий. Если к вам в университет не приезжают иностранцы, то вы фактически не нужны мировому рынку образовательных услуг.

Рассмотрим учебную (образовательную) миграцию на примере Татарстана, как одного из продвинутых в экономическом плане регионов России. В 2015 г. в Татарстане принята Стратегия социально-экономического развития РТ до 2030 г. Согласно Стратегии, РТ будет необходимо удерживать позиции «миграционно привлекательного региона», успешно конкурируя за население, как с основными евразийскими центрами притяжения населения, поскольку в будущем роль миграции может возрасти вследствие неблагоприятной демографической динамики; данные 2017 г. уже подтвердили эту тенденцию — рождаемость в РФ и ее регионах стала опять уменьшаться.

Стратегия РТ («Магнит для лучших») включает в себя: организованное привлечение мигрантов в рамках соглашений, что дает увеличение миграционного прироста населения РТ до 10–15 тыс. в год к 2020 г., до 20–25 тыс. — к 2025 г.; обучение иностранных студентов и их последующее трудоустройство и закрепление в РТ (важно, поскольку мигранты не имеют, как правило, высшего образования); создание консорциума глобальных вузов: КФУ, КНИТУ-КАИ, КНИТУ-КХТИ, университета «Иннополис».

На апрель 2018 г. в РТ (преимущественно в Казани) было 10,4 тыс. студентов из 15 стран ближнего и 98 дальнего зарубежья. Больше всего — из Узбекистана, Туркменистана, Казахстана и Таджикистана. Среди стран дальнего зарубежья лидируют Индия, Китай, Ирак, Иран; самые популярные у иностранцев вузы — КФУ, КНИТУ-КАИ, КНИТУ-КХТИ и КГМУ. Однако, по статистике, отчисляются 35% иностранцев, а 15% прекращают учебу уже в первый год. Многие из них становятся нелегальными мигрантами, поэтому есть уже ограничения по количеству принимаемых студентов из некоторых стран для вузов, но тенденция притока «потенциально опасных» студентов сохраняется, их становится больше. Процесс должно жестко регулироваться, так как только в 2017 году

количество иностранных студентов в КФУ достигло 5 тыс. человек (это численность среднего провинциального вуза).

В федеральном университете планируется достичь в ближайшее время показателя в 10 тыс. человек. Есть студенты из БРИКС, но их относительно немного, основная масса — это Средняя Азия и Казахстан, далее — Центральная Африка. Из Казахстана приезжают в основном татары и русские, представителей Закавказья — немного, даже азербайджанцев, они предпочитают вузы Москвы и Санкт-Петербурга.

По данным опросов РТ является тем субъектом, который рассматривается как конечная точка миграционного транзита, что свидетельствует об экономическом потенциале и благоприятной социальной ситуации. В РТ люди привыкли к тому, что рядом с ними находятся другие, которые внешне, культурно и т.д. отличаются от местных жителей. Успешная адаптация способствует включению в учебный процесс, помогает повысить качество подготовки студентов.

Среди иностранных студентов есть лица, приезжающие в РФ для осуществления террористической деятельности, именно они представляют наибольшую угрозу. Выявить всех экстремистов при въезде полностью невозможно. В РТ наиболее активными являются такие террористические организации как «Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (все они запрещены в РФ). Их целевой аудиторией выступают трудовые мигранты и студенты из Средней Азии и Кавказа. Эти люди часто находятся в кризисных ситуациях связанных с адаптацией, для небольшой части характерны фрустрация, озлобление, когда их ожидания не реализуются на территории России.

В среде иностранных студентов существуют деструктивные конфликты, в том числе на основе этнической и религиозной ненависти, хотя собственно экстремизм — не частое явление (превалируют предубеждения, скандалы, драки). Примерами являются ссоры корейцев и китайцев, драки таджиков и узбеков из одного кампуса. По своей сути — это бытовые или иногда криминальные конфликты. Первые решаются в административном порядке за счет расселения конфликтующих, вторые регулируются правоохранительными органами.

Отношение старожильческого (местного) населения в регионах России к иностранным студентам пока преимущественно позитивное, общественное мнение воспринимает их как приехавших на «определенное время», «платящих валюту государству». Экстремизма и конфликтных деструкций относительно немного, но они уже есть, в большинстве случаев — это конфликты на бытовой почве, но есть и столкновения с расовой подоплекой.

Положение может измениться, после того, как значительная часть студентов будет оседать в поисках работы не только в российских столицах, но и регионах, этот процесс уже начался; положительное отношение старожильческого населения к иностранным студентам не отменяет наличие экстремистских групп, для которых преобладающим настроением является ксенофобия и физическое устранение приезжих; 16 февраля 2017 г. в Казани произошло убийство студента Махджуба Тиджани Хасана из Чада.

С 2014 г. в Татарстане на первый план вышли различные экстремистские группы правой направленности, их активность достаточно велика — особенно в Сети Интернет. В виртуальном пространстве идет, по сути, информационная война, обычно связано с таким концептом как «Стоп мигрант!». Если на территории Евразии происходит инцидент, связанный с мигрантами (убийство, теракт и др.), то в Интернет-пространстве пропагандируется межнациональная рознь. В РТ есть мигрантские группы, которые

ввязываются в виртуальные конфликты и начинают формировать негативное общественное мнение, такие же группы есть и среди студентов г. Казани.

Первоочередные меры для регулирования ситуации и поддержания стабильности видятся в рамках улучшения качества студентов (центры подготовки абитуриентов на территории ряда стран СНГ; обучение учителей на базе российских вузов); создание домов дружбы для иностранных студентов (программы адаптации, обучения русскому языку, основам права, истории России); мониторинг различных Интернет-ресурсов (мигрантские сообщества, право-радикальные группы, религиозно-радикальные группы и др.); разъяснительная работа среди студенчества (старожильческого и мигрантского).

**Волох В.А.
Суворова В.А.**

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИММИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Образовательная иммиграция — важный для России вид миграций, который оказывает серьезное воздействие на жизнь городов и регионов. Для отдельных городов иммиграция на учебу и на работу после окончания учебных заведений является основным видом миграционного движения населения [1].

Образовательная иммиграция, как вид миграции является одним из малоизученных аспектов сложного и многогранного политического и социального явлений миграции населения. В то же время в современных условиях исследование данного феномена становится настоятельной необходимостью, потому что сложная демографическая ситуация в стране, изменяется значимость самого образования, рассматриваемого в ситуации быстрого устаревания знаний, обострением конкурентной борьбы между вузами на рынке образовательных услуг.

Особенности образовательной иммиграции возможно определить через серию типизирующих факторов иммиграционного процесса, в изобилии представленных в различных статьях по миграции. Принимая во внимание общее деление миграционных процессов на три стадии (подготовительную, основную, заключительную) [2] учебную иммиграцию согласно А. Катровскому также возможно разделить на три этапа [3]:

1) подготовительная стадия — формирование территориальной подвижности. Может входить — информационный пакет о возможностях образовательной иммиграции (например, анализ общих (политических, демографических, экономических) характеристик региона и особенностей миграционных процессов в нем; проблемы (потребности) высших учебных заведений в анализируемом регионе) [4]; дистанционная сдача экзаменов; предварительное знакомство с учебными программами; поиск материальных средств на обучение и проживание в регионе, где происходит образовательный процесс и т.д.

2) основная стадия — переселение в центр (регион) получения профессионального образования. Она включает в себя собственно процесс переезда и связанные с этим особенности: регистрация в правоохранительных органах и образовательном учреждении, поиск места жительства и последующее вселение, предварительное знакомство с преподавательским составом и одноклассниками (одноклассниками, коллегами) и т.д.

3) заключительная стадия — приживаемость на новом месте. На данном этапе происходит интеграция и адаптация к новому месту пребывания, жительства, к населению, образовательному процессу и решение ряда других проблем.

Несмотря на то, что в СССР масштабы образовательной иммиграции были достаточно велики, в 90-е гг. прошлого века произошел значительный спад количества привлекаемых российскими вузами студентов из-за рубежа. Доля иностранных студентов в России в десятки раз ниже, чем в странах-лидерах по приему студентов из-за рубежа. Потенциал России по привлечению иностранных студентов реализован в незначительной степени.

В последние годы наблюдается рост числа обучающихся иностранных студентов в России, однако их абсолютная численность заметно ниже показателей конца 80-х гг. На долю студентов из новых независимых государств в настоящее время приходится более трети иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. На протяжении последних лет стабильно растет миграционный поток студентов из Казахстана, Белоруссии, Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана, Молдавии, Киргизии, Абхазии и Южной Осетии. Напротив, нестабилен или даже сокращается поток учебных мигрантов в Россию из Украины, Узбекистана, Армении и стран Балтии.

Если Россия не включится в активную политику по продвижению своих образовательных услуг, то потеряет часть потока студентов из-за его переориентации на другие государства. Действующий механизм распределения квот (государственных стипендий) служит скорее политическим инструментом, он лишь во вторую очередь способствует усилению конкурентных позиций российского образования в борьбе за студентов из новых независимых государств.

Наиболее крупными принимающими иностранных студентов странами мира являются США, Великобритания, Австралия, Франция, Германия. Например, на территории Соединенных Штатов в 2015 г. обучались около 660 тыс. иностранных студентов и аспирантов. Согласно данным ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), по численности обучающихся иностранных граждан Россия занимает 7 место в мире после США, Великобритании, Австралии, Франции, Германии, и Канады. В России получают высшее образование только почти 4% всех студентов, обучающихся за границей, в мире.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года [5] признается, что в стране слабо используется потенциал образовательной иммиграции. В этой связи в целях создания более благоприятных условий для привлечения иностранных учащихся в миграционное законодательство России вносятся изменения и дополнения.

Несмотря на принимаемые меры, привлекательность получения образования в России снижается из-за ограничений для занятости после завершения обучения. Кроме того, само понятие образовательная иммиграция законодательно пока никак не закреплено.

Сложность заключается также в том, что, изменить ранее полученный правовой статус, определяемый целью пребывания иностранным гражданам в России, например, с учебы на работу, крайне сложно, без обязательного выезда из страны.

Возможно, решением могло бы стать принятие в России отдельных норм, регулирующих образовательную иммиграцию, создание специального облегченного миграционного режима для иностранных учащихся и студентов, который бы предусматривал,

в том числе, право на их дальнейшее трудоустройство, как например, право пребывать в стране еще в течение 12 месяцев после окончания обучения для поиска работы.

Эффективная образовательная иммиграция может стать одним из механизмов решения проблемы управления миграционными процессами, потому что ее политические, экономические и социальные выгоды очевидны. Сейчас безусловный лидер на мировом рынке образования — США, контролирующая треть мирового финансового образовательного оборота. По данным ЮНЕСКО, в Швейцарии отмечается максимальное число иностранных студентов среди общего количества студентов университетов — 16%, в России этот показатель составляет около 1,5%.

Проводя более активную государственную политику в сфере образовательных миграционных процессов, Россия получает еще одну область сотрудничества с бывшими советскими республиками и, самое главное, новых молодых граждан, владеющих нужными специальностями, интегрированных в общество, знающих язык [6].

Даже если после окончания обучения выпускники-иностранцы вернуться на родину, Россия получит положительный результат: иностранный гражданин будет распространять в своей стране сведения о качестве российского образования, элементы российской культуры, технологии, а значит, появится перспектива создания совместных предприятий, использования российского оборудования, стандартов и др.

На перспективу необходимо отметить, что активизация России на образовательном пространстве новых независимых государств — это лишь один из шагов на пути к укреплению позиций страны как значимого игрока на международном рынке образовательных услуг. Игра на этом рынке предполагает вложения в привлекательность всех уровней российского образования (от школьного до послевузовского) и изменение самого характера академической мобильности студентов, преподавателей, административного персонала.

В связи с ухудшающейся демографической ситуацией, российские региональные вузы начинают конкурировать между собой за российских и иностранных абитуриентов/студентов, поскольку от этого зависит их существование и престиж. Пока, по данным ЮНЕСКО, число иностранных студентов среди общего количества студентов университетов составляет 1,5% (в Швейцарии — 16%), поэтому необходимо постоянно совершенствовать методы учета, контроля и стимулирования образовательной иммиграции, в том числе:

- проводить мониторинг иностранцев, действительно намеренных получить образование в России, и гибко регулировать количество бюджетных мест в вузах и средних специальных учебных заведениях для иностранных граждан и соотечественников;
- модифицировать систему виз, что позволит продлить срок пребывания в России и уменьшит финансовые затраты на приобретение легального статуса.

Управление процессами образовательной иммиграции необходимо сделать отдельным направлением государственной миграционной политики, разрабатывать и совершенствовать правовую основу с учетом особенностей данной сферы.

Иммиграционная политика России переживает новый этап своего развития. Концепция государственной миграционной политики России до 2025 года, а также законодательные поправки и нововведения, демонстрируют четкий разворот в управлении миграционными процессами в сторону максимизации экономической выгоды от образовательной иммиграции.

Библиография

1. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.
2. *Бреева Е.Б.* Основы демографии: Учебное пособие. М.: Дашков и К°, 2014.
3. *Бутов В.И.* Демография: Учебное пособие / Под ред. В.Т. Игнатова. М.: MapT, 2015.
4. *Быкова С.* А кто у нас друг? // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. № 8. 28 февраля 2015.
5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>
6. *Рязанцев С.В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2014.

Калиш Я.В.

МЯГКАЯ СИЛА: ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДРАЙВЕР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Европейский опыт экономической и политической интеграции свидетельствует о том, что одним из эффективных драйверов межгосударственной интеграции является «мягкая сила», осуществляемая на уровне основных институциональных органов интеграционного блока. Успешные практики осуществления механизмов «мягкой силы» для развития и продвижения интеграционного проекта включают в себя: создание специальных ведомств, нацеленных на осуществление политики «мягкой силы» (примеры ЕС, НАТО и др.); формирование позитивного имиджа интеграционного проекта и повышение информированности о нем (пример: ЕС — концепция европейских ценностей, публичная дипломатия, национальный брендинг); осуществление совместных проектов со странами-партнерами; создание привлекательных культурных, профессиональных и образовательных программ; взаимодействие с научными, профессиональными и общественными организациями и т.д.

Автором концепции мягкой силы является американский ученый, специалист в области международных отношений, Джозеф Най. Политика «мягкой силы» позволяет объединить гуманитарные ресурсы страны для решения определенных задач на чужой территории. Основными каналами воздействия «мягкой силы» являются массовая культура, образование, наука, туризм, молодежные программы, СМИ и др.

Цель «мягкой силы» для ЕС выражается в продвижении европейских демократических ценностей в сопредельных странах и расширении так называемой зоны мира и процветания. Эта цель достигается путем решения таких задач как:

- позиционирование ЕС как успешного экономического, социального и культурного проекта
- повышение привлекательности европейской социально-экономической модели
- содействие развитию «стран-соседей», в том числе посредством финансирования;
- информационное продвижение и социологические исследования мнений, имиджа ЕС и т.п.;
- работа с элитами стран соседей/партнеров.

В рамках ЕС разработана разветвленная система инструментов и институтов «мягкой силы». Еврокомиссия включает в себя систем Генеральный директорат по развитию и сотрудничеству (EuropeAid) и Генеральный директорат по образованию и культуре, нацеленные в том числе на развитие евроинтеграции через инструментарий «мягкой силы». С 1949 г. действует Совет Европы, нацеленный на межправительственное и межпарламентское сотрудничество. Разработан целый ряд масштабных международных программ, каждая из которых направлена на продвижение ЕС в той или иной сфере, например:

- проект «Восточное партнерство» — инициатива, направленная на развитие отношений с восточными соседями ЕС;
- техническое содействие и обмен информацией (TAIEX) — программа, направленная на поддержку соседей ЕС в приближении к законодательству ЕС;
- поддержка улучшения управления и менеджмента (SIGMA) — совместная программа ОЭСР и ЕС по содействию кандидатам на вступление в ЕС в реформах управленческой и административной систем;
- региональная коммуникативная программа — программа по повышению информированности о ЕС и отношениях ЕС с партнерскими странами;
- образовательные программы: Erasmus Mundus, Tempus, Jean Monnet и др.

Результаты применения ЕС «мягкой силы» видны невооруженным глазом: страны региона вступают и стремятся вступить в ЕС, для чего проводят существенные внутренние преобразования, создана внушительная сеть различных соглашений между ЕС и ее соседями, популярность ЕС в культурной, профессиональной и образовательной сфере остается на весьма высоком уровне и т.д.

В таких условиях ребром встает вопрос необходимости применения «мягкой силы» не только отдельными странами для реализации собственных интересов, но и в рамках ЕАЭС для продвижения интеграционного проекта. Фактически жизнеспособность ЕАЭС во многом зависит от его способности применять данные технологии. Еще несколько лет назад вступление Украины в некий евразийский союз рассматривалось вполне серьезно. На сегодняшний день, эта перспектива если не утрачена полностью, то является весьма отдаленной.

Политические идеалы западных демократий стали одним из действенных инструментов «мягкой силы», которым мало кто имеет, что противопоставить.

Для того чтобы ЕАЭС мог рассматриваться как мировой центр силы, он также должен обладать всем необходимым инструментарием «soft power»: СМИ, туристический кластер, образовательные и научные программы, миграционные программы, имидж.

На этом пути у ЕАЭС достаточно конкурентов. Например, крупномасштабную деятельность в евразийском регионе развернул Китай. Образовательные программы Китая становятся все популярнее среди различных стран евразийского региона, включая Россию, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан и др. Международная сеть Институтов Конфуция насчитывает десятки образовательных учреждений по изучению китайского языка и культуры. В Москве существует не один такой институт. Десятки млн юаней в год Китай выделяет на научно-техническое сотрудничество со странами Центральной Азии.

Следует отметить, что методы «мягкой силы» учитываются в политике Российской Федерации. Так, Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная 12 февраля 2013 г. стратегию «мягкой силы» в качестве эффективного инстру-

мента внешней политики для решения таких задач, как продвижение национальных интересов России за рубежом, укрепление позитивного имиджа (инвестиционного, туристического, образовательного и т.д.) России, защита национальных интересов и недопущение дискриминации Российской Федерации и стран-партнеров Российской Федерации на международной арене, продвижение русского языка как языка межнационального общения, противодействие становлению, деятельности и развитию институтов и организаций международного экстремизма и терроризма, недопущение пересмотра итогов Второй мировой войны и пр.

Спустя годы после принятия указанной Концепции приходится констатировать, что каких-либо значительных позитивных результатов применения инструментов «мягкой силы» не наблюдается. Тем временем эффективная реализация стратегий «мягкой силы» является жизненно необходимой для развития евразийского интеграционного проекта и, в частности, для:

- создания пояса дружественных стран и партнеров;
- продвижения и развития процессов евразийской интеграции;
- позиционирования и поддержки русского языка как языка межнационального общения в евразийском регионе;
- создания благоприятного имиджа (инвестиционного, туристического, образовательного и т.д.) ЕАЭС;
- создания условий для развития миграционных потоков в рамках ЕАЭС.

Выше упоминалось, что политика «мягкой силы» и публичной дипломатии недостаточно развита в рамках ЕАЭС. На сегодняшний день политика Российской Федерации в области реализации инструментов «мягкой силы» ограничивается деятельностью таких организаций, как Фонд Горчакова и Россотрудничество, а также рядом образовательных преференций и квот для иностранных студентов. Масштаб данных мероприятий ничтожно мал, а сами они не эффективны по сравнению с программами США, Китая, ЕС. Есть также ряд организаций, таких как Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, Фонд «Русский мир», однако их деятельность на международной арене почти незаметна. В последние годы больше внимания стало уделяться СМИ, ведущим свое вещание за рубежом, таким как телекомпания «Мир», Информационное агентство «Россия Сегодня» и др.

Однако в целом, реализуемые Россией программы в рамках реализации инструментов «мягкой силы» недостаточны для того, чтобы существенно воздействовать на востребованность России партнерами и населением зарубежных стран. Что касается политики ЕАЭС, серьезной разработки направления «мягкой силы» пока не наблюдается, так как большинство создающихся в рамках ЕАЭС негосударственных ассоциаций, сообществ и иных организаций носят довольно формальный характер, и реальных усилий по продвижению популяризации и развитию ЕАЭС через инструментарий «мягкой силы» не производится. В связи с этим полагаем важным создание отдельного подразделения ЕЭК, которое курировало бы вопросы «мягкой силы».

Христолюбова Н.Е.**ОБРАЗОВАНИЕ, КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Широко известно, что в основе практически всех политических процессов, явлений и событий лежат экономические интересы разных субъектов экономики. Потребность удовлетворить эти экономические интересы мотивирует и стимулирует к активным действиям, которые противоречиво влияют, как на отдельного человека, так и на общество, государства и их объединения, и мировое пространство. В тоже время политика, как самостоятельная сфера общественной деятельности, влияет на экономические процессы и фактически ими управляет. Таким образом, политика и экономика взаимосвязаны и взаимозависимы, так как они являются общественными подсистемами и их деятельность непрерывно сочетается в единое с социальной и духовной подсистемами.

России, в современных условиях нарастания санкционной политики стран Евросоюза, США и ряда других стран мира и вынужденных ответных российских контрсанкций, находится в поиске надежных партнеров, как по совместному созданию благоприятных, взаимовыгодных, безопасных и доверительных политических, военных, торгово-экономических, социальных отношений между странами-партнерами. Вместе с тем, для России возрастает актуальность в союзниках для совместного продвижения к новой цифровой экономике для того, чтобы на основе прорывных инноваций встроиться с принципиально новыми и конкурентными товарами, работами и услугами в международное разделение труда, и занять достойное место в мировом воспроизводственном процессе для устойчивого социально-экономического развития в национальных интересах.

Международное интегрирование с дружественными постсоветскими евразийскими странами придаст России дополнительный потенциал в модернизации ее социально-экономического пространства. Успешность данных интеграционных процессов объясняется тем, что, невзирая на более чем двадцатилетнее независимое их политическое, социальное, экономическое, научно-техническое обособленное функционирование остались еще основания для продолжения их взаимовыгодного и доверительного объединения в форме общей инфраструктуры (дороги, коммуникации, авиационное, морское и железнодорожное сообщение и пр.); общих социально-экономических проблем, которые необходимо оперативно решать; сохранившихся культурных, семейный и этнических связей; общего образа жизни, деятельности и мышления, в основе которых — общий русский язык и общая советская система образования, и система ценностей.

Для равных партнерских взаимовыгодных отношений у стран-партнеров, не зависимо от их размеров, должен быть адекватный современным требованиям научно-технического развития уровень социально-экономического развития. И условием этого общего прогресса необходимого для производства конкурентных новых товаров, работ и услуг является *общее для всех образовательное пространство*, которое на основе общего русского языка, теснее интегрирует их и совместно приведет в более развитое научно-техническое пространство, а тем самым делает отношения более взаимосвязанными и взаимозависимыми, а, следовательно, более прочными и долгосрочными.

Таким образом, ответить на современные вызовы мировой экономики более эффективно поможет создание общего евразийского образовательного пространства, которое станет основой решения важнейших политических, социально-экономических и психологических задач.

Во-первых, общее образование в странах-членах Евразийского союза создаст необходимую институциональную среду для доверительных и долгосрочных отношений между странами. По-нашему мнению, институт системы образования остался фактически *основным (если не единственным) эффективным и реальным инструментом*, который может укрепить механизм связи людей в отдельных уже независимых постсоветских государствах. Институт семьи в данных исторических условиях оказался менее эффективным, что объясняется психологическими, экономическими, социальными причинами, которые появились в постсоветских странах и обострились в период демократических реформ времени «парада суверенитетов».

Во-вторых, общее евразийское образовательное пространство создаст предпосылки для формирования и развития общих ценностей, объединенный потенциал которых интегрирует не только общие ресурсы и факторы производства, но и, что особенно значимо, повышает общий человеческий капитал всего содружества стран. Это позволит удерживать систему образования отдельных стран-членов и всего их союза на безопасном и конкурентном уровне на мировом рынке труда, а также открывает недоступные ранее перспективы для отдельных стран и их объединения современного устойчивого развития на основе внедрения достижений научно-технического прогресса и цифровизации экономики.

В-третьих, общее евразийское образовательное пространство не должно ограничиваться только специальными проектами и программами интеграции высшего профессионального образования, а, по нашему мнению, должно основываться на системе образования, охватывающей весь цикл жизни человека, начиная с раннего детского возраста и заканчивая программами переподготовки людей «третьего возраста». Распространение общего образовательного пространства на все возрастные группы населения повысит экономическую защищенность человека, качество его жизни, создаст более надежный и комфортный психологический и социально-экономический климат в странах-членах, повысит уровень толерантности.

В-четвертых, национальная безопасность, независимость и устойчивость современного социально-экономического развития государства фактически связана с созданием прорывных инноваций, широким их внедрением во все сферы жизнедеятельности человека, а также массовым восприятием в обществе и (обязательно) потребностью в новых товарах, работах и услугах. Для взаимовыгодных отношений между странами-членами Евразийской интеграции важно преодолеть в кратчайшие сроки существующий дисбаланс в уровне инновационной активности. Общее евразийское образовательное пространство будет эффективным инструментом в сближении их уровней и общего (совместного) наращивания инновационного потенциала. Поэтому для общего евразийского образовательного пространства, считаем, важно для его унификации создать *общие стандарты качества школьного и высшего профессионального образования*. Эти новые образовательные стандарты не будут способствовать потере национальных суверенитетов, а, наоборот, будут учитывать национальные интересы развития отдельных стран-членов евразийского союза. Для эффективного внедрения таких общих образовательных стандартов рационально провести ревизию и взять лучшее из советской системы образования, национальных систем образования и все это дополнить европейской системой образования.

В-пятых, для общего евразийского образовательного пространства необходимо, чтоб преподавание по важнейшим в настоящем и будущем общественным, гуманитарным и естественным наукам велось на русском языке.

Худоренко Е.А.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Процессы, происходящие на евразийском пространстве, можно разделить на два этапа: до 2014 года и после. Все, что имело место в первом периоде, проходило под флагом прагматических соображений взаимной выгоды и устранения трансграничных барьеров между государствами постсоветского пространства, экономика которых создавалась как единый народно-хозяйственный комплекс.

Однако после 2014 года, в условиях затяжного экономического кризиса, возрастающего давления на Россию и постоянного расширения санкций, аргументация экономической выгоды потеряла свою убедительность. Как справедливо отметил советник президента России, академик РАН, научный руководитель «Научного центра евразийской интеграции» Сергей Глазьев, эта аргументация «проигрывает националистическим и религиозным ценностям самоидентификации государств, духовная элита которых цепляется за собственную исключительность и относится к интеграции как к угрозе суверенитету» [2; 4].

Появилась еще одна тревожная тенденция: уровень поддержки евразийской интеграции в большинстве стран-участниц Евразийского экономического союза снижается уже четвертый год подряд. Согласно исследованиям Евразийского банка развития, представленным в докладе «Интеграционный барометр ЕАБР — 2017», уровень позитивного отношения к проекту постепенно снижается практически во всех государствах ЕАЭС. Так, в России отмечается падение с 78% до 68% населения; в Казахстане — с 80% до 76%; в Белоруссии — с 60% до 56%; в Армении — с 56% до 46% в 2015–2016 годах и с корректировкой вверх до 50% в 2017 году. Наиболее позитивное отношение к членству в ЕАЭС наблюдается в Киргизии — от 86% до 83% одобрения в 2016 и 2017 годах соответственно [1].

В создавшихся условиях к экономическим инструментам интеграции следует добавить и такие, которые напрямую воздействуют на жизнеопределение и духовное единство населения. Прежде всего, это — образование, наука и культура.

Следует признать, что для развития этих инструментов и задействования их с максимальной долей эффективности есть все возможности: субъектная и объектная база, на которой можно строить единую скоординированную образовательную политику.

Во-первых это — стратегические преимущества: высшие учебные заведения, не только государств-членов ЕАЭС, но и в широком смысле «евразийского пространства» (университеты Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Молдавии, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана), располагают «перекрестными» связями, которые остались с тех времен, когда наш народно-хозяйственный комплекс был единым, и система образования была одной из сфер этого комплекса. Они взаимодействуют в рамках двусторонних образовательных программ, обменов и стажировок студентов и профессорско-преподавательского состава.

Следующий канал налаживания гуманитарных связей — соотечественники: сегодня в ближнем зарубежье проживает около 20 млн русских и русскоязычных граждан государств-партнеров. Это плюсы.

Между тем, существуют и определенные негативные тенденции. С 90-х годов на постсоветском пространстве идет постепенное сокращение количества русских школ: из 20 тысяч их осталось лишь 7 тысяч. Число детей, обучающихся на русском языке, сократилось более чем на 2 млн человек, опустившись до цифры в 3,1 млн [7, с. 53]. Количество владеющих русским языком сократилось вдвое. Это серьезно обостряет ситуацию с развитием и продвижением образования на русском языке, и в недалеком будущем последствия процесса могут оказаться необратимыми.

Еще одной проблемой может стать сокращение количества студентов российских вузов из государств СНГ на фоне роста общего числа иностранных студентов.

Особенно это относится к абитуриентам из Казахстана, республики, граждане которой традиционно составляли большинство в этой группе.

Главная причина состоит в том, что из республики продолжается отток русскоязычного населения. С 1991 года Казахстан покинули почти 2,5 миллиона русских, к 2015 году их доля в составе населения снизилась с 51% до, примерно, 21%, а к 2025 году, по имеющимся прогнозам, она будет составлять не более 10% [3]. Эта статистика логично объясняет и сокращение числа казахстанских абитуриентов и студентов в российских вузах, поскольку в Россию получать образование едут в первую очередь те, кто ощущает в себе «кровную связь» с русским языком и русской культурой.

Но не только этим объясняется ослабление позиций русского языка в республике. Несмотря на то, что его официальный статус закреплен в Конституции Казахстана, он нивелируется другими законодательными актами и реализуемыми государственными программами.

Это, в частности, и положение о том, что к 2020 году весь документооборот должен производиться на государственном языке, и внедрение в образовательный процесс концепции трехязычия, предполагающей использование английского языка в качестве языка преподавания ряда серьезных дисциплин в старших классах.

Еще одним важным моментом является переход казахского алфавита с кириллицы на латиницу. Можно по-разному оценивать этот процесс. Но уже имеются примеры того, как подобные инициативы реализовывались в Азербайджане и Узбекистане. В первом случае был утерян значительный массив технической документации, написанной на кириллице. Опыт Узбекистана: до сих пор многие документы дублируются на кириллице, поскольку старшее поколение с трудом адаптируется к новому алфавиту.

Как пройдет языковая реформа в Казахстане, пока неизвестно, но некоторые ее последствия вполне предсказуемы. Так, политолог Султанбек Султангалиев считает, что неизбежным последствием перехода на латиницу может стать усиление чуждых настроений «русского» населения и рост эмиграции из страны уже в текущем году [5].

В целом относительно языковой ситуации в республике многие наши казахстанские коллеги отмечают, что в результате введения последних нормативных актов русский язык постепенно вытесняется из общественно-политической, хозяйственной жизни, из системы образования, области культуры и средств массовой информации.

«Общность культурного пространства была одним из трех китов наряду с энергетикой, оборонным пространством, которые связывали незримыми узами все страны СНГ. То, что этот блок подвергается эрозии, очень серьезный сигнал», считает Юрий Солозобов [6].

Формирование такого дееспособного, эффективного и устойчивого интеграционного объединения, как ЕАЭС, в котором гарантируются свободы перемещения не

только товаров, услуг, капитала, но и трудовых ресурсов, необходимо осуществлять гармонизацию политики в отношении образования и развития человеческого капитала. Осознание такой необходимости, понимание важности проблемы присутствует. Более того, по этому поводу на высоком уровне неоднократно озвучивались инициативы по созданию неких структур, которые способствовали бы формированию единого образовательного, гуманитарного и информационного пространства ЕАЭС, поскольку к компетенции Евразийской экономической комиссии эти вопросы, согласно Договору о ЕАЭС, не могут относиться.

В связи с чем, необходимо развивать сотрудничество в тех форматах, которые доступны нам — расширять и наполнять актуальным содержанием горизонтальные связи и профессиональные коммуникации с коллегами из вузов ближнего зарубежья. О необходимости создания совместной научно-образовательной инновационной инфраструктуры университетов, разработке и реализации совместных научно-исследовательских программ и проектов в области политологии.

Необходимо также создать условия для формирования системы грантов различного уровня. Стимулирующая роль грантов должна быть нацелена на реализацию научно-образовательных проектов направленных на совершенствование развития образовательной политики в ЕАЭС.

В области научной политики необходимо создавать экспертные советы из ученых политологов, объединенных желанием способствовать укреплению тесных и дружественных связей.

Особую важность представляет молодежное научно-образовательное сотрудничество на евразийском пространстве, направленное на содействие профессиональному росту молодых научных кадров на всем евразийском пространстве и обеспечение их дальнейшего становления в качестве движущей силы развития современной науки и высшей школы во всех странах интеграции.

Исключительно важным условием эффективной образовательной политики в регионе является принятие мер по поддержанию, укреплению и продвижению русского языка на постсоветском пространстве.

Библиография

1. Интеграционный барометр ЕАБР — 2017. Доклад Евразийского банка развития // С.П.: Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. 2017. № 46.
2. Интервью советника Президента Российской Федерации, академика РАН, научного руководителя «Научного центра евразийской интеграции» Сергея Юрьевича Глазьева корреспонденту Московского комсомольца от 29 декабря 2016 г.
3. *Лихачёв М.А.* «Великий и могучий» в языковой политике Казахстана / М.А. Лихачев. URL: <https://riss.ru/analitycs/17172/>
4. Общее образовательное пространство ЕАЭС как залог успеха евразийской экономической интеграции. URL: <http://www.mk.ru/migrants-in-russia/2016/12/29/obshhee-obrazovatelnoe-prostranstvo-eaes-kak-zalog-uspekha-evraziyskoj-ekonomicheskoy-integratsii>
5. Переход Казахстана на латиницу — это сигнал для России // Независимая газета. 13.04.2017.
6. *Соколай О.* «Латинизация» в Казахстане: Alea jacta est! URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2018-03-16--latinizaciya-v-kazahstane-alea-jacta-est-ii-35433>
7. *Немчинова Т.С., Музалев А.А.* Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 53.

Черевык К.А.**ПОЛИТИКА АРМЕНИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ИНВАЛИДОВ**

Говоря о политическом образовании, образовании в целом нельзя забывать о том, что огромное количество людей на планете сегодня испытывает проблемы с доступом к образованию как таковому, то есть не может реализовать свое право на него. Так, по оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), более 1 млрд людей (почти 15% населения мира) имеют какую-либо форму инвалидности. При этом более 100 млн инвалидов — это дети до 18 лет [3].

Что касается Армении, то в настоящее время в стране зарегистрировано более 200 тыс. человек с инвалидностью, что составляет примерно 7% населения страны. При этом дети до 18 лет с инвалидностью (потенциальные школьники) составляют 8,2 тыс. человек. В группе молодых людей (от 18 до 40 лет) (потенциальные студенты) инвалидов 24 тыс. человек [2]. Надо отметить, что в последние годы наблюдается тенденция роста доли детей-инвалидов (за 2013–2018 гг. она выросла с 1 до 4% от общего числа детей) [13; 2].

Законодательная база, определяющая государственную политику Армении в отношении инвалидов в сфере образования, включает в себя следующие документы: во-первых, это Конституция 2015 г., в которой запрещена дискриминация по признаку инвалидности, закреплено право инвалидов на социальное обеспечение, а стимулирование участия последних в общественной жизни объявлено одной из основных целей политики государства [11]. Во-вторых, это Закон “О социальной защите инвалидов” 1993 г., которым установлены гарантии прав инвалидов, в том числе на получение образования и профессиональное обучение, предусмотрены различные виды социальной защиты [16]. В-третьих, это Закон «Об образовании» 1999 г., определивший специальное образование как составную часть общей системы образования и доступность основного образования для детей с ограниченными физическими возможностями. Государство создавало для этого необходимые условия образования с целью коррекции отклонений в развитии и обеспечения социальной адаптации. Образование детей-инвалидов по выбору родителей могло осуществляться как в общеобразовательных, так и в специальных заведениях [6]. В-четвертых, это Закон об образовании лиц с потребностями в особых условиях образования 2005 г. В данном документе было дано точное определение инклюзивного образования и закреплена национальная политика и законодательная основа последнего в стране [8, с. 20].

В-пятых, это Закон об общем образовании 2009 г., который также содержит определение инклюзивного образования. В нем провозглашается всеобщее инклюзивное образование как гарантия обеспечения права каждого ребенка на образование. Политика инклюзивного образования объявляется такой, что направлена на обеспечение доступности, равных возможностей и качества образования [5]. Изменения, внесенные в 2014 г. в закон «Об образовании», предполагают переход до 2025 г. к всеобщему внедрению инклюзивного образования [17]. Наконец, это Конвенция ООН о правах инвалидов 2006 г., ратифицированная Арменией в 2010 г. В целом все вышеуказанные документы содержат положения о том, что инвалиды имеют одинаковые со всеми людьми свободы, права и обязанности, в т.ч. в сфере образования, а государство гарантирует их защиту. Отметим, что Армения придерживается европейской модели внедрения инклюзивного образования в школах. На постсоветском пространстве страна была первой, кто взял на вооружение эту систему [9].

На практике внедрение инклюзивного образования в школах Армении началось еще в конце 90-х гг. XX в. [8]. В 2003 г. оно использовалось в 5 школах страны, в 2008 г. — в 14 [7, с. 21], в 2013 г. — в 98 (в них обучалось 34% всех детей-инвалидов (2700 человек) [13], в 2015 — в 139 [10, с. 132–133], в 2016 г. — в 150, в 2017 г. — в 208 [15]. В целом, на сегодня инклюзией охвачена 1/7 часть школ страны.

Инклюзивная образовательная система в Армении сталкивается с рядом проблем. Большая их часть связана с неготовностью самого общества к инклюзии, что в целом типично для других стран евразийского региона. Кроме того часть родителей детей-инвалидов не осведомлены о правах своих детей на образование. Часто дети с особыми нуждами и образовательными потребностями признаются необучаемыми. Школы не подготовлены архитектурно к инклюзии детей в инвалидных колясках [8, с. 52]. В количественном плане с поступлением в школу с инклюзивным образованием существуют определенные ограничения [14]. Имеет место проблема подготовки и переподготовки педагогического состава. Наконец, ряд экспертов отмечает, что доступность действующих в республике инклюзивных школ зачастую сводится только к пандусу. В итоге их могут посещать только дети с легкой степенью инвалидности [12].

Что касается высшего образования, то здесь внедрение инклюзивного образования еще только предстоит. Пока что готовится соответствующая законодательная база, поскольку вузы страны сейчас практически не приспособлены для нужд студентов-инвалидов [4]. При этом студенты-инвалиды составляют около 1% всех учащихся вузов [1].

Таким образом, несмотря на определенный прогресс Армении во внедрении инклюзивного образования в школах, признанный на уровне ООН, стране еще многое предстоит сделать, особенно в сфере высшего образования, чтобы реализовать право инвалидов на образование в целом.

Библиография

1. Армянские девушки с инвалидностью поборются за корону (дата публикации: 29.02.2016). Режим доступа: <https://ru.armeniasputnik.am/armenia/20160229/2259763.html>
2. Ахназарян М. Права инвалидов де-юре и де-факто (дата публикации: 13.04.2018). Режим доступа: <http://golosarmenii.am/article/65023/prava-invalidov-de-yure-i-de-fakto>
3. В день борьбы за права инвалидов (дата публикации: 05.05.2018). Режим доступа: <http://www.armradio.am/ru/2018/05/05/в-день-борьбы-за-права-инвалидов/>
4. В этом году в вузы Армении поступили 59 студентов-инвалидов (дата публикации: 03.09.2004). Режим доступа: <https://armenpress.am/rus/news/540920/v-etom-godu-v-vuziy-armenii-postupili-59-studentov-invalidov.html>
5. Закон Республики Армения “Об общем образовании” от 23 июля 2009 г. № ЗР-160. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=100303
6. Закон Республики Армения “Об образовании” от 8 мая 1999 г. № ЗР-297. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7468
7. Инклюзивное образование станет обязательным (дата публикации: 24.10.2012). Режим доступа: <http://hetq.am/rus/news/19825/inklyuzivnoe-obrazovanie-stanet-obyazatelniym.html>
8. Инклюзивное образование: проблемы совершенствования образовательной политики и системы: Материалы международной конференции. 19–20 июня 2008 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
9. Интервью — Государственная политика по вопросам инвалидов в Армении базируется на социальной модели (дата публикации: 14.08.2008). Режим доступа: <http://newsarmenia.am/news/interview/exclusive-20080814-41929147/>
10. Камалян А.С. Психологические особенности инклюзивного образования в Армении // Современные проблемы и перспективы развития педагогики и психологии: сборник материалов 9-й международной науч.-практ. конф., (г. Махачкала, 24 января 2016 г.). Махачкала: Апробация, 2016. С. 132–133.

11. Конституция Республики Армения (принята 06.12.2015). Режим доступа: <http://www.president.am/ru/constitution-2015/>
12. Манукян К. Психолог: Инклюзивное образование в Армении организовано неправильно (дата публикации: 31.03.2016). Режим доступа: <http://arminfo.info/index.cfm?objectid=99FE8F80-F741-11E5-8E0B0EB7C0D21663>
13. Мартиросян А. Ашотян: в Армении с 2014 года начнется реализация инклюзивного образования (дата публикации: 15.12.2012). Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/217281/>
14. Мартиросян А. UNICEF: каждый пятый ребенок-инвалид в Армении не посещает детский сад и школу (дата публикации: 17.10.2012). Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/214228/>
15. Мицеян А. Генрих Мхитарян: Дети с ограниченными возможностями имеют право на инклюзивное образование (дата публикации: 01.09.2017). Режим доступа: http://arminfo.info/full_news.php?id=27135&lang=2
16. Саргсян М. Социально-трудовая обстановка в Республике Армения (дата публикации: 25.10.2010). Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=6382>
17. Инклюзивное образование — неременная основа существования социально ориентированного общества (дата публикации: 13.10.2016). Режим доступа: https://aspu.am/ru/content/inklyuzivnoe_obrazovanie_nepremennaya_osnova_sushchestvovaniya_sotcialno_orientirovannogo_obshchestva/#sthash.XljfefhV.6BkKHrhm.dpuf

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Бойко И.В.

РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА И НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ РОССИИ

Мир переживает самый сложный период слома миропорядка, сложившегося после второй мировой войны. Это главный вызов, с которым столкнулось сегодня человечество. И это главное направление мобилизации передовых интеллектуальных ресурсов всех стран мира. Все остальные процессы: от конфликта в Украине до торговой войны между США и Китаем являются проявлениями разрушения данного миропорядка. При такой постановке основной проблемы, угрожающей стабильному развитию мирового сообщества, вполне закономерно предположить, что выход из стремительно нарастающей глобальной конфликтности возможен только при условии формирования нового международного, прежде всего экономического, порядка. Это, в свою очередь, предполагает формирование новой мировой технологической системы, которая может создать условия для качественного роста мировой экономики и на этой основе — усиления интеграционного взаимодействия между странами и укрепления торгово-экономического взаимодействия между ними. В этой связи уместно вспомнить слова лауреата Нобелевской премии по экономике Саймона Кузнеця: «Меняющийся ход экономической истории может быть разделен на эпохи, каждая из которых определяется эпохальной инновацией, создающей особые условия для экономического роста» [2]. Именно поэтому сегодня необходимо ответить на главный геополитический вопрос: что представляет собой новая мировая технологическая система, с чего и как начать процесс ее формирования и какова геополитическая роль России в этом процессе.

При определении контуров новой мировой технологической системы следует понимать, что ее основное предназначение — изменение структуры региональных и национальных экономических систем и, на этой основе, формирование новой системы международного разделения труда, по сути, новой мировой экономической системы. Иными словами, в основе новой мировой технологической системы — изменение региональных (кластерных) и национальных технологических систем, способствующих преодолению препятствий на пути экономического развития. В этом новом общемировом контексте вполне адекватно Президентом РФ В.В. Путиным поставлена основная стратегическая задача и для российской экономики — изменение структуры российской экономики и снижение ее опасной сырьевой зависимости.

Поскольку в средствах массовой информации представлено ложное представление о сущности структурной реформы следует еще раз сделать акцент на том, что изменение структуры экономики должно пониматься как постепенное замещение добычи и экспорта сырья высокотехнологичными товарами с высокой добавленной стоимостью. Здесь также важно понимать, что это не столько отраслевая проблема, как это было в XX веке, сколько проблема территориально-пространственная.

Другим гносеологическим заблуждением, препятствующим принятию практических решений, является отождествление структурных реформ с модернизацией отраслевой структуры экономики. На смену отраслевым приоритетам в реструктуризации экономики приходят территориально-пространственные приоритеты. Кстати упомянуть о том, что регионализация, зачастую определяемая как поиск национальной идентичности (политики называют этот процесс «политическим популизмом региональных элит»), становится новым общемировым трендом, но в то же время отвечает особенностям современного технологического процесса. Как мы отмечали ранее: «регионализация (локализация) современного развития является общемировой тенденцией, которая чаще всего проявляется как стремление регионов в отдельных странах мира к получению полной или частичной самостоятельности. Это формирует конфликт между национальным центром и регионами, а также усиливает дезинтеграционные процессы как в отдельных странах, так и в мировой экономике в целом, на поверхности эти процессы представляются как политические противоречия, но в их основе — глубокие системные экономические проблемы» [1, с. 107]. Таким образом, способность управлять региональными процессами и создавать условия для усиления внутринациональной и межнациональной реинтеграции становится одним из тех главных вызовов, на которые должно ответить мировое сообщество.

Таким образом, технологическое обновление мировой экономики, создание условий для качественно нового роста, способствующего оздоровлению мировых финансов и восстановлению торгово-экономических связей между странами, является главным вызовом современности. Именно на этой основе должна сформироваться новая система международного разделения труда и определиться новая страна-лидер, как это случилось в первой половине XX века, когда США перехватили доминирование в мировой экономике от слабеющей Великобритании. Высокую значимость лидерства в процессе технологического обновления подчеркивал и известный экономист Йозеф Шумпетер, который сравнивал процесс обновления мировой экономики с процессом формирования пчелиного роя, когда новые лидеры притягивают все больше участников инновационного процесса, делая обновление общества необратимым. Именно в данном вопросе — лидерства в мировом технологическом и экономическом обновлении — Россия должна определиться в самое ближайшее время. От этого зависит и ее внутренняя экономическая и политическая устойчивость.

Великий Адам Смит начал свое исследование экономики с изучения процессов разделения труда. Первая часть его знаменитой книги «Исследование о природе и причинах богатства народов» (*An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*) так и называется «О разделении труда» («*Of the division of labour*»), где он объяснял, что для технологического и экономического прорыва необходима концентрация лучших людских сил на решении четко идентифицированных задач, сдерживающих экономический рост и общественный прогресс. Сегодня именно то время, когда Россия должна предложить миру направление мобилизации лучших интеллектуальных ресурсов планеты для преодоления опасных проблем, в том числе экономических, с которыми столкнулось человечество.

Библиография

1. *Бойко И.В.* Основы инновационного развития и новой экономики: Учебное пособие. Университет ИТМО. СПб., 2015. С. 107.
2. *Kuznets Simon.* Modern Economic Growth: Findings and Reflections. Prize Lecture // Lecture to the memory of Alfred Nobel, December 11, 1971. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economics/1971/kuznets/lecture/>

Иванов В.Г.

СУВЕРЕННЫЕ КРЕДИТНЫЕ РЕЙТИНГИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ И В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Как известно, на сегодняшний день существует ряд влиятельных регулярно публикуемых рейтингов инвестиционных рисков, прежде практически не рассматривавшихся в качестве политического инструмента. Многообразные системы ранжирования условно делятся на рейтинги общего странового (политического) риска и более узкие рейтинги кредитного (суверенного) риска. Процессы интеграции и глобализации финансовых рынков и рынков капитала, необходимость повышения эффективности управления рисками, снижения волатильности рынков и стандартизации финансовых продуктов привели к развитию и широкому использованию рейтингов как инструментов сравнительного анализа финансовой устойчивости отдельных стран, их административных образований, экономических субъектов, а также конкретных финансовых инструментов. Среди наиболее авторитетных и влиятельных рейтинговых структур на сегодняшний день можно выделить в первую очередь американские агентства Standard & Poor's, Moody's и Fitch Ratings, находящиеся в Нью-Йорке и Бостоне, а также оценки некоторых экономических журналов (например, Euromoney).

Суверенные кредитные рейтинги были созданы для того, чтобы определять и прогнозировать способность национальных правительств обслуживать и погашать государственный долг. Высокий кредитный рейтинг облегчает странам, регионам, банкам и компаниям заимствования на рынке ценных бумаг. Широкое распространение получили ковенанты, обязующие стороны учитывать рейтинги в своей деловой активности. В итоге возникла ситуация, при которой на рынке ценных бумаг крайне сложно избежать услуг рейтинговых агентств, а эмитенты вынуждены им платить. Ведущими рейтинговыми агентствами также присваиваются и кредитные рейтинги по национальной шкале (в основном для использования на развивающихся рынках со спекулятивными или относительно низкими инвестиционным суверенными рейтингами по международной шкале).

До конца 1990-х гг. деятельность агентств по составлению кредитных рейтингов государств и компаний оценивалась очень высоко, правительства развивающихся стран связывали с вхождением в рейтинговые системы позитивные изменения для своих экономик. Однако Азиатский кризис, а потом и кризисы 2008, 2010 и 2012 гг., «упущенные» агентствами «большой тройки» привели к нарастанию разочарования в сложившейся системе. Накопилась критическая масса ошибок и сомнительных реше-

ний, подрывающих доверие к авторитету и компетентности ведущих агентств. Кроме того, становится все более заметно, что они нередко приобретают характер инструмента давления на правительства и компании развивающихся стран. Занижение рейтингов развивающихся стран и национальных компаний подталкивает правительства к проведению определенных политик, что приводит к снижению финансового суверенитета национальных экономик.

Как утверждает компания Moody's, кредитные рейтинги агентств представляют собой «мнения о кредитном качестве отдельных долговых обязательств или об общей кредитоспособности какого-либо эмитента». При этом агентства определяют страновые потолки, «суммирующие общие риски по стране». Корпоративные рейтинги оказываются привязаны к суверенным рейтингам стран и автоматически снижаются вслед за ними.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что кредитные рейтинги могут быть эффективным инструментом внешнеполитического давления. Понижение суверенного кредитного рейтинга страны одним из ведущих рейтинговых агентств на один пункт в рамках стандартных процедур само по себе обычно приводит к финансовым потерям (в случае РФ, по оценкам ряда экономистов, 6–12 млрд долл. в год. Однако в том случае, если понижение позиции страны превращается в системную политику, т.е. становится экономическим оружием, нацеленным на дестабилизацию национальной экономики, потери могут быть многократно больше.

Многочисленные вопросы вызывает и методология расчета рейтингов, открывающая широкий простор для манипулирования данными. Оценки стали включать в себя большое количество самых разнообразных категорий и переменных, многие из которых являются «качественными», т.е. основанными сугубо на экспертной оценке, а их взаимосвязь с платежеспособностью правительств по своим обязательствам представляется непропорциональной и неоднозначной. К тому же, агентства нередко выходят за рамки собственных критериев оценки. Проблема в том, что рейтинги агентств могут сознательно противоречить как реальным экономическим данным, так и собственной методологии расчета. Для возможности обоснования любых конъюнктурных рейтингов в них заложен значительный запас пространства для манипулирования данными. Так, в эконометрических, инвестиционных рейтингах большое внимание уделяется не собственно экономической, а политической составляющей, в первую очередь речь идет об оценках политического риска, что увеличивает политизацию и субъективизм итоговой оценки. В итоге обычно происходит занижение рейтингов развивающихся стран и их компаний и завышение рейтингов развитых стран. Удивительно, но суверенный рейтинг сравнительно слабо коррелирует с долговой нагрузкой, в то же время велика корреляция с уровнем ВВП на душу населения.

Обращает на себя внимание и то, что агентства «большой тройки» явно являются адептами неолиберальной экономической политики. Чтобы получить приемлемую оценку в рейтингах, страны и корпорации должны строить свою политику на западных принципах и стандартах, что ведет к ограничению национального суверенитета. Слишком тесная связь между корпоративным и суверенным рейтингами не позволяет инвесторам адекватно отличать суверенный риск от риска отдельных компаний. Мы видим, что скоординированное снижение агентствами рейтинга компаний «страны-жертвы» может сыграть такую же роль, что и открытое введение санкций, перекрыв компаниям источники внешнего финансирования.

Вполне естественные с точки зрения рыночной целесообразности устремления агентств к монополизации, сговору, росту прибыли при снижении издержек негативно

влиять на качество их профильной деятельности. Рынок рейтингов имеет высокую рентабельность, но при этом сравнительно низкую прозрачность и уровень конкуренции, как следствие, неизбежно открывается широкое пространство для злоупотреблений и капитализации — т.е. получения оплаты и преференций как от отдельных компаний, так и от правительств. В случае своих ошибок, рейтинговые агентства и организации не несут никакой ответственности, кроме репутационной.

Сегодня, как отмечает Я. Миркин, «манифестируется все более заметный конфликт интересов между коммерческой природой рейтинговых агентств и принципом независимости и честности рейтинга. Финансовые рынки столкнулись с парадоксом, когда изменения рейтинга (как частного мнения, выраженного рейтинговым агентством) могут вести спаду на глобальном рынке» [1, р. 116].

Недостаточно высокий уровень прозрачности и достоверности суверенных рейтингов ведущих американских агентств указывает на то, что они используются во многом как средство легитимизации и поддержания иерархии, сложившейся в глобальной капиталистической экономике, а также как удобный инструмент для «взлома» национальных экономик, в особых случаях трансформируемый в эффективное «экономическое оружие», обладающее, к тому же, потенциалом дестабилизации политических режимов вследствие значительного влияния внешнеэкономических параметров стран и их долговой устойчивости на политическую стабильность.

Убедительной иллюстрацией здесь выглядит пример «ограниченного дефолта» Аргентины, объявленного агентствами «большой тройки» летом 2014 года и сыгравшего важную роль в победе на президентских выборах, состоявшихся в следующем году, проамериканского кандидата Маурисио Макри. В то же время рейтинговые агентства могут и закрывать глаза на реальные признаки дефолта отдельных стран, если того требует политическая целесообразность. В связи с этим актуализируется вопрос о значении и специфике вспомогательной роли «рейтинговой силы» в рамках общей стратегии текущей экономической и санкционной войны западных стран против России, направленной на дестабилизацию политической ситуации в нашей стране.

Прямой, юридически закрепленный контроль над ведущими рейтинговыми компаниями дает США не только экономические возможности выгодного заимствования на внешних рынках и продвижения интересов своих компаний, но и наделяет американское правительство потенциалом власти легитимной номинации и классификации, побуждающей, а то и весьма болезненно принуждающей другие страны (включая союзников по НАТО) согласовывать с США свою экономическую и социальную политику. Суверенный рейтинг США имеет максимальное значение независимо от экономической ситуации и размеров внешнего долга. Рейтинги американских регионов нередко рассчитываются по особой методологии, отличной от всех других стран. Как только аналитическое агентство Standard & Poor's в 2011 г. взяло на себя смелость понизить непоколебимый экономический рейтинг США, глава компании Д. Шарма был вынужден уйти в отставку из-за незамедлительно последовавшего давления американского Минюста. Таким образом, в силу оказываемого США давления, возможности агентств давать более взвешенные и объективные оценки, а значит, повышать качество своей работы, могут быть ограничены. Мы видим, что, создавая и поддерживая глобальную «рейтинговую инфраструктуру» американское правительство не собирается отпускать ее на самотек и предоставить компаниям полную независимость, но старается оставлять за собой возможность влиять на итоговые оценки. Поэтому возможные разногласия и конфликты американского руководства с рейтинговыми организациями обычно заканчиваются не в пользу последних.

Конечно, рейтинговые агентства способствуют сокращению хаоса на глобальных рынках. Но с позиции стран, не включенных в ядро капиталистической миросистемы, они все чаще рассматриваются как механизм «мягкого» влияния, наднационального контроля и управления. Для того чтобы получить приличное место в рейтинге и привлечь внешнее финансирование на приемлемых условиях странам приходится принимать навязываемые глобальные правила игры, при этом от них может требоваться не только экономическая, но и политическая лояльность.

Библиография

1. *Mirkin Ya.M.* Regulation of the Global Financial Sector // Global «Perestroika». Transformations of the World Order / Ed. by A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. M.: VES MIR Publishers, 2015. P. 116.

Шургалин И.А.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: О ПРИМЕНИМОСТИ ТЕОРИИ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Создание Европейского Союза, конец холодной войны, падение Берлинской стены и распад СССР ускорили процессы глобализации. В то же время размытие границ, усиление влияния транснациональных корпораций и международных неправительственных организаций ставит перед мировым сообществом проблему обновления концепций глобальной политики. Великая рецессия конца 2000-х — начала 2010-х годов, волна международного терроризма, кризис Еврозоны, Брексит, миграционные проблемы, рост влияния лево- и правопопулистских партий ставят перед многополярным мировым порядком все более и более комплексные проблемы.

Академическое сообщество предложило различные подходы к объяснению глобального миропорядка, включая оценку изменения уже существующих институтов транснационального управления, разработку новых форм глобального менеджмента [5, p. 169–181] и анализ новых государственных игроков в глобальном управлении [8, p. 557–577]. Между тем многие авторы обратили внимание на структуру и форму нового мирового порядка, увидев предпосылки для обновления самой парадигмы глобальной политики и международных отношений, выдвинув проект нормативной политической теории — космополитическую демократию (англ.: *cosmopolitan democracy*). В качестве основной цели он предполагает глобализацию демократии, и, соответственно, демократизацию процесса глобализации [1, с. 267–271].

Космополитическая теория демократии предлагает применение демократических стандартов на глобальном уровне. Большой энтузиазм в распространении новой теории вызвали работы Д. Хелда и Д. Аркибуджи [3]. Разработка сильной сети взаимосвязанных и взаимозависимых транснациональных институциональных механизмов, укрепленных демократической автономией, наряду с углублением демократии во всех странах, и формирует основу идею авторов [6]. В равной мере авторы пытаются избежать и утопического подхода, признавая, что по ряду вопросов национальные интересы по-прежнему преобладают над глобальными проблемами [1, с. 267; 7]: если возрастающая

координация в принятии международных решений скорее подчиняется интересам различных игроков нежели демократическим процедурам [2].

Рассматривая перспективы построения глобального демократического мира, теоретики космополитической демократии отмечают, что «трансформация глобальной политики также порождает прогрессивные перемены во внутренней политике» [4]. Международная политика влияет на внутреннюю, способствуя улучшению функционирования и укреплению национальных политических институтов, тем самым, порождая перемены не только на глобальном, но и на локальном уровне.

Однако, могут ли недемократические страны оказывать более сильное влияние на функционирование глобальных институтов? Хотя страны запада проявляют готовность лидировать, возможности региональных лидеров, таких как страны БРИКС, продолжают расти. С одной стороны, мы наблюдаем установление на мировой арене крупных развивающихся государств, ставящих под сомнение доминирование США и Европы в политических и экономических вопросах. Новые акторы пытаются бросить вызов общему западному подходу к решению глобальных проблем (участие России в сирийском конфликте, усиление Ирана и т.д.). С другой стороны, из года в год новый глобальный мировой порядок становится более взаимозависимым, что приводит к трудностям в его управлении.

Идея космополитичной демократии, применяемая к анализу демократической трансформации, несет в себе более общий и нормативный вопрос, чем эффективность и легитимность глобального управления. Должны ли транзитные страны играть по правилам западного мира только потому, что он представляет пример стабильной демократии? В какой мере эти правила должны быть изменены в соответствии с особенностями пост-авторитарных стран? Идея построения демократии представляется осуществимой и перспективной в случае, если, применяя космополитическую теорию, мы сможем соотнести процессы глобализации и демократизации, справедливо оценив особенности каждой транзитной демократии.

Библиография

1. *Аркибуджи Д.* Надежды на глобальную демократию как вызов XXI века // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Европа, 2010. С. 267–280.
2. *Archibugi D.* Cosmopolitan democracy: a restatement // Cambridge Journal of Education. 2012 Vol. 42(1), pp. 9–20.
3. *Archibugi D., Held D.* Cosmopolitan Democracy: An Agenda for a New World Order. Cambridge: Polity Press, 1995.
4. *Archibugi D., Held D.* Cosmopolitan Democracy: Paths and Agents // Ethics & International Affairs. 2011. 25 (4). P. 433–461.
5. *Hale T., Held D.* Gridlock and Innovation in Global Governance: The Partial Transnational Solution // Global policy. 2012 3 (2), P. 169–181.
6. *Held D.* Models of Democracy. Cambridge: Polity Press, 2006.
7. *Held D.* Democracy and the Global Order. From Modern State to Cosmopolitan Governance. Cambridge: Polity Press, 1995.
8. *Krickovic A.* “All Politics Is Regional”: Emerging Powers and the Regionalization of Global Governance // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations: October-December. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 557–577.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамова Марианна Григорьевна** (Москва) Заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ист.н., доцент
- Азнагулова Гузель Мухаметовна** (Уфа) Заведующая кафедрой теории государства и права, первый заместитель директора института права Башкирского государственного университета, д.ю.н.
- Алексашина Мария Геннадьевна** (Москва) Аспирантка кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
- Аль-Дайни Мария Ахмедовна** (Москва) Доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, канд. полит. н.
- Артамонова Юлия Дмитриевна** (Москва) Доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.филос.н., доцент
- Асеев Сергей Юрьевич** (Барнаул) Доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, к.ист.н.
- Барсенков Александр Сергеевич** (Москва) Профессор кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, д.ист.н.
- Барсуков Александр Михайлович** (Новосибирск) Заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. полит. н.
- Баскервилль Стивен** (США) Профессор Колледжа имени Патрика Генри
- Белозеров Василий Клавдиевич** (Москва) Заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета, докт. полит. н.
- Беспалова Татьяна Викторовна** (Москва) Руководитель отдела государственной культурной политики, ведущий научный сотрудник Российский научно-исследовательского Института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, д.филос.н., доцент
- Бирюков Сергей Владимирович** (КНР) Профессор центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, докт. полит. н., профессор
- Биссио Беатрис** (Бразилия) Декан факультета политологии Федерального университета Рио-де-Жанейро
- Бобылев Владимир Владимирович** (Сочи) Доцент кафедры всеобщей истории Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов, канд. полит. н.
- Бойко Ирина Викторовна** (Санкт-Петербург) Профессор кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д.э.н., доцент
- Болдин Владимир Алексеевич** (Москва) Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
- Большаков Андрей Георгиевич** (Казань) Заведующий кафедрой конфликтологии института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, докт. полит. н., профессор
- Боровинская Дарья Николаевна** (Сургут) Доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета, к.филос.н.
- Бубнов Александр Юрьевич** (Москва) Доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ист.н.

- Вакулова Татьяна Владимировна** (Севастополь) Доцент кафедры истории института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, канд. полит. н.
- Василенко Ирина Алексеевна** (Москва) Профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, докт. полит. н.
- Ведерникова Мария Игоревна** (Москва) Аспирантка центра культурологических исследований Института Европы РАН
- Вершинина Ирина Михайловна** (Москва) Заместитель руководителя научно-издательского центра Института Латинской Америки РАН, доцент кафедры геополитики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, к.э.н.
- Ветренко Инна Александровна** (Омск) Заведующая кафедрой политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, руководитель лаборатории социально-политических исследований, докт. полит. н., профессор
- Вилков Александр Алексеевич** (Саратов) Заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, докт. полит. н., профессор
- Внукова Любовь Борисовна** (Ростов-на-Дону) Старший научный сотрудник лаборатории политических исследований Южного научного центра Российской академии наук, канд. полит. н.
- Волох Владимир Александрович** (Москва) Профессор кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления, докт. полит. н., доцент
- Габеркорн Алена Игоревна** (Сургут) Ассистент кафедры политико-правовых дисциплин института государства и права Сургутского государственного университета
- Гаврилов Сергей Дмитриевич** (Волгоград) Ассистент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета
- Гоекел Роберт** (США) Профессор политологии Государственного университета Нью-Йорка в Дженесео
- Головин Юрий Алексеевич** (Ярославль) Заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, д.полит.н, профессор
- Гончаров Игорь Анатольевич** (Сыктывкар) Заведующий кафедрой социально-политических наук и международных отношений Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, д.филос.н., профессор
- Горбачев Михаил Валерьевич** (Саратов) Доцент кафедры истории, политологии, социологии Саратовской государственной юридической академии, канд. полит. н.
- Гуторов Владимир Александрович** (Санкт-Петербург) Заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д.филос.н., профессор
- Дан-Чин-Ю Елена Юрьевна** (Москва) Старший преподаватель кафедры политологии, истории и социальных технологий гуманитарного института Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II, канд. полит. н.
- Дергунова Нина Владимировна** (Ульяновск) Профессор кафедры гуманитарного и поликультурного образования Ульяновского государственного педагогического университета, докт. полит. н., профессор
- Дринова Елена Михайловна** (Волгоград) Доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, к.филос.н.
- Дроботушенко Евгений Викторович** (Чита) Декан исторического факультета Забайкальского государственного университета, заведующий кафедрой политологии, к.ист.н., доцент
- Евгеньева Татьяна Васильевна** (Москва) Доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ист.н., доцент
- Емельянов Антон Игоревич** (Москва) Доцент кафедры политологии института Международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, канд. полит. н.

- Жаде Зуриет Анзауровна** (Майкоп) Заведующая кафедрой теории, истории государства и права и политологии юридического факультета Адыгейского государственного университета, докт. полит. н., профессор
- Жилкин Андрей Дмитриевич** (Москва) Соискатель кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
- Жихаревич Михаил Ефимович** (Псков) Заведующий Центром гражданского образования Псковского областного института повышения квалификации работников образования, к. филос. н., доцент
- Жуков Дмитрий Сергеевич** (Тамбов) Доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, к. ист. н.
- Завершинский Константин Федорович** (Санкт-Петербург) Профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, докт. полит. н., профессор
- Заляев Рустем Ильханович** (Казань) Доцент кафедры конфликтологии института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. полит. н.
- Зверев Андрей Леонидович** (Москва) Доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. полит. н.
- Знаменский Дмитрий Юрьевич** (Москва) Доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления, канд. полит. н., доцент
- Зуляр Юрий Анатольевич** (Иркутск) Декан исторического факультета Иркутского государственного университета, д. ист. н., доцент
- Иванов Владимир Геннадьевич** (Москва) Доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, докт. полит. н.
- Иванов Олег Борисович** (Москва) Руководитель центра урегулирования социальных конфликтов
- Иванова Мария Геннадьевна** (Москва) Ассистент кафедры политического анализа и управления факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, к. филос. н.
- Ильин Александр Юрьевич** (Петрозаводск) Доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Петрозаводского государственного университета, к. филос. н., доцент
- Кадочников Алексей Николаевич** (Санкт-Петербург) Директор центра экологической политики ЛГУ имени А.С. Пушкина, к. физ.-мат. н.
- Казанцев Дмитрий Анатольевич** (Барнаул) Преподаватель кафедры политологии Алтайского государственного университета
- Казаринова Дарья Борисовна** (Москва) Доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, канд. полит. н.
- Калиш Ян Викторович** (Москва) Преподаватель кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, канд. полит. н.
- Капто Александр Семенович** (Москва) Заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН, д. филос. н., профессор
- Карабущенко Павел Леонидович** (Астрахань) Профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, д. филос. н., профессор
- Карипов Балташ Нурмухамбетович** (Казахстан) Профессор кафедры всеобщей истории и философии Кокшетауского государственного университета имени Ш.Ш. Уалиханова, докт. полит. н.
- Каряпкина Юлия Дмитриевна** (Саратов) Аспирантка кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
- Кашина Евгения Александровна** (Москва) Аспирантка кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

- Керимов Александр Алиевич** (Екатеринбург) Заведующий кафедрой политических наук Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, канд. полит. н., доцент
- Кириенко Сергей Владиленович** (Москва) Первый Заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации
- Кирсанова Екатерина Геннадьевна** (Москва) Ассистент кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. полит. н.
- Клиппенштейн Елена Валериевна** (Петропавловск-Камчатский) Декан факультета повышения квалификации специалистов и дополнительных образовательных услуг населению Камчатского государственного технического университета, к.соц.н., доцент
- Комлева Наталья Александровна** (Екатеринбург) Директор Центра геополитического анализа, докт. полит. н., профессор
- Кононов Роман Викторович** (Москва) Магистрант кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Кочетков Александр Павлович** (Москва) Профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, д.филос.н.
- Кущенко Сергей Владимирович** (Новосибирск) Заведующий кафедрой истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, д.филос.н., доцент
- Лагузова Мария Андреевна** (Москва) Студентка кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
- Ледовская Екатерина Витальевна** (Санкт-Петербург) Бакалавр факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета
- Летуновский Петр Васильевич** (Смоленск) Заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил Российской Федерации, докт. полит. н.
- Маковская Дарья Владимировна** (Севастополь) Заместитель директора, ведущий научный сотрудник НОЦ «Международные политические исследования Большого Средиземноморья» Севастопольского государственного университета, канд. полит. н.
- Марков Евгений Алфеевич** (Череповец) Профессор кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы Череповецкого государственного университета, докт. полит. н., доцент
- Мартынов Михаил Юрьевич** (Сургут) Заведующий лабораторией социологических и правовых исследований, профессор кафедры политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа-Югра, докт. полит. н., доцент
- Мизулин Михаил Юрьевич** (Москва) Доцент кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, к.филос.н.
- Михайленок Олег Михайлович** (Москва) Руководитель отдела исследования социально-политических отношений центра политологии и политической социологии Института социологии РАН, докт. полит. н., профессор
- Михайлов Игорь Владимирович** (Тамбов) Доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, к.ист.н.
- Михеев Валентин Александрович** (Москва) Профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д.ист.н., профессор
- Мостяев Юрий Николаевич** (Рязань) Доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, к.ист.н.
- Несоленая Алина Кирилловна** (Москва) Доцент кафедры «Политология, история и социальные технологии» Российского университета транспорта (МИИТ), канд. полит. н.
- Нечаев Дмитрий Николаевич** (Воронеж) Заведующий кафедрой социологии, политологии и гуманитарных дисциплин Воронежского филиала РЭУ имени Г.В. Плеханова, докт. полит. н., профессор
- Овчарова Ольга Геннадиевна** (Москва) Профессор кафедра политической социологии Российский государственный гуманитарный университет, докт. полит. н., доцент
- Окунь Мария Васильевна** (Москва) Аспирантка кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

- Пасс Павел Сергеевич** (Москва) Аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
- Пашковский Петр Игоревич** (Симферополь) Доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, канд. полит. н.
- Петровичева Елена Михайловна** (Владимир) Директор гуманитарного института Владимирского государственного университета, д.ист.н., профессор
- Пинюгина Елена Викторовна** (Москва) Научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации, канд. полит. н.
- Подшибякина Татьяна Александровна** (Ростов-на-Дону) Докторант кафедры теоретической и прикладной политологии института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, канд. полит. н.
- Попова Анна Владиславовна** (Москва) Профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации, д.ю.н., доцент
- Попова Юлия Вениаминовна** (Омск) Доцент кафедры политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, к.ист.н., доцент
- Поцелуев Сергей Петрович** (Ростов-на-Дону) Профессор кафедры теоретической и прикладной политологии института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, докт. полит. н.
- Радина Надежда Константиновна** (Нижний Новгород) Профессор департамента социальных наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ — Нижний Новгород, докт. полит. н., профессор
- Рамазанова Фатима Мухтаровна** (Белгород) Соискатель кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
- Рогожина Наталия Григорьевна** (Москва) Главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации НИИ мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, докт. полит. н.
- Савенков Роман Васильевич** (Воронеж) Доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, канд. полит. н.
- Самойленко Петр Юрьевич** (Владивосток) Доцент департамента коммуникаций и медиа школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, канд. полит. н.
- Саркисян Оганес Лаврентьевич** (Армения) Заведующий кафедрой политологии Российско-Армянского (Славянского) университета, к.филос.н., доцент
- Сеидов Шахрутдин Гаджиалиевич** (Пенза) Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета, докт. полит. н.
- Сейидов Шарафутдин Гаджиалиевич** (Дербент) Сотрудник Дербентского педагогического колледжа, к.филос.н.
- Селезнева Антонина Владимировна** (Москва) Доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, докт. полит. н.
- Селиванова Елена Сергеевна** (Воронеж) Доцент кафедры «связи с общественностью» Воронежского государственного технического университета, канд. полит. н.
- Сельцер Дмитрий Григорьевич** (Тамбов) Директор Академии гуманитарного и социального образования, профессор кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, докт. полит. н.
- Сидорова Галина Михайловна** (Москва) Заместитель директора Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, докт. полит. н.
- Сиражудинова Саида Валерьевна** (Махачкала) Доцент кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета, канд. полит. н.

- Соболев Владимир Андреевич** (Москва) Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
- Соловьев Александр Иванович** (Москва) Заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, докт. полит. н., профессор
- Сорокин Сергей Эдуардович** (Архангельск) Проректор по социальным вопросам и воспитательной работе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, канд. полит. н., доцент
- Степанов Вячеслав Петрович** (Орел) Заведующий кафедрой социальной антропологии и этно-национальных процессов Орловского Государственного университета имени И.С. Тургенева, д.ист.н., профессор
- Столетов Олег Владимирович** (Москва) Старший преподаватель кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. полит. н.
- Суворова Вера Александровна** (Москва) Доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления, канд. полит. н.
- Тарасов Илья Николаевич** (Калининград) Заведующий кафедрой политики, социальных технологий и массовых коммуникаций Балтийского федерального университета имени И. Канта, докт. полит. н., профессор
- Темирболат Бакытжан Берикбаевич** (Казахстан) Заведующий Общим отделом Администрации Президента Республики Казахстан, канд. полит. н.
- Тимофеева Лидия Николаевна** (Москва) Профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, докт. полит. н., профессор
- Толкунов Никита Сергеевич** (Саратов) Аспирант кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
- Труханов Виктор Александрович** (Саратов) Профессор кафедры истории, социологии политики и сервиса Саратовской государственной юридической академии, докт. полит. н.
- Ункуров Эдуард Юрьевич** (Элиста) Младший научный сотрудник отдела социологических исследований Института комплексных исследований аридных территорий
- Усалко Олег Владимирович** (Элиста) Доцент кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова, канд. полит. н.
- Усманова Заира Романовна** (Москва) Доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, канд. полит. н.
- Федоркин Николай Семенович** (Москва) Заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д. филос. н., профессор
- Хордецки Бартош Маркович** (Польша) Адъюнкт департамента медийных систем и права СМИ факультета Политических Наук и Журналистики в Университете имени Адама Мицкевича в Познани
- Христолюбова Наталья Евгеньевна** (Москва) Научный сотрудник лаборатории «Механизмов финансово-промышленной интеграции» ЦЭМИ РАН
- Худоренко Елена Александровна** (Москва) Заместитель заведующего, доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. полит. н.
- Цзыци Сунь** (Москва) Преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. полит. н.
- Цыбаков Дмитрий Леонидович** (Орел) Профессор кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, докт. полит. н., доцент
- Чанышев Александр Арсеньевич** (Москва) Доцент кафедры политической теории факультета управления и политики МГИМО МИД Российской Федерации, к. филос. н., доцент
- Чепель Сергей Львович** (Москва) Доцент департамента политологии факультета «Социология и политология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, к. ист. н., доцент

- Черевык Константин Антонович** (Москва) Доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ист.н.
- Черкасова Татьяна Павловна** (Ростов-на-Дону) Декан факультета политологии Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону), д.э.н., профессор
- Черняховская Юлия Сергеевна** (Москва) Ведущий научный сотрудник Института природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачева, канд. полит. н., доцент
- Черняховский Сергей Феликсович** (Москва) Профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, докт. полит. н., профессор
- Шаповалов Владимир Леонидович** (Москва) Заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (МГГУ) имени М.А. Шолохова, к.ист.н., доцент
- Шашкова Ярослава Юрьевна** (Барнаул) Заведующая кафедрой политологии факультета политических наук Алтайского государственного университета, докт. полит. н., профессор
- Ширинянц Александр Андреевич** (Москва) Заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, докт. полит. н., профессор
- Шмелева Ольга Юрьевна** (Нижний Новгород) Доцент кафедры прикладного политического анализа и моделирования института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, к.ист.н.
- Шуликов Алексей Олегович** (Петропавловск-Камчатский) Старший преподаватель кафедры менеджмента Камчатского государственного технического университета
- Шургалин Иван Анатольевич** (Италия) Докторант департамента экономических, социальных и политических наук Урбинского университета имени Карло Бо
- Щеглова Дарья Владимировна** (Воронеж) Доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, канд. полит. н.
- Щенина Ольга Геннадьевна** (Москва) Старший научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений центра политологии и политической социологии Института социологии РАН, канд. полит. н.
- Щербинина Нина Гаррьевна** (Томск) Профессор кафедры политологии философского факультета Томского государственного университета, докт. полит. н., доцент
- Юденков Юрий Николаевич** (Москва) Доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.э.н., доцент
- Юрченко Виктор Михайлович** (Краснодар) Советник ректора, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета, д.филос.н., профессор
- Юрченко Инна Вадимовна** (Краснодар) Профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, докт. полит. н., профессор
-
-

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И В МИРЕ**

**МАТЕРИАЛЫ III СЪЕЗДА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ**

Москва, 10–12 сентября 2018 г.

Электронное издание

ISBN 978-5-19-011567-3

Составитель *В. А. Соболев*

Под общей редакцией *А. Ю. Шутова, С. Г. Еремеева, В. И. Якунина, И. И. Кузнецова*
Компьютерная верстка *Л. В. Тарасюк*

Материалы представлены в авторской редакции

Макет утвержден 03.12.2020. Формат 60×90/8.
Уч.-изд. л. 33,5. Усл. печ. л. 52,375. Изд. № 11671.